

МУСАГИТ
ХАБИБУЛЛИН

Сказание
о КАЗАНИ
и ДОЧЕРИ
ХАНА

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2005

УДК 820/89 (470)
ББК 84 (2 Рос=Тат.)-44
X 12

Хабибуллин М.

X 12 Сказание о Казани и дочери хана: Роман; Чертово городище: Роман. — Казань, Татарское книжное издательство, 2005. — 608 с.

Книга включает в себя два романа М.Хабибуллина. В первом автор рассказывает о зарождении города Казани как будущей столицы булгар. Это времена удельных княжеств и эмиратов, междоусобных войн, становления тюркской культуры. Роман «Чертово городище» сюжетно продолжает начатую тему. В нем выводится образ гениального Кул Гали, описана история отношений ханской дочери и зодчего и, наконец, рассказано о начале нашествия монголо-татар. Все эти события далекого XIII века становятся зримыми благодаря ярким характеристам, захватывающему сюжету.

Сказание
о КАЗАНИ
и ДОЧЕРИ
ХАНА

Секретарь двора болгарского хана Хафиз поставил на столик золотую чернильницу, острейшим ножом заточил гусиное перо и, сложив ноги калачиком, сел около стола, положил перед собой необычной белизны бумагу и задумался, глядя в одну точку.

В тронном зале было тихо и спокойно. Салим-хан не зашел и сегодня, спозаранок отправился к строителям, воздвигающим новый дворец. Торопится хан, хочет как можно быстрее построить дворец, удивив весь мир. Величественный дворец, поднявшийся на самом высоком берегу Большой Итили, возвысит и славу хана. Слава Аллаху, очередь уже за отделочниками. Хафиз знает: Салим-хан подолгу останавливается около каждого камнереза и художника-отделочника, дает мастерам советы, если не приглянется тот или иной орнамент. Салим-хан стоит, покачивая головой, возле некоторых мастеров подолгу, оценивая работу. И если работа мастера пришлась ему по душе, хан не прочь повысить тому жалованье. А будет резчик противиться его указаниям, он без долгих проволочек прогонит его прочь. Особенно любит Салим-хан следить за работой отрока, сына раба, придворного зодчего Алпара. Дивился он искусству отрока, из-под руки которого не раз выходили такие узоры, что невозможно было остаться равнодушным. Если юноша уже сейчас наносит такие узоры, то что же будет потом, когда он станет взрослым? Как только хан подходит к отроку, зодчий Алпар украдкой бросает взгляд в их сторону. Гордится искуснейший из мастеров Алпар своим сыном Даураном. И как не гордиться! Сын творит такое, что повергает в зависть самых именитых резчиков. Впрочем, чему же удивляться, если сам Алпар терпеливо обучал его с самых ранних лет?

Этого юношу родила Туйбике — дочь тархана города Саксин. Некогда она была второй женой Салим-хана. Первая его жена страдала падучей. А Туйбике, прожив с ханом три года, так от него ни разу и не понесла. Возможно, по этой причине Салим-хан отдал ее рабу своему. Зодчий Алпар с радостью принял Туйбике. Согласно мусульманскому обряду, они совершили никах. Жених, уже не молодой и не

очень богатый, одарил священнослужителей как мог и устроил хороший праздничный обед.

Узнав о том, что хан хочет отдать ее за своего раба, Туйбике поначалу очень расстроилась, но, пожив новой жизнью, перестала таить обиду на хана и даже, напротив, была ему благодарна. Потому что она скоро полюбила мастера, да так, что каждый раз с нетерпением ждала его прихода домой.

Вскоре и Салим-хан женился на Зубаржат — дочери кипчакского хана, которая подарила хану двоих сыновей. Каждого сына Салим-хан принимал с радостью. Через несколько лет Зубаржат снова обрадовала его — родила дочь. Хан сам дал дочери имя, нарек ее Назлыгюль.

В ту же ночь, почти в те же предрассветные часы Туйбике родила сына. Прознав про это событие, Салим-хан хотел было дать рабу своему Алпару вольную, да не решился, подумав, что тот покинет дворец, и отказался от своего намерения. Ведь самые лучшие дома в великом городе строил зодчий Алпар. Чужеземные купцы, приезжавшие в Булгар, поражались его великолепию. Многие желали перекупить ханского зодчего, однако Салим-хан всем отказывал. А к Алпару относился все лучше и лучше, позволил для семьи раба, виданное ли дело, построить дом, щедро одаривал зодчего со своего стола. И одежда раба Алпара ни в чем не уступала одеянию многих придворных. Но, тем не менее, мастер Алпар оставался рабом Салим-хана. По завершении строительства каждого здания зодчий Алпар просил у Салим-хана свободы. Куда там! Салим-хан и слышать о том не желал. Отчаявшись, мастер мог бы и сбежать. Многие рабы так поступали. Но тут Салим-хан пошел на хитрость — отдал мастеру свою Туйбике.

Выйдя замуж за зодчего, Туйбике словно живой воды испила: налилась румянцем, похорошела и вдобавок, как бы в отместку хану, родила сына. После рождения сына раб Алпар утихомирился. Хану донесли: дескать, как только отрезали сыну пуповину, отец вложил ему в ручонку молоток, оттого, говорят, ребенок и вырос беспримерным мастером.

Салим-хан со дня воцарения ретиво стал строить города, посему получил от народа прозвище хана-строителя. Однако лишь ближе к старости он решил осуществить свою давнюю мечту — построить дворец невиданной доселе красоты. Это дело поручил он, разумеется, искуснейшему зодчему своему — Алпару. И вот на берегу Итили — Волги вознесся в великом городе ханский дворец, сверкая словно драгоценный камень. Уже заканчиваются отделочные работы. Дело это нешуточное, ибо облик дворца — лицо страны. Каков дворец, таков и хан. Поэтому Салим-хан почти ежед-

невно приходил к мастерам. И каждый раз замечал около зодчего Туйбике. С восхищением взирал он на ее расцветшую красоту. Хотя прошли годы и Зубаржат принесла хану троих детей, Салим-хан иногда тоскливо глядел на Туйбике, которая была когда-то его женой. Нет, легкая печаль наплывала не от желания хотя бы мысленно вернуть прежнюю жену и даже не от ревности к своему рабу. Скорее всего хан в эти моменты задавал себе вопрос: отчего так похорошела Туйбике. Слава Аллаху, оба сына, которых родила Зубаржат, стали взрослыми, Салим-хан отдал им во владение два города, сделал их эмирами. Теперь они сами воспитывают сыновей. Подрастает Назлыгюль. Позволит Аллах, и хан выгодно ее выдаст замуж. Время до свадьбы есть. Еще молода дочь, успеется, как говорят: «Юная девица не состарится, мед не зачерствеет».

Салим-хан, сев на болгарский трон, добился многого. Самое главное, восстановил мир с владими́ро-суздальским князем, своим западным соседом, отношения с которым при прежних ханах часто портились. Причинами были то торговые споры, то пограничные стычки. Дело, бывало, доходило до военных столкновений. Полностью отношения с соседом наладились после того, как Салим-хан выбрал для младшего сына своего, Ильхама, невесту из княжеского рода — девицу Марию.

Укрепив с помощью брачного союза северо-западные границы, Салим-хан обратил внимание на юго-восточные рубежи. И увидел: эти границы совершенно не охранялись. Хан приказал построить по берегам Камы и Яика сторожевые города. К этому делу он приступил после того, как к нему обратились кипчакские племена, угнетаемые соседями и согнанные со своих земель. Салим-хан пожаловал им землю для заселения, разведения скота, хлебопашества, выделив луговое побережье Итили и Яика. Кипчаки и болгары близки по языку и обычаям-обрядам, поэтому болгары с большой охотой приняли родственные племена.

Другой заботой Салим-хана было оживление торговли с Табгачем, Бухарой, Римом, Киевской Русью, Новгородом, Ургенчем и даже с Дамаском. И приложил хан для этого немало стараний.

Самым же главным было то, что с восшествия Салим-хана на престол никто не пошел войной на Булгар. Правда, немногочисленные дружины князя Володимира изредка беспокоили пограничные аулы-крепости, но большой ссоры не затевали. Сын, эмир Хаджа, стремясь укрепить северо-западные границы, обустроил бывшую крепость в верховьях реки Казанки. И черемисскому беку, опасавшемуся усиле-

ния князя Володимира, помог Салим-хан укрепить главный город.

После этого и настала пора осуществить давнюю мечту Салим-хана — построить прекрасный дворец.

Наблюдать за возведением дворца в ханской семье любили все. Увязавшись за отцом и матерью, приходила на стройку и ханская дочь Назлыгюль.

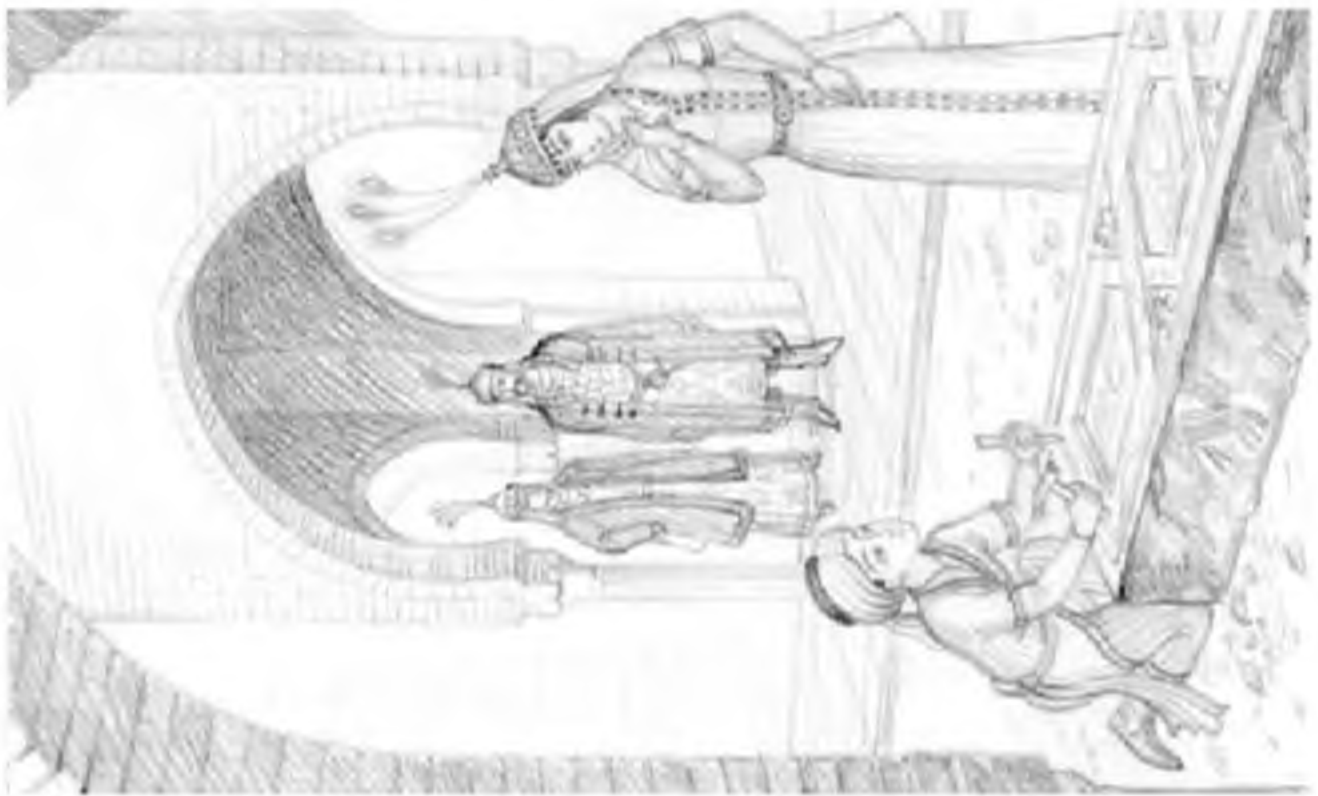
Здесь и увидел в первый раз ханскую дочку сын зодчего Алпара Дауран. Увидел и обомлел — до того прекрасна была ханская дочь, что отрок, позабыв о резце, не смог отвести от нее глаз. И лишь, поймав на себе злобный взгляд ханбике, тут же возобновил работу. А взгляд красавицы изумленно блуждал по прекрасной каменной резьбе. Лишь проследив за взглядом матери, Назлыгюль обратила внимание на мастера-резчика. Лицо, брови, ресницы юноши были припорошены каменной пылью.

С того дня душа Даурана устремилась к ханской дочери.

Салим-хан долго рассматривал узоры, вырезанные юным мастером и, наконец, произнес:

— Вот кто в будущем воздвигнет булгарам величественные здания!

После этих отцовских слов Назлыгюль внимательнее посмотрела на юного мастера. Все движения его гибкого тела были красивы, каждая мышца, орошенная потом, говорила о силе и энергии. Как бы там ни было, начиная с этого дня ханская дочь в сопровождении отца или матери часто приходила к мастерам-резчикам, украшающим дворец. Останавливалась она и возле юного мастера. Сердце юноши при виде девушки трепетало, словно крылья мотылька. В ожидании девушки он волновался, нервничал, в растерянности поглядывая в сторону ворот, откуда она должна была появиться. В те дни, когда он не видел красавицу, кусочка не мог проглотить, по ночам мучила его бессонница. А когда приходила Назлыгюль, невольно опускал юный мастер глаза, не в силах открыто смотреть на нее. И правда, от нее струился свет, вся она сияла, затмевая все, и даже величание дворца. Луна могла бы устыдиться при появлении ханской дочери. Будто частицу солнца дарила она, согревая душу отрока, и, чувствуя это тепло, руки его переносили на камень ту большую любовь, которая бушевала в его сердце. Эта чудо-резьба, сотворенная Даураном, вызывала восхищение, радость, ощущение чуда. Люди, видя его работу, цокали языками, дивясь силе Аллаха, который дал мастеру возможность являть чудеса во имя хана Булгара. Но невдомек было им, что творила эту дивную красоту любовь...

Назлыгюль, хотя была еще ребенком, уже знала, что такое любовь. Ханский секретарь и ее учитель Хафиз часто читал ей рассказы о любви и однажды прочитал сказание из книги Сулеймана Сувари «Сияние лучей — истина тайн» о прекрасной взаимной любви, раздувшее еще большее пламя в сердце девушки. Назлыгюль могла бы целыми днями любоваться искусными узорами, выполненными Даураном, да только мешала мать. Зубаржат не желала, чтобы дочь находилась рядом с юным мастером, и спешила скорее увести ее. Да, резчик не смел смотреть в глаза ханской дочери, но его смятение не могло остаться незамеченным и лишь раздувало пожар в сердце Назлыгюль. А ведь учитель Хафиз говорил ей, что обмен влюбленных взглядами имеет четыре смысла: желание души, равенство душ, наличие секрета, ключ от сердца.

Одним своим взглядом ханская дочь отдала мастеру Даурану ключ от своего сердца, объяснила желание своей души, дала почувствовать свое влечение к нему душой и плотью, заставила догадаться о том, что у нее есть тайна, которую надо поведать ему. Слово все слышат, все понимают, тогда как взгляды влюбленных понимают лишь двое. Правда, взгляд этот могут перехватить другие, но он для них часто остается непостижимой тайной. Перекрестные взгляды дочери и юного зодчего заметила ханбике, и они начали выводить ее из себя. Остальные пока ни о чем не догадывались, даже Салим-хан, а вот Зубаржат, будучи матерью, почувствовала зарождающуюся любовь. Ханбике испугалась и заторопилась уйти. И, конечно, не оставила дочь одну. Но было поздно — сердце Назлыгюль было уже несвободно. На обратном пути дочь спросила у матери:

- Иняй*, как зовут этого юного мастера?
- Раб он, деточка, раб твоего отца. И отец его раб наш.
- Мой учитель говорит: если он дитя адамово, то, пусть и раб, он должен иметь свое имя.
- Тебе ни к чему знать его имя, Назлыгюль.
- А кто его мать? Она тоже рабыня?
- Зачем тебе еще нужна стала его мать! — ханбике Зубаржат дернула дочь за руку.
- Я знаю его мать, иняй, мой учитель сказал...
- К чему расспросы, коль знаешь? — ханша не заметила, как невольно ударила свою дочь по щеке.

Назлыгюль не заплакала, не закрыла лицо руками, лишь чуть заметно усмехнулась и взглянула на мать.

*И н я й — у древнейших тюрков — богиня, в семье — мама.

— Рабы они, и мать, и отец, и сын. Рабы твоего отца! — крикнула в раздражении Зубаржат.

— Учитель мой говорит, что у любого человека бывает имя, данное ему отцом и матерью, имя человека!

— Зачем тебе понадобилось его имя? Зачем?!

— А я знаю его имя. Знаю!

— А если знаешь, почему доводишь мать до изнеможения своими расспросами?

Схватив дочь за руку, ханбике повлекла было ее за собой, но Назлыгюль высвободила руку и пошла вперед.

Да, ханская дочь Назлыгюль все знала. Дочь тархана Туйбике, бывшая замужем за ее отцом — Салим-ханом, не может быть рабыней. В таком случае и сын ее не является рабом. «Не является!» — крикнула в сердцах Назлыгюль, быстрыми шагами удаляясь от матери.

Зубаржат не ревновала Салим-хана, только где-то в глубине души что-то тлело по отношению к бывшей жене хана. Ни дыма, ни пламени в этих чувствах не было, однако, когда она увидела подростка сына Туйбике и к тому же поняла, что дочь Назлыгюль тянется к нему, тлеющий огонек ревности начал разгораться. Когда стала ворошить в памяти прошлое, вспомнила странные обстоятельства.

В ночь, когда она родила Назлыгюль, Салим-хан, услышав о родовых схватках Туйбике, послал к ней дворцовую повивальную бабку. Виданное ли дело, сам хан послал к бывшей жене повитуху. А ведь не должен был посылать, давным-давно она была замужем за рабом Алпаром, сколько воды утекло с тех пор, сколько годков прошло... Видно, хан до сих пор неравнодушен к Туйбике. Видит Зубаржат, что Салим-хан выделяет и юношу-мастера и даже вроде гордится им. А Назлыгюль, что вытворяет девчонка? — глаз не сводит с юного резчика. Ханбике Зубаржат увидела сегодня, как в душе ее дочери зреет розовый бутон будущей любви. Знает ханша: это еще не сжигающая страсть, а всего лишь наивно-простая девическая влюбленность. Но если этот бутон в детской душе вдруг распустится?... Это и вызывало страх Зубаржат за судьбу дочери, и было причиной ее невольной пощечины.

Вернувшись во дворец, ханбике сразу же прошла к Салим-хану.

— Хан мой, у меня к тебе есть серьезный разговор.

— В чем дело, душа моя?

— Ты видел, Салим-хан, как этот мальчишка-резчик смотрит на нашу дочь? Да и она отвечает ему взглядами.

— Ну и что, Зубаржат? Они же еще дети, пусть смотрят.

— Да как же ты не понимаешь, мой хан? Привязаться

они могут друг к другу, а там и до любви недалеко. Разве нужен тебе зять-резчик? Ханский сын тебе в зятя нужен, а не раб-строитель.

— Это я понимаю. Чего же ты сейчас хочешь?

— Сделай что угодно, но резчик не должен больше так пристально и долго смотреть на нашу дочь. А еще лучше, чтобы они вообще не встречались.

— Как же это я сделаю?

— Очень просто — посади резчика в зиндан. Пусть отдохнет и остынет. Может, и забудет Назлыгюль.

— Хорошо, я прикажу сделать так, как ты просишь.

Вызвав начальника караула Таймаса, Салим-хан, хотя и испытывал легкое неудобство, приказал караулбаши поместить резчика Даурана в темницу. Приказ тут же был беспрекословно выполнен. Юноша так и не понял, за что его заперли в зиндане.

2

В великий город дошла весть о том, что убит купец Улуг Мухаммеда, шаха Хорезма, Садак, неделю назад прибывший с караваном в столицу Болгарии. Из ханских рук он получил ярлык, чтобы проникнуть за товарами в Страны Мрака. Салим-хан потерял спокойствие. В спешном порядке он вызвал во дворец визиря Исхака. Когда перед троном возник длинный и худющий с тубетежкой на голове визирь, Салим-хан грубо спросил его:

— Кто убил посла Улуг Мухаммеда, визирь?

— Хан, правильно ли слышат мои уши? Как я знаю, Садак не посол, а купец, он ехал за товаром в Страны Мрака.

— Возможно, в твоих устах правда, но как воспримут это люди Ага-Базара?

— Примут как подобает, хан. Ибо насилие порождает ложь.

Произнеся эти слова, визирь Исхак, засомневавшись в верности их, бросил взгляд на ханского секретаря Хафиза. Телохранители хана в ответ на реплику визиря лишь улыбнулись. Исхак не мог угадать, то ли на его простодушное откровение улыбнулись всезнающие телохранители хана, то ли им было ведомо что-то новое, только спина визиря взмокла, начало судорожно дергаться веко. Заметив эту перемену, Салим-хан вперил в визиря суровый взор. Беспокойное состояние визиря пришлось ему не по нраву. Выпрямившись на троне, хан твердо сказал:

— Садак, подданный шаха Хорезма Улуг Мухаммеда, был не купцом, а послом. Если хочешь знать, визирь Исхак, я сам

вручил ему ярлык, дав право и возможность выехать в Страны Мрака.

Убийство никогда не приводило к счастью. Хан об этом знал. Это было известно и визирю Исхаку. Однако, услышав впервые о посольском ранге купца Садака, он только теперь понял, чем может грозить это убийство, и оглянулся по сторонам, ища того, кто мог бы ему помочь. Взгляд его остановился на секретаре Хафизе. Но ханский секретарь словно не замечал визиря и сосредоточенно что-то писал. Всем существом ощущал визирь, что допустил промах, и растерянно склонил голову перед ханом:

— Вина на мне, светлейший. Я не обеспечил охрану посланника Улуг Мухаммеда. Я и взаправду подумал, что он всего-навсего купец. Что правда, то правда, хан, сомнение меня взяло, поскольку лукавый посол по какой-то причине заинтересовался Чертовым городищем и свой путь начал с него. И, что самое странное, интересовался сыном кузнеца Ахмета — Бакиром. Как известно, светлейший, эмир Хаджи выплавляет в Чертовом городище чугун, производит много железа. До сих пор никто из приезжих не был там. И наши мастера пока хранят свои секреты. Сын твой, эмир Хаджи, бережет город мастеровых как зеницу ока... Поэтому в мире мало народов, умеющих выплавлять чугун.

Салим-хан рассеянно слушал визиря: он выглядел спокойным, невзирая на волнение в душе, молча бросил взгляд на выгнутую дугой спину визиря, на его униженные роскошными перстнями пальцы, которые касались пола, устланного персидским ковром, и насмешливо скривил губы. Не его ли работа?.. Визирь Исхак раньше был в курсе всех событий, во всех делах первым приходил на помощь хану: давал советы, выводил из трудных положений. Много благодеяний оказал визирь Салим-хану, а следовательно, всем булгарам. Служит честно и будет служить. Вон как уладил отношения с князем володимирским, как искусно вел переговоры, вдохнул жизнь в торговлю. Привез сыну хана Ильхаму невесту княжеской крови. И теперь получается, что визирь Исхак допустил промах с Садаком, послом Улуг Мухаммеда, шаха Хорезма, — не приставил охрану к человеку, в чьих руках был ярлык хана. А ведь знал, что посол отправляется в Страны Мрака. Знал. Но кто мог подумать, что послу взбредет в голову сунуться в Чертово городище? И потом, кто знал, что Садак является послом? Визирю Исхаку про посла Садака сказали, что он купец. Шейх Иганай так молвил. Значит, шейх соврал?.. Вполне возможно! Уже давно визирь Исхак раздражает шейха Иганая. Особенно тем, что доставил ханскому сыну невесту из княжеского рода. Вот

ведь оно как, размотался, покатился клубок. Не успел вернуться из Володимира визирь Исхак, как к нему прибежал запыхавшийся шейх Иганай, и первыми словами его были: «Салим-хан дал Садаку, купцу Улут Мухаммеда, ярлык для въезда в Страны Мрака, не приставляя к нему охраны, визирь Исхак, я дам ему своего мюрида».

После этой встречи и произошли странные события. Визирь Исхак был с дороги и, не доложив хану, тут же с шейхом согласился. И раньше чужеземцев с ярлыком хана провожали мюриды шейха. И вот как все вышло: шейх Иганай остался в тени, а удар пришелся по голове визиря Исхака. Но вся тайна была в следующем: для чего посол Садак заезжал в Чертово городище? Впрочем, Салим-хан, если он не глупец, должен бы знать об этом, а он притворяется несведущим. Кто бы ни вошел в городище, живым оттуда не должен выйти. Таков закон булгар. Сам же Салим-хан дал Садаку ярлык... Ну и хан! Коль знал о том, что быть чужеземцу убиту, зачем дал ему ярлык? А возможно, он не предполагал, что посол осмелится отправиться в Чертово городище. В таком случае для чего шейх Иганай приставил к послу своего мюрида? Кто ставит капкан визирю Исхаку? Хан или шейх? Или они сообща действуют?.. Неудобен, значит, стал визирь Исхак. Все же знают о том, что никого нельзя впускать в городище. Булгарское государство должно охранять секрет литья чугуна, как греки охраняли тысячелетиями секрет греческого огня. Наверное, поэтому купец Садак приезжал в Булгар в обличье посла. Весьма вероятно!

Древние турки считали, что посла нельзя убивать. Булгары нарушили этот передаваемый из поколения в поколение закон. Лишь бы все окончилось благополучно. До сего времени каждый посол, прибывший в Булгар, уезжал в целости и сохранности. Сегодня же случилось невероятное. Как бы Всевышний не разгневался на булгар! Даже сам хан не на шутку испугался, велит во что бы то ни стало разыскать убийцу. Что он этим докажет? Один Аллах знает. Допустим, разыщет убийцу визирь Исхак. А если убийцей окажется эмир Хаджи? Что сделаешь, Салим-хан? Про то не знаю, а если же окажется не сын твой, тогда без всяких колебаний ты велишь отсечь голову или повесить на дереве, поместив в сундук. Так казнили преступников еще древние булгары. Но странно: почему все-таки посол Садак захотел войти в Чертово городище? Значит, ему нужно было что-то важное. А самое важное там — секрет литья чугуна. Многоголовую змею, купца Садака, Улут Мухаммед — шах Хорезма, не зря послал в Булгарию послом. Непосильную задачу возложил на него Улут Мухаммед. Садак, правда, сумел

попасть в Чертов городок, но там и остался. Кого убили болгары? Посла. Посла самого могущественного, самого грозного государства в туранском мире. Почему Салим-хан дал ярлык послу Улут Мухаммеда? Не будь ярлыка, посол, весьма вероятно, повернул бы назад. Однако, поскольку шах Хорезма Улут Мухаммед настоятельно просил о ярлыке, Салим-хан не стал упрямиться. Если Улут Мухаммед прослышит о гибели своего посла, то пощады не жди. Войной не пойдет, зато велит повесить болгарских купцов в Самарканде, Бухаре, Ургенче, Герате и других городах. Салим-хан догадывается, что этим все и кончится. Такие поучительные случаи бывали и в Булгарии.

Когда на болгарском троне сидел Ибрагим-хан, в великий город приехали юзбаши Тургай и кипчакский хан Аюп. С какой целью явился степной хан в великий город Булгар? Историки об этом не пишут. Но визирь Исхак знал — со священным желанием объединиться, охранять торговый путь от Булгара до Азака, от Азака до Судака и Рима прибыл степной хан Аюп в Булгар. В ходе переговоров болгарский хан Ибрагим напомнил степному хану Аюпу о походе на Булгар князя Юрия Долгорукого, тестем которого был Аюп-хан. А это значит: когда трудно, приходи на подмогу и вместе воюй. Действительно, степной хан Аюп, следуя за зятем Юрием Долгоруким, участвовал в походе не только на Булгар, но и на Новгород, и даже на стольный град Киев. Одним словом, по просьбе зятя кипчакский хан Аюп не отказывался ни от чего.

Да, следуя за зятем, приходил кипчакский хан в Булгар, помогал захватить торговый город на Итили. Именно поэтому болгарский хан Ибрагим не смог его простить. И явившегося с весьма серьезным предложением кипчакского хана Аюпа убили, а юзбаши Тургая отправили в рабство в Ургенч. Одни рассказывают, что хан Ибрагим отравил кипчакского хана Аюпа, другие утверждают, будто он бросил его в подземелье. Как бы там ни было, смерть хана Аюпа навлекла на Булгарию зло. Убив семидесятилетнего хана Аюпа, болгарский хан Ибрагим не успокоился. Когда князь Юрий Долгорукий отправился походом на Киев, Ибрагим напал на его города и, не причинив особого ущерба, возвратился все же не с пустыми руками.

Воистину зло порождает зло, не мстью утверждается правда. Последние годы жизни великий князь Юрий Долгорукий, сидя в стольном граде Киеве, наказал сыну Андрею Боголюбскому отомстить за смерть своего тестя Аюпа.

После кончины Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский, выполняя завет отца, идет войной на Булгарию. Плохо

кончился этот поход для болгар. Молодой князь Андрей Боголюбский отобрал у болгарского хана Ибрагима земли мордовского илтабара Пургаса, бывшего вассала Булгарского ханства. Булгарский хан откупился от молодого князя, выдав за него свою дочь и отдав большое количество золота. После этого постепенно начали налаживаться отношения Булгарского ханства с Володимиро-Суздальским княжеством. Но долго еще соседи не всегда торговали мирно. Иногда воевали не только за земли и торговые пути, города, часто походы с той и другой стороны совершали ради наживы, угона людей, особенно умелых ремесленников.

Когда после смерти хана Ибрагима на трон в Булгаре сел Салим-хан, он в первую очередь обратил внимание на сильного и воинственного соседа Андрея Боголюбского, коего называли в Булгаре князем Китаном.

Андрей Боголюбский под предлогом охраны спокойствия болгарской снохи Марии, которую болгары звали Марьямбике, в город Саксин посылает к эмиру сотника Баяна. Однако Салим-хан забрал сотника Баяна и его дружину к себе во дворец. Мало того, по просьбе Баяна разрешил построить в великом городе церковь. Узнав об этом, Андрей Боголюбский послал Салим-хану богатые дары, которые доставил суздальский епископ Аббас. Прибытие епископа Аббаса в Булгар было обставлено торжественно. Христиане — армяне, греки, русские — собрались около церкви и совершили молебен.

Не все легко и просто было вокруг церкви в великом городе. Строить церковь начали на деньги володимирского купца Кучтума, который пожертвовал в казну хана три тысячи золотых. Возводили церковь болгарские мастера. И вознеслась красавица на христианской улице, которую основал богатый купец Кучтум. Отныне над великим городом по воскресным дням начал раздаваться колокольный звон. Булгары, живущие в мусульманских махаллях, волновались, шейх Иганай выходил из себя, теряя сон и покой. Но руки шейха были коротки, и Салим-хан быстро его успокоил. А для усмирения волновавшихся болгар хан послал Баяна с дворцовой дружиной. Расшумевшихся, угрожавших христианской улице двух-трех мюридов подняли на копыя, после чего толпа быстро рассеялась. Никому не хочется жить в ханской темнице — зиндане или повиснуть на копье.

С этого дня между двумя духовниками началась вражда. Вспоминая, как болгары во времена хана Алмаса приняли ислам, шейх Иганай посылает в Хорезм Улуг Мухаммеду жалобные письма. И совсем уж неосторожно сообщает шаху о том, что болгары успешно ведут выплавку железа-чугуна.

Особенно взбесила шейха Иганая весть о бракосочетании в церкви Ильхама с Марьямбике. Как мог мусульманин преклониться перед крестом Христа?

Эта же весть, словно стремительно летящий стриж, очень скоро достигает ушей володимирского князя. Обрадованный князь посылает Салим-хану щедрые подарки.

Можно было считать: мир на северо-западных границах Булгарии улажен. Что поделаешь, сосед не жена, с которой можно развестись, сыскав предлог. С соседом уживайся, торгуй, под небом всем земли хватает, правда, не все идет как по маслу. Правильно говаривали наши прадеды: «Добрососедские отношения — божеские отношения». А жестокость всегда навлекала ответную жестокость. И вот еще одна жестокость совершилась в Булгарии — убит посол Улуг Мухаммеда.

— Визирь Исхак, — молвил Салим-хан после некоторого молчания. — Что же это такое? А не боишься, что зло принесет в страну зло?

— Угадать грядущие события свойственно лишь пророкам, хан. Виновен я, хан. Ошибся. Каюсь!

— Ошибся, каюсь, видишь ли. А ты подумал, визирь Исхак, в какую дорогую цену обойдется для ханской казны твоя ошибка?.. Молчишь! О Аллах, раньше из-за городов с рынками спорили только купцы да миряне. Напомнить тебе о поучительных обстоятельствах, визирь? Что выиграл хан Ибрагим, убив кипчакского хана Аюпа? Выпустил из своих рук торговый город на Итили, потерял мордовского илтабара Пургача. А что делать сейчас? Не нападет ли Улуг Мухаммед на Булгарию из-за убийства его посла? Я тебе, визирь Исхак, доверил свои земли, воды, страну, народ... Дай совет, что мне предпринять, как быть? Беспредельна власть Улуг Мухаммеда...

— Хан, мой совет тебе будет такой: укрепи на берегу Итили наш город-крепость! Затми торговый мир. Город стоит на торговом пути, на перекрестке семи водных дорог. У устья Казань-реки, впадающей в Итиль. Прекрасное место, Аллахом меченное...

— Визирь Исхак, ведомо тебе, эти земли я отдал своему сыну, эмиру Хаджи.

Салим-хан улыбнулся. Внезапно его осенила необычайная мысль: послать визиря Исхака к эмиру Хаджи и пусть передаст мой ферман. Если укрепить у устья Казанки торговый город-крепость, поставленный предками булгар, то купцы из Хаджитархана не станут подниматься в отданный уруситам торговый город.

— Ты прав, визирь, — смягчился Салим-хан. — Булгары выиграют, если построить у устья Казань-реки торговый го-

род-крепость. Но живущие там черемисы и тюрки не хвалят те места. Змей много, кабанов. Некоторые говорят, что там живет повелитель змей — Аждаха.

— Змей и кабаны — все это рассказы шаманов, хан. Шаман сам же и уничтожит тех змей. Я не знаю более удобного места, чем названное. Каждый купец, поднявшись с Хазарского моря, не преминет остановиться в торговом городе, лежащем на их пути. Кроме того, пришлый народ Стран Мрака собирался бы там. Купец что пчела, где продается товар, там и собирается, как вода в ложбину.

— Ладно, визирь, скажем, мы поверили тебе. Секретарь Хафиз говорит, что визирю должны быть свойственны десять качеств: зоркий взгляд, чуткость, великодушие, благородство, ясный ум, глубокое знание, величественный вид, а также предвидение и, разумеется, любовь к отчизне, а еще прямота. Крепость отстроить — не аул поставить. Откуда деньги возьмем, визирь?

— Хан, у сына твоего эмира Хаджи сейчас скопилось такое богатство, на которое можно построить семь городов таких, как Булгар, Сувар, Тубылгытау, Кашан, Жукетау...

Услышав от визиря Исхака это сообщение, Салим-хан приподнялся с трона.

— У сына? Богатство? Откуда свалилось на него такое богатство, визирь?

— Ты не ослышался, хан. В руках эмира Хаджи Уральские горы, скопления эруташа. Много чугуна плавит сын твой, эмир Хаджи. Из чугуна делает железо. И теперь в Чертово городище возами отправляет эруташ — железную руду. Сын кузнеца Ахмета Бакир превращает его в чугун. Если дела и дальше так пойдут, то я построил бы из чугуна многое, вплоть до стен болгарских городов. Болгарский способ выплавки чугуна не знают пока ни в Риме, ни в Ургенче, ни в Новгороде. Хозяева чугуна — болгары, хан. Умея хранить секрет плавки чугуна, болгары будут строить город за городом. Теперь у меня не осталось ни толики сомнения в том, что посол Улуг Мухаммеда Садак хотел увезти литейщика. Только кузнец Ахмет и его сын Бакир знают тайну выплавки чугуна, хан...

Салим-хан задумался. Наконец он, видимо, понял суть слов визиря, махнул рукой привратнику. «Значит, — подумал Салим-хан, — Улуг Мухаммеду был нужен не таиб Хасан, а литейщик Бакир. Значит, Садак был не послом, а шпионом, охотником за людьми». И все же Салим-хан не хотел менять первоначального решения. Кто поднял руку на посла, должен получить наказание.

— Визирь Исхак, кем бы ни был Садак, я хочу знать, кто

его убил. Если Улуг Мухаммед услышит о гибели своего посла, возможны большие неприятности. Улуг Мухаммед — мой кровный брат-туран.

— На сей счет у меня есть тебе совет. Вели, хан, эмиру Хаджи строго охранять литейщика. Не Садак, так другой может увести его.

— Хватит, визирь. Умом ты не обижен, однако поступки твои ошибочны. Ты скажи мне: знал ли ты, кто такой Садак, или же, не зная об этом, не приставил к нему охрану?

— Когда приехал Садак, меня в великом городе не было, хан. Я только что вернулся из Володимира. Если бы я был рядом с тобой, я бы, может статься, отговорил тебя давать послу Улуг Мухаммеда ханский ярлык.

— Кто убил посла Садака, визирь? Ты найди мне этого человека. Мне кажется, визирь, ты что-то скрываешь от своего хана!

— Провалиться мне на месте, хан, ничего не знаю, — ответил Исхак и подумал: «Сказать ли про шейха Иганая? Нет, не стоит с шейхом связываться, — в руках у шейха невиданная сила, весь мир ислама». — Клянусь на Коране, хан, я найду убийцу посла Улуг Мухаммеда. Человек не иголка, как говорили древние.

— Визирь Исхак, эти земли нам оставил наш дед Кубрат-хан. Чтобы охранять оставленные нам отцами-дедами полноводные реки, плодородные черноземы, торговые города, нужно войско. Как ты знаешь, хан Ибрагим не мог поделить рынки с володимирским князем Юрием Долгоруким. Мы не должны повторять его ошибки. Я не хочу жить в ссоре ни с кем. Мы совершили вероломство по отношению к Улуг Мухаммеду — убили его посла. Рука у Улуг Мухаммеда длинная, до Булгарии дотянется. Поэтому, визирь Исхак, приказываю, пошли гонцов к пограничным воинам. Отныне пусть через границу ни в ту, ни в другую сторону не переступает ни один купец, ни один дервиш. В трудном мы с тобой оказались положении, визирь Исхак.

— Вина на мне, светлейший. Прости великодушно!

— Если бы от прощения зависела благодать в стране, визирь Исхак.

— Справедливы твои слова, светлейший.

— Справедливость — признак осторожности. Земля без языка, зато страна не без глаз. Ты должен был быть глазами страны, визирь. Все мы совершаем молитву, поворачиваясь лицом к Каабе, возносим восхваления Всевышнему. А чисты ли наши помыслы? Об этом мы не думаем.

— Какое же сомнение, о светлейший?

— Знать бы язык сердца человеческого, визирь, — сказал

хан и, немного подумав, продолжал: — Кто сегодня защитит Булгарию, визирь? Кипчакские, русские воины, сотники? А где сами болгары, чем занимаются? Торговлей занялись болгары, ремесленниками стали: портными, кожевниками, кузнецами, строителями, бортниками или, на худой конец, дервишами. Прогнать бы всех дервишей с Ага-Базара в Страны Мрака, да шейх Иганай противится. Дескать, дервиши — святой народ. Не осталось заботы о стране у болгар, визирь. Кто ты сам? А кем был твой отец?..

— Мы тураны, хан. Очень древний народ. Об этом писал иранский поэт Фирдоуси. Справедливо изволил сказать, светлейший хан. Часть туранцев чувствует Каабу сердцем, другая — лицом. Когда в сердце совесть, человек заботится о стране. Но еще немало людей, на челе которых озбоченность мнимая, не пронзившая сердце. Теряется единство в Булгарии. Что сделал твой младший брат Мухаммедалим? Вышел из твоего повиновения и приبلудился к кипчакскому хану Янтаку. Я потому об этом говорю, хан, чтобы город, который будет построен в устье Казань-реки, не остался только торговым, а чтобы стал сторожевой крепостью. Если будет воздвигнута крепость, надежный щит страны, мощь Булгарии еще более возрастет. Мое мнение: и дворец твоего сына эмира Хаджи следует перенести из Кашана в новую крепость. И пусть стены минаретов и крепости на новом месте будут выложены из камня. В Булгарии испокон веку не было недостатка в мастеровых. Еще один совет, хан. Об этом я сказал бы тебе одному.

— Ты вызвал мой гнев, напомнив о хане Янтаке. Чего не хватало этой степной лисице? Не собирается ли он отнять у меня трон и передать его моему младшему брату? Типун на язык тому, кто говорит, будто я не оказывал благодеяния брату своему Мухаммедалиму. Я отдал ему, у которого не было ни города, ни крепости, город Саксин, обещал ему город Сувар, — нет, не захотел, взбунтовался. За то, что представлялся юродивым, люди дали ему кличку Беглец Алимбек. Когда вернется, голова Алимбека окажется на моем копье, — Салим-хан повернулся к единственному оставшемуся в тронном зале человеку — секретарю Хафизу: — Что ты скажешь по этому поводу, Хафиз?

— Хан, один мудрец сказал: «Золотой визирь ценнее шести полков»*.

— Правду ты молвил. А вот ты, визирь Исхак, не сумел остаться золотым. Ну, теперь, однако, свой совет выскажи.

* Здесь игра слов: «шесть» — алты, «золото» — алтын.

Визирь приблизился к хану.

— Хан, наши деды, чтобы увековечить свои крепостные города, на месте их закладки приносили в жертву мальчика из ханского рода.

— Невежественными были наши деды, визирь. И разве Аллах им не судья? Однако в словах твоих есть некая истина, визирь Исхак. Древние всякое дело исполняли ревностно. Теперь позови всех!

Когда остальные вернулись в зал, хан сказал Хафизу:

— Прочти-ка это письмо Улуг Мухаммеда, Хафиз, пусть визирь Исхак тоже послушает!

Секретарь Хафиз развернул бумагу, выделанную в Самарканде, на которой было написано письмо, и, стараясь подражать шейху Иганаю, несколько гнусавым голосом начал читать: «Хан Великих Булгар, кровный брат мой Салимджан! Испрося для тебя у Аллаха много-премного мира и благополучия, посылаю самого надежного своего посла, вручив ему сие письмо. По прибытии моего посла вручи ему ярлык, дабы он куда пожелал, туда отправился, узрел желаемый город, новые земли и извлек для себя урок. Намерение мое священное: после возвращения сделаю его своим визирем. Однако, кровный брат мой Салимджан, главная просьба моя не в этом. Главная просьба моя в другом. Да простит Аллах наш всемогущий, никто, как я знаю, не стремится своевременно или безвременно уйти из этого бренного мира. Услышав голос Газраила, говорят, кто-то даже воскликнул: «Кабы я знал, что упаду, постелил бы на это место солому».

Я неожиданно занемог, кровный брат мой Салимджан. Здоровье мое сильно пошатнулось, в рот кусок не лезет. Перестал находить радость от жизни, забыл ее вкус, тяготит меня мое существование. К кому только я ни обращался: и к знахарям, и к табибам, и к шаманам. Посланный тобою табиб Тажетдин аль-Болгари, слава о котором разнеслась по всему туранскому миру, пусть земля ему будет пухом, ушел в мир иной. Я слышал, будто в твоём дворце успешно врачует его младший брат Хасан ибн Юнус. Неизмеримо был бы рад, брат мой, если бы ты прислал этого табиба вместе с моим послом Садаком в Ургенч. Если не отклонишь мою просьбу, Аллах не откажет в своей милости, за мною будут богатые дары. Да благословит тебя Аллах!

Твой кровный брат, шах Хорезма Улуг Мухаммед».

— Теперь удостоверился, визирь Исхак, кем был Садак? Послом! А ты сделал его шпионом, охотником за секретами. Повелеваю, визирь Исхак: человек, поднявший руку на посла Улуг Мухаммеда, должен в течение недели быть доставлен в дворцовую темницу! Это первое. Второе, пригласи на

праздник цветов или, как сейчас говорят землепашцы, сабантуй, князя Андрея Боголюбского. Далее, после окончания празднества, отправишься осмотреть участок для торгового города. Возьмешь с собой кази Сувару, секретаря Хафиза да внуков моих. Сопроводит вас багадур Баян.

— У меня свои воины есть, хан.

— Своих оставишь дома. Пусть отрок Гали и отрок Булат своими глазами увидят обновленную крепость города, — Салим-хан помолчал, обвел всех взглядом. — Приказ об этом будет в письме, врученном багадуру Баяну; письмо распечатаете и прочтете только на месте! Исполняй повеление хана, визирь!

Визирь Исхак понял: желание Салим-хана направлено на святое дело. Думать об остальном у визиря Исхака не осталось сил. Значит, хан задумал держаться его совета? О Аллах, чем же кончится все это?

— Светлейший, для чего нужны там внуки? — визирь Исхак встал перед ханом на колени. — Ошибся я, хан...

— Встань, визирь! Радуйся. Я решил послушаться твоего совета. Если все выйдет, как ты сказал, место твое будет почетное в глазах народа.

Визирь Исхак медленно поднялся.

— Не спеши, визирь! — сказал Салим-хан.

Визирь Исхак повернулся к хану, склонил голову:

— Слушаю тебя, светлейший!

— Может, я ошибаюсь, следуя твоему совету, визирь?..

— Есть одна истина, хан. Виноватый виновен один раз, обвинитель виновен дважды. Могу я дать еще один совет, хан? Не отсылай своего табиба Хасана к Улуг Мухаммеду. Он не вернет его тебе. Арабы говорили: сначала оберегай свое здоровье, а потом свою страну.

— Визирь Исхак, есть ли у тебя еще что сказать хану?

— Прости, светлейший! Я здесь всего лишь машущий крылом, ты же — летящий и пускающий в полет.

Салим-хан резко зазвонил в серебряный колокольчик. Тут же появился привратник Камай.

— Что изволите приказать, хан?

— Позови шейха Иганая, табиба Хасана, аль-кази* Иш-кула и ханбике Зубаржат.

Внимательнее всех слушал хана Хафиз. Секретаря ханского двора и придворного летописца Салим-хан встретил во владениях своего сына Хаджи. Говорили, что Хафиз раньше служил у багдадского султана переписчиком и писцом, сла-

* Аль-кази — главный судья.

гал султану хвалебные стихи. Но единственным человеком, кто знал, кем был дворцовый секретарь, учитель сыновей Салим-хана и его дочери Назлыгюль, являлся эмир Хаджи. Секретарь Хафиз не служил у багдадского султана, не был ни писцом, ни переписчиком. Он был собирателем книг. Этому делу он посвятил свою жизнь. Чтобы покупать книги, он выполнял различные дела: работал и писцом, и переписчиком книг, и кузнецом. Эмир Хаджи нашел его в кузнице Ахмета.

Однажды, придя к своему сыну, эмиру Хаджи, Салим-хан увидел у него за работой переписчика книг Хафиза. Каллиграф искусно выводил почерком куфи* строки старинной книги, обрамляя каждую страницу сложным орнаментом. Искусство Хафиза поразило хана, и он приказал на другой же день доставить Хафиза во дворец. Эмир Хаджи не мог воспротивиться воле отца и отправил Хафиза во дворец. Салим-хан поставил Хафиза секретарем своим и возложил на него ведение летописи. Не было человека, который не дивился бы красивому почерку Хафиза. Секретарь в каждое порученное ему дело вкладывал азарт, ревностное усердие и всегда доводил дело до конца.

Видя такое старание секретаря, Салим-хан повысил ему жалованье и поручил пополнять дворцовую библиотеку. Начиная с этого дня, в базарные дни ханский секретарь Хафиз пропадал в книжных лавках. Около него всегда был ханский казначей, складывавший в мешок указанные ему Хафизом книги, платил деньги и сокрушенно причитал: «Зачем тебе столько книг, божье создание, не думаешь же ты постелить их под себя? Да и то — обложки у них твердые». Но секретарь Хафиз старался не слушать его, продолжал поиски книг, находил их, покупал и приносил в ханский дворец, заполняя полки ханской библиотеки.

Хафиз быстро нашел свое место в ханском дворце. О жалованье он не думал. Для него наибольшей радостью было приобретение новой книги.

Даже получаемое жалованье он тратит на книги, с ними проводит почти все свое время, не обращая внимания на придворных. На заносчивость секретаря глава казначейства даже пожаловался хану, но тот не пожелал его до конца выслушать.

— Секретарь Хафиз выше и умнее всех вас, главный казначей. Хватит вздор молоть!

Главе казначейства пришлось прикусить язык. Хан был

* Куфи — один из стилей арабского письма.

прав: во дворце не было такого человека, который, подобно секретарю, всегда доводил бы дело до конца. Кроме того, Хафиз не вмешивался в дворцовую жизнь, мимо него проходили распри, скандалы, сплетни. Не участвовал Хафиз и в торжествах, как будто эти события совершенно его не касались. У него было свое занятие, бумага, краешек стола, перо, чернила, а главное — книги. Книги в ханской библиотеке были самым великим его богатством. Узнав Хафиза, Салим-хан поверил в секретаря — святой человек, таких недостает ему во дворце.

Хафиз раскрыл книгу, написанную рукой болгарского ученого Якуба Нугмана, и заплакал. Как видно, держать эту книгу в руках было его заветной мечтой. Начиная с этого дня, для секретаря Хафиза мир книг стал шире, а дворцовые дела стали совсем незаметными. Он с таким самозабвением трудился, словно вокруг него не было никого, а блуждали какие-то тени. Он их не замечает, а заметит — не прислушается, а если услышит, все равно не придаст значения. Со старых страниц слышит только голоса глубоких мыслителей и торопится перенести в свою книгу их мудрые изречения. А такие люди, как визирь Исхак, и даже сидящий на троне хан редко привлекают внимание секретаря Хафиза. Единственный человек, на которого он обращал внимание, был привратник Камай.

Возможно, секретарь Хафиз не заметил бы и его, но уж очень приметным был привратник Камай — безмерно толстым и низкорослым. Коротышка с лицом, смахивающим на тыкву, нос картошкой. Рот большой, губы мясистые, зубы редкие, когда говорит, не сразу поймешь, о чем ведет речь. Когда Камай наклонялся, брюхо его касалось земли. Да и человеком Камай был не совсем обычным. Беспечный, но спокойный, как бы ни шли дела, видно, поэтому толст привратник Камай.

Иногда Хафизу казалось, что Салим-хан держит Камая во дворце из-за его редкой внешности и полной невозмутимости. Салим-хан редко на того сердился; даже когда его распирал гнев, хан был не в силах удержаться от смеха. Но за ум, тонкий и цепкий, Салим-хан высоко ценил привратника Камая, как и секретаря Хафиза. Поэтому, надо думать, при самых ответственных разговорах, выгнав всех, хан оставлял секретаря Хафиза и привратника Камая.

Сегодня же, пожелав остаться наедине с визирем, хан даже секретарю Хафизу велел выйти. Что сказал хан визирю Исхаку, для секретаря Хафиза осталось тайной. Этому удивился не столько секретарь Хафиз, сколько визирь Исхак. Неспроста это. Поэтому визирь Исхак был взволнован, поэ-

тому был охвачен тревогой. Но решил не торопить события. Он всегда помнил, что на дне колодца спокойствия — червонное золото, поэтому надо уметь быть терпеливым. В чем же хитрость Салим-хана?

Тем временем во дворец во всем белоснежном явился шейх Иганай. Даже болгарские сапожки были у него из белого сафьяна. Белая одежда красиво оттеняла смуглое лицо и загорелые руки.

— Можно подумать, что наш шейх вышел из могилы, — проговорил Салим-хан так, что его мог слышать только секретарь Хафиз.

Когда шейх Иганай приблизился к трону, хан поднялся и пошел ему навстречу. А шейх не торопился, не суетился, держался с достоинством и степенно приближался к хану. Один конец чалмы шейха был перекинут через плечо, другой падал на грудь.

Шейх и хан обменялись приветствиями. Без слов направились к трону. Иганай сел рядом с Салим-ханом и воздел руки для совершения короткой молитвы. Все в тронном зале последовали его жесту. Только Хафиз не поднял головы от книги.

Все шепотом прочитали молитву и вслед за шейхом провели ладонями по лицу. Окончив молитву, шейх заговорил:

— Как живешь-здравствуешь, хан? Как твои сыновья, снохи, дочь Назлыгюль, как бике поживают? Живы-здоровы? Пусть будет милостив к ним Аллах...

Прокашлявшись, шейх Иганай обвел взглядом присутствующих, но обошел Хафиза. Во дворец вошел аль-казий Ишкул, склонив голову, пристроился по левую сторону от хана. Шейх Иганай снова прокашлялся.

— Плохую весть слышал я, хан. Правда ли, ложь ли, хочу поскорее узнать. Опередить твоего хироманта не удалось, тебе уже донесли — тело посла, отправившегося в Чертово городище, вытащили из реки. Утоп посол Улуг Мухаммеда, да пусть Аллах примет его безвинную душу. Если память мне не изменяет, болгары до сих пор послов не убивали. Видать, конец света близок, никак не иначе. Видит Аллах, не останется этот случай безнаказанным, навлечет на нас беду. Улуг Мухаммед не оставит дело так. Найти убийцу — воля Аллаха.

— Хорошо, шейх Иганай. Мы тебя выслушали, теперь ты послушай нас. Правильно говоришь, в Булгаре свершилось неслыханное доселе злодеяние. Такое, наверное, и во всем туранском мире не случалось. То, что произошло, — произошло, мертвого не воскресишь. Пусть Аллах судит нас, да и ты дай совет, шейх Иганай. Ты все же ближе всех из нас к Аллаху, подскажи, как нам быть?

Шейх Иганай вновь обвел окружающих взглядом, снова не заметил секретаря Хафиза и сделал знак хану, чтобы все вышли из зала. Салим-хан снова велел своим придворным, в том числе и визирю Исхаку, покинуть тронный зал. Всех словно ветром сдуло, только секретарь Хафиз, словно его не касались слова хана, остался сидеть около письменного столика.

— Чертовские азаты утопили посла Садака, хан, — сказал шейх, качнув головой, словно сообщая великую новость. — В чьих руках Чертово городище, хан? В руках твоего сына, эмира Хаджи. Кому подчиняется тамошний сотник Туранбагадур? Эмиру Хаджи. Следовательно, хан, и убийца посла Садака...

Салим-хан не произнес ни слова в ответ, потряс серебряным колокольчиком так, что шейх Иганай вздрогнул. Все вошли в тронный зал. Хан вперил взгляд в визиря.

— Визирь Исхак, шейх Иганай рассказывает, что посла Садака бросили в реку мертвого. Ты знал об этом?

— Нет, хан, я не знал, только сейчас слышу из ваших уст.

— Ладно, дело живых — жить. Мы живы, и мы должны принять меры. Шейх Иганай, так я говорю?..

— Воистину, хан, воистину, — ответил шейх Иганай. — Жаждающий, достигнув родника, думает о том, хватит ли ему воды в роднике. Знать, такая судьба Садаку была предначертана Аллахом...

— Шейх Иганай, Улуг Мухаммед просит у меня моего лекаря Хасана. Как поступить, послать в Ургенч придворного табиба или нет?

— Мой совет тебе, хан: послать надо Хасана. Деды наши говорили: кто даст одно, возьмет два.

— Светлейший хан, не слушай шейха! Не посылай в Ургенч табиба Хасана. Он и его брата, табиба Тажетдина, так выпросил, а потом не вернул. Если пошлешь Хасана, то и он не вернется. Булгарам тоже нужны искусные и известные в туранском мире табибы, хан, — сказал визирь Исхак, горячась.

— Не слушай визиря, хан. Пошли своего табиба к Улуг Мухаммеду. Он станет там султаном, поднимет твой престиж в туранском мире.

— Чем быть султаном в чужих краях, лучше быть в своей стране подметкой, рассказывали наши деды, шейх Иганай, — проговорил ханский секретарь Хафиз.

Салим-хан даже не взглянул в его сторону, лишь слегка покачал головой, не то соглашаясь со своим секретарем, не то сомневаясь.

Тем временем во дворец вошла взволнованная ханша Зубаржат. Все присутствующие в тронном зале, даже хан и шейх Иганай, демонстрируя уважение к ее особе, поднялись

со своих мест. Уважали ханшу все — от хана до придворного.

Ханша была одета в платье, шитое из табгачского шелка, украшенное золотыми нитями, отороченное соболиным мехом. Ворот платья со сборками, полы взбиты; на голове калфак, унизанный жемчугами, на плечах — римская бахромчатая шаль с узором — дикой розой; в длинных косах висят серебряные монеты, которые позванивают при каждом ее шаге. Созерцая в походке и фигуре ханши безграничную женственность и красоту, присутствующие не могли отвести от нее глаз.

Ханбике Зубаржат была любимой женой Салим-хана. После женитьбы на Зубаржат хан ни на кого больше не смотрел, ни на ком больше не хотел жениться, тогда как Улуг Мухаммед содержал в своем дворце семь-восемь жен. Салим-хан был доволен своей третьей женой. Девушка, родившаяся в кипчакских степях, дышавшая чистым степным воздухом, придя к хану, установила свои строгие степные порядки. Самое удивительное было в том, что никто, даже сам хан, не осмеливался ей возражать. Вопреки канонам шариата, ханбике никогда не прятала свое лицо от мужчин, как некоторые женщины Булгарии. На приемах и торжествах она всегда сидела по правую руку от хана и, если находила нужным, обращалась даже к послам. Послы из мусульманских стран не очень-то одобряли такое поведение и доводили до слуха хана, что ханбике-де нарушает законы шариата. Но от их слов во дворце ничего не менялось. Послы уезжали, удивляясь смелости ханбике, восхищаясь ее необыкновенной красотой.

— Повелитель мой, — сказала ханбике Зубаржат, проходя на почетное место. — Привезли тело посла Садака, что будешь делать, что прикажешь?

Салим-хан после ее слов огладил бороду. Ему не хотелось видеть тело посла. Напротив, он желал поскорее покончить с этим делом. Но как упредить гнев родственников тюрков-хорезмийцев и в первую голову Улуг Мухаммеда? Может быть, смягчат гнев пышные похороны на кладбище ханов и щедрое пожертвование? Собаке — кость, человеку — покой. Кто знает, возможно, Улуг Мухаммед, услышав про пышные похороны посла, успокоится, и это даст надежду, что кровный брат простит Салим-хана. Конь коню копыта не отдавит. И Улуг Мухаммед, и Салим-хан правят великими государствами, в их руках судьбы стран и народов. И если какой-то купчишка ушел из жизни в Булгарии — это еще не конец света. В жизни все бывает. Смерть по головам людей ходит, а не по чурбакам. Действительно, главно-

му казначею нужно сказать — пусть не скупится на похороны. Кладбище украшается могилой, могила — надгробным камнем с эпитафией. Человек является в этот мир неизвестным, покидает его со славой, а слова на камне — его вечность. Но если более трезво размышлять, смерть купца не является чем-то не поддающимся разуму. Булгары издавна убивали купцов, рискнувших выехать в Страны Мрака. Часть любопытных утонула в реке, часть в трясине пропала. И смерть чужеземца, желавшего попасть в Страны Мрака, а тем более в Чертово городище, была подобной. Так было, и так будет. Потому что торговлю с людьми Страны Мрака нельзя отдавать чужеземцам, булгары должны держать ее в своих руках.

— Что прикажешь, хан? — спросил визирь Исхак.

— Повторяю, визирь, чтобы в сторону Ургенча никто не прошел, ни купец, ни дервиш, чтобы даже птицы не пролетали. Что в Булгарии случилось, в Булгарии и должно остаться. Нужно довести до ушей Улуг Мухаммеда, что Садака убили бродяги, а не приближенные Салим-хана.

— Очень это вы верно сказали, мой хан, — подкатился к трону привратник Камай.

— И я думаю, верно, поэтому делай что велено, визирь!

— Все исполню, как ты велишь, светлейший!

Салим-хан, желая скорее отделаться от гнетущих мыслей, покачал головой и, улыбнувшись, обвел взглядом присутствующих на меджлисе.

— Аксакалы, — обратился хан ко всем. — Через неделю в Булгарии начнется праздник цветов, а в аулах — сабантуй. Приглашены гости. Про праздник извещайте всех и вся! Пусть в каждом приходе будет глашатай. Извещайте!

— Родственные кипчаки праздник цветов называют сабантуем, — сказал привратник Камай.

— Праздник цветов, или сабантуй, или, как еще говорят, джиен, — для нас не название главное, — главное, что это праздник для всех туранов. Приготовьте обильное угощение. Тебе говорю, тархан великого города.

— Здесь я, хан, — бросился вперед тархан Карабай.

— Пригласи на сабантуй и Чачак-ану. Велико мое уважение к Чачак-ане, прозванной Матерью страны. Так и доведи до ее слуха, скажи ей: хан самолично тебя пригласил. Именем Аллаха, я все сказал.

Когда дворец опустел, Салим-хан долго не мог сосредоточиться. Упомянутое на меджлисе имя Чачак-аны всколыхнуло в его душе воспоминания о былом. Говорили ему, что Чачак-ана была женой самого шамана Булгарии. Правда ли это, нет ли, никто точно не знал. Сын, эмир Хаджи, уверяет,

что старец шаман Булгарии по собственной воле лег в основание Чертова городища и был засыпан землей каменщиками. Когда об этом сказали Чачак-ане, она не поверила. Чачак-ана знала, что шаман Булгарии не принял исламскую религию и оставался верен своему идолу — Каме. Верховный жрец — шаман Булгарии был уверен, что лишь небо и солнце вечные, а земля и люди имеют начало и конец. Чачак-ана уверяла хана, что шаман не умер, не могли закопать его каменщики Чертова городища, он жив и только скрывается от народа, дабы появиться потом, когда народ будет сердцем звать его.

Что мог сказать Салим-хан старухе? Он ей верил и не верил, а перечить не смел. Не смел потому, что Чачак-ана когда-то вылечила его сына, маленького Хаджи, вырвала его из рук смерти.

А болезнь сына была тяжелой. Кожа Хаджи пожелтела, глаза блуждали, он никого не узнавал. Даже придворный табиб Тажетдин не сумел поставить на ноги любимого сына хана. А ханша Зубаржат места себе не находила: первенец сын, которому предстояло сесть на трон Булгарии, лежал при смерти. «Или ты вылечишь сына, хан, или я покину тебя», — сказала тогда ханша. Смелая, дерзкая, упрямая была дочь кипчакского хана Сарбая Зубаржат. Наконец повелела: «Мой хан, позови Чачак-ану, что живет на берегу реки Ик. Говорят, нет болезней, от которых у нее не нашлось бы снадобий». Салим-хан растерялся. Ведь до сих пор таких, как Чачак-ана, по повелению шейха Иганая топили в реке. Бросали в реку, верили, что старух-утопленниц, считавшихся злыми духами, Аллах забирает к себе. А тех, кто выплывал на берег, хватили и убивали, приговаривая: «Эту Аллах не принял, видно, грехов за ней много». Бросали тело ведьмы в лесу на съедение хищникам. Салим-хан был истинным мусульманином, верил в Аллаха и не раз клялся на Коране, что нет бога кроме Аллаха и Мухаммед — его пророк. И все же Салим-хан приказал привести во дворец целительницу Чачак-ану.

Когда ее привели, она всех прогнала из комнаты умирающего ребенка, даже ханше Зубаржат не позволила остаться. Через семь дней Чачак-ана привела мальчика за руку к хану. На своих ногах пришел сын Хаджи, разговаривал, всех узнавал. После этого случая Салим-хан, невзирая на козни шейха Иганая, запретил трогать колдуний. Мюридов шейха, которые ловили и топили их в реке, упрятал в темницу.

С тех пор Чачак-ана стала самой почетной гостьей во дворце. Но к Салим-хану она приходила редко. То ли в преклонные лета вошла, то ли замкнулась в себе после смер-

ти шамана Булгарии. Несмотря на это, хан приглашал ее во дворец на каждый праздник и сажал на почетное место. Было удивительно и то, что лекарь Хасан привечал Чачак-ану, уважал ее. Все это мгновенно пронеслось в сознании хана.

Вскоре хану доложили, что во дворец прибыли приглашенный придворный табиб Хасан и вместе с ним эмир Ильхам.

— Сын мой Ильхам, — сказал Салим-хан, когда вошедшие приветствовали его, — на днях исполнится внукам по четырнадцать лет. Багадур Баян вручит им священный меч пророка Гали. После празднества визирь Исхак отправится осматривать место для нового города, пусть и внуки мои поедут вместе с ним, пусть посмотрят, как обновят крепость. Кто знает, возможно, кто-то из них будет эмиром этого города.

— Пусть едут, отец, — согласился эмир Ильхам.

— Будь здоров, сын, до свидания, да хранит тебя Аллах! Теперь ты слушай, Хасан. Тебя, табиб Хасан, приглашает Улуг Мухаммед в Ургенч... Поедешь! Считаю, что получил мое благословение.

— Хан, — сказал табиб Хасан и огляделся по сторонам, — в Ургенче живет мой старший брат Тажетдин, увидеть его — моя заветная мечта.

Салим-хан едва не проговорился: «Твой старший брат скончался», но вовремя сдержался.

Во дворец торопливо вошел начальник караула багадур Таймас и почтительно склонил перед ханом голову. Таймас всегда пользовался своим правом обращаться непосредственно к хану.

— Что случилось, караулбаши?

— Хан, реку Яик перешел род мелекесов и остановился на джайляу. Их вожака зовут Аучы Тимур. Молодой. Его отец погиб на поле битвы.

— Велик ли численностью его род? Надолго ли приехал сюда илтабар со своим родом, караулбаши?

— Аучы Тимур во дворце, он сам и скажет, хан.

— Привратник Камай, приведи илтабара мелекесов.

Пред ханом предстал плотный, коренастый мужчина. С непокрытой головой, одет в рубашку из табгачского шелка, пояс стянут широким ремнем. Опустился на одно колено и склонил пред ханом голову.

— Великий хан Булгарии, Салим-ата, дай свое разрешение основать на твоей земле аулы. Мои земли захватили монголы, убили моего отца, взяли в плен мужчин, раздали наших девушек своим нукерам. От безвыходного положения бью челом, хан...

— В каком краю были твои джайляу?

— На берегах реки Иртыш, хан. Нас было не так уж

много, выгонов и скота хватало, ни к кому с протянутой рукой не ходили.

— Многочислен ли род монголов, в чем их сила, илтабар Аучы Тимур?

— Сила их, вероятно, в руках Тэнгре, хан. Начиная с пятнадцати лет и вплоть до семидесяти годов каждый монгол принимает участие в войне. Зовут их илтабара Тимуржан, численность рода мне неизвестна, хан.

Салим-хан бросил взгляд на секретаря Хафиза.

— Хафиз, знаешь ли ты про род монголов? Что ест, что пьет, чем живет народ этот. Оседлой жизнью ли живут или кочуют? Какой веры, обычаев держатся? Что скажешь?

— Хан, монголы — храбрый народ. Едят мясо, пьют кумыс. Монгол на коне рождается, на коне умирает. Основное занятие — разбой. Если верить рассказам табгачских торговцев, монголы быстро набирают силу, покоряя соседние роды.

— Из чего изготавливают оружие?

— Оружие делают из железа. Говорят, сильного одолевают хитростью, хитрого — силой.

— Кто решает судьбу страны?

— Курултай, состоящий из аксакалов. Во главе курултая стоит Тимуржан. Несмотря на молодость, хан жесток, твердо держит в своих руках власть. Отец его Едигей пал в битве с родом татар...

— Что едят, что пьют, мы узнали. Чему поклоняются?

— Поклоняются небу и солнцу, хан. По рассказам очевидцев, обычаи их отвратительны. Заболевшего человека выгоняют в безводную степь, умерших не хоронят, не предают сожжению, бросают хищникам.

Секретарь Хафиз положил на стол книгу, взял в руку карандаш.

Салим-хан некоторое время сидел в раздумье. Древние тюркские булгары в разные времена поклонялись разным богам. Но они никогда не бросали тело умершего на съедение зверям, всегда хоронили с церемониями, оставляя умершему пищу до прихода ангелов. Все начинается с обрядов и обычаев. А народ, у которого дикие обряды и обычаи, не может быть порядочным, да и дела его редко могут быть хорошими. Нужно знать как можно больше о планах свирепых монголов.

— Секретарь Хафиз, будешь извещать меня о монголах. Мне этот народ не по душе, — сказал Салим-хан, поднялся, подошел к илтабару рода мелекесов, положил руку на плечо Аучы Тимура. — Место твоего рода будет на берегу реки, впадающей в Агидель, илтабар. Захочешь сеять хлеб, мои люди этому ремеслу научат, захочешь разводить скот, из-

воль, пастбищ хватает. Отныне делаю тебя своим багадуром. Салим-хан берет тебя под свое покровительство. Будешь подчинен багадуру Тубыкбаю. Ты получил поддержку Салим-хана, илтабар Аучы Тимур! Теперь Аллах тебе помощник...

3

Наступил долгожданный день, о котором целую неделю извещали громкими голосами глашатаи на улицах и переулках великого города. День сабантуя, или праздника цветов, был ясным. Когда взошло солнце и высохла хрустальная роса на траве и цветах, народ великого города через Ага-Базар потек к широкому лугу. Салим-хан пригласил на праздник множество гостей. За два-три дня до начала праздника берег Итили был заставлен торговыми рядами. Живущие в Булгаре улицами русские, армяне, греки, тоже празднично одетые, вышли на луг. Спозаранок в семи мечетях великого города семь раз провозгласили молитву, с церковной колокольни, построенной на пересечении армянского, русского и греческого кварталов, плыл перезвон колоколов.

Когда ханская семья вместе с родней и дворецкими вышла на луг, побережье было уже заполнено народом. Увидев это зрелище, Салим-хан подозвал к себе внуков Гали и Булата. Услыхав зов деда, внуки повернули своих коней и направились к хану. Оба внука хана в красивых доспехах и вооружены, как настоящие воины: саблями, кинжалами, луками. В колчане у каждого выкрашенные в свой цвет стрелы. Подскакав к хану, внуки в один голос крикнули:

— С праздником, улуг хан, с праздником!

Салим-хан, удовлетворенный их видом, повернулся было к ханше, чтобы что-то сказать ей, как на лугу заиграли трубы.

— Гей-гей-гей, из Володимира прибывают гости, прибывают гости из Володимира!..

Булат и Гали погнали своих коней к пристани. Володимирский князь Андрей Боголюбский прибыл с женой Рокией, которую он взял из Булгарии. Салим-хану сообщили, что на сабантуй великий князь привез дары.

Салим-хан направился к шатру, раскинутому на самом видном месте майдана, за ним последовали ханша Зубаржат и придворные.

С высокого холма были хорошо видны приставшие к берегу корабли багдадских купцов, прибывших с Хазарского моря, и корабли римских купцов с Черного моря. Эти корабли тянули против течения бурлаки. После долгого и тяжелого пути они, расположившись на берегу, жуют вяленую

воблу, разглядывая нарядно одетых болгар. Рядом — купеческие суда из Новгорода. Новгородцы строят свои корабли, напоминающие издали лебедей, и раскрашивают их в разные цвета. Купцы торопят грузчиков, изредка подгоняя нерасторопных ударами хлыста.

Володимирский князь Андрей Боголюбский привез с собой много молодых девушек и юношей. Когда князь сошел с трапа, опережая встречающих, к нему поспешили Булат и Гали. Отроки, приложив ладони к сердцу, склонили перед князем головы. Князь обнял их поочередно, приподнял и опустил на землю.

— Шурины, значит, — сказал князь, ласково глядя на юношей.

— Шурины, — подтвердили отроки в один голос.

Князь Андрей был широкоплеч, приземист, могуч. Он дождал сходящую с корабля по трапу княгиню, которая сразу попала в объятия внуков хана.

Хлебом-солью встретили болгарские красавицы дорогих гостей и проводили их к ханскому шатру. Князь Андрей и княгиня Рокия величаво двигались в окружении празднично одетой придворной знати, державшейся с большим достоинством. За ними шли пригожие девицы и парни — щеголеватые, крепкие, молодые, бойкие — с богатыми дарами для хана и его приближенных в знак дружбы и добрососедства. В руках у одной — словно искрящиеся и переливающиеся соболиные шкурки, добрый молодец несет кадку с медом и, кажется, без особых усилий. На девицах широкие красные сарафаны с белыми цветочками, на парнях — белые косоворотки с вышитыми воротниками, подпоясанные шелковыми поясами, головы непокрыты, а обуты в черные, похоже, болгарские, сапожки. По одному движению бровей князя парни и девицы угадывают его волю.

Слева от князя шагает богатырь с невероятно широкими плечами. Усы богатыря топорщатся, словно солома гречихи, веселый, видать, парень, заглядывается на болгарских девушек и поглаживает усы, крикает и многозначительно подмигивает красоткам. Княгиня не скрывала своей радости и была необыкновенно хороша, словно налившееся яблочко, не шла, а будто плыла рядом с князем Володимирским. Одета изысканно. На голове шляпа, отделанная воздушными кружевами, украшенная жемчугами, платье — точно из серебра, — сверкает на солнце, на ногах сафьяновые сапожки. Княгиня улыбается соотечественникам, приветствует всех легким кивком головы. На князе Андрее кафтан, расшитый серебряной нитью, пуговицы незастегнуты — нараспашку, на ногах высокие сапоги. На шее — золотой крест. Один из встречаю-

щих подбегает, подносит князю серебряную чашу с кумысом. Князь выпивает кумыс и отбрасывает чашу в сторону, подружески хлопает подавальщика по плечу:

— Спасибо, брат!

Другой подносит князю медовуху, князь отдает чашу шагающему рядом богатырю, тот выпивает медовуху и приглаживает усы:

— Ай да медовуха!.. Хороша!.. Рахмат, друг! — и, сняв с себя кафтан, бросает его на плечи подавшему медовуху молодцу.

Гости доходят до майдана и направляются к ханскому шатру. Салим-хан и ханша Зубаржат поднимаются навстречу, к ним присоединяются остальные. Сначала идут рабыни хана с венками и букетами цветов, в руках самой красивой девушки серебряный поднос с чак-чаком, у другой — сшитое из табгачского шелка искусным портным, вышитое лучшими рукодельницами платье, у третьей — кожаный ремень, украшенный серебряными монетами.

Сначала князь отведал чак-чак, затем взял платье и передал стоявшему позади молодцу, ремешком сам опоясался, только после этого поочередно расцеловал девушек.

Наконец встретились хан с князем.

— Великий князь, сосед, милости просим на болгарскую землю!

— Улуг хан, рад я, рад видеть тебя живым-здоровым, и тебя, и прекрасную ханшу!

Обнялись, прижались щеками. Потом Салим-хан поздоровался с Рокией, князь же поцеловал в щеку ханшу, сказав при этом зардевшейся ханбике:

— Вы прекрасны, ханбике, как все цветы этого чудного праздника! Рад видеть вас в добром здравии!

Тем временем все здоровались, целовались, обнимались с гостями, пошли гурьбой, с шумом, с восторженными восклицаниями к шатру, в тень. Не успели гости рассестись, как им поднесли на блюдах яства. Подавальщики-младцы были проворны и ловки. Дойдя до девиц-гостей успевали пропеть частушки:

— Пригожая голубушка, ягодка-красавушка, взмахни черными бровями, дай поглядеть в твои синие глазоньки. Отведай-ка медовый баурсак, поднимешь свои ресницы — я буду твой желанный. Ну, улыбнись, улыбнись, красавица!..

Госты-девицы смеются, что-то говорят на своем языке и добавляют уже не раз услышанное: «Рахмат!».

На середину майдана вышли рабыни Зубаржат, красивые, нарядные. К ним подбежали дудочники, рожечники, кто-то заиграл на кубызе. Девушки, припевая, приговаривая час-

тушки, закружились в танце; каждая из них показала свое искусство, серебряными колокольчиками звенели монеты, вплетенные в длинные косы девушек. А тут, словно из-под земли, выросли джигиты, начались игры, шуточные танцы, парный пляс. Каждый джигит подарил девушке браслет, девушки же отдали вышитые платочки.

Как только болгарские плясуны ушли с майдана, богатырь князя, словно по уговору, залихватски свистнул. На майдан, крутясь колесом, вышли молодцы-уруситы, к ним присоединились дудочники, балалаечники, трубачи, а вслед за ними на майдан выплыли в хороводе, словно лебедушки по озеру, девицы. Парни и девицы парами закружились вначале в медленном, плавном танце, а затем пустились в захватывающий дух быстрый пляс.

Танцорам долго и дружно хлопали в ладоши. Князь также хлопал в ладоши, что-то говорил сидящей рядом княгине, поворачивался к богатырю и снова принимался восхищаться танцем. Вот князь не выдержал, вскочил с места, позвал обратно на майдан всех плясунов и осыпал их серебряными монетами. Глядя на него и Салим-хан кинул несколько ярко сверкнувших на солнце горстей. Слышался смех, под дружные аплодисменты танцоры снова пустились в пляс, собирая щедро разбросанные по майдану монеты.

Наконец на середину майдана вышел майданбаши*, держа в руках длинный шест, на конце которого навешаны разноцветные вышитые полотенца, и воткнул шест в землю.

— Люди добрые, вызываю на майдан борцов. Начинают борьбу подростки!

Самая захватывающая часть сабантуя — это борьба. Салим-хан особенно любит смотреть, как борются подростки, и щедро раздает им подарки.

Юноши выстроились на середине майдана. Майданбаши и его помощники поделили борцов на пары, дали им полотенца.

Кого только нет среди юных борцов! Есть борцы из Азака, Кашана, Суvara, Саксина, Юкатау, Ибрагима. Пара за парой, крепко держась за полотенца, кружатся они в центре майдана. Победители радостно вскидывают руки, а побежденные скрываются в толпе.

Весь майдан шумит. Особенно оживленно у лавок, выстроившихся вдоль побережья Итили. Бойко идет торговля заморскими сладостями — халвой, изюмом, урюком, орехами, шербетом. Около лавочников крутятся дети бедняков, глаза

* М а й д а н б а ш и — организатор, руководитель соревнований на площади.

на выставленные яства, держат в горсти мелкую монету, выискивая вкусную недорогую снедь. А может быть, щедрый лавочник и угостит чем-то вкусным. В лавках есть все, что душе угодно: янтарные напитки, от вида которых слюнки текут, печатные пряники, круглые крендели, с пылу, с жару баранина, копченая гусятина и рыба, домашняя колбаса, с которой сочится жир, вяленое мясо, потроха, пироги, пирожки — много всего, были бы деньги. Лесные черемисы предлагают выдержанную на морошковой настойке тушеную медвежатину, заячьи тушки. Продавцы медовухи, кумыса разлили напитки в деревянную посуду, зазывают: «Родимый, испей-ка, душа размякнет, найдешь, что потерял, повстречаешь, кого ищешь!» Здесь особое оживление. Кто-то с кем-то заводит знакомство, кто-то начинает перепалку, спорит, доказывает, кто-то с кем-то братается и, желая закрепить дружбу, ищет в карманах серебряную мелочь и медяки, найдя, радуется, а в случае неудачи разводит руками: «Эх, не повезло!»

Азаты томятся у лавок оружейников. Чужеземцы выбирают стрелы, кистени, бердыши, сабли-кинжалы, торгуются и, испытывая клинки, пробуют саблю о саблю, кинжал о кинжал, а некоторые для пробы проводят лезвием по бороде. Купцы встали вокруг майдана, продавцы торгуют, а они развлекаются, смотрят на представления, состязания, распивают медовуху, кумыс, стряхивая с усов пену, наблюдают за проходящими девушками, перекидываясь с ними шутками-прибаутками.

Салим-хан неспроста пригласил в гости володимирского князя Андрея Боголюбского. Вот уже сколько лет Булгария и Володимирское княжество живут в мире. Пошел последний год мирного договора. Надо бы возобновить, продлить. Что думает об этом князь? Салим-хан за продолжение мира. А вот князь Андрей в прошлом году, не договорившись с Салим-ханом, воевал с мокшей. Салим-хан выразил князю через своих послов свое несогласие. Князь, то ли в шутку, то ли всерьез, сказал послам: «Многого захочет ваш хан — скоро на Булгар пойду».

Когда послы, вернувшись, доложили об этом хану, Салим-хан не знал, верить или не верить всему этому. Среди послов были разные люди, многие из них принадлежали к торговому сословию, руководствовались, как полагается, своими интересами. И все же зародилось сомнение в душе Салим-хана, и он решил уточнить намерения князя.

Настроение у князя Андрея Боголюбского хорошее, он светел ликом, доброжелателен, оживленно говорит, спорит с визирем Исхаком. Салим-хан пока молчит, лишь поглядывая в сторону князя.

Князь Андрей Боголюбский был муж в силе, горяч в меру. Но, видимо, довели послы князя своими настырными расспросами, и он сгоряча сказал, что пойдет на Булгарию войной. «В этом мире не то что князь с ханом, даже брат с братом не ладят, а мы пока живем в мире, слава Аллаху», — думал Салим-хан.

По Итили-реке несется песня. Народ празднует, на майдане борются подростки. Кажется, выявляются подлинные батыры. Майданбаши выводит новую пару борцов. В это время хан с ханбике послали им подарки.

Чуть поодаль от майдана бурлит молодежный хоровод, слышен веселый смех, песни. Юноши и девушки знакомятся друг с дружкой, надеясь, возможно, с согласия родителей и обручиться. Около девиц крутятся чужеземные торговцы. Подмигивают юным и пригожим болгаркам, подкручивают усы. Красны девицы будто не обращают на них внимания, а сами со смехом проходят мимо разудалых молодых купцов, вскинув бровь, обжигают огненным взглядом, в длинных косах позванивают серебряные монеты, на калфаках, унизированных драгоценными камнями, пляшут солнечные лучики. Девицы, обутые в изящные сафьяновые сапожки на каблучках, поигрывают тонкими поясками, проходят, оставляя аромат духов, оборачиваясь, пристально вглядываются, подмигивают в ответ. Стоит одной из них что-то сказать, остальные дружно, звонко смеются. Смех их подобен журчанию ручья, трелям соловья. В такой миг в сердце не одного молодого купца может зародиться любовь... Один из парней начинает играть на кубызе, навстречу девицам выбегают джигиты, пришедшие с Тубыкбаем. Один из них играет на курае, другой запекает протяжную песню...

Салим-хан в хорошем расположении духа. Наблюдая за борьбой юношей на майдане, он поглядывает на внуков, и в голову ему приходит шальная мысль. Пускай и его внуки померяются силами. Сейчас же выпустить внуков бороться! Пусть вступят в единоборство. И гостям будет развлечение!

— Майданбаши! — крикнул Салим-хан. — Поди сюда! Да, да, ты! Тебе говорю!

Услышав голос хана, не только майдан, но и вся округа примолкла. Ханбике Зубаржат, сидевшая по правую руку от хана, хотела было узнать, чего он хочет. Но хан оставил ее вопрос без внимания.

Визирь Исхак, сидевший по левую руку от хана, поднялся, подбежал к майданбаши, что-то сказал тому и показал в сторону хана. Ильхам и Хаджи — сыновья хана, переглянулись. Дескать, что еще собирается выкинуть отец? Потом,

постигнув его намерение, обменялись улыбками: им не в диковинку были чудачества отца.

Салим-хан не думал о том, чем может кончиться эта игра, ему в голову пришла шальная мысль, и он осуществит ее, даже если посыплется на голову каменный град. Хан он или нет?

Майданбаши, прихрамывая, поспешил к шатру.

— Что прикажете, хан?

— Мякинная голова, почто не спешишь, когда хан зовет. Ханского гнева хочешь заслужить? Скажи своим глашатаям: бороться будут ханские внуки. Иди, что встал? — сказал по дороге ему визирь.

— Иди, иди, что сказал тебе визирь, выполняй! — сказал Салим-хан, когда тот подошел к нему.

— Слушаю и повинуюсь, хан, — ответил майданбаши и на мгновение застыл, словно сомневаясь, не разыгрывают ли его... — Хе, вот тебе на, это что-то несусветное, — пробормотал он. — Взаправду ли, хан?

— Визирь, — сказал Салим-хан. — Кто поставил это чучело главой майдана?

— Стало быть, взаправду... Я ведь думал, шутите, хан, — сказал майданбаши. — В таком случае, что обещаете батыру, хан?

Этого ни хан, ни визирь не ожидали, на миг растерялись. Хан взглянул на визиря, визирь — на хана.

— Да что может обещать хан внуку-батыру? Ишь, что говорит, чурбан, — озлился вконец визирь Исхак. — Смотрите-ка на него!

— Возвести народу, скажи, трон свой обещает, — сказал Салим-хан. — Трон свой, трон!

— Чур-чур, хан, народ — толпа, если не так поймут?.. Что подумают гости? Как бы чего не вышло, хан!..

— Визирь, выполняй волю хана!

Визирь Исхак подошел к главе майдана и что-то сказал ему на ухо, после чего тот бегом устремился на середину площади. Затем поднял руку, велел всем успокоиться и низким грудным голосом повторил слова хана. Глашатаи тут же возвестили о желании хана народу. Вначале вокруг майдана установилась тишина, не все сразу поняли, в чем дело, но поняв, притихли, насторожились, а потом в толпе прокатился гул, кто-то стал кричать: «Ур-ра!» Его тут же одернули.

Тем временем к визирю Исхаку подошел азат, что-то сказал ему; визирь прошел к хану, спросил согласия. Хан кивнул азату.

— Ступай, пусть явится! — сказал визирь Исхак азату. Тот пошел. Через некоторое время на майдан явился багадур Тубыкбай и направился к ханскому шатру.

Тубыкбай надежно охраняет Шелковый путь, купцов не обижает. Салим-хан доволен службой Тубыкбая. Багадур Тубыкбай ни разу не приходил во дворец с протянутой рукой, как другие беки, кроме стрел-оружия, ничего больше не просил, не надоедал просьбой построить на их земле крепость, обитал в войлочных юртах, подобно своим предкам. Своевременно привозил хану полагающуюся дань, в долги не влезал, не держал излишек скота. Правда, был не в ладах с младшим братом, получившим воспитание во дворце, тот, говорят, рассорился с ним. Но Тубыкбай никогда не жаловался по этому поводу Салим-хану. Поэтому Салим-хан всегда благосклонно относился к Тубыкбаю. На Тубыкбае кожаная рубаха, отороченная собольим мехом, в руках камча, кипяченная в курдючном жире, на поясе широкий ремень, сапоги с раструбом доходят до колен. Багадур Тубыкбай приблизился к хану, склонил голову в знак приветствия и бросил взгляд на гостя, князя Андрея Боголюбского. Князь кивком ответил на его приветствие. Салим-хан указал багадуру место в тени шатра, но Тубыкбай не сел, подозвал к себе сыновей. Сыновья выстроились перед ханом и, словно по команде, поклонились. Только после этого багадур Тубыкбай начал говорить:

— Улуг хан, здравствуй! Здравствуйте, прекраснейшая из прекрасных, ханбике Зубаржат! Здравствуйте, гости, эмиры, снохи, внуки хана, — произнес Тубыкбай, безостановочно отвешивая поклоны.

— Принял твой поклон, Тубыкбай, излагай свою просьбу. Вижу, с просьбой пришел. Где твоя супруга, багадур? Прекрасная хатын?*

— Голубушка моя, чернобровая, черноглазая соловушка, в нынешний год, в лето, скончалась, хан. Пятерых сыновей, словно пять перьев, оставила мне. Когда соловьи прилетели, когда все живое пробудилось, оставила нас моя голубушка-любущка. Цветы проснулись, бабочки ожили, а моя душенька-сердечко покинула сей мир и нас вот...

— Отчего не пригласил дворцового лекаря Хасана? Послал бы я его. Немедленно.

— Не осмелился, мой хан. Пригласил Чачак-ану, пришла, осмотрела, сказала, что состояние безнадежное, она умрет. Тэнгре так пожелал.

* Х а т ы н — жена.

Багадур Тубыкбай стрельнул глазами по синеглазой рабыне, стоявшей за ханшей Зубаржат. Видно, что багадур, охранитель восточного торгового пути, наслышан от кого-то о девушке, да и она, надо полагать, знает про Тубыкбая, поэтому при его взгляде вздрогнула, как зверь, внезапно очутившийся перед охотником, прикрыла лицо тонким платком, оставив только глаза, и затаилась за спиной ханбике.

— Хатын твоя была пригожей, Тубыкбай, пусть ее место будет в раю. Да за усопшей следом не отправишься, как говорят старцы. Живой думает о бренном. Есть ли молодуха, готовая поместить в подоле вот эти перышки?

— Правду изволишь молвить, хан. Жили мы как пара голубков, да вот, как видно, не судьба... Когда ты спросил, есть ли та, что прельстила мой взор, мои прищуренные глаза словно открылись, хан.

И Тубыкбай бросил взгляд на рабыню, прикрывшую лицо платком.

— Сыщешь, сыщешь, багадур. Найдется достойная жена для такого славного батыра, — сказал Салим-хан.

— Улуг-хан, — сказал Тубыкбай. — Держу в сохранности твой торговый путь, никто из купцов вроде не жаловался. Слава Аллаху, вреда я стране, булгарам, не наносил, иначе об этом было бы слышно. Уступи моей просьбе, хан! И на другой же день на твоём лугу будет табун лошадей.

— Говори о своей просьбе, Тубыкбай. Если речь идет о сокровищах земли, то моего соизволения не будет, потому как сокровища принадлежат стране. Если же это существо человеческого рода, ходящее по земле, то изволь высказки свое желание. Наверное, желание твое чистое, багадур?

— Провалиться мне на месте, хан. Вот этим мальчикам нужна мать. Нет птицы без крыльев, нет мужчины без жены, говорят. Я бы ее на руках носил.

— Ай-хай, — сказала ханбике Зубаржат с сомнением. — «На мужчин не полагайся, на Итиль не облакачивайся» — так ведь еще говорят. Не хвастай так, Тубыкбай. В народе говорят: если багадур похвается — разверзнется земля, если трус похвается — вздуется земля.

— Э-э, светлая матушка, если в сердце мужчины не будет запряженного коня, на кой ляд он женщине. Похваляюсь — значит, есть чем похвалиться.

Салим-хан засмеялся залиvisto и снова взглянул на сыновей Тубыкбая. О том, кто приглянулся багадуру Тубыкбаю, он догадался по робкому взгляду, брошенному на мальчиков служанкой ханши. Наконец не вытерпел, нагнувшись, что-то сказал ханше. Ханбике Зубаржат, несогласная с ха-

ном, покачала головою. Девушку по имени Айсылу привез ей от кипчаков купец Биккол. Умел выбирать девушек ханский купец. Потому ли, что была соотечественницей, ханша Зубаржат полюбила девушку как родную дочь. Могла и не отдать. Поэтому Салим-хан сказал Тубыкбай:

— Ты, багадур, по этому вопросу обратиться к ханбике. Айсылу — ее служанка, к тому же она ее землячка, ты уж проси у нее, если Айсылу тебе приглянулась.

Тубыкбай, словно ждал этих слов, бросился на колени перед ханбике Зубаржат. Князь Андрей, наблюдавший эту сцену, покачал головой.

— Светлоликая ханбике, по нраву пришла мне твоя служанка, похитившая лучи у солнца и луны! Не губи выпавшее на мою долю счастье. Луг без цветов, степь без ковыля, дитя без матери — сироты. Пусть твоя Айсылу станет матерью этим мальчикам...

Так молвил Тубыкбай и поднялся, склонив голову перед ханбике. Вслед за отцом подошли его сыновья и тоже склонили головы. Ханбике смягчилась:

— О Аллах, о Аллах, гляди-ка на них! Видно, впрямь святой была, Тубыкбай, твоя хатын. Как говорят, нрав сына от матери, мужество же его от отца. О Аллах милостивый, какие они славные!..

Заговорила до сих пор молчавшая сноха Акбике:

— Не велика ли разница в годах, матушка? Остался ли у него порядочный пестик, чтоб смолоть зерно?..

— О Аллах, сноха, какие речи ты ведешь! Не пристало!

— Коль есть ступка, пестик найдется, — сказал Салим-хан. — Хватит. Тубыкбай, скажи, умыкнешь невесту или свадьбу сыграешь?

— Если хочет жениться, то чтобы свадьба была, иначе он ее не получит. Что она у меня, чужая какая, чтобы ее умыкнули? Мой хан, что ты говоришь?

— Только если с никахом, по мусульманскому обряду, соглашайся, матушка, — сказала сноха Марьям.

— Все будет по-вашему. Из повиновения не выйду, только благословение свое ниспошлите.

— Если не поскупишься на деньги шейху Иганаю, он быстро прочитает никах и соединит вас узами, — сказал Салим-хан.

— Буду прахом у твоих ног, улуг хан! Тысячи благодарностей тебе, не оставил моих сыновей сиротами!

— Багадур Тубыкбай, моя служанка Айсылу из рода степного хана Сарбая. Образованная, умеет читать-писать, красивая, соответствует имени — луноликая. Не обижай, иначе сяду на молитвенный ковер и прокляну тебя! Теперь спро-

сим у самой девушки: если останется равнодушной, не обижайся, мой багадур, — ханбике, обернувшись, посмотрела на свою служанку. — Ну, деточка, что скажешь?

Девушка на мгновение растерялась, но по ее слабому голосу ханша догадалась — Айсылу согласна.

Увидев улыбку ханши, багадур Тубыкбай бросил на землю камчу, что держал в руке, кивнул своим сыновьям, а те, подбежав, повисли на руках, плечах отца.

— Хе-хе-хей, люди добрые, по милости Аллаха, есть еще сила молодецкая!..

Багадур Тубыкбай понес повисших на его руках, плечах сыновей на середину майдана. Увидев эту картину, приостановились и юноши, собиравшиеся померяться силами. Ханша, заметив, что Айсылу, боявшаяся шевельнуться, покраснела до ушей, обняла ее и принялась успокаивать.

Тубыкбай опустил сыновей на землю и отослал их с майдана, затем вернулся к хану, поклонился ханбике.

— Прости, светлоликая матушка, за мою дурость, прости!

— Не поймешь этих мужчин, — сказала ханбике, то ли удивившись, то ли начиная сердиться. — Одни привлекают к себе девушек силой рук, другие теплом сердца. Согласна, согласна моя Айсылу, багадур. Калым твой, как ты и обещал, будет табун лошадей.

Салим-хан остался доволен. Тубыкбай всегда был правым крылом хана. Батыр, отважный багадур, Тубыкбай был одним из самых нужных для хана людей.

— Люди, по велению Салим-хана ханские внуки будут бороться друг с другом! Кто возьмет верх, тому хан обещал свой трон! Люди добрые!

Это было, без сомнения, лишним. Салим-хан, будто протрезвев, что-то сказал визирю — тот бегом направился к майданбаши, схватил за рукав халата, энергично потянул.

На середину майдана под руки вывели внуков хана — Гали и Булата. Голоса среди зрителей разделились. Одни закричали: «Гали победит, Гали станет ханом!» Другие же усердствовали, поддерживая второго внука: «Булат победит, Булат сядет на болгарский трон!»

Один придурок, так, во всяком случае, подумал о нем Салим-хан, выбежал на середину майдана и заорал:

— Ур-ра, ур-ра! Молодые ханы борются, молодые ханы борются!

Азаты хана тут же схватили его и швырнули на край майдана. Другой же, будучи, очевидно, навеселе, кричал:

— Пусть хан скажет, что подарит победителю-внуку! Свой трон?! С этого дня? Или после смерти? С этого дня, с этого дня! Или после смерти?

Этого крикуна тоже увели с майдана, даже огрели кам-
чой.

— Люди, слышали, хан обещает трон победителю-внуку? —
воскликнул майданбаши.

Ханским внукам вручили по полотенцу, Гали и Булат схватились. Поначалу они боролись шутя, но постепенно разгорячились, борьба стала настоящей. Некоторое время боролись без явного перевеса. Но в один миг неожиданно Гали поднял Булата и, перекинув, швырнул на землю, да так, что Булат некоторое время не мог подняться.

Майдан задрожал как от удара грома, и стар, и млад устремились к центру, чтобы поднять на руки победителя Гали и донести молодого хана на руках до трона. Но азаты хана не дали им этого сделать. Копейщики хана быстро взяли майдан в кольцо.

Майданбаши поднял на руки ставшего батыром внука хана и понес к ханскому шатру, за ними, склонив голову, последовал побежденный Булат.

Между тем народ, прослышавший об обещании хана отдать свой трон победителю-внуку, вновь устремился к майдану. Всем хотелось своими глазами увидеть ханского внука, который не сегодня-завтра сядет на болгарский трон. Народ медленно сжимал кольцо ханской охраны.

Мысли Салим-хана перемешались. Он давно знал: обмануть народ — это не женщину обмануть. Один раз обманешь, второй раз обманешь, в третий раз народ не поверит, может и подняться, и снести ханской династии голову. Салим-хан взглянул на отца мальчика Гали, эмира Хаджи. Эмир Хаджи был спокоен, тогда как бике его сидит словно на раскаленной сковороде, раздраженная, расстроенная, не знает, что делать. Сын Ильхам тоже неспокоен: лицо побелело, губы плотно сжаты. Марьям-бике ухватила за рукав мужа и воззрилась на побежденного сына, который понуро брел за майданбаши — плакал, не утирая слез.

Смотри-ка на этого главу майдана! Для чего нести мальчика на руках? Мальчишки играли в игру, игра игрой останется. Разумеется, один из них сядет на болгарский престол, но не сегодня же, не сейчас.

Смотри-ка на эту толпу! Что вытворяют? Думают, что новый хан отменит ясак, принесет облегчение. Никогда не будет этого! Не родился еще такой хан в Булгарии, который мог бы принести облегчение простому люду. Возможно, появится такой в будущем, но не теперь, не сегодня, один Аллах знает, когда появится. А внуки хана играли в игру, только в игру!.. Неужели пообещал лишнего? Кажется, действительно пересоллил. Для истории все это не ново, ради прес-

тола брат убивал брата, отец — сына, сын — отца. Но этого он, Салим-хан, никогда не допустит. На все пойдет, но не допустит!

Салим-хан, молча упрекая себя, взглянул на ханбике Зубаржат. Ханбике сидела смущенная, краска стыда заливала ее лицо. «Ханбике была права, — подумал Салим-хан. — Обещать трон не игра. И верно, хану трон обещать — что душу свою отдать».

Ханбике Зубаржат, угадав мысли хана, сказала:

— С огнем играешь, мой хан. Смуту ты посеял не только в душах внуков, но и в душе своего народа. Не пришлось бы каяться за эту выходку, мой хан...

— Не говори пустое, ханбике. Игра игрой и останется.

— Кость не кинешь, собаку не переманишь, мой хан.

— Судьба щенков в моих руках, ханбике.

— Судьба наша в руках Аллаха, мой хан. В твоих руках только дарованный тебе Аллахом разум. Можно и его потерять, если не беречь.

— Только сегодня убедилась?

— Только сегодня, мой хан.

— Пройдет это, ханбике, уляжется. Утку, бросив в воду, не утопят.

— Смотри, один из внуков твоих плачет горячими слезами, другой смеется, улыбается! Сноха Марьям заревана.

Ханбике Зубаржат оба внука были одинаково дороги. Внук Булат называл ее Зур-эни, внук Гали звал Ак-эни. Хоть и родные они ей, но характерами были внуки несхожи. Булат больше увлечен играми, Гали же не расставался с секретарем Хафизом, табибом Хасаном.

Часто Гали увязывался за девушками ханбике, ходил вместе с ними на луг собирать целебные травы и цветы, читал спутницам стихи. Глядя в глаза девушек, блестевших от опьяняющих любовных строк, ханбике думала: «В этом внуке есть что-то от Аллаха. Умен, учтив, ласков». А когда он читал сладостные и мудрые стихи древних стихотворцев, ханбике пугалась за внука. Образован, много знает, сметлив, найдутся завистники. Тогда еще закрался в ее душу страх за внука Гали. Тот страх вспомнился и теперь, уже когда он был на майдане.

Салим-хан смотрел на внука, которого нес майданбаши на руках, уже как на соперника. Он сейчас к нему испытывал не очень теплые чувства, а себя ругал за торопливость.

Ханбике Зубаржат не знала, что сказать, хотя дочь хана Сарбая из древнего рода хана кипчаков Шарукана, всегда была смелой, решительной, а тут вдруг испугалась за хана, за Гали, за себя и за Булата.

Когда кипчаков стали теснить русские князья, хан Сарбай, перейдя Итиль, остановился на берегу реки Кинале. Вскоре в его стан пришли из Булгарии мюриды, через неделю-полторы хан Сарбай вместе со своим родом принял ислам и с поклоном пришел к болгарскому хану. Хан встретил его с распростертыми объятиями и поручил охранять низовья Итили. Бросив кочевую жизнь, хан Сарбай перешел к полuosедлой жизни.

С наступлением лета его охватывало беспокойство, он объезжал края близ Яика, но далеко уехать не мог. Старость подступила к некогда грозному хану.

Когда отец скончался, сыновья перестали кочевать. Старший сын Бачман переехал вместе с родом в великий город, и хан назначил его во дворце тысяцким. Второго сына хана Сарбая Салим-хан определил охранять торговый путь между городами Ургенч и Сувар.

Когда племя покойного хана Сарбая разрослось, илTABар из рода Сарбая Сулейман, отдав земли отца младшему брату Шарлыкаю, построил себе крепость и назвал ее Бузулуком. Тысяцкий Бачман переселился к эмиру Хаджи, в крепость на Казань-реке.

Ханбике Зубаржат всегда умела влиять на Салим-хана, а сегодня она впервые почувствовала, что выпустила вожжи из рук. Почему не остановила хана? А ведь могла. Почему визирь Исхак смолчал? Зачем все это?! Натравил внуков на себя. Они ведь еще так молоды да ранимы! Хан, хан, старость ли виною этому, рассудок ли ты потерял? Не игра это, далеко не игра, хан. Где шейх Иганай, куда он смотрит? Не любит шейх народные игрища, ему достаточно прочесть хану проповедь в мечети. Сам хвалит хана и сам желает ему смерти.

Никак не поймешь этого шейха. Невзлюбил сразу же по приезде ханшу Зубаржат. Ага, вот пришел! Сел. Мельком взглянул на ханшу и, наверное, подумал: «Строга ханша, злая и сегодня. Дочь Сарбай-хана никогда не будет довольствоваться ролью только жены хана, она заставит хана, если надо, плясать под свою дудку». Шейх Иганай был прав. Ханша заставила плясать не только хана, но и шейха Иганая. Прежде всего не допустила, чтобы болгарки носили паранджу. А ведь как старался шейх Иганай, уговаривал хана, подстрекал народ, а ханбике за один день распутала паутину, которую он плел целый год. А было это так. Когда в меджлисе подняли вопрос о парандже, неожиданно зашла ханбике Зубаржат. Зашла и прошла к хану, села рядом. «Шейх Иганай, — ска-

зала неторопливо ханбике Зубаржат. — В священной книге не сказано, чтобы женщины надевали паранджу. Если уж очень хочешь надеть на женщин паранджу, начни со своих жен, с молодой жены своей. Если на другой день она не уйдет от тебя». Так сказала ханбике Зубаржат и ушла с меджлиса.

Кипчакская дочь Зубаржат сказала своим азатам: «Выкрасите молодую жену шейха Иганая и приведите ко мне!». Азаты ханбике быстро выполнили ее волю. Пока шейх Иганай сидел у Салим-хана, его молодую жену привели во дворец, в комнату ханбике. Зубаржат ласково разговаривала с миловидной женщиной, объяснила ей суть разговора в меджлисе и быстро сумела сделать из нее свою сообщницу.

На другой день шейх Иганай пришел с поклоном не к Салим-хану, а к ханбике, ибо знал, что исчезновение любимой жены лишь ее рук дело. Ханбике заставила шейха Иганая поклясться на Коране, что он не поднимет больше вопрос о парандже, и лишь тогда отпустила его домой, обещав, что наутро молодая жена вернется. На другой день молодая жена в самом деле возвратилась, шейх не спрашивал у нее, где она была и более не поднимал вопрос о парандже.

Когда весть о случившемся достигла ушей Салим-хана, он расхохотался:

— Ну и Зубаржат, ай да дочь хана Сарбая! Ай да ханбике!

По традициям туранов испокон веков трон переходил не от отца к сыну, а от деда к внуку. Но в мире туранов бывали и случаи передачи трона сыну. Салим-хан, когда подросли его сыновья, был еще в силе, и не отдал трон сыновьям. Он подарил им по городу, сделав их эмирами. Сыновья вроде бы не роптали, не просились на трон, с предложением отца согласились и вместе с родами и близкими переехали в назначенные ханом города. Не сглазить бы, здравствуют благополучно, управляют. А вот между внуками возможно кровопролитие. Чует сердце хана, недоброе дело он затеял; но коль затеял, отступать уже не хотел. От всего этого тоска сдавила душу хана. А когда майданбаши поставил перед ним внука-батыра Гали, Салим-хану вовсе не по себе стало.

— Вот перед вами, улуг хан, батыр и... Позвольте довести до народа ханское обещание, светлейший!..

Кто он, этот майданбаши? Кто поставил его сюда? Как он смеет? Не человек ли визиря Исхака, или по невежеству мстит? В том или ином случае я тебе этого так не оставлю, майданбаши, подумал Салим-хан, не зная, подняться ли с места или нет, сказать ли что-либо или промолчать.

Внук Булат плачет, испытывая стыд и унижение. Обижайся, обижайся, внук! Обижаясь, взрослей. Преодоление

обида делает человека мужчиной, к этому же ведет и умение в твоём возрасте обижаться, испытывать стыд. Ты внук хана и, возможно, если судьбой назначено, сядешь на трон. А случившееся сегодня останется мальчишеской игрой. Ибо все это лишь игра. И урок. Дай Аллах, чтобы ты не испытал от врага поражение на поле битвы. Поражение от врага для мужчины не только обида, а сама смерть, горькая смерть».

— Хан, а хан, Гали стал батыром! Скажите свою волю, народ ждет, хан!

Не успел майданбаши произнести эти слова, как внук Гали подошел к Салим-хану, низко склонил голову:

— Бабай, не слушай его, тебе еще рано отдавать трон страны внукам! Ибо один мудрец сказал: « Не трон украшает хана, а хан украшает трон». Мы просто так боролись с братом Булатом. Это же игра, состязание, сабантуй.

— Умный хан растет, — сказал володимирский князь Андрей Боголюбский и вскочил с места, поднял на руки внука хана. — Эх, иметь бы такого внука, хан!

— Их у меня двое, князь. А трон один, — сказал Салим-хан, не одобряя вмешательства князя.

— Добрый малый, умный, — поддержали приближенные князя.

— Визирь, пусть продолжают борьбу, — велел Салим-хан, оставив без внимания слова князя-гостя.

На середину майдана вышли джигиты. Кинули жребий, подбросив монету. Кому выпала «кунь», тем роздали полотенца. Вышел бороться и багадур Тубыкбай. Увидев его, некоторые джигиты побросали полотенца и ушли с майдана.

Началась борьба. Победенные уходили с майдана, схватывались уже более сильные. Наконец на майдане остались только батыры — кипчакский сотник Карабаш и батыр Тубыкбай. Борцы долго не поддавались друг другу, ходили по кругу, пытались не силой, так хитростью одолеть противника, но ни одному не удавалось уложить другого на лопатки. Когда Тубыкбай поднял вверх Карабаша, с места своего вскочил князь Андрей Боголюбский и крикнул:

— Давай, батыр, давай, через себя, через себя брось!

Багадур Тубыкбай бросил-таки Карабаша, уложил на лопатки, вскинул мощные руки, приветствуя зрителей, и пошел к хану. Карабаш ударил кулаком по земле, встал, бросил полотенце майданбаши и ушел с майдана.

— Не огорчайся, Карабаш, в следующий раз ты возьмешь! — кричали ему.

— Уложил я его, — подойдя к сыновьям, похвалился Тубыкбай. — Есть еще сила во мне! Ну, кто еще, кто хочет померяться со мной силой?

— Тукта*, батыр, я буду бороться с тобой, я, князь-русак! На миг майдан затих. Было чему изумляться! Можно ли бороться с самим князем, пристойное ли это занятие? Тубыкбай сперва глянул на ханбике, потом перевел взгляд на Салим-хана. Да, как же бороться с гостем-князем? Хан сам не повелит. Мыслимо ли это...

— Будем бороться, будем, — сказал князь, видя сомнение батыра, и выхватил из рук майданбаши вышитое полотенце побежденного Карабаша, накинул один конец петлей на руку, зашагал на середину майдана.

— Мыслимо ли, князь, — повторил растерянный Тубыкбай, с опаской поглядев на Салим-хана. Как бы чего не случилось! Салим-хан лишит его своей милости, не выдаст за него Айсылу, да и не только это...

— Выходи, багадур, — ответил князь и махнул Тубыкбаю. — Иди, иди!

Володимирский князь Андрей Боголюбский невысок, широкогруд, коренаст, черные кудрявые волосы ниспадают на высокий лоб. Лицо князя неказистое, зато привлекали к себе его большие синие глаза, взгляда которых было достаточно, чтобы подчинить своей воле.

— Будет, будет бороться! — закричал Салим-хан. — Так хочет хан. Иди борись, багадур!

Тубыкбаю осталось только подчиниться. Он подошел к князю, мгновенно обхватил его полотенцем, широко расставил ноги. И бросил взгляд на Салим-хана. Не пошутил ли хан? Трудно их понять, ханов да князей: сейчас просит, чтобы он боролся, а если он победит князя? Что тогда? Лишится Айсылу, вдобавок хан запрет его в темницу. Чего не хватало этому лихому князю? Сидел бы себе, глядя на батыров. «Вот брошу тебя на землю, будешь знать, как бороться с батырами, костей не соберут. А смогу ли бросить его, победить?» — вдруг засомневался Тубыкбай. У князя кости широкие, чувствовалась силища.

— Люди, против батыра Тубыкбая вышел князь уруситов Китан, — между тем объявил майданбаши. — Пусть хан скажет, чем наградит батыра!

— Визирь, — сказал Салим-хан. — После окончания сабантуя этого майданбаши заключи в темницу. Скажи, от хана батыру будет оседланный аргмак.

Глашатаи ханское повеление довели до сведения толпы. Майдан зашумел, словно пчелиный рой, круг зрителей снова стал сжиматься, снова азаты хана встали вокруг майдана коль-

* Тукта — стой! Остановись!

цом. Оседланный аргамак, как подарок батыру, — древний обычай булгар.

Когда аргамака вывели на майдан, Салим-хан нахмурился, махнул рукой:

— Уведите этого вороного, чтобы глаза мои не видели! Приведите дорогого моего Алмачуара! — приказал Салим-хан.

— Хан, повелитель мой, — сказал визирь Исхак, — Алмачуар — первый аргамак в Булгарии, единственный тулшар. Вместе с конем может уйти и слава Булгарии...

— Не говори вздор, визирь Исхак! Конь не голова, и с ним слава не уйдет. Исполни, визирь Исхак, мой приказ!

Визирю Исхаку ничего не оставалось, как привести на майдан лучшего ханского коня, не только гордость Салим-хана, но и великого города. Все поражались стати коня. Хорош конь, а уздечка, седло, попона, стремяна — из золота-серебра. Вот это дар! Вот это подарок!

В последний раз багадур Тубыкбай посмотрел в сторону Салим-хана. Что он должен делать? Что будет, если победит князя, понравится ли это Салим-хану? Или поднять и стиснуть бока и этим ограничиться? Но Тубыкбай не увидел взгляда Салим-хана, впрочем, даже увидев, не понял бы, потому что князь стал притягивать его за пояс. «Не торопись, князь, спешить надо при ловле зайцев! Я тебе не русак, а медведь, выросший в лесах Урала. Не скоро поддастся тебе Тубыкбай! Истинные батыры сначала силами потягуются. Сначала ты испытай меня, силу мою определи, хватку».

Тубыкбай едва заметно поиграл станом, чуть освободил корпус, который князь намеревался сжать, и в свою очередь вдавил свой кулак в пах князя.

Жилы на шее князя вздулись, как рукоятка камчи; не выдержав удара кулака в пах, князь принялся извиваться. Но Тубыкбай подобных борцов видел, кулак не отнял, напротив, еще больше вдавил. И внезапно заметил, как Салим-хан встал с места. «Нет, не годится бросать князя, не то Салим-хан не отдаст Айсылу. Она для меня дороже тысячи подарочных ханских коней. Что для меня конь! Конь не жена: вышел на луг и поймал, тогда как таких пригожих, как Айсылу, и у пророка не выпросишь. Конечно, неплохо бы увести из-под носа самого любимого ханского аргамака, но сегодня у меня другая цель — Айсылу».

Тубыкбай сжал еще крепче полотенце, еще сильнее уперся кулаком в пах князя.

«Ты, дурень, не смей победить», — слышалось Тубыкбаю. Кто это сказал, майданбаши? Нет, не он. Кто же? Неу-

жели слышалось? Или сам Аллах донес до него голос Салим-хана?

Князь заухал, Тубыкбай подергал пояс князя. «Нет, оказывается, у тебя талии, князь, нет поясницы, — подумал Тубыкбай. — А поясница борцу нужна, очень нужна. Чтобы поясница была тонкой, кушай конину, князь. Конина дает силу мужчине. Почему, думаешь, моя ласточка родила мне одного за другим пятерых сыновей? Конину ел Тубыкбай. Сыновья мои — опора страны, опора отца, князь. Княгиня твоя, что следит за борьбой, удивительно прекрасна, родит ли тебе подряд пятерых? Впрочем, у тебя нет, наверное, не только пятерых мальчиков, но и девочек. Если кушать мясо чучки, брюхатой коротконогой свиньи, откуда же родиться батыру? Что кривишь лицо, князь? Я хоть не вижу твое лицо, а догадываюсь: трудно тебе бороться с тубыками. Пах болит? И заболит. Борьба — это тебе не саблей размахивать на поле брани, борьба — это сила мужчины, его удаль, мощь, если хочешь знать. В борьбе побеждает сильнейший, а на поле брани сражается часто не воин, а его оружие».

Так думал Тубыкбай, неторопливо пробуя силы князя. Он хотел притянуть стан князя к себе, оторвать его от земли, да и отпустить обратно, и тем самым доказать, что он вовсе не хочет его бросить, что ему сегодня ни конь, ни слава не нужны, ему сегодня нужна синеглазая Айсылу.

Тубыкбай медленно стал поднимать князя. Тяжел был князь, врос в землю словно пень. Тубыкбай крикнул и хотел обхватить князя потуже, но князь вдруг неожиданно скользнул вниз и опередил Тубыкбая. И в тот же миг бросил его на землю. Майдан на короткое время онемел. И вдруг словно вздрогнула земля — в воздух полетели шапки. Салим-хан вскочил с места, подбежал к коню, взял за узду и направился в центр майдана, где стоял князь, все еще не веривший, что уложил на землю Тубыкбая. Крики, шум, хлопки донеслись до лесов на противоположном берегу Итили и долго звучали эхом.

Держа танцующего Алмачуара под уздцы, Салим-хан остановился подле князя:

— Батыру подарком будет сей конь, князь!

— Что так, хан? — удивился князь. — Багадур тоже сильный, лошадиная сила есть у багадура.

— Бери, бери, князь! — вмешался майданбаши. — У туранов порядок такой. Победил — бери!

— Вставай, Тубыкбай, — сказал Салим-хан и, как только тот встал, отдал ему, сняв с пояса, свой ремень. — Тебе ханский ремень, мой багадур. Не подвел. Сегодня же можешь увезти свою Айсылу...

Так молвил Салим-хан и, схватив руки обоих батыров, поднял вверх и крикнул:

— Дружба, мир соседям! Мир!

Наверное, в Бугарии еще не было такого праздника. Салим-хан был рад, что все шло, как он хотел; Тубыкбай тоже был доволен, и князь улыбался. Бесспорно, конь был великолепный, такой, как Алмачуар, в Бугарии был единственный, визирь был прав, но есть вещи в этом мире куда ценнее, чем этот конь, — мир и дружба. Разве визирь Исхак может понять это? А конь хорош! На крупе коня попона с рисунком — дикой розой, грива достает до колен, корпус длинный, шея мощная. Конь, словно вопрошая, какому хозяину достался, переступает ногами и подается то вперед, то назад.

Князь просунул ладонь под гриву коня, почесал, похлопал, — конь начал успокаиваться, мотнул головой.

Князь проявил благородство: снял с себя шитый золотом кафтан и накинул его на плечи Тубыкбая.

— Тебе, брат, мой буляк!*

Тубыкбай облачился в подаренный князем кафтан и посмотрел на Айсылу, которая из-под шатра смотрела на него во все глаза, — девушка улыбалась.

— Ты боролся так, что можешь взять Айсылу без калыма, Тубыкбай, — сказал Салим-хан.

— Калым будет, даже если вместо дождя посыплются камни, хан. Слово джигита!

Салим-хан одобрил эти слова своего багадура. Он знал: солнце красиво при восходе, птица — в полете, человек — в щедрости, доброте. Как гласит книга, дитя Адамово приходит в этот светлый мир только как гость, все, что придется ему увидеть, — на том свете. Следовательно, преходящи дела сего мира. А раз преходящи, то следует почаще творить добро. Багадур Тубыкбай еще на вершок вырос в глазах хана на этом сабантуе. Такие праздники в жизни Салим-хана больше не повторялись.

4

В дворцовой школе для Гали открылся совершенно другой мир. Самым большим подарком было сближение с секретарем двора Хафизом, который ввел Гали в мир поэзии. Не все шакирды внимательно слушали мударриса Хафиза, а Гали полюбил его с первого же занятия. В дворцовой шко-

* Буляк — подарок.

ле, как правило, готовили военных сотников, сюда ежедневно приходил шейх Иганай, читал дворцовым шакирдам святые строки Корана, давал любимым ученикам задание — учить наизусть суры Корана. Военным наукам шакирдов обучали поставленные ханом багадуры. Шакирды учились стрелять из лука, метать копьё, фехтовать, не говоря уже о верховой езде. Одним словом, Салим-хан, следуя советам предков, готовил в дворцовой школе сотников-юзбаши для охраны государства и, выбирая среди них самых способных джигитов, ставил их тысячками — менбаши. Конечно, из среды шакирдов выходили и будущие послы. Ханским внукам здесь не делали скидок, но от этого они не переставали быть ханскими внуками. Хан определил для Гали и Булата отдельных воспитателей. Кази Нисбах*, смелого в суждениях, правдивого в речах, некогда выгнанного из дворца будто бы за грешки стараниями ханбике Зубаржат, хан прикрепил к Гали. Начиная с этого дня, кази Нисбах не отставал от Гали ни на шаг, словно нитка, вдетая в игольное ушко, он ходил за ним. Кази Нисбах с первого взгляда полюбил мальчика. Привыкший судить о людях по их поступкам, кази хотя и любил внука хана, но спуску ему не давал, запрещал играть с уличными мальчишками. Увидев ханского внука среди уличной ватаги, воспитатель пару раз хлестнул его по заднице прутом, подобранным с дороги. Такое поведение воспитателя отнюдь не всегда нравилось ханскому внуку. И он однажды, вырвав прут из рук кази, замахнулся на своего учителя.

— Ударь, ударь, дубина! Если станешь поднимать руку на своих, не трон тебе достанется, а красный снег повалит на твою голову. Ходишь, унижая достоинство ханского внука, с разными обормотами. Почему Булата не видно среди этих малаек, одетых как попало? Молчишь? Булат всегда помнит о том, что он ханский внук. А ты, скажу я тебе, шары гоняешь с ними.

— Кази Нисбах, я скажу про тебя отцу, он велит привратнику Камаю отлупить тебя как следует.

— Пусть! Эту кадку для закваски, привратника Камая, нужно самого как следует отделать. Ходит мутит голову улуг хану, невесть что наговаривая. Кем я приставлен к тебе?

— А если я сам ударю тебя, кази Нисбах?

— Если тебе не стыдно, если ты потерял совесть, ударь, если такой поступок покажется достойным, сообщи улуг хану и о нем. От ханских внуков можно ожидать всего, говорил секретарь Хафиз. И впрямь был прав. Еще замахива-

* Кази — мусульманский судья, совершающий правосудие на основе норм шариата.

ется, облизанный шайтаном дивана! Дай сюда прут! Твой брат Булат не отходит от багадур Баяна, хочет сделаться менбаши. А твой воспитатель по военным играм, багадур Бачман, заявляется раз в неделю и даже тогда не замечает тебя.

— Не говори о моем багадуре Бачмане плохо, кази Нисбах!

— А почему я не должен о нем плохо говорить! Что он, божий баран со звездочкой на лбу, этот кипчакский богатырь? О Аллах, прости поступки внука хана — Гали!

В это время со стороны дворца показались конные. Салим-хан выезжал на охоту. Скакавшие впереди воины разогнали игравших в колышки и в бабки уличных мальчишек, не посмели только поднять голос на ханского внука и его воспитателя Нисбаха. Кази Нисбах и ханский внук Гали остались стоять на обочине дороги. Салим-хан, поравнявшись с ними, махнул внуку рукой.

— Тебя и воины-охранники не тронули, только мальчишек разогнали камчами, — сказал кази Нисбах. — Звездный ты человек, отрок, звездный человек, на лбу у тебя есть звездочка.

— Какая звездочка? — Гали не заметил, как пощупал рукой свой лоб.

— Почему, ты думаешь, я попал к тебе, внук хана Гали?

— Да, почему, кази Нисбах?

— Из-за своего языка.

— Не горюй, кази Нисбах, я вступлюсь за тебя. Хочешь, сделаю тебя своим служителем? Всю свою жизнь будешь при мне.

— Думаешь, мне много осталось жить, внук хана?

— Если судьба не захочет, никто в тот мир не уйдет, говорит шейх Иганай.

— Шейх Иганай прав, судьба не захочет, никто из нас не умрет. Но по указанию улуг хана, деда твоего, чуть ли не каждый день отрубаются головы людей. Кто им предопределил судьбу? Не тот ли самый шейх Иганай?

— Мне завтра исполнится четырнадцать лет, кази Нисбах. У меня появится право держать слугу. Я попрошу у хана тебя.

— Ты собираешься сделать слугой меня — человека, который возглавлял посольства к Улуг Мухаммеду, к володимирскому князю?! Ее, эту судьбу, такую-растакую, отдубасить бы как следует... А знаешь ли, внук хана, кто выкинул меня из дворца?

— Кто, кази Нисбах?

— Пойдем, по дороге расскажу, — сказал кази Нисбах, не снимая руки с плеча юноши. — Кому же это быть, как не

твоей красивой бабушке — ханбике Зубаржат? Дело было так! Я вернулся из Володимира, пришел к хану сообщить о делах. Со всеми поздоровался, получил, как говорится, благословение хана и начал рассказывать, что было, что видел, что слышал. Только начну, как ханбике вставляет слово, о чем-то спрашивает. Тогда я не вытерпел, подошел поближе к хану и говорю: «Попросил бы ты, хан, отсюда ханбике, сам посуди, женское ли это дело вмешиваться в дела меджлиса!» Глаза у хана сразу стали круглыми, мои слова слышала, оказывается, и ханбике, твоя бабушка, та вовсе покраснела до ушей. Эх, похорошела она тогда, прямо глаз не оторвешь! Посмотрел я на нее и лишился дара речи — воззрился, как безумный, на ханбике. Ясное дело, меня тут же вышвырнули из дворца. Мало того, закрыли в ханской темнице.

На другой день сам хан пришел. Дескать, в своем ли ты уме, кази Нисбах? Как смел перечить ты ханбике? Слушаю хана и слова сказать не могу, даже заикаться стал. Сказать истину, я еще раньше был неугоден ханбике. Во времена службы казием в Кара-Пулате я приговорил к смертной казни много блудниц, так сам хан повелел, даже без ханского указа судил иногда, самолично, не люблю я этот народ. Может, через край хватил и безгрешных судил. Однако убежден, безвинных женщин нет и быть не может. Как нет мяса без костей, так нет и безгрешных женщин. Скажем, когда Аллах сотворил Еву, сдружил ее с томившимся Адамом. Кто дразнит Адама, предлагая ему скушать сладостное яблочко? Ева, не Сатана, а Ева-туташ. Хе-хе, ты, наверное, и сам знаешь, рассказывал, наверное, секретарь Хафиз. Вот поэтому я приговаривал их, если находил хоть чуточку вины, к смерти. Ханбике это не понравилось. Я слышал, что и снохи ее пришли с жалобами. И вскоре меня освободили от должности казия, а хан меня сделал послом. Но и в посольстве долго не пришлось быть, и оттуда прогнала меня ханбике. И теперь попал я к тебе — воспитатель, видите ли. Какой же из меня воспитатель! Правда, на деда твоего обиды не держу — меня выгораживал, ханбике велела судить — отстоял. Но перечить своей ханше не стал, в посольство меня больше не отправил.

— Кази Нисбах, не говори о моей бабушке дурно!

— Не могу не говорить, внук хана. Твоя Ак-эни Зубаржат не желает подвергать казни распутниц, но я думаю иначе: коль распущенна — виселица по ней плачет. Все беды от них, от длинноволосых.

— Нет, кази Нисбах, ты не прав, святые они, я тебе языком поэта скажу.

— О всемогущий, говори, ханский внук. Я пьянею от поэ-

зии. Нельзя не радоваться, когда сам внук хана тебе читает стихи. Поэзия — это творение ума человека. Поэзия — душа народа, его беда, его боль, его счастье и утешение. Будь я поэтом, внук хана, я бы не упал к ногам повелителя, а возвысился над ним. А пока я лишь раб его, внук хана. Значит, и твой.

«О славный правнук — веры меч,

вас жаждет славить мир.

Вы в перстне бесценном

— сказал поэт, — сияющий сапфир!».

— Кто это сочинил? Он — поэт!

— Вычитал я это давно, но память цепко держит строки.

А чьи это стихи, увы, не знаю, внук хана. Чему учат тебя в ханском медресе, иль род людской достоин всего лишь меч в руе держать?..

— Успех проповеди, говорит мой учитель, зависит от благословения Аллаха.

— «Тот, кто на золоте едал,

Кто с трона всем повелевал,

Но Азраил и его не миновал». Вот так, внук хана. Все мы равны перед Аллахом. И поэту указывает он дорогу.

— Учитель рассказывает, что язык у людей, что железо, слово — что камень, и от их касания возникает пламень...

— Эхма, внук хана, запомни: лишь любовь способна даровать нам пылкую речь, заставить петь иль немоту обречь. Соедини любовь с речью сладострастной — и поэзия рождена.

— Учитель рассказывает, что за каждым словом — клад, но клад, который змеи сторожат. Пусть чаша — золото, но ведь важней не красота ее, а то, что в ней.

— Благочестивый человек не испытывает страха перед Аллахом и не трепещет перед ним в ожидании судного часа, ибо он свято верит в его справедливость и могущество.

— Мой учитель говорит: не пренебрегай маленькими людьми — они могут помочь тебе возвыситься, казий мой.

— О Аллах, мальчик мой! Ведь эти строки из поэмы Амата, сына Гайсы, — кази Нисбах опустил на колени перед внуком хана. — Возьми меня, отрок, своим слугой, возьми! Ханбике Зубаржат смешала меня с землей, плеснула мне в лицо мутную воду. Салим-хан ничего не мог поделать, только руками развел. Не подобает ханам слушать женщин. Обещал хан своим внукам перед всеми собравшимися свой трон, потом перевел все это в шутку. Древние говорили: «Человек рядом с умным станет умным, рядом с дураком — дураком, рядом с безумцем — безумцем, рядом с юродивым — юродивым». Я хочу быть рядом с умным человеком. Я буду тебе ночами читать книги, рассказывать поучительные

истории. Сильный найдет один раз, образованный — тысячу крат. Булгария — моя душа, мое тело, моя вера. Самое ценное в этом мире была и есть справедливость, предметом поклонения являлись мудрецы. Так было издревле. А улуг хан как мальчишка перед ханшей, что она скажет, тому он и верит. А жизнь, она проходит, изменяется, становится сложнее, у нее свои законы. Если так пойдет дальше, Булгарию захватят иноземцы, мудрецов повесят, дураков заставят таскать воду из одной реки в другую, женщин увезут с собой. Не останется по ком горевать, чьей красотой любоваться... Вот о чем моя боль...

Внук хана растерянно слушал своего наставника. Он понимал и не понимал этого человека. Глаза навывкате, огромный нос, лицо удлинненное, тощий до невозможности, кажется, схвати его за ворот, и душа вылетит вон. Речи ведет странные, непомерно смелые. Гали часто залезал на стропила конюшни, видел там ночную птицу, похожую на этого человека, — филина с головой кошки. Сравнил с филином казия Нисбаха мальчик Гали и засмеялся.

— Не смейся! — сказал ему кази Нисбах. — Плачь! Твой дед, хан Салим, живет, позабыв три истины: только когда в воздухе засвистят стрелы, страна останется в покое, только когда вода, которую ты пьешь, смешается с кровью врага, тогда она станет вкусна, только когда мясо зажаришь, надев на стрелу врага, тогда оно будет приятным. Имя хана грозное, да вот мало совершено деяний. Табгачи, говорят, придумали пушку, надо бы поехать туда, узнать секрет изготовления этого оружия, чтобы враги боялись подступить к границам Булгарии. Древние говорили: «Кто не воюет — проиграет, кто воюет, будет жить в достатке». Дед твой, Салим-хан, посылает володимирскому князю хлеба, мастеровых-камнетесов для строительства церквей, а твой отец, эмир Хаджи, продает князю Андрею Боголюбскому железо, стрелы, копья. Не вернутся ли в один черный день эти самые стрелы в Булгарию, не вонзятся ли в грудь тех же мастеров-оружейников? Ты думаешь, эти зодчие, отправившиеся строить церкви, вернутся в Булгар? Не будет этого, внук хана! Князь подарит им землю, даст волю, не отпустит от себя. Ремесленник нигде не пропадет, не знающий ремесла может по миру пойти. Чем больше ремесленников у князя, тем быстрее он одолеет соседей. Князь Андрей Боголюбский в ссоре с купеческими родами Кучтума, а те тоже не лыком шиты. Теперь о себе. Если хочешь знать мое происхождение, знай, внук хана: отец мой был купцом в городе Саксине, состоял в товариществе с купцом Кучтумом. Мой учитель — шейх Сулейман ибн Даут Саксин-Сувар. Он послал меня в великий город.

— Прости меня, кази Нисбах, — сказал Гали и преклонил колени пред учителем. — Прости меня, невежу!..

— Встань, внук хана, негоже тебе быть на коленях передо мной. Такие мужи, как ты, должны преклонять колени только в двух случаях: перед знаменем страны и когда пьют воду из родника.

— Кази Нисбах, — Гали потянулся поцеловать его руку. — Не оставляй меня! Завтра я скажу Салим-хану, и он благословит тебя.

— Хорошо, пусть будет, как ты сказал, отрок! Будем уповать на волю Аллаха, — ответил многое повидавший на свете кази Нисбах.

* * *

На следующий день рано утром отрок Гали направился к Салим-хану и привел с собой кази Нисбаха. У Салим-хана было скверное настроение, и когда его внук Гали обратился к нему с просьбой, он даже не взглянул на стоявшего рядом с отроком кази Нисбаха.

— Да будет, как ты пожелаешь, — ответил коротко. — Еще какая просьба у тебя ко мне?

— Больше просьб нет у меня, улуг хан.

Хан сделал жест рукой: дескать, как вошел, так и уходи. Когда отрок Гали с Нисбахом покинули дворец, приказал привратнику Камаю никого в тронный зал не пускать.

В странном состоянии пребывал Салим-хан, когда увидел отрока Гали. В воображении его вспыхнула картина сабантуя. Внук Гали не повинен, хан знал это, но все равно настроение было пасмурное. Поведение внука не вышло за пределы приличия, но душа отчего-то ныла, это-то и беспокоило, и омрачало Салим-хана. Кто подстрекал толпу? Узнать бы. Купцы Ага-Базара? Придворные? Ремесленники? Вполне возможно, и ремесленники, в последнее время их стало в Булгарии очень много. Зазнался, разжирел народ, заважничал. Если не принять меры, могут и взбунтоваться. Чего смотрят люди багадур Таймаса — деньги брать любят, а когда их хану показывают кукиш, прячутся? Азатов тоже нельзя во всем обвинять, тюрьмы забиты беглецами, ворами и взяточниками. И потом, в Ага-Базаре торгуют семь народов из семи стран, поди узнай, кто что говорит о хане. Если ужесточить законы, распространят слух, что-де Салим-хан — правитель слабый. Нет уж, как было, пусть так и останется. Ханбике, выходит, правильно предчувствовала. Необдуманная игра до добра не доводит. Народ стал чего-то ждать от хана. Это Салим-хан почувствовал на сабантуе. Нет, не ура

кричали, увидев хана, ждали, что он произнесет такое слово, которое принесло бы им облегчение. Где уважительные поклонны? Можно подумать, что встречают не своего хана, а князя уруситов. Никто не обращался к хану, не приветствовал его должным образом, кроме Тубыкбая. Желая оживить народ, Салим-хан пробовал вызвать приветствия. Нет, не ответили, точно воды в рот набрали.

Глядя в одну точку на потолке, Салим-хан задумался. Секретарь Хафиз скрипит пером, что-то пишет. Вот беспечный человек, знай себе пишет, а когда не пишет, книги читает, никуда не сует носа. Как говорят старики, бык ногу сломает — мясо ему, телега поломается — дрова. В любом случае все хорошо.

Аллах дал Салим-хану трон смолоду после смерти болгарского хана Султана Мурата. И Султан Мурата, и Салим-хана воспитал хан Ибрагим. Салим-хан до сей поры ничего не знает о своих родителях, кем они были, где жили, чем занимались. Приемные сыновья хана Ибрагима были очень разными людьми. Султан Мурат был более дошлым, очень сообразительным. Поняв это, перед кончиной хан Ибрагим завещал престол ему. Салим вынужден был переехать в город Сувар. Две бараньи головы в одном котле не помещаются. Это Салим почувствовал в первый же день после кончины хана Ибрагима. Однако Султан Мурат на второй год после восшествия на престол покинул бренный мир. Придворные пригласили Салима в великий город и сделали ханом. Хан Ибрагим в свое время получил благословение багдадского халифа и усилил в Бугарии ислам. Воевал с соседом, русским князем Юрием Долгоруким, и битву проиграл. Это привело к потере надежного вассала Бугарии — мордовского правителя и его земель.

Когда Салим сел на трон, купцы Ага-Базара, собравшись, пришли к нему во дворец, пожаловались на то, что наобы дерут с них дикие налоги. Салим-хан обещал торговым людям помочь. И через некоторое время издал ферман, согласно которому сумма налогов с торговцев Ага-Базара, будь то чужеземцы или бугары, была сокращена наполовину. После этого торговцы Ага-Базара твердо встали на сторону хана, помогали деньгами, разносили по свету славу о Салим-хане как щедром хане.

И вдруг даже торговцы Ага-Базара круто поменяли отношение к хану. Их хитрость была понятна Салим-хану: дескать, несмышленный малолетний хан введет новшества и снова сократит сумму налога. Новые ханы каждый раз оказывали купцам благодеяния, так почему Гали должен быть исключением. Пусть только воссядет на трон!

Салим-хан не хотел вспоминать то, что случилось недавно на Ага-Базаре. Возвращаясь с охоты, хан заехал на базар, хотел похвастаться перед купцами добычей. Не вышло. Никто не стал восторгаться насаженной на стрелы дичью, перекинутым через крупы коней трофеем: двумя волками, семью лисицами, десяткам зайцев. А один смельчак-задира даже изволил заметить:

— Не ко времени сейчас охота, хан. Зверье воспитывает молодняк. Нет, не ко времени...

Сказал безбоязненно, не спрятался в толпе за людей, глядел прямо в глаза.

Салим-хан мог приказать своим азам бросить смельчака в темницу или, по крайней мере, отстегать плетью, но отказался от такой мысли. Зло порождает зло, на базаре много чужеземных торговых людей, чернь разинула рты в ожидании. Пылающую головню не опрыскивают смолой.

Вот отчего настроение Салим-хана было испорченное. Князь Андрей Боголюбский мольбами выпросил и увез из великого города лучших каменщиков. Сказывают, что князь в своей столице, во Володимире возводит церковь, которая будет покраще Софийского собора в Киеве. Пусть возводит! Салим-хан тоже ему не уступает — в каждом приходе построил по мечети невиданной красоты. Вот уже сколько лет князь Андрей Боголюбский собирает с торгового люда дань больше, чем в Булгарии. Раньше и русские, и болгары торговали в базарном городе беспошлинно. Хотя основали этот торговый центр болгары, князь задумал прибрать его к рукам.

Салим-хан поднялся с трона, стал мерить тронный зал широкими шагами. После долгих размышлений он велел привратнику Камаю позвать визиря Исхака. После этого Салим-хан снова уселся на троне. Он твердо решил поторопить со строительством нового торгового, а заодно крепостного города.

Салим-хан подумал, что нужно написать письмо. Пусть его вскрыют и прочитают там, на месте, а затем вручат багадур Баяну. Тем самым, возможно, удастся обойтись и без жертвенной крови одного из внуков. И в этом ему помог своим советом опять же визирь Исхак. Потом хан найдет с кого спросить за совершенное зло...

Когда визирь Исхак вошел, Салим-хан высказал, слово в слово, продуманую мысль и приказал визирю наавтра тронуться в путь.

— Все устроим, как ты повелеваешь, улуг хан, — сказал визирь Исхак.

Когда визирь ушел, Салим-хан позвал привратника Ка-

мая, но не успел раскрыть рта, как привратник Камай сообщил:

— Хан, пришел эмир Хаджи.

— Пусть войдет, — спокойно сказал Салим-хан, хотя и был огорчен, ибо ему совсем не хотелось встречаться с сыном. Упрямый, своенравный, всегда стремится к самостоятельности, словно собираясь отделиться от отца, держит в одном только Чертовом городище сотни независимых азов, содержит крепость Казань с несколькими тысячками багадур Бахмана. Словом, эмир Хаджи почти перестал подчиняться хану. Нет сомнения, и посла Садака убили его люди. Эмир в Чертовом городище плавит чугун, держит там сотню литейщиков, а в городе Кашане полно ремесленников, кожемятников, горшечников. Ходит слух, будто там делают свистящие ядра. Хорошо, если все это лишь слухи. А что делает в городе Кашане брат купца Кучтума Апанай? Только ли учится литейному делу?

Да, увеличилось число желающих узнать секрет изготовления чугуна. И все же, какая нужда привела сына в великий город, к отцу? Может, он решил сознаться, что посла Садака убили его люди? Так думал Салим-хан, встречая взглядом входящего в дверь сына, эмира Хаджи.

— Салям-алейкум, отец!

— Валейкум-ассалям, сын. Проходи, садись! Долетело до моих ушей, что сын мой, послушавшись приказа отца, продает стрелы купцу князя Кучтуму.

— Отец, товарищей Кучтума в великом городе целая улица. И в Кашане держат они улицы. Сыновья, родня купца Кучтума в ссоре с князем Китаном. Купец Кучтум может быть нам полезным в этой политике.

— Ладно, допустим, так будет, мой сын. Да, хотя мы, как ты говоришь, в мире с князем Китаном, меня обрадовало, что ты в курсе того, что происходит в княжеском дворе. Однако сейчас меня не это интересует, сын мой, мне хочется узнать, кто убил посла Садака. Как знаешь, по этой причине я вынужден был послать Улуг Мухаммеду своего табиба Хасана. Теперь был вынужден взять во дворец грека Антония. Вообще, возможно, табиб он неплохой. Но сказывают, что нечист на руку, хотя я почему-то в это не совсем верю.

— Мне неизвестно, кто убил посла Садака, отец.

— Странно, сын. Посол Улуг Мухаммеда по моему ярлыку получил право войти в Чертово городище. А на другой день после появления в городище тело посла находят в реке...

— Отец, сопровождавший его мюрид шейха Иганая остался в живых. Как же он остался в живых? Они ведь

вместе пошли в Чертово городище. Об этом мне сообщили мои азаты, отец! О Садаке в великом городе ходят разные слухи. Говорят, что он приехал в Булгарию с поручением Улуг Мухаммеда увезти литейщика Бакира, сына кузнечных дел мастера Ахмета. Если это так, нам должно быть все равно, отец, кто убил посла. Понимаю, у посла Улуг Мухаммеда была и священная миссия — побывать в Странах Мрака. Вот и ехал бы туда! Вместо этого он прибыл в Чертово городище. Мое мнение: кто-то сообщил Улуг Мухаммеду о наших литейщиках. Кто? Узнать бы это, отец! Вот это главное.

— Оставшийся в живых мюрид, сопровождавший посла Садака в Чертовом городище, на следующий же день исчез, сын мой.

— Исчез, сообщив шейху Иганаю обо всем случившемся, отец. Из этого следует, что кражу литейщика организовал шейх Иганай. Но в последний момент, видимо, кто-то злоумышленникам помешал.

Салим-хан огляделся по сторонам. Он не принял доводов сына и начал отмахиваться от них, как от назойливых мух.

— Не может этого быть, сын мой. Шейх Иганай не пойдет на измену. Да, оставим пока все это. Слишком все запутано, затуманено...

— Отец, секрет плавки чугуна родился в Булгарии, и останется в Булгарии. Так мы решили, так и будет.

— Мне лишь остается сказать: помоги нам, Аллах, сын мой, да будет так во все века!

— Почему так говоришь, отец?

— До сего времени еще ни одно государство не сумело на долгие годы сохранить ту или иную тайну, сын мой.

— А мы сохраним, отец.

— Если ты сам же не продашь. У тебя работают русские мастера, думаешь, они сидят сложа руки? Как вижу, и сам не возражаешь. Так устроено в мире, сын мой. Теперь выслушай меня. С легкой руки хана Ибрагима, как тебе ведомо, базарный город на берегу Итили* почти перешел в руки князя Андрея Боголюбского. Он там уже начал собирать с болгарских купцов пошлину, стало быть, считает, что город стал его вотчиной. Нам, сын мой, нужно построить город ниже по Итили. Пусть он красотой и величием затмит тот торговый город. Мы здесь подумали, посоветовались с визирем и пришли к мнению — заложить город на том месте, где

* Торговый город болгар на месте будущего Нижнего Новгорода.

Казань-река впадает в великую Итиль. Там есть возвышенное место, называемое Вишневою горой, внизу озеро Кабан, дичи много, рыбы, разного зверья.

— Отец, там кишмя кишат змеи, по берегам озера бродят дикие кабаны. Живущие там тюрки и черемисы рассказывают, что на Вишневой горе проживает Аждаха.

— Знаешь, что сказал об этих змеях визирь Исхак, сын мой? Это, сказал он, хитрость черемисских шаманов, чтобы препятствовать закладке нового города. Дай Аллах, чтобы было именно так. Согласись, сын, нам нужно построить на берегу Итили большой базарный город. Пусть и крепость там же будет. Ибо купец, из какой бы страны он ни был, должен торговать спокойно, верить нам. Итак, сын мой, земля твоя, мастера мои.

— Хорошо, отец! Я согласен.

— И пусть сначала визирь Исхак осмотрит, облюбует местность. Потом еще раз поговорим. Думаю, при закладке города и брат твой Ильхам не останется в стороне. Об этом, думаю, договорились. А как там внук мой? Сноха Акбике? Жива-здорова? Слышал, что сестра багадур Бачмана — как ее зовут, кажется, Зайтуна? — так вот, я слышал, что она прогоняет каждого свата. Правда ли все это?

— Отец, Зайтуна умная,мышленная девушка. Читать, писать умеет. Если встретится желанный, думаю, она не упустит своего счастья.

— Сын мой, ты слыхал, вероятно, что Джик Мерген, закончив дворцовую школу, уехал к старшему брату Тубыкбаю. Но повздорил с братом и ударился в бег. Тубыкбай сам не свой, ищет его. Говорят, что Джик Мерген скрывается в твоих лесах, правда ли это?

— Небылицы, отец, я бы прослышал об этом, не хочу брать на себя грех. К Джик Мергену я относился с большим уважением, но эту его бездумную затею я тоже не одобряю. Да и багадур Тубыкбая не защищаю. Дерзок он, высокомерен, тщеславен. Земля не только его...

— Умно сказал, сын. Если отец станет ссориться с сыном, а брат с братом, то у народа исчезнет единение. Перед закладкой нового города нам всем нужен прочный мир, сын мой. Шейх Иганай открыто враждует с епископом Аббасом, науськивает на него всякую чернь и даже язычников. Да, он, по нашим понятиям, гяур, неверный. Но ведь когда великий князь Юрий Долгорукий пошел на нас войной, мусульмане и христиане плечом к плечу дрались с неприятелем. И защищали великий город. Своими глазами видел это. И мне пришлось в битвах участвовать.

— Отец, мне трудно об этом судить. Я не люблю ни епис-

копа Аббаса, ни шейха Иганая. Мне даже ближе шаманы, хотя я мусульманин. Шаманы хоть беседуют с земными людьми. А епископ и шейх направляют надежду человека в небеса. От небес я жду только одного доброго дела — дождя. Остальное все, мне кажется, в руках человека.

— Тауба, тауба, не гневи Аллаха, сын. Плюнь через левое плечо! — Салим-хан бросил взгляд на секретаря Хафиза. — Уж больно дерзок ты стал, греха не боишься. Хватит, теперь иди. Ступай, путнику лучше быть в пути!

— Отец, у меня еще одна просьба к тебе.

— Что еще?

— Не брал бы ты в дворцовую школу моего младшего сына. Услышав об этом, твоя сноха Акбике загоревала. Плачет: дескать, в доме не останется ни одной живой души.

— Пусть поплачет! Что слезы для женщины? Мужчина ты или нет? Ханские внуки должны учиться в дворцовой школе! Так было, так будет. Чтобы с будущей недели мой внук Джаббар был в дворцовой школе! Мне не нужны неженки тысяцкие, воспитанные ласковыми матерями. На поле битвы мать с собой не возмешь. Ступай и помни, что я тебе сказал!

— Хорошо, отец, поступлю, как ты сказал.

Эмир Хаджи ушел от отца, так и не сумев сказать нужного для него слова. Салим-хан проводил взглядом ссутулившуюся спину сына. Строен был сын, но и его стала пригибать жизнь, подумал Салим-хан. Годы прожил, а все с одной женой живет. Женился бы еще, чтобы кровь побродила в жилах, и не тревожился бы так о своих сыновьях. А младший внук мне нужен на случай, если что случится с Гали, сын мой эмир Хаджи.

Когда ушел эмир Хаджи, Салим-хан неожиданно обратился к секретарю Хафизу:

— Возьми бумагу, перья и пиши: «В самую пригожую пору лета хан Булгарии Салим повелевает заложить несравненный город-крепость. Выбрать место для города-крепости должен визирь Исхак». Написал? Теперь ступай!..

После ухода секретаря Хафиза Салим-хан велел привратнику Камаю позвать табиба Антония. А когда после долгой беседы Антоний ушел, хан велел найти куда-то запропастившегося привратника Камая. Привратника долго не могли найти, что вызвало гнев хана:

— Где ходишь, шар неотесанный? Завтра же прогоню! Будешь в конюшне работать. Нет, пошлю на Яик ставить крепость, чтоб дурь и лень из тебя вышли. Там натаскаешься и глины, и бревен.

— Вина на мне, светлейший, конюх вывел гнедого, выпустил вожжи, измучился, не мог поймать...

— И ты поймал?
— Поймал, хан мой. Схватил за голову и повис. Долго ли он протащит меня? Остановился, глаза красные. Вот смотрите, халат порвал — дикая лошадь, а не конь.

— Далече же жеребец тащил тебя, даже халат порвал?
Салим-хан начал от души смеяться. Да и как не смеяться, когда лицо привратника Камая в ссадинах, дорогой халат от плеча до подола порван. Вслед за ханом над своим видом засмеялся и привратник Камай. Смеха его не было слышно, только лицо побурело да живот ходуном заходил. Салим-хан увидел, что все туловище Камая трясется, а смеха не слышно. Что за чудо!

— Слышь, Камалетдин, — обратился к нему хан, впервые добавив «етдин», — почему, когда ты смеешься, голоса твоего не слышно?

— Не знаю, хан, — сказал Камай, вдруг перестав смеяться. — Видно, в чрево уходит.

— Куда? В чрево?! — удивился Салим-хан и вновь стал смеяться.

Привратник Камай вторил ему, но опять-таки беззвучно.

— Я тебя, облизанного теленком, и впрямь сделаю конюхом, а конюха сделаю своим привратником.

Привратник Камай тут же посерьезнел:

— Вина на мне, светлейший.

— Вина, какая еще вина? Слышишь, Камалетдин, почему тебя не любят женщины? Например, когда ханша Зубаржат увидит тебя, лицо ее становится кислым.

— Я бы так не сказал, хан. Женщины они, что тебе собаки, на голую кость не бросаются.

— Хе-хе, как метко сказал... Вот так Камалетдин, вот так привратник...

— Я не думаю, что она с отвращением глядит на меня, хан.

Салим-хан громко рассмеялся, держась за живот, сполз с трона. Наконец, вытирая слезы, с трудом, охая и вздыхая, снова водрузился на трон:

— Нет, я тебя никому не отдам, привратник Камай. Я нужен тебе, ты — мне.

5

На следующий день рано утром обоих ханских внуков привели во дворец. У дворца их ждали оседланные кони. Джигиты быстро облачились в доспехи. На солнце красиво блестели ножны и рукоятки кинжалов. В это время ко дворцу подошел тысяцкий, багадур Баян. Он подождал, пока внуки хана сядут на коней, и позвал их к себе.

У Салим-хана при виде внуков в военных доспехах, да и к тому же рядом с багадуром Баяном, сжалось сердце. Ведь один из внуков может не вернуться во дворец. Чем в будущем прольется кровь между двумя братьями, пусть сейчас будет так, как он решил.

Салим-хан махнул внукам рукой, багадур Баян повернул своего коня к воротам, за ним последовали внуки хана. Перед выходом из крепости их догнали кази Саксин и секретарь Хафиз. Внук хана Гали, увидев своего учителя, обрадованно вскрикнул:

— Учитель, и вы едете! Ур-ра!

Распахнулись дубовые ворота внутренней крепости, опустился висячий мост, и путники выехали из ханской цитадели. Багадур Баян по приказу Салим-хана взял с собой для сопровождения сто азатов.

Когда выехали за ворота, багадур дал знак своему сотнику остановиться. Они подождали визиря Исхака. Визирь подскочил и крикнул ожидавшему багадуре Баяну:

— Тронулись!

За внешними воротами ехавший впереди багадур Баян пустил лошадь рысью. За ним устремились внуки хана, секретарь Хафиз, кази Саксин, визирь Исхак и азаты хана под началом юзбаша.

— Кази-агай, поравняйся с нами, укроти свою лошадь! — крикнул, обернувшись, отрок Гали.

И багадур Баян, обратился к ехавшему рядом визирю:

— Звонкий голосок у этого отрока, может, в пути сотником его сделать?

Визирь Исхак ничего не ответил: плохое настроение не располагало к разговору.

Тем временем солнце поднялось, стало пригревать спины, военные доспехи стали тяжелыми, сабля на каждом шагу ударяла по бедрам.

Доехав до реки Малый Черемшан, сделали короткий привал, напоили коней. Приумолкли ханские внуки, безостановочно говорившие всю дорогу от великого города.

Перейдя Малый Черемшан, багадур Баян выслал вперед четырех азатов. Они должны были обследовать дорогу, по которой предстояло ехать ханским путникам. Багадур Баян, которому дорога была хорошо знакома, напомнил, что к вечеру они должны доехать до города Брахимова. Никто ему не возражал, да и не имел права возражать, ибо багадур Баян отвечал за безопасность ханских внуков и их сопровождающих.

Дорога привела к берегу еще одной реки. Но мост оказался разрушенным. Из воды торчали только дубовые сваи.

Дозорные в поисках переправы поскакали вниз по течению. Вскоре они вернулись, обрадовав, что недалеко есть брод. Поскакали с ветерком вниз по берегу, немного погодя увидели, что на середине реки стоит запряженная в повозку лошадь. Подъехавшие азаты, разбрызгивая воду, поспешили к ней. Хозяин настегивает лошадь кнутом, а она, бедняжка, толкается вправо-влево, но сдвинуться с места не может. Азаты ухватились с обеих сторон за оглобли и помогли лошади вынести повозку на берег. Длинноусый агай начал благодарить азатов, освободивших его из плена реки. Затем поправил подпругу, подтянул чресседельник, стянул хомут, привел в порядок расписную дугу с медными колокольчиками. Внук хана Гали внимательно наблюдал за его действиями. Тем временем открылся полог и показалась изящная девичья головка. Увидев ее, Гали онемел. Девушка милым голоском проговорила:

— Тысячу, тысячу благодарностей вам, ханские азаты!

— Джигит, молодой азат, освободи дорогу, не то как бы не угодить под колеса! Джигит, говорю! — повторил возница.

Но Гали не слышал этих слов, он заворуженно глядел на девушку и не мог раскрыть уста, язык словно прилип к нёбу. Девушка глядела на молодого азата, пожиравшего ее глазами, и сдержанно улыбалась. Она видела в его взгляде и присущее подросткам любопытство и в то же время восхищение ее красотой.

— Откуда держите путь, туташ? — спросил наконец отрок.

— Отстанешь от своих, мерген, накажут тебя, — сказала девушка, выказывая озабоченность.

Голосок девушки очаровал его, он готов был его слушать и слушать. Ему хотелось разговорить девушку.

— Спасибо, туташ, тому, кто отправил тебя в дорогу, спасибо указавшему переправу, тысячу благодарностей твоему возничему. Если бы он не остановился на середине реки, я не увидел бы тебя. Вполне вероятно, никогда не увидел бы...

От этих слов даже возничий замер на телеге, а девушка несказанно удивилась. Они оторопело смотрели на молодого азата, далеко отставшего от своих спутников. В своем ли уме этот юноша-азат, что содеялось с ним?

— Туташ, я дарю твоему возничему вот эту свою саблю. Не спрашивай причину. Не скажу. Сабля моя. Это во-первых. Во-вторых, если бы не он, я бы не встретил тебя. Он святая душа. Святым не только саблю, если потребуется, душу отдашь.

Вот те раз! Как разговаривает безусый юноша-азат! Как взрослый джигит. Смотри-ка, на самом деле отстегивает саб-

лю, отдает вознице. И тот берет. Что скажет сотник? Отдерет ремнем юного азата...

— Ташбулат-агай, нельзя, не бери! Смотри, вон его сотник возвращается! Накажет он его.

— Туташ, сабля моя, хочу — дарю, хочу — в реку брошу. Багадур мне ни слова не скажет, права нет у него возражать.

— О Аллах, как высокомерно разговаривает этот юноша. Как бы чего не случилось с ним, Ташбулат-агай...

— Гали-улан, — сказал подоспевший сотник, — багадур Баян послал за тобой. Вон он сам уже едет.

Поднимая клубы пыли, подскочил к ним багадур Баян. Остановил коня около телеги и увидел девушку. Странно, строгое лицо багадура тут же расплылось в улыбке.

— Выяснил, кто виноват, что застряли в реке, Гали-мерген? Я вижу, из-за него такая чаровница чуть не осталась у водяной.

— Я, наоборот, хвалю его, багадур. Даже саблю ему за это подарил. Почему? Когда бы я еще встретил такую девушку, если бы не этот благородный человек? Он чувствовал, что едут джигиты за ними. Надо подождать. А как? А вот так...

— Юный мерген столь искусен в разговоре, багадур, — сказал возникший. — Если нельзя, я верну ему саблю. Просите его великодушно! Молод еще. Но возмужает, будет благородным мергеном.

— Если бы он взял обратно саблю, я бы сам не похвалил его за это, — сказал багадур Баян и обратился к девушке: — Куда путь держишь, красавица, где живут твои родители?

Спросил, а сам про себя подумал: «Сколько в ней красоты, о боже! Знает ханский внук, в кого влюбляться, перед кем благородством щегольнуть. Эх, еще не одну такую встретишь, внук хана Гали. Я тоже в твою пору влюблялся в каждую встречную красавицу, принимая ее чуть ли не за богиню. Впрочем, эта впрямь как богиня. Ты только посмотри на ее глаза — словно арканом притягивают к себе! Лучи сверкают, вся сияет, а улыбка — как само солнце».

— Багадур, тебе приходилось видеть птицу Самруг? — спросил внук хана Гали.

— Нет, мерген, не привелось. А увидев эту девушку, могу поклясться перед богом, что встретил птицу Самруг.

— Я тоже, багадур.

— Багадур, — сказал возникший. — Девушку зовут Зулейха, едем мы в город Брахимов. Сказать скажу уж, багадур, девушку интересуете не вы, а вот этот юный азат.

— Вон как, — сказал багадур Баян и, подстегнув коня камчой, помчался прочь.

— А почему юный мерген не уходит? — спросила Зулейха и нежно улыбнулась.

— Пока не скажешь имени отца и матери, юный мерген никуда не уйдет, Зулейха-туташ.

— Ты у нее не спрашивай, мерген, спроси у меня. Отец ее — городской наиб Якуб. Остальное сам узнаешь. Человек он известный, пользуется у народа уважением.

— В таком случае и меня пусть узнает Зулейха-туташ. Зовут меня Гали, мой дом — великий город, еду я закладывать новый город на Итили. Кто знает, возможно, стоящий перед вами юный мерген когда-нибудь станет эмиром этого города.

— Эмиры, конечно, не пророки, но люди весьма почтенные, уважаемые, — проговорил возничий.

— А я возвращаюсь от своего деда из Черемшана, — сказала девушка горделиво.

— Да, с утырмы* возвращается туташ, юный мерген. Ездил в Черемшан к дедушке с бабушкой.

Девушка улыбнулась, и перед Гали словно распахнулся лазурный небосвод. Пусть бы она всегда так улыбалась! Ее улыбка, как ворота счастья. Говорят, на вечере благопожеланий открываются ворота счастья, и если ты в этот момент успеешь загадать желание, получишь все, что успеешь выпросить.

Возничий тронул лошадь. Гали поехал рядом, держась за поручень крытой повозки. Девушка увидела это. Ее черные брови взметнулись вверх, длинные ресницы встрепенились, от улыбки все кругом осветилось, и отрок Гали в растерянности стегнул своего коня и, промчавшись какое-то расстояние, вновь вернулся.

Возница не торопит лошадь, подарок ханского внука лежит на его коленях, он поглаживает саблю, что-то говорит про себя, шевеля тонкими губами.

— Туташ, Зулейха-туташ, твой глаза — солнце, твой лик — сама луна. С твоих ресниц каплет утренняя роса, с твоих губ льется мед... Эх, увидеть бы во сне твой ясный лик и умереть бы с твоим именем на устах, — восторженно проговорил внук хана Гали.

— О, что ты говоришь, юный мерген, ведь это стихи! Ты поэт?

— Красоту твою узрев, лишился я рассудка, коль упаду я пред тобой без чувств, любимая, возьмешь ли ты меня?

— Это же песня! О Аллах! — воскликнула девушка.

* У т ы р м а — обычай, когда девушка продолжительное время гостит у родственников и занимается рукоделием.

Откинув с лица шелковый зеленый платок, она счастливо улыбнулась юному мергену, затем стянула с головы платок, положила косу на грудь. Зазвенели серебряные мониста. Это движение девушки имело тайный смысл: ты мне нравишься, ты мне мил.

Среди отъехавших порядочное расстояние путников хан на первом о Гали забеспокоился секретарь Хафиз.

— Визирь, почему багадур Баян дает свободу отроку? Во дворце он — внук хана, здесь — его азат. И должен ему подчиняться беспрекословно, пусть даже это ханский внук. Визирь Исхак, почто не отвечаешь?..

— Не беспокойся, догонит он нас. Мне кажется, багадур Баян и сам не очень торопится.

Может, это первая и последняя встреча с девушкой. Человек должен отправиться на тот свет со светлыми воспоминаниями, подумал визирь Исхак после ответа секретарю хана Хафизу. Как бы ни был суров визирь, он жалел ханских внуков. Он еще не знал, на кого из двоих внуков падет жребий, но ясно понимал, что, возможно, один из внуков не вернется в великий город, останется лежать в земле, в основании нового города.

Визирь Исхак беспрекословно исполнит волю Салим-хана. Без этого ему лучше не возвращаться. Кто знает, может Салим-хан отдал тайно приказ уже в пути отделаться от него. Неспроста, видать, послал с ними кази Саксина. Если решено, то эта лиса и в пути найдет, за что судить визиря Исхака — или ядовитая змея ужалит ханского внука, или разобьется он, упав с коня.

Саксин, исполнявший в Кара Пулате должность кази, сумеет объяснить хану, что трагически погиб визирь по дороге на север. Опытен был кази, через его руки много людей прошло. Сам он не убивал, лишь готовил людей к этому. Коварный, хитрый кази знал много способов избавиться от неудобных для хана людей. И тем не менее даже он не скоро расправится с визирем Исхаком. Исхак еще потягается с кази Саксином. Все в руках Аллаха! Мы в пути, а в пути лес — уши, поле — глаза. Будь настороже, визирь Исхак. Бестолковому Салим-хану ты дал ненужный совет, теперь ищи способ исправить свою ошибку.

И все же внуков хана жаль. Только-только глаза прорезались, как загорелись при виде девушки. Юность — неповторимая пора. Весьма возможно, что среди азатов багадура Баяна есть близкие люди хана. К подозреваемому Салим-хан приставляет тройной ряд доносчиков. Впрочем, некого обвинять визирю Исхаку, он сам научил хана подобной слежке. Теперь бумерангом возвращается к нему напасть.

Уже при выезде из крепости визирь Исхак уловил: за ним следят. Если кто не знает об этом, то только секретарь Хафиз. Для него весь мир — книги. Секретарь хана Хафиз человек образованный, он умен, в отличие от хана. Была бы воля визиря, он именно секретаря Хафиза посадил бы на болгарский трон. Но такое сбывается только в снах, ибо ханы занимают трон по воле Аллаха, и народ этому верит, ибо так утверждает пастух хана шейх Иганай. Но визирь Исхак знает: ханов сажают на трон духовные отцы вроде шейха. Это утвердилось в Булгарии еще со времен хана Айдара вместе с пришлой исламской религией. А сейчас уже никто не может нарушить или развенчать этот установленный будто бы самим Аллахом обычай. Теперь все в Булгарии считают, что хан ниспослан Всевышним. О Аллах, как темен народ, как он глуп и доверчив! Разве пророк назначает ханов? Знает ли народ о первопричинах этого явления? Видимо, есть и знающие люди. Но вот они-то как раз ничего не скажут. Да, шейх Иганай не дурак, кстати, и епископ Аббас поет ту же песенку — ханы, князья посланы самим Всевышним. Возможно, среди ханов и князей милостью Аллаха встречаются умные люди. Только, сколько ни живет на свете визирь Исхак, подобного хана или князя еще не встречал. Теперь уже и не встретит, чует его душа. Неужели сам Салим-хан без подсказки не знал, как освободиться от одного из внуков? Ждал, когда визирь подскажет? Хитер, коварен Салим-хан. И шейх Иганай таков же. Его цель одна — чтобы ему беспрекословно подчинялись все, именем Аллаха он может поставить на колени любого смертного. Вот у кого власть, вот в чьих руках судьбы людей, судьба Булгарского государства!

Да, кто только ни сидел после принятия ислама на троне болгарском. Один укреплял государство, другой его разваливал, третий разбазаривал нажитое отцами и дедами богатство, четвертый не ладил с соседями, пятый любил женщин, имел много жен и наложниц. Какая же забота о государстве может быть у человека, содержащего целое стадо жен! Самым могущественным, самым умным был, без сомнения, основоположник Великой Булгарии Кубрат-хан. Велик и славен был этот хан, его имя гремело далеко за пределами страны. После гибели в бою Кубрат-хана, не выдержав натиска хазар, его старший сын Батбай пошел на поклон к хазарскому кагану. Второй сын, Кодрак, вынужден был переправиться в верховья Итили. А третий сын, Аспарух, отправился к берегам Дуная.

В верховьях Итили Кодрак-хан объединил свой народ с местными родичами-тюрьками, вошел в равноправный их со-

юз. Породнился с народами ису, вису, уграми. И, объединив их, создал государство.

Когда Кодрак переселился в мир иной, его сменил хан Ишкул. И тот свое отжил. И так болгарский трон переходил от хана к хану, пока на него не вззошел второй сын хана Ибрагима — Салим-хан. Кто сядет на болгарский трон после Салим-хана? О том ведомо лишь Аллаху. Сыновья Салим-хана не сели на трон. Значит, остается один из двух старших внуков. Другой ляжет в основание нового города. Не варварство ли это? Оставшийся же внук и сядет на трон после смерти хана.

Возможно, будущие поколения будут смеяться над обычаями предков, но простят, объяснив странностями времени. И никто не узнает, что он, визирь Исхак, дал бестолковому Салим-хану глупый совет. Салим-хан, словно утопающий за соломинку, ухватился за слова визиря. Одно утешение остается визирю Исхаку: этот обычай не он выдумал, так шло от отцов-дедов, живших до принятия ислама. Чтобы новый город стоял вечно, был могучим и жизнедеятельным, с давних времен люди хоронили в основании города ребенка ханского рода. Самое ужасное было в том, что теперь все народы забыли этот обычай, а Салим-хан обеими руками ухватился за него.

Глупец, дикарь, болван! Постой, я говорю: болван. А если Салим-хан подстроил все это? Чтобы, скажем, освободиться от своего визиря?! Очень даже удобно! Визирь Исхак приносит в жертву одного из внуков, а хан велит отрубить визирю голову, потому что он сотворил неугодное шарияту злодеяние. Невежество это, тупость и глупость. И он грешен перед Аллахом?..

Вот тебе и бестолковый хан! Хитер, коварен Салим-хан. То-то, я вижу, около глупца глупцом прикидывается, около умного — умным. Вот она, жизнь, сколько коварства заключено в человеке, в этом божьем создании...

Визирь Исхак обернулся, внук хана отстал намного.

— Сотник, позови отрока! — приказал он решительным голосом.

И визирь Исхак почувствовал в себе былую энергию. Да, сначала он потягается умом с ханом и кази, а там видно будет, чья возьмет.

Сотник пронзительно свистнул. Услышав свист, конь отрока так взвился, что Гали чуть не слетел с седла.

— Распалил коня совсем, отрок. Не тяни уздечку, отпусти, пусть скачет по своей воле, остановится, когда нужно! — слышались крики, советы азатов.

Смеялись все. Весело было азатам, которые, можно сказать, рождались на коне. Гали и взаправду в первый момент

испугался, но, послушав совета азатов, отпустил поводья. Конь немного проскакал и повернул обратно.

— Усмирил, усмирил я его, — поспешил оправдаться Гали перед багадуром, и, хотя лицо его побелело, он старался не показать только что пережитого страха.

— Сладки, видно, речи девицы, иначе конь не горячился бы, приревновал он тебя к ней, — усмехнулся едва поспевавший за ним сотник.

— Багадур, — сказал Гали, когда страх его прошел, — позволь еще раз съездить... Я не упущу вас из виду, догоню вас.

— Поезжай уж, поезжай, — сказал багадур Баян, а про себя усмехнулся, вспомнив образ красавицы.

Гали снова помчался, погоняя коня. В это время показалась широкая, полноводная Итиль. Один из азатов запел:

Синь небес и вод твоих, о Итиль,
Нежная ласка для души больной.
В поймах соловьев любовный посвист
Всюду будет следовать за мной.

Устремил глаза я в небо синее,
Лежа на твоих, Итиль, лугах.
Я б искал, нашел свою зазнобу
На лужайке солнечной, в цветах.

Мнится мне, что ранней зорькой
С неба звездочка летит стрелой.
Выйди на Итиль, любимая, встретить
Мужа, что спешит к тебе с тоской!

Итилькай, к тебе спешу я,
ожиданьем страстным утомлен!
В твоих водах чистых лебедь
Гордо плавает и бьет крылом.

Итилькай, к тебе спешу я,
Радостью безмерной окрылен!
Милая, к тебе спешу я,
От любви горя огнем!

На окраинах города Брахимова путь ханскому отряду перегородило возвращающееся домой стадо. Коровы шли медленно, бережно неся набухшее молоком вымя. Пастухи, на лошадях пасшие целый день под знойным солнцем, поигрывают длинными, как змеи, кнутами.

— Поменяемся конями, пастух? — пошутил один из азов, но пастух даже не взглянул на него.

Когда въехали на окраинную улицу, визирь Исхак велел путникам остановиться. После стада в воздухе стояла пыль, да и всех утомила длинная дорога, хотелось попить, поесть и отдохнуть. Однако внутренние ворота города были закрыты. Время вечерней молитвы, пока она не кончится, ворота не откроют — таков порядок.

Секретарь хана Хафиз нет-нет да взглянет в сторону отрока Гали. Хафиз не знает, зачем едет смотреть на закладку города. Хан повелел — значит, так нужно. Визирь Исхак тоже смотрит на отрока Гали. Почему отрок Булат все время около багадура Баяна, разговаривают, смеются. А вот отрок Гали в стороне, ни с кем не разговаривает, ни с кем не общается. Озабочен, грустен, замкнут. Встретил небесное создание и потерял покой? Или что другое? Хан послал своего секретаря записать событие в летопись, а вот внуки для чего? Пусть, скажем, кто-то из них в будущем городе останется эмиром. Пусть будет так. Зачем тогда визирь Исхак так странно поглядывает на отрока Гали?

Посмотри на этого карапулатского ворона кази Саксина! Все время трется возле меня. Что ему нужно? Нет уж, секретарь хана Хафиз слова лишнего не скажет ему. Кази хитер. С ним мне не хочется разговаривать.

Отрок Булат, видимо, завидует двоюродному брату, и тоже время от времени посматривает в сторону Гали. Завидует, конечно. На празднике цветов в борьбе победу одержал отрок Гали, а их дед Салим-хан обещал болгарский трон тому, кто одержит победу, то бишь победителю — отроку Гали. Не где-нибудь, а перед всем честным народом. И пробудилась в отроке Булате зависть, в сердце его зажглось пламя борьбы за власть. Это заметит каждый, если не слепец, подумал секретарь Хафиз.

Отрок Гали отрешен от всего, перед глазами ханского внука стоит только встреченная в пути Зулейха-туташ. Что творится в душе отрока Гали, даже секретарь Хафиз не мог увидеть.

Лишь визирь Исхак немного понимал состояние Гали. Он знал цену юношеской влюбленности. И еще одно знал хорошо: девушки во всех отношениях созревают раньше. Девице, вероятно, семнадцатый годок пошел, а ханскому внуку всего-навсего четырнадцать стукнуло. Сначала девушке отрок показался юнцом, мальчишкой, а потом... Отрок Гали умен, начитан, речист, к тому же воспитан на книгах древних поэтов, воспевающих красоту, нежность лучшей половины человечества. Внук хана поражен красотой девушки, она те-

перь для него само божество; однако вне сомнения и то, что отрок Гали заронил зерно смятения и в девичью душу. Не зря говорят: мужчины любят глазами, а женщины — ушами. Впрочем, тот, кто до конца понял женщин, вряд ли будет счастливым. Женщины прекрасны, когда остаются тайной для тебя. Только тогда они притягивают к себе, волнуют. Мы, мужчины, называем их богинями, а они — простые земные создания, такие же, как и мужчины, только мысли-мечты у них другие — легки как пух, дунь ветерок — и разлетятся. А мечты мужчин подобны лежащему на земле камню, который взлететь на небеса не может.

Вечерняя молитва кончилась. Висячий мост опустился, ворота крепости раскрылись — ханские путники въехали во внутренний город. Караулбаши крепости, кланяясь визирю Исхаку и багадuru Баяну, встретил их, дал им сопровождающего, который повел их в один из домов в центре, быстро определил на постой и остальных. Азаты караулбаши чуть ли не на руках понесли ханских внуков.

Устроившись в доме, отрок Гали пошел искать не визиря Исхака, а багадuru Баяна. Найдя багадuru, он, смущаясь-запинаясь, сказал о своем желании увидеть наиба города — Якуба. Багадур Баян посоветовался с визирем Исхаком и лишь после этого, дав в сопровождение двух азатов, с наказом не слишком опаздывать, они отпустили отрока Гали.

* * *

Наиб города Якуб, видимо, совершенно не ждал визита ханского внука. Когда у ворот остановились ханские азаты, он поспешно бросился открывать ворота.

— Добро пожаловать, гости! Проходите, проходите! Привяжите своих коней. Вы, азаты, дорогие мои, идите вон в тот дом под ивой, там вас накормят, напоят, развлекут. Ты, отрок Гали, пожалуй в дом!

Отрок Гали впервые увидел наиба города Бряхимова Якуба, отца Зулейхи-гуташ. Но очень надеялся, что отношения с ним быстро наладятся.

— Здравствуйте, Якуб-ага, как живете-здравствуете? — сказал отрок Гали, сойдя с коня, вручив уздечку хозяину дома.

— По милости Аллаха! Добро пожаловать, отрок, благополучно ли доехал? Рассказывала Зулейха, ты от беды их спас. Кучер мой на седьмом небе от счастья — оказывается, ты подарил ему саблю. Проходи, Гали, проходи! — вдруг доверительно заговорил Якуб-ага.

Дом наиба города Якуба сложен из толстых бревен, окна

большие, крыльцо просторное. Взойдя на крыльцо, отрок Гали глянул в сторону Итили — великолепный вид открывался отсюда, не наглядисься. На том берегу Итили крутояр, на самом высоком месте сторожевая вышка, там же пасется табун лошадей, несколько поодаль небольшой аул, посередине взметнулся башенкой минарет мечети.

Наиб Якуб не знал, по какому поводу явился к нему ханский внук Гали, но решил не расспрашивать его. Согласно поверию, если в дом придет кто-нибудь из ханского рода, на жильцов дома посыплется изобилие. Какое изобилие, никто не знает, да это и не важно. Для наиба Якуба важно, что ханский внук пришел в его дом. И приход такого гостя уже счастье. А изобилие обязательно придет.

Несколько растерявшийся наиб Якуб прикидывал, по какому поводу пришел к ним отрок Гали. Он встретил в пути Зулейху... А раз встретил, весьма возможно, влюбился. Зулейха достойна любви ханских внуков — раскрасавица, такой в городе более не сыщешь. Да что в городе, во всей Бугарии! Подросла и расцвела дочь. Можно и замуж выдавать. Правда, ханский внук кажется еще юнцом, но в конечном счете разве дело в этом? Дело в том, что отроку Гали понравилась Зулейха. Подумав об этом, Якуб-ага загорелся надеждой. Слава Аллаху, что послал человека из ханского рода.

Тем временем на крыльцо вышла сама Зулейха и вежливо поздоровалась с Гали. Щеки отрока вспыхнули ярким румянцем.

— Здравствуй, Зулейха-тутап! — обратился к ней Гали и последовал за девушкой в дом. Наиб Якуб слегка растерялся.

— Доченька, Зулейха, — сказал он, следуя за отроком Гали, — накройте на стол. Где мать, где она пропадает? Пусть зайдет сюда! Да поживее, как же иначе, ведь ханский внук к нам в гости пожаловал, ханский внук, доченька.

— Ханский внук? — удивилась Зулейха. — Пожалуйте, ханский внук, проходите в красный угол. Я сейчас, отец...

Отрок Гали прошел в комнату, опустился на атласную подушку, брошенную на покрытый войлоком пол. И этим своим поступком удивил наиба Якуба. «Ишь ты, как себя ведет. Да, ханское племя — это ханское племя», — размышлял наиб и сам опустился рядом с Гали.

— Якуб-ага, в городе имеется медресе для девушек?..

— Нет, ильхан, — ответил наиб Якуб, вспомнив, что так называли в древности ханских сыновей и внуков. — Этим пустым головам много и данного Аллахом ума, я полагаю.

На этот раз удивился Гали и пристально посмотрел в

глаза наиба, не шутит ли. И увидел, почувствовал, что наиб еле заметно улыбается, считая его юнцом, ребенком. Да, но он ханский внук, а наиб всего лишь наиб. Отрок Гали хотел пустить в ход свои знания, в том числе и те, что он получил от учителя, секретаря Хафиза. Жаль, что самого учителя здесь нет, он сумел бы поговорить с этим наибом.

— Наиб Якуб-ага, что труднее всего на свете осмыслить человеку?

— Эх, ильхан, много есть вещей, которые трудно постигнуть, несмотря на прожитые годы. Скажем, мне было трудно найти самого себя.

— А что было самым легким?

— Дать совет другому, ильхан. Давать советы всегда легко.

— Когда человек ощущает счастье?

— В здоровом теле присутствует здоровый дух, говорили деды. Человек, здоровый телом и духом, наверное, самый счастливый, ильхан. У здорового человека поступки бывают священные, желания святы. Человек, здоровый духом и телом, скорее поддается воспитанию. И в этом, наверное, счастье, ильхан.

Нет, наиб города — человек просвещенный. Отрок Гали с первых же минут уверился в этом. Значит, дочь Зулейха, если даже внешностью не похожа на отца, тоже должна быть умницей. А красота, говорит секретарь Хафиз, происходит от здорового тела. Обычно Аллах одним женщинам дает красоту, другим — ум, говорит секретарь Хафиз, очень редко встречаются женщины одновременно и красивые, и умные. А я встретил именно такую — Зулейха-тутах и умна, и красива.

— Мой учитель иначе думает о женщинах, уважаемый наиб Якуб-ага. Он говорит, что натура женская по самой природе своей греховна и в то же время безгреховна. То есть по отношению к святому — святая, по отношению к греховному — греховна.

«Вот это да, не скажешь, что это отрок. Каков ход его рассуждений!» — удивлялся про себя Якуб-ага.

— Ошибся я, пожалуй, отрок Гали. Булгарские турки около трехсот лет не принимали ислам, чтобы не закрывать лица женщин паранджой. Ты думаешь, без ведома женщин такое было?

— Аллах создал светлый лик женщин, чтобы услаждать взор мужчин, говорит мой учитель, Якуб-ага.

— Все в руках Аллаха, ильхан. Иногда мне кажется, что женщин сотворил сам шайтан. Чтобы дразнить нашего брата. Не зря, наверное, говорят: волос долог, ум короток... — наиб Якуб взглянул на отрока Гали и, заметив тень недо-

вольства на его лице, поспешил исправить свой промах. — Наш тархан говорит: возьми ум у женщин, ремесло — у мужчин. Есть и среди женщин умные. Вот моя Зулейха, можно сказать, научилась самостоятельно читать-писать. Теперь переписывает книги, многое знает наизусть.

В это время, легка на помине, вошла Зулейха. Отрок Гали не слышал, скорее почувствовал ее присутствие, настолько легки и бесшумны были ее шаги.

— Стол накрыт, отец, пожалуйста, проходите на почетное место.

— Сев на трон, я в первую очередь открою школы для девушек, Якуб-ага, — громко сказал отрок Гали, чтобы слышала и Зулейха.

— Помоги тебе Аллах, ильхан, твоими бы устами да мед пить. А теперь, пожалуй, можно выпить чаю, в горле что-то пересохло.

Вообще-то наibu Якубу показалось неприличным хвастовство ханского внука, но он промолчал: пусть похваляется, кто в его возрасте не воспарял в мечтаниях. Старцу хочется помолодеть, отроку хочется скорее сделаться взрослым, только и всего. Пройдет это, пройдет, ильхан. Не ты один был молод и горяч.

В гостиной был накрыт стол, гостя встретила жена Якуба-ага. Скромно прикрыв уголок рта платком, она легким поклоном приняла приветствие внука хана и пригласила его пройти к столу. Когда он сел за стол, она заговорила:

— Здоровы-благополучны ли, отрок Гали? Спасибо, что вызволили из беды дочь нашу, Зулейху. Аллах вдвойне отблагодарит за это. В добром ли здравии отец с матушкой? Сказывают, братик у тебя есть... Как он? Пойдет учиться в дворцовую школу? Ну и слава Аллаху, мы рады видеть тебя в нашем скромном жилище и принимаем это за высокую честь. Аллах милостив...

«Наверное, о младшем моем брате Джаббаре узнала от азатов», — подумал отрок Гали, удивившись осведомленности жены Якуба-ага.

— Про дочку Зулейху говорю, пристала: поеду да поеду на утырму. А поехала, стала слать письма: хочу вернуться. У дедушки-бабушки привольно, да родные края тянут к себе. В родных краях и воробей свистит соловушкой, говорят.

— Мать, ты бы не словами потчевала гостя, не забывай, он после долгой дороги, не утомляй его пустыми разговорами. Не стесняйся, ильхан Гали, возьми, выпей кумыс, как рукой снимет усталость. Ты, ильхан, не очень-то слушай этих женщин. Ты ей о жизни рассказываешь, а она о своей печали печется. Одним словом, женщина она есть женщина — болт-

лива как сорока. Как-то зашла соседка, жена Габдуллы, слово всего, наверно, с десятка, да и мыслей нет, а провели полдня за разговорами. Скажешь — обидятся, не скажешь — попробуй вытерпи...

На жене Якуба-ага оборчатое темно-зеленое платье, на голове украшенный бисером калфак*, на груди сверкающее монисто, на запястьях серебряные браслеты, на пальцах золотые кольца, на ногах расшитые сафьяновые сапожки.

— Доченька Зулейха, почему молчишь, язык прикусила? Помогай отцу! — сказал Якуб-ага посмеиваясь.

— Отец, не спеши! Если что-нибудь не так, скажешь, когда гость уйдет.

— Хо, помолчи-ка, мать. Дай слово дочке своей, Зулейхе. С утырмы приехала, есть, наверное, что сказать отцу.

При словах отца Зулейха покраснела, смущенно потупила взор. На девушке синее платье со стоячим воротником, поверх платья — красный шелковый камзол, ожерелье из крупных жемчужин, на голове унизанный жемчугами калфак, на запястьях браслеты — не налюбуешься на красивую девушку. Сидит, подобрав красные сапожки, и не спеша, спокойно тянется к чак-чаку, к изюму, каждый раз из-под рукава выглядывает беломраморная ручка. Отрок Гали украдкой поглядывает на ее нежные пальцы.

— Зулейха-гуташ, ты училась бы в дворцовой школе?

— Не знаю, — ответила девушка, взмахнув длинными ресницами, и взглянула в глаза отрока Гали. — Разве туда принимают и девушек?

— Не принимают. Но я бы настоял на том, чтобы принимали.

— Гали-ильхан, рассказывают, табиба Хасана прогнали в Ургенч, было такое?

— Кто его прогонит?

— Скажем, твой дед, — сказал Якуб-ага. — Ханы издревле заставляли неудобных им людей уезжать в чужие земли.

— Табиб Хасан был моим учителем, Якуб-ага. И его никто не прогонял из Булгара. Улуг Мухаммед, шах Хорезма, жестоко занемог и молил моего деда послать к нему табиба Хасана.

— Я тоже так подумал. Табиба Тажетдина также выпросил Улуг Мухаммед. Не болеет, не недужит этот шах, а хитрит, собирает в свою страну знающих, толковых врачей. Да и о каменщиках не забывает. Кто такой мудрец? Это мерило достоинства страны, а умные ильханы — ее гордость.

* Калфак — традиционный женский головной убор татар Среднего Поволжья и Приуралья.

Услышанное было новостью для отрока Гали, однако он не подал вида:

— Мой дед, возможно, ошибся. Он перед всем народом обещал мне свой трон. Сев на трон, я верну табиба Хасана, Якуб-ага, а вас возьму в свой дворец советником.

— Ешь, будь как дома, ильхан, — принялся угощать Якуб-ага, испугавшись, что сболтнул лишнее и дал сказать лишнее отроку. Не подобает так говорить о хане даже его внуку. Если ханский внук, вернувшись, перескажет деду обо всем, что сказал наиб города Брахимова, хан его по головке не погладит.

Отрок Гали старался показать наibu и его дочери свою осведомленность в государственных делах и в какой-то мере достиг этого. Однако видевший многое в жизни, добившийся поста наиба города Якуб-ага не совсем верил ханскому внуку. Отрок Гали догадался об этом по чуть приметной улыбке наиба, который великодушно старался принять отрока таким, каким тот представлял себя. Но Гали не знал, что думал о нем Якуб-ага.

Наиб радовался ходу мыслей ханского внука. Обычно все ханы, сев на трон, хотят претворить в жизнь мечты детских лет, хотя не всегда и не всем это удастся. Скажем, юные наследники нередко мечтают о ратных подвигах, о завоевании многих стран и, став ханами, принимаются проводить в жизнь эту свою детскую мечту. Другие мечтают сделать образованными государственных людей и весь свой народ и тем самым благоприятствовать процветанию страны. Если этот отрок начнет открывать школы, даже для девочек, грамотных людей в стране прибавится, ибо известно: одно из средств низведения человека до скотского состояния — невежество.

Память человека бессмертна, и он бывает счастлив, вспоминая юношеские годы. Былые мечты для него — неисчерпаемый родник, неугасимая звезда, незабываемая мелодия. А Зулейха, деточка, смотрит на ильхана чуть свысока. Не надо бы так, дочка! Будущие ханы рано становятся гордыми и своенравными. Ты считайся с ним как с равным, дочь, к нему, к его словам относись с почтением. Кто ведает, если суждено Аллахом, в один из дней сядет он на трон. Все в руках Аллаха!

Наиб Якуб в душе страстно желал, чтобы дочь Зулейха искренне разговаривала с ханским внуком.

— Дочка, может, я говорю, на кубызе сыграешь ильхану. Мне кажется, он будет рад послушать музыку.

— Отец, зачем все это! — воскликнула жена, не одобряя предложение мужа.

— А ты, женушка, не вмешивайся в мужские дела. Когда

подковывают лошадь, лягушка лапку не подсовывает. Сиди и слушай!

Зулейха, смущаясь, взяла в руки кубыз и заиграла древние мелодии. И тут же в глазах отрока Гали она превратилась в соловушку, поющую в ветвях ивы.

Влюбленный времени не замечает. Это истина. Для влюбленного что день, что ночь. Лишь бы любимая была рядом, лишь бы видеть ее, слушать ее.

Кто первым об этом догадался, мать девушки или отец? Разве это важно? Главное, что, словно сговорившись, оба вышли под каким-то предлогом. Когда Зулейха и Гали остались одни, девушка переборолла смущение, стала разговорчивее. Сначала она прочитала, хоть и нерешительно, стихи Баласагуни, потом Аттари, затем перешла к стихам Абдуллы Галаяу. Чистый и серебристый голос Зулейхи каждый стих делал песней. И это окончательно полонило душу Гали. Ведь отрок любил стихи, неплохо читал их сам, знал стихи многих поэтов. А от девушки этого он вовсе не ожидал, тем более что она росла вдали от великого города. Быть влюбленным — одно дело, это как болезнь: переболеешь и, возможно, все пройдет, а когда тебя пленит ум девушки, ее прелестная душа — тогда спасения не жди, с этого дня ты — ее раб. В женщинах есть свойственная только им одним нежность и пленительное очарование. В них находишь и необычайную ласковость, доверчивость, и простодушие, стыдливость, застенчивость, и явное желание показаться слабой. Джигитам же свойственны самоуверенность, важничание, некоторая горделивость, стремление выказать свою силу. И эти юные сердца сумели показать друг другу все лучшее, что дали им воспитатели.

Отрок Гали рассказывал девушке о дворцовых обычаях, новостях, о том, что младший брат багадура Тубыкбая Джик Мерген в бегах. И еще до него дошло, что мастер Дауран любит ханскую дочь Назлыгюль. И он, хан Гали, первым делом предоставит им возможность пожениться. Джик Мергена, который скрывается в лесах эмира Хаджи, сделает дворцовым тысяцким. А что касается его собственной жизни, он никогда не забудет Зулейху и на обратном пути непременно заедет к ней, даже если ему не разрешат этого или если все поедут другой дорогой.

Почему? Да потому, что он влюблен в Зулейху с первого взгляда. И мир для него теперь, с этого часа заполнен только ею одной. Если она согласна, то они непременно соединят свои судьбы, иначе он даже представить не может.

Говоря это, ханский внук стал целовать нежные, пахнущие душистыми благовониями руки девушки. Речь ханского внука была приятна для слуха Зулейхи, хотя она витала в

небесах не столь высоко, как Ильхан Гали, то есть она не очень-то верила его словам. Однако девушка не выказала недоверия, наоборот, возгордившись, сказала: «Постройшь для меня дом с золотой крышей, тогда соглашусь».

Дочь наиба города Брахимова не раз сласала: чего только ни обещают джигиты девушкам: то достать с неба звезду, то луну, даже солнце обещают подарить, хотя знают, что тем самым могут оставить весь мир во тьме. Лишь бы любимой было светло, лишь бы она была счастлива и довольна им. Невероятно, но действительно джигиты готовы исполнить для любимых все. Девушки, как ни странно, не совсем верят им, тем не менее с наслаждением слушают их сказки.

Зулейха, дочь наиба города Брахимова, несмотря на свои шестнадцать лет, была еще ребенком. Отрок Гали, расхрабдившись, считая, что так полагается, потянулся губами к ее розовым от волнения щекам. Зулейха вся затрепетала от смущения, однако, приняв во внимание, что ханскому внуку все это будет приятно, не отстранилась, даже чуточку наклонилась в его сторону. Первый поцелуй вызвал второй, на этот раз Гали обнял девушку. Эх, знал бы он: испытал сладость объятия, он будет каждую ночь являться к девушке в сновидениях, терзаясь сладкими муками любви!

Отрок Гали пока еще не знал этого, но ощутил такую радость и ликование, что вместе с Зулейхой готов был обнять весь мир. От поцелуев у ханского внука закружилась голова. Ах, не сон ли это? Нет, не сон. В дверях как будто стоит отец девушки... И впрямь стоит.

— Отец, — сказала дочь, увидев отца первой. — Ильхан Гали очень любит стихи. Мы читали стихи Абдуллы Галяу.

— Ильхан, — сказал отец, делая вид, что не расслышал слов дочери, — визирь послал за тобой своих азатов.

Да, на улице уже сумерки. Визирь Исхак, как видно, стал беспокоиться. Отроку Гали вовсе не хотелось уходить, но он должен подчиниться визирю. Настанет день, он сядет на трон, и зовущий его сегодня визирь сам прибежит к нему по его приказанию. Но сейчас он не может не подчиниться визирю. Таков порядок.

Отрок Гали не мог отвести взгляда от Зулейхи. Ему стало невыносимо грустно, защемило в груди, хотелось сказать Зулейхе что-то особенное, заветное, самое дорогое и незабываемое, но к горлу подкатил предательский ком, уста безмолвовали. Явно повзрослевший за время этой встречи ханский внук почтительно поклонился девушке, попрощался. Зулейха тоже не сказала ему ни словечка, да, собственно, что она могла сказать? Отрок, за один день влюбившийся в нее, успевший завоевать ее сердце, уже уходит.

Гали взял девушку за руку, и она почувствовала легкий трепет и силу юношеской руки. Он уходит, и она не может ничего поделать. Но она не забудет его никогда! Она впервые держала руку джигита, да еще ханского внука, и, казалось, слышала биение его сердца.

Длинные ресницы девушки вздрогнули, восторженно открылись, невысказанные слова остались на ее мягких полураскрытых губах. Щеки, к коим прикасались губы внука хана, еще ярче порозовели.

Отрок Гали вышел на крыльцо, вскочил на коня и так стеганул камчой по крупу, что аргамак взвился на дыбы. Выглянувшая в окно девушка ахнула.

Нет, ничего не случилось с ханским внуком. В следующий миг конь, подвластный воле хозяина, устремился в открытые ворота. В памяти Гали осталась картина: лицо Зудейхи в раме окна. Она спокойна, лишь в глазах затаился испуг, смешанный с удивлением, а на губах нежная, ласковая улыбка.

В эти минуты в руках ханского внука были не поводья, нет, а мягкие руки прекрасной туташ.

* * *

На другой день, выехав из города Брахимова, секретарь двора Хафиз вскоре догнал ханского внука и поравнялся с ним.

— Что-то грустный ты сегодня, отрок?

— Учитель, трудно мне, очень трудно! Я встретил такую девушку, такую...

Секретарь Хафиз понимал его и не понимал. Ему казалось, что отрок обеспокоен чем-то иным, думал, что его мучают смутные предчувствия. Вчера багадур Баян говорил ему, что отроков велел взять с собой визирь Исхак. А что же хан? Неужели они что-то задумали? Кто? Хан или визирь? Чего хотят от отроков?

Секретарь Хафиз знал, что хан послушно следует советам своего визиря. Визирь Исхак никого не боится, разве что только ханбике Зубаржат. Но посвящена ли ханбике в суть разговора между визирем Исхаком и Салим-ханом? Почему Салим-хан пожелал остаться с визирем наедине? Раньше они не сторонились секретаря Хафиза. Значит, когда он вышел, Салим-хан и визирь Исхак о чем-то договорились. О чем? К чему готовится визирь Исхак, что скрывает от него?

Секретарь хана Хафиз был в неведении. Не знал, к чему отнести грусть и дурное настроение ханского внука. Только ли к разлуке с девушкой? Отрок едет словно в воду опу-

щенный. О Аллах, убереги его от смерти! Йа Алла, о чем я еще думаю?! А ведь Абу Али Ибн-Сина говорил, что свою смерть человек предчувствует за три дня. Что за наваждение, почему я не могу отделаться от этих назойливых мыслей? Если внук хана грустит, пусть грустит себе. Но почему мне плохо, почему тревожно у меня на душе?

Почему визирь так относится к Хафизу? Зря он косо смотрит на него. Кому противоречил Хафиз? Никому. А если все же я грешен? Ведь молчал, когда судил хан безвинных людей, молчал, даже когда хан был неправ. И не сказал ни слова хану, когда плели интриги против него его подданные. Худо, худо!

Почему я никогда не говорил об этом хану? Хотел быть безвинным, независимым? Кто я после этого? Дерево без листьев? Нет, не бывает дерева без листьев. Как, впрочем, не бывает человека безгрешного. Перед Аллахом все равны, а перед миром все греховны.

Ладно, я виноват, что молчал. Виноват, ничего не хотел слышать, не передавал хану о злодеяниях визиря, шейха, многих других. Но в чем виноваты перед ханом его внуки? Неспроста хан отправил внуков в путь. Нет, неспроста...

Неужели один из них в самом деле должен стать ханом? Тогда другой должен умереть. Выхода нет. Но ведь это так жестоко и безнравственно. Можно ли предотвратить беду?.. Наверное, можно. Но о какой беде ты говоришь? Чушь все это, бред, секретарь двора. Бред! Гордыня в тебе говорит. Еще тысячу лет тому назад табгачи писали о таких, как ты: «Небесные гордецы». Может, и так. Да, турки горды, но также горды и все народы мира, не больше и не меньше.

Известно Хафизу, что гунны триста лет теснили своих западных соседей. Они растворили в себе саков, согдов, часть греков, угров, славян. По древним письменам известно, что каган Истеми в 558 году по милади стоял уже на левом берегу Итили, у правого берега Великой реки, и через нее открыл свой шелковый путь к Византии. Древние турки сильных и могущественных людей называли турами, или порами. Вот почему кипчаки-турки именовали князя Юрия Долгорукого Тюр Кияу, или Буйтур, значит великий, сильный зять.

Этот сильный зять уруситов жил в мире с болгарским ханом Ибрагимом. Хотя вечные соседи не всегда избегали разногласий. А шейх настойчиво хочет поссорить болгар с уруситами. Почему? Мудро ли это? Справедливо ли? Нет. Мир нуждается в мудрецах, а не в глупых и надменных шейхах да багадурах, которые только и думают о войне, ибо знают, славу победы получит не азат, который погиб в битве, а тот, кто гнал его на поле боя.

...Путникам иногда встречаются караваны и одинокие странники. Увидев ханских азатов, они уступают им дорогу, некоторые снимают головные уборы или же отвешивают низкий поклон. Среди них попадаются и бедно одетые, и богачи горделивые, встречаются и дервиши, подпоясанные бечевой. Их можно отличить по посохам, по тому равнодушию, с каким они отвечают на приветствия путников. Ни перед кем не кланяются, ибо для них существует только лишь Аллах. Спокойно и равнодушно провожают они взглядом путников, вечно озабоченных и им непонятных. Ибо дервиш никогда не суетится, не спешит, не знает страха, его нельзя ничем удивить. Из Табгача в Булгар, из Булгара в Ургенч, из Ургенча в Багдад, из Багдада в Дамаск, из Дамаска в Мекку держат путь некоторые из них. Желания у них скромные: если сегодня он сыт, дервиш никогда о завтрашнем дне не тревожится; завтра всемогущий Аллах пошлет ему участливого человека.

Купцы же вовсе другой народ. Возят из города в город, из страны в страну товар, продают, покупают, ловкие, пронырливые, извечно беспокойные. Из Булгарии они везут куньи шкуры, соболиные меха, воск, мед, янтарь, хлеб, сосновую смолу, изредка даже украдкой перекупленных рабов. В Странах Мрака продают браслеты, другие украшения, косметику, духи, посуду, одежду, луки, стрелы, щиты, сабли, в общем все, что можно где-то дешево купив, в другом месте дорого продать. Булгария со своими торговыми городами связала многие страны мира. Купцы, пришедшие с Хазарского моря, привозят орехи, изюм, хурму, курагу, чай, халву, сахар, стеклянную посуду золото-серебро. Бумагу, хлопок и узорчатые ткани доставляют самаркандские купцы. Бесспорно, торговый город, который будет заложен на берегу Итили — на водном пути, еще больше оживит торговлю в Булгарии. У Хафиза нет ни малейшего сомнения на этот счет. Есть у него сомнение относительно визиря Исхака и Салим-хана, что они неспроста послали его и ханских внуков осмотреть место для нового города. Эти двое задумали какое-то коварство, а Хафиза решили сделать своим соучастником. До сих пор он им не мешал, а тут стал, видно, неугоден.

У каждого народа есть своя неповторимая судьба. Шейх Иганай из кожи вон лезет, доказывая, что ислам предназначен булгарам самим Аллахом. И сам каждый день читает проповедь Салим-хану на непонятном булгарским тюркам арабском языке.

Да, у греков есть статуи, у евреев — книги, у арабов мягкий язык и безумная религия.

Салим-хан любит повторять слова, услышанные где-то:

«Пророк Мухаммед не открыл религию, а лишь издал законы». Да, по каждому случаю издавал свои законы пророк Мухаммед, и сам же на каждом шагу нарушал их. Салим-хан почему-то не говорит об этом. Да и шейх молчит. Ясно, опасаются народа. Секретарю Хафизу также известно, что к Салим-хану часто приходит епископ Аббас. Они вдвоем долго беседуют, спорят. О чем спорят? Секретарь Хафиз этого не знает, но догадывается. Салим-хан интересуется религией князя Китана. Может, хочет знать духовное оружие князя? Не исключено! Да, чем силен князь Андрей Боголюбский? Не оружием, нет. Булгары вооружены ничуть не хуже. Уж не своей ли религией?

Когда хан и епископ однажды спорили, к ним зашел секретарь Хафиз. Ни Салим-хан, ни епископ Аббас его не заметили. Епископ Аббас тогда сказал: «Хан, в бога надо верить не телом, а душой».

Эти слова епископа заставили задуматься и Хафиза. Он долго размышлял по этому поводу. Если верят душой, то почему же эти духовные отцы обеих религий проливают людскую кровь, совершенствуют оружие, порабащают народы, насилием навязывая им свою религию? Где же здесь справедливость? Человек должен сам принять любую религию. О Аллах, как все это сложно и запутанно! Если об этом долго думать, недолго и свихнуться.

Сидя во дворце хана, секретарь Хафиз уверовал в истину: «Булгарское государство нуждается не в багадурах, воюющих с саблей в руках, а в ученых, и поэтах да мудрецах».

Салим-хан частенько почитывал книги, написанные Хафизом. Однажды, наткнувшись на эти умные строки, хан сказал: «Истину не защищают с помощью одной совести, приходится иногда брать в руки и саблю».

Может, хан и не высказывал открыто своих убеждений, однако Хафиз понял, что Салим-хан отнюдь не простачок и у него есть своя философия. Салим-хан знает, чего хочет его народ, а вот чего от него хотят шейх и епископ, недопонимает. Видит и чувствует секретарь Хафиз: если эти два человека будут друг с другом враждовать, жди беды. По его разумению, цель у епископа и шейха одна: пусть не только народ, но и хан, и князья слепо следуют за ними. Но негоже быть слепцом. Поэтому булгарам нужен умный хан, очень даже нужен. Но где найти такого? Он едет рядом с тобой, Хафиз — отрок Гали. Народ однажды оказал ему почтение, это было на сабантуе.

Об этом секретарь Хафиз мог бы записать в книгу истории, но если напишет, на другой же день ему отрубят голову — ханы не прощают вероломство, в их груди не сердце, а

камень. Если в их груди не камень, почему они велят отрубить безвинным голову? Салим-хан любит поговаривать: «Река должна подчиняться берегам, народ — хану». Вот как! Крепко сказано, и не поспоришь.

Хафиза догнал багадур Баян.

Не глядя на багадура, секретарь Хафиз спросил:

— Багадур, почему скрещиваются человеческие пути?

— Хе, секретарь Хафиз, для чего мне это знать? Что скажешь, если так и отвечу: «Не знаю»?

— И все же почему скрещиваются человеческие пути, багадур?

— Одни направляются в сторону солнца, другие бегут от него, — вмешался в разговор отрок Гали. — Поэтому часто пересекаются пути людей, учитель.

— Правда, отрок, воистину правда. Возьмем арабов. У них жара невыносимая. И они приезжают сюда в Булгарию, приносят с собой свою религию, пытаются приспособить ее к нашей жизни. Но сами не могут приспособиться к нашему климату. Холодно им здесь, непривычно. Часто умирают с голоду, потому что араб не привык кормиться земледельческим трудом. Там у себя он мало ест, да ему достаточно немного еды, воздерживается и от воды, об одежде и вовсе не беспокоится. А здесь ему все нужно, все: и одежда, и еда сытная. Вот почему арабский таиб, исцеливший дочь хана Айдар, который занял трон Булгарии, очень скоро скончался. Наша природа для араба чужда. Несмотря на это, каждый араб, лишь приедет в Булгарию, норовит жениться. Поэтому, видно, говорят: араб путешествует ради женитьбы, булгарин — ради удовольствия, ради любопытства. Это мне мой учитель говорил, багадур. Я вот еду и радуюсь. Ведь говорят: араб сердцем солжет, булгарин языком сболтнет. Об этом написал Якуб Нугман. А теперь ты мне скажи, багадур... Почему визирь Исхак везет отроков к основанию города?

— А про это я совершенно не знаю, Хафиз. Ты об этом у самого визиря спроси, — ответил багадур Баян.

— Не буду спрашивать, ибо знаю. Везет он их с тем, чтобы отроки увидели закладку города. Думает, что в будущем город станет столицей Булгарии. Скажи-ка, багадур, какое письмо дал тебе Салим-хан? Вообще на чьей ты стороне?

— Секретарь двора Хафиз, по мне и Салим-хан, и визирь Исхак одинаковы. Они отдают приказы, я лишь азат, их выполняю.

— Почему, думаешь, Салим-хан дал письмо тебе, багадур?

— Из доверия, я думаю, Хафиз.

— По-твоему, багадур, Салим-хан своему визирю не верит, а верит больше тебе? Правду говорят: «Не Аллах человека, сам человек себя изменяет».

— Ты тоже прав, секретарь Хафиз. Но не спеши и меня обвинять. Скажем, римский император, чтобы освободить рабов, принимает религию своих рабов, а когда становится главой религии, снова превращает их в рабов. Что от этого меняется? Император остается императором, раб — рабом.

— Правду молвишь, багадур, власть сладка. Ежели бы не так, то императоры, ханы да князья не принимали бы любую религию, им угодную. Чтобы не потерять трон, император вынужден был принять христианство, то есть религию своих рабов. Десять лет назад младший брат Салим-хана не поладил со своим братом и, забрав своих сторонников, бежал в степь к кипчакскому хану Янтаку. Там он женился на его дочери, теперь мечтает вернуться в Булгар и сесть на трон. Вернусь, говорит, отрежу Салим-хану голову и сяду на болгарский трон. Сладок, заманчив, багадур, трон ханский. Почему, как ты думаешь? За трон идет кровная вражда... Салим-хан со своей стороны грозит: «Мусульмане, Мухаммедалим жаждет крови, отрежьте ему голову и положите в кровавый бурдюк. И будет вам плата в тысячу золотых».

— Если так, когда-нибудь и мне придется встретиться с Мухаммедалимом, секретарь Хафиз?

— Лучше с ним не встречаться, багадур. Он стрелой пронзает птицу в полете, и в бою нет ему равных. Ума же ему Аллах скупно отмерил, а вот дури не пожалел. Впрочем, у кого дури мало? У всех хватает...

Поднялись на холм, и перед глазами предстала бескрайняя картина — внизу сливались две реки. Было величественно и красиво — на горизонте словно колыхалось красное полотнище.

— Это и есть Вишневая гора, — произнес визирь Исхак и собрался сойти с коня. В это время один из азатов закричал:

— Визирь, не слезайте с коня, под ногами змеи!

Только тут увидели кишаших под ногами змей. Кони, фыркая, подались назад, люди тоже испуганно повернули подальше от Вишневой горы.

— Хафиз, — сказал визирь, — что будем делать?

— Отсюда недалеко крепость Казань, поедем сначала туда. И кони притомились, путь был долог. Там все и обдумаем.

— В крепость Казань! — приказал визирь.

В крепости Казани их встретил сам багадур Бачман. Он был извещен о ханских путниках, встретил радушно, всех разместил в лучших домах.

Вечером визирь Исхак позвал к себе секретаря хана Хафиза.

Отрок Гали, которого поселили вместе с секретарем Хафизом, остался дома один. Впрочем, далеко не один — с ним была Зулейха, дочь Якуба. Он разговаривал с ней, задавал ей вопросы и с удовольствием выслушивал ответы. Мысленно он снова и снова целовал девушку в румяные щечки, обнимал ее тонкую талию, держал ее нежные руки. Он сравнил глаза девушки с двумя полноводными озерцами, в которых он безвозвратно тонул.

Как только Гали об этом подумал, на самом деле ощутил на своем лице влагу, нет, не вода это была, а слезы счастья. Отрок молча плакал. И вновь видел перед собой умную, красивую, юную и независимую Зулейху. В длинных косах ее звенели монеты, ярким блеском отражалось в его глазах ожерелье. И был Гали счастлив. Правду говорит секретарь хана Хафиз: у любви нет запасных дверей, есть только главная, на пороге которой встречаются влюбленные.

На другой день отроков пригласили на охоту, организованную багадуром Бачманом. Много не настреляли, однако привезли лося и двух волков.

Освежеванную тушу лося багадур велел к ужину зажарить на вертеле. Волчьи шкуры после обработки багадур решил подарить ханским внукам.

Вечером дружно собрались у вертела. Багадур Бачман отрезал ханским отрокам первым по куску поджаренного, пахнущего дымком ароматного мяса. Воины запивали мясо вкусной медовухой. Поужинав, все спустились к реке. Место было красивое, его издревле называли Девичьим яром. На вечерние игрища пришла молодежь из соседних аулов. И завертелся хоровод. Гали и Булат включились в пляску. Игры, пляски, состязания настолько понравились отрокам, что им не хотелось возвращаться в крепость.

Но всему приходит конец, закончились и вечерние игры. У крепостных ворот подростков встретил, несмотря на позднее время, багадур Бачман. Он сопровождал отроков до дверей отведенных им домов. Ханские внуки ему нравились. Особенно близок был ему Гали, не потому, что багадур слу-

жил у его отца, эмира Хаджи, а потому, что был неравнодушен к его матери Акбике. Багадур Бачман — мужчина средних лет — холост, этому удивлялись все, но багадур продолжал оставаться одиноким. Ходили слухи, что он влюблен в Акбике, что, мол, поклялся на молитвиннике никого больше не любить. Этому можно было верить и не верить. Багадур держал наложниц, а что у него было на душе, любил он кого или нет, это было тайной. Отрок Гали ничего этого не знал, да и не хотел знать. Для него сейчас существовала только Зулейха, которая пробудила в нем первую любовь. А благожелательное отношение к себе багадура он полностью относил к своему положению ханского внука.

* * *

Для секретаря Хафиза начались интересные дни. Прежде всего его позвал к себе визирь Исхак. Для чего понадобился визирю Исхаку ханский секретарь Хафиз?

Он был совершенно повергнут в изумление, когда визирь велел ему привезти из соседней черемисской деревни знаменитого шамана, слава о котором распространилась по Казань-реке. Почему ехать должен он, а не багадур Баян или кто-нибудь другой? Хотел было Хафиз возмутиться, но, привыкнув во всем подчиняться визирю, он согласился отправиться в чужой аул. Шаман его не тронет, да и не враг он ему, этому кудеснику. Возможно, Хафиз увидит и какие-то чудеса шамана. Визирь сказал, что только этот шаман может уничтожить змей, и больше никто.

— Ну, хорошо, уничтожит, — согласился секретарь хана Хафиз. — Когда прикажете ехать?

— Сегодня же, сейчас!

— Хорошо, визирь!

И вот Хафиз с двумя асатами в черемисской деревне. Лишь после долгих поисков секретарь хана нашел убогое жилище шамана. Оставив сопровождающих азатов у входа, Хафиз открыл низенькую дверь и вошел в дом. Внутри был полумрак. Когда глаза Хафиза привыкли к темноте, он увидел в глубине помещения сидящего длинноволосого не очень старого на вид человека. Хафиз хорошо знал черемисский язык. Поклонился, поздоровался. Удивительно, но шаман ответил секретарю Хафизу на тюркском языке.

На груди шамана висит ожерелье из рыбьих зубов, на одежду навешаны блестящие камешки, левое плечо обвили две змеи, на правом плече сидит большеглазая сова.

Секретарь хана Хафиз сначала на черемисском, потом на тюркском языке долго объяснял цель своего приезда. На

берегу Волги на Вишневой горе Салим-хан намеревается воздвигнуть большой торговый город, а там пока кишмя кишат змеи. Змеи куда бы ни шло, но там живет царь змей Аждаха, его может прогнать только творящий чудеса великий шаман. И ханский секретарь просит шамана уничтожить змей и прогнать Аждаху. Если шаман выполнит его просьбу, то за ценой хан не постоит.

Шаман, после того как Хафиз объяснил ему просьбу, долго сидел молча. Сова на плече шамана забеспокоилась, шаман пустил ее на печку, сам снова уселся на место.

— Цену назови, доверенный хана, — сказал наконец шаман.

— Золотом будет платить хан, только золотом, шаман.

— Слушай, секретарь хана, шамана Черного Беркута народа черемисы. Шаман Черный Беркут будет на Вишневой горе. И оставишь мне сегодня своего коня, на котором приехал.

Секретарь хана Хафиз раскрыл было рот, чтобы сказать, что конь — подарок хана, но не смог, будто язык к небу прилип. Шаман снял с шеи змею и пустил ее на пол; змея, извиваясь, поползла под печь.

— Конь мой останется у тебя, шаман, — сказал он и, открыв дверь, вышел на свет. Обратный путь он проделал, сев на коня сопровождавшего его азата.

* * *

На следующий день с утра все двинулись к Вишневой горе, к месту закладки нового города, который еще не имел ни названия, ни очертания. Шаман был уже там. Он восседал верхом на белоснежном коне секретаря хана Хафиза на вершине Вишневой горы. Рядом с ним соломенная копна, на девять шагов от копны разбросана солома в форме кольца. Запретив визирю и его азатам подходить к кольцу, шаман поднял палку, которую держал в руке.

— Стойте!

Визирь Исхак невольно осадил коня. В этот момент рядом с шаманом возникли два великана, оба одного роста, одежды в одинаковые белые рубахи. Шаман сошел с коня, и тотчас же великаны схватили коня за передние и задние ноги и повалили рядом с соломенной копной. Шаман воткнул в горло коня нож. Конь попытался поднять голову, но шаман не дал, прижав коленкой к земле. Потом коня накрыли копной, только после этого шаман приблизился к визирю, а оба великана тотчас же исчезли, словно сквозь землю провалились.

— Шаман, ты заколол коня ханского секретаря, похоронил под соломенной копной. Что намерен делать дальше? — спросил визирь.

Шаман не ответил, шагнул к секретарю хана Хафизу.

— Я не хочу объясняться с этим человеком. Я знаю здесь только тебя, — сказал шаман.

— Знаешь, что я с ним сделаю, секретарь хана Хафиз! — сказал визирь, двинувшись к шаману.

Но конь визиря не дошел до шамана, стал ржать и пятиться назад.

— Багадур Баян, уведите визиря! Я сам буду говорить с шаманом! — сказал секретарь хана Хафиз.

Баян подъехал к визирю и что-то сказал ему, визирь Исхак гневно посмотрел в сторону шамана и, махнув рукой, погнал коня.

— Сами будете держать ответ перед ханом! — крикнул он.

— Шаман, прости его! Не всем ума хватает, его раздают людям скупо.

— Доверенный хана, считая сегодняшний день, на девятый день поутру вновь придете сюда! — сказал шаман и, повернувшись, исчез в кустах.

— И ты веришь в этого шамана, секретарь Хафиз?

— Выхода нет, багадур. На девятый день мы должны быть здесь. Я верю ему.

— А если он обманул нас? Где великаны? Колдовством занимается. Кто же он, как не сам шайтан?

— Мне кажется, шаман нас не обманывает, багадур. Вернемся в крепость. Через девять дней приедем. Если не сдержит слово, я сам его прикончу.

— Учитель, — сказал стоявший возле них отрок Гали. — Куда исчез шаман?

— Земля проглотила шамана, отрок, земля. Может, к змеиному царю отправился. Советоваться. Ведь сказку о змеином царе, рассказывают, этот шаман выдумал. Он принес в жертву моего коня. Кому, ты думаешь? Змеиному царю.

— Шаман знает язык змеиного царя?!

— Знает. Только найдут ли они общий язык? Место прекрасное. Видишь, какое блаженство! Широко раскинулась Итиль. Просторное место, раздолье для постройки крепости.

Они догнали визиря и отрока Булата.

— Секретарь хана Хафиз, если шаман не выполнит своего обещания и не прогонит змеиного царя Аждаху, я сам вот этой саблей отрублю ему голову.

— Кто кроме шамана сможет прогнать змеиного царя? Аждаху может прогнать только шаман. Нам такое не под силу, визирь. Или у визиря Исхака есть другое решение?

— Смеешься над ханским визирем, секретарь хана Хафиз.
— Не смеюсь, визирь. Я пожертвовал ему лучшего своего коня, дал пригоршню золота. Не я, визирь, ты смеешься надо мной... Почему? А потому, что очень уж ловко ты меня запутал в своих сетях.

— Я исполнял приказание хана Салима, секретарь Хафиз.

— Да, мы прибыли сюда с одной целью, визирь Исхак: найти место для нового города-базара, города-крепости. И мы нашли!

— Визирь, я не вижу здесь никакой вины секретаря Хафиза. Напротив, он выполнил все, что было в его силах, как мне кажется, — сказал багадур Баян.

— Я не сторонник того, чтобы прогонять с Вишневой горы ни змей, ни змеиного царя Аждаху. Разве нет других мест для закладки города? — спросил до сих пор молчаливый отрок Булат.

— Хе-хе-хе, отрок Булат заговорил, у отрока Булата голос прорезался, — хихикнул визирь Исхак.

— Если разозлить змеиного царя Аждаху, он не только нам, всей стране принесет несчастья.

— Кто, кто так говорит, отрок Гали?! — спросил визирь Исхак. — Байки все это, сказки.

— Чачак-ана так сказала, визирь Исхак.

— Вот тебе раз! Мы ищем место для того, чтобы воздвигнуть город для ханских внуков, а они... Ладно, я согласен, подождем девять дней. Если и после этого Вишневая гора будет кишеть змеями, я отрублю этому шаману руки и ноги! Слыхали? Через девять дней! — сказал визирь и так стегнул своего коня, что тот поднялся на дыбы.

* * *

Крепость Казань была мощной, здесь постоянно можно держать две-три тысячи азатов, кроме того, около крепости свыше десяти аулов, население которых кормит-одевает крепостных азатов, раз в неделю на площади шумит базар. Здесь, хотя и редко, останавливаются купцы и, передохнув в небольшом караван-сараях два-три дня, продолжают путь. Азатов великого города в караван-сараях и разместили. Азаты и ханские внуки, почитай, каждый день проводят в воинских забавах: стреляют из лука, метают копья, учатся джигитовке.

За день до поездки на Вишневую гору в Казань проездом из Городца в Ургенч приехал ханский купец Биккол. Он похоронил в Городце родного сына, был угрюм и печален. Увидев в крепости секретаря Хафиза, поторопился к нему. Купец Биккол был одним из доверенных людей хана. Все

багадуры знали ханского купца, на границе с него не взымали пошлины. Хафиз увидел Биккола, въехавшего с обозом в крепость, и поспешил навстречу. Секретарь хана любил этого человека, тот привозил ему из чужеземных стран книги, приносил интересные вести и любил с ним беседовать.

— О Аллах, ханский купец Биккол! Во сне или наяву?

— О Алла, Мухаммадрасулулла, кого вижу, секретаря хана Хафиза! Жив-здоров, какими путями, какими судьбами занесло тебя сюда? Книги возьмешь?

— Обязательно. А сын твой где? Сын твой раньше предлагал книги. Образованный твой сын, Биккол, говорит на многих языках, много прочитал. Толковым купцом будет.

— Секретарь Хафиз... Секретарь Хафиз, не напоминай мне о моем сыне, и-и-и... Скончался он, неожиданно заболел и скончался...

— Горестные дни для тебя, Биккол. Разделяю твое горе, пусть Аллах даст тебе выдержки! Не плачь, слезами его не вернуть. Что поделать, смерть она ни тебя, ни меня не спрашивает, у нее своя дорога...

— Вечером приходи, поговорим, секретарь хана Хафиз. Поделюсь своим горем. Места себе не нахожу.

— Приду, приду, Биккол. Книги никому не показывай! Расплачусь, когда вернусь в город. Ты меня знаешь...

— Не говори так, не сердь Аллаха. И без денег соглашусь, ибо тот, кто пожалеет для тебя книги, будет в аду гореть.

* * *

Вечером Хафиз отправился в дом, где остановился ханский купец. Хотел было взять с собой Гали, но передумал. Отрок погрузился в чтение книги, не хотелось отрывать его от любимого занятия.

Купец Биккол встретил секретаря Хафиза у дверей, под руку повел в комнату, усадил на подушку, брошенную на саке.

Сотворили молитву, порасспросили о житье-бытье, о новостях, благожелательно глядя друг на друга.

— Сам Аллах нас здесь свел, Биккол.

— Воистину так, Хафиз. Ну, рассказывай, что ищет ханский секретарь в этих краях?

Секретарь хана Хафиз подробно рассказал, с какой целью он здесь. Биккол некоторое время сидел не проронив ни слова. Потом встал и принялся ходить по комнате; открыв дверь, велел подать кумыс и еду. И только после этого заговорил:

— Одобряю намерение Салим-хана построить великий торговый город на Волге, секретарь хана Хафиз. Давно бы на-

до! Я говорил эмиру Хаджи, еще когда он начал обстраивать крепость Казань: «Не то место для крепости выбрал, нужно ближе к Итили строить». Не послушался. А теперь сам же, наверное, мечется. Одного города-базара мало для Великой Булгарии. Нужно сделать торговый город неприступной крепостью. Место стоящее. Змей, конечно, много. Кончатся они: от человека не токмо змея, а и медведь удерет. Но только вот непонятно, зачем было привозить сюда ханских внуков? Потакает, потакает хан внукам. Я бы заставил их пахать землю, послал бы торговать в Городец, Мекку. Пусть увидят мир... Я прикидываю, Хафиз, один из этих внуков, видно, назначен на трон, а? Говоришь, на сабантуе хан обещал внуку Гали свой трон? О Аллах, что творит этот хан?! Вспомнил бы хоть предка своего, Кубрат-хана. Раздал сыновьям свои пастбища и что выиграл? Перессорились, разъехались в разные стороны сыновья. Теперь не только язык потеряли те, обитающие по берегам Дуная, кровных братьев не стали признавать. Или хан умом ослаб, Хафизджан? Нет? Тогда кто обещал перед чернью трон внуку своему? Знает ли, сообщает ли хан, что он тем самым сеет в сердцах отроков семена вражды? Это же ужасно, секретарь Хафиз! Ужасно! Вот увидишь, скоро эти отроки начнут проливать кровь. Хан, хан, стареешь ты или умом слабеть стал? Да, Хафизджан, в непонятное время живем мы с тобой. В великом городе построили церковь, каждую неделю трезвонят в колокола. Ханский дворец охраняет русский багадур. О чем думает шейх Иганай? Однажды в один из своих приездов я сказал об этом хану. Знаешь, что Салим-хан ответил? «Одна религия — один ум, две религии — два ума». Постой, еще одну весть я слышал: что посла Улуг Мухаммеда убили. Правда это?

— Правда, Биккол, умертвили посла Улуг Мухаммеда. И случилось это в Чертовом городище.

— Странно. Зачем было заходить послу в Чертово городище? Что он там забыл, есть ли здесь рука карагяуров?

— Не впадай в грех, Биккол. Знаешь, кто охраняет Чертово городище...

— Ай-вай-вай, хочется сказать на манер армян, секретарь Хафиз. Эх, времена, сказал бы я. Знаешь, когда в мусульманском мире началось кровопролитие? После смерти пророка Мухаммеда — с того дня единоведец убивает единовеца. Эта болезнь дошла и до нас. У пророка не было сына, он взял на воспитание племянника по имени Гали. Когда тот стал взрослым, женил его на дочери Фатиме. Родившийся 20 апреля 571 года по христианскому летоисчислению Мухаммед 12 ноября 601 года удостоивается звания пророка.

26 мая 632 года пророк Мухаммед уходит из жизни. А как начал он свой земной путь? Мальчиком Мухаммед пас коз у купца Абу-Талиба, в 24 года вошел в дом сорокалетней купчихи Хадичи. Та родила ему дочь, которая стала женой приемного сына Гали. После смерти пророка Мухаммеда мусульмане ставят халифом зажиточного купца Абу Бакира. После смерти Абу Бакира халифом становится Гумер, который был дервишем и отдалился от мирских дел. Но соратники Мухаммеда его не любят и подговаривают его раба убить халифа Гумера. В это время дочь пророка Мухаммеда Фатима родила от Гали двух сыновей — Хасана и Хусаина. Халиф Гусман, пришедший после халифа Гумера, еще жив, он не общается с народом, равнодушен к его нуждам, строит высокие дворцы, украшает их и среди этой роскоши начинает руководить мусульманским миром. К сожалению, дорогостоящие дворцы строились за счет простого народа. В народе пробуждается недовольство халифом, ибо в Коране сказано: богатый должен помочь бедному. Не выдержав ограбления, народ восстает и устремляется ко дворцу халифа. Халиф Гусман выходит к людям, держа над головой священный Коран. Однако народ, возмущенный диким грабежом, возбужден до предела и растаптывает халифа. Наконец халифом становится зять пророка Мухаммеда — Гали. Но народ и ему выражает недовольство. На базарах в городах говорят: «Кому Аллах желает, тому и посылает халифский трон». В то время мусульманский мир и разделился надвое. Тех, кто утверждал, что халифская власть исходит от Аллаха, называли суннитами¹; тех же, кто говорил, будто власть халифа происходит от рода пророка Мухаммеда, — шиитами². Между ними возникает вражда, а жизнь берет свое. Тем временем подрастают сыновья. Шииты, обвинив Гали в нерешительности, убивают его. Доходит очередь и до сыновей. Одни предлагают передать халифскую власть старшему сыну Гали Хасану. А Хасан был вспыльчив, невыдержан, к тому же и бабник. Родился он в 625 году. Его не интересовала ни политика, ни жизнь народа. Он только то и делал, что каждый месяц женился и разводился с женами, трижды повторив одно слово: «Талак!» Всего халиф Хасан женился за свою короткую жизнь более ста раз. Смерть его

¹ Сунна (от араб. *путь, пример*) — поступки и высказывания пророка Мухаммеда, являющиеся примером и руководством для мусульманина.

² Шииты (от араб. *аш-ши'я*) — группа приверженцев. Признают единственно законными преемниками Мухаммеда только Али ибн Аби Галиба и его потомков.

жалка, умер он, истощенный, от заболевания легких. Это случилось в 669 году. Таким образом, развратный внук пророка Мухаммеда прожил на свете сорок четыре года. Некоторые утверждают, будто халифа Хасана отравили, но этому не верь, секретарь хана Хафиз, неправда все это. Наконец, младший сын Гали — Хусаин удостоивается халифской власти. Если верить летописцам, Хусаину совсем не нравится власть халифа. Он желает жениться и растить детей. Но расколотый надвое мусульманский мир не желает ни его женитьбы, ни его правления. Потому как если пойдут дети у халифа, между ними начнутся междоусобные кровопролитные распри. Поэтому около Каабы аристократы в 680 году нападают на Хусаина. Каждый из них наносит внуку пророка по одной ране. Всего Хусаину нанесли три колотые и тридцать четыре резаные раны. Последним Хусаина ударил саблей Язид и, отправившись в город, известил о смерти Хусаина. Многие историки напишут, что Хусаин был великим мучеником за веру ислама. Не верь им, секретарь хана Хафиз, все было не так. Возгласы персов: «Шах Хусаин, вах Хусаин!» или, как они произносят: «Шахсей-вахсей» — ложь. Младший сын Гали Хусаин был убит в предместье Каабы не за веру, а за власть в халифате. Так была поставлена точка на потомстве пророка Мухаммеда, секретарь хана Хафиз. Ты, наверное, знаешь об этом, но тысячу благодарностей тебе от купца Биккола за то, что ты слушал меня не перебивая.

— Я с большим вниманием тебя слушал, Биккол. Да, мусульманский мир расколот надвое. К суннитам относятся арабы, турки, к шиитам — иранцы и соседние с ними народы. По-моему, Салим-хан тоже ныне почти разделил болгар надвое. Ему неважно, кто из отроков воссядет на трон, но мне это безразлично, Биккол. Я тоже не одобряю постройку церкви в великом городе. У человека одна душа, и вера должна быть одна. Только те люди, которые носят в себе великие идеалы, воплощают великую мечту, как говорит Абу Али Ибн-Сина. Моя мечта — посадить на болгарский трон отрока Гали. Я не хочу мирить шейха Иганая и епископа Аббаса. Они разговаривают стоя на разных берегах, их разделяет река, через которую невозможно построить мост. Река широкая, волны бьют о берега, ни тот, ни другой не желает перейти на другой берег; хотя стоит им пройти вверх по течению, и они узрели бы секрет: у истока, бьющего ключом, берегов нет. Да, из одного источника происходят христианская и мусульманская религии. А теперь этот источник превратился в широкую, непроходимую реку — христиане и мусульмане разными глазами видят мир. Этого не понима-

ет, не желает понимать Салим-хан, а его советник Таймас проводит время в Ага-Базаре, попивая кумыс. Салим-хан спокоен, зато визирь Исхак оказал хану много благодеяний — укрепил мир с соседним володимирским князем, женил ханского сына Ильхама на девушке из княжеского рода. Если между двумя братьями возникнет кровавая вражда, чья голова, думаешь, упадет на ковер, Биккол? Голова отрока Гали. Родичи-буртасы целыми деревнями переселяются во владения князя Андрея Боголюбского. Почему, как ты думаешь? Непокойно стало в Булгарии, хан не прекращает вражду с младшим братом, багадур Тубыкбай тоже прогнал младшего брата Джик Мергена, вскорости от Салим-хана отделится его сын, эмир Хаджи, дела идут к этому. А Салим-хан строит крепость за крепостью. Если бы можно было сохранить страну, запершись в крепостях-керменях! Наши деды не имели крепостей, но своих степей никому не отдали. Страну сохраняют не крепости, а новое оружие — крепкая, твердая вера.

— Только год меня не было в стране, а сколько событий произошло! Оставим, Хафизджан, дворцовые дразги.

— Да, конечно, Биккол. Как идет у тебя торговля?.. И рабов прикупаешь, оказывается... Неладно все это, ни к чему. Если проводит хан...

— Хан ведает, Хафизджан, ведает. Теперь, можно сказать, рабов почти не покупаем. Затруднение с охраной, бегут рабы из неволи. В этот раз купил отца с сыном, тот сам пожелал. Сына князь задумал взять в воины, а отец не хочет с сыном расставаться.

— Благо ли сие? Не ведают, бедняги, что, избегая одних оков, обретают другие. В Городце на них были одинарные оковы, в Ургенче наложат двойные.

— Ай, Хафизджан, Хафизджан, кто провидит грядущее? Все в руках Аллаха!

— Только, видать, нет у Аллаха безмена, иначе не раздавал бы одним только горе да несчастья, а другим лишь счастье да радости.

Тем временем подали кушанья. Купец Биккол знал толк в еде, много блюд заказал. Секретарь хана Хафиз отведал от каждого блюда, с аппетитом поел, однако к медовухе не притронулся.

— Не уговариваю пить медовуху, Хафизджан, сам себя знаешь, однако чарочку даже шайтан поднимает. Если не будешь пить, велю убрать.

— Да, Биккол, пусть унесут! Завтра ехать на Вишневую гору, где будет основан новый город. Предстоит встретиться со змеиным царем Аждахой. Может ему не понравится. Говорят, выпивших не любит...

— Какой еще Аждаха? Расскажи, коли не тайна. Так-так, чего только не услышишь на этом свете!

Секретарь Хафиз рассказал во всех подробностях о предстоящих событиях. Купец Биккол внимательно слушал, потом встал и заходил по комнате.

— Вот в чем штука, а? Чего только не изобретет Салим-хан!

— Не Салим-хан, а визирь Исхак, Биккол.

— Визирь Исхак?! Для чего визирю Исхаку рубить сук, на котором сидит? Чудеса в решете, да и только. Ты думаешь, по древней традиции одного из отроков и в самом деле принесут в жертву?

— Боюсь, что так. Думаю, Салим-хану нужно отделаться от одного из внуков. Особенно после сабантуя хан сам не свой ходит.

— Это же дикость! Где же совесть у хана?! Я не верю этому, Хафизджан!

— Письмо хана в руках багадур Баяна.

— У багадур Баяна?! Кхм... Вот что, Хафизджан, нам необходимо завладеть этим письмом. Хотя бы оно стоило тысячу золотых.

— Ты считаешь, багадур Баян согласится на это?

— Почему, как ты думаешь, багадур прибыл в Булгарию? Золото привело его сюда. Золото, Хафизджан. Я беру письмо на себя, Хафизджан.

— Повтори, повтори, что ты сказал, Биккол?..

— Я сказал, что беру письмо на себя. Ты подожди, я схожу к багадuru Баяну.

— Все возможно, Биккол. Пусть сам Аллах тебе поможет в этом!

* * *

Прошло немного времени, и секретарь хана Хафиз увидел Биккола с ханским письмом в руках и глазам своим не поверил.

— Я должен сейчас же отнести его обратно, Хафизджан. Открой, прочти, потом скрепи клеем. Печать поставлю сам. Печать купца Биккола не уступает ханской печати.

Секретарь хана Хафиз немного растерялся. Неужели мечта воплотится в явь, и он узнает тайну хана, которую должно огласить лишь при закладке первого камня при основании города? Осторожно разломил печать, раскрыл свиток и, вчитавшись в строки, застыл, потеряв дар речи.

— Хан приказал одного из отроков принести в жертву и зарыть под стену при основании города, — произнес он почти шепотом. — Это то, чего я больше всего опасался.

— Принести в жертву одного из отроков?! Которого?
— Велел метать жребий. Кому выпадет.
— О Аллах! Хафизджан! Хан, по-видимому, действительно ума лишился. Хотя нельзя утверждать, будто шибко дурак. Ясно, что один из отроков мешает ему. Кому бы ни выпала доля, ты должен спасти его, Хафизджан. Сегодня соблюдать обычаи предков — дикость.

— Как, как спасти этого отрока, Биккол?

— Нужно подумать, Хафизджан. Нужно подумать. Сейчас письмо сверни, я поставлю свою печать и отнесу письмо багадуру. Позже скажу, во сколько обошлось мне это письмо...

Вскоре Биккол вернулся, сел за стол, не вымолвив ни слова, выпил кружку медовухи.

— Я еще тогда догадывался обо всем, Биккол. Хану мешает отрок Гали. На сабантуе хан обещал ему трон. Назначенный день быстро наступит. А Салим-хан в силе, трон не желает отдавать. Салим-хан будет судить вернувшегося визиря Исхака, а может быть, и меня. От свидетелей жестокости хан обязательно избавится. Впрочем, издревле болгарские ханы не любили образованных людей. Секретарь багдадского халифа, прибывший в Булгар в 921 году по христианскому летоисчислению, об этом сказал так: «Если человек очень многое знает, пусть отправляется к Аллаху». Многие мудрецы даже похорон не удостоивались, так выходит.

Сидя за столом, уставленным яствами, гость и хозяин были в раздумье, не зная, как повернутся события. Наконец секретарь хана Хафиз заговорил.

— Биккол, в Булгарии у меня нет человека, которому бы я поверил свои тайны. Ты единственный человек, кто может выслушать и понять меня. Дай совет, что делать мне, секретарю Салим-хана?

— Совет мой тебе будет такой, секретарь хана Хафиз. Немедля ступай к шаману!

— К шаману?! В глухую ночь?!

— Да, секретарь хана Хафиз, в глухую ночь. Не бойся, с тобой отправлюсь и я. Трогаемся, Хафизджан, мы должны до зари вернуться.

* * *

В тот день рассвет был долгим. Не дождавшись ушедшего с вечера учителя, отрок Гали заснул. Секретарь хана Хафиз не смог вернуться даже с рассветом, отрока Гали разбудил, войдя к нему, визирь Исхак.

— Отрок Гали, отрок Гали, вставай-ка! Где секретарь хана Хафиз, куда он запропастился?

Визирь Исхак доселе не протрезвился от выпитой вчера медовухи. Языком владел, но трезв не был. Он сожалел, что поручил секретарю хана Хафизу изничтожить змей, и хотел кому-то излить свою жалобу, но отрок Гали слушать его не стал, накрылся с головой. Махнув рукой, визирь Исхак вышел. Визирь верил и не верил черемисскому шаману. Очень уж его смущало то, что поручено было это дело секретарю хана Хафизу, а тот растянул дело на девять дней; подозрение вызывал и сам шаман, его облачение, внешность. Но выбора у визиря Исхака не было. Он ждал. Пил медовуху.

И вот долгожданный день наступил. Он проснулся рано. Не выспался из-за того ли, что провел ночь с девкой, приведенной ему багадуром Бачманом. Настроение неважное. Накинув халат на плечи, хотел зайти к секретарю хана Хафизу и отругать его, но дома не застал.

Визирь Исхак вышел на крыльцо и обратил внимание на галок, устроивших гвалт на куполе мечети. Что за птицы эти галки, любят купола мечетей, церквей. Трезвонят, что тебе придворные, не обходятся без ссор.

На минарет мечети поднялся муэдзин. Галки с шумом покружились и отлетели. Муэдзин взял себя за оба уха и протяжно прокричал азан*. В голосе муэджина заключена непонятная визирю сила и задушевность. Не мольба, не просьба, а также не плач, не просто призыв, а что-то другое было в этом зове к утреннему намазу. Почему муэдзины, крича молитву, хватают себя за мочки ушей? Будто собираются взлететь. Визирь Исхак никогда никого об этом не спрашивал. Шейх, вероятно, знает. Будем живы, нужно спросить у него. Визирь Исхак схватил себя за оба уха, вслед за муэджином начал повторять слова азана. Муэдзин продолжал призыв. Голос его стал раздражать визиря Исхака. Он подумал: «Лишку я дал, злюсь зазря на муэджина», и уже хотел было идти, как сзади подошла и обняла его ночная девка — это божественное создание. Вчера он наелся жирного мяса, перехватил лишку медовухи, его мутит, в довершение всего эта девка, мало ей того, что всю ночь спать не давала. У визиря схватило живот, да еще эта девица прижалась...

— Что случилось, мой повелитель?

— Мутит, наверное, вчерашнее жирное мясо подействовало. Сказал ведь я, чтобы не накладывала на блюдо столько...

— Я сейчас дам тебе настойку девясила, как рукой снимет, мой повелитель.

— Оставь, — вздохнул визирь Исхак, — и так еле стою на

* А з а н — призыв мусульман к намазу, молитвенному ритуалу.

ногах. И этот муэдзин, никак не остановится. Вынеси-ка лук и стрелы, сшибу его оттуда. Это же надо так долго орать!

— Может, мой повелитель, он тоже с вечера напился медовухи.

— Хе-е, не смешно. Подстрелю я его, служителя Аллаха, как птаху.

— Могут услышать, мой повелитель.

— Что мне люди! Я сам здесь хан! Вынеси-ка, куда ни шло, эту свою настойку, авось поможет. Что-то совсем тяжело, временами так скручивает...

Девушка вынесла настойку девясила, визирь выпил единым дыханием целую чашу.

— Пей, пей до дна! Еще вынести? — спросила девушка участливо.

— Хватит!

Настойка невкусная, отдает древесным корнем. Когда визирь Исхак пил настойку, взгляд его остановился на стройном стане девушки.

Тут вспомнилась ночная картина. Вчера девушка не казалась ему столь стройной. А тут стоит, словно фея. Дает же Аллах человеку красоту! В доме у визиря Исхака три жены, все красавицы. Всевышний ни одну не обделил ни красотой, ни стройностью, ни умом. Всем визирь построил по дому, ходил не как хан к женам по очереди, а к кому душа лежит. Однажды возле старшей жены он застал конюха. Тот, окаянная душа, так ласкался к женщине, что визирь Исхак взвыл волком. Нет, не тронул его, только невольно рассмеялся, и тем самым гнев его немного остыл, превратился в своего рода злорадство. Сначала он сделал вид, что не заметил их, потом хотел внезапно возникнуть перед ними, но и от этой затеи отказался. Ибо позор пал бы и на его голову. Но с этого дня решил больше не ходить к старшей жене. Кстати, она тоже не слишком торопилась к нему. Она привязала к себе, пусть и не открыто, конюха и была, видимо, весьма довольна. Любимой женой визиря Исхака была третья. С ней визирь и сравнил девушку. Девушка, черт ее побери, была красивей и стройней молодой жены. Визирь допил настойку. Смотри-ка, боль в животе утихла... Визирь схватил девушку за локоть, другой рукой обнял ее стан.

— Мой повелитель, могут увидеть.

— Пусть видят! Я возьму тебя четвертой женой. Поставлю тебе отдельный дом. Пойдешь?

— Да ну тебя, все так обещают, да след простывает.

— Кто это все? Сгинь с глаз моих!

Тут он заметил секретаря хана Хафиза, поднимавшегося на крыльцо.

- Визирь, пора в путь, я думаю.
— В путь? — переспросил визирь и, забыв спросить у секретаря хана Хафиза, где он скитался, пошел в свою комнату одеваться.

* * *

Шаман ждал их на Вишневой горе. Визирь Исхак ни на кого не взглянул, ему не хотелось видеть ни шамана, ни отроков, ни багадура, ни секретаря хана Хафиза, ни кази Саксина, а хотелось поскорее покончить с подозрительным делом. Ему было все равно, кого из отроков принести в жертву. Одно ясно осознает визирь: ханский приказ-ферман должен быть исполнен неукоснительно. Погляди только на этого ханского секретаря Хафиза, никак улыбается. Улыбайся, дружок, не пришлось бы вскорости зареветь, например, когда зароют в землю твоего шакирда. А я послежу за погребением, кому бы ни выпал жребий! Сумеет ли вот только этот шаман прогнать змеиного царя Аждаху, уступит ли Аждаха свою гору? Ведь эта гора — его владения! Какой еще Аждаха? Просто смех, только и всего. А я в Аждаху не верю. И не поверю! Дескать, Вишневая гора. Ну и что? Разве в вишеннике водятся змеи? Кто выдумал эту страховину? Секретарь хана Хафиз? Сам я, сам выдумал. Теперь уже не попятишься. Айда пускай шаман прогоняет змеиного царя! Нам нужно место для нового города-базара, а вот и Вишневая гора.

Между тем шаман поджег соломенную копну. А сам стал кружиться вокруг копны, позванивая своими бубенчиками, издавая какие-то странные звуки. На шее шамана две-три змеи, живые, шевелятся, обвиваются вокруг его шеи, делают кругообразные движения. Шаман должен обойти копну девять раз. Он так и поступил. Копна ярко загорелась. В это время из-под копны вылетел клубок змей; они, кружась, шипят, мечутся, извиваются, бьются в судорогах.

Шаман безостановочно шелкает кнутом, кричит дурным голосом, кому-то грозит, кого-то умоляет, просит, чтобы тот поднялся в небо. Шаман бросил одну змею, сорвав с шеи, в потрескивающий костер, тут же по другую стороны копны появился оборотень, дьявол в образе человека, парня в белой рубашке. Шаман бросил вторую змею — явился второй парень. Шаман приказал им зажечь второе кольцо. Его голос звучал бодро, сильно, так что даже всадники, находившиеся поодаль, понялись. Шаман схватил в руку третью змею и, размахивая ею, стал бегать вокруг второго соломенного кольца, появившиеся из-под земли чудища повторяли его движения.

Здесь началось такое! Сотни спутавшихся в клубок змей, показавшихся из-под копны, шипя, свистя, стали переходить во второе кольцо. Вспыхнуло второе соломенное кольцо, затем запылала солома третьего кольца. Теперь шаман стал бегать вокруг последнего кольца. Здесь началось такое, что и передать невозможно. В первой копне происходит какая-то борьба, вырвавшиеся из огня змеи ползут ко второму кольцу, затем, испуганно извиваясь, поднимаются, словно собираются взлететь, но, не имея крыльев, снова кидаются в огонь. Шаман продолжает шелкать кнутом и все гонит царя змей, снова грозит ему, что-то кричит. И тут из копны на вершине горы ввысь стал подниматься черный дым величиной с башню. Шаман на мгновение остановился и крикнул воззрившимся на зрелище людям:

— Аждаха покидает свое жилище, Аждаха покидает свое владение!

И вправду, внутри черного дыма показался крылатый змей и взвился вверх с такой быстротой, что никто не заметил, как исчез змеиный царь в облаках.

Шаман обессиленно сел на землю, затем заплакал, царапая землю и приговаривая:

— Я, я в этом виноват, я прогнал тебя, я! Возьми мою душу, возьми! Копайте яму, копайте, похороните меня на этом месте. Я виноват, меня Аждаха никогда не простит. Похороните меня на этом месте, выкопайте могилу...

— Не сошел ли шаман с ума, секретарь хана Хафиз? — обеспокоенно спросил визирь Исхак.

Вдруг шаман замер, словно окаменел.

Секретарь хана Хафиз подошел к шаману, осторожно тронул его за плечо. Но шаман не пошевелился, словно умер. Эта неподвижная поза шамана, который только что плакал, умоляя змеиного царя простить его, вселила в душу страх.

— Оставь его, — сказал визирь Исхак. — Багадур Баян, дай свое письмо секретарю хана Хафизу! Нет, мне дай! Шаман свое дело сделал, спасибо ему. Прогнал с Вишневой горы змеиного царя Аждаху...

Багадур Баян вручил ханское письмо визирю, визирь кинул взгляд на печать и протянул письмо секретарю хана Хафизу.

— Визирь Исхак, печать Салим-хана? — спросил секретарь хана Хафиз.

— Светлейшего, секретарь Хафиз, светлейшего печать. Скорее распечатай ферман и прочти. Меня тошнит от всего этого.

Секретарь хана Хафиз неторопливо порвал нить, связывающую свиток, развернул, затем стал громко читать. Когда

ферман хана был прочитан, визирь Исхак взял свиток себе и приказал багадуру Баяну:

— Багадур, не мешкая, выкопайте могилу! Прикажи своим азанам, чтобы торопились. Мы пока отойдем. Вонюща невыносимая!

— Салим-хан приказал кинуть жребий и положить одного из отроков в основание нового города, — сказал секретарь хана Хафиз. — Виданное ли это дело, кази Саксин?

— Ханский приказ должен быть неукоснительно исполнен, секретарь хана Хафиз, — ответил кази Саксин.

Визирь Исхак повторно громко зачитал письмо:

— Отроки, вы тоже слушайте, все слушайте! Вот что пишет хан: «Визирь Исхак, я доверил тебе свою страну. Ты всегда был мне предан. Теперь выполни еще один мой приказ. Исполняя обычай наших предков, брось жребий на Вишневой горе моим внукам Гали и Булату. Кому выпадет жребий, того принеси в жертву и похорони на месте основания будущего города. Булгарский хан Салим».

Азаты стали торопливо копать могилу на месте, указанном визирем Исхаком. Вокруг поднялся пепел, снова распространился запах горелого мяса.

Багадур Баян не мог поверить услышанному, подумал, что визирь Исхак шутит. Багадур попеременно взглядывал то на кази Саксина, то на визиря Исхака, то на ханских внуков. Отроки, видимо, не принимали происходящее всерьез, стояли посмеиваясь.

Для багадура Баяна началось большое испытание. Что ему делать? Остановить визиря Исхака он не может, но может возразить ему. Нет, это все, наверное, просто розыгрыш. Ведь булгары, согласно обычаю, кладут рядом с покойником пищу на три дня. Для чего пища человеку на том свете, разве усопший может кушать?

— Бросайте жребий! Секретарь хана Хафиз, исполняйте ханский ферман!

— Кто какую сторону выбирает? — спросил секретарь хана Хафиз у отроков.

— Я люблю орла. Мне орел, — сказал отрок Гали, все еще принимая происходящее за игру.

— Мне... — Булат скривился, готовый заплакать. — Мне...

Визирь Исхак не был жестоким человеком, он не хотел никого из отроков приносить в жертву во имя нового города, его благополучия, да и хану дал совет, не думая, что он может ему последовать. Но когда поспешный совет обернулся приказом, когда он оказался исполнителем воли хана, то понял, что назад дороги нет. Если он, не выполнив приказ хана,

вернется в великий город, на другой же день хан велит отсечь ему голову, не зря приставил сопровождающим кази Саксина. А может, так и лучше. В междоусобице прольется кровь тысяч безвинных людей. А здесь — один отрок, одна душа. Нет, неглуп хан Булгарии, совсем неглуп.

Визирь Исхак отдавал приказы, ему никто не перечил: кто же осмелится выступить против ханского визиря, исполняющего волю самого хана!

Тем временем вырыли могилу. Шаман, лежавший пластом на земле, медленно сел, поднялся, подошел к визирю. Метнули серебряную монету.

— Орел! — воскликнул азат, метавший жребий.

— Отрок Гали! — крикнул визирь Исхак. — Ведите отрока Гали!

Два азата сняли отрока Гали с седла, подвели к коню, на котором сидел визирь.

— Отрок Гали, — возгласил визирь Исхак. — Будь мужчиной! Да будет место твое в раю, уходишь безгрешным, святым из святых!

— Визирь, — произнес шаман, — я могу освободить вас от этой неприятности. Дайте отрока мне! Я сам его закопаю. Велик мой грех перед Аждахой, я хочу очистить свою душу перед ним. Думаю, что Аждаха войдет в мое положение.

Визирь Исхак усмехнулся. Под предлогом изгнания с Вишневой горы змеиноного царя шаман сжег коня секретаря хана Хафиза; по правде сказать, шаман продал это место им за золото. Хитрец, шельмец этот шаман! А теперь с отроком... Пусть хоронит, грех на него ляжет. И тем самым освободит одного азата от смерти. Потому как визирь Исхак повелит азату или даже двум азатам зарыть отрока. Ни багадур, ни кази, ни секретарь хана, ни сам он не согласится это сделать. Ибо азаты будут умерщвлены тут же, не отходя от могилы, и тоже зарыты тут же. Знал визирь Исхак: услышав о захоронении внука в основании нового города, хан спросит, кто захоронил, и, желая оправдаться перед народом, особенно перед родителями отрока, велит виновным отрубить головы, обвинив в дикости.

— Иди выполняй приказ! — сказал шаману визирь Исхак.

Шаман взял отрока за руку и повел на вершину Вишневой горы. Не успели они встать на вершине, как рядом очутились собака и те двое в белых одеяниях. Шаман велел отроку Гали снять одежду и накинул на собаку, а на отрока Гали надел длинную белую рубаху. Отрок Гали как завороченный выполнял указания шамана, не смея ни о чем спро-

силь. Шаман вместе с отроком обошел могилу, а собака бежала за ними. Потом остановился и что-то шепнул на ухо псу, пес лизнул шамана в лицо и заскулил. Шаман вынул другую белую рубаху и надел на палку в форме чучела. Воткнул в могильную насыпь. И снова девять раз обошел могилу и с быстротой молнии толкнул отрока в могилу, за ним следом прыгнула в могилу собака. Шаман все бегал вокруг могилы, затем велел оборотням засыпать могилу. Оборотни быстро накидали холмик и сразу внезапно исчезли. Шаман вонзил свою палку в холмик, подошел к секретарю Хафизу, склонил голову.

— Секретарь хана Хафиз, — сказал визирь Исхак, вынув из сумки мешочек с золотыми, — отдай шаману от моего имени! — затем обратился к остальным: — Все видели жертвоприношение? Видели!.. Теперь, багадур, в путь!..

6

Не было, казалось, страны, в которой не побывал бы купец Биккол. И в Аравии был он, где арабы носят белые халаты, и с дамасскими купцами общался, и через земли армян проезжал, встречался там с людьми, одетыми в черные чекмени, подпоясанные красным кушаком, ездил он и в Багдад, и в землю израильтян, подпоясывшихся пеньковой бечевкой, толкался в Герате; ему пришлось даже посетить земли косоглазых табгачей и индусов с черными родинками на лбу. Биккол говорил на семи-восьми языках, общался с людьми разных народов. Володимирские купцы в шапках, отороченных собольим мехом, его близкие друзья, он находится в тесных отношениях с чернобородыми киевскими купцами. При каждой встрече с новгородскими купцами обменивается с ними шапками.

По мнению купца Биккола, источником могущества страны является торговля. Она возлагает много обязанностей на человека, посвятившего свою жизнь этому делу. Настоящий купец должен всегда протягивать руку помощи своим товарищам, уметь торговаться на их рынках, ссужать купцам в долг деньги. Купец, не имеющий этих качеств, говорит Биккол, быстро разорится. Биккол лелеет большие надежды в связи с будущим торговым городом, который будет построен на Волге-реке, верит, что он будет вторым Ага-Базаром. Купец Биккол всегда приносил доход ханской казне, привозил из других стран важные вести, но о монголах, про которых спрашивал секретарь хана Хафиз, ничего не знал, не слыхивал.

Когда все было налажено у купца Биккола, неожиданно умер его сын, которого он брал с собой в разные страны. На

сына Биккол возлагал большие надежды, но не суждено было, как видно, ханскому купцу насладиться счастьем отцовства. И вот тогда секретарь хана Хафиз предложил ему ханского внука. Конечно, не в сыновья, но чтобы как своего любил и оберегал, а главное — увез тайком в Ургенч.

Ханский купец вначале не поверил этой возможности, думал, что секретарь хана Хафиз шутит, но когда позднее все разъяснилось-объяснилось, не знал, радоваться ли ему этому случаю или нет. Однако сомнения долго не оставляли его.

Человек умирает — народ бессмертен, говорит он, предаваясь философским мыслям. Это — истина. Все в мире может измениться: обычаи, религия, вера, а народ остается, народ — сама вечность. У народа остается свое отношение к труду, любимые ремесла, искусство, свои песни, частушки. Спросили бы у него еще, что в жизни бессмертно. Ответил бы, не задумываясь: память. Если кто-то скажет: «Память ты мою задел», значит, ты здорово обидел этого человека, затронул самые священные, самые дорогие воспоминания о близких людях, отцах-дедах. Воспоминания кочуют от поколения к поколению, это память о прошлом. У народа нельзя отнять прошлое. Без прошлого нет и будущего, только сохраняя в памяти прошлое, народ имеет право надеяться на будущее.

По рождению Биккол был из Булгарии. Еще подростком отец возил его с собой. Когда Бикколу было семь лет, умерла его мать. Отец отвез его в Ургенч и там женился во второй раз. Лишним оказался Биккол для мачехи, вернулся к деду в великий город. Достигнув совершеннолетия, дед отдал его в помощники одному торговцу.

Поднакопив немного денег, Биккол по заданию хозяина отправился с караваном в Ургенч. В дороге с Бикколом произошли странные события. Дойдя до города Саксина, караван остановился у реки. Все легли спать, караванбаши перед сном положил вместо Биккола овечью тушу, а Биккола уложил около себя.

Проснувшись утром, Биккол глянул на свое место, и глаза его округлились: в туше торчала рукоятка кинжала. С тех пор Биккол не смыкал ночами глаз, пока не доехал до Ургенча. За что его хотели убить? Кто? Ведь он не богатый торговец, в кармане всего-то три золотых, да и те деньги никто не видел.

До Ургенча он наблюдал за людьми в караване, но никого не подозревал. Прибыв в Ургенч, Биккол узнал, что отец, оказывается, умер, мачеха живет одна, спуская добро покойного мужа. В доме мачехи Биккол увидел человека из их каравана, понял, в чем дело.

В тот же день Биккол забрал вещи, оставленные ему по завещанию отцом, и уехал в Булгарию. У Биккола с рождения, видать, была торговая жилка.

По приезде в Булгарию он направился в Ага-Базар, купил с помощью деда небольшую торговую лавку. С того дня его охватила своего рода торговая лихорадка.

Через два-три года он сделался одним из почетных купцов Ага-Базара, чему в немалой степени способствовало наследство, оставленное ему дедом. В двадцать пять лет Биккол женился на девушке по имени Бану. Бану рожала ему ежегодно девочек, но они по истечении года умирали. Наконец Бану родила мальчика, и, потому ли, что старалась всячески уберечь сына, мальчик был здоровый, рос не по дням, а по часам и вскоре стал помощником отцу.

Не случайно радовался купец Биккол предложению секретаря хана Хафиза. Он входил в лета, и ему было некому оставить нажитое добро. А его несчастный сын оставил мир в семнадцать лет.

— Секретарь хана Хафиз, если ты чистосердечно отдашь мне ханского внука, я дам тебе золото величиной с конскую голову.

— Ты купишь этого сына у шамана, Биккол, пусть твои спутники будут свидетелями...

— Значит, секретарь хана Хафиз, я не должен заходить в великий город. Отрок, попав ко мне, станет моим, и с этого дня должен будет забыть родителей, родных. Словом, отрок Гали умер и для отца Хаджи, и для хана.

— Не умер, Биккол, мы пожертвовали им для нового города. Мы — визирь Исхак, кази Саксин и я. И помни, Биккол, что когда-нибудь отрок Гали вернется в Великий город и сядет на трон болгарский. Ты отдашь отрока на воспитание шейху Пехлевану Махмуду.

— Еще какие будут указания, секретарь хана Хафиз?

— Салим-хан послал на границы надежных юзбаши. Могут тебя остановить, Биккол. Отрока ты купил, как раба, у шамана. Не забывай об этом. Хан приказал никого из Булгарии не выпускать.

— Это ко мне не относится, секретарь хана Хафиз. Я ханский купец.

— Шаман с отроком будут ждать тебя у подножия Вишневой горы. Не жалея золота для шамана. Как я сказал, пусть рядом с тобой будут свидетели.

— Если все действительно так, это стало любопытно и для меня самого, секретарь хана Хафиз. Я все выполняю, как ты сказал, ханский секретарь Хафиз, выполняю...

Купец Биккол выехал из крепости Казань рано утром. Даже подъезжая к подножию Вишневой горы, не совсем верил во вчерашние слова секретаря хана Хафиза. Нет, он верил ему, но все равно в душе затаилось сомнение. Биккол — бывалый человек, случалось, его обманывали, лгали ему, но с подобным случаем он никогда не встречался. Если все правда и Хафиз не шутит, скоро ханский внук будет с ним. Можно ли этому поверить?

На дороге ни единой живой души, а Вишневая гора — вот она, рядом, рукой подать. Да, сумели выбрать придворные место для нового города. Посмотришь вперед — широкая Итиль, направо — полосами луга, пойма, далее до горизонта сплошной лес. На дороге никого — ни шамана, ни ханского внука. Биккол подозвал двух спутников, сошел с коня и стал подниматься на Вишневую гору. Там на самой вершине действительно была могила. Спутники нехотя пошли за ним. Неужели в самом деле принесли ханского внука Гали в жертву? О Аллах, до чего докатились болгары! Биккол достиг могилы и представил случившуюся здесь трагедию. Кто его обманул — визирь Исхак или секретарь хана Хафиз? Или сам хотел обмануть себя? Думал найти душевное облегчение после потери сына...

Открыл глаза и чуть не споткнулся. Перед ним, около вишневых кустов, стоял шаман с ханским отроком.

Не веря своим глазам, купец Биккол снова закрыл глаза и вновь открыл. Картина не исчезла: перед ним в самом деле стояли шаман с ханским внуком Гали.

— Шаман, продашь своего раба? — спросил Биккол, путая слова, которым научил его секретарь.

Шаман подтолкнул отрока к Бикколу, отрок Гали, сдержав всхлип, шагнул к Бикколу и бросился ему на грудь. Нижняя губа Биккола предательски задрожала, он обнял отрока и заплакал.

— На умершего сына моего похож, шаман, этот ребенок, не удивляйся, — сказал Биккол и бросил шаману кошелек с золотыми, тот поймал кошелек на лету, сунул за пазуху и неожиданно пропал из виду.

— Не плачь, сын, не плачь... Да я сам плачу. Рад, что нашел тебя. Не забыл, вспомнил ханского купца Биккола? Не забыл? Вот и ладно! А сейчас со мной отправишься в дальний путь, туда, за горизонт...

С приближением старости наипервейшему мастеру, ханскому рабу Алпару стали дни казаться чересчур длинными.

В молодости не успеет солнце взойти, приступит к работе, работает до захода солнца не поднимая головы, не замечая, как пролетел день. Бывало, когда поясицу заломит, мастер Алпар садился на камень, бросал взгляд на толпу каменщиков. Откуда только ни прибывают сюда каменщики! Суетятся, словно муравьи. Каменщики убирают околodворцовую площадку.

Дворец поднялся, стоит во всей своей величественной красе. Теперь отделочники работают денно и нощно, каменщики перешли к постройке ханской бани. Среди отделочников работает и его сын, единственный наследник — Дауран.

Мастер Алпар не скрывал ни от кого, что любит сына, мало сказать, любит, он не может без него, как и без жены Туйбике, прожить и дня. Конечно, любовь к сыну и к жене Туйбике у него разная. Если бы он мог словами выразить любовь к этим двум существам! Но он не выдает своих чувств. Сын спокоен, сдержан, по пустякам не кипятится. Любовь Алпара к жене Туйбике подобна телеге, прыгающей по ухабам, а вот любовь к сыну как безбрежное море. По всем статьям умным и толковым вырос сын его. Мать дала ему знания и умения, отец научил искусному ремеслу. Сын разбирался в чертежах, сам чертил и дома мог возводить. А когда дело доходит до отделки, украшений, лучше сына не видел умельца мастер Алпар. Из-под рук сына выходили такие чудеса, что он терялся. С того момента как понял мастер Алпар, что сын его искуснейший из искусных, стало ему тревожно за сына. Однажды он заметил, как Дауран неотрывно глядел на ханскую дочь Назлыгюль. Сердце мастера тревожно заныло. Сын глядел на ханскую дочь глазами влюбленного. Для Алпара это обстоятельство было пугающим. Дауран создавал такие узоры, которые под силу лишь богам, а он простой смертный и может испортить свою судьбу. Трагедией кончится это и для отца, и для сына. Остановить Даурана, пока еще не поздно, сегодня же! Завтра, быть может, он потеряет сына.

Вечером мастер Алпар, совершенно запутавшийся в этом вопросе, поделился своими опасениями с женой Туйбике. Но Туйбике нисколько не удивилась и ответила: «Есть ли на свете юноши, которые бы не влюблялись в ханских дочерей, ты спроси сперва у них, отец?». Мастеру Алпару нечего было сказать. Спорить с женой он не мог. Туйбике — дочь

великого тархана, бывшая жена хана, разве поймет она Алпара, который был рабом Салим-хана.

Тогда он решил сам поговорить с Даураном. Скажет он ему, что не годится пялить глаза на ханскую дочь. Странно было то, что, когда он сказал ему об этом, сын не ответил ничего, только улыбка чуть тронула уголки его губ. Опять удивился мастер Алпар такому поведению сына. Кто он? Сын мастера Алпара. А кто мастер Алпар? Ханский раб. Кто же ты будешь после этого, сын? Раб! Не знает, что ли, Дауран об этом? Знает! «Мы же двуногие животные, рабы, трудящиеся, чтобы прокормиться!» — хотелось крикнуть мастеру, но он не решился. Скажем, может ли сын его жениться на ком хочет? Нет. Даже если женится, выбранная им девушка в первый же вечер сама добровольно примет на себя роль рабыни. У Алпара с Туйбике отношения сложились несколько иначе: Салим-хан отдал бесплодную жену своему рабу Алпару. Одного не понял тогда Алпар — добро творил хан или зло?..

Алпар не знал своих родителей. Пятилетнего Алпара арабский дервиш продал мастеру-армянину. Живущие в Бугарии дервиши покупали себе мальчиков-рабов. Хотя намерения их были чисты, но под натиском нужды полуголодные дервиши вынуждены бывали за бесценок продавать мальчиков кому попало. Армянский мастер Бабаджанян стал учить Алпара мастерству с семи лет. Он не был жестоким, но если маленький Алпар не доводил дело до конца, мастер порой его и наказывал. Когда Бабаджанян ослабел, он продал Алпара Салим-хану с условием, что армянского мастера похоронят на ханском кладбище.

Таким образом, четырнадцатилетний мастер Алпар стал рабом Салим-хана. Хан, правда, его не обижал, не поднимал на него руку и другим не давал бить, поэтому мастер Алпар искренне служил хану. А хан свою признательность и уважение к мастеру выразил еще и тем, что отдал ему свою жену Туйбике. За этот ханский подарок — Алпар принял Туйбике как драгоценный дар — Алпар готов был взять свое сердце в ладонь и отдать его хану.

Однажды визирь Исхак велел мастеру построить для себя дом, не уступающий ханскому дворцу. В те времена Алпар еще не помышлял о воле, все откладывал разговор о вольной, утешаясь мыслью: «Хан оказывает мне почтение, не буду спешить». Визирь обещал ему посодействовать, если он построит подобный дом.

Мастер Алпар, хотя и не очень поверил в обещание визиря Исхака, впервые поднялся в голубую высь, до того прозрачна была эта мечта!

Мастер Алпар сделал дом по заказу, а что касается отделки, то каждый, кто входил в дом, долго не хотел оттуда уходить. Когда весть о красоте визирского дома дошла до придворных, сам Салим-хан пришел осмотреть его. Дом хану понравился, хан похвалил мастера, но когда визирь предложил: «Дадим мастеру-рабу вольную», рассердился: «Чей он раб, визирь Исхак, твой или мой?!»

Мастер Алпар бросился на колени перед ханом. «Светлейший...» — начал было он, но хан не дал ему договорить, приказал телохранителям поднять раба. Тогда произошло неожиданное. На колени встал визирь: «Хан, я обещал рабу волю! Дай мастеру волю, будь милостив!» Хан ткнул в визиря посохом и свалил его с ног: «Если будешь сердить меня, визирь, самого сделаю рабом». И ушел.

После случившегося Алпар потерял всякую надежду стать свободным. В то же время он не бился головой о стену. Отдав мастеру Туйбике, хан разрешил ему строить свой дом. Алпар успокоился, построив себе дом по своему вкусу. Найдутся люди, которые скажут: как же так — чтобы раб был счастливым? Но мастер Алпар был счастлив. Он мог поверить, если бы ему обещали звезду с небосклона, а когда Салим-хан сказал, что отдаст за него Туйбике, не поверил. Трудно сказать, как Туйбике, узнав, что хан отдает ее своему рабу, отнеслась к его любви. Для мастера Алпара мир всегда казался мрачным, но когда пришла к нему Туйбике, мастер Алпар стал словно летать по воздуху. И сейчас помнит, как хан послал ему лошадь в упряжке, чтобы привезти Туйбике. Придя в дом, Туйбике все рассматривала, потом спросила у растерявшегося и онемевшего Алпара: «Руки у тебя золотые, муж мой! Сам все создал?» И, прижавшись к широкой груди Алпара, тихо промолвила: «Я буду любить тебя, мастер Алпар, вот увидишь, буду любить!». Туйбике с того дня подарила ему гордость и честолюбие.

Стали вместе жить-поживать. К выросшей в аристократической семье Туйбике пришла любовь, которую она сама не могла себе объяснить. Она не умела спокойно ждать дома возвращения мужа, сама выходила встречать его, иногда шла туда, где он работал.

Когда бывали одни, миловались-ласкались, Туйбике, плотнее прижимаясь к мужу, повторяла: «Вот увидишь, я рожу тебе мальчика. Здорового, сильного, красивого. Ты только верь и жди».

Видимо, ангелы небесные впрямь услышали желание Туйбике, или желание ее было настолько сильным, но Туйбике через годы, правда, действительно понесла. Она была на вершине счастья. Ведь как случается: если сильно любишь,

всего добьешься. Спасибо тебе, мой Алпар, тысячекратно спасибо!

Родив сына, Туйбике еще больше похорошела, стала женственнее, стан ее округлился. Когда Туйбике проходила по улице, мужчины останавливались и щелкали языками, дивясь ее красоте, легкости походки: выпадает же человеку такой дар небес! Туйбике никого не замечала. Муж для нее превратился в бога.

Как говорят, от коня рождается конь, от птицы — птица. Дауран был похож на отца. В семилетнем возрасте из-под рук его выходили украшения всем на удивление. Поначалу мастер-отец делал вид, что не замечает работу сына, но со временем не мог отвести глаз: узоры были сработаны искуснее, чем у почтенных мастеров. После этого Алпар принес сработанный сыном камень с резьбой жене Туйбике. Но Туйбике приняла его без особого удивления, как должное: «Мой Алпар, наш сын может стать не только замечательным мастером, он сможет стать даже ханом». Услышав эти слова из уст любимой жены, мастер Алпар остался стоять с раскрытым ртом, долго не мог прийти в себя.

— Что ты говоришь, Туйбике? — сказал он наконец, придя в себя. — Слыханное ли дело! Хань поставлены над нами самим Аллахом. Опомнись, то ли ты говоришь?!

— Я не имею отношения к прежним ханам, а вот после Салим-хана твой сын, возможно, станет ханом. Уверяю тебя, мой Алпар, на все воля Аллаха, — сказала жена.

— О Аллах, что ты говоришь, Туйбике! Мастер наш сын, большой мастер. Смотри, какие узоры выводит на камне, глаз не отвести...

Туйбике обратила внимание на узор на белом камне. Изображен был на камне восход солнца, внизу — Итиль, на воде лебедь, к одинокому лебедю садится другой лебедь. Лебедь на воде, выгнув шею, смотрит на спускающуюся подругу. Удивительно живое изображение, как будто наяву видишь это явление.

Туйбике осталась довольна работой сына, но у нее были радужные надежды, далеко не земные — сделать его знатным человеком, возможно, даже ханом. Теперь сыну Даурану пошел семнадцатый год, скоро, очень скоро он влюбится в ханскую дочь, и ханская дочь не останется к нему равнодушной. Вот увидишь, мой Алпар, кем будет твой сын, думала она, боясь произнести вслух эти слова, зная, какой страх вселяется в душу ханского мастера от этих слов.

Еще только забеременев, что-то предчувствуя, Туйбике позвала повивальную бабку. «Зубаржат тоже забеременела?» — спросила она почему-то. «Да-да, моя Туйбике», — ответи-

ла та. А когда наступил девятый месяц, а затем начались родовые схватки, Туйбике, несмотря на свое тяжелое состояние, поинтересовалась: «Кто у Зубаржат?» «У Зубаржат дочка», — ответила повитуха. «У меня будет сын», — сказала Туйбике, с трудом преодолевая боли.

Так и случилось.

Родив сына, Туйбике была вне себя от радости. Да, радость распирала ее. Есть ли счастье большее, чем родить желанного ребенка от любимого человека? Да, от раба ли, от шайтана ли, лишь бы любимый человек был, лишь бы ожидаемый ребенок был его сыном. Рождение сына Туйбике приписала помощи Аллаха и загадала новое желание — сын должен соединить свою судьбу с ханской дочерью. И будет суждено встретиться им, иначе так не совпадало бы: в одну ночь родили, в один день дали имена.

Ни для кого не было секретом, что Салим-хана Туйбике любила. Но Аллах распорядился ее судьбой по-своему. Не суждено было ей родить потомка хану. Если сосчитать, сколько денег и дорогих подарков дала она повивальной бабке, надеясь на ее помощь, можно было бы построить целый дворец. Но куда денешься, к кому бы она ни обращалась за советом, какие бы снадобья ни принимала — не понесла она от Салим-хана. А когда по воле Салим-хана стала женой его раба Алпара, откуда-то в ней появилась уверенность, что рано или поздно осчастливит их судьба, и родит она непременно сына.

После рождения ребенка начались для Туйбике странные дни. Она знала: если кто и сумеет сделать что-то чудотворное, так это повивальная бабка. В ханский дворец на половину ханбике Зубаржат без разрешения мог заходить всего лишь один человек — повивальная бабка. Однажды Туйбике сказала повивальной бабке: «Когда эти двое детей, родившихся в одно и то же утро, соединят свои судьбы, когда они повзрослеют, возможно, нас с тобой уже не будет. Но ты соверши это чудо при жизни, а золота я тебе за это не пожалею. Если кто может это сделать, так это ты», — и сунула в руки бабки мешочек, туго набитый золотыми. За такую цену повивальная бабка готова была для Туйбике поймать ртом птицу.

«Приняла, бабушка, кошелек, договорились?» — спросила Туйбике. «Договорились, ханбике», — сказала повивальная бабка, хотя Туйбике уже давно не была ханбике.

После этого повивальная бабка стала чаще приходить к Туйбике. Здесь ей всегда были рады, всегда что-то перепало. Хитрая старуха, и от ханбике Зубаржат оторвет кусок. Приходя к Туйбике, старуха приносила то прядь волос ханской дочери Назлыгюль, то нить от ее платья, то поношенную

одежду, то блестящую пуговицу, а Туйбике бережно складывала все в узел, и, прочитав молитву, клала под подушку сына Даурана или прятала себе за пазуху. Об этом она никогда и никому не говорила. Все, что она делала, было ее тайной, ее мечтой, ее утешением, ее желанием. Когда ханской дочери Назлыгюль исполнилось семь лет, по меньшей мере четверть ее вещей перешли к Туйбике.

Взятое на себя поручение повитуха, надо признаться, выполняла охотно. Когда сыну исполнилось семь лет, Туйбике велела Алпару привести прославленного в Булгарии черемисского шамана. Готовый для жены привести не только шамана, но и достать с неба звезду, Алпар, выпросив у ханского конюха лошадь, арбу, выехал в путь и через два дня привез шамана. В ханскую крепость шаманов не пускали, и Алпар был вынужден переодеть его в одежду каменщика.

Когда шаман зашел в дом, Туйбике отправила Алпара во двор, опасаясь, как бы муж не сказал чего лишнего. Когда за мужем закрылась дверь, Туйбике подробно рассказала шаману о своем желании, своей мечте. Туйбике не знала, кто шаман — гадатель или ворожей, но слыхала, что хоть он и не мог воскресить из мертвых, зато мог на глазах людей превратить кошку в воробья, воробья — в ястреба. Одним словом, с детства выдавая разные чудеса, Туйбике искренне поверила в магические способности шамана, а когда шаман сказал, что сын ее Дауран на самом деле женится на ханской дочери Назлыгюль, что он станет зятем и ханом, она чуть не расцеловала безобразного обликом шамана.

Шаман, повидавший на свете много людей, не удивился поведению Туйбике; он не впервые встречался с подобными явлениями, даже не затронул вопроса об оплате, тут же принялся за дело. Прежде всего он попросил кусок свинца, положил его на сковороду и растопил на огне, велел налить в две посуды немного воды и вылил расплавленный свинец в эти посуды. Потом одеялом накрыл ребенка, поддержал свинец в воде, пока тот не начал затвердевать. Когда свинец принял определенные формы, снял с ребенка одеяло. Шаман что-то говорил и медленно катал в ладони твердеющий свинец. Потом форму, похожую на мужскую фигуру, повесил на шею Даурана, вторую форму велел любыми путями передать ханской дочери Назлыгюль. Если не удастся прямо вручить, нужно завернуть в любую тряпку сына и хотя бы на одну ночь положить под подушку ханской дочери. Туйбике внимательно слушала указания шамана и утвердительно кивала головой. Когда все было исполнено, Туйбике положила в ладонь шамана четыре золотых, проводила до дверей и, не вытерпев, спросила:

— Аллах соединит их сердца?
— Не Аллах, я соединил их души, остальное в руках Все-
вышнего, — ответил шаман.

Проводив шамана, Туйбике позвала повивальную бабу и, завернув кусок свинца в оторванный от рубашки сына рукав, отдала повитухе. Та должна была обязательно положить отлитую шаманом свинцовую фигурку под подушку ханской дочери.

Алпар отвез шамана домой, вернулся и, заметив в жене Туйбике необычайную радость, удивился:

— Никак шейх Иганай послал к тебе ангелов, почему так улыбаешься, как восходящее солнце?

— Ангелы не спустились, муж мой, ты вернулся, — ответила Туйбике и бросилась в объятия мужа. — Коль Аллах захочет, отец, все будет по-нашему. Эй, Дауран, сынок, выдь-ка на улицу... твои сверстники там в бабки играют...

Мастер Алпар ничего не знал. Ему ли понять мечты Туйбике? И Туйбике решила ничего не говорить мужу.

Алпар ни до женитьбы, ни после не постигший тайн женской души, да, собственно, и не стремившийся их постичь — ему и так было хорошо с Туйбике, ограничившийся восхищением ее красотой, принимавшийся несколько раз тайком писать портрет своей Туйбике, но, испугавшись ханских шпионов, ночами бросавший портреты в Итиль, с того дня стал еще более окрыленным. Сына отдал в обучение самому опытному мастеру по узору. «Мясо тебе — кость мне, обучай! Не будет слушаться, камча в твоих руках», — с такими словами обратился он к мастеру.

Увидев в первый же день, как Дауран держит в руках молоток и резец, старый мастер сказал отцу: «Этого и обучать не нужно, руки у него с рождения золотые».

8

Как говорят, Аллах дает человеку на два счастья одно горе. Заканчивая дворец, мастер Алпар неожиданно заболел и слег. Украшение дворца Салим-хан поручил завершить сыну мастера Даурану. Ханская дочь Назлыгюль ходила смотреть работу мастеров. Однажды, когда Назлыгюль пришла к работающим, Дауран нарочно ударил молотком себя по пальцу. Ханская дочь, увидев это, ахнула, хотела что-то сказать своему отцу, но пересилила себя и, не растерявшись, крепко зажала своим платком палец юного каменщика-мастера. Горячая алая кровь окрасила вышитый платок.

— Больно?

— Нет, не больно, мы привычны, — сказал юный мастер.

И взглянул девушке в глаза. И не знал, с чем сравнить красоту ханской дочери. Длинная шея, черемухово-черные глаза, лик словно луна, в глазах играют жемчужные лучи.

— Ну что ж, завяжи палец мастеру, — сказал Салим-хан, усмехнувшись.

Усмехнулся хан оттого, что подметил и в дочери, и в мастере трудноскрываемый интерес, влечение их друг к другу. Но не удивился Салим-хан, в противоположность ханбике Зубаржат, не спешил отдалить дочь Назлыгюль от юного мастера, потому что это ненадолго. Скоро сосватают Назлыгюль за человека из ханского рода или за княжеского отрока, и Салим-хан с удовольствием отдаст им свою дочь. Дочь, выданная в чужеземье, это не только добыча зятя, это своего рода политика. Мастеру ли не ведать об этом. В то же время Салим-хан знал, что этот юноша родился от Туйбике. Коль душа не позовет, кровь отзовет, как говорят. Справедливо говорят. Салим-хан, глядя на них, подумал: «Юный мастер влюблен в дочь хана». Но не огорчился и не стал бить тревогу.

Между тем Назлыгюль перевязала палец Даурана и мельком поглядывала на него. Юноша сдержанно улыбался. И столько мужественности, гордости, упрямства и скрытой нежности прочитала в этой улыбке ханская дочь, что вострепелась, как увидевшая охотника лань. Но потом она пришла в себя, словно прочитала в синих глазах юного мастера: «Я люблю тебя, ханская дочь». Даже губы выдавали: «Я тебя люблю, ханская дочь, люблю, люблю!» Ресницы ханской дочери дрогнули, она что-то хотела сказать, но сзади стоял отец.

— Ну, отправляемся, Назлыгюль, — сказал отец.

* * *

В тот же день Туйбике, увидев, что сын вернулся весь сияющий, словно побывал в стране, где раздают счастье, подумала: «Слава Аллаху, предсказание шамана сбудется! Сын увидел ханскую дочь, может, и в любви признался».

— Ее увидел, сынок, очень радостен? — спросила мать.

— Кого ее, мама?

— Ханскую дочь Назлыгюль.

— Ханскую дочь Назлыгюль?! — поразился Дауран прозорливости матери. — Ах да... с отцом приходили.

И шагнул было к больному отцу, но Туйбике вновь остановила сына:

— Отец целый день ждал тебя, состояние у него тяжелое. У него к тебе есть просьба, сынок. Спокойно выслушай, уверь. Пусть в надежде пребывает: надеющийся увидит свет, не надеющийся — могилу, так говорят.

«Наступит день, — подумала Туйбике, — и Алпар поправится, и ханская дочь выйдет за тебя с радостью замуж. Выйдет, выйдет, ты ее судьба, а от судьбы не уйдешь! Кто знает, может, Туйбике будет сидеть за одним столом со свахой Зубаржат. Будет сидеть, куда денется!»

* * *

Но не все получилось, как задумала Туйбике. В год, когда закончили строительство ханского дворца, мастера Алпара разбил паралич.

Дауран отправился в ханский дворец. Два дня ждал он приема к хану. На третий день Салим-хан принял Даурана, сына мастера. Мастер Дауран нерешительно подступил к трону, встал на колени, склонил голову.

— Сначала выскажи свою просьбу, — сказал Салим-хан.

— Хан, отец мой тяжело занемог. У него есть к вам одна просьба: хочет умереть вольноотпущенным. Дайте, хан, отцу вольную!

— В священной книге сказано, что место раба будет в раю. Зачем умирающему воля?

— Хан, когда в древние времена у одного мудреца спросили: «Что самое сладкое в этом мире?», он ответил: «Воля, свобода!» Отцу моему хочется умереть вольным, хан. Он всю свою жизнь был предан вам...

— Пусть сначала поправится, — сказал Салим-хан. — Сам придет, предстанет пред мои очи. Если отец твой получит волю, знай, ты останешься моим рабом.

— Я твой раб, хан. Только отцу моему дайте волю.

— Я не могу дать волю рабу, прикованному к постели.

— Дайте волю отцу, хан! Умоляю вас на коленях! Всю жизнь буду преданно служить вам.

Мастер Дауран стоял перед ханом на коленях, склонив голову.

— Ладно, я подумаю, — сказал хан, смягчаясь.

Дауран поспешно ушел, ему хотелось объявить отцу сунуче — радостную весть, но, когда он вернулся, знаменитый зодчий, построивший много зданий в великом городе, уже скончался. В изголовье отца сидел мюрид шейха Иганая и читал отходную молитву — ясин, мать, упав на грудь усопшего мужа, безутешно рыдала. Увидев покойного отца, рыдающую мать, Дауран остановился и стоял как пригвожденный. Отец умер, так и не получив свободы. Дауран поступит по-другому: найдет выход из положения и умрет без цепей, как его отец. Это была клятва раба, мастера Даурана перед отцом.

Получив приказ воздвигнуть башню в Чертовом городище, возмужавший после похорон отца мастер Дауран, помня о судьбе отца, поставил Салим-хану условие: строительство башни начнется только после того долгожданного момента, когда хан даст вольную всем каменщикам, в том числе и ему, мастеру.

— Сначала покажи работу, мастер, хан сдержит свое слово, — высокомерно заявил Салим-хан.

Мастер Дауран с радостью известил каменщиков, строящих башню в Чертовом городище: «Когда построим башню, хан даст всем нам вольную!».

Вот почему тысяча каменщиков после возведения башни стала ждать с нетерпением Салим-хана.

Наконец хан приехал. Сначала он осмотрел наружные стены крепости, остался доволен работой каменщиков, прошел через висячий мост в крепость, остановился, обратил внимание на окованные железом ворота. И здесь хан остался доволен работой мастера Даурана и строителей. Осталось осмотреть главную башню. Каменщики ожидали, что, восхитившись красотой сооружения, хан объявит им вольную, сдержав свое слово.

Мечтой о свободе строители жили всегда, они неоднократно говорили об этом хану. Униженные люди страстно хотели получить вольную, но Салим-хан каждый раз откладывал решение вопроса. Не дождавшись свободы, многие каменщики убегали в степи, хотя и там, в бегах, жизнь им не казалась медом. Тяжело было и тем, кто становился азатом у багадуров, первыми погибая на полях сражений; но и это не останавливало свободолюбивых каменщиков, которые продолжали пополнять ряды азатов.

Просил вольную у Салим-хана и Дауран; хан, однако, и слушать его не хотел. Но, как говорят, лишь шайтан живет без надежды. Надеялся стать свободным и Дауран. Он надеялся, что сегодня получит свободу. Должен же хан наконец сдержать свое слово.

Салим-хан сначала осмотрел малые башенки, потом направился к сторожевой башне, оставшейся от дедов. Строители ее расширили и заметно укрепили. Дауран последовал за ним.

Перед тем как войти в главную башню, мастер Дауран остановил Салим-хана около дверей:

— Хан, я поставил в башне тайные двери, выкопал тайные подземные ходы, сделал тайные комнаты. Секрет этих дверей, комнат и ходов для всех, кроме вас, хан Салим, дол-

жен остаться тайной. Если об этом узнает кто-то другой, тайна дойдет до третьего, третий разрезвонит по всему миру. Прошу, зайдите в башню только вы, хан!

Салим-хан взглянул на мастера с некоторым сомнением, однако велел следующим за ним по пятам телохранителям: «Останьтесь!»

Мастер шел впереди, за ним Салим-хан. Зашли на первый ярус. Мастер Дауран взял в руки головешку, зажег и дал хану. Хан не сказал ни слова, поднялся на верхний ярус, но, заплутавшись, сошел вниз.

— Сам покажи путь! — сказал хан.

— Обещай сначала вольную, хан!

Салим-хан не ответил мастеру Даурану, открыл дверь и кликнул двух телохранителей. Когда те подбежали, он велел осветить лицо мастера. В гордой, вызывающей позе стоял мастер-раб. Раньше хан не различал лиц рабов — для него они были все на одно лицо, но Дауран был сыном мастера Алпара и Туйбике. И хан вдруг увидел в облике юноши упрямство, гордость Туйбике, решительность мастера Алпара. Несмотря на это, хан полагал, что Дауран, как и все остальные, трепещет перед ним и всегда подчиняется его воле. А перед ним стоял человек совершенно другого облика — гордый, требовательный, ставящий условия. «Молод, смел, неотесан, не знает ханского могущества, не пробовал кнута, сырой темницы», — подумал Салим-хан и приказал телохранителям:

— Заломите ему руки за спину и свяжите!

— Не прикасайтесь ко мне! Я требую у тебя воли, хан! — сказал мастер Дауран, вновь повергнув хана в изумление.

— Свяжите его, но не убивайте, мастер мне нужен живым!

— Не спеши, хан! Твои телохранители зашли сюда с саблями, от сабли и умрут. Не приказывай им связывать меня!

— Кто ты такой, чтобы учить самого хана, раб ничтожный?!

— Я мастер, хан. Сын твоего лучшего мастера Алпара, Дауран. Перед тем как натравишь на меня своих телохранителей, знай о том, что мне вещал предсказатель: твоя смерть — смерть хана, твоя гибель — гибель хана. Поэтому я не советовал бы тебе приказывать своим телохранителям расправиться со мной.

— Предсказатель! — хмыкнул Салим-хан. — Я повешу тебя на верхушке башни, тобой построенной. Предсказатель вещал, видишь ли. Вяжите его!

— Хан, знай же! Я — твоя погибель. В последний раз предупреждаю. Не веришь — открой двери, в крепости —

вооруженные каменщики. Здесь у тебя сотня азатов... Обещай волю, хан, волю! Не только мне, всем нам...

— Хватайте, вяжите голову! — крикнул во все горло Салим-хан.

Вытащив из-за голенища кинжал, мастер Дауран метнул его, он вонзился по рукоятку в грудь азата. Воин ухватил кинжал за рукоятку и пытался вытащить, но рухнул плашмя на каменный пол. Сабля погибшего азата мгновенно оказалась в руке Даурана. Второй телохранитель бросился к Даурану. Искусный боец начал медленно теснить Даурана, который, прыгнув, как тигр, очутился сбоку от азата. Воин бросился за ним, но попал в пустоту, страшно закричал и куда-то исчез. При виде этого у Салим-хана подогнулись колени, он стал вдоль стенки скользить к двери. Но мастер Дауран сильно толкнул хана. Ударившись головой о стену, хан, застонав, сполз на пол. Мастер Дауран пинком распахнул дверь и зычно крикнул:

— Братья, к оружию!

Крепость загудела как пчелиный рой, отчаянные вопли со двора доносились до башни.

— Хан, — сказал мастер Дауран, — пока не поздно! Волю, волю дай!

Салим-хан попытался подняться, но снова сел. Мастер Дауран открыл дверь, подошел к хану:

— Волю, волю, ты же обещал, хан!

— Скажи, мастер, где я? Может быть, все это сон?

Салим-хан поднял голову. Со двора слышались жуткие голоса, кошачий визг, волчий вой, воронье карканье. Уж и впрямь не шайтан ли сам здесь живет? Зачем он пришел сюда?

— Хан, дай волю, волю!

В этот момент в двери вместо ожидаемых Даураном каменщиков ворвались вооруженные азаты, за ними решительно вошел эмир Хаджи с саблей в руке. Он ловким движением обезоружил бросившегося на него мастера Даурана и приказал азатам:

— Связать его!

После этого эмир Хаджи приблизился к сидевшему у стены отцу, поднял его на ноги, посмотрел в глаза.

— Оставь меня, сын, оставь... — хан пришел в себя. — Мастера Даурана свяжите. Не убивайте! Он нужен мне живым, живым нужен. Каменщики подняли бунт. Всех их в реку! Подстрекатель — Дауран! Его под стражей увези в великий город!

Сказав это, хан направился к дверям. О трагедии в Чертовом городище узнают немногие, но это событие Салим-хан будет помнить до конца своих дней.

Он медленно вышел во двор, переступая через заколотые, порубленные тела, пачкая свои сапоги кровью, спотыкаясь, пошел к воротам. Никто не решился к нему в эти минуты подойти. Только когда он дошел до подъемного моста, ему подали коня, телохранитель помог сесть в седло. Салим-хан ни на кого не смотрел. Сойдя с моста, повернул коня в сторону великого города. За ханом следовали два его телохранителя.

Эмир Хаджи сам наказал взбунтовавшихся каменщиков. Сначала он велел связать их всех одной веревкой в цепь, затем подвести к краю крутого берега. Потом велел отрубить голову первому в ряду и бросить под яр. Один за другим каменщики покатались вниз, палач на ходу рубил им головы. Все это видел мастер Дауран. Он молча стиснул зубы да искусал до крови губы, чтобы не закричать. Сердце его обливалось кровью.

Потом эмир Хаджи приказал азатам доставить Даурана в Великий город.

Из тысячи каменщиков, приехавших в Чертово городище, в Великий город привезли одного мастера Даурана. Женщинам, которые пришли встречать своих мужей, Салим-хан крикнул:

— Мастер Дауран, подстрекавший ваших мужей на бунт, цел и невредим. А ваши мужья не вернутся. Мастера, который подстрекал ваших мужей, я сгною в тюрьме: сто моих азатов полегло в Чертовом городище. Проклятие подстрекателю, проклятие!

Ханские азаты, с трудом вызволив мастера Даурана из рук обезумевших женщин, заперли его в ханскую тюрьму. С детства веривший в предсказания, приметы, ворожбу колдунов, шаманов Салим-хан поверил в то, что жизнь мастера Даурана связана с его собственной, поэтому велел охранять его как зеницу ока.

В то же время Салим-хан выразил сыну, эмиру Хаджи, недовольство по поводу случившегося в Чертовом городище, хотя сын вырвал его из рук смерти.

* * *

Дни текли, но Салим-хан не выпускал мастера Даурана из темницы. Когда подняли вопрос о закладке нового города, он пригласил во дворец сына, эмира Хаджи.

Сын участливо расспросил отца о делах. В ответ Салим-хан задал Хаджи неожиданный вопрос:

— Мне донесли, сын, что, дескать, в фундамент Чертова городища принес себя в жертву Булгар-ата. Ты знаешь, так отцом булгар называли себя некоторые шаманы. Достовер-

но ли это, видел ли кто? А если видел кто, то сможет ли подтвердить?

— Не знаю, отец, — сказал эмир Хаджи. — Не видел. Об этом если кто и знает, то узник — мастер Дауран. Под его руководством строили фундамент крепости.

— Наши деды в фундамент нового города зарывали жертвенных мальчиков из ханского рода. Без этого, полагали они, город рано или поздно перейдет в руки врага.

— Невежественны были наши предки, отец. Я не верю, чтобы болгарский шаман по своей воле лег в фундамент крепости, отец, хотя на все воля Аллаха.

— Но это же было, клали наши деды своих сыновей в фундамент нового города, — убежденно сказал Салим-хан. — Ладно, оставим этот вопрос. Убийцу посла Садака вы не нашли, что поделаешь. Ни ты, ни визирь об этом ни слова не произнесли. Что ж. Я вот о чем хотел бы сегодня узнать, сын. Почему каждого вошедшего в Чертово городище чужака находят мертвым в реке? Чьих рук это дело? Крепость твоя, сын. Что это за таинственное место? Ты должен разгадать эту тайну. Таков будет мой совет тебе, сын: вернись и пошли одного из своих воинов в Чертову башню. Если выйдет живым, пошлешь ко мне. А погибнет — похорони с почетом. Потом расскажешь мне.

— Я все сделаю, как ты повелел, отец.

— Предупреждаю, сын, чтобы никто об этом не знал, ни одна живая душа.

Выйдя из дворца, эмир Хаджи поехал в Чертово городище. Заночевал там и наутро пригласил к себе азата, заступившего на охрану два-три дня назад. Азат был сиротой, отец-мать умерли в одночасье от опухоли горла, сын остался на попечении бабушки; недавно и она умерла, поэтому парень-сирота нанялся к эмиру Хаджи азатом.

— Азат, сегодня вечером, как только сядет солнце, поднимешься на Чертову башню. Все осмотри. Факел будет по правую руку, как откроешь дверь. Сначала поднимись наверх, понаблюдай за кораблями, движущимися по Чулману. Запиши, сколько кораблей вниз, сколько вверх проплывет.

Молодой азат выразил готовность беспрекословно выполнить приказание эмира. Когда зашло солнце, эмир сам впустил его в Чертову башню.

— Эмир, те, кто залезали на башню, обратно не возвратились, почему решили впустить молоденького азата? — спросил начальник караула.

— Вот что, караулбаши, о том, что вошел туда азат, знаем ты да я. Прикуси язык, если проболтаешься, вместе с языком может оторваться и голова.

Караулбаши все понял и больше не стал задавать вопросов.

На другой день, как только взошло солнце, на берегу нашли труп молодого азата. И раньше в реке, бывало, тонули, поэтому народ крепости не придал этому событию особого значения.

На следующий день эмир Хаджи был уже во дворце у хана:

— Отец, тело азата нашли утром на берегу.

Салим-хан встал с трона, принялся расхаживать по залу. До сих пор он не знал, как поступить с мастером Даураном, теперь же решил передать мастера сыну. Пусть войдет в Чертову башню. Если выйдет живым-невредимым, значит, в башне нет никакого шайтана. А если и его убьют... О Аллах, а вдруг его слова окажутся пророческими, что его жизнь — моя жизнь?..

— Ты отдай его мне, отец, — сказал эмир Хаджи, словно догадался, о ком и о чем думал отец.

Салим-хан удивился, но не подал виду.

— Что скажет народ?..

— Мастер построит новый город, которому не будет равных.

— На берегу Итили?

— Да.

— Пусть сперва вернется визирь Исхак, — сказал хан.

— Дождемся, — согласился эмир Хаджи. — А зодчего я увезу. Пусть готовит чертежи нового города.

— Увези, — сказал Салим-хан. — Только не забывай: где бы зодчий Дауран ни жил, что бы ни вытворял, с его головы не должен упасть ни один волос. Он мне нужен живым!

— Ни волоска с его головы не упадет, отец...

9

Через неделю Даурана в сопровождении десяти азатов повезли в Кашан. Эмир Хаджи отдал мастеру место в комнате, где когда-то жил секретарь Хафиз, наказал выполнять чертежи.

— Сначала покажи мне место, где будет основан город, — сказал эмиру зодчий Дауран.

Эмир Хаджи позвал багатура Бачмана и послал ханского зодчего на место основания нового города. Сказал:

— Чертежи зодчий будет делать в крепости Казань, багатур. Предоставь ему все, что надобно для строительства дома, Дауран сам его поставит. И охраняй мастера, глаз с него не спускай!

— Слушаю и повинуюсь, эмир, от меня не удерет, не родился еще тот человек, кто удрал бы от меня, — прихвастнул багадур Бачман.

— Знай, багадур, мастер Дауран не беглец. Он никуда не уйдет, потом я ему дам волю, — сказал эмир.

— А-а, понятно, — протянул багадур Бачман и стал готовиться в дорогу.

* * *

Эмир Хаджи, приехавший через месяц в крепость Казань, увидел мастера склонившимся над чертежами и, довольный этим человеком, решил чем-нибудь обрадовать его:

— Если новый город станет величественнее Великого города, на другой же день получишь вольную, ханский зодчий.

— Отец твой уже дал мне вольную, эмир. Благодарю покорно!

— Обещание тебе, ханский зодчий, дает эмир Хаджи! — сказал эмир Хаджи, не повышая голоса.

— Кто он, эмир Хаджи? Сын Салим-хана? Этот эмир велел отсечь головы и сбросить в реку моих каменщиков. И этот человек дает мне обещание?!

— На безумца надевают узду, на сердитого набрасывают сетку, зодчий. Волю я могу тебе дать сегодня же.

— Эмир, я перестал верить в слова, не подкрепленные делом. Напиши мне бумагу и скрепи своей печатью! Коль сильнее потянешь, рвется и струна арфы, говорят греки. Если дадите мне свободу, вольную, на берегу Итили поставлю несравненный город, эмир.

— Ты сначала укрась мой город. Сначала ты работу свою покажи, мастер, работу. Это слово Хаджи!

Мастер Дауран поднялся, покорно склонил перед эмиром Хаджи голову. Эмир Хаджи в упор посмотрел в глаза зодчему и пришел к выводу: «Настырный, смелый, предприимчивый, красивый человек. Мать говорила, что Назлыгюль влюблена в этого зодчего, весьма возможно. Умен, смел, упрям, горд».

Один много повидавший дервиш сказал эмиру мудрые слова: «Каждый мастер, владеющий ремеслом, сам себе хан. Не задевай мастера. Наставить человека на путь праведный в тысячу раз труднее, чем сбить его с истинного пути. Кто-то сказал: «Тень не выпрямишь, если горбат тот, от кого падает эта тень».

Через два дня эмир Хаджи дал мастеру Даурану вольную. Вольная была скреплена печатью эмира. Мастер Дауран взял бумагу, долго стоял, прикрыв ею лицо, потом сло-

жил вчетверо и положил за пазуху, ближе к сердцу, только после этого поклонился эмиру Хаджи.

— Зодчий, отныне ты вольный человек! — сказал эмир.

Еще через три дня для постройки города приехала из Великого города новая тысяча каменщиков. Увидел их мастер Дауран, и сердце у него сжалось. Если бы он стал просить свободу и для них, как бы эмир поступил? Попросит за них мастер, да только не сегодня.

10

Эмир Хаджи даже не взглянул на неожиданно явившегося багадур Бачмана. На коленке эмира сидит младший сын и по складам читает книгу. Когда ребенок запинается, отец вздыхает:

— Твой брат Гали в семь лет уже бегло читал афтияк*, — сказал эмир Хаджи и взглянул на багадур, стоявшего на пороге: — Ну, какая забота привела сюда багадур?

Багадур Бачман не успел и рта раскрыть, как мальчик проговорил:

— Нашедший железную руду не будет нуждаться, а воспитывающий ребенка не взвидит света.

— Правы предки, — сказал эмир. — Кто воспитывает ребенка, не взвидит света. Эй, кто там, возьмите ребенка!

— Ну, какая нужда привела багадур к эмиру?

Из внутренних покоев вышла служанка, взяв за руку маленького Джаффара, увела его в соседнюю комнату.

Багадур Бачман дождался, пока уйдет служанка, потоптался на месте. Эмир Хаджи прикрыл колени одеялом, шитым из собольих шкур:

— Отчего-то колени мерзнут. Зимой на охоте простудил, по-видимому. Чачак-ану пригласить бы, все некогда. Как там город, багадур, растет?

— Город растет не по дням, а по часам, эмир.

— Ну, выкладывай просьбу!

— Эмир, правда то или нет, довели до меня, что моя сестра Зайтуна ходит в Чертов городок.

— Что из того? Пусть себе ходит.

— Эмир, девушка она. Знаю я народец в городище.

Эмир Хаджи зазвенел серебряным колокольчиком.

— Что стряслось, мой эмир, — спросила, войдя, Акбике.

Увидев на пороге багадур, прикрыла рот платком.

— Где пропадает Зайтуна, бике?

* А ф т и я к — одна седьмая часть Корана.

— Ходит в лес по ягоды, мой эмир. Коробами приносит ягоды.

— Одна ходит, без охраны?

— Мой эмир, не твой ли тархан Юмагул охраняет этот лес?

— Нашла караульщика, бике. Под рукой у него шесть-семь воинов. Где же успеть ему? Бике, скажи Зайтуне, чтобы отныне одна в лес не ходила. Брат вот пришел обеспокоенный. Я знаю, Зайтуна ничего не боится, из лука бьет стрелой не хуже мергенов-лучников, с саблей тоже неплохо управляется. Все же негоже девушке одной в лес ходить.

— Я бы так не сказала, мой эмир, женщины испокон века хаживали в лес по ягоды.

— По ягоды пусть ходит, не возражаю. Почто в Чертово городище заглядывает, вот про это ты проведай, бике. Где Зайтуна?

— По ягоды пошла. Сама говорила.

— Снова по ягоды! Сказал же я, не годится одной в лес ходить...

— Ты так круто не бери, мой эмир. Если хочешь знать, в древние времена туранские женщины сражались в одном строю с азатами. Потому их не отделяли от рода.

— Стрелять из лука, ездить верхом я обучил сестру, эмир.

— Я, мой эмир, гляжу на Зайтуну и завидую. Хочет — в лес идет, хочет — посмотрит чудеса Чертова городища. Пусть смотрит! Стоит забраться на башню и оглядеть округу — будто края земли зришь. Хочу как-нибудь сама съездить туда.

— Если очень хочется, езжай. Да убедись, не там ли пропадает Зайтуна. Багадур тебя проводит, — сказал эмир Хаджи.

Акбике устремила взор в сторону багадура и, прочитав на его лице согласие, ответила:

— Спасибо, мой эмир, я непременно воспользуюсь этим.

— Только не сегодня, бике. Сегодня я сам туда съезжу. Кузнец Ахмет стал непослушным. Взял в кузню младшего брата купца Кучтума — Апаная. Сын, Бакир, собирается взять в жены девицу-уруситку. В тюрьму я брошу его, ежели эти дела подтвердятся, без долгих разговоров брошу!

— Это твое дело, мой эмир, — сказала бике и повернулась к багадуру. — Когда соберусь, я сама дам знать, багадур.

И ушла.

— Эмир, без охраны в путь не выходите, в лесу бродит Джик Мерген со своими азатами.

— Вряд ли, не хочу верить. Все рассказы это.

— Я тоже не очень-то верю, эмир. И все же без охраны в путь не пускайтесь.

— Брату не уступил Джик Мерген. Я сомневаюсь, багадур, что девушек он похищает. Похищают и продают болгарских девушек Улуг Мухаммеду другие. Отец мой говорит, что Улуг Мухаммед стал мстить Салим-хану. Не могу сказать, что это неправда, все возможно. Только кто же сообщил Улуг Мухаммеду о смерти посла Садака? Ведь отец даже купцов сторонился.

— Не лягнул же Джик Мергена в лоб теленок, чтобы красть девушек. Мне кажется, Джик Мерген на такое не пойдет, эмир. Для чего ему переносить в наш лес распрю с братом? Рано ли, поздно ли, мы все равно его поймаем. Салим-хан тоже знает, что Джик Мерген обитает со своими азатами в наших лесах.

— Ладно, я отправляюсь в Чертово городище, намерен взять с собой кузнеца Ахмета. Посмотрю, как там его сын орудует. Конь мой под седлом, к полдню думаю обернуться...

* * *

Эмир Хаджи не послушался совета багадура Бачмана, как всегда, взял охрану из десяти азатов. Сначала он направился к кузнице Ахмета. Кузнец Ахмет держит в Кашане большую кузницу и, превращая сделанный сыном Бакиром чугуна в железо, продает в ближние и дальние страны. Правда, около кузнеца крутятся люди эмира, большая часть выручки от продажи железа поступает в эмирскую казну, но и кузнец, как видно, все богатеет, теперь, говорят, держит у себя азатов. Из года в год труднее следить стало за кузнецом Ахметом, он явно стремится к самостоятельности и независимости.

Эмир Хаджи в сопровождении азатов приехал к кузнице мастера Ахмета. Кузнец настежь распахнул перед эмиром ворота своего двора. Большая кузница оглушала грохотом многочисленных молотов. Свыше тысячи кузнецов работали красиво и споро. Их потные плечи блестели от красных огней горнов. Все кузнецы были людьми свободными: Ахмет сумел выкупить их и всем дал вольную, с каждым нашел общий язык и всем платил по труду. Эмиру Хаджи не хотелось вмешиваться в дела кузнеца Ахмета. Ему только не очень нравилось, что хозяин кузнечных дел где лестью, где подкупом добивался свободы своим работникам и почти безраздельно властвовал в своей огромной кузнице. Эмир Хаджи давно хотел дать Ахмету почувствовать, кто здесь хозяин.

Въехав во двор, эмир напрямик направился к великолепному дому кузнеца. Спрыгнув с коня, поднялся на крыльцо, делая вид, что не замечает стоявшего на крыльце хозяина.

— Нежданно-негаданно, мой эмир! — сказал кузнец Ахмет, приглашая эмира в дом.

— Удачны ли дела, мастер? — ответил эмир не оборачиваясь.

— Слава Аллаху, уповаю на его милость, эмир. Не хочу обижаться, но были времена, когда было трудно, но никто и полушки не протянул.

— Много ли литья доставляют в кузницу?

— Хватает, эмир. Спасибо сыну, старается.

— Сколько возов железа отправил володимирскому князю?

— Твой тархан записывает, ведет учет, эмир. И не отходит от меня ни на минуту. Однажды сам купец Кучтум приходил, думает у себя такую же кузню поставить. Я сказал, что, мол, помогу, да и наш эмир, говорю, щедрой души человек, ради славы и мощи Булгарии поможет. Доволен купец остался. Сразу же за товар рассчитался щедро.

— Потом оставил у тебя своего младшего брата Апаная, так?

— Да, мой эмир. Апанай хороший человек, всем интересуется. Хочет стать кузнецом. И станет с нашей помощью. Сам Аллах такое одобрил бы.

— Чем же тебя за это одарил купец Кучтум?

— Он сыну моему привел красивую девушку, сын как увидел, так сразу и влюбился. Прохода не дает, жениться хочет. Прошу твоего благословения на это, мой эмир.

— Не боишься Аллаха? Соединять сына ислама с православной? Что скажет шейх Иганай?

— Иганай в Великом городе, а мы здесь. Ты, мой эмир, здесь и шейх, и хан. Не веришь, я могу поклясться на Коране. Все так и обстоит. Говорят, близко время, когда наш эмир перестанет гнуть шею перед впадающим в слабоумие ханом.

— Сын, совершивший преступление по отношению к отцу, не получит благословения, говорит шейх Иганай, мастер. Ведаешь ли, какие речи ведешь? Если дойдут они до моего отца?

— Прости, мой эмир, я только повторяю людскую молву. Чужое злое слово, как говорят, может человека убить. Возможно, так оно и есть.

— Ладно, оставь это. Правда, что купец Кучтум вознамерился в Чертово городище приехать, да тархан не пустил?

— Да не очень он в городок стремился, мой эмир, не хочу на Кучтума грешить. Он и так богач, Кучтум-то, в большом почете у уруситов: если нужно, богатством и славой он потягается и с князем Китаном.

— Ты сам привел в Чертово городище девушку или сын твой ездил за ней?

— Сам я, мой эмир. Очень пригожая девица. Да и мой сын не из последних. Красив, умен и силен. Увидела дева моего сына и покраснела как кумач. По душе, видать, пришелся такой стройный молодец. Понравились они друг другу. Я не против. Да и купец Кучтум довольный уехал. Скажу по секрету, эта девица — его дочь от служанки, мой эмир. Вот такие дела на сегодняшний день. Глядишь, породнимся с купцом-богатеем Кучтумом. Любви ради молитву прочитаем. Нужно будет, и в церковь сходят. И девушка будет довольна, и сын мой.

Тем временем на длинный стол поставили два жбана медухи. Эмир Хаджи выпил кружку, погладил усы.

— Хе-хе, кто бражку сготовил? Шибко зла, но и вкусна.

— Бабка-черемиска. Золотые руки у старухи. Все на кухне и в доме умеет делать.

— Мастер, о новостях поведал ты мне, спасибо. Хоть и грех будет, я тебя сегодня запру в темнице.

— О Аллах! Мой эмир, не только перед тобой, перед самим Всевышним не виновен я. Хоть причину-то скажи!

— Я делаю это для того, чтобы секрет литья чугуна не перешел в руки князя, мастер. Пусть услышат, пусть весть дойдет до князя Китана. А теперь, — сказал эмир Хаджи и отодвинул стоявшую перед ним кружку, — собирайся, съездим в Чертово городище.

— Повинуюсь, мой эмир!

Эмир Хаджи вышел во двор; к мастеру подошел подручный, легонько тронул за плечо.

— Пусть зайдет сотник, живо! — сказал Ахмет решительным тоном.

— Я здесь, хозяин! — поспешил сотник.

— Эмир увозит меня в Чертово городище. Возьми азатов и, чуть приотстав, следуй за нами, — сказал мастер Ахмет.

Он переоделся, сел на коня, и, пустив его вскачь, направился к эмиру Хаджи. Мастер был разгневан, раздражен.

* * *

Мастер Ахмет догнал эмира Хаджи, когда выехали из города.

— Эй, эмир, дай место рядом с тобой! — крикнул мастер. Два телохранителя, скакавшие рядом с эмиром, подались в сторону. Мастер Ахмет, доехав до эмира, придержал коня, поехал рядом.

Эмир Хаджи, удивившись такому поведению мастера, сдержал коня и оглянулся. За мастером, чуть приотстав, ехало около ста азатов.

— Азаты твои, мастер?

— Нет, твои, эмир. Но сегодня они будут охранять меня. Кто он, азат? Кто больше платит, того и охраняет, эмир. Знать, беспокоятся за своего кузнеца. Прослышали, видно, что эмир грозил засадить своего мастера в темницу.

— Не понял ты меня, мастер. Я о тебе пекусь.

— Мастера Даурана тоже вызволил из ханской тюрьмы, заботясь о нем, эмир?

— Мастер Дауран купил свободу, можно сказать, ценой золота, — произнес эмир и погнал коня вперед.

— Свободу не покупают, свободу завоевывают, эмир.

— Еще как покупают, мастер! Хан Ибрагим ради сохранения Великого города отдал володимирскому князю Туру три тысячи золотых, а княжескому сыну — свою сестру.

— Что было, былшем поросло, эмир. Меня беспокоит нынешнее. Почему едет в Чертово городище мой эмир?

Эмир Хаджи не ответил, стегнул коня камчой, — горячий жеребец рванул вперед, но мастер Ахмет быстро догнал его и схватил за уздечку.

— Тпру-у, не поспедай, эмир! Обещай, что не тронешь сына!

— Я еду остановить твоего сына от плохого деяния, мастер.

— Заперев его в Чертову башню, эмир? Оттуда никто живым не выходил. И молодого азата ты послал. А ведь ему было жить да жить, эмир...

В эмире Хаджи начал подниматься гнев, он снова бросил взгляд на едущих сзади плотным заслоном азатов.

Впереди показалось городище. Погоняя коней, доехали.

— Эй, кто там есть, опустите мост, откройте ворота! — крикнул эмир Хаджи.

Эмира узнали, со скрипом опустился подъемный мост, раскрылись ворота. Эмир, погнав коня, выехал вперед. Доехав до начальника караула, приказал:

— Как только въедут мои азаты, закрой ворота!

Стража крепости так и поступила. Когда проехали эмир, мастер и десять эмирских азатов, ворота были закрыты, висячий мост поднят. Эмир Хаджи соскочил с коня, бросил поводья начальнику караула, прошел в дом.

— Сотник, поклчи мастера Бакира!

Мастер Ахмет хотел было зайти в дом, но путь ему преградил азат. Мастер одним движением отшвырнул его в сторону, в два прыжка вскочил на крыльцо, сбросил вниз стоявшего там охранника и вошел в дом. К его удивлению, эмир Хаджи совсем не растерялся, сделал знак садиться. Тем временем вошел Бакир, приветствовал эмира.

— Садись передо мной, Бакир, — сказал эмир Хаджи спокойно.

— Здравствуй, отец, благополучно ли доехал? — обратился к отцу молодой мастер.

— Отец твой жив-здоров, приехал проведать тебя. Хоть бы чем угостил, а то во рту пересохло, — сказал Ахмет, незаметно для эмира улыбнувшись. — Повелителю нашему, эмиру, захотелось тебя видеть, сын. Что, говорит, там делает первый мастер литейного дела.

— Я сам буду задавать вопросы Бакиру.

— Так и сделаешь, эмир. Но не забывай, эмир, хотя он самостоятельно начал лить чугуны, кузнечному делу обучил его я, мастер Ахмет.

— Сыном твоим не только ты, мастер, но и я горжусь. Спасибо ему, хороший выплавляет чугуны. Скажи-ка, молодой мастер, знает ли секрет чугунной плавки еще кто-нибудь, или только ты владеешь этим искусством?

— Плавить чугуны найдутся люди, эмир. Дело не в одной плавке, а в умении сложить печь, выбрать камень, уголь, наконец в наблюдении, опыте... Плавить чугуны — все равно что хлеб печь: и скиснет тесто — плохо и пресное негодно.

— За сообщение благодарю. Теперь скажи, женат ли?

— Собираюсь жениться, эмир. Есть невеста.

— Дочь купца Кучтума?

— Да, эмир. Я ее люблю, она любит меня.

— Как зовут сию красотку?

— Зовут Дуней, эмир, но для меня нет никого дороже Дуни. За нее я готов и в огонь, и в воду.

— Знал бы ты, молодой мастер! В этом светлом мире самое дорогое и ценное — свобода и родина.

Эмир Хаджи встал и вышел. Мастер Ахмет бросился вслед за ним. Отец не узнавал сына. С самим эмиром как разговаривает! Молодежь пошла! Сидел бы смиренно! Или уж от любви совсем ослеп? Хоть бы на отца взглянул. Что же получается? Конец света, точно, конец света приходит, никак не иначе.

Мастер Ахмет нагнал эмира, спустившись с крыльца:

— Мой эмир, мой эмир, прости Бакира. Не о худом помышляет, душа его трепещет. Секрет литья чугуна он никому не открыл и не откроет...

Мастер Ахмет забежал вперед, опустился перед эмиром на колени.

— Встань, мастер! — сказал эмир Хаджи. — Сын твой пристойно говорил, как подобает джигиту. Подумай-ка, мастер, для чего купец Кучтум отдал эту девицу Бакиру? Не знаешь? Сын твой ему надобен, вот этот самый, что в городище чугуны

плавит. Влюбленный сродни безумцу-диване, говорят. Крепость сторожат мои азаты, сына ты сторожи, мастер. Если твой сын Бакир последует за дочерью купца Кучтума к князю Кита-ну, я весь род твой истреблю, кузницу твою с землей сравню.

— Мой эмир, я всего лишь изготавливаю оружие, но я не охранник, не только за сына, но и за кузницу свою не могу отвечать ни перед тобой, ни перед Аллахом.

— Кто охраняет торговые пути, протянувшиеся из Булгара через Володимир в Новгород, мастер? Если твой сын уедет в Володимир, на другой же день его голова будет насажена на пику. Я тебя предупредил, остальное — как знаешь. А теперь вернешься со мной в Кашан, мастер.

— Вернусь, вернусь, мой эмир...

К эмиру подвели коня. Он махом прыгнул в седло, направился к открытым воротам. Мастер Ахмет подбежал к своему коню, махнул рукой появившемуся на крыльце сыну и бросился догонять эмира. Догнал его за пределами крепости.

— У тебя сегодня сотня азатов, — сказал ему эмир. — Ты можешь меня убить. Но я дам тебе совет не совершать такую глупость. Не чванься силой, мастер! Для человека бывает иногда мало веры для прямоты души. Ислам и христианство манят раем на том свете. Сегодня воюют не народ с родом, не хан с ханом, а вера с верой, мастер. Пятьсот лет прошло с того времени, как христианство затеяло войну с исламом. А они ссорятся, как два человека, ухватившихся за вожжи одного коня, оскорбляют друг друга, мучают, под флагом священной войны — газават кладут свои и чужие головы за веру. А загляни поглубже — оба родились от одной матери, оба кормились ее грудью. Я часто захожу в караван-сарай и слушаю споры между торговцами, дервишами. Слушаю и незаметно ухожу. Нечего сказать! Вроде и те и другие вещают истину. Я понял, истину посредством религии сыскать нельзя. У истины есть свое верование, свои горизонты. Вот недавно ты посмеялся надо мной... Да, да, мастер! Я терпел. А ведь мы оба мусульмане, оба ежедневно читаем биш намаз*, если не находимся в пути. Взор наш — далеко устремлен, мысли направлены на родную землю. Каждый сегодня печется ради ради своих интересов, мастер.

— Я тебя выслушал, эмир, выслушай и ты меня. Да, ты прав, эмир, я готов был убить тебя. Но не решился, не хватило мужества. Знаешь почему, эмир? Ты из ханского рода, я же сын простого кузнеца. Да, бедность вынуждает надеть на себя узду, эмир, бедность...

* Биш намаз — пять намазов.

Эмир Хаджи промолчал, настегивая коня. Мастер Ахмет с трудом догнал его.

— Потягаемся, эмир! Эмир, потягаемся?

— Потягаемся! — ответил эмир Хаджи.

В ушах свистит ветер, конь летит птицей, деревья у дороги превращаются в сплошную пеструю стену. Конь мастера Ахмета поначалу опередил было коня эмира, но эмир стал погонять коня, и мастер начал отставать.

— Айда, Звездочка, айда, покажи прыть! — сказал мастер Ахмет, но его конь все больше отставал. От коней отлетали клочья пены. Когда эмир проехал наружные ворота города Кашана, конь мастера Ахмета остался далеко позади. У въезда в город эмир Хаджи дождался спутника.

— Эмир, мне прямо в темницу идти или сходить домой повидаться с женой? — спросил мастер Ахмет, сошел с коня, и, прихрамывая, зашагал.

— Лучше бы прямо в темницу, мастер. Скажи-ка, почему, думаешь, младший брат купца Кучтума пришел именно к тебе?

— Научиться ремеслу, думаю, эмир. Джигит не красотою красен, а умением.

— Ремеслу он и там бы научился, мастер. Младшему брату купца Кучтума Апаная нужен секрет плавки чугуна. Когда научится, он уедет. Если на тебе нет греха, я выпущу тебя из темницы.

Тем временем мастера догнали его азаты.

— Не останавливайтесь, возвращайтесь в утар*. Я останусь у эмира. Иншалла, денька через два-три вернусь. Заберите и коня моего, — сказал мастер.

Мастер Ахмет долго смотрел вслед своим азатам, пока те не скрылись из виду. Потом медленно двинулся к дому эмира Хаджи. Когда вошли в дом, эмир хлопнул в ладоши. Тут же появились два стражника.

— Закройте мастера в темницу!

— Эмир, я не ожидал от тебя этого, — сказал, обернувшись, мастер.

— Надо было ожидать, следовало ожидать. Где скрывается Джик Мерген? Кто убил посла Садака? Кто показал ему подземные ходы в Чертовой башне? К кому ходит сестра багадура Бачмана Зайтуна? Не знаешь, мастер? Не знаешь? Может быть, в темнице вспомнишь.

— Ложь, эмир, понапрасну обижать изволишь, понапрасну.

— Уведите! — приказал стражникам эмир.

* Утар — усадьба.

Мастер Ахмет был одним из самых уважаемых людей в Кашане. В последние годы он вошел в тесные связи с володимирским купцом Кучтумом. Мастеру нравилась широкая натура купца, его искренность, щедрость. Да, когда золото ложится на ладонь, разве можно удержать железо... Безусловно, Ахмет за большие деньги продавал оружие. Для хорошего человека добра не жалко. Никогда не приходило мастеру в голову, что купец Кучтум желает выведать у него секрет литья чугуна. Не знает он также, кто убил посла Садака. Эмир Хаджи подозревает его. Опасается, как бы не продал государственную тайну. Может, думает, что кузнец за золото предаст Булгарию? Греки на протяжении восьмисот лет сохраняли секрет изготовления греческого огня, табгачи почти пятьсот лет держали в тайне изготовление бумаги, да и чугуна. Как долго сумеют болгары сохранить этот секрет?..

Мастер Ахмет улегся на нары. Да, чего-то он, кажется, не додумал. А все шло как по маслу. Было над чем задуматься мастеру Ахмету. Эмир Хаджи пытается утверждать, будто посол Садак прибыл, чтобы увезти Бакира. Допустим, так. Скажем, увезут сына. А дальше? Откроет ли сын им секрет плавки? Не откроет, мастер Ахмет своего сына знает, не откроет, даже если будут грозить накинуть на шею удавку. Да, удавка — это удавка, а если сын попадет в сладкие объятия дочери купца Кучтума? Аллах мой, есть ведь и такая возможность! Сын девушку любит, мало того что любит, ради нее он...

Долго смотрел мастер Ахмет в потолок, сложенный из тонких дубовых бревен. Между бревнами пауки сплели паутины. Вон паук спрятался в углу и ожидает жертву. Большая узорчатая красивая паутина, но для мух смертельная. Возможно, и для сына опасны жаркие объятия дочери купца Кучтума! Что же произошло? До сих пор эмир Хаджи доверял мастеру Ахмету как самому себе. И вдруг такой поворот! Не Салим-хан ли велел сыну, эмиру Хаджи заключить его в темницу?

Мастер Ахмет снял халат, положил в изголовье. Вчера брат купца Кучтума Апанай сказал ему странные слова: дескать, не верь никогда ханам и князьям. Однажды Апанай сказал князю Китану: «Нам нужно не воевать, а торговать с булгарами». После этого Апаная стали подвергать гонениям, поэтому он вынужден был бежать в Булгарию. Если все взаправду, то мудреные слова произнес Апанай.

От дум голова мастера отяжелела, но ответа на свои вопросы он так и не нашел. Только еще раз утвердился, что невиновен. Ни перед эмиром Хаджи, ни перед Булгарией

никакой вины его нет. Пусть откроют дверь, выпустят его отсюда. Ему очень хочется объясниться с эмиром. Какую ошибку он совершил? Кого обидел, кого предал?

Мастер Ахмет рывком спустился с нар, двумя руками забарабанил в дверь:

— Кто там есть, открой, говорю, открой! Иначе дверь разломаю!

Никто его не услышал, никто не пришел, никто не обратил внимания на стук. Мастер Ахмет вконец обессилел, сел на земляной пол. К нему тут же подбежала крыса с длинным гладким хвостом, заостренным носом, безобразная и отвратительная. Мастер Ахмет испуганно вскочил и изо всей силы пнул крысу. Она шмякнулась о каменную стену, — брызнула кровь, из угловых дыр одна за другой выбежали крысы. Визжа, они стали раздирать окровавленную крысу, и в мгновение ока от нее ничего не осталось. Мастер Ахмет схватил с нар халат и взобрался на верхний ярус. Но успокоение не приходило, напротив, зубы начали выбивать дробь. Беспокоили Ахмета не крысы, а волновало изменение отношения к нему эмира. Правитель всегда относился к кузнецу доброжелательно, зная о том, сколько золота ссыпают в его сундуки кузнецы и литейщики. И вдруг кузнецу вместо почестей — темница. С чего бы вдруг? За что? И когда выпустят на свободу из этого крысятника? Эти вопросы молотом стучали в разгоряченной голове мастера Ахмета. Он снова вскочил с нар и громко стал требовать открыть дверь. На его яростный стук явились стражники и вошли в темницу. Хорошо зная мастера Ахмета и уважая его, они посоветовали вести себя спокойнее.

Оставив скромный ужин, стражники ушли. А Ахмет, чуть успокоившись, поел и лег на верхний ярус, пытаясь уснуть. Утром после бессонной ночи мастер вышел из темницы на свободу. Воздух и ветер показались ему слаще и дороже всего на свете.

12

Эмир Хаджи всегда жил с сознанием своего превосходства и над отцом Салим-ханом, и над братом, эмиром Ильхамом. Сначала он мечтал сесть на болгарский трон. Когда отец решил спор между двумя братьями, сделав их эмирами, Хаджи начал укреплять подчиненные ему города. Так возникло Чертово городище, теперь воздвигают новую крепость на Волге. У эмира Хаджи оказались лучшие леса, самые плодородные поля, водные пути. К тому же каждый проезжающий в Страны Мрака купец платит дань в его казну.

Однажды эмир Хаджи задумал перенести столицу Булгарии в Кашан, но дело не выгорело. Теперь всю надежду эмир Хаджи возложил на будущий город, который он решил назвать Казанью. Это имя уже носит крепость в верховьях реки Казанки. Никто не станет противиться, если к новой крепости перейдет старое название. Это будет величественная крепость и большой торговый город. Для этого он развязал руки мастеру Даурану — пусть делает по своему вкусу и знаниям. Тогда, может быть, новый город будет не хуже болгарской столицы, возможно, даже затмит ее красотой и богатством.

Что касается мастера Ахмета, эмир его запер в темнице, чтобы только попугать. И не промахнулся! Теперь мастер кружится вокруг него волчком, следит за сыном. Ахмет нужен эмиру, поэтому Хаджи никогда не упускал его из виду. Кто совершенствует оружие болгар? Мастер Ахмет. Кто вносит в казну эмира самый большой сбор? Мастер Ахмет. Эмир Хаджи немало благодетелей оказал мастеру. Землю дал, помог дом построить, открыть кузницу. Промолчал, когда мастер перевел рабов от кормления на денежную оплату. Если сказать, что мастер Ахмет выиграл, освободив кузнецов от рабства и начав платить им деньги, будет верно. Поток золота и серебра и в казну эмира Хаджи, и в карман мастера Ахмета стал обильнее. Это радовало эмира, однако стремление мастера к полной самостоятельности, большая и хорошо вооруженная личная охрана, к тому же близкие отношения с сыновьями купца Степана Кучтума — все это эмиру не нравилось. Поэтому и решил припугнуть мастера. Правда, когда в Кашан стали приезжать ремесленники из Великого города, отец, Салим-хан, предупредил сына: почему, мол, собираешь у себя беглых рабов и даешь им свободу? Об этом хан открыто сказал перед всем меджлисом. Ни от кого не скрывал эмир Хаджи, и не собирался скрывать, что уговаривал живших в Великом городе купцов, кожевников, горшечников переехать в Кашан, но никого насильно за руку не тянул. Сами пришли, сами бежали от хозяев Великого города.

Эмир Хаджи построил у себя караван-сарай, могущий соперничать с караван-сараями столицы. Уменьшил пошлины, и тем самым привлек в свой город новых купцов. После постройки в Кашане караван-сарая многие купцы, не останавливаясь в Великом городе, приезжали прямо в Кашан. Эмир Хаджи построил отдельный караван-сарай для китайских купцов, обещал багадуру Тубыкбаю, охранявшему Шелковый путь, дополнительную плату, если он будет направлять купцов в Кашан. Хорошие отношения с Тубыкбаем были выгодны и кузнецу Ахмету. Сын Бакир из подвласт-

ных Тубыкбаю краев привозит железную руду. В горах такой руды не счесть. А Тубыкбаю что, он не знает цены руде, для него и камень под ногами, и рудная порода — одно и то же. Мастер Ахмет научил сына Бакира плавить из руды чугуны. Об этом никто не знает, теперь же у всех глаза загорелись на этот чугун. Хороший металл! Из него можно лить палицы, свистящие ядра. Поэтому Бакира нужно беречь как зеницу ока. Чугун — это мощь Булгарии, ее богатство, сила и мир над головой. С кинжалом против пушек много не навоюешь.

Эмир Хаджи пришел к мысли еще раз съездить в Чертова городище. На этот раз захотел съездить в крепость один, без азатов.

Выехав из Кашана, эмир погнал коня вскачь. Чистый воздух, плотный ветер подняли его настроение. Когда еще он так скакал? Ах да, когда услышал, что сын Гали был принесен в жертву — погребен в основании нового города, возведенного выше Казани. Мчался он тогда так, словно пытался догнать Азраила, взявшего с собой душу его сына.

В тот день он добрался до нового города к вечерним сумеркам. И, увидев на вершине Вишневой горы могилу сына, лег на нее и заплакал горячими слезами. И тогда он дал клятву в память о сыне создать небывалый город. Коль лег его сын в основание города — значит, и город будет принадлежать ему, эмиру Хаджи. Пытался прогнать мысль о сыне, но стоило появиться в тех краях, как сердце обливалось кровью. Поэтому эмир Хаджи редко туда ездил, да и приезжал ненадолго, тут же собирался в обратный путь. Эмир Хаджи не простил отца, хотя тот снимал вину с себя, свалив все на привратника Камая.

Только доехав до реки Чулман, эмир Хаджи ослабил поводья, сошел с коня, пошел пешком. Впереди Чертова крепость, но туда эмир не торопился. Так легко думалось! Конь пощипывает травку, мотает головой, позвякивая уздечкой, всхрапывает. Солнце катится к закату, день ясный, чуть с ветерком. Хотелось отдыхать, глядя в синее небо, но к вечеру нужно вернуться в Кашан — наутро отправляться в Великий город, отец позвал.

Широк мир, если смотреть отсюда. Деда умели выбрать землю, спасибо им. Направо посмотришь — река Чулман, налево — леса, поля. На самом возвышенном месте берега — Чертова башня. После бунта каменщиков редко кто в нее заходил, а тех, кто заходил, находили мертвыми на берегу реки. Что происходит в башне, кто убивает людей? Не сам ли шайтан? Тайна. Не только для остальных, но и для хозяина, эмира Хаджи, необъяснима эта башня.

Эмир вспомнил давнишний эпизод. Он никому не рассказывал про случай, хранившийся в уголке его души, а вспомнив, старался думать о другом.

В то время молод был эмир Хаджи. Шли первые годы его правления в Кашане. Желая собственными глазами посмотреть на свои земли, свои владения, он, вот как сегодня, один отправился из города и после долгих хождений пришел на это место. Увидев на самом высоком месте берега развалившуюся башню, пораженный, он разглядывал ее. В это время словно из-под земли перед ним вырос шаман. Как сейчас помнит, в руке шамана была палка. Шаман воткнул ее в землю, и палка вдруг разветвилась, покрылась листочками. Что это за волшебная палка была? Шаман вытащил палку из земли, и она снова стала голой. Эмир Хаджи слышал, что волшебную палку шаманы передают из поколения в поколение. Палка действительно обладает волшебными свойствами. Шейху Иганаю много раз приходилось бросать в огонь подобные волшебные палки. А шаманы опять ходят, опираясь на эти палки, хотя число верящих в шаманское могущество убывает из года в год.

Еще одно осталось в памяти эмира Хаджи. При виде шамана конь испуганно захрапел. Тут шаман что-то сказал коню, и тот как ни в чем не бывало принялся щипать траву. Наконец шаман произнес:

— Конь твой никуда не денется, следуй за мной, эмир.

И, не оглядываясь, двинулся к руинам Чертовой башни. Снова наступило диво: эмир Хаджи безропотно ему подчинился, последовал за ним. Башня являла собой жалкий вид. Но по мере приближения к ней она менялась. Притягивали ее стены, сложенные из крупного камня, полукруглая дверь, рисуя в воображении некогда живших здесь сильных людей. Шаман достиг башни и ткнул палкой в край стены — тут же из-под земли забил источник.

— Пей родниковую воду! — сказал шаман. Эмир покорно опустился на колени, приблизил губы к чистой, как серебро, ледяной воде. Вода показалась ему вкусной, чуточку солоноватой.

Эмир Хаджи не спеша встал, посмотрел в синее небо, — в выси летал коршун. Нет, не во сне это, наяву. И шаман подлинный. Не назвал своего имени. Тогда откуда источник? И действительно ли обладает волшебной силой этот шаман?

— Эмир Хаджи, болгарскому шаману недолго осталось жить, поднимемся на башню, хоть и старая она. Мне надо показать тебе подземные ходы и кое-что сказать тебе.

Эмир Хаджи вновь подчинился шаману.

— В древние времена, когда в этих краях не жили ни тюрки, ни болгары, ни черемисы, сюда явился со своими ратниками Кубрат-хан. Остановился на этом месте, осмотрелся. И решил переночевать на высоком берегу реки Чулман. Наутро просыпаются, а вокруг — бескрайние земли, реки, леса, луга. Кубрат-хан велит своим ратникам возвести на этом месте смотровую башню. Известно, почему хан здесь построил башню — отсюда можно наблюдать полстраны. В башне есть тамга Кубрат-хана. Кубрат-хан ушел, тамга-метка осталась. А когда его сын Кодрак переселился в эти места, построил около башни караван-сарай, начал собирать с приезжавших купцов пошлину. Наши прадеды именовали караван-сарай воротами в Страны Мрака. Со временем в этих местах появились разбойники. Прибывавших купцов или убивали, или сбрасывали с высокого берега в реку. После этого люди прозвали караван-сарай Чертовым городищем, а сторожевую башню Чертовой. Постепенно караван-сарай пришел в упадок, сторожевая башня, поставленная ратниками Кубрат-хана, одряхла. Теперь здесь не останавливается ни один купец, и родник ушел в землю. Я вызволил из-под земли для тебя родник с целебной водой. Сохрани его, сохрани как память о великом Кубрат-хане, нашем предке. Если поднимешься на башню, увидишь свой Кашан, а в ясную погоду проступит силуэт Великого города.

— Ты сказал, что имя твое Булгар, шаман. Почему я тебя не знаю?

— Разве есть имя у шамана, эмир? Я представитель нашего всеблагого и справедливости на земле. Что появился перед тобой, тому причина одна — тебя лечила Чачак-ана... Сначала поднимись на башню и взгляни вокруг, эмир...

Эмир Хаджи по каменным ступенькам поднялся на башню и только глянул вокруг, а будто взлетел на небо. Вдали, на синем горизонте, виднеется город Кашан, но, сколько ни старался вглядеться эмир, Великого города не увидел. Река Чулман синей лентой теряется на горизонте. На реке видны два-три купеческих корабля. В голову эмира пришла сумасшедшая мысль: восстановить караван-сарай, обнести башню крепостным валом!

Эмир Хаджи торопливо спустился. Внизу его ждал шаман, поманил рукой эмира и велел следовать за собой.

Волшебной палкой шаман коснулся стены, тут же появилось отверстие, в которое мог пролезть человек. Шаман вошел в него нагнувшись, поднял головешку, высек огонь из кремня, зажег головню и жестом руки велел эмиру идти за ним.

— Этот подземный ход выведет к лесу, к глубокому ущелью, запомни, — сказал шаман и быстро зашагал вперед.

Эмир Хаджи с трудом поспеивал за ним. Вдруг что-то бесшумно коснулось лица эмира. Он остановился:

— Шаман! Что это было?

— Летучая мышь это, летучая мышь, — сказал шаман, удаляясь.

Эмир с трудом его догнал.

— Кто проложил этот подземный ход?

— Разбойники. Они жили здесь, зимовали.

Через некоторое время показался свет.

Они вышли к ущелью. И повернули обратно. Выйдя из подземного хода, шаман ткнул палкой в стену — отверстие в стене закрылось. Шаман перешел к восточной стене башни, снова так же коснулся ее палкой, и снова чудо увидел эмир: стена раздвинулась. Увлекая за собой эмира Хаджи, в проход стал быстро спускаться шаман.

Темно, еле колеблется огонь факела. Под ногами хлопает вода, с потолка сочатся капли воды, шаман с эмиром осторожно ступают по скользким каменным ступеням.

— Скоро ли дойдем, шаман?

Шаман не ответил, продолжал спускаться.

В мозгу эмира Хаджи стало проясняться. Ведь ему доводилось видеть этого шамана. Часто тот приходил на кашанский базар, молча ходил в толпе, за ним увязывались дети, но шаман не обращал на них внимания, с отрешенным видом искал кого-то. Почему он называл себя шаманом Булгаром? На самом ли деле его так зовут? Если его зовут Булгар, он должен быть мужем Чачак-ана или же близким ей человеком. А коли так, то почему они живут в разных местах? Чачак-ана на берегу реки Ик, а этот на берегу Чулмана, в развалинах оставшейся от отцов-дедов башни?

Когда в Булгаре распространились ислам и христианство и все стали ходить в мечети и церкви, на шамана, к поясу которого были подвешены побрякушки и бубенчики, а на голове — волчий череп, смотрели как на юродивого. Шаман не вызывал у людей уважения, а Тэнгре, в которого верили деды, остался теперь только в преданиях, легендах. Мало кто доверял шаману, называвшему себя Булгаром и старавшемуся пробудить в душах людей веру в своего бога.

Впрочем, шаман ни у кого ничего не просит, он спокойно ходит в шумной многоголосой толпе. Иногда он вдруг останавливается возле какого-нибудь бедняка, у которого нет на теле халата, на голове — чалмы, а рукава холщовой рубахи с бахромой, но он мусульманин и считает себя выше шамана, поэтому смотрит на него свысока, но жалеючи, даже если сам сидит с протянутой шапкой. Шаману же не жалко этого человека, и он бросает в его грязную, засаленную шапку се-

ребрянную деньгу. Мусульманин, считавший себя выше шамана, кивает благодарно головой.

— Если бы из твоей благодарности можно было построить дом, — говорит ему шаман. — Дал бы твой Аллах голодному хлеба. — Кладет в замызганную шапку бедняка-мусульманина большой ломоть хлеба и уходит.

Бедный мусульманин вслед ему читает благодарственную молитву.

И сейчас еще говорят старожилы базара, что в древние времена, когда болгарский народ жил на Таманском полуострове, шаманы с именем Всевышнего на устах были наиболее любимы в народе, народ их почитал, для них были открыты все двери. Теперь же почти не осталось доверяющих шаманам, да и оставшиеся боятся показаться людям на глаза, потому что мюриды шейха Иганая, дьяки епископа Аббаса преследуют шаманов, сваливают на них засуху, мор, войну; тайком, когда никто не видит, вешают их на деревьях, закалывают копьями. Хан всего этого старается не замечать. Поэтому многие из шаманов обитают в лесах, пещерах, в других затерянных местах, куда не доходят руки мюридов шейха Иганая.

Ступеньки кончились. Шаман остановился, приоткрыл отверстие, закрытое густой листвой, достаточное, чтобы пройти человеку. Внизу шумела вода.

Шаман молча оглянулся. Когда вышли к башне, он прочитал заклинание, дотронулся до стены, и отверстие в ней пропало.

Эмир Хаджи торопливо вышел из башни и, не увидев рядом с собой шамана, чуть не вскрикнул. Если бы в это время эмиру сказали, что будет затмение солнца или конец света, то не так бы удивился. Он попробовал ткнуть в стену, как это делал шаман, но ничего из этого не вышло: отверстие не появилось.

Мгновенно в голове Хаджи пробежали разные мысли. Ведь он здесь может построить караван-сарай, сделать наблюдательным пунктом Чертову башню. Снующие вверх и вниз по Чулману купеческие корабли будут видны как на ладони, он увидит их издалека. Да и вражеское войско вряд ли подойдет незаметно.

После этого случая эмир Хаджи больше не видел шамана. Кто-то сказал ему, что, когда шли класть фундамент Чертова городища, из-под земли появился шаман и велел закопать себя живым в основание городка. Каменщики над ним стали смеяться, а когда шаман лег в котлован, опешили от растерянности.

Тут появляется шейх Иганай, дающий благословение на

строительство городка, и, говоря, что похоронившему сатану место уготовлено в раю, велит шамана закопать. Среди мусульман много желающих попасть в рай. Таким образом, Булгара похоронили в основании Чертова городища.

После того случая эмир Хаджи отправился к отцу Салим-хану с просьбой разрешить строить город. Отец нехотя принял его. В ту пору он спорил с володимирским князем Китаном из-за мокшанских земель, поэтому, небрежно выслушав сына, он коротко ответил: «Строй!».

...Эмир Хаджи не вошел в городок. Прогуливаясь по берегу, держа коня за стремя, он решил вернуться. Почему-то ноги не шли в Чертово городище.

13

С каждым днем мир для секретаря Хафиза становится все уже. После возвращения из крепости-кормена прошла неделя. Салим-хан все не призывал его к себе. Но вскорости Хафиз предстанет перед Салим-ханом. Хоть и без его прямого участия, но совершилось злодеяние: визирь Исхак принес в жертву новому городу ханского внука Гали. Через недолгое время тысячи каменщиков начнут на месте захоронения отрока Гали на Вишневой горе строить дворец. Город будет построен по чертежам зодчего Даурана, сына мастера Алпара; об этом секретарю Хафизу сообщил Камай. Да, город поднимется, скоро туда будут стекаться купцы из разных стран, базарные улицы будут гудеть, словно пчелиный улей, но никто не прознает о случившейся здесь трагедии. А те, кто знает, рта не раскроют, потому как боятся ханского гнева. Впрочем, Салим-хан никого из свидетелей не оставит, избавится от них, даже от секретаря Хафиза, потому что он тоже видел ту трагедию.

И все же секретарь Хафиз был спокоен: о спасении отрока Гали знают только двое — он и купец Биккол. Даже если секретаря Хафиза посадят на раскаленную сковородку, он ничего никому не скажет. Биккол тоже будет молчать. Остальные же ничего не заметили. Шаман все выполнил мастерски. И на обратном пути, и при въезде в великий город говорили о жертвоприношении, об отроке Гали. Даже знавший правду Хафиз и тот испугался. А вдруг шаман не смог спасти Гали? Если Биккол не отвез его в Ургенч? О Аллах, тревожные мысли роятся в голове.

Секретарь Хафиз и вправду испугался, страх не прошел, потому что Салим-хан его не позвал, как будто секретаря на свете и не было. Вот почему стал мучиться сомнениями секретарь Хафиз. После раздумий стал успокаивать себя.

Да, Гали наверняка жив, его купец Биккол увез в Ургенч, сейчас они проезжают город Саксин. Конечно, отрок Гали ничего не понял, потом, в пути, Биккол, видимо, объяснил ему все. Воспринимавший случившееся как игру, отрок, наверное, заплакал, затем успокоился, потому что он по-настоящему должен был быть захороненным в фундаменте нового города, и велел это сделать не кто иной, как его дед, Салим-хан.

Секретарь Хафиз хотел разъяснить Гали то, что случится наутро, однако ханский внук не поверил ему, воспринял все как розыгрыш. Секретарь Хафиз не стал возвращаться к этому разговору, да и отрок не расспрашивал. Как сейчас перед глазами: секретарь Хафиз обнял Гали, стал утешать. А ведь он с ним прощался. Да, секретарь Хафиз должен торжествовать победу, но почему-то на душе беспокойно. Кто-нибудь может раскрыть тайну. Кто? Биккол? Он ему верит, потом — тот далеко. Визирь Исхак? Ему не до этого. Азаты-соглядатаи? Их на другой же день Салим-хан послал в крепость Яик. Остается один человек — кази Саксин. Вот кто в состоянии пронюхать секрет, хотя шаман все проделал искусно. Кази Саксин и опасается секретаря Хафиз. Да, если прознает Салим-хан правду, не миновать Хафизу топора. Хотя Салим-хан говорит о справедливости, истине, он кладет самых близких людей под топор палача, как кажется Хафизу, несколько не испытывая при этом угрызений совести. Кто-кто, а секретарь знает об этом очень хорошо.

Справедливость. Что это? Почему людей, защищавших справедливость, постоянно преследуют и быстро от них избавляются?

Еще одна картина стоит перед глазами секретаря Хафиза. Когда, возвращаясь, заехали в город Бряхимов, из ворот дома городского наиба Якуба стрелой метнулась навстречу молодая девушка. Увидела ханских азатов и, окрыленная, помчалась к ним. Но, не дойдя до азатов, остановилась.

Отрока Гали нигде не было видно. Девушка устремила взгляд на визиря Исхака, а когда он, не взглянув на нее, проехал мимо, она хотела окликнуть отрока Булата, но он тоже проехал мимо, будто ее и не видел. Секретарь Хафиз, наблюдавший за происходящим, не осмелился поднять глаза на девушку, сердце его было готово разорваться. Все равно не смог бы он ее утешить и чувствовал себя, только себя виноватым перед девушкой. Секретарь Хафиз робко оглянулся. Увидев его взгляд, девушка сделала порывистое движение, но тут же остановилась и, видимо, окончательно потеряв надежду, закрыла лицо руками, согнулась в плаче. Из ворот вышли отец и мать девушки, взяли вздрагивающую от рыданий дочь под руки и, утешая, повели домой...

Только через неделю к секретарю Хафизу пришел помощник привратника Камая. Он нерешительно позвал секретаря Хафиза в ханский дворец. Секретарь Хафиз положил чернильницу в кожаный мешочек, привязанный к поясу, сунул за пазуху очиненные перья. Зайдя во дворец, секретарь Хафиз поклонился хану, но не посмел поднять глаза, сел на свое место, поставил чернильницу на стол, открыл ее, разложил перья на столе. И, лишь проделав все это, взглянул на хана. Из-под полы халата хана виден был красный сапожок. Вышитый серебряными и золотыми нитями халат хана сверкал. На голове хана шапка, отороченная собольим мехом, верх украшен драгоценными камнями, в руках его посох с позолоченным набалдашником.

Секретарь Хафиз знал: этот украшенный драгоценными камнями посох — свидетель многих тайн. Когда посох с глухим стуком ударяется в пол — значит, у хана плохое настроение; если хан своим таинственным посохом легонько касался спины склонившегося перед ним человека — значит, хан хочет спросить у него совета. Нужно поднять голову и внимательно выслушать хана; если посох стоит у трона — будь спокоен, не волнуйся, настроение у хана хорошее, торопись изложить свою просьбу.

Вот почему для секретаря хана Хафиза, много лет сидящего рядом с ханом и записывающего историю Булгарии, все это не было тайной. Но люди, не посвященные в подобные тонкости, могут ошибиться — тогда от Салим-хана милосердия не жди: если и не прикажет избить, то, по крайней мере, велит выгнать взащей.

Именно после возвращения домой секретарь Хафиз начал чувствовать себя виноватым перед Салим-ханом. Но тут же промелькнула мысль: а если купец хана Биккол вернул отрока Гали Салим-хану?..

— Хафиз, — сказал хан, словно догадавшись о мыслях своего секретаря, — ты все там видел? Что застыл, разинув рот? Скажи, видел, как погребли отрока? Что ты не отвечаешь, словно виноватый?

Хафиз чуть было не сказал, что виновен.

— Я там ничего не видел, хан, ничего.

— Не видел. Глаза тебе завязали, что ли? Вот что, Хафиз, ты мне опиши все, что случилось на месте будущего города, все как есть, без утайки. Ступай, не стой столбом! Чтобы завтра утром запись твоя лежала передо мной!

У секретаря Хафиза ослабли колени, и он медленно двинулся к дверям, чувствуя спиной: хан смотрит ему вслед. О чем думает хан? Может, думает: шея у него коротка, палачу неудобно будет рубить?

При этой мысли спина секретаря Хафиза похолодела, он словно увидел свою голову, отрубленную палачом. Ему стало не по себе. Хафиз добрался до своей комнаты и бросился на лежанку, стараясь унять дрожь во всем теле. Сердце стучит у самого уха.

Лежал долго, обдумывая все так и этак, потом встал, сел к столу. Перед ним чистый лист бумаги, мысли перепутаны.

Не писалось. О чем ему писать? Как написать?

Салим-хан держал своего секретаря под постоянным прицелом, как, впрочем, и всех других приближенных. Секретарь Хафиз давал уроки ханской дочери Назлыгюль. Ханбике Зубаржат часто приходила на его уроки, наблюдала, прислушивалась, но ни во что не вмешивалась. Салим-хан не ревновал ханбике ни к секретарю Хафизу, ни к кому другому, однако наблюдал за ними в специально высверленное отверстие в стене. Но секретарь Хафиз и сам постоянно следил за собой: не сделал ни одного лишнего движения, не сказал ханше ни одного ласкового слова. Правда, при ее появлении лицо секретаря Хафиза светлело, тонкие губы растягивались в улыбке, но не более того.

Он читал ханше отрывки из книг тюркских писателей и поэтов, всегда спиной ощущая — кто-то, скорее всего хан, за ним наблюдает. И эта данная от бога чувствительность сделала секретаря Хафиза в глазах Салим-хана святым. Он действительно был святым по отношению к ханбике, к Назлыгюль. Назлыгюль он за короткое время научил читать-писать, быстро развил в ней живой интерес к слову, любознательность. Словом, Салим-хан был доволен своим секретарем. Это внутренне ощущал секретарь Хафиз. Потому что он служил хану честно. Но он мог ведь и ошибаться. Только сегодня почувствовал он: хан в чем-то подозревает его. Это, безусловно, связано с судьбой отрока Гали, но никак не касается его предшествующей службы, его отношения к дочери хана.

Сначала секретарь Хафиз воспринял ханскую дочь Назлыгюль как капризное, изнеженное, избалованное существо. Но постепенно убедился в ошибочности этого мнения. Назлыгюль интересовалась многим, читала серьезные книги, быстро схватывала смысл прочитанного, а если что-то иногда не понимала, приставала к Хафизу с расспросами, хотела непременно все узнать. Только что начавшая понимать жизнь девочка-подросток старалась постичь суть мировых явлений. Секретаря Хафиза радовало в ханской дочери прежде всего это качество.

Когда Назлыгюль исполнилось семнадцать лет, секретарь Хафиз впервые услышал из ее уст имя зодчего Даурана.

Услышал и испугался за свою ученицу. Любовь должна быть тайной двоих, тогда это — настоящая любовь. Так, и только так понимал любовь секретарь Хафиз. Ханская дочь влюблена в зодчего Даурана, сына ханского раба Алпара. Виданое ли это дело?! Для Салим-хана невиданное, а для Хафиза — вполне естественное. Потому что настоящая любовь не считается ни с богатством, ни с возрастом, ни с положением, у нее свои горизонты, своя точка отсчета, свой взгляд на мир. Да, ханская дочь Назлыгюль влюблена в зодчего Даурана. Мог ли написать об этом секретарь Хафиз в книгу истории? Нет. Потому что книгу время от времени спрашивает Салим-хан, читает и не понравившиеся ему строки велит переписать заново. Поэтому секретарь Хафиз держит для себя особую тетрадь, заносит в нее самые значимые на его взгляд события, случившиеся в Булгарии, сокровенные мысли.

И теперь он отложил в сторону книгу истории, отодвинул в сторонку и белый лист, лежавший перед ним, достал из потайного ящика спрятанную тетрадь и потянулся к перу:

«Йа Алла, Мухаммедрасулл! О примечательных обстоятельствах пишу, прости своего раба. Все в твоих руках, и возвышение в ханы одних, и рабство других. Из года в год Салим-хан увеличивает сумму ясака, получаемого с народа, строит все новые и новые крепости-города, изготавливает во множестве оружие, увеличивает численность своих азатов. Это падает бременем на плечи простого люда. Два-три года назад на Ага-Базаре можно было купить халат за золотой, сейчас же халат стоит три золотых. Хан перестал доверять своему народу, дворец охраняют наемные азаты-чужеземцы, придворные набираются из пришлых прохвостов. Они лебезят перед ханом, скрывают от него правду, не считаются с местным населением, чуждаются его обычаев-обрядов, за малейшую вину сажают в темницу. Народ не вынесет такого насилия, в один из дней с оружием выйдет на улицы, нападет на ханскую крепость, начнется кровопролитие...».

Секретарь Хафиз отложил перо и задумался.

Для кого пишет он эти строки? Кому они будут нужны?! Салим-хану не нужны, он обо всем этом знает, но ничего не меняет. А может, не знает? Нет, хорошо делает Хафиз записывая. Он пошлет эту тетрадь отроку Гали, ибо человек, который в будущем сядет на болгарский трон, должен быть в курсе исторических событий. Иначе он может совершить непоправимые ошибки.

Секретарь Хафиз вновь берет перо:

«Знай: когда пошлины-ясаки превышают меру, народ может взбунтоваться. Известно, пахарь ли он, животновод, кузнец, гончар, кожевник — он всегда будет думать о том, чтобы

получить доход. Потому что без этого не будет добавочного товара, не будет и торговли. И базар существует за счет добавочного товара, и государство. За проданный на базаре товар любой может купить необходимые для себя предметы, орудие труда, только после этого остановит взгляд на предметах роскоши. Поэтому хан прежде всего должен думать о том, чтобы прокормить свой народ.

Знай: ханские ферманы о налогах и податях доводят до сведения народа его приближенные. Многие из них, дабы иметь и для себя доход, прибегают к разного рода ухищрениям — умножают свое богатство, живут в роскоши. Они с каждым годом увеличивают налоги, размеры податей. И ложатся поборы тяжелым бременем на подданных хана и постепенно становятся нормой. И никто не понимает, кто именно их увеличил. Каждый хан, желающий благоденствия своей страны, ни на один день не должен забывать об этом.

Знай: бунты в государстве происходят большей частью от неправильного взимания налогов, податей с народа. Даже самые надежные сборщики налогов не вникают в нужды народа. Это обстоятельство рождает в народе недовольство, приводит к расшатыванию государства.

Знай: если оплату труда не производить в зависимости от мастерства ремесленника, народ перестанет хорошо трудиться и уважать труд. Появятся лодыри, пустословы, льстецы, лжецы, захребетники. Это тоже вредно для государства.

Знай: базар — это место продажи товара и купли нужной вещи. Если цена привезенного на базар товара повысится сверх меры, в народе возникнут неудовольствие и неприятные осложнения.

Знай: основное условие существования — продовольствие. Только при условии, когда хлеборобы и скотоводы будут в чести, народ будет доволен государством. Сытый народ покупает на базаре книги, голодный — оружие. Одна лишь торговля не обогатит страну. Поэтому каждое государство прежде всего должно хвалить своего хлебороба, скотовода, ремесленника. Ибо качество, добротность вещи — дело рук труженика. Береги земледельца, скотовода, любого труженика и не обременяй его налогами, если хочешь продлить жизнь своего государства.

Знай: любое государство имеет циклы зарождения, подъема, упадка и гибели.

Знай: у каждого государства есть время, с которого оно начинается, цель, к которой оно стремится, и граница, у которой оно кончается. И если конечный предел достигнут, то государство быстро приходит в упадок, и народ постигают несчастья и неудачи.

Знай: государство и владычество всегда и везде переходят от народа к народу, от одного к другому, из одной местности в другую. Сегодня Булгария господствует над многими народами, завтра может оказаться так, что сами булгары будут подчинены одному из этих народов, даже стать добычей совсем примитивных племен. Таковы законы движения народов и государств.

Знай: были историки в Булгарии и до меня. Среди них были неспособные постичь соотношение между видимостью и действительностью из-за предвзятости суждений, подтасовки фактов, а то и прямого искажения истины. Чаще всего это были люди, которые стремились приблизиться к знати через восхваление, лесть, приукрашивание обстоятельств. Ведь во все века правители любили восхваление. Иначе было нельзя, ибо человек существо не всегда бескорыстное. Поэтому, будущий читатель моего письма, знай, Аллах не всегда ведет нас путем истины. Ибо условия, в которых живут люди, мало зависят от веры.

Нарушая каноны шариата, Салим-хан принес в жертву одного из внуков. Как мы еще примитивны и в жизни, и в вере! Древний человек считал для себя позором притеснять родственников или нападать на них, он скорее готов был их защитить. Если бы Аллах не удерживал людей от злодеяний, они бы потопили в крови весь мир. Отсюда вывод: союз единомышленников куда сильнее родственных связей.

Знал бы ты: дифирамбы будут петься не азатам, которые пали на поле брани, а багадурам хана. Как говорили древние: держава достается не тем, кто ее создавал, и слава не тем, кто ее добывал.

Знал бы ты: от злодеяния человека удерживает не Аллах, а законы шариата».

Ни один из этих пунктов не будет записан в ханскую книгу. Не войдет сюда и событие, случившееся на месте закладки нового города. Об этом Салим-хан велел секретарю Хафизу написать на отдельной странице.

Секретарь Хафиз снова положил перед собой белый лист бумаги. Что он должен написать? Если напишет суть случившегося, хан ни его, ни визиря Исхака не простит. Впрочем, визиря Исхака хан и так не простит, а может, и секретаря Хафиза. Секретарь Хафиз никому не желает зла. Поэтому не напишет Салим-хану о свершившемся. Написанное может попасть в руки аль-кази Ишкула. Тогда от него не жди пощады: аль-кази может обвинить безвинного, виноватого — оправдать, и не только перед ханом и народом, даже перед самим Аллахом. И даже шейх Иганай не заступится за него. Напротив, поместит в одном ряду с Абу-Джахилем,

нарушителем предписаний Корана. Шейх Иганай умеет жить, перебирая четки, давая советы хану, ссылаясь на законы шариата, не забывая при этом своевременно протягивать руку — хан никогда не оставляет его без вознаграждения. Ибо кто станет восхвалять хана, если не шейх Иганай?

Салим-хан — двенадцатый хан болгарского государства. Кто будет тринадцатым? Секретарь Хафиз мечтает об отроке Гали. В какое время живет секретарь Хафиз? О Аллах! Два брата не успели опоясаться мечами — начали тяжбу за трон. И заводила этому — сам Салим-хан. Хочется, чтобы все добром кончилось, да, видно, многим придется испить чашу страданий и горя.

Салим-хан часто любит попрекать ханов-предшественников. А ведь древние говорили: «Продад отца — продал себя». О Аллах, сделай так, чтобы отныне на болгарском троне сидели только ханы, несущие благо народу. Не говори, что таких ханов нет и быть не может. Если ты — около солнца или около луны — значит, ты звезда. Например, отрок Гали, надежда болгарского народа.

Хафиз взял в руку перо: «Хан Великих Булгар Салим внука Гали отправил в новый город...»

Вдруг кто-то остановил бег его пера. О Аллах, не сама ли богиня? На ней тонкое, как паутина, платье, на ногах... Чу, кажется, это ханская дочь Назлыгюль! Сам бог ее послал, с небес, видно, сошла богиня моя! Спасибо тебе, Назлыгюль, отвела учителя от смертного меча. Если бы я описал твоему отцу случившееся на том месте, где будет строиться новый город, отец твой отдал бы меня палачу. Ты, моя богиня, пришла, и я не успел сделать губительную для себя запись. Салим-хан не пророк, но и пророки умирают, скоро и он покинет этот светлый и привольный мир. Хотя подобные ему ханы ставят себя рядом с пророком, все равно сами они свою судьбу не решают, это делает Аллах, и над их головами смерть витает. Книга истории пишется для того, чтобы следующие поколения не повторяли ошибок ушедших. Иначе сведется к нулю принцип: «Благо — в движении». Суть движения — во благе, суть блага — в движении. Ханы забывают, что законы издать легко, а внедрить в жизнь трудно, особенно если закон не нужен народу. Поэтому древние говорили: «Отправляясь в путь, подтяни ремнем поясицу; издавая закон, живи интересами народа». Сначала посоветуйся с народом, потом издавай законы.

Поверив в обряд предков, Салим-хан пожертвовал отроком Гали. По его мнению, эта мера будет оправдана долгой и светлой жизнью города, то есть безвинная, святая душа, находящаяся в основании города, должна охранять город от бедст-

вий. Когда предки наши были невежественными, они в это верили. А теперь оправдано ли это? Конечно нет. Где города, для которых приносили в жертву мальчиков из ханского рода? Их сравнивали с землей землетрясения и орды врагов. Где воздвигнутая великим Кубрат-ханом Фанагория, где само великое Булгарское государство? Прижившийся на берегах Великой Итили ильхан Кодрак, нашедший кров на берегах далекого Дуная ильхан Аспарух, где вы? Прошло немного времени, и вы, братья, перестали узнавать друг друга, изменились не только ваши обычаи-традиции, ваша вера, но даже ваш язык стал другим. А ведь строя каждый новый город, вы, вероятно, приносили жертву, старались увековечить страну, государство. Если пойдем так дальше, наши дела будут еще плачевнее. Где наш легендарный великий Аттила? Где роды-племена илтабара Култигина, который старался объединить тюркский мир? Где вы? Предок наш, достойный уважения Кубрат-хан, где твои богатые луга, бескрайние степи, сбегające к Азовскому морю? Ты поделил земли — луга и степи между своими сыновьями, а сам лег на поле брани! Племя Ильхана Кодрака, переселившееся на берега Итили, приняло ислам, эта религия почти вычеркнула из народной памяти твое имя, Кубрат-хан, ибо ты был язычник. Сегодня твоему народу, великий хан, даны чуждые, рожденные в песчаных пустынях неведомые имена пророков. Настанет день, Салим-хан, и твое имя позабудется, лишь самые пытливые будут знать, что жил когда-то грозный хан, а летоисчисление начнут с приходом новой религии. Теперь все изменилось, даже пища людей другая, не говоря уже о вере. Булгары, испокон века говорившие на тюркском языке, перестали понимать друг друга, отказавшись от своей родословной. Народу не хватает совершенства и самостоятельности.

Спрашиваете: что такое совершенство? Могу ответить. Говоря словами Абу-али-Сины, совершенство состоит из трех ступеней: первая — найти равных себе друзей, вторая — воспитать богатого воображением мудреца, третья — достичь совершенного управления, прежде всего самим собой, потом семьей, потом народом, страной.

Мудрые слова оставил ученый мира Абу-али-Сина. Да, загадочен этот мир, загадочен. Не всем дано понять истину. Сказать бы чистую правду ханам, управляющим страной. Советчики были — отмечено это в книгах истории, но многие из них умерли не своей смертью: или их вешали, или жгли на кострах, или закапывали живьем, или гноили в тюрьмах.

Много книг про мирские дела читал секретарь Хафиз, и каждая возбуждала в нем жажду дальнейшего знания. Каждая книга давала ему силы для новой жизни, добавляла на-

дежду на будущее, пробуждала в душе стремление к благим делам. Хотя секретарь Хафиз, по сравнению с другими, больше знал о мирских делах, около женщин он был словно подросток. Он даже стеснялся глядеть им в глаза. Нет, это был не страх, совсем нет. При виде красивых женщин он испытывал какое-то непонятное для себя чувство — совестливость, неловкость. Ханская дочь Назлыгюль только начинает понимать мирские дела. Она словно цветок, пробужденный весенним солнцем, словно мотылек, севший на цветок: если взглянешь на ее лицо, ресницы ее дрогнут, в глазах начинают переливаться звезды. Сразу видно, счастлива она, словно опустилась на цветок любви собирать нектар, — чуть удивлена, обессилена.

«Значит, правда, что ты влюблена в мастера Даурана, Назлыгюль, — подумал секретарь Хафиз. — Лишь бы не выдала себя, фея несравненная! Коли заметят, что ханская дочь влюблена в простого раба, не жди милосердия ни от отца, ни от матери, если в огне не сожгут, то в воду-то бросят».

— Здравствуйте, учитель!

Секретарь Хафиз кивнул в ответ. Шелковое платье шуршит, как спокойный ручей. Назлыгюль села к столу. Она не стесняется своего учителя, он для нее ближе, чем отец, свят, как сам Аллах. А он не Аллах. Он такой же, как все. Он тоже бессилен перед красотой, ибо она исходит от Аллаха. Ханская дочь наклоняется к учителю, коса, увешанная серебряными монетками, почти касается чернильницы. Секретарь Хафиз догадывается: ханская дочь хочет, чтобы он читал ей книги о любви. А ведь ханская дочь и сама очень хорошо читает, но всегда желает слушать чтение учителя.

Секретарь Хафиз не заставляет себя долго ждать, протягивает руку к книге, открывает нужную страницу и несколько протяжно начинает читать. После рассказа о любви в глазах Назлыгюль обозначились печаль, грусть, озабоченность, нежное томление.

Секретарь Хафиз, боясь вздохнуть, смотрит на сочные губы ханской дочери, обращает внимание на ее ровные белые зубки и, увидев несравненное совершенство женской природы, отводит глаза, боясь самого себя. Но взгляд его снова и снова скользит по сочным губам, ярким щечкам девушки.

«В кого ты влюблена, прекрасная?» — хочет спросить секретарь Хафиз. Он знает, что она влюблена в зодчего Даурана, но он не воспринимает это всерьез, потому что, как правило, судьба ханских дочерей бывает в руках отцов. Может быть, эту прелестницу Салим-хан выдаст за одного из сыновей Улуг Мухаммеда, или за внука соседнего князя, или багадура Баяна? Ведь исстари дома ханов и князей охраняли

пришлые богатыри. Ханы и князья выдавали дочек за этих богатырей и тем самым приближали их к себе. Но пришлось человеку ничего не стоит сменить не только жену, но и страну. Ему лишь бы было золото, богатство, сытая жизнь. Возможно, секретарь Хафиз ошибается. Багадур Баян, приехав в Булгар, не женился, может, он ждет ханскую дочь? Но багадур Баян христианин, каждую неделю ходит в церковь, носит на шее крест. Если багадур Баян попросит Назлыгюль, хан, возможно, не будет против. Да, не будет против. Но даст ли согласие шейх Иганай? Салим-хан не пойдет против шейха Иганая.

— Учитель, во владениях моего брата эмира Хаджи, в Чертовом городище, рассказывают, есть таинственная башня. Кто забирается на башню, не возвращается обратно. Мне сказал один из азатов отца, что там живет сам шайтан. Не там ли живет этот самый Сеябель, учитель?

— Сеябель — из сказки. В Чертовом городище трудятся тысячи людей, крепость охраняют тысячи азатов. Мне думается, там нет никакого шайтана.

— Посол Садак тоже пошел туда и не вернулся. Его отговаривали, но он никого не послушал.

— Кто тебе об этом рассказал, Назлыгюль?

— Кормилица, учитель.

Секретарь Хафиз положил перо на стол и на некоторое время задумался. Что он может сказать этой голубке, безгрешному созданию? Ничего не может сказать. Что бы ни сказал, правду или невероятную ложь — она может не поверить. Хотя девушка знает о многих чудесах. Великий летописец булгар Якуб ибн Нугман в книге «История Булгар» пишет о немыслимых вещах. Мешает быль с небылицей. Он сознательно так поступает. Иначе кто станет читать книгу, написанную кратким, сухим языком? Историческую книгу должны читать взапой. Разве не так? Вот уже сколько раз переписал секретарь Хафиз книгу Якуба ибн Нугмана, но и сейчас с упоением читает! А от многократного чтения открываются в книге все новые и новые мысли.

Некоторые страницы Хафиз читает очень медленно, стараясь понять суть явлений. Но мысли секретаря Хафиза вновь вернулись к главному — ему нужно будет оставить запись о случившемся на месте закладки нового города. Какую запись и когда? Если останется жив-здоров, напишет, а в противном случае, пусть Аллах его простит, не будет записи.

Завтра Салим-хан спросит у него запись. При чтении записи рядом с Салим-ханом будут сидеть кази Саксин, шейх Иганай. Если секретарь Хафиз станет лгать, кази Саксин тут же его остановит, скажет: нет, было не так, а этак, мой

хан. И Хафизу будет худо. Конечно, визирь Исхак совершил на месте закладки нового города неслыханный поступок. Взорвется и шейх Иганай и повелит отдать визиря Исхака в руки палача. Потом шейх Иганай примется за секретаря Хафиза: куда, мол, ты смотрел? Он секретарю не даст и рта раскрыть, отправив его под топор палача. Или уж рассказать хану обо всем без утайки?

Какое же из двух зол выбрать? Если напишет правду, Салим-хан, стараясь обелить себя перед народом, перед шейхом, отдаст Хафиза в руки палача, если утаит, визиря Исхака не простит ни хан, ни шейх.

В трудном положении оказался секретарь Хафиз. То ему хочется бежать из дворца, то пойти к Салим-хану с повинной, рассказать все как есть. Но поймет ли его Салим-хан, не позовет ли тут же палача? А может быть, и не позовет. Говорят же: повинную голову меч не сечет. Тогда стоит рассказать правду. Хафизу надо жить, чтобы посадить отрока Гали на болгарский трон. Если выкарабкается секретарь из этой мешанины, он отправится искать отрока Гали. Обязательно найдет и привезет в Булгар. В одежде дервиша Хафиз будет ходить из одного города в другой, из одной страны в другую, но все равно разыщет отрока Гали...

Из приятных мечтаний мысли Хафиза вернулись к жестокой яви. Ничего, видно, из планов Хафиза не выйдет. Его, наверное, стерегут и никуда не отпустят.

О Аллах, о чем я думаю? Никуда я не смогу уехать и не уеду. Как жить без этих книг, без этой богини? Он должен каждый день видеть этого ангела. И книги. Откуда только ни прибыли они, путешествуя по свету: из дальнего Египта, Самарканда, Бухары, Багдада, Ургенча, Рима. Все они в моих руках, в моем сердце; ни я, ни они не знают своей судьбы. Судьба — это нить жизни. Жизнь! В чем же ее смысл?

И секретарь Хафиз ответил на свой вопрос кратко: «Смысл жизни — в вере».

Вера! Что же это такое? Как ее познать и понять? Что она значит для человека? Почему иногда с верой человек доходит до священной войны? Может ли человек жить без веры? Нет. Человек без веры жить не может. Вера — это сознание, ум, любовь, другие чувства, деяния, судьба, смысл существования.

В чем же вера Салим-хана, в чем моя вера? Не знаешь! Незнание подтолкнуло тебя к свету, и ты читал книгу за книгой, искал истину, самую священную из вер, но что обрел? Вопросы множатся.

В минуты отдыха ты, секретарь Хафиз, выходил на луг, смотрел в синее небо, искал ответы на свои вопросы. На-

шел? Не нашел. Не понял, что ты сам лишь частица, пылин-ка этой загадочной природы, которая укрепляет веру челове-ка. Йа Алла, Мухаммедрасулалла, о чем еще я задумался? Если даже свод небес будет греметь, как шаманский бубен, ты не найдешь ответа на свои вечные вопросы.

Булгарское государство распадается на твоих глазах, сек-ретарь Хафиз. Лучшие умы уезжают в чужие страны или гибнут по приказу хана под топором палача. Где ты, жив-ший в городе Саксине поэт Великого Булгара Сулейман Ба-кыргани? Салим-хан прогнал тебя из страны, продал твои книги Улуг-Мухаммеду. Из страны уходят лучшие зодчие, их с распростертыми объятиями встречает князь Китан. По-чему же ему их не встречать: они ему нужны, чтобы строить церкви. Где ты, прославленный своим искусством врачава-ния табиб Тажетдин? И ты остался на чужбине. Теперь хан послал туда твоего брата. Ты продал их, Салим-хан, за шел-ковый халат, за серебряную посуду. Недавно к тебе, хан, при-шел поэт Абу Гали. Не принял ты его. Сказал, что поэты — беспокойный народ, а ты любишь покой и тишину. А ведь он пришел к тебе, хан, не с оружием в руках, а со своей знамени-той книгой стихов. Ты же не удосужился снизойти к его просьбе. Сказал, что тебе сегодня не до поэтов и не до их книг, что ты по горло сыт мирскими заботами. Табиб Тажет-дин еще в Булгаре написал книгу «Лекарство для больных». Но ты и эту книгу, хан, подарил Улуг-Мухаммеду, не пере-писав.

Когда булгары принимали ислам, на троне сидел седьмой булгарский хан Айдар. Семь — число священное для тю-рок. У хана Айдара не было сыновей, а единственная дочь страдала падучей. Хан хотел свою дочь видеть здоровой и выгодно выдать замуж. Для этого хан пригласил к себе во дворец всех табибов из Ага-Базара. Во дворец пришли сот-ни табибов из разных стран. Каждый хотел вылечить ханс-кую дочь и получить награду. Все осматривали больную, но никто не брался лечить. И хан впал в глубокое горе. Же-лая помочь своему господину, его визирь обратился к нему:

— Светлейший, сегодня в Ага-Базар приехали из дале-кого Египта арабы, среди них, говорят, известный табиб. Поз-воль мне привести его во дворец. Но хочу предупредить, светлейший, этот табиб придерживается чуждой нам веры.

— Приведите арабского табиба во дворец! — приказал своему визирю хан.

Вскоре ханские азаты нашли в Ага-Базаре табиба-араба и привели его во дворец. Хан спросил чужеземца:

— И-и, араб, откуда ты прибыл?

— Из Мекки-Медины, — ответил араб.

— Каков твой род занятий? — спрашивает хан.
— Врачевание, — отвечает араб.
— Наша дочь хворает, видно, кто-то порчу напустил, — говорит хан. — Не найдешь ли ты лекарство от этой болезни?
— Сначала я посмотрю больную, хан, — сказал араб.
Осмотрев больную, табиб возвратился к хану и сказал:
— На вашу дочь, хан, напала особая хворь. Я попробую ее вылечить. Только мне нужны листья сарбана.
— Сарбан, у нас так называют, кажется, березу. Этих деревьев у нас много. Принесите табибу березу! — приказал хан.

— Мне, хан, не нужна безлистная береза, мне нужны зеленые березовые листья, — сказал араб.

— Зимой у нас не найдешь зеленой березы, — отвечает хан.

— Иншалла, мы такую найдем, — говорит араб. — Принесите мне ветки сарбана.

Вскоре принесли арабу ветки березы.

— Араб, коли не сумеешь исцелить мою дочь, тебя повесят на высоком дереве.

— Ты, хан, мне ставишь свое условие, тогда и я поставлю тебе свое. Если я исцелю твою дочь, примешь мою веру. Только в таком случае я исцелю твою дочь.

Хан Айдар долго не давал решительного ответа, ибо менять веру нелегкое дело, но, горячо любя свою дочь, хан вынужден был согласиться.

Араб положил березовые ветки в ведро с теплой водой, поставил на печку и начал читать молитву. Одну молитву прочитает — одна ветка зазеленеет, другую прочтет — на второй листочки появляются. Когда на всех ветках появились листочки, араб велел натопить баню. Когда баня была готова, велел привести девушку в баню. В бане араб парит девушку березовым веником и читает молитву. Через какое-то время девушка выходит из бани и говорит, что чувствует себя вполне здоровой.

После этого случая хан Айдар принял ислам, за ним последовали визирь, придворные. Исцеленную дочь хан Айдар выдает за табиба-араба, а когда хан умирает, на болгарский трон садится араб, его зять, но прожил он очень недолго, видимо, болгарская природа была ему чужда.

Услышав об этом, с Итили на Булгар идет походом хазарский каган. Он видит мечеть, поставленную на самом высоком месте города, и говорит: «Если бы я не боялся, что живущие на Итили мусульмане разрушат мои синагоги, я бы сровнял эту мечеть с землей».

Не трогает каган мечеть, но увозит с собой светлоликую

дочь хана. На чужбине ханская дочь увяла как цветок, заболела, там и умерла. Свирепый каган просит вторую дочь хана, которой идет только седьмой год...

— Я никуда не уйду из своей страны, лучше утоплюсь в Итили, — говорит ханская дочь Назлыгюль, отложив книгу.

— А тебя, Назлыгюль, никто никуда не собирается отправлять. Потому что булгары теперь никому не подчиняются, никому не платят дани. В те времена булгары вынуждены были платить дань хазарам.

Вдруг ханская дочь Назлыгюль, непринужденно приподняв краешек подола, стала неторопливо завязывать распустившийся на чужаке шнурок. У секретаря Хафиза все внутри перевернулось, у него перехватило дыхание, он боялся дышать. И зажмурил глаза. Даже если бы посмотрел на солнце — и тогда бы глаза так не ослепило: секретарь Хафиз увидел белоснежную ножку ханской дочери. В голову Хафиза ударила горячая кровь, закружилась голова. Но прекрасная Назлыгюль, не замечая состояния своего учителя, все о чем-то говорила.

Секретарь Хафиз на мгновение притих, перо в его руке с треском разломилось. Ханская дочь Назлыгюль вздрогнула, удивленно взглянула на своего учителя и, опустив подол, невинно улыбнулась. Секретарь Хафиз видел эту улыбку как сквозь пелену тумана. Стараясь подольше сохранить в воображении увиденную картину, снова закрыл глаза.

— Знаешь ли, кто ты? — спросил он наконец, не скрывая своего восхищения. — Ты звездочка на небе, кувшинка на озерной глади, ты...

— Я ласточка в небе, — сказала ханская дочь.

— Кто так сказал тебе? Он?

— Он, учитель. Вот увидишь, учитель, в один из дней эта ласточка улетит далеко-далеко, туда, где живет он.

— Назлыгюль, возьми слова обратно, о Аллах!

— Не беру обратно, не беру, учитель. Я его люблю, слышишь, учитель, лю-ю-блю-ю-ю!

Ханская дочь повернулась и пошла, а учитель Хафиз долго стоял в молчании, глядя в одну точку, не понимая, что случилось с ним. Затем взял новое перо и в потайную тетрадь занес слова о том, что в основание нового города вместо отрока зарыта собака. Потом он закрыл тетрадь и спрятал. Для хана секретарь Хафиз так и не написал ни одной строчки, рука его на это не поднималась. Из памяти не уходила белоснежная ножка ханской дочери. Наградит же Аллах такой красотой человека! В ушах постоянно звучат слова шейха Иганая, что красивые яванские девицы продают свое тело, но по шариату это большой грех.

В секретаре Хафизе словно произошла какая-то перемена. Ему почему-то захотелось повидаться с Антонием, который был назначен дворцовым табибом после отъезда Хасана. Тот не раз приглашал секретаря Хафиза на улицу греков, но Хафиз до сих пор под различными предлогами не шел туда. Секретарь Хафиз послал своего посыльного к табибу Антонию. Тот не заставил себя долго ждать, пришел к нему.

— Что надобно ханскому секретарю, болен ли, случилось ли что, или же влюблен секретарь Хафиз? — спросил шутиво Антоний.

— Я печалюсь, друг Антоний, места себе не нахожу. Что-то хочется предпринять, пойти куда-то, сам себя не пойму...

Многоопытный табиб тут же уловил перемену в Хафизе, с улыбкой посмотрел на его озабоченное лицо.

— Собирайся, я сегодня поведу тебя в рай. Знаешь, — он наклонился к Хафизу, — там бывал и Салим-хан. Смелее, смелее, дружок!

Секретарь Хафиз решился впервые пойти на улицу яванок. Табиб Антоний дал ему свой чекмень, сунул ему в руку палку. Никто не должен узнать секретаря Хафиза. Если проведает шейх Иганай, то велит побить камнями. Правда, Салим-хан никому не запрещает ходить на улицу яванов, только в церковь не заходи. За входящими в церковь мусульманами следят мюриды шейха.

— Ханский секретарь Хафиз, уж не святой ли ты дух? Человек в возрасте, не молод, хочу сказать, и еще не обнимал женщину?

— Я святой для святых, грешный среди грешных, друг Антоний.

— Я поведу тебя сегодня в укромное место. Деньги прихватил?

— Все мое богатство всегда при мне, Антоний. Я живу не хуже других, но, ты прав, никогда в женские глаза не заглядывал. Женщины для меня богини, тайны небес. Ты вот пялишься на ханбике Зубаржат, и каждый может догадаться...

— Ошибаешься, секретарь, ханбике меня не интересует. Я влюблен в ханскую дочь. Знаю, моя любовь безответная, однако люблю. Я только за один взгляд ее отдал бы все, что имею. Но ханская дочь не взглянет на меня. Она любит другого. Мать ее об этом и не догадывается...

— Мать ее все знает, Антоний. Ханская дочь любит зодчего Даурана. И она может пережить трагедию, беспримерную трагедию.

— Да, печально кончится ее любовь, друг мой. И для зодчего-джигита, и для нее.

— Провидец, что ли, ты, Антоний?

— Любовь не скроешь, секретарь Хафиз. Не надо и провидцем быть. Любовь, она, как соловей в начале лета, живет песнями или погибает, когда ей не дают петь...

* * *

Солнце зашло, наступили сумерки. Лавочники со стуком закрывают двери, навешивают замки. На улицах стихает дневное оживление, и, наоборот, жизнь начинается в ночных домах. Торговцы, целый день работавшие в лавках, магазинах, спешат в публичные дома.

С наступлением вечера на улицах греков и армян оживленно. Богатые купцы в ночных домах завсегдатаи, поэтому они спешат выбрать девицу покрасивее. Сидеть с девицей в полутемной комнате, попивая вино, — это особое наслаждение для купца.

Хотя вход в ночной дом стоит немалых денег, однако купцы идут на все, потому что золотые в их кошельках петухами кукарекают, и шальная дневная выручка попадает в руки веселых девиц. Потом нечасто выпадают такие минуты, когда стройная фея, поигрывая полными бедрами, жеманясь, строя тебе глазки, подает яства и дорогие напитки. Хотя дома ждет семья, супруга, дети, купец не прочь здесь позабавиться. Жена давно уже не встречает его с очаровательной улыбкой, а в гулящей девице, кажется, джинн сидит: выставила полуобнаженную грудь, спустила с одного плеча тунику — дразнит взор его, разжигает воображение, вдобавок нарочно распахивает разрез юбки. От лицезрения скрытых там чудес душа купца ликует. Многие купцы оставляют в ночных домах большие деньги, а то и всю дневную выручку, потому что очаровательная фея, эта коварная искустельница, делает все, чтобы удержать их подле себя.

Не только в ночном доме, но и на улице яванок секретарь Хафиз впервые. В дом, куда привел его Антоний, зашел он нерешительно, пугливо озираясь. Побывавшие здесь мужчины, ханские азаты, рассказывали, глотая слюну, о том, какие чудеса они здесь видели.

Секретарь Хафиз невольно прислушивался к их разговорам и думал: «Развратники». Но не ведал он, что сам когда-нибудь придет в такой дом. Сегодня же он пришел и растерянno остановился у порога.

У входа сидит беззубая старуха. От воздуха, насыщенно-го необыкновенными ароматами, приятно защекотало в ноздрах. Старуха мельком глянула на Антония и поманила пальцем сидевшую неподалеку девицу, дескать, твой черед. Сидевшая в полутемном углу девица лениво поднялась и, потягиваясь, пошла к Хафизу.

О Аллах, что за чудо — не идет, словно лебедь плывет по воде. На миг показалось секретарю Хафизу, что это ханская дочь Назлыгюль. Что за оказия! Хафиз закрыл глаза и снова открыл. Слава Аллаху, не ханская дочь, а яванская девица, но красавица. Держится свободно, чуть игриво и нахально.

Девица подошла и взяла секретаря Хафиза под руку и в то же время похлопала по кошельку, привязанному к поясу секретаря:

— Один золотой швырни старухе!

— Бросай-бросай, — сказал Антоний, подтверждая слова девицы.

Вместо одного золотого секретарь Хафиз бросил два. Старуха, хоть и подслеповатая, заметила это, улыбнулась, кивнула девице. Девица повела Хафиза вглубь. Шелковое платье на ней переливается и шуршит, от нее исходит головокружительный аромат.

Не это ли называют раем? Почему он ни разу не был здесь? Да, истинным мусульманам приходить сюда шариат не позволяет. Почему же богатые купцы-мусульмане заглядывают сюда и несколько не испытывают страха? Бросают один-два золотых тем, кто стоит на страже, и наслаждаются.

Девица усадила его за дальний столик, потом привела Антония и вышла. Немного погодя она принесла вино, фрукты. Антоний налил в чаши вино, поднял чашу и стал уговаривать Хафиза выпить.

— Подбодрись, друг любезный, держи, держи, а то будто ведут тебя на бойню. Смелее...

Секретарь Хафиз выпил. Вино показалось ему кисловатым, но потом это ощущение прошло. К нему подседа девица, Хафиз налил и ей.

— Пей-пей, — сказал Антоний. — Я привел к тебе самого святого человека в мусульманском мире. Полюби его! Пусть томится всю жизнь, вспоминая!

— А если не буду томиться, — сказал немного разгоряченный секретарь.

— Будешь, женщины злее вина.

— Да будет вам, — улыбнулась девица. — Он мне и так приглянулся, Антоний.

«Значит, ты, девочка, и по-тюркски говоришь, — подумал Хафиз. — Хорошо, допустим, я полюбил тебя. Что из этого? Жениться? Накинуть на шею веревку? Чу, меня называют секретарем Хафизом, на любой крючок я не попадусь, вот если бы он был золотым, скажем, ханская дочь Наз...»

— Ты не пьяней, — сказал Антоний. — Не пьяней. Ну, я пошел, до свидания!

Секретарь Хафиз хотел было податься за табибом Антонием, но девица взяла его за локоть, усадила обратно:

— Ты меня любить, я тебя любить...

Секретарь Хафиз безропотно подчинился девице. Вдруг ему захотелось плакать. Девица, уловив что-то неладное в нем, усадила его на широкие полати. На них оленья шкура, у изголовья две узкие подушки. Сумрачно, свет свечи едва разгоняет темноту ранней ночи.

Чем понравился ханский секретарь этой красотке? Нос как сабля, глубоко посаженные голубые глаза, волнистые черные волосы, жидковатое худощавое тело. Нечем вроде было вызвать к себе интерес такой красотки, но девица прижалась к нему, впилась как пиявка. Девица полнотелая, с округлыми плечами, в глазах не то зов, не то жажда ласки, не поймешь. На девице платье с глубоким вырезом, на ногах узорчатые туфли с позолотой, тесемки, переплетаясь, доходят до икр, в черных волосах черная роза.

Можно подумать, что именно ханского секретаря Хафиза ждала она. Нет, конечно. Вот судьба... Что должен сказать ей секретарь Хафиз? Чтобы погасила свечку? Как такое произнести? Один азат говорил ему, что до женитьбы на ханбике Зубаржат Салим-хан похаживал сюда. Вечером в сумерках переодевался в черный армянский чекмень и направлялся на улицу яванок.

Табиб Антоний! С каким умыслом привел ты ханского секретаря Хафиза в этот проклятый Аллахом дом? С каким бы умыслом ни было, я на тебя не в обиде. Ты открыл мне глаза, ты бросил меня в объятия этой красотки. Спасибо тебе! Не знаю только, желанен ли я ей? Желанен или нет, однако я хочу любить и быть любимым.

Во всяком случае, так кажется ханскому секретарю Хафизу. Он не смог написать хану о событиях на месте основания нового города. И не напишет. Так или иначе его поведут в Кара Пулат и совершат суд. Кто знает, не придется ли ему завтра лечь под топор палача? Это может случиться скоро, а сегодня в его объятиях богиня. Девица прижалась к нему и замерла в ожидании.

Секретарь Хафиз даже не спросил, как ее зовут. Зачем ему имя этой девицы? Что изменится от того, что он узнает, как назвал ее отец... Почему эта девица здесь? Что привело ее, такую пригожую, в тайный дом? Хафиз вспомнил песню: «Камни драгоценные лежат ли на земле, девушки ушедшие вернутся ль по весне?» Нет, не вернутся. Нужда привела, наверное, тебя сюда, девонька. Но есть ли у тебя, Хафиз, право так думать о ней? Нет, и еще раз нет! Она — женщина. А женщины, как перелетные птицы: лишь подрастут

крылья — и вылетят из родного гнезда и никогда уже обратно не возвратятся.

Секретарь Хафиз поднялся и вышел в сад. Девушка не удерживала его, осталась тихо лежать.

Ночное темное небо испещрено звездами, говорят, что в каждой звезде — человеческая судьба. На свет, падающий из окна, вышел ежик, остановился, а потом скрылся в кустах. Неподалеку заухал филин. С остановками, прислушиваясь к отзвуку. Наконец и филин умолк. Сердце у Хафиза словно подкатило к самому уху и бьется там. В лунном свете сад будто облит серебром. От цветов, что под ногами, исходит душистый запах. Яванки любят выращивать цветы. Поэтому они выходят на базар с цветами, болгары — с сапогами, армяне — с папахами, русские — с саблями. Базару нужно все — и цветы, и сапоги, и папахи, и сабли.

Послышались чьи-то шаги. Секретарь Хафиз ощутил знакомый и приятный запах — девушка ласково прижалась к нему. Мягкими руками она обвила его шею, горячие губы прижала к его лицу. Секретарь Хафиз на мгновение застыл. От горячего дыхания девушки, от нежного прикосновения сердце его затрепетало.

Секретарь Хафиз не заметил, как поднял на руки девушку, как понес ее в дом и около полатей поставил на ноги. С девушки с шелестом сползло на пол шелковое платье. Торопясь, Хафиз сбросил с себя халат, рубаху, прижал девушку к своей груди, и на миг по спине его пробежала дрожь — его груди коснулся крест, висевший на шее девушки. Крест стеснил Хафизу дыхание. Девушка отбросила золотой крест через плечо за спину.

Безумные ласки окончательно покорили секретаря Хафиза. Он словно воспарил в небо и отыскал давно искомую звездочку. А ведь как долго он искал ее, ждал, что вот она явится, а звездочка-то здесь: яванская земная девушка.

Хафиз долго лежал не в силах прийти в себя. Во сне или наяву видит он все это? Эх, Антоний, Антоний, видно, святой ты человек, иначе разве сделал бы такой щедрый дар для секретаря Хафиза? Мне хочется броситься перед тобой на колени, Антоний. Спасибо тебе. И то правда, что человек должен сам найти свое счастье. Но сам я не сумел его найти, а ты мне помог!

— Ты горячий мужчина, вижу, добрый, — сказала девушка. — Я полюбила тебя. Уведи меня отсюда... Я рожу тебе много-много мальчиков, сильных батыров...

Секретарь Хафиз снова обнял девушку. Поток первородных чувств снова погрузил его в небытие, он вновь вознесся ввысь. Перед глазами встала ханская дочь Назлыгюль, она

ему говорила: «Она не обманывает, учитель, она искренне любит тебя».

Дивясь видению, секретарь Хафиз положил руку на грудь девицы, упругую, нежную, манящую. До чего она была близка ему в этот миг...

Вскоре наступит рассвет. Не сомкнувший всю ночь глаз Хафиз только перед зарей заснул. Во сне он вновь увидел ханскую дочь Назлыгюль. Она повесила на шею учителю желтую янтарную пуговицу, Хафиз покорно уступил ей.

Секретарь Хафиз проснулся и вскочил с постели, наспех оделся. Ему нужно было поскорее уйти отсюда. Иначе может увидеть азаты Салим-хана или мюриды шейха Иганая.

Хафиз постоял, послушал ровное дыхание девушки, долго смотрел на ее нежное лицо, разметававшиеся по подушке красивые волосы. Он осторожно направился к выходу.

В передней сидя спала беззубая старуха, на коленях плوشка с накиданными в нее золотыми. Входная дверь полуоткрыта, со стороны дома слышны приглушенные голоса. Что-то вспомнив, секретарь Хафиз вернулся, подошел к лежавшей калачиком девушке, отстегнул кошелек, который висел у него на поясе, засунул его под подушку. В кошельке было по меньшей мере сто золотых. Девушка, если захочет, сможет на эти деньги купить себе свободу. Для секретаря Хафиза надобность в золотых отпала. Не сегодня-завтра судьбу его решит сам хан. И решение хана он предчувствовал.

Секретарь Хафиз торопливо вышел на улицу, быстро зашагал ко дворцу.

Рассветало, со стороны Итили поднимался густой туман, на лугу слышны окрики табунщиков, в садах поют соловьи. Близится середина лета. Вскоре соловьи перестанут петь, не сегодня-завтра перестанет петь и Хафиз. Да, хан и его не простит, секретарь хана знает многое.

Он прошел улицу, где живут придворные, дошел до городской стены. Караулбаши нехотя пропустил его.

— Откуда так поздно, ханский секретарь?

— Ты не спрашивай, я не скажу, караулбаши. Меня сегодня в Кара Пулате ждет топор палача.

— За посещение улицы яванок, секретарь? Если хочешь знать, до появления ханбике Зубаржат хан сам хаживал в те дома. Не бойся, секретарь.

— А я не боюсь, караулбаши. Разве боится хана человек, чья жизнь в руках Азраила?

— Не говори глупости, секретарь! У палача, поднявшего на тебя топор, руки отсохнут.

— От судьбы не уйдешь, караулбаши. Скажи, если не секрет, караулбаши, шейх Иганай тоже ходит на улицу яванок?

— Грешить не хочу, секретарь, не видел. А мюриды, те похаживают. Только я не говорил, ты не слышал, секретарь. Злое слово человека убивает. Постой-ка, постой, говорю! Не могу я не сказать о странном обстоятельстве. Вот уже месяц, секретарь, как на городской стене стал появляться шайтан. Я говорил хану, он только расхохотался. А ведь вовсе не смешно, своими глазами видел. То в облике человечьем показывается, то как четвероногое животное, а то не поймешь — и то, и другое. Воины напуганы, не выгонишь их в караул. Не конец ли света, думаю, наступает? Говорят, в это время шайтан людям показывается. Еще одна странная привычка у шайтана. Как только ханская дочь выходит в сад, он появляется на стене. Но тут же исчезает. Говорят, ханская дочь Назлыгюль влюблена в мастера Даурана... Или, думаю, эту девушку сторожит сам шайтан? Говорят, этот самый мастер Дауран из рода пророков, только сам об этом никому не говорит. А что, может, и правда. В тот раз из тысячи каменщиков он один живой остался. Значит, правду говорят, зодчий из рода пророков. Один азат, дурачина, бросился на него, и сабля воина превратилась в пепел, а потом одежда на нем загорелась. После этого ни один воин не смотрит в его сторону. Ходит на стене — ну и пушай ходит, следит за ханской дочерью Назлыгюль — ну, пушай следит.

— Вот что, караулбаши, верю твоим словам, что ханская дочь влюблена в мастера Даурана, а вот вторая половина твоего рассказа — брехня. Думаешь, легко залезть на дворцовую стену?

— У него есть, оказывается, шест. Бежит, приставляет его к стене и прыгает. Шайтан это, сам шайтан. А как же иначе!

— Знай, караулбаши! Салим-хан держит мастера Даурана в темнице. Дауран — ханский раб. Разве выдаст замуж за раба хан самую прекрасную из дев! Мы все рабы хана, караулбаши. И ты, и я...

— Разве секретарь может быть ханским рабом, не говори более так, Хафизджан!

— Кто такой раб, караулбаши? Двуногое животное, сказали древние. Ладно, караулбаши, опусти подвесной мост, войду я, будь что будет.

— Эй, кто там на башне, опусти мост! — крикнул караулбаши. — Слышишь, Хафизджан, если я поймаю этого шайтана, что мне хан даст за это, а?

— Свою дочь, караулбаши, прекраснейшую Назлыгюль.

— А если я в самом деле его поймаю, секретарь?

— Шайтан — святая душа, ад тебе за это, огненная, бушующая, гудящая, потрескивающая преисподняя.

Караулбаши опешил, не знал, что сказать. Тем временем

был опущен мост, секретарь Хафиз заторопился к себе домой. Как только зашел в свою комнату, почувствовал страшную усталость. Не раздеваясь повалился на постель и мгновенно заснул.

* * *

Привратник Камай зашел в его комнату осторожно, как кошка, на цыпочках. Ему хотелось неожиданно напугать секретаря Хафиза. Подошел поближе и увидел, что на шее секретаря на цепочке висит крест яванский. Привратник Камай на мгновение застыл с раскрытым ртом.

О Аллах, что он видит?! Секретарь хана спит мертвым сном, а на шее — яванский крест. Крест, подвешенный на тонкой цепочке, съехал в сторону. Точно крест, глаза его не обманывают. Камай прокашлялся, словно желая убедиться, не во сне ли он все это видит, попробовал ущипнуть себя — нет, не сон видит, не во сне все это. На шее секретаря Хафиза яванский крест. Секретарь хана стал ходить в церковь! Христианин!

Привратник Камай дрожащими руками потянулся к кресту, подержал в руках. Настоящий яванский крест! Золотой, прекрасной работы.

Привратник Камай, пятясь, вышел из комнаты. После его ухода в комнату секретаря Хафиза вошел врач Антоний и, увидев на шее сладко спавшего секретаря крест, осторожно отстегнул, сунул себе в карман, потом минуту смотрел на лицо секретаря. Хотел разбудить, но раздумал и быстро ушел.

В это время, задыхаясь от волнения и спешки, к Салим-хану подбежал привратник Камай и распластался у ног хана.

— Светлейший, э-э...

— Что случилось, или Итиль загорелась? Где секретарь, почему не привел с собой?!

— Хан, у него на шее... — привратник Камай перешел на шепот, подполз ближе к хану, поднялся, встал на цыпочки, приблизил губы к ушам хана. — У него на шее крест, яванский крест.

— Яванский крест?! — переспросил хан. — Какой крест, на чьей шее?

— На шее секретаря Хафиза, светлейший.

— Где он?

— В своей комнате, спит как мертвый, и на шее его, хан...

— Хватит! Слышал! Ты ведь не попугай!

Салим-хан встал с трона, вразвалку прошелся, подошел к привратнику Камаю. Да, Салим-хану не было чуждо человеческое любопытство.

Вошли. Секретарь Хафиз все еще спит. Но на шее у него ничего нет. У привратника Камая скривилось лицо, как будто лопнул желчный пузырь. Салим-хан ни слова не сказал, повернулся к дверям. Привратник Камай забежал вперед, хотел открыть перед ханом дверь, но хан с такой силой пнул его в зад, что тот шлепнулся на пол, взвыл.

— Двухное бедствие, зенки застило? Какой крест?!

Привратник Камай готов был терпеть любые оскорбления, он промолчал по обыкновению, потянулся целовать носок ханского сапога.

— Убирайся, жалкая тварь, прочь с глаз моих!

— Мой хан, прости безумца! Привиделось, значит...

— Сгинь! Эй, постой! Иди разбуди секретаря! Пусть идет в Кара Пулат!

Салим-хан не знал, то ли плакать, то ли смеяться. Вот дурень так дурень! Увидел, видишь ли, крест на шее секретаря Хафиза. Вдруг хан вспомнил тот день, когда он сам оказался в такой же ситуации. Да-да, он сам однажды попадал в подобную переделку. Ходил на улицу яванок, зашел в ночной дом, щедро раздал золотые, потом, вернувшись, зашел к своей жене, у которой была падучая. Ханша увидела у него на шее крест, двумя руками вцепилась в него. Цепочка, кажется, была золотая... Да, случилось такое с ним. Но если и секретарь Хафиз попал в то же положение, кто же снял с него крест? А ведь Камай видел, надо полагать, видел... Оставьте, что было — быльем поросло. Сегодня он будет судить визиря Исхака. И секретарь Хафиз будет держать ответ. Хитрый аль-кази Ишкул докопается до истины, каждого вывернет наизнанку, докажет, кто виноват, кто прав. Аль-кази Ишкул душевный человек, просто дитя, но опасное дитя, жестокое и безжалостное. Его каждый может настропалить, каждый может тянуть за собой, не говоря уже о хане, аль-кази Ишкул на семь частей расколется, из семи частей склеится, но ханскую волю исполнит во что бы то ни стало. И обвинит всех, кого хочет обвинить хан. И все же визиря Исхака жалко. Умный был визирь. Вот уже в прошедшем времени начал о нем думать. Мне не хочется отдавать его в руки дьявола, но иначе невозможно. Визирь Исхак был нужным для Булгарии человеком, но именно из-за визиря Исхака на Салим-хана падет тень. Если в страну приходило изобилие, хвалу воздавали не хану, а визирю. Со всеми мог находить общий язык визирь Исхак. Этого не могут отрицать ни ханбике Зубаржат, ни шейх Иганай и ни сам Салим-хан. Но что поделать, пока визирь остается в живых, уделом хана будет черная, неблагодарность. Внуку Гали при всем народе он обещал трон, этот отрок должен был исчезнуть. И он

исчез. Впрочем, Салим-хан не виноват ни перед внуком, ни перед Аллахом. Этот способ визирь Исхак сам подсказал выбрать хану. Теперь пусть пеняет на себя. Иначе в Булгарии начали бы убивать отец сына, сын отца, брат брата. Ибо в священной книге сказано: в давние времена из-за нерешительности Гали, сына Абу Талиба, умавиры начали войну против зятя пророка Гали. Разочарованные в Гали двенадцать тысяч азатов перешли на сторону умавиров. Именно это обстоятельство разделило мир ислама надвое. То, что случилось на земле пророка сотни лет тому назад, может повториться в Булгарии. Ибо в священной книге сказано: человек сочтет себе позором притеснить родственника или напасть на него прямо, лучше стать преградой между своими родственниками и тем самым выбрать наименьшее зло.

На трон должен сесть только один наследник. Следовательно, он был прав, убрав одного внука. Когда речь идет о ханском троне, негоже хану считаться с головой визиря. Мир ислама во все времена руководствовался двумя сводами: предписаниями пророка Мусы и пророка Иисуса. Если пророк Муса научил людей жить и трудиться, то пророк Иисус смягчал их души, он убеждал, что все люди пришли в этот мир только в гости, призывал укрощать свои вожделения, ибо человек должен думать больше о загробном мире. Пророк же Мухаммед попробовал объединить эти два учения, тем самым вынудил очень многих принять свою религию. Прости, Аллах мой, раба своего, что я говорю. Но в святой книге сказано: построенный дом должен быть вовремя разрушен, родившийся человек вовремя должен уйти в загробный мир. И прав был пророк. Иначе что бы стал делать сегодня Салим-хан? Даже визиря Исхака не смог бы предать смерти.

14

Взошло солнце. За визирем Исхаком пришли ханские азаты. Нет, они не торопили. Салим-хан опасался, что визирь убежит. Но куда он мог бежать? Визирь Исхак и не собирался этого делать. Написанное Салим-ханом письмо было в руках секретаря Хафиза. В письме содержался написанный черным по белому ферман, согласно которому один из внуков должен быть принесен в жертву новому городу. Ферман написан самим ханом, подтвержден ханской печатью. Визирь Исхак не противился, он готовился принять смерть, втайне надеясь на счастливое избавление. Его угнетало одно: почему Салим-хан хочет отделаться от него? Багадур Баян отдал ему ханский ферман, ханский секретарь Хафиз

его зачитал, все слышали, все поняли, в чем суть дела, только внуки хана восприняли это как игру. Но то была не игра, а изобретенная им, Исхаком, и одобренная ханом трагедия.

Десятник азатов вручил визирю Исхаку ханский ферман. Визирю предписывалось явиться во дворец. Появление ханских азатов — обычное дело. Салим-хан и раньше посылал за ним своих азатов, хотя у визиря Исхака были свои телохранители. Хан делал вид, что охраняет безопасность своего визиря.

— Я сам пойду во дворец, десятник, — сказал визирь Исхак. — Не надо меня сопровождать.

— Слушаюсь, визирь. — И десятник увел с собой азатов.

Визирь Исхак вышел в общую комнату, позвал одиннадцатилетнего сына. Увидев у мальчика на поясе саблю, в руках лук со стрелой, визирь Исхак остановил его. Не любил визирь военных, к тому же это был его собственный сын. Когда мальчик встал перед ним, визирь Исхак отложил в сторону его саблю, лук и стрелу, положил ему на плечо руку, посмотрел в глаза:

— Сын, ты учишься в дворцовом медресе. Кто среди вас самый искусный лучник?

— Внук Салим-хана Булат, мой отец.

— Ханский внук Булат, — повторил визирь Исхак. — А ты, ты уступаешь ему?

— Он метче стреляет, попадает в летящих птиц, мой отец. Его сравнивают с Джик Мергеном. Я тоже научусь стрелять из лука, как ханский внук Булат. Буду первым в Булгарии лучником.

— Первым в Булгарии лучником, — промолвил визирь Исхак, собираясь что-то добавить. — Ты должен стать не лучником, а послом, сын. Ты будешь самым искусным послом. Я оставляю тебе много-много книг, сын. Читай. Выходи в Ага-Базар, наблюдай, бывай среди чужеземных купцов. Слушай, что они говорят, какие в мире новости, наматывай на ус.

— У меня нет усов, мой отец.

— Усы будут, очень скоро будут, сын. Не теряй разума. Усы вырастут, разума не теряй. Матери скажи, что отец твой ушел во дворец к хану.

Визирь Исхак прижал сына к груди, погладил по голове.

— Учитель велит мне громко читать, ну-ка, говорит, читай-ка громко, Гаттар, эту суру.

— Будь добронравен, сын, — визирь Исхак крепче прижал сына к груди. — Учись, старайся. Изучай русский, персидский, арабский, китайский языки. Почаще бывай среди яванцев. Это тебе заповедь отца, сын мой, запомни это. Теперь иди, играй...

Визирь проводил взглядом сына и отправился во дворец, но, не дойдя до него, повернул в Кара Пулат. Не хотелось напоследок кланяться хану. Что сделано — сделано и горевать нечего. Сегодня его будут судить. И среди казиев будет восседать Салим-хан, по правую руку его — аль-кази Ишкул, по левую руку хана кази Саксин, чуть поодаль будет кази Баштак. Когда зайдет шейх Иганай, кази Саксин пересядет к кази Баштаку. Шейх Иганай не любил визиря Исхака. А зачем и за что ему его любить? Визирь Исхак устроил мир и согласие между володимирским князем и Салим-ханом, привез ханскому сыну Ильхаму невесту из княжеского рода. Слились две крови, и родился мальчик Булат, есть опасность, что он будет претендовать на ханский престол. Салим-хан отдал внука Булата на воспитание багадуру Баяну. Багадур Баян не фанатик, но посещает церковь, часто сидит за одним столом с епископом Аббасом. Таким образом, в Булгаре появляются два лагеря царедворцев. Салим-хан не видит этого или делает вид, что не видит, а ведь Булгарии грозит опасность. Да, визирь Исхак вернулся, принес в жертву внука хана, шейх Иганай не спустит ему этого, он, пожалуй, имел виды на отрока Гали. Наверное, шейху был ближе отрок Гали, с десяти лет читавший наизусть суры Корана. Раз так, шейх постарается погубить визиря Исхака. А визирь Исхак, как утопающий, будет хвататься за соломинку, искать спасения, хотя какой в этом прок. Ему все равно отрубят голову. Ибо так хочет хан Булгарии.

Визирь Исхак огляделся. Многие встречные почтительно раскланиваются с ним, будто знают, куда и зачем он идет. В то же время визирь Исхак увидел: кое-кто будто не замечает его, проходит мимо, не обращая внимания. Даже ханский конюх головы не повернул — расчесывает конскую гриву. Конь смиренно стоит, зная, что хозяин делает нужное дело.

Согласно ханскому приказу, визирь Исхак должен был направиться прямо во дворец, а он прошел мимо дворца и направился в Кара Пулат. Потому что Салим-хан все равно направил бы его в Кара Пулат. Самое лучшее — пойти самому. Пусть враги возрадуются, друзья приготовят оружие, ибо если сегодня отрубят голову ему, завтра доберутся до их голов. Бог сохранит только того, кто сторожится. Когда ездили смотреть основание нового города, были среди них также люди из секретной службы хана. Визирь Исхак не слепой, все видел, хотя после ночи, проведенной с наложницей, у него болела голова.

Да, Исхак допустил существенный промах. Надо было бы об этом написать в назидание своим внукам, да не успел. Может быть, секретарь Хафиз напишет? Да, именно он обя-

зан написать. Если и его приведут, то кем считать после этого Салим-хана? Второго такого святого человека, как Хафиз, в Бугарии днем с огнем не найдешь. Ханский ферман у Хафиза должен быть. Но не попала ли бумага в руки кази Саксина? Что бы то ни было, все видели, как вылетел Аждаха из гудящего костра, этот случай и кази Саксин не будет отрицать. Почему же тогда он должен бояться? Мюриды шейха Иганая хотят вычеркнуть из памяти народа издавна укоренившиеся обряды, но народ не забывает так быстро свое прошлое, держась за обычаи дедов. Тогда шейхи принимают приноравливать древние обычаи к исламской религии. Кое-какие обряды действительно быстро улетучились, а другие прочно держатся в памяти. Поэтому духовники, вроде шейха Иганая, открыли против таких обрядов войну. Жертвоприношение мальчика служители ислама не приняли, значит, по их мнению, визирь Исхак совершил богопротивный поступок. Случившееся все равно когда-нибудь раскроется, даже если не войдет в историю Бугарии. Как нет реки без берегов, так нет и государства без истории. Сегодня начатую ученым Якубом Нугуманом историю Бугарии продолжает секретарь Хафиз. Напишет ли дворцовый секретарь строчку о визире Исхаке или, испугавшись свирепого Салим-хана, пропустит ее? Истина бессмертна. Она, как зерно, брошенное в землю, лежит до поры до времени, ждет своего срока и прорастает. Нет, узнают, узнают о нем потомки его. Узнают, что он, визирь Исхак, боролся за мир, дружбу.

Солнце жарит вовсю. Оказывается, в новгородских краях за лето не выпало ни единого дождя. Салим-хан продает возами зерно новгородским купцам, а князьям даже отправляет в подарок. Святое дело. Русские и бугары издревле менялись невестами, помогали друг другу. Правда между этими двумя народами случались и стычки, не без этого. Но визирь Исхак приложил немало сил для их примирения. Сказать бы ему за это спасибо, ан нет, сегодня его вызвали в Кара Пулат. Оттуда немногие возвращаются живыми.

Визирь Исхак не спешил, шел, оглядываясь по сторонам. Из восточных ворот выезжают азаты, видимо, торопятся на берега Яика, Салим-хан почему-то стал укреплять восточные границы. Известно, опасается Улуг Мухаммеда или монголов, они, оказывается, объединяются. Не следовало бы Салим-хану пререкаться с Улуг Мухаммедом. Слава шейха Гаттара абу Талиба, живущего в городе Саксин, разнеслась по всему миру, если бы Салим-хан направил его послом к Улуг Мухаммеду, то был бы в выигрыше. Нет человека в Ургенче, кто не знал бы шейха Гаттара абу Талиба. Вместо того, чтобы укрепить крепость Великого города, он строит

крепость Каргалы. Не ездил визирь Исхак в те края, там расположены аулы рода мелекесов, надо было визирю посмотреть на этот народ — говорят, что женщины наряду с мужчинами ездят верхом, сражаются рядом с мужьями. Потом хвалили провизию, которую мелекесы берут в путь. Хоть семь лет ездить, пройди семь дорог, не портится казылык, который готовят их женщины. Кумыс такой крепкий, что в ноздри шибает. Конская колбаса, творог, айран, кумыс, баурсак, чак-чак, слава Аллаху, имеется и у болгар. А вот сохранить эти продукты трудно, особенно в месячном пути. Да, хотелось увидеть визирю Исхаку этих мелекесов — выходит, не судьба. Говорят, в древние времена болгарский азат имел в походе трех коней. А теперь даже второго коня берут только в далекий путь. А мелекесы издавна берут в дальний путь по три коня.

Около Кара Пулата слоняется кази Баштак. Вроде кого-то ждет, беспокойный, не стоит на месте. Кого ждет? Не визиря ли Исхака? Видимо, да. Увидел и вовсе растерялся. Да, да, кази Баштак, я иду один, иду на суд, ты ждал, что меня приведут ханские стражники, и теперь стоишь ошарашенный, вроде ждал кого. Да не тревожься ты, кази, все для тебя будет хорошо. Знаю, о чем ты думаешь: как этот человек добровольно идет навстречу своей смерти? Не скрывай, именно так ты думаешь. Но не трусь, я никого не буду обвинять. Чу, ты же на самом деле испугался, увидев, что я на свободе. Да, именно так! А что тебе сказал аль-кази Ишкул? Визиря Исхака приведут в Кара Пулат ханские стражники, давай, встречай, сказал он, оставь сторожить его двух-трех азатов. А визирь Исхак сам идет, без азатов. Следовательно, ты, кази Баштак, думаешь, что хан приказал не трогать визиря? А значит, визирь идет, чтобы самому кого-то судить? Возможно, тебя, кази Баштак? А что, невиновных людей не бывает, как говорит шейх Иганай, стало быть, и ты виновен перед ханом, казий Баштак. Если ты погряз в грехах, молитвой к Аллаху не спасешься от визиря Исхака, он не оставит тебе никакой надежды, даже если ты будешь платить самому Аллаху золотыми.

— Салям-алейкум, кази Баштак!

— Валейкум ассалям, визирь Исхак!

Казий Баштак поздоровался с визирем Исхаком, приложив руку к груди и склонив голову. Казий Баштак не знал главной причины, отчего визирь Исхак пришел в Кара Пулат один, это незнание поставило его в затруднительное положение. Вдруг он испугался: а что, если хан послал визиря Исхака, чтобы испытать его верность к светлейшему? Пресытились кази Баштаком? Не надобен стал? Как говорят,

ворон ворону глаз не выклюет, однако кази Ишкул отправил многих людей, работавших вместе с ним, к палачу хана. Ему, наверное, благоразумнее вовремя избавиться от известных свидетелей.

В этот момент в голову кази Баштака пришла мысль — пригласить, как ни в чем не бывало, визиря Исхака на чай.

— Добро пожаловать, великий визирь, проходите, — сказал кази Баштак и, почувствовав, что переиграл, добавил: — Почаевничаем. Хан еще не скоро будет.

— Я не хан, кази Баштак, лоб расшибешь, не тужься слишком. Как человек права и законовед, скажи, кази Баштак, в лесах эмира Хаджи расплодились разбойники, кто их атаман, не ведаешь?

— Разве есть у нас разбойники, великий визирь? Салим-хан недавно хвалился, мне помнится, что в Булгарии нет людей, занимающихся разбоем. Не говори глупостей, великий визирь.

— Разве ты не слышал, кази Баштак, главарь разбойников — Джик Мерген, брат багадур Тубыкбая. Тот будто сказал, что если Салим-хан тронет моих людей, я не дам ему жить спокойно. Если ты не знаешь об этом, кому же тогда знать, кази Баштак?

— Джик Мерген атаман! Великий визирь, ты мне говоришь о Джик Мергене, затеявшем тяжбу со старшим братом. Слыхал, почему бы нет. Джик Мерген, рассказывают, разбойничает в лесах эмира Хаджи. Да и у нас немало его сторонников. — Кази Баштак оглянулся по сторонам. — Если хотите знать, великий визирь, хан сам не велел трогать Джик Мергена. Сказал, если два брата что-то не поделили, пусть скандалят между собой, мол, негоже вмешиваться.

Кази Баштак прав. Кто может заглянуть в душу Салим-хана? Даже ханбике Зубаржат не всегда может угадать, как поведет себя великий хан сегодня, завтра. Куда уж простому смертному, визирю или этому прислужнику Баштаку, который готов башмаки лизать хану, лишь бы угодить.

Видал ли кто когда-нибудь Салим-хана в отчаянии? Нет, не помнит этого визирь Исхак. Он знал, что хан ни единого дня не терял впустую, как только сходил с трона, читал книги или беседовал со своими советниками. А те боялись говорить ему правду. Врали, хвалили, льстили. А он им верил.

Не любил визирь Исхак советников хана. Перечил им, а иногда даже оскорблял. Вот и дооскорблялся. Его же совет повернули против него. Впрочем, не было бы этого случая, нашли бы другой. Салим-хан кого угодно может обвинить, даже своего кятиба заподозрил. В чем виноват кятиб Хафиз? Неужели и от своего кятиба хочет избавиться? Неуже-

ли кятиб не сможет оправдаться? Да, захочет хан — обвинит и его. Вот уж воистину тиран.

А кази в самом деле удивлен, растерян. Ему, наверное, и впрямь передал аль-кази Ишкул, что визиря приведут азаты хана. Дай-ка я тебя попугаю, кази.

— Салим-хана дни сочтены, кази Баштак. Зря ты перед ним спину гнешь. Не знаешь, кто сядет на трон болгарский? Старший сын Хаджи или другой? Не знаешь. Нет уже того внука, кому принародно обещал свой трон хан. Похоронили мы его. Убит внук хана. И убил его сам хан. Да, да, сам хан, кази Баштак. Мы только исполнили его приказ. Теперь хан хочет оправдать себя, хочет избавиться от исполнителей. Но рано или поздно правда всплывет наружу, кази Баштак. И тогда старший сын хана возненавидит отца — отойдет от него. Эмир Хаджи давно к независимости стремится. Построит для себя новую столицу и отойдет. Не удивляйся, кази, так и будет. Город будет на перекрестке семи дорог, на перепутье семи рек. Теперь смекнул, куда дела поворачиваются в Болгарии? Раздробится Болгария, каждый сын, внук сам по себе будет жить. Вот почему Салим-хан жаждет крови. Конец ему скоро. Так или не так, Баштак? Доберется он скоро и до тебя, кази Баштак. Обязательно доберется. Перед смертью много зла успеет натворить.

— Не ехидничай, великий визирь, кази Баштак о том знает и наслышан. Но я не очень-то в это верю. Этот вопрос я тебе должен был поставить, а не ты мне. Человеческое племя с давних пор отличалось зазнайством. Зазнался и Салим-хан. Когда-то человек считал себя равным Аллаху. Скажем, фараоны, шахи, каганы, императоры, теперь вот ханы. Сегодня, великий визирь, не народ с народом, а ханы с ханами не могут ужиться, грызутся между собой, как голодные псы. Один равняет себя чуть ли не с Аллахом, другой — с пророком, третий приходит в ярость оттого, что он не тот, ни другой, а простой смертный. Зазнавшегося, равняющего себя с Аллахом хана иногда убивают. Свой же народ убивает, не выдержав гнета, непомерно высокого ясака. На трон сажают справедливого хана. Но, сев на трон, освоившись, новый хан тоже начинает сравнивать себя с Аллахом. Пожив под игом нового хана, народ вновь убеждается: и новый хан вовсе не пророк, а наоборот, проклятый небесами, богами тиран, как все его предшественники. После этого число претендентов на трон множится, каждый начинает считать себя достойным. Вот тогда государство расшатывается, великий визирь, сходит на нет веками созданная устойчивость. У севшего на трон хана возникает подозрение ко всем, он никому не доверяет, особенно ближним, советникам, таким, как ты,

визирь. Скажем, ты, великий визирь, разве менее достойный человек, чем Салим-хан? Даже умнее, чем он. Так ведь? Трон — он всегда был полем битвы и после нас таковым останется. Почему, положим, Джик Мерген не сговорится с братом Тубыкбаем? А как поступил Салим-хан с младшим своим братом Мухамметалимом? Выгнал из страны. Тот все еще не теряет надежду вернуться и сесть вместо брата Салима на болгарский трон.

— Правильно ли слышат твои уши, что говорит язык, кази Баштак?

— Слышат, великий визирь, слышат правильно. Если есть моя вина, извини, но сказанное мною — сама правда. В общем, желал Салим-хан того или не желал, он должен был убрать одного из своих внуков. И он убрал его не без твоей помощи, великий визирь. Теперь собирается обвинить тебя. Да, добился желаемого хан, добился, — сказал кази Баштак. — Ну, словами обильно угостил я, может быть, зайти и попить чаю, великий визирь?

Вошли в Кара Пулат, но визирь Исхак не прошел в комнату судей, почему-то сел на скамью подсудимых. Этому сначала удивился кази Баштак. Но не сказал ни слова. Что нужно сказать, уже сказал он визирю Салим-хана Исхаку, ибо знал, отсюда обратного хода нет.

15

Услышав, что визирь Исхак сам направился в сторону Кара Пулата, Салим-хан заколебался. Может, не брать грех на душу, вызволить визиря? Визирь был ему предан. А он вынужден будет ему, безвинному, отсечь голову. Безвинному?! Визирь Исхак пожертвовал его внуком Гали ради нового города. Перед ханом он может показаться невиновным, а перед народом, перед эмиром Хаджи? От судьбы не уйдешь, как видно. Доверимся Аллаху. Визирь Исхак виновен, никто не велел ему жертвовать отроком, он все устроил по собственному почину, пусть и понесет заслуженную кару. Все вроде идет хорошо, только с утра одно щекочет нервы — ночное исчезновение секретаря Хафиза. Если он был у визиря Исхака и они договорились? Скажем, если прочитают ханский ферман? Правда, изготовитель лекарств, яванец, уверил, что буквы в письме исчезнут через две недели. Прошло две недели, пошла третья. Если письма сохранились? Если письмо-ферман попадет в руки кази Ишкула, шейха Иганая? На письме-фермане его почерк, его рука.

В это время пред ханом предстал врач Антоний, молча поклонился, попросил слова.

— Говори-говори, — согласился Салим-хан.
— Хан, секретарь Хафиз был на улице яванок, простите его, вина на мне...
— Что ж, — сказал хан, — как сам говоришь, Антоний, что случилось, то случилось.

Таиб Антоний снова поклонился, повернулся и вышел.

«Значит, привратник Камай действительно видел на шее секретаря Хафиза крест. Но кто успел его снять? Ладно, об этом потом. Там он сам в свое время бывал. Были такие грешки, как не быть. Как теперь в памяти, он отправился на улицу яванок с заходом солнца. На нем армянский чекмень, на поясе бечева. Бечева не только признак бедности, но и знак общения с евреями. Его встретил в тайном доме знакомый яванец. Он приводил к хану свеженьких девиц. Этот яванец под руку, можно сказать, повел Салим-хана в темный дом. Когда был брошен в плوشку старухи-привратницы мешочек с золотыми и старуха по размеру мешочка догадалась, кто этот клиент, она позвонила в серебряный колокольчик. Тотчас же из глубины комнаты появилась тончайшая робкая фигура. Это была новенькая. Таких держали для богатых. Зажгли свечу, и Салим-хан увидел юную девушку, тоненькую, как тростиночка. Приглашены были и музыканты, тихо заиграли на струнных инструментах. Тем временем на золотых подносах принесли вино, фрукты. Хана окружили девицы. Одна из них налила вино и, прежде чем подать хану, отпила сама, затем шаловливо-томным дразнящим движением подала чашу хану. Салим-хана усадили на взбитые подушки, сняли обувь, рядом с ханом села та молоденькая девушка, а остальные скрылись, словно их ветром сдуло. Хан наливал вино из тонкогорлого серебряного кувшина и пил, потом вынул из кармана серебряные монеты и рассыпал по полу — музыканты подобрали монеты и ушли. Салим-хан и девушка остались наедине.

Музыканты стали играть в соседней комнате. Литаврист ударял в литавры, а когда он умолкал, арфистка бралась за струны, пробегала по ним пальцами, и звуки, словно волны, догоняли друг друга. Литавры звучали все чаще, голос арфы все тоныше. Арфа словно жалобно призывала, звуки удалялись и, наконец, умолкли.

Девушка нерешительно прижалась к нему. Она вся дрожала, но придвигалась все ближе. Тонкие пальцы девушки сладко щекотали отвыкшую от женских ласк кожу хана, хотелось дурашливо закричать, по-дикому заорать.

Салим-хан положил руку на стан девушки. Стан гибок, как ивовый прут, подчиняется движениям руки. Салим-хан, едва унимая охватившее его возбуждение, гладил хрупкие

плечи девушки, тесно прижавшийся тонкий ее стан, скользнул руками по округлым бедрам и, не в силах перебороть одолевавшее его буйство чувств, отбросил в сторону подушку, на которой сидел, и растянулся на ковре. Девушка положила голову на его грудь. Хотелось продлить минуты сладкой истомы, но пробужденная страсть рвала внутренние око-вы, руки, вышедшие из-под контроля разума, срывали тонкий шелк легкого одеяния девушки, губы жадно впились в ее мягкие губы. Но в этот миг девушка змейкой выскользнула из его объятий, вся дрожа, села на краешек полатей.

— Я боюсь, хан. Мне страшно! Не трогай меня, хан, я боюсь! Боюсь!.. — торопливо проговорила она на ломаном болгарском языке.

Не ожидавший этого Салим-хан, словно кот, желавший поймать севшего на цветок мотылька, бросился на девушку, схватил ее сильными руками в охапку. Девушка не закричала, но затрепыхалась в его руках. Но не было сил, которые освободили бы ее из рук хана. Девушка отбивалась, отбивалась и наконец обессилела. Казалось, Салим-хан близок к цели, но он остался недвижим. «Девочка», — сверкнула мысль. Салим-хан почувствовал рождение какого-то незнакомого чувства. И вспомнил, как много лет назад один араб привел к нему очень красивую наложницу. Она была танцовщицей, Салим-хан готов был целыми днями смотреть на ее пляски. Она так в лад поводила плечами, что Салим-хан невольно сам пускался в пляс. Однажды смотрел-смотрел Салим-хан на легкий танец девушки и велел привратнику Камаю увести ее в соседнюю комнату. Тот, не дожидаясь окончания танца, схватил девушку в охапку и понес в соседнюю комнату. То была комната отдыха хана — одеяла из дорогих шкур, подушки из пуха страуса, полумрак. Девушка, подумав, что этот безобразный человек решил ее похитить, завизжала, расцарапала лицо привратнику Камаю, била кулачками по его голой, как шар, башке.

— Дай ей успокоиться, — сказал вдогонку Салим-хан.

Привратник Камай отнес девушку в комнату. Через некоторое время туда вошел Салим-хан, и глаза его полезли на лоб: привратник Камай норовит положить девушку под себя.

Салим-хан, открыв дверь, кивком подозвал телохранителей и с такой силой стеганул камчой по оголившемуся заду привратника, что Камай взвыл волком и, не успев поднять штаны, кинулся прочь. Салим-хан бросил камчу на полати, снял и отшвырнул свой халат. Девушка испуганно следила за каждым движением хана и упала без чувств. Салим-хан растерялся, потом набросил на девушку свой халат, велел телохранителю позвать табиба. После этого случая Салим-

хан никогда не подходил к сопротивлявшейся женщине. Желание рождает желание, а девушка испугалась его. И Салим-хан потерял желание.

Очнувшись, девушка змеей обвила шею хана.

— Поди, принеси вино, — сказал Салим-хан.

Девушка пошла в соседнюю комнату, принесла кувшинчик вина, наливая, угощала и, видимо, для храбрости и сама выпила одну-две чаши...

Перед рассветом его разбудил знакомый яванец. Вернувшись, Салим-хан зашел к своей хворой жене. Что там было, никогда не хотел вспоминать Салим-хан. А вспоминая, краснел. Пьяный, он наклонился к жене, которая, вытаращив глаза, смотрела на него. Увидев крестик на его шее, она обеими руками уцепилась за цепочку и проговорила: «Вероотступник!»

Вот почему поверил Салим-хан, что на шее секретаря Хафиза был крест. Значит, секретарь Хафиз не был у визиря Исхака, а провел время на улице яванок. Крест первым обнаружил привратник Камай, но пока он сообщал о своей находке хану, кто-то успел снять крест. Кто? Не все ли равно! Провалиться бы этому секретарю Хафизу.

Салим-хан позвал привратника Камая. Камай испугался основательно. Этот тоже знает о судьбе визиря Исхака? Знает, пожалуй. Но почему пугается? Думает, что и до него доберутся? «Возможно, и тебе может выпасть подобная участь, привратник Камай», — хотел сказать Салим-хан, но сдержался. Он не тронет, пока жив, привратника Камая, тот ему нужен. Салим-хан только людей, превосходящих его умом, посылает к палачу. Привратник Камай несравнимо ниже этих людей, особенно визиря Исхака. Ходи знай между треном и порогом, подметая брюхом пол, для дворца и такие, как ты, нужны. Вроде, за последнее время ты подтянулся, и брюхо убавилось. Или Туйбике тебя омолодила? Она омолодит, попадись только ей. Вот только жизнь у покойницы была коротка, после того, как к тебе пришла, месяц не прошел, как ушла вслед за Алпаром своим. В тот раз пришел просить за Даурана, чтобы не сажали в темницу. Дескать, сын. Эх, Камай, Камай!.. Разве Салим-хан на это купится?!

— Мой повелитель, мой хан, я слышал, собираешься судить визиря Исхака, правда это? — спросил привратник Камай.

«Что он говорит, посмотрите на него. Слышал? Ну и ладно! Правильно услышал. Сегодня будет отрублена голова визиря Исхака. В этом мне поможет и шейх Иганай, и вот ты, привратник Камай. Потому что я сделаю тебя своим визирем...»

Шейх Иганай вошел, поклонился, прошел к трону, сотворил молитву и снова стал расспрашивать о здоровье.

— Спокойно ли в приходах, шейх? — спросил хан.

— Спокойно, хан. Визирь Исхак сидит, оказывается, в Кара Пулате, сам пришел, признав свою вину.

«И тот — ворон, и этот — ворон, прилетели на пададь. Дескать, как я поступлю с визирем», — подумал Салим-хан.

— Привратник, слышишь, Камай, позови и секретаря Хафиза. Пусть идет в Кара Пулат. Если воспротивится, поведи под стражей.

— Ты решил не судить своего секретаря, хан? — спросил шейх Иганай, не глядя на хана.

— Даже если секретарь Хафиз был там, он не совершал зла, шейх.

— Наблюдать за злом — уже само зло, хан. Из-за своей дикости визирь Исхак приносит в жертву ханского внука, а он стоит смотрит. Ему следовало с саблей в руке отбить отрока.

— Если бы он перечил визирю Исхаку, его самого положили бы в тот фундамент.

— Так ли, хан? Хафиз — твой секретарь, знает не только секреты страны, но и твои.

— Довольно. Послушаем судей, шейх. Коль есть у секретаря Хафиза вина, он свое получит.

— Хан, правду ты изволил сказать. Да свершится промысел божий.

Шейха Иганая можно было понять, за последнее время он не то что визиря Исхака, но и самого хана видеть не мог, — не забыл постройку церкви в великом городе, а без согласия хана церковь бы не построили. Теперь среди четырнадцати приходов великого города торчит церковь, как ворона среди галок. Потом епископ Аббас. Бежавший в свое время, не выдержав давления шейха Иганая, вернулся в Булгар епископ, щенок крестовый. Конечно, епископ Аббас редко появляется во дворце, но даже редкий визит может быть веским. Говорят, доносу первыми верят ханы.

Вошел привратник Камай, сообщил о том, что секретаря Хафиза в сопровождении стражников препроводили в Кара Пулат.

— Скажи-ка, Камай, — сказал хан, выходя, — грешен ли визирь Исхак?

— Мы все грешны, хан, человек не бывает безгрешным. Как озеро не бывает без берегов, так и человек — без греха. Грешный человек подобен сатане. Его нужно повесить или застрелить.

— Или отрубить ему голову, — усмехнулся Салим-хан.

Шейх Иганай промолчал, вышел вперед. Он вообще не любил придурковатых людей. Привратник Камай не придурок, но сверх меры старается угодить, подлизывается, лицемерит, и, странно, хан с удовольствием все это выслушивает и в большинстве случаев соглашается с привратником.

Салим-хан велел привратнику Камаю с шейхом Иганаем пойти вперед, сам же приотстал, ему захотелось остаться одному. Даже двинувшимся за ним телохранителям махнул рукой, дескать, оставайтесь, чуть попозже придете.

Солнце поднялось уже высоко, хлеборобы, наверное, в поле. В этом году хлеб, говорят, неплохо уродился. Салим-хан следит за уборкой урожая, щедро платит хлеборобам, построил им отдельную улицу. Булгары с давних времен занимаются хлебопашеством, но и у них бывали голодные годы. Скотину, правда, обычно удавалось сбересть. У кого есть скотина, тот жив и на душе у него спокойно... Завтра пятница, все жнецы вернутся с поля, потекут в мечети. В ханской мечети шейх Иганай прочтет проповедь, посвященную Салим-хану. Шейх Иганай в дни жатвы должен был бы обратиться с проповедью к жнецам, но нет, он посвящает ее хану.

Шейх Иганай с привратником Камаем зашли в Кара Пулат. А Салим-хан все еще не пришел к окончательному решению. Как ему быть с визирем Исхаком, а с секретарем Хафизом? Не годится обоим определять одинаковую меру...

Не доходя до Кара Пулата, хан услышал рядом с собой свист стрелы. Что это! Салим-хан поглядел по сторонам. Слепая стрела? В таком случае кто будет в крепости стрелять? Для стражников отведено особое место, для отроков школы еще не наступил сезон. На стенах крепости расхаживают стражники, ни одного чужого человека не видно. Стрелу выпустили с северной части стены. Но там никого из стражников не видно. Странно, кто так балуется? Салим-хан потянулся к упавшей стреле, но в тот же миг другая просвистела рядом с головой. По спине Салим-хана прошел холодок. Салим-хан разогнулся медленно, стал оглядываться по сторонам. Где засел стрелок? На стене? Невозможно, стена видна, как на ладони. К стреле прикреплено перо беркута. Значит, из лука стрелял мерген. Но кто? Вдруг стрела вонзилась в землю около ног хана. К ее древку прикреплена записка. Салим-хан, наклонившись, выдернул стрелу, развернул записку. В ней было написано: «Хан, если у тебя не две головы, остерегайся наказывать секретаря Хафиза». Ни подписи, ни печати. Салим-хан прочел письмо, упавшее с неба, и снова огляделся. Ничего подозрительного, кажется, нет. И в направлении башни не видно никого. Что же делать?

Салим-хан медленно вошел в Кара Пулат, но по спине бегали мурашки. Чудилось, будто в спину ударит ядовитая стрела. Вот наконец двери Кара Пулата, у порога часовые, которые при приближении хана одновременно отвели в стороны алебарды. Салим-хан перешагнул через порог, глубоко вздохнул и с трудом сел на свое место. Не поздоровался ни с кем, оставив казиев в недоумении. За небольшим столиком секретарь Хафиз, не взглянув на хана, старательно очищает перья. На скамье подсудимых визирь Исхак. Он тоже смотрит в сторону, не обращая внимания на хана. Только кази Ишкул, на голове которого сидела чалма величиной с копну, встал и многократно поклонился.

Салим-хан, наконец, пришел в себя, сел поудобнее и кивком головы дал казиям знак начинать. Аль-кази Ишкул встал, дошел до порога, вернулся, после чего, взяв в руки Коран, прикоснулся губами к его кожаному переплету, два других казия сделали то же самое. После этого аль-кази Ишкул сказал:

— Когда я ездил на поклонение в Мекку, я остановился в городе мира Багдаде, побывал на тамошнем базаре, — и многозначительно посмотрел на визиря Исхака. — Невозможно сравнить его с нашим Ага-Базаром. Нет тому базару конца и края. Народу множество, снуют из одного конца в другой. Некоторые собираются группами и что-то смотрят. Я остановился около одной из таких групп, протолкался в середину. Смотрю: в центре сидит человек, а на коленях обезьяна. Хозяин задает обезьянке вопросы, та отвечает кивками головы, если с чем не согласна, мотает головой. Первый был такой вопрос: «Обезьяна, хочешь стать продавцом тканей?» Обезьянка похлопала себя по заду, дескать, мне удобнее ходить голой, люди хохотали до упаду. Второй вопрос был: «Обезьянушка, будешь продавцом вина?» Обезьянка в знак согласия закивала, дескать, продавала бы, да товару нет, вытащила из корзины пустую бутылку, показала, как пьет из бутылки, скривила губы. Люди снова начали смеяться. Третий вопрос: «Обезьянушка, будешь владельцем мастерской?» Обезьянка снова согласилась, взяла в руки молоток, постучала, будто гвозди заколачивает. Тогда хозяин спросил: «Хочешь ли ты быть визирем?» Обезьяна замотала головой, а когда хозяин стал повторять: «Будешь, будешь!» — обезьяна через головы людей прыгнула на ореховое дерево и спряталась в ветках.

Люди смеются, а хозяин не смеется, слезь, слезь, визирем не сделаю, говорит. Потом хозяин обезьяны встал и сказал: «Джамагат, я сам был визирем и вот дошел до такого положения». И сняв с головы шапку, положил ее на пыльную

землю. Люди стали расходиться, многие побросали в шапку медные или серебряные монеты. А я подошел к хозяину обезьяны и спросил: «За что тебя прогнали с должности визиря?» Он даже не взглянул на меня: «Не сумел я уберечь благосостояние страны». Первая вина визиря Исхака в том, что он не приставил охранника к Садаку, послу Улуг Мухаммеда. Второе преступление, самое скверное — пожертвовал ханским внуком Гали при закладке фундамента нового города. Кази Саксин, ты собственными глазами видел, как ханский внук был принесен в жертву. Подтверди.

— Подтверждаю на Коране, аль-кази, по ферману хана визирь Исхак принес в жертву ханского внука Гали.

— Ну, визирь Исхак, достоверны ли слова кази Саксина?

— Аль-кази Ишкул, — сказал визирь, — да, я по просьбе шейха Иганая не приставил охранника к Садаку, послу Улуг Мухаммеда. Шейх Иганай решил дать ему в сопровождение своих мюридов. Он умолял меня об этом. Я не мог не поверить достойному уважения шейху. Хочу еще сказать, аль-кази Ишкул, мюрид, сопровождавший посла Улуг Мухаммеда, возвратился живым-невредимым в Великий город, тогда как посол погиб.

— Посла убили, — сказал Салим-хан.

— Но не потому, что не приставили охрану, хан. Не вызывает ли у тебя подозрение целостность-сохранность мюрида шейха Иганая и убийство посла? А что касается ханского внука Гали, то я обращаюсь к тебе, аль-кази Ишкул, хотя ты не в состоянии что-то изменить, я сделал это согласно ханскому ферману. Ханский ферман в руках ханского секретаря Хафиза. Но сначала я задал бы тебе вопрос, аль-кази Ишкул.

— Задавай, визирь, задавай.

— С кем бы ты сравнил одинокую женщину?

От неожиданного вопроса кази несколько растерялся. Бросил удивленный взгляд на Салим-хана.

— Одинокая женщина подобна выгнанной из дому собаке. Залаяла бы, да нет хозяина, кого охранять? Не лаяла бы, да боится имя собачье потерять.

Ответом казия остался доволен даже шейх Иганай, и Салим-хан улыбнулся.

— Одинокая женщина подобна высохшей реке, аль-кази. Жаждающий не может из нее напиться, рыбак не закинет удочку.

— И твоя версия правильная, визирь Исхак. Но мои вопросы звучали несколько иначе: кто убил посла Садака?

— Посла Садака, по всей вероятности, убили люди эмира Хаджи, аль-кази.

— Негоже, негоже, визирь Исхак, эмир Хаджи — достойный уважения человек, не обижай понапрасну его.

— Понапрасну не я его, ты меня обижаешь, аль-кази Ишкул.

— После этих слов благого от меня не жди, визирь.

— А я и не жду, аль-кази. Тот, кто ждет его от тебя, надоит с ишака ведро молока. Сказать правду, аль-кази?

— Ну-ка, ну-ка, визирь Исхак.

— Я никогда не держал перед ханом тарелку. Для меня чуждой была лесть. Хан и сам подтвердит это, хотя пока ни одного слова не произнес. Салим-хан за последние годы стал бояться своей тени. Около нынешнего хана околачиваются придворные нескольких сортов. Первые возносят хана до небес, даже если хан не заслуживает этого; вторые сами ждут от хана хвалебных слов, это те обезьяны, которых ты видел; третьи считают себя умнее хана и при удобном случае не откажутся от трона; четвертые приступают к исполнению воли хана, но, не сумев справиться, принимаются обвинять других; пятые, хоть и не дурачки, прикидываются дурачками, ублажают хана. Шестые, это вы, казии, старающиеся судить людей по законам шариата, но вы — бараны, не выходящие из подчинения хана и шейха. Подойдем к основной моей вине, аль-кази. Я принес в жертву новому городу ханского внука, дабы между двумя братьями не пролилась кровь. Я это сделал, и мне безразлично, был ферман или не было его. Ради спокойствия страны, спокойствия государства. Только перед самым отбытием хан вручил внукам оружие. Это так. Теперь слушай правду, аль-кази. Я совершил это злодеяние, повинуюсь ханскому ферману. Если не веришь, спроси у секретаря Хафиза, у казия Саксина. Прежде чем приносить в жертву отрока, мы прочитали ханский ферман, все слышали. Ферман у секретаря Хафиза, до вынесения приговора, я бы выслушал Хафиза. Аль-кази, скажи, с каких пор ты стал судить людей, выполнивших добросовестно ханский ферман? У одного мудреца спросили: «Есть ли скорость у солнечного луча?» «Есть», — ответил он. «Почему же тогда ты ее видишь, а мы не видим?» — спросили вопрошающие. «Я потому вижу, — сказал он, — что я равный Аллаху человек».

— Следовательно, ты равный Аллаху человек, визирь Исхак.

— Не я, а ты, аль-кази. Потому что ты стараешься быть умнее. Но это тебе не удастся, потому что родился ты во тьме и уйдешь из мира. Аллах не определил тебе другой судьбы.

— Хан, что он говорит! — поднялся шейх Иганай.

— Прочитай ферман, секретарь Хафиз, читай ханский ферман! — сказал визирь Исхак.

Этого Салим-хан не ожидал, ферман, по его предположению, должен был быть у визиря. Потому что на секретаря Хафиза не должно падать ни малейшей тени.

— Секретарь Хафиз, у тебя ханский ферман? — спросил аль-кази Ишкул.

— Ханский ферман у меня, аль-кази Ишкул.

Секретарь Хафиз вынул из-за пазухи бумагу, развернул свиток и вытаращил глаза. Бумага была чистая, но оставалась ханская печать. Нет, не ханская печать, а печать купца Биккола. А ведь ферман этот, этот! Где строки, написанные ханом? Хафиз быстро опомнился, память у него была превосходная, он прочитал ферман, как раньше, слово в слово.

Салим-хан с аль-кази Ишкулом переглянулись. Хан сам не заметил, как встал. Яванский ведун уверял, что буквы исчезнут через неделю. Прошло две недели, секретарь Хафиз прочитал строки слово в слово.

Аль-кази Ишкул велел казию Саксину принести бумагу, что была в руках секретаря Хафиза.

На какую-то игру походило судилище. Впрочем, разве для ханов не игра — отрубить человеку голову?! Секретарю Хафизу не понравилось, что хан при чтении письма вскочил с места. Здесь скрывалась какая-то тайна, и не только тайна, а ложь, подлог, искусно подстроенные. Он же собственными глазами видел написанные ханом строки.

Неуклюже переваливаясь, кази Саксин взял из рук секретаря Хафиза свиток, поднес аль-казию Ишкулу. Кази взял в руки свиток, повертел его, развернул. На бумаге ни одного слова. Шейх Иганай взял бумагу, тоже повертел в руках, бумага перешла к хану, хан не стал разглядывать листок:

— Где этот ферман, секретарь Хафиз? Что ты читал?!

— Он читал слова ангелов, — сказал шейх Иганай.

— Или мой секретарь святая душа, шейх?

— Безгрешная душа, хан.

— А мой визирь?

— Твой визирь греховен. Он совершил неслыханное варварство, которого не допустил бы даже сам сатана.

— Пусть безгрешная душа снова прочитает мне ханский ферман, — сказал хан.

Кази Саксин взял бумагу из рук хана, вприпрыжку дошел до секретаря, передал ему.

— Ну, секретарь Хафиз, — сказал хан, — читай, или язык проглотил?

— Река не бывает без берегов, страна — без границ, хан.

Я наизусть прочитал этот ферман, слова которого унесло ветром.

Визирь Исхак усмехнулся и с отвращением глянул на окружающих. Салим-хан начал беспокоиться. Визирь держится спокойно, во всяком случае, так показалось хану. Визирь был нужен ему, даже очень нужен, но не теперешний, сидевший перед ним, а прежний, готовый полезть ради хана в огонь и в воду. Будь все это раньше, хан, весьма возможно, простил бы визиря, а теперь нет, если теперь простит, никто хана не поймет. У камня нет корня, у хана нет духовного брата. Как бы чего не вышло. Прихлебатели найдутся, лишь бы голова была цела, совесть перед народом чиста. Кто станет моим визирем? Привратник Камай. Ястреба меняю на кукушку, да что поделаешь. Вынужден.

Салим-хан закрыл глаза и кивнул аль-казию Ишкулу, дескать, начинай, выноси приговор. Аль-кази Ишкул, самый почтенный законовед в Булгарии, факих. Пусть изловчит-ся. Знак, поданный Салим-ханом, означал: пусть за преступления визирю Исхаку отсекут голову.

Ишкул, как бы обращаясь к небесам, воздел руки, пошептал, затем поглядел на казиев, как бы спрашивая у них согласия. Иганай и хан согласно кивнули. Тогда аль-кази Ишкул возвестил:

— За преступления против страны и хана отсечь визирю Исхаку голову. Палач, приговор вынесен.

С противоположной стороны зала вошел одетый в черное палач, он несуетливо, привычно надел на голову визиря Исхака мешок, так же не торопясь велел встать на колени, положить голову на колоду. В этот момент секретарь Хафиз бросился на колени перед Салим-ханом.

— Прости его, хан! Ради Аллаха прости. Нет вины визиря Исхака, он не виновен! От... «Отрок жив, жив!» — хотел крикнуть секретарь Хафиз.

— Заприте этого в темницу! — вскочил на ноги Салим-хан. — А визиря Исхака сослать в Хорезм. Пусть отыщет отрока. Да будет так, — сказал хан.

В это время в Кара Пулат вбежала ханбике Зубаржат.

— Хан, не твори зло! Зло всегда оборачивается злом!

— Уведите ханбике! — крикнул в сердцах Салим-хан.

Телохранители кинулись к ханбике, но ханбике взглядом остановила их, тихо подошла к хану и низко поклонилась, лишь взглянув на визиря Исхака, повернулась и с гордо поднятой головой пошла к тяжелым дверям Кара Пулата.

Салим-хан презирал смерть. Нет, не ту смерть, что приходит своим чередом от Аллаха, а ту, посредством которой сам многих неугодных себе людей отправлял в рай или ад. За свою жизнь, сидя на троне болгарском, он у многих отнял жизнь. Ему казалось, уничтожая того или другого непокорного, неугодного, сам наконец приобретет душевную свободу, но свобода не приходила. Он душой и телом ощущал, что обманывает себя, — наоборот, каждая смерть отнимала у него свободу, уносила друзей, надежных, верных людей. Дворцовые, начиная с визиря до последнего холопа, страшились его, боялись сказать правду, боялись ему возражать. Даже кятиб Хафиз стал относиться к нему с недоверием. Но были хитрые и нахальные, например Камай. Хан знает, что он как бессовестно лжив, так и безмерно плутоват. Лишь ханбике Зубаржат, могла глядя хану в глаза, сказать: «Ты убийца!»

Но не поймет и она, что творил он все это ради ее благополучия, ради спокойствия страны, ради людей своих. В Булгарии не текут молочные реки, как любят говорить уруситы, не целуют здесь как у султанов багдадских след копыт его коня, не возвеличивают его выше небес, благословляя его жизнь именем всемогущего Аллаха, ибо знают, что Салим-хан в переводе с арабского — грозный хан. Значит он уже от рождения грозный, уже именем своим должен наводить на людей страх. А ведь прапрапрадед его, Великий и могучий Кубрат-хан, был куда грознее. Но он поклонялся идолам и верил в бога Тэнгре. Хотя к концу жизни стал искать для своего народа нового бога. Состарился, видно, его бог, да так, что в устах людей превратился в серебро, а миром давно уже правило золото. И бог Тэнгре ушел от болгар, лишь иногда в душе людей он откликается в лице шамана Булгар, не давая уже ни утех, ни радости, ни боли, ни счастья, ни любви. Состарился Тэнгре, как стареет сам мир. У древних египтян был бог Ра, на смену ему пришли Осирис и Исида — эти боги, надеялись жители Нильской долины, должны были людей хоть чему-нибудь да научить. Не научили. И вот болгарским народом правит всемогущий, всемилостивый Аллах. Без сомнений, верят в Аллаха болгары. Истинный мусульманин, согласно Корану, не может быть трусом. Азат-мусульманин на пути к Аллаху всегда готов к самопожертвованию. Азат ничем не рискует: если он побеждал на пути к Аллаху — получал богатую добычу, если проиграл — сразу попадал в рай.

Салим-хан взял в руки книгу, раскрыл и, шевеля губами,

прочитал: «Верующие — только те, которые уверовали в Аллаха и Его посланника. О вы, которые уверовали! Не устремляйтесь вперед пред Аллахом и Его посланником. Не поднимайте свои голоса выше голоса пророка. И знайте, что среди вас — посланник Аллаха; если бы он слушался вас во многих делах, то вы бы страдали».

Сколько же было за время существования человечества пророков?! Не счесть. «...Они не пали духом от того, что постигло их на пути Аллаха, и не ослабели, и не подчинились. А Аллах любит терпеливых! Долготерпеливый — лучше храброго и владеющий собой — лучше завоевателя города».

Салим-хан отложил книгу, задумался. Мир — вечен, говорили его предки, как само Солнце, как и лицо древнего бога Тэнгре. Вечен. А что я? Состарился. Внука живьем закопал, уважая обычаи предков. Сыновьям города-земли раздал, визиря своего убил... Жестоко? Да. Но лев берет яростью, шакал — злобой. А я очень зол. Что же я, шакал? И на кого я зол? На сына, старшего эмира Хаджи? А может быть, кто-то еще меня разозлил?

Я, хан, должен быть как мавляна Харакани. Его любил народ, и богатые, и чернь. Тогда завистливый халиф решил расправиться с ним. Во-первых, велел убить сына Харакани. Убили сына и утром бросили к дверям его кельи. Вышел мавляна Харакани утром на молитву и споткнулся обо что-то, позвал жену со свечой. С ужасом они увидели у порога голову сына. Потом мавляну Харакани повесили на воротах медресе, где он читал хутбу. Это случилось, пишется в святой книге, двести лет тому назад. Что, разве сегодня что-то изменилось?

Да, он должен подчинить себе сына. Кятиб Хафиз прав, когда говорит, что Запад — это мир тела, мир материи, Восток — это мир духа, мир духовности.

На земле болгар уруситские князи вели десятки войн за правду и неправду, увозили в плен мастеров-ремесленников и женщин. И болгары ходили против уруситов и не с пустыми руками возвращались. Уруситы — гяуры. А за что я должен мстить сыну?.. За то, что сын выходит из повиновения. Да, хоть он не гяур, я должен его подчинить. Пусть узнает твердую руку грозного отца. Свободы захотел! Новый Булгар создает! Не бывать этому. Не бывать!

Салим-хан аж топнул ногой, сидя на троне, и, хотя никого не было в тронном зале, он знал, что кто-нибудь да войдет. И правда, за дверью послышались голоса, крики. На пороге появилась ханбике. По ее растерянному виду Салим-хан по-

нял, что случилось неладное. Он поднялся с трона, пошел навстречу ханше.

— Мой хан, мой хан, — повторяла она, задыхаясь. — Дочку нашу, Назлыгюль украли! Назлыгюль...

Даже если бы земля разверзлась и проглотила ханбике, Салим-хан не был бы так поражен. Он быстро подошел к ханше, отер ее щеки, залитые слезами, посмотрел в глаза. Ханша смежила очи, слезы вновь покатились по прекрасному лицу.

— Когда, кто?!

— Утром, к озеру они спустились...

Салим-хан вырвал из рук стоявшего рядом телохранителя камчу и зычным голосом крикнул:

— Немедленно дайте мне коня!

Хан выбежал из дворца, вскочил на первого попавшегося коня, что стоял у входа на привязи, поскакал к воротам, но, вспомнив что-то, повернул обратно. Оставив коня у крыльца, с камчой в руке, спешно направился в комнату наложниц. При виде хана с выпученными глазами девушки с визгом сгрудились в углу комнаты. Салим-хан схватил одну из них за косы, серебряные монеты рассыпались по полу, запрокинув ей голову, уставился ей в лицо.

— Кто украл, кто, которая из вас видела?!

Девушка, потеряв сознание, сползла на пол. Салим-хан выбежал из гарема, сел на коня, помчался к воинам багадур Баяна.

— Где багадур Баян?!

— Здесь я, хан! — выскочил на крик багадур.

— Багадур, Назлыгюль украли. В погоню! Хоть из-под земли найдите дочь мою! Слышишь, багадур Баян!

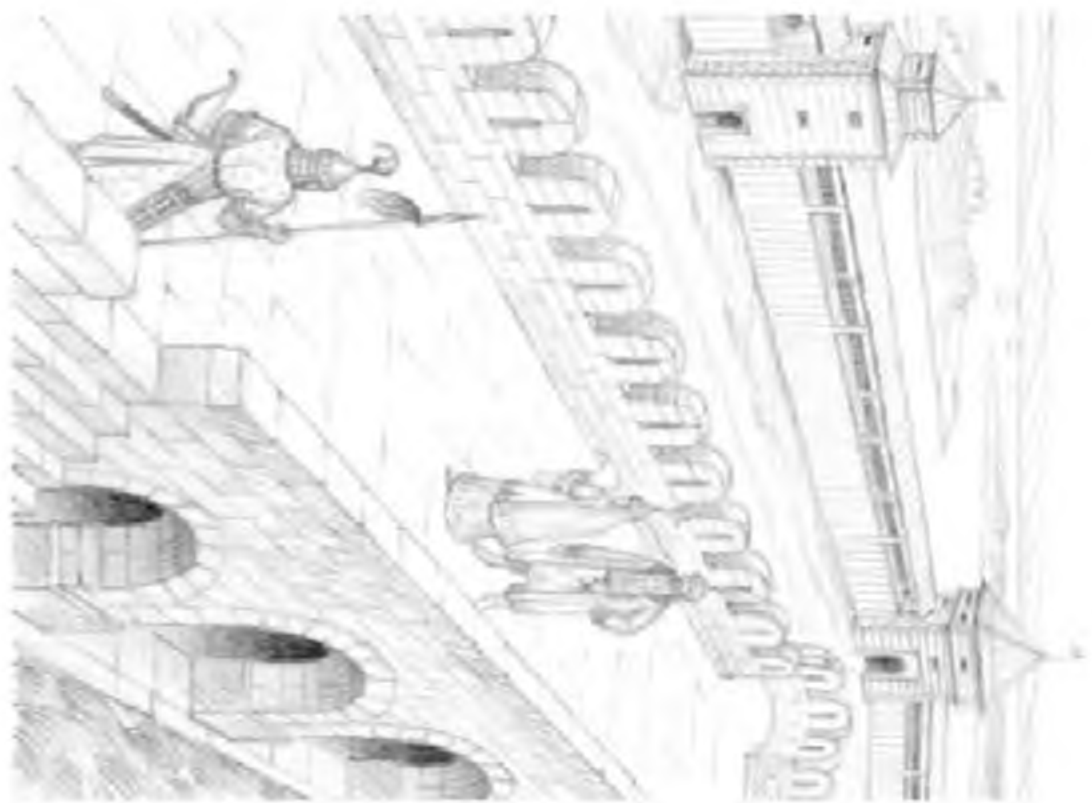
Багадур Баян понял: дело нешуточное. Кто-то на самом деле выкрал Назлыгюль. Да, хоть из-под земли надо найти ханскую дочь, иначе добра не жди.

Трубы сыграли сбор азатов и в скором времени тысяча всадников помчалась на поиски девушки. Когда тысяча азатов выехала на поиски, Салим-хан остался, в надежде, что отыщут. К нему пришло успокоение, он сошел с коня и, не обращая внимания на следовавших за ним телохранителей, словно их вовсе не существовало, медленно в тяжелом раздумье направился к дворцу.

Вернувшись во дворец и сев на трон, он велел привратнику Камаю позвать девушек, которые вместе с Назлыгюль спустились к озеру. Привратник Камай вернулся.

— Хан, — молвил он, — там были только две девушки, сопровождавшие Назлыгюль, их тоже нет.

— Никто не видел?

— Не видел. Один старик, правда, что-то видел и слышал.
— Кто он, где этот человек?
— Старик, сдирающий лыко, говорит, что из-за деревьев увидел Назлыгыюль с девушками. Только я не верю ему, хан.
— Что застыл, приведи сюда этого старика! — крикнул Салим-хан привратнику Камаю.

Салим-хан встал с трона, стал ходить по залу. Вскоре перед ханом поставили старика карликового роста. Салим-хан не стал садиться на трон, приблизился к старику, глянул ему в глаза:

— Соврешь, душу выну. Ну, что видел?

Старик пал ниц перед ханом.

— Иа, Алла Мухаммедрасуллa, хан. Своими глазами видел, трое парней было, и девиц трое.

— А девушки что делали?

Старик, поднявший голову, снова пал ниц.

— Вина на мне, хан. Шайтан попутал. Украдкой, прячась... думал, купаться будут...

— Сатана! Встань! Кто похитил девушек?

— Шайтан утащил, хан. На нем рубаха из шкуры выхухоли. Сам шайтан. Я думал, девицы те — богини, они стали смеяться, поговорили и... к озеру направились было, а тут с большака трое всадников выскочили. Кони, я тебе скажу, сколько живу, а таких не видел, — птицы, прямо птицы. Мигом прилетели, подхватили богинь и поминай как звали.

— Девушки закричали?

— Вроде бы взвизгивали... Только вот что, хан, я ведь глухой на правое ухо-то, в молодую пору конь лягнул, с той поры не слышит как следует правое ухо. Как на грех, правым боком стоял... Эх, хан, было и у нас времечко!

— Шайтан был похож на человека?

— Как сказал, хан?

— Шайтан на тебя, на меня был похож?

— На тебя, хан, на тебя. На коне, я скажу, лихо сидит! Говорю же, только крыльев не хватает коням-то. Знаешь, хан, этого шайтана у нас соседка-старуха видала. В лес она ходила, по ягоды. Ну и появился вдруг перед ней этот самый на крылатом коне...

— Кто?

— Ну, шайтан который. Так пронесся мимо, что та села на землю. Опомнилась, а тот в воздух поднимается, птицей летит.

— Конь какой был у шайтана?

— Жеребца точно я видел, а у тех двоих какие кони были, прости, не доглядел. Эх, ловко ж они девиц подхватили, будто коршун пташку, а те, бедняжки, и опомниться, чать, не успели. Это они, шайтаны, хан. Царь ихний в лесу у эмира Хад-

жи живет, рассказывают. Дескать, этот шайтан с бачмановской сестренкой в щекотку играют. Об этом моя старуха рассказывала. Любит она разные небылицы. Помешалась на том, что, мол, кто встретит шайтана, у того жизнь продлится на многие лета. О сестренке багадуровой, Зайтуне, тоже она рассказывала. И когда в девках была, не густо у ей было в башке-то, у старухи моей. На старости совсем свихнулась. Однажды в шайтана меня произвела. Будь, говорит, шайтаном. А не то сяду, мол, на коврик молитвенный и прокляну тебя. Ну, и стал я шайтаном на потеху. Надел меховую рубашку, замес-то коня на палку верхом сел и по избе скачу, как дитя. Я скачу, за мною моя дурнопьянка скачет, меня, говорит, возьми с собой. Садись, говорю, а сам все скачу и скачу. Через нее перекувыркнулся, башку себе разбил, кровь пошла. Без памяти лежу. А она палку мою схватила и верхом на ней, и ну скакать... Ежели бы не ухватил ее за подол...

— Постой. Звать тебя как?

— Это хан... Коня у меня нет. Ежели бы конь был, нечто бы я на палке верхом катался. Лишен я коня. Лыко беру я.

— Имя твое, спрашиваю?

— А, опомнился, значит, я, и за подол ее ухватил...

— Пень старый, прозываешься как? — крикнул привратник Камай в ухо старику.

— Кашай я, Кашафетдин.

— Кашафетдин, стало быть. Привратник Камай, дай старику два золотых и проводи его домой.

— Хан, — сказал старик, когда его стали уводить, — сказать, кто украл дочь твою — Назлыгюль? Добавь еще три золотых, коня куплю. Эх, прокатиться бы на коне! Потом умереть не жалко.

— Дайте старику еще три золотых...

Привратник Камай положил в ладонь старика три золотых.

Старик попробовал на зуб все золотые монетки и, удостоверившись в подлинности, ответил:

— Люди Улуг Мухаммеда украли твою дочку, хан. Аллах свидетель.

— Или у тебя две головы на плечах, старик? Или...

— Одна, одна, хан. Ты посла успокоил, он твою дочь выкрал. На одного злыдня одна святая. Аллах очень даже справедливо распределил зло и добро промеж людей, хан.

Только тут заметил Салим-хан ханшу, которая стояла за его спиной, увидел и испуганно вздрогнул.

— Хан, внука моего Гали визирь Исхак в жертву принес?

— Я уже наказал его, ханша.

— Если этот старик правду сказал? Если действительно люди Улуг Мухаммеда похитили нашу дочь?

— Я этому придурковатому старику не верю, ханша, — Салим-хан дал знак проводить старика. — Похитителей Назлыгюль поехал догонять багадур Баян. Он их найдет и приведет во дворец. Скоро узнаем, ханша. Не плачь.

— Я не плачу, хан, душа у меня окаменела. За последнее время ты много жестокостей сотворил. От этого и все беды на наши головы.

— Ханша, я найду нашу Назлыгюль, найду!

— Небесную звездочку в озере не ищут, хан. Позвал бы сыновей, держал бы совет. Если и в самом деле нашу дочь умыкнули люди Улуг Мухаммеда, отправь одного сына в Ургенч...

— Не будем торопиться, ханбике. Терпение — золото, как говорит народ. Что застыл, как куль, пошли скороходов за сыновьями! — рыкнул Салим-хан на привратника Камая, тот опрометью бросился исполнять приказание.

17

Прозвище Мерген — меткий стрелок он получил в ханской школе. Это прозвище ему дал багадур Бачман, потому что младший брат багадура Тубыкбая Джик так метко стрелял из лука, что мог попасть стрелой в глаз птицы.

Багадур Тубыкбай привел брата в ханскую школу, когда ему стукнуло семь лет. Оставил мальчика на попечение багадура Бачмана, обучавшего военным играм, со словами: «Мясо тебе, кости мне». И только когда юному мергену исполнилось четырнадцать лет, приехал за ним, чтобы показать разные края. Но Джик Мерген не последовал за старшим братом, а вместе с отроком Булатом отправился в город Саксин. Проведя летние месяцы в городе Саксин, Джик Мерген вернулся в ханскую школу, которую окончил в тот год, когда ханским внукам исполнилось по четырнадцать лет. Получив звание тысячника, он уехал в родные края. Вернувшись домой, увидел, что старший брат Тубыкбай держится с ним высокомерно и намерен сделать Джик Мергена при себе тысячником. Долго Джик Мерген приглядывался к поведению брата, а однажды не вытерпел и сказал ему: «Абам, мне отдашь половину отцовской земли, я дальше так жить не хочу».

Тубыкбай изменился в лице, но промолчал, стараясь подавить в себе поднявшийся гнев. Но требование брата оставил без внимания.

«Я поставлю крепость на берегу Яика, джайляу моим будут низовья Яика. Я требую от тебя этого, брат», — наступал Джик Мерген.

Тубыкбай бросил между ними камчу.

— Не только берега Яика, но и берега Ика я тебе не отдам, брат — сказал решительно, предупреждая всякие возражения.

— Не злись понапрасну, абам, я буду там охранять наши границы, — сказал Джик Мерген.

— Границу не охраняют, разделив страну, брат. Если хочешь жить, будешь жить под моим началом, а не хочешь — станешь кровным моим врагом», — сказал багадур Тубыкбай.

Это переполнило чашу терпения Джик Мергена, он вскочил, с хрустом переломив рукоятку камчи, которая лежала между ними, и бросил под ноги брату. Бросил и не оглядываясь ушел. Со своими преданными азатами он приехал в великий город к Салим-хану. «Великий хан, мой брат Тубыкбай выгнал меня из своего владения. Я не простил ему этого. Род моего отца отныне будет жить без меня. Дай мне землю, хан. Буду верным азатом твоим», — сказал Джик Мерген хану.

Салим-хан улыбнулся краешком губ, наблюдая за горячим мергеном. Вспыльчивость — качество, присущее степнякам, пройдет. Мысль Мергена — поставить крепость на границе — хану понравилась, но это могло испортить отношения хана с багадуром Тубыкбаем. А Салим-хан этого не хотел.

— Я возьму тебя во дворец, будешь багадуром, — предложил Салим-хан.

— Хан, как говорят, около дворца собираются трутни, на берегу реки — птицы. Для меня это не подходит. — И, повернувшись, гордый Мерген покинул дворец. Салим-хан не стал его останавливать, чтобы не вклиниваться между братьями, оба были ему дороги.

Желая изловить и бросить в темницу упряма-брата, багадур Тубыкбай приехал в великий город, но, видимо, кто-то предупредил Мергена, и он успел уйти из ханской крепости. Тубыкбай со своими азатами бросился в погоню за братом, но не мог его нигде найти. Его не было ни на берегах Чулмана, ни Яика, ни на Итили. Словно сквозь землю провалился Джик Мерген. Через месяц поисков багадур Тубыкбай ни с чем вернулся в родные края. Не успел он переступить порог своей юрты, ему сообщили: «Твой брат Джик Мерген был здесь, только вчера ушел с твоей молодой женой». Багадур Тубыкбай с досады чуть не отрубил азату голову. Он помчался на луг и, увидев пасущегося на берегу Агидели коня молодой жены, горько заплакал, повалившись на густую траву. Обида, нанесенная братом, была нестерпима.

Когда сыновья Хаджи и Ильхам встали перед Салим-ханом, он, не сдержав гнева, обратился к ним:

— Вашу сестру похитили, а вы лежите дома, как медведи в берлоге. Чье это дело? Сын Хаджи, сын Ильхам, к вам обращается отец!

Сыновья молчали, стояли со склоненными головами. Наконец Хаджи сказал:

— Уж не думаешь ли ты, отец, что это мы похитили сестру?

— Наши болгарские девушки одна за уруситом, другая за арабом, третья — за китайцем. Умыкнули нашу сестру или сама добровольно ушла, надо бы сначала выяснить, отец, — сказал Ильхам.

— Что ты, сын Ильхам, что ты мелешь, готов продать болгарских девушек за две полушки... Не хочешь ведь ты сказать, что Назлыгюль отправилась с милым.

— Для женщин все равно, где жить, лишь бы милый ее был рядом, отец. Девушки, как птенцы, выпали из гнезда и улетели. Мне донесли, отец, будто в Назлыгюль влюблен зодчий Дауран, — сказал эмир Хаджи, набравшись смелости.

— Не говори глупостей, сын Хаджи. Где это слыхано, чтобы ханская дочь ушла с рабом?!

— Он давно не раб, отец, я его освободил от рабства. Он строит город, ставит на берегу Волги караван-сарай. На будущий год ожидаем купцов из Володимира, Рима, Киева, Новгорода, Ургенча.

— Меня не интересуют твои караван-сарай, сын.

— Отец, мне донесли, что визирь Исхак сына моего Гали принес в жертву в основание нового города. Я приехал казнить его.

— Я уже совершил казнь, сын мой. Одному человеку дважды голову не отрубают.

— Отец, клянусь Аллахом, хоть он убит, я принесу в жертву его сына для нового города. Когда пророк Ибрагим хотел принести в жертву своего сына, Аллах остановил его, схватив за руку. Меня не остановит.

— Хватит, сын Хаджи. Визирь Исхак понес наказание и перед Аллахом, и перед ханом. Сын его учится в моей школе. Умный мальчик, смысленный.

— Я сказал тебе, отец. Посоветуй, что мне делать? Истребить род визиря Исхака или оплакивать смерть своего сына?

— Терпеть, терпеть, сын мой... Аллах поможет.

— Не сумею, видно, стерпеть, отец. Я еще не знаю, кому мстить, но я узнаю, отец, узнаю и отомщу за сына.

— Успокойся, сын мой, не говори глупостей. Не только мечом, словом можно убить человека. Месть может вернуться мостью. Ты эмир. Эмир должен быть мудрым и великодушным. Жизнь, сын мой, оценивается не кровью, пролитой на поле брани, а делами рук твоих. Постройшь город — это и будет памятью для моего внука, сына твоего. А ты почему молчишь, сын Ильхам?

— На твоих плечах забота о государстве, отец. Думаю о сестрице. Мне кажется, отец, всему виною смерть посла Улуг Мухаммеда. Сегодня похитили нашу сестрицу, завтра зарежут наших купцов в Ургенче.

— Мне кажется, отец, визирь сделал это не по своей воле. Визирь Исхак был не глупый, как же он решился на такое? Трудно мне, отец, ох как трудно! — продолжал начатое слово эмир Хаджи.

— Усопшим — рай, живым — мирские заботы, — Салимхан повернулся к эмиру Ильхаму: — Сказывают, что умная жена всегда будет держать два зеркала. В одном зеркале видит мужа, в другом — соседа. Возьми сына своего, Булата, и собирайся в Ургенч. Если в похищении твоей сестры замешан Улуг Мухаммед, нет ему моего прощения. Так ему и передашь.

— Отец, сноха твоя, Акбике, места себе не находит. Скорбь ее безмерна.

— Мы все скорбим, терпи, сын мой, но это не бедствие, постигшее страну. Эта мысль тебя должна утешить.

— Отрок Гали любил секретаря Хафиза, дай ты мне его, отец.

— Секретарь Хафиз в темнице.

— В темнице? За что?

— Он тоже соучастник... Именно в его присутствии визирь Исхак творил неслыханное злодеяние, а он его не остановил, не отверг его безумную идею. Если слово молвивший виновен, то промолчавший виновен вдвойне, сын мой.

— Отец, ты вызволишь его из темницы и отдашь его мне. Я требую от тебя этого, отец!

— Сын мой, все знают, что человек не бессмертен.

— Однако стать жертвой неслыханного варварства... Смерть сына потрясла меня, отец.

— Кто сделал тебя эмиром, кто дал тебе лучшие земли, кто помог и помогает тебе поднять новый город? Слыхал я, что ты намереваешься перенести туда даже свою столицу? Но с позволения отца, сын мой. Хорошо. Я согласен. Секретаря Хафиза увезешь. Эй ты, привратник, отдай секретаря Хафиза эмиру Хаджи, слышишь, кадка с квашней!

Когда привратник ушел, эмир Хаджи спросил у отца:

— Дворец не бывает без хана, хан — без визиря, отец. Кто же будет твоим визирем?

— Правду молвишь, сын. Визирь — глаза страны, глаза дворца. Я решил в этом деле не торопиться. Привратник Камай ничем не хуже, — заметив, как передернулось лицо эмира Хаджи, Салим-хан принялся расхваливать привратника Камая: — Ты не смотри на него пренебрежительно, сын. Он достоин быть визирем. Исполнителен, сдержан.

— Когда дерево сохнет, отец? Когда ему корни подрубают. Это мое мнение. Не подрубаем ли мы корни Булгарии, назначив Камая визирем? Ладно, коли считаешь привратника Камая оком страны, изволь. Но я бы с ним рядом не сидел. Не могу уйти, не высказав подозрения. Не обессудь, отец.

— Не эта главная забота ныне, Назлыгуль в руках коварного врага, сыны мои. А теперь уходите. Уходите, я устал. Ты, сын Ильхам, собирайся в Ургенч, а ты, Хаджи, поскорее строй новый город. Когда дворец твой будет готов, приеду — посмотрю.

Эмир Хаджи сдержанно кивнул головой, вышел первым, эмир Ильхам чуть задержался.

— Сын Ильхам, ты в Ургенч не ездил, — неожиданно сказал Салим-хан. — Я другого пошлю к Улуг Мухаммеду. До свидания, сын.

Оставшись один, Салим-хан заходил по комнате. Мысли его потекли в другую сторону. Сын, эмир Хаджи, с каждым днем превращался для него в ларец с секретом. Станные происшествия в Чертовом городище, беглые в лесах, бродяги, разбойники — все находят пристанище на землях эмира Хаджи. Эмир Хаджи как будто борется с ними, в то же время никого не изловил, никому не отсек голову. В руках сына, эмира Хаджи, все железо Булгарии, пути, ведущие в Страны Мрака, наконец крепость Казань... Представив все это, Салим-хан испытал страх. Остановился, сторбившись сел на стул привратника. Было о чем задуматься. Эмир Хаджи стремится к независимости. Дал свободу мастеру Даурану — вызволил из рабства, увез дворцового секретаря Хафиза. А ведь секретарь Хафиз — кладезь мудрости.

Перед ханом остановился привратник Камай. Увидев побледневшего хана, сидящего не на своем месте, был немало удивлен. Погруженный в свои думы Салим-хан не обратил на него внимания. После беседы с сыновьями хану показалось, что под ним зашатался трон. Почувствовал Салим-хан, что нет у него прежней силы, уверенности, но зато стал терпелив, обидчив. А ведь брат Тубыкбая Джик Мерген тоже скрывается в лесу сына, эмира Хаджи. Почему он не спросил у сына об этом? Заробел? Или испугался? Надо

было сыну поставить условие: прежде всего поймай и доставь во дворец беглого Джик Мергена, брата Тубыкбая. Не решился. Такое раньше и представить было нельзя. И еще Хаджи высказал мнение о пропаже сестры. Дескать, Назлыгюль похитили не люди Улуг Мухаммеда, а джигиты багадура Тубыкбая. Что за оказия!? Неужели багадур Тубыкбай решится на такое? Да, с каждым годом становится более шустрым, своенравным сын, эмир Хаджи. Он явно хочет столкнуть меня с Тубыкбаем. Зачем?

— Камай, ступай, верни обратно эмира Хаджи. Быстро!

Через некоторое время вернули эмира Хаджи. Он, оказывается, не уехал, заходил к матери Зубаржат.

— Что случилось, отец?

Спокоен, как ни в чем не бывало.

— Оказывается, брат купца Кучтума проживает у кузнечных дел мастера Ахмета. Не он ли отправил в преисподнюю душу Садака, посла Улуг Мухаммеда? Узнай и сообщи мне.

— Брат купца Кучтума Апанай не купец, мастер он. Оружейных дел мастер, учится у болгар. Кроме того, болгары испокон века обменивались с володимирскими князьями мастерами. Здесь я ничего предосудительного не вижу, отец.

И тут в голову Салим-хана пришла любопытная мысль. Если отправить посла известить, будто русские, живущие в Булгаре, сговариваются, подстрекают народ против князя Китана? Ничего невероятного для князя Китана в этой вести не может быть, Китан всегда в споре с Кучтумами. Послом в Володимир отправит привратника Камая. Князь Китан знает Камая, верит. Поверит и сейчас.

Салим-хан даже головой мотнул от пришедшей в голову мысли и, увидя перед собой сына, сказал:

— Когда дворец твой будет готов, приеду осмотреть. Хочу повидать и зодчего Даурана. Мне кажется, ты хорошо поступил, дав ему вольную. Отвезешь и похоронишь во дворце оставшийся от наших дедов золотой казан. Казан отдаст тебе мой привратник. Доведи до сведения зодчего, что, мол, Салим-хан приедет смотреть дворец. Если понравится дворец, женю его, отдам самую красивую наложницу. Знаешь, что написал про девиц твоему отцу Улуг Мухаммед? Не знаешь! Тогда слушай. Привезенные из Мекки девушки будут легковверными, быстро привыкнут жить в свое удовольствие. Девушки из Дамаска будут умными и сдержанными, постоянно будут стремиться к знаниям. Привезенные же из Медины девушки будут нежными и верными женами. Берберийские девушки каждый год будут приносить детей, негритянки искусны в пляске и в веселье. Самые дорогие, самые

ценные девушки яванки, болгарки, славянки. Все, можно сказать, халифы после пророка Мухаммеда женились на белых девушках. Женщинам не трудно перейти в другую веру, для мужчин это равносильно смерти. В чем разница в религиях исламской и христианской? Исламская религия не считает за грех сближение с наложницей, христианская религия, напротив, считает большим грехом. Поэтому мусульманин выбирает невольницу как жену, христианин относится к наложнице как к сестре.

Эмир Хаджи не слушал отца. Он не понимал его. Рассказ о девушках его не интересовал. О чем говорит отец? Внука принесли в жертву, Назлыгюль украли. А он о девушках. Что с отцом? Или старость пришла?

Эмир Хаджи не сказал отцу ни слова, повернулся и вышел из тронного зала. Салим-хан не остановил сына, все что надо, было уже сказано. А вот идею, пришедшую в голову во время их беседы, очень скоро претворит в жизнь. Посовещается с шейхом, а если нужно, и с епископом Аббасом. Смогут ли дать разумный совет слуги господни великому хану Булгарии? Этого он не знал, ибо мало верил и тому, и другому.

19

Подойдя к новому визирю Камаю, Хафиз сначала увидел только его ноги. Он и по ногам мог его узнать. На сапогах визиря Камая пыль, в руках камча, камчой постегивает по голенищу, сбивая серую пыль. Неужели в такую даль, как Кашан, приехал этот визирь Камай? Что потерял в городе эмира Хаджи эта, как говорят, кадка с квашней?

Секретарь Хафиз положил перо на стол, медленно поднял глаза и увидел толстые улыбающиеся губы визиря, узкие глаза, в которых, казалось, попрыгивали невысказанные слова.

— Как живешь, секретарь Хафиз!

— Дела, слава Аллаху, идут, визирь Камай. Каждый день у нас вечная писанина.

— Я приехал к тебе с серьезной просьбой, секретарь Хафиз. Хан послал, сам.

— Исполни свое поручение, визирь Камай, и...

— Хоть бы сесть предложил.

Секретарь Хафиз оглядел комнату. Кроме эмира Хаджи, к нему никто, можно сказать, не заходил, а хозяин каждый раз садился на колоде рядом с ним. Когда приходил эмир, секретарь Хафиз всякий раз подкладывал ему подушку. На колоде и сейчас лежала легкая подушка.

— Это место отведено собственно для эмира Хаджи, но поскольку прибыл дорогой гость, что остается делать. Изволь, садись рядом, визирь.

— Хафизджан, ты меня не бойся, — сказал Камай, сев на мягкую подушку. — Я, кажется, никогда не делал и не сделаю тебе плохого.

— Пришлись бы твои слова на благодарственную минуту ангелов, визирь.

— Слушай-ка Камая, секретарь Хафиз. Я приехал по приказу хана забрать тебя во дворец.

— Во дворец?! О Аллах! По приказу хана?

— Да, секретарь Хафиз.

— Покажи ферман.

Визирь Камай вынул из-за пазухи свиток, на котором была поставлена ханская печать, протянул секретарю Хафизу. Тот сначала обратил внимание на ханскую печать, потом сорвал нить, развернул свиток. Правильно, хан звал его во дворец. Не приказал, а вежливо позвал.

— Хан тебя обидел, секретарь, было такое, не будем отрицать. Я тоже вовремя не сумел заступиться за тебя. Теперь я уразумел, без тебя дворец будто осиротел. Без тебя уехали поэты.

— Мы все рабы Аллаха, визирь Камай. А все же и у меня есть хозяин, сначала к нему обратился бы.

— Я слышал, секретарь Хафиз, что ты знаешь нравы, обычаи и язык уруситов?

— Знаю, визирь.

— Ты ученый, Хафиз?

— Нет, не ученый, переписчик я, летописец. Если более точно объяснить, визирь Камай, я продолжатель дела великого ученого Булгарии Якуба ибн Нугмана. Лишь Аллах мне в этом советчик.

— Святое дело, стало быть, творишь, секретарь?

— Когда работа есть, святое, когда работы нет...

— Я решил, секретарь Хафиз, взять тебя с собой в Володимир. Хан дал согласие. Будешь моим толмачом.

— Язык уруситов ты и сам неплохо знаешь, визирь Камай. Я не толмач, я не поеду с тобой, визирь, но найду тебе толмача. Повторяю, визирь Камай, я подневольный человек. Я обучаю сына эмира, даю ему уроки.

— Младший сын эмира скоро будет во дворце. Сыну эмира исполнилось семь лет, хан все равно возьмет его в дворцовую школу. Будешь давать уроки во дворце хана.

— Суров Салим-хан, визирь Камай. Где Гали улан! Теперь младшего...

— Ты об этом, секретарь Хафиз, спросишь у хана.

— Не подобает летописцам задавать вопросы хану, визирь. Ты мне вот что скажи, ежели ты умом наделен от Аллаха. Нашли ли ханскую дочь, напали ли на след похитителей Назлыгюль?

— Ханская дочь в руках Улуг Мухаммеда, секретарь. Хан не в себе от горя, не говоря уже о ханбике, они потеряли единственную дочь. Горе нам, ежели не найдут дочь хана, горе...

— А ведь говорят, в Булгарии у нее остался любимый человек, визирь.

— Слышал. Сын Алпара, мастер Дауран? Слухи это. Сплетни. Разве может стать женой раба дочь великого хана.

— Неведомо мне такое, визирь.

— То-то, раб он. Раб, он и есть раб.

— Он теперь, говорят, свободный, визирь Камай. Эмир, говорят, даровал ему свободу.

— Свободу может дать мастеру только сам хан.

— Я бы дал тебе совет, визирь Камай: не лезь в дела отца и сына. Ворон ворону глаз не выклюет. Или забыл судьбу визиря Исхака?

Визирь Камай помолчал. Трудно было постичь ему секретаря Хафиза. Во всем сведущ, да еще советы дает. Нельзя сказать, чтобы совет его был плохой. Действительно, вклинись между отцом и сыном и окажешься между молотом и наковальней. Поэтому пусть себе спорят. Прав, еще раз прав ты, секретарь. Эмир Хаджи перестал уступать отцу, а Салим-хан по отцовскому праву пытается подмять его под себя. Не ведает, что эмир Хаджи намного могущественнее, предприимчивее отца. Строит в устье реки Казанки город, которому не будет равных. Если оставит свой Кашан, на новом месте все торговые пути перейдут в его руки. Нет, без согласия эмира не уведешь отсюда секретаря. А может, на золото клонет секретарь?

— Хан возлагает на тебя большие надежды, секретарь Хафиз.

— Еще что скажешь, визирь Камай? Обещал платить много золотых?

— Обещал, секретарь, обещал. Негоже упираться.

— На худой конец, у Акбике попроси разрешения, визирь Камай. Впрочем, если бы речь шла о прислужнице-девке, визирь Камай...

— Упрямец ты, секретарь Хафиз. Ты же ставишь меня в безвыходное положение. И все же ты сейчас поедешь во дворец, секретарь Хафиз. Вот тебе ханский ферман. Собирайся!

На дворе стоят юзбаши и азаты визиря Камая. Терпели-

во ждуют. «Значит, визирь Камай даже силой может увезти меня», — подумал Хафиз. Да куда ему против визиря? Азаты хана по приказу визиря могут его связать и увезти. На крыльце вертятся служанки эмира Хаджи, перемигиваются с молодыми азатами, хохочут.

Новый визирь все равно его увезет, даже если воспрепятствует этому эмир Хаджи. Ехать секретарю Хафизу не хотелось. Эмир Хаджи оказывал ему уважение, давал деньги на покупку книг. Да и привязался он к мальчику эмира Джаффару.

А визирь торопил:

— Иди, скажи бике, что визирь увозит тебя в великий город по требованию хана.

— Ты насильно меня увозишь, визирь Камай.

— По приказу хана, секретарь, по приказу хана.

20

Время быстротечно. Когда сестра багадур Бачмана Зайтуна приехала в Булгар, ей шел девятый год. А теперь вон в девках засидеться может. В глазах непонятная печаль, в зимние дни подсаживается часто к окошку и, глядя на снежное море, подолгу молчит. О ком так печалится девушка, ни эмир Хаджи, ни Акбике не спрашивали, об этом не заговаривал с сестрой и Бачман-багадур. Бачман знал, что сестра не выйдет замуж за нелюбимого человека. Наезжавшие сваты, не встречая благожелательного взгляда девушки, вынуждены бывали поворачивать обратно. Акбике относилась к сестре Бачмана-багадур как к своей дочери. Но, как бы ни любила Акбике девушку, не могла выведать у нее, кто ей люб. Бывало, спрашивала: «Кого ждешь, детка, или кому слово дала? Кто он?» Но Зайтуна, не уступавшая самым бравым и лихим парням ни в джигитовке, ни в стрельбе из лука, упорно молчала. Лишь глубоко вздыхала. Вот уже девять лет, как потеряли Гали, улана, он тоже не уходит из памяти, теперь вот Джаффар, улан подрос. Тем временем сноха Салим-хана Марьямбике тоже родила мальчика, назвали его Абдулом. И ему уже седьмой год пошел. Салим-хан и его возьмет в дворцовую школу. После окончания школы сделает тысячником. Не начнется ли между братьями кровопролитная распря за трон. Этого боится Салим-хан. А сноха Акбике пуще самого хана боялась за сына. Вдруг под каким-нибудь предлогом доберется Салим-хан и до Джаффара улана? В народе ходил слух, что Гали, улана велел убить хан. Дескать, хан сам написал ферман визирю Исхаку, а затем отрекся от своих же слов. Не было у визиря Исхака

злости против эмира Хаджи. Он лишь выполнял собственноручный ферман Салим-хана. Слухи об этом ходили, видимо, не напрасно. На самом деле ни эмир Хаджи, ни Акбике не были врагами визирю Исхаку, как и он им. Услышала как-то от людей Акбике, будто хан сказал, что два улана на троне не смогут усидеть. Возможно, и сказал. Это в его духе. Но для чего было жертвовать Салим-хану ребенком? Ради нового города? Ни эмир Хаджи, ни Акбике не могли понять этого.

Эмир Хаджи, будто забыв о своей беде, все носится с мыслью переселиться на будущий год в новый город. Пусть строят, пусть называют, но зачем же ребенком жертвовать? Визирь Исхак, визирь Исхак! Как ты мог? Как мог смотреть, когда безбожные оборотни закапывали живого ребенка в землю! Каким бездушным и жестоким должен быть человек, идя на такое злодеяние. О Аллах, как, наверное, он кричал, звал мать...

Акбике с тоской глядела, глядела на казанскую дорогу и вдруг залилась горячими слезами. Часто так она плачет — память о сыне не дает покоя. Ездила в новый город. Легла на место захоронения сына и досыта наплакалась, всхлипывая, проклиная человека, поднявшего руку на ее сына. А материнское проклятье быстро поражает. Это она знала. Поразило бы виновного, и увидел бы народ, что есть Аллах и высшая справедливость. Сын визиря Исхака тоже, сказали, кончил дворцовую школу. Салим-хан сделал его послом, возможно, потом сделает визирем...

Дорога в новый город тянется вдоль леса. Сестра Бачмана-багадура Зайтуна пошла в лес по этой дороге и все не возвращается. Она тоже тревожит сердце бике. Девушке двадцать два года. Но она никого не любит. Брат ее Бачман об этом ни слова не говорит, сестра ни в чем не упрекает брата. Раньше бике и сама ходила в лес. А Зайтуна чуть не каждый день туда наведывается. Рядом Чертово городище, необузданные азаты. И Бачмана-багадура не видно. А ведь багадур равнодушен к бике, каждый раз, встречая ее, светлеет ликом. И до сих пор не женится. А однажды чуть с ума не свел, признавшись: «Я Вас люблю, бике, и до самой смерти буду любить». С тех пор Акбике даже во сне его стала видеть.

Акбике подошла к дому, неторопливо поднялась на крыльцо, вошла в дом и почему-то прошла в комнату Зайтуны, села на ее стул. Вчера служанка сообщила ей: «Зайтуна в лесу встретила какого-то багадура и влюбилась в него». Услышав это сообщение, Акбике не знала, верить или нет. Сердцем она почувствовала неладное. Муж, эмир Хаджи, гово-

рил, что брат Тубыкбая багадур Джик Мерген давно в бегах. Бике не очень-то в это поверила. Разве можно долго скрываться в лесу? Все равно кто-нибудь увидит. Кроме того, недавно Тубыкбай-багадур с тысячью азатов целую неделю прочесывал эмирский лес, но даже конских следов не обнаружил. А если Джик Мерген действительно прячется в лесу, а Зайтуна ходит к нему?

В комнату вошла служанка и, словно прося извинения, склонила голову в красивом полуприседании.

— Бике, приехал Бачман-багадур, тебя спрашивает, — сказала она.

Акбике густо покраснела. А ведь она ждала его. Может, он пришел исполнить давнишнее свое обещание — показать Чертову башню?

Акбике направилась навстречу багадуру, улыбаясь, протянула ему руку для приветствия:

— Добро пожаловать, мой багадур!

— Привез тебе салям из нового города, бике.

— Душа моя давно там, мой багадур. И сама понимаю, надо, надо мне туда ехать. Иначе не успокоюсь.

Бачман-багадур засунул шапку под мышку, робко прошел в комнату, сел на указанный ему табурет.

— Как поживаете, бике?!

— Слава Аллаху, багадур.

— Я привез вам суюнче* бике...

— Суюнче?! Какой, мой багадур? Так скажешь или подарок дать?

— Ваша улыбка для меня самый ценный подарок, бике.

— Оставь, оставь, багадур. Сколько лет обещал сводить в Чертово городище, а обещание остается обещанием.

— Виноват, бике, прости, наверстаю.

— Ну, багадур, скажи, не томи женщину.

— Бике, до меня дошел слух, что Гали-улан жив. В Ургенче он, рассказывают, у шейха Пехлевана Махмуда учится...

— Мой багадур, что мне ответить на такую радостную весть? Об этом мне говорили уже несколько человек. Разве мало на свете двойников, как две капли воды похожих друг на друга. Хоть и не успокоилась душа моя, но за суюнче¹ благодарю, мой багадур. Сожалею, что не могу поехать в Ургенч, я бы сыночка с первого взгляда узнала. Теперь бы ему было двадцать три года, мой багадур. Двадцать три.

— В этом году станет мугаллимом, говорят.

— Ой, мой багадур, — вздохнула бике. — Если бы он

* С у ю н ч е — радостное известие, сообщение.

был живой, послал бы он матери весточку, купец Биккол привез бы. Купец Биккол раз в два года ездит в Ургенч.

— Этот Биккол мне и рассказал о нем, бике.

— Все вести Биккола правдивые...

— Я приехал сюда повидать сестру, бике. Но сначала хочу выполнить свое обещание. Если сможете, бике, собраться, я показал бы вам Чертово городище.

Акбике позвонила в серебряный колокольчик, вошел привратник.

— Оседлайте мне лошадь, гнедую кобылу.

— Слушаюсь, бике, — сказал привратник и почему-то метнул взгляд на багадур. — Багадур, ваши азаты обижают девушек.

— Что, что делают, привратник?! — спросила бике.

— С дворовыми девками заигрывают.

— Вот как. Пусть заигрывают. Или есть зазнобушка среди дворовых девок? Что не отвечаешь? Воспользуйся случаем. Пока рядом со мной Бачман-багадур, возможно, и сговорю тебе какую.

Привратник подбежал к бике и бухнулся ей в ноги.

— Это еще зачем?

— Среди твоих прислужниц есть девушка, звать ее Гюльчечек, дай благословение, бике. Выдай ее за меня.

— Вот тебе раз. Разве я против? Если любите друг друга, поженитесь. И шейх вас благословит.

— Я ее люблю, бике.

— А она тебя? Любит ли она тебя, спрашиваю? Вставай, вставай, неудобно перед багадуром. Если все мужчины встанут на колени перед женщиной, то кто будет защищать страну? Встань! Так. Теперь слушай. Имя красивое у девушки. Но любит ли она тебя, как ты ее? Ну-ка, позови сюда свою любимую.

— Она не придет, бике, она смеется надо мной...

— Не любит тебя, любит другого? Ты бы прежде у нее спросил, любит она тебя или нет. Потом падал бы в ноги бике. Все же позови ее, приведи...

Привратник нерешительно поднялся, боязливо двинулся к дверям.

— Иди-иди, смелее.

Не успели бике и багадур обменяться взглядами, как привратник привел любимую девушку.

— Ну-ка, ну-ка, поближе подойдите. Гюльчечек, скажи-ка мне, любишь ли ты Гату? Смелее, смелее, привратник эмира любит тебя, готов жениться. Ну, что на это скажешь?

Девушка совсем растерялась, к тому же Бачман-багадур улыбается. Эх, за такого бы она не задумываясь пошла. А

тут Гата. И все же, надо когда-то замуж выходить. Коли Аллахом ей суждено.

Девушка успокоилась, краешком глаз посмотрела на Гату. Нет, если даже останется без мужа, в объятия этого не бросится. Вон Сания, что провела ночь с визирем Исхаком, — нет, говорит, ничего слаще, чем таять в объятиях любимого. А в объятиях этого не то что растаешь, а превратишься в ледяную сосульку, ну и образина, как будто молотили по ней. Носище к тому же...

— Бике, я уважаю привратника Гату, спасибо ему за то, что внимание на меня обратил. Только... Я его не люблю, бике...

— Как заживете — слюбится, стерпится, не спеши с ответом, Гюльчечек, не отбивай надежды у джигита. Подумай... Через пару дней зайдешь, скажешь, ладно?

Девушка пыталась высвободить руку, которую, как клещами, стиснул Гата.

— Отпусти, отпусти, Гата, руку девушки! Если не нравишься ты ей, то, даже выйдя за тебя замуж, она не принесет радости. Отпусти! С характером оказалась девица, привратник Гата.

— Хоть бы и с характером, я завоюю ее сердце, бике.

— Это по-мужски, Гата. Теперь отпусти девушку, отпусти. Лошадь готова?

— Готова, бике.

Акбике пошла в соседнюю комнату, через некоторое время вышла, одетая в воинский наряд и, сделав знак багадуру, пошла к дверям.

У крыльца бике ждала оседланная лошадь, молодой азат держал ее за уздечку и чесал холку. Бике села верхом, взяла в руки поводья, кивнула азату, чтобы отошел в сторону. К ней подъехал Бачман-багадур. Белого цвета жеребец багадура игриво заржал, увидя кобылу бике.

— Бике, я оставляю своих азатов.

— Правильно поступаешь, мой багадур. Гата, накормите азатов багадура, развлеките, сделайте аулак*.

И бике тронула коня, направляясь к воротам.

— Я хочу зайти в Чертову башню, мой багадур.

— Я бы не советовал туда заходить, моя бике. Ходят разные слухи о той башне, еще никто не выходил оттуда живым.

— Мой багадур, если такие мужи, как ты, так говорят, кому же я должна верить? Я хочу видеть самого шайтана,

* Аулак — вечеринка.

самого! Там, говорят, жил шаман Булгар, муж Чачак-аны. Сказывают, что похоронили его в основании крепости. Самого похоронили, а дух его бродит там и по сей день. И нет покоя от него никому. Правда это, мой багадур?

— Бике, я далек от шаманов, от их жизни. И, тем не менее, я согласен вместе с вами хоть в ад. Нужно правду сказать, я сам давно мечтаю зайти в Чертову башню. Кто губит заходящих в башню? Сам ли шайтан или дух шамана?.. А может, там прячутся разбойники? Где-то ведь должны они жить? Я, бике, начал подозревать, не к ним ли ходит моя сестра Зайтуна? Вот уже сколько лет Джик Мергена не видят люди. И Салим-хан успокоился, и Тубыкбай-багадур махнул рукой на брата. А где же славный мерген? Никто не знает. Ходят разговоры, что он живет в наших лесах. В таком случае, почему его никто не видел? Видели бы, сказали.

— А может, бояться Джик Мергена? Говорят, он бьет из лука без промаха?

— В Булгарии еще не родился такой стрелок, бике.

— Может, он и есть шайтан, мой багадур?

— Говорят, сам Салим-хан советуется с шайтаном.

— Люди многое могут сказать, багадур. Про Чачак-ана говорят, что она ведьма, оборотень. А теперь она стала доверенным лицом хана. Я хочу увидеть этого шайтана собственными глазами, мой багадур.

— Я к вашим услугам, бике.

— Твоя сестра Зайтуна к нему ходит? Знать бы это.

— Я узнаю об этом, бике. И все же зачем нам подниматься на Чертову башню? Мы можем его оскорбить, бике. Он еще никому не причинял зла.

— Багадур, не то ты говоришь. Кто убил посла Садака, почему не вернулся мой азат? Кто его послал туда? Сам хан. Я хочу увидеть шайтана, мой багадур. Зачем он убивает безвинных людей? Я зайду в башню, мой багадур.

Восхищаясь смелой и решительной женщиной, Бачман-багадур сам в то же время чуточку страшился. Скоро они доедут до Чертова городища. А если бике и в самом деле войдет в башню? Что он должен делать? Зайти вместе с ней?

На поясе бике ремень с рядом серебряных монет, к ремню пристегнут украшенный жемчугами кинжал с костяной рукояткой, на ногах сафьяновые сапожки на каблуках. По обычаю древних булгарок, голова подвязана зеленой шелковой лентой, в длинные косы вплетены серебряные монеты. На кушаке — драгоценные камни, кисти кушака составлены из разноцветных нитей. Бике держала для себя швею. Расшитые

красивыми узорами рукава — тончайшая работа швеи — тоже привлекают внимание. Бике давно замечала на себе восхищенные взгляды багадур, поэтому она то выезжала вперед, то ехала бок о бок с Бачманом. Вот и крепость показала. Ее охраняли азаты тысячника Бакырбая. Не к нему ли ходит Зайтуна? Бакырбай несколько раз приезжал в Кашан, говорил с ней. Потом прислал сватов. Зайтуна обиделась на тысячника — не приняла его сватов. Может, не успела еще полюбить, а он торопил. Нельзя в любви торопиться, у нее свои сроки, как говорят старики: поторопишься — то ли лыко разорвется, то ли лопнет ремень. Недавно Зайтуну сватал ковровщик-армянин. И от ковровых дел мастера отказалась.

Солнце взбирается на купол неба. Бике поглядывает на багадур, то погоняющего, то придерживающего своего коня, и ласково улыбается. Довольно много лет тому назад, когда Бачман-багадур вступил под командование эмира Хаджи, Акбике была в него влюблена. Но она не осмелилась признаться в этом багадuru, хорошо зная, чем это может кончиться. У болгар согрешивших женщин раздирали пополам. Но разве повесишь замок на сердце! Любила. Да не суждено было им соединиться. Так и шли годы. Двух сыновей родила Акбике от эмира Хаджи. Гали принесли в жертву при закладке нового города, второй жив, слава Аллаху. Вернется ли в Кашан второй сын, или его тоже ждет печальная участь? Много воды утекло за эти годы, а первая любовь к багадuru не забывается, она готова и сейчас с ним хоть на край света. Когда багадур оставил у бике свою сестру на воспитание, Акбике не могла нарадоваться. Бывало, брала девочку-подростка в объятия и крепко-крепко целовала. Иногда казалось, что в ее объятиях не хрупкая девочка, а ее старший брат Бачман-багадур. Так шли годы. И вот он опять с ней рядом. Много лет прошло, а сердце учащенно бьется, ему не прикажешь.

День чудесный, по небу плывут облака, словно белые лебеди. На самом высоком месте берега реки Чулман возвышается Чертова крепость. Крепость кажется совсем близкой, но до нее еще ехать и ехать. О делах в городище она слышана от мужа. Самые искусные мастера эмира работают в нем — чугунолитейщики. Сколько их, Акбике не интересовалась. Она не вмешивалась в дела мужа. Но одно знает хорошо: здесь льют чугун, а из чугуна льют железо, затем коуют мечи, сабли, потом купцы эмира их увозят в Страны Мрака, за них получают дорогие меха, которые затем продают на восточных базарах. У эмира Хаджи есть надежные купцы во многих городах мира. Так, по крайней мере, ка-

жется бике. В Кашане живут и работают русские купцы, ремесленники, учуяв большую выгоду, из Великого города улицами стали переселяться в Кашан чужестранцы. Первый обратил внимание на это визирь Исхак и пожаловался хану, а тот вызвал к себе эмира Хаджи. Что говорили по этому поводу сын и отец — бике не знала. Знала только, что между отцом и сыном неладно. Теперь сам хан дал почувствовать сыну свое нерасположение.

Крепость видна как на ладони. На стене расхаживают азаты. Увидев багадур, дозорные азаты дали знать юзбаши крепости Бакырбай. Юзбаши торопливо открыл ворота, опустил подъемный мост. В крепость может войти только тот, кто имеет от эмира Хаджи специальный ярлык с его печатью. Но, увидев бике и своего багадур, юзбаши вовсе забыл о порядках, бросился к бике, подхватил поводья лошади и помог гостю сойти с коня.

— Вот она, Чертова башня, — сказал Бачман-багадур, подойдя к бике.

— Кто кормит и поит шайтана? — шутливо спросила бике.

— В башне никто не живет, бике.

— Но я наслышана, мой багадур, что там живет шайтан. Не раз, а тысячу раз слышала. Где же Зайтуна? Бакырбай, — сказала бике стоящему позади юзбаши. — Мне сказали, что сюда наведывалась сестра багадур Бачмана Зайтуна?

— Не встречал, бике. Был бы очень рад встретить.

— Да, был бы рад, верю. А ты, юзбаши, терпи и жди. Придет она, если в ней любовь настоящая.

— Да не видел я Зайтуну, бике. К кому тут ей приходиться? От меня она, кажется, отказалась.

— И все же, юзбаши, ты ее жди. Придет она. Ты здесь хозяин, ты юзбаши крепости. Таких как ты не могут не любить девушки.

— Да, я караулбаши крепости, бике. Уверяю вас, сестра Бачмана-багадур Зайтуна не приходила в крепость. Если бы пришла, был бы от радости на седьмом небе.

— Я рада слышать от тебя такие слова, юзбаши. А теперь помоги нам зайти в Чертову башню.

— Ваша воля, бике, только как отчитается багадур перед эмиром Хаджи. Меня тоже по головке не погладит эмир за это. Багадур знает.

— Ты в какое время живешь, юзбаши Бакырбай?

— В очень тревожное время живу, бике. Сам состою начальником караула в крепости, сам ни разу не заходил в башню. Говорят, там живет сам шайтан.

— А было желание?

— Было, бике. Только эмир Хаджи не позволяет. Вас я тоже не впущу без согласия эмира, бике.

— Кому ты подчиняешься, юзбаши? — спросил вдруг багадур Бачман.

— Вам, багадур. Вашей светлой голове. И эмиру Хаджи.

— Я приказываю тебе открыть двери башни, юзбаши.

— Будет исполнено, багадур.

Акбике минуту оставалась в нерешительности. И действительно, что скажет эмир, не выразит ли неудовольствие за самовольничание?

— Юзбаши, кто построил эту башню? — спросила она.

— Говорят, Кубрат-хан, бике.

— Ладно, пусть будет Кубрат-хан. Но почему каждый вошедший туда человек обратно не выходит?

— Не могу знать, бике. Одному Аллаху известно почему. Вот поэтому эмир Хаджи и не велел никого туда впускать.

— Меня тоже?

— О вас совершенно не было речи, бике.

— Багадур мой, кому подчиняется этот юзбаши, не тебе ли? — решила еще раз удостовериться бике.

— Мне, бике.

— А раз так, прикажи ему, пусть даст ключи от дверей башни. Откройте двери, юзбаши!

— Принесите ключи! — приказал своим азатам юзбаши. Затем посоветовал: — Сначала поднимитесь на стену, бике. Где вы увидите такое?

— Вот как! Ладно, юзбаши, по какой лестнице подняться на башню?

— Говорят, лестница одна, бике.

Открыли дубовые двери башни. Багадур шагнул первым и, когда он вошел, шагнула за ним и бике. Багадур Бачман махнул рукой караулбаши.

Когда они прошли, как им казалось, около половины пути, бике замедлила шаги. Бачман-багадур взял ее за руку. Бике приблизилась к багадуру, но не остановилась. Стали подниматься выше.

Говорят мир не объять! Воистину так! Диво дивное открылось их взору. Далеко-далеко в восточной стороне, где земля сливается с небом, висела сиренево-красная занавесь, внизу лежала синей лентой река Чулман. По реке плыли маленькие лодки.

— Корабли идут. Купца Кучтума корабли.

— Купца Кучтума! Едут в Великий город володимирские купцы.

Акбике ступила ближе к краю стены, посмотрела вниз, тут же у нее закружилась голова. Бачман-багадур, словно ждал

этой минуты, схватил ее за локоть, притянул к себе. Бачман-багадур почувствовал в себе поток нежных чувств и теснее прижал к себе бике.

О Аллах, где она, с кем, что делает? О Аллах, прости ее, прости!

Акбике открыла глаза, снова посмотрела вниз, на Чулман. Под крутым яром рос одинокий вяз. Вяз одряхлел, широко раскинув ветви и, словно желая схватиться за береговые выступы, прижался к скалистому берегу. Вот так же и она жалась и льнула к багадуру. Раз в юности, раз в старости, говорят, повторяется необузданная любовь, подумалось тогда бике. Она не шевелилась, ей хотелось стоять вот так до самой смерти, до того момента, когда сам Азраил придет за ее душой. Сердце бике страстно стучит, не осталось и следа тревоги, что их могут увидеть. Древние болгары привязывали согрешивших женщин за ноги к вершинам двух деревьев и потом отпускали. Дикие были. Кто ей об этом говорил? А, Чачак-ана, Мать цветов. Значит, на самом деле был такой обычай. Если прослышит об этом эмир Хаджи, и ее... Нет, не сможет она отрицать свою любовь к багадуру, пусть на части рвут, не сможет.

— Спасибо, мой багадур. Отчего-то голова закружилась. Очень уж высоко, оказывается.

— Вниз не смотрите, пройдет, — ответил багадур, не отрывая нежного взгляда от побледневшего лица бике.

Акбике повернулась и направилась к спуску, а тело все еще ощущало сильные руки багадура, тепло его жаркого сердца. Снова в голову пришла шальная мысль: зайти в башню, взять с собой багадура. Согласится ли багадур остаться с ней в башне? Может, навсегда, ибо они могут не вернуться. Любовь, говорят, ни огня, ни воды не страшится. Хоть шайтан, хоть кто будет в башне, она сейчас пойдет дальше.

— Я хочу осмотреть всю башню, мой багадур. Возьми ключи у юзбаши.

Бачман-багадур помолчал. Глянув в глаза бике, он понял, что ее воля не знает границ, она поступит по-своему, если даже перевернется мир. Сегодня она не то что шайтана, к самому сатане не побоялась бы зайти. Ведь она с ним, со своим любимым. Он рядом с ней, и она нисколько не раскается, поступив так, ибо умереть в объятиях багадура Бачмана было бы для нее наивысшим счастьем.

Багадур Бачман кинулся вниз и через некоторое время вернулся с факелом в руке.

— Ночь длинная, понадобится, — сказал багадур, поднимаясь по крутой лестнице к ней, единственно желанной и столь же сумасбродной в своей необъяснимой затее. Оба,

словно сговорившись, остановились, притихли, прислушались. Тихо. Только сердца их бьются, едва вмещааясь в груди. Поднимаются выше. Вот показалось небо. Звезды мерцают. Что это? Ведь они вошли в башню ясным днем! Неужели так много времени прошло?

Два человека ступили на верхнюю лестницу башни, вышли на узкую площадку, безмолвно обозрели окрестность. Казалось, протяни руки и схватишь в ладонь звездочку. Бике все ближе прижималась к багадуру.

Чу-у, будто кто-то тяжело вздохнул. Или все это от страха?

— Спустимся, бике?

Бике не хочется ни спускаться, ни трогаться с места, она согласна здесь умереть, в Чертовой башне, так пугавшей людей.

Вдруг кто-то поднял ее и быстро понес вниз. Бике хотела крикнуть, но от испуга задохнулась, пропал голос, тело не чувствовало одежды. Легкие подступили к горлу, дышать стало невозможно, крика не было, душа ее покидала тело.

Этот кто-то побежал по узкому подземному коридору, вышел к ущелью, поставил бике на ноги, и только тут к бике вернулся дар речи.

— Божья ли ты тварь, или сам шайтан? О Аллах! Где я, кто ты?..

Ответа не последовало, неизвестный подтолкнул ее, бике покатилаь вниз. Только на дне ущелья она пришла в себя, поднялась на ноги и, отряхивая подол платья, сказала:

— Багадур не смей трогать, иначе пощады от меня не жди!

Вместо ответа послышался оглушительный хохот, который долго гремел эхом в ущелье. Только тут, придя наконец в себя, бике завопила.

— Иди и не оглядывайся! — произнес совсем рядом с ней незнакомый голос.

Не смея оглянуться, бике медленно пошла вдоль ущелья. Кто это был? Человек? Если человек, отчего такой хриплый голос у него?

Бике ускорила шаг. Но внезапно повернулась и, вытащив из-за пояса кинжал, бросилась на шагавшего сзади шайтана. Но в одно мгновение кинжал ее был вырван из руки, бике скатилась в сторону.

— Астагфирулла! Кто ты?

Страшилище было сплошь в черном, только глаза сверкали ненавистью.

— Это для вас единственный путь к спасению, бике. Уходите подобру-поздорову! И не злите меня.

Что это? Утро, ночь, рассвет... И не то, и не другое. Бике

побежала из ущелья. Она вдруг поверила: с ней говорил сам шайтан.

На чьих ногах она бежит, ноги как чужие, да и тело словно из теста, ничего не ощущает, в висках стучит кровь.

Когда Акбике вышла на полянку, уже взошла луна. А бике все шла и шла. Наконец, она дошла до пастухов. Пастухи ее узнали, немало удивились, увидев ее здесь в ночи. Тут же разожгли костер, обогрели бике. Один из пастухов заиграл на курае, другой протяжно запел. Бике осторожно спросила, где она, чье стадо. Хотя и знала, что стадо эмира.

— Бике я. Жена эмира Хаджи. Дайте мне коня, пастухи, — сказала она.

Пастухи посоветовались вполголоса и все же подвели к Акбике коня, помогли взобраться на него, объяснили, что любой путь приведет в крепость. А один из них вдруг вызвался проводить ее. Сев на коня, бике, стараясь забыть о случившемся, быстро погнала его в сторону крепости. Провожатый едва за ней поспевал. Когда подъехали к крепости, пастух окликнул караулбаши по имени, сообщил о том, что приехала бике. Бакырбай не поверил глазам своим, и, как только прошли мост, пал в ноги сошедшей с коня Акбике.

— Прости меня, бике, прости. Я виноват, я. Я дал ключи от Чертовой башни. Я виноват.

— Встань, караулбаши. Тебя никто не винит. Где Бачман-багадур?

— Бике, — сказал юзбаши, подойдя поближе, — его подобрали на берегу реки, связанного по рукам и ногам. Кричал, звал на помощь.

Бике немного успокоилась, но не смела сказать юзбаши Бакырбаю о том, что ей поскорее хочется увидеть багадура.

— Я замерзла, караулбаши, отведите меня в дом. Да и приведите скорее туда багадура.

Проводивший бике пастух забрал своего коня и уехал.

Бике поместили в одном из лучших домов. Зайдя в дом и сев у печки, бике немного успокоилась, мысленно представила случившееся, чтобы понять, что произошло. Испуг еще не прошел. То, что случилось там, она никак еще не могла осознать. То, что говорила с самим шайтаном, кричала, даже угрожала ему, было невероятно. Как она смела! О Аллах! Да, ее неожиданно схватили, но почему не окликнул багадур? Что с ним сделали?

Бике захотелось поскорее увидеть багадура, расспросить обо всем. Куда его увели, кто увел? Вдруг она испугалась, что обо всем этом могут донести эмиру. От мысли, что муж может узнать о ее поездке в крепость, бике бросило в дрожь.

Лишь утром к ней пришел Бачман-багадур. Она встретила его с улыбкой.

— Добро пожаловать, мой багадур, добро пожаловать. Жив-невредим? А что, может нам еще раз подняться на Чертову башню? — шутливо спросила она.

— Простите меня, бике, простите великодушно. Это я виноват. Ведь знал, что там живет шайтан. Не соображу, как я оказался там на берегу со связанными руками и ногами. Вроде бы не били, а кости ломит, будто по мне прошел табун. Надо же случиться такому! А вы как, бике?

— Я его поначалу не испугалась, лишь потом сообразила, а ведь он мог меня убить.

Багадур Бачман отчего-то засмеялся. Но Акбике не в силах была смеяться, она еще с трудом верила, что осталась жива.

— Багадур, меня там поднял и унес сам шайтан, весь такой черный, только глаза сверкают, — сказала бике. — А я кинулась на него с кинжалом.

Бачман-багадур на миг растерялся, не знал, то ли смеяться, то ли ответить шуткой, чтобы как-то снять страх. Потом все же повторил сказанное:

— А меня связали и несли так быстро, что я не заметил, как оказался на берегу реки.

Бике улыбнулась, но улыбка вышла несколько натянутой, ибо вдруг закралось сомнение. Шайтаном мог быть и сам багадур, брат Зайтуны. Помнила она момент, когда он стоял с ней рядом. Потом вдруг исчез, а через мгновение ее подхватили и унесли. Постой, она помнит его запах, запах мужского пота. Она ни с кем не спутает его запах. А если он сам ее унес... Так и не разрешив своих сомнений, бике рассталась с багадуром Бачманом.

21

Джик Мерген старался никому не показываться. Въехав в леса эмира Хаджи, он оставил своих товарищей на первой же полянке, а сам начал объезжать окрестности. Он слышал, что в лесах эмира Хаджи прячутся беглые, и многие из них промышляют разбоем. Часто они беспокоят проезжающих купцов и грабят их. Поэтому беглые не голодают и не бедствуют. Но Джик Мерген не мог понять, почему ни Салим-хан, ни эмир Хаджи не преследуют беглых и разбойников. Поэтому ему хотелось, чтобы узнать причину этого, найти беглых, встретиться с их атаманом, объясниться. Покружив

по лесу, Джик Мерген понял, что лес удобен, есть ущелья, где можно прятаться от людских глаз, дичи много. Видно, не доходит рука эмира Хаджи до этого огромного леса, растущего вдоль берегов Итили и Чулмана. Беглые не тревожили эмира, ибо знали, что иначе им несдобровать. Почти полдня Джик Мерген бродил по лесу, но ни одной живой души не встретил. Это чуть-чуть насторожило его. Как говорят, земля не бывает без хозяина, конь — без узды. А здесь, можно подумать, что и нога человеческая не ступала.

Когда солнце стало клониться к закату, Джик Мерген решил вернуться на полянку, где оставил своих азатов. Но сколько ни искал, не нашел их. Аукать поостерегся, неизвестно, на кого наткнешься в чужом лесу. Вполне возможно, что на эмирских или ханских азатов. Благоразумней не встречаться с ними молодому батыру.

Но своих азатов он все равно решил упорно искать.

И вдруг показались следы лошадей. Кто здесь был? Лес не внушал доверия. Тревожно забилося сердце. Лошадь испуганно шарахнулась в сторону. Лес не степь. В привычной степи Джик Мерген чувствует себя как птица. Конь, понимая состояние хозяина, скачет, соревнуясь с ветром. Среди лесной чащи изредка встречаются небольшие полянки. Джик Мерген решил остановиться на одной из них отдохнуть. Лег на землю, стал слушать. Было тихо. Конь принялся щипать траву, Джик Мерген заложил руки за голову и устремил взгляд в небо. По синему небу плывут редкие облачка. Сладко заливается какая-то пташка, временами слышно кукушку, испуганно затрещала сорока. Не только сорока, но и конь почувствовал приближение какого-то зверя, наострил уши, стал тревожно фыркать.

Заметив беспокойство коня, Джик Мерген приподнялся на локте, посмотрел по сторонам.

— Что там? — обратился он к коню, как к человеку.

Спокойный голос хозяина, видимо, успокоил коня, он снова звякнул уздечкой, как бы желая сказать: «Ничего особенного». Хозяин его снова подложил руки под голову и воззрился в небо.

Джик Мергену было над чем подумать. Что он должен делать? Если он придет к Салим-хану, тот его простит и сделает дворцовым мергеном. Сделает ли? Или, не желая портить отношения с багадуром Тубыкбаем, передаст брату? Не исключена и такая возможность. Следовательно, не надо торопиться идти с поклоном к Салим-хану. Но и не торопиться нельзя. Скоро осень, там и зима придет. Жить беглым азатом в лесу? Или идти к эмиру Хаджи? Говорят, что эмир неплохой человек, добр, порядочен.

Джик Мерген рывком поднялся. Перебросил поводья на гриву коня, вдел ногу в стремя. В это время он увидел стоявшего между деревьев азата. Азат, видимо, наблюдал за ним. Джик Мерген осторожно взял лук, вдел стрелу и, сделав вид, что не видел азата, медленно двинулся к тропке, выводящей с полянки. В странном положении был мерген. То хотелось оглянуться, то лечь на гриву коня и ускакать во всю мочь. И конь, словно ожидая решения своего седока, шагал медленно, внутренне собрался, напружинился. Он тоже заметил чужого воина, стрела могла попасть не в хозяина, а в него. Когда деревья поредели, Джик Мерген стал натягивать поводья. Конь собрался пуститься вскачь. В это время перед ним появился три конных азата.

— Как имя путника, куда направляется? — спросил, выезжая вперед, очевидно, унбаши.

«Азаты брата, меня разыскивают, — молнией мелькнуло в голове мергена. — Они стрелять в меня не будут. Узнали, кто я, только притворяются, или действительно не узнали?» В мгновение ока он выхватил саблю и бросился на азатов, те вовсе не ждали этого от него, спешно повернули коней. Джик Мерген проскочил мимо них, крикнул коню: «Уходим, Звездочка, уходим!» Конь понял хозяина, вытянулся, как струна и помчался стрелой, вывел его к берегу реки. Отъехав от азатов, Джик Мерген стал придерживать коня, слез с него, приложил ухо к земле — нет ли погони. Погони не было. Сомнений нет, азаты искали его, может, и брат Тубыкбай неподалеку. Он знал, что брат хочет отомстить ему, может, даже убить. А другим азатам что Тубыкбай, что Джик Мерген — все едино, они выполняют приказ того, кто им платит. Если это были азаты Салим-хана, — нечего опасаться. Но уж если это азаты брата его, Тубыкбая, — будут искать. И если поймают, нет ему жизни. Поэтому берегись, пока у тебя в руках сабля да лук.

Джик Мерген сел на коня и рысью поскакал лесом. Степь для него была сегодня опасна, там конного издалека видно. Въехав в густой лес, Джик Мерген опустил поводья, пусть конь сам выбирает дорогу, у них общая судьба. Конь вышел на полянку, на вторую, до третьей шел долго. Вот, наконец, еще одна полянка. На середине поляны стоял шаман.

— Стой! — сказал шаман и поднял шаманский посох.

Джик Мерген остановил коня, соскочил на землю.

Шаман был одет в лохмотья, с побрякушками на шее, с посохом в руке, на конец которого был привязан беличий хвост. Обут он был в стеганные сапоги, на голове огромная шапка. Джик Мерген смело шагнул навстречу ему.

— Ты кто? Из какой местности, шаман? От кого прячешься в лесу?

— Не трогай меня, батыр. Я никому не причинял вреда. Я здесь скрываюсь от мюридов шейха Иганая. Они хотели утопить меня в реке, я скрылся, теперь попал в руки другого. Я и тебя знаю, если я скрываюсь от мюридов шейха Иганая, то ты бегаешь от азатов.

— Откуда тебе знать, от кого я прячусь?

— Я про все знаю, мерген. Скоро на Булгарию придет война. Батыры нужны на войне, а тебя брат вынудил прятаться в лесу. Тэнгре все видит, тебя здесь ищут азаты твоего брата.

— Откуда ты знаешь, что они меня ищут?

— Шаман все видит, все знает, мерген. Шаман видел и порубленных азатов, мерген.

— Кто порубил, кого, где? Ты не бредишь, шаман?!

— Отпусти меня, батыр.

— Ступай, шаман, отправляйся. Кто знает, может, мы еще встретимся. Не спрашивай где, сам знаешь. Если попадем в руки врагов, обоих нас вздернут на виселице. Только одного не понимаю, для чего ты понадобился мюридам шейха Иганая? У этих прихлебателей нет, как говорится, ни оружия, ни коней.

— Ошибаешься, батыр. Мюриды шейха Иганая день и ночь учатся стрелять из лука, орудовать саблями, бросать аркан, метать копьё. Мюриды шейха Иганая теперь, как азаты хана, военные. Они, как воины, носят оружие. Не попадаться мюридам, батыр.

Джик Мерген снова оглядел шамана. Шаман показался ему смешным. Какие-то хвосты, блестящие монетки, разноцветные тряпки. Мерген дотронулся до монеток, в этот миг шаман перебросил его через голову и сел на него, коленом наступив на горло. Джик Мерген не успел опомниться. Что с ним произошло? Только что стоял перед шаманом, теперь распластался на земле, а на нем — показавшийся таким смешным шаман. Джик Мерген вынужденно засмеялся, шаман, не ожидавший этого, вскочил и, не оглядываясь, побежал в чащу леса.

Сначала Джик Мерген хотел послать вдогонку стрелу, но отказался от этой мысли, шаман был уже далеко. Не зная, что делать, Джик Мерген сшиб стрелой летевшую над головой ворону. Шаман оглянулся и, увидев, что батыр подстрелил ворону, остановился.

— Батыр, ты ведь в самом деле Джик Мерген?!

— Джик Мерген, шаман.

— Джик Мерген, тебя по всему лесу ищет твой брат Тубыкбай, твоих азатов он изрубил на куски. Пока жив, беги на берега Казань-реки. Там найдешь себе товарищей.

— Шаман, если в твоих устах правда, я готов стать твоим рабом.

— Шаман никогда никому не лгал, Джик Мерген. Я тебя завтра буду здесь ждать, мерген. Убийцы твоих азатов недалеко ушли, брат твой решил заночевать у переправы. Если хочешь отомстить, ночь будет темная...

— Спасибо тебе, шаман, хоть и за горькую весть, спасибо.

— Волка гонят конем, зайца — собакой, мерген. Будь осторожен. Велик гнев твоего брата. Твой брат Тубыкбай обещал азатам за твою отрубленную голову тысячу коней.

— Тысячу коней?! — удивился Джик Мерген и, надев стрелу на тетиву, огляделся.

— Да будет путь твой удачным, мерген.

Странный шаман скрылся в чаще. Джик Мерген подошел к коню, положил руку ему на холку под гриву и задумался. Что ему делать? Искать встречи с братом или, махнув на все рукой, отправиться к беглым, живущим в лесу за Казань-рекой? Нет, сначала он должен отомстить за своих азатов-друзей.

Джик Мерген вскочил на коня и рысью поскакал в сторону Чулман-реки. Он поверил шаману. Значит, брат ищет его? Он же брату не мешает, уехал из страны, на землю не претендует, охранять Шелковый путь не берется. Но старшему брату хочется от него избавиться. Зачем? Хочет остаться один? Что он будет делать один? Подросли сыновья и им нужна земля? Если так, то ведь они любят своего дядю Джик Мергена.

Конь скакал уверенно, скоро мелькнет лента реки. Но Джик Мерген вдруг повернул коня и поскакал к полянке, на которой оставил своих азатов. Ведь его брат действительно мог встретить и изрубить его товарищей. На душе становилось беспокойно. Джик Мерген стегнул коня камчой. Если азаты брата нашли товарищей Джик Мергена и была жестокая сеча? Шаман, возможно, видел все это?

Когда после долгого блуждания по лесу он оказался у глубокого ущелья, куда, видимо, были загнаны его друзья азатами брата, он не поверил своим глазам: кругом лежали тела его товарищей, их раздирали десятков волков. Волки, опьяненные запахом человеческой крови, не заметили, как появился мерген. На верхушках деревьев нетерпеливо сидят вороны, сороки, ожидая ухода кровожадных зверей, среди деревьев сверкают глаза кровожадных лисиц, ожидающих своей очереди. Всадника первыми заметили сороки, принялись шумно трещать, потом лисицы, увидев его, стали разбегаться, волки же продолжали раздирать трупы. Джик Мерген накладывал на тетиву стрелу за стрелой, в ущелье деся-

ток волков, ни один из них не скроется. Он стрелял в головы волкам, многим попал в глаз. Только бдительная волчица, увидев всадника с луком в руках, оскалила клыки и прыгнула в его сторону. Джик Мерген поразил ее стрелой, как поражал птицу на лету. Волчица упала у ног коня, раздругой дернулась и застыла.

Джик Мерген сошел с коня, шатаясь, прошел несколько шагов и, закрыв лицо руками, заплакал. Он выхватил саблю и стал остервенело крошить волков, ущелье наполнилось запахом крови, который привлек много сорок и ворон. Глаза Джик Мергена налиты кровью. Услышав стук собственного сердца, он огляделся вокруг. Сабля в руке мергена дрожала, искала жертву. Гнев на волков улегся. Убийцы друзей — не волки, а азаты брата. Он сейчас же бросится за ними вдогонку, догнав, будет сражаться до последней капли крови.

Отомстить бы им тут же, не сходя с места! Что же теперь делать? Догонять?!

Джик Мерген посмотрел на пестрохвостых сорок, на ворон, бессовестно ждавших его ухода, бросил взгляд на лисиц, прятавшихся за деревьями. Кто создал этот мир? Почему все живое желает ближнему смерти? Время сильных, энергичных, могущественных. Вот почему. Может, он с самого начала плохо поступил, не подчинившись брату? Азаты брата сняли оружие с его товарищей. В Булгарии издревле воина хоронят вместе с его оружием, доспехами. А тут забрали даже колчаны.

Джик Мерген подошел к коню, который, наострив уши, наблюдал за происходящим. Мерген направился к берегу, обойдя небольшую яму, саблей стал бешено углублять ее. Землю он выкидывал наверх щитом. Когда могила была готова, он вышел наверх, посмотрел на покрасневшее солнце, катившееся за лес. Из солнца, казалось, сочилась кровь. Джик Мерген по одному сложил в могилу тела товарищей, каждого называя по имени, успокаивая его душу, желая ему спокойного сна. Когда всех перенес в могилу, встал на колени перед холмиком и мысленно представил каждого. Он винил в их смерти только себя, себя одного. Если бы он оказался рядом, брат, возможно, не стал бы убивать его азатов и не оставил бы их на съедение волкам. По лицу Мергена текли слезы, он не вытирал их. Гнев, жажда мести комком подступили к горлу. Встал. Положил свой щит на могильный холм, по обоим краям — по стреле. Снова постоял молча со склоненной головой. Наконец, пошел к коню, вдел ногу в стремя, и тут навалилась усталость. Джик Мерген почувствовал себя настолько обессиленным, что не оставалось сил сесть в седло. Снова жажда мести обожгла его

сердце. Словно чувствуя состояние своего хозяина, конь, подгнув передние ноги, опустился на колени. Джик Мерген сел на коня и, когда Звездочка поднялась, лег на гриву коня и горько заплакал. Он изливал свою скорбь коню, как если бы делился горем с близким человеком. Поняла ли его Звездочка? Мерген не знал, но после слез Джик Мергену стало легче.

Опустились сумерки, Джик Мерген направился на закат. Он азатов брата догонит. Должен догнать. Брат, наверное, далеко не уехал, отдыхает, как сказал шаман, на берегу реки. Если брат Тубыкбай изловит его, казнь придумает ужасную. Чтобы неповадно было другим, велит привязать к хвосту коня, забьет камнями, не разрешив хоронить, бросит в лесу волкам на съедение.

Для болгар смерть Джик Мергена не беда, для болгар десять азатов и один мерген — все едино, что нитка, выдернутая из рубашки. Но чтобы рубаха была впору, нужна на своем месте каждая нитка. Салим-хан поймет это позднее, когда враги пойдут войной на Булгарию. Пока же хан заключает в темницу своевольных, непокорных батыров, рубит им головы. Брат Тубыкбая Джик Мерген для Салим-хана был всего лишь очередной беглый азат.

Джик Мерген ночь провел возле ручья. Брат с азатами, оказывается, уже переправился через Чулман. Утром Мерген переплыл реку на коне и вышел к реке Ик. По его расчетам, брат должен был заночевать где-то поблизости. К вечеру второго дня он увидел азатов брата. Джик Мерген ехал скрытно. Вдруг он заметил среди азатов пленных. Кто они? Откуда? Тубыкбай продает их ургенским купцам в рабство. Человеку с клеймом раба невозможно вернуться в Булгарию, его никто не возьмет ни азатом, ни работником. Хозяин обнаружит — беды не оберешься. Беглецов связали друг с другом веревкой, гонят пешком. Наконец Джик Мерген увидел брата. Тот что-то сказал юзбаши и, взяв телохранителей, переплыл Ик, поднялся на гору. Сначала Джик Мергену хотелось догнать брата и отомстить ему. Но рядом с ним было много азатов, а он — один. Подожду, решил он. Пусть брат удаляется. Он отомстит оставшимся. Но кто из оставшихся виновен в его беде? Ведь им приказывает брат.

Джик Мерген остановился в густом кустарнике. Стал наблюдать за оставшимися азатами брата. Одни готовят ужин, другие прилегли на берегу реки, рассказывают прибаутки, смеются; беглецы же тихо сидят, связанные по рукам.

Солнце зашло, опустились синие сумерки, Джик Мерген стреножил коня и по кустам пошел по направлению к азатам брата. Азаты едят мясо, коней пустили на луг, даже карауль-

щика не поставили. Уверены, знают, что в этих местах не водятся беглые, потому что некого здесь грабить. Большие города Болгарии расположены на берегах Итили, Чулмана, Яика, а на берегах Ика живут хлеборобы, скотоводы, многие из них платят ясак Тубыкбаю, некоторые — эмиру Хаджи.

— Юзбаши, беглецам тоже дадим мяса?

— Дайте. Они тоже люди.

— Эти уже не люди, юзбаши. Скоро Тубыкбай наложит на них клеймо, продаст ургенчским купцам.

— Ты, азат, больно не заносись. Кто знает, может, тебе тоже такая судьба уготована. Жизнь — она то лицом к тебе, то задом повернется.

— Прости, юзбаши. Я так просто. Правильно, и они люди.

— Эй, бавырчы, дай мяса и беглецам! — крикнул юзбаши.

Джик Мерген всех не мог упомянуть, но многих знал в лицо, они его тоже, видимо, помнят. Но все равно ему нельзя выходить к ним. Джик Мерген вынул из-за пазухи кусок сыра и принялся есть. Он пока не знал точного плана действий, но верил, что придумает, как быть и что делать. Один из азатов, насытившись, заиграл на курае, второй затянул песню. Куда ушел брат с сотней азатов? Здесь нет, наверное, крепости. Может, к хлеборобам-буртасам, к скотоводам-мелекесам, к поселившимся аулами на его землях кипчакам? Или к Чачак-ане? Говорили, она живет в этих краях. Что бы ни случилось, брат вернется. Потом кто-нибудь может заглянуть в кусты, где прячется Джик Мерген. Около юзбаши, кажется, придворный Сарбай. Что он здесь делает? Куда и зачем едет? Или Тубыкбай везет его в свою деревню шейхом? Не говорит, словно воды в рот набрал. Сарбай не служил во дворце Салим-хана, но был самым близким мюридом шейха Иганая. Теперь он, как видно, будет читать проповеди в деревне Тубыкбая, обучать мальчиков грамоте. Это затея Салим-хана или шейха Иганая — открыть в ауле школу. Что бы ни было, Сарбай держит путь в сторону Урала.

Джик Мерген еще в детстве научился быть терпеливым. Во время военных игр он мог подолгу скрываться. Когда другие, не выдержав, выскакивали из укрытий, он лежал, терпеливо выжидая. Прятался так, что его безуспешно искали семь-восемь человек. Сверстники обижались на него за эту привычку, давали слово больше не играть с ним. Зато от учителей он всякий раз слышал похвалу за ловкость и умение. В состязаниях из лука он был самым первым мергеном дворцовой школы. В десять лет стал попадать в древко стрелы, в двенадцать лет получал призы от хана, тот присвоил ему имя Мерген. Подрастая, Джик Мерген становился все более хладнокровным, на охоте мог просидеть целый день,

выжидая добычу, но своего добивался. Теперь он тоже будет ждать, кто-нибудь придет сюда, потому что Джик Мерген умело выбрал место. Не бросающиеся в глаза кусты, низина, для отправления нужды не сыскать более удобного места. Сумерки сгустились. Джик Мерген про себя повторял: «Глаза, глядите зорче, глаза, глядите в оба». Про себя он разговаривал, хотя никто его не слышал, а он находил в этом успокоение.

Ага, кто-то идет. Вот так, иди-иди, сюда иди, поближе. Джик Мерген, словно собравшись ловить зверя, чуть приподнялся, приладил поудобнее шелковую веревку, которую держал в руках. Азат, ничего не подозревая, присел на корточки. В этот миг шею его захлестнула петля. Джик Мерген притянул к себе азата, увидел, как у того выкатываются глаза, засунул ему в рот кляп, ослабил веревку. Потом поднял ему штаны, подвязал веревкой и поманил с собой. Когда прошли значительное расстояние, вынул у того изо рта кляп, развязал руки.

— Джик Мерген! — охнул азат.

— Не кричи, азат. Если у тебя не две жизни, не шуми! Я спрашиваю, ты отвечаешь. Договорились?

— Слушаюсь, Мерген. Нельзя не договориться. Эге, Джик Мерген. Ты здесь, брат твой по лесам рыскает, тебя ищет. Там, в лесах эмира Хаджи, изрубили ни в чем неповинных людей...

— Брат мой изрубил моих азатов, а я вас изрублю. Так что ты меня узнал, азат.

— Разве можно не узнать, Джик Мерген.

— Кто эти пленные, куда ведете?

— Багадур Тубыкбай взял у хана. Я их, говорит, сделаю пастухами. Степь у меня обширная, скота множество, пастухов, говорит, не хватает.

— Звать тебя как?

— Артык я, Мерген. Артык. Мать моя рожала-рожала и не выдержала, сказала: хватит. А Аллах дал ей еще одного ребенка — меня. Отсюда имя мне дали — Артык, лишний, значит. С тех пор я Артык...

— Вот что, Артык. У тебя всего два пути. Первый — со мной пойдешь, второй...

— Пойду, Мерген, пойду, я до самой смерти буду с тобой.

— Ладно. Сейчас ты, Артык, иди к своим. Брат мой, наверное, уже вернулся. Вернись и ты. Зайди в юрту моего брата и скажи, что, мол, твой брат Джик Мерген не простит убийство своих товарищей даже в ночь Страшного суда. Что так, мол, и велел он передать. Все. Скажи, смерть — за смерть, так, мол, сказал Мерген.

— Не отпускай меня к твоему брату, Джик Мерген. Я боюсь отца. Прежде всего отец меня не простит. Мой отец — правая рука Тубыкбая. Отец не любит меня. Когда матушка скончалась, он женился на молодой. Когда отец отправился на охоту, эта женщина привела меня к себе. После этого она при каждом удобном случае стала заходить ко мне. Отец подозревает, не возвращает меня в родной аул. Теперь отец всегда возит меня с собой. Я не хочу к ним, Мерген. Освободи меня от них, возьми к себе. Буду тебе верой и правдой служить.

— Артык, правда ли, нет ли то, о чем говоришь, для меня неведомо. Но ты знаешь мое положение. Беглец я, никакой не мерген.

— Тебя и доньне зовут ханским мергеном, батыр.

— Поклянемся тогда!

Джик Мерген разломал пополам стрелу, наконечником проколол себе ладонь, потом передал стрелу Артыку. Артык повторил то же, окровавленную руку протянул Джик Мергену.

— Мы теперь братья, Джик Мерген.

— Братья, Артык. Только не враги, как мы с братом Тубыкбаем, а кровные братья. О Аллах, сделай нас до кончины родными братьями! И на поле брани, и в мирное время пусть будут у нас одни мысли, одинаковые думы и желания.

— Я согласен, Джик Мерген. Я согласен быть твоим азатом. Тебе мой совет, батыр, послушай своего азата. Сегодня брату не мсти. Пусть отправляется своей дорогой домой. Освободим беглецов и бежим с ними отсюда. Беглые нужны нам сегодня. Только после этого иди войной на брата. Я буду рядом с тобой, постараюсь объяснить людям что к чему. Земли брата перейдут к тебе, ты станешь багадуром, владельцем его земель.

— Или я заблуждаюсь, Артык, или ты сказал лишнего. Но я тебе поверил. А ведь ты можешь быть шпионом брата...

— Разве шпион в поисках тебя отправился бы в леса эмира Хаджи, Мерген? Один Аллах знает, как ты тут очутился.

— Иди, приведи своего коня, Артык. Со мной поедешь. Я решил последовать твоему совету...

22

Салим-хан ни от кого не ждал помощи и никому не верил. Он доверял только себе. Даже к сыну эмиру Хаджи обращался редко. Деньги хану были нужны, ради этого купцов прижимал, платил каменщикам, которые семьями уходили в Володимирское княжество. А когда начали строить

город Казань, каменщики великого города устремились туда. Сначала Салим-хан молчал, а потом, когда каменщики из великого города толпами повалили на земли сына, позвал на совет шейха Иганая. Да что мог сказать ему шейх? В этом шейх не был ему помощником. Сын с размахом начал строить новый город. Это и радовало хана, и огорчало. Видно, что эмир Хаджи стремился к самостоятельности, мог отделаться, создать свой эмират. Когда хан спросил об этом шейха, тот лишь пожал плечами.

— Сын отцу не должен перечить, хан. Остальное все в твоих руках.

Шейх, видимо, хотел еще что-то сказать, но Салим-хан его уже не слушал. Он думал о том, что шейх, говорят, связан с людьми Улуг Мухаммеда, что один из его мюридов причастен к судьбе Назлыгюль. Хотя это были только слухи, Салим-хан догадывался, что его дочь в руках Улуг Мухаммеда. Как видно, Улуг Мухаммед на самом деле отомстил ему за своего посла. Воистину зло породило зло. И Салим-хану ничего не оставалось, как согласиться с потерей дочери. Да и что он мог поделать. Если бы он мог начать войну против Улуг Мухаммеда. Тогда дело другое. Но воевать против Хорезма он не мог. Хорезм в Туранском мире самое сильное государство, да и вера у них одна.

Хан посмотрел на шейха. Тот сидел молча, в руках четки, тонкие губы шепчут какую-то молитву. Да, не советчик он ему.

Шейх Иганай отложил четки, прикрыл глаза, шевеля губами закончил читать молитву и обернулся к хану. Мол, я слушаю тебя, хан. Шейх примерно догадывался, о чем беспокоился хан. Из Володимира до сих пор не возвращается визирь Камай, вот уже третья неделя пошла, нет о нем вестей. К тому же о Назлыгюль разное плетут. Самое важное, не случилось бы чего с визирем Камаем. А шейх всеведущ, у него есть свои люди и в Володимире, и в Ургенче. Двух мюридов приставил он к визирю Камаю. Об этом лишь спустя неделю узнал хан. Но и как посол, и как визирь Камай не стоил и ногтя покойного Исхака. Так по крайней мере думал Салим-хан. А визиря Исхака шейх Иганай не любил, но, несмотря на это, уважал. Ибо тот всегда имел здравые суждения, со всеми вежливо разговаривал, каждому оказывал достойное его положению внимание, встречал всех по одежке, провожал по уму. Нечего скрывать, покойный визирь много крови испортил шейху. И все же он его уважал. Шейху не понравилось молчание визиря Исхака, когда речь зашла о постройке в великом городе церкви. Ведь как визирь страны он мог остановить строительство, мог в

этом убедить хана. А он, покойный, пусть земля будет ему пухом, смолчал.

— Народ в поле, шейх, убирает хлеб. Вскоре подойдут дни собирать садаку*. Дошли до меня слухи, некоторые крестьяне отказываются платить садаку. Правда ли это, шейх? Если правда, то почему я об этом не знаю? Уж не прячут ли твои мюриды зерно?

Этого шейх Иганай вовсе не ждал, лишь скосил глаза на хана и, снова прикрыв их, стал перебирать четки.

— Сам Аллах велел нам собирать садаку с хлебороба, хан. Если бы мощь страны держалась только на приношениях, народ бы голодал. А мы продаем хлеб уруситам, уграм. Приношение — гошер — от хлебороба все равно что заплата на рубахе. Да будет тебе известно, мы отчисляем десятую часть приношения в твою казну, хан. Я хочу тебя спросить, хан, что дает тебе епископ Аббас?

— Епископ Аббас приносит свою долю как положено, шейх. У меня нет к нему претензий. А вот о твоих мюридах ходят разные слухи. Один из них, сказывают, даже будто обручил мою дочь с кем-то. Или это только слухи. Но люди говорят, Ага-Базар полнится слухами...

— Епископа Аббаса ты оберегаешь, пресекаешь о нем разговоры, хан. Не от страха ли перед князем уруситов? А о твоей дочери я ничего не слышал. Бабские сплетни меня не интересуют. Побойся Аллаха, хан!

— Я никого не боюсь, шейх. И епископ, и ты — государевы люди.

— Гяура и мусульманина ставишь на одну доску, хан, что ответишь Аллаху, когда предстанешь перед ним?

— О чем спросит, о том и ответу, шейх. В прошлую неделю твои мюриды в Ага-Базаре избили христиан. Что это такое, шейх?

— Вражеские наветы, хан. Мои мюриды никогда не избивали безвинных людей. Одними книжными словами урок человеку не преподашь. Человек, которого коснулась рука мюрида, не будет гореть в аду.

— Шейх, об этом ты Расскажи старцам своей махалли, а не Салим-хану. Знай же, шейх Иганай, чужеземные купцы для меня дороже моего народа. Ни русские, ни яванцы нам зла не причиняли.

— Хан, чужеземцы не могут быть дороже своего народа. Гость, он погостит и уйдет, а с народом своим тебе жить. Человек не по крови, по вере брат на этом свете, хан. Челове-

* Садака — подать.

ку прежде всего нужна истинная вера. Гяур останется гяуром и на базаре, и за праздничным столом. Древние говорили, что страну украшают пять качеств: справедливый хан, справедливый кази, богатый базар, искусный табиб и полноводная река. У болгар все это имелось. Теперь эти качества исчезают одно за другим, хан. Ты послал табиба Хасана к Улуг Мухаммеду, построил церковь в великом городе, разделил земли и отдал их своим сыновьям. Отдать-то легко, а вот получи-ка эти земли обратно! Охо-хо! Попробуй отними у своего сына эмира Хаджи Новый город. Он строит там себе целую державу. Я посылал своих мюридов, он одних в темницу посадил, других обратно отослал.

— Шейх, коли мне не изменяет память, табиба Хасана ты сам советовал отправить к Улуг Мухаммеду, не так ли?

— Может быть, и советовал, хан. Я всего-навсего советчик, а ты — вершитель. Русские торговцы заплотонили Ага-Базар. Сын богатого купца Степана Кучтума учится изготовлять оружие у искуснейшего оружейника Ахмета. Ты женил своего сына Ильхама на княжеской дочери. Мальчик, рожденный гяурской женщиной, претендует на болгарский трон. Эта сноха твоя родила еще одного мальчика. Хочу сказать, не эти ли обстоятельства служат в стране источником дурных слухов, хан. Выгони их, иначе нас задавят нечестивцы...

Салим-хан кивнул своим телохранителям. Два телохранителя встали по обе стороны шейха Иганая.

— Шейх, в Булгарии живут и мусульмане, и христиане, и язычники. Богатство же страны в народе. Если стану притеснять христиан и язычников, то христиане подадутся к князю уруситов, язычники начнут переселяться в Страны Мрака. Наша торговля с Римом в руках яванцев, торговля с Русью в руках Степана Кучтума и его товарищей. Я не хочу их терять. Я ждал от тебя, шейх Иганай, более толкового совета.

— Пусть Аллах сохранит страну от напастей, пусть в стране будет благоденствие. Таково мое желание, хан.

— Народ привлекает меня не только верой, но и богатством, шейх. Вера — это духовный мир человека, тогда как богатство — могущество страны. Я держу при дворце пятьдесят тысяч азатов. Многие из них разных верований, но я кормлю всех, обо всех забочусь. О князе уруситов не беспокойся, шейх. Пока я жив, он не будет воевать с Булгарией. Мы имеем договор. И нет причин...

— Если нет причины, князь ее отыщет, хан. Помяни мое слово! Отец твой отдал уруситам торговый стан, ты отдашь Жукетау.

— Мне не нужен торговый стан, шейх. Скоро на берегу Итили поднимется самый могущественный торговый город. Он может даже затмить великий город. Сын, эмир Хаджи, поднял Казань на вершину. Да будет так. Пройдет немного времени, и новый город превратится в крупный торговый центр, связующий Восток с Западом. Я верю в это. Многие придут к нам с поклоном и будут торговать в новом городе. Мы плавим невиданный в мире чугуна, сколько железа можно получить из него?

— Тебе больше нечего сказать мне, хан?

— Нечего, шейх.

Шейх Иганай встал и, не обращая внимания на стоявших по обе стороны от него телохранителей, направился к дверям. Салим-хан его не удерживал, все уже было сказано. Да, он грубовато говорил с шейхом, но так было нужно — мюриды шейха стали своевольничать. Пользуясь тем, что получают от народа большое количество хлеба и гошерную садаку*, мюриды стали вооружаться. Они обижали в Ага-Базаре яванцев, уже успевших породниться с булгарами. Салим-хан же вовсе не хотел обижать яванцев. Яванцы были искусные мастера, они строили каменные дома и умели торговать. Невзирая на религиозные убеждения, человек остается человеком. Какую бы веру он ни исповедовал, у него есть совесть, а у кого есть совесть, у того есть вера, у кого есть вера, есть дом, есть место, где можно читать молитву. Не верующий в Аллаха человек, кем бы он ни был, опасен для государства.

— Привратник, верни-ка шейха Иганая. Верни его!

Хан решил выведать у шейха что-либо о Назлыгюль. Действительно ли мюрид его совершил обряд обручения, прочитал никах, или это только выдумки? Возможно, и выдумки. Пожалуй, так оно и есть, ведь простой люд во все времена любит злословить о своих хозяевах.

Шейх Иганай вернулся недоуменный, не предполагая, зачем он понадобился, но виду не показал.

— Шейх, до меня дошли слухи, что некоторые твои мюриды совершают обряд обручения с девушками, коих везли без дозволения родителей.

Шейх Иганай молчал. Он будто испытывал долготерпение хана. Если хан не выдержит, вспылит, шейх возьмет верх над ним.

— Я найду этих мюридов, хан, и суду предам первого же, чтобы неповадно было другим.

* Гошерная садака — подать религиозным служителям, мечети.

— Ищи, шейх, найди и предай суду! Отрезать языки нарушителям законов шариата — мое дело, выискать виновных — твое. Если твои мюриды действительно обручают украденных девушек, читают никах, получая барыши, тебе, шейх, несдобровать. Я не намерен терпеть, чтобы в моем государстве не считались с законами шариата, читали никах без согласия родителей.

В душе шейха Иганая поднялся гнев на хана. Кто он ему? Какой шейх даже за тысячу золотых подставит своего мюрида под топор ханского палача? Авторитет шейха поддерживают не только правоверные, но и его мюриды. Мюрид в глазах народа — сама святость и честность, за что слава шейху. Девушки, коих умыкнули бесшабашные джигиты, во многих случаях сами этого желали... Но как доказать это хану? Тот мюрид, кто не убоится Аллаха, не убоится и шейха своего. В Булгарии похищение невесты не редкое явление, случались и тайные помолвки. Об этом шейх не раз слышал, но наказывать своих мюридов не спешил. Палка о двух концах. Разоблачить совершившего помолвку мюрида — значит, разоблачить свое учение. Не торопись-ка и ты, хан. Хотел бы ты узнать, где твоя дочь? Ее ведь тоже похитили. Ты полагаешь, что дочь твою увезли люди Улуг Мухаммеда. А я в это не верю. И все же я знаю, хан, что тебя тревожит.

— Назлыгюль, кажись, тоже умыкнули, хан?

Ничего более жестокого шейх не мог сказать хану. Лицо Салим-хана потемнело. Он вяло дал знак шейху покинуть тронный зал.

На другой день после завтрака шейх Иганай пригласил к себе своих мюридов. Он никому не сказал про ханский наказ. Спросил только о здоровье, житье-бытье, где был, с кем встречался, что вчера сделал, что будет делать сегодня, что намерен делать завтра. В числе других перед ним предстал мюрид Бадретдин. Почтительно склонился перед шейхом, положив руки на ковер, коснувшись его лбом.

— Ну-ну, Бадретдин, садись. Рассказывай про свои дела, как перед Аллахом, где был, чем занимался?

Мюрид Бадретдин долго рассказывал, стараясь ничего не пропустить, обо всем, что случилось в течение последних десяти дней. Шейх Иганай слушал его внимательно и заодно разглядывал мюрида. Одет чисто и очень красиво. На пальце перстень с изумрудом, на чалме — жемчуг. Спросил неожиданно:

— Кто подарил перстень? Кого-нибудь из богатых купцов обручил? Или беглых?

Бадретдин побледнел, снял с пальца перстень, протянул шейху. Шейх не взял перстень, только рукой махнул:

— Кого обручил?
— Вина на мне, мой шейх. Ночью меня схватили и увели, я и сообразить не успел. Только после двухдневного перехода развязали мне глаза.
— Кто дал тебе право совершить обряд бракосочетания над беглыми?!

Бадретдин не ожидал такого поворота, он бросился целовать носок сапога шейха.

— Не вздумай вилить, мне известно, что ты венчал беглых. Много ли девушек в руках беглецов? С ними ли ханская дочь Назлыгюль?

— Если скажу, не поверите, мой шейх.

— Почему же не поверить? В этом мире совершается много диковинного. Все в руках Аллаха.

— Везли меня с завязанными глазами. Куда и зачем, мне было неизвестно. Не что иное, как пришел мой конец, решил я тогда. Ехали долго, было время поразмышлять. За какие же тяжкие грехи Аллах карает меня? Я читал по памяти суры Корана, молился, чтобы Аллах отпустил мои грехи. А привезли меня в богатый дом. Чьи владения, кто хозяин этого дома, мне неизвестно. Грех на мне, мой шейх, читал я там никах, обвенчал молодых. Верьте мне, мой шейх, все было совершено по обоюдному согласию. Но нет, не было там ханской дочери Назлыгюль. Клянусь Аллахом, на Коране клянусь, не было ее там. Не мог я отказаться, мой шейх. Так и сказали: если откажешься, не жить тебе на этом свете. Что оставалось мне делать, мой шейх? Не за себя боялся, деток своих малых в сиротстве не хотел оставить. От судьбы не уйдешь...

— Ты совершил большой грех, мюрид Бадретдин. И я вынужден буду отдать тебя в руки аль-кази. За совершенный грех ответишь перед ханом. А за обман своего шейха, за своеволие будешь гореть в аду. Аллах тебя не простит за совершенные грехи. Раб божий... Что же делать мне с тобой?! Чем смоешь свой грех?!

— Мой шейх, что повелишь, то исполню.

— Молчи! Не накликай новую беду на свою голову. Если не хочешь отправляться в ханскую тюрьму, слушай, что я тебе скажу, мюрид Бадретдин: епископ Аббас, оказывается, жалуется на свое здоровье. Ускоришь...

— Мой шейх, епископ, как и мы, под покровительством хана. Как я подниму на него руку?

— Если прибавишь гнев в сердце, то поднимешь, мой мюрид. Епископ Аббас построил церковь, хочет отвернуть народ болгарский от истинной веры!

Шейх Иганай поднялся с места, подошел ближе к мюри-

ду. У того начало дергаться левое веко, в конце концов он не выдержал, упал на колени, стал целовать полы халата шейха.

— Не накидывай мне на шею веревку, мой шейх. Спаси! Всю жизнь буду твоим рабом!

— Ступай, делай, что велено. Все будет зависеть от того, как исполнишь волю шейха своего.

Мюрид Бадретдин ушел, шейх проводил тяжелым взглядом вдруг сразу сгорбившуюся его фигуру. Голову мюрида отрубят если не хан, то кто-нибудь другой. Возможно, урушит. За убийство епископа. Если не убоится, если убьет Аббаса, шейх Иганай освободится разом от двух врагов. Теперь уже и мюрид Бадретдин был для шейха врагом. Скоро шейх Иганай отправится в хадж, к святыне мусульман Мекке, преклонит голову перед Каабой, прочитает все суры Корана, станет чист и безгрешен, словно младенец.

Однако шейх Иганай еще не выполнил просьбу хана. Вспомнил он, как перед смертью бывшей жены хана, Туйбике, визирь Камай велел пригласить шейха. В предсмертный час женщина ухватила за руку шейха и с непонятной для угасающей силой произнесла: «Мой сын Дауран любит ханскую дочь Назлыгюль. Он должен на ней жениться, помоги ему, не бери грех на душу, шейх». Шейх Иганай воспринял ее слова как бред умирающей, хотя был немало озадачен таким откровением. А что, если ханская дочь в руках мастера Даурана? Невероятно, уму непостижимо. Тогда ханская дочь в Казани, а не в Ургенче? Если сказать об этом хану, он может с ума сойти. Потому что мастер Дауран — его раб. Правда, мастера Даурана освободил из рабства эмир Хаджи. Но примирится ли с этим хан? И если мюрид скрыл правду, если он обручил мастера Даурана с ханской дочерью? Откуда у него дорогой перстень, уж не ханская ли дочь принесла ему в дар за доброе и вовсе не безопасное дело?

Что делать в таком случае шейху? Спасать своего мюрида или свою жизнь?

Впервые в жизни шейх Иганай очутился в столь затруднительном положении. Ему захотелось первым делом повидать мастера Даурана, удостовериться в содеянном, и в то же время от мысли, что Назлыгюль — жена Даурана, брала оторопь. После убийства епископа Аббаса мюрид Бадретдин сразу же должен исчезнуть. Кому такое поручить?

Шейх Иганай позвал двух мюридов-исполинов. Эти невежественные люди, не умеющие отличить алиф* от палки, исполняют все, что им прикажет шейх. Приказ шейха для

* А л и ф — первая буква арабского алфавита.

них был равнозначен слову Аллаха. Когда перед шейхом встали два остолопа, он велел привратнику своему на время выйти.

— Муллы, мюрид Бадретдин совершил великий грех. Скоро он вернется. Самое позднее — завтра. Чтобы его тело было в Итили, не забудьте привязать к шее камень, — шейх дал обоим болванам по десять золотых. — Не бросайтесь людям в глаза. Исполняйте, что велено. Мюрида Бадретдина никто не должен видеть. Если будете верны исламу, место ваше будет в раю. Я сегодня же уеду из города. Пусть Аллах вам будет советчиком...

* * *

Выехав из великого города, шейх Иганай быстрее погнал коня. Он знал, сегодня ночью мюрид Бадретдин укоротит жизнь епископу Аббасу. Остальное будет, как задумано. В ту же ночь его схватят невежи. Они убьют его, а тело сбросят в реку. Шейх Иганай думал так, но все же сомнения не покидали его. Хан мог догадаться, кто приказал убить епископа, и послать за ним погоню. Тогда шейху несдобровать. Поэтому чем раньше и дальше он унесет ноги от Великого города, тем будет лучше. И шейх погнал коня во всю мочь. Скоро уже город Бряхимов, а там до Казани рукой подать. Шейх не взял с собой, как дервиши, съестных припасов, в Булгарии все его знают, у кого бы ни остановился, его накормят. В Казани он узнает о ханской дочери правду. Вернется в Великий город, получит у хана вознаграждение — тысячу динаров золотыми и в тот же день уедет в Ургенч...

23

Войдя в лес, Зайтуна словно вернулась в свой мир. Выросшая в бескрайней степи, она сразу же полюбила лес. У степи была своя прелесть, у леса — свое величие. Но степь она не забывала. Она манила девушку, звала, тянула. Волнистый ковыль, одинокий беркут в синем небе, выискивающий добычу, пронзительный свист суслика, оранжевый закат, табун коней, несущийся к водопою, крик пастуха — все это хранится в памяти. Девятилетняя Зайтуна, бывало, выходила в степь, распевала песни, собирала белесый ковыль, который, касаясь лица ее, приятно щекотал. Помнит и то, как от нежного щекотания ковыля на нее накатывал необузданный, дикий смех. И Зайтуна смеялась до боли в животе. Остальное плохо сохранилось в памяти, а вот нежный ковыль, казалось, всегда приятно щекочет ее лицо, напоминает былое.

Когда Зайтуна подросла, старший брат привез ее в Великий город, потом отдал в семью эмира в Кашан. Акбике приняла ее как дочь родную, а лес стал ее вторым домом. В лесу у нее не только настроение, даже дыхание менялось, хотелось петь.

Помнит она и такой день: когда ей исполнилось двадцать лет, приехали к дворцу эмира сваты. Но Зайтуна отказала им. Это был ее первый отказ. Среди желавших жениться на ней джигитов были и аталыки*, и батыры, и менбаши, купцы и сыновья придворных. В этом году ей исполнилось двадцать три года. Сваты перестали к ней приезжать. Дурная весть о том, что Зайтуна не желает выходить ни за кого замуж, что она ирдаука — мужеподобная — распространилась по всей округе.

Хоть и получила Зайтуна это обидное прозвище «ирдаука», она не теряла надежды, ждала своего единственного, верила, есть где-то и ее суженый, и он придет. В воображении она встречала его то в лесу, то во дворце, то на улице. Верила девушка, что пока они только не встретились, но это непременно произойдет. Она сердцем почувствует, встретив его. Встретятся, и Зайтуна все ему расскажет. Ее глаза расскажут, что суждено Аллахом им соединиться.

Часто Зайтуна ездила в лес верхом, иногда, бывало, и пешком ходила. Вот и сегодня она пошла пешком по ягоды. Дойдя до знакомой поляны, обратила внимание на березку с распущенными волосами и стоящий рядом с ней, бросающийся в глаза своей могучей статью дуб. За ними уютно устроились осины. Зайтуна улыбнулась. Приятная истома охватила ее. Под ногами густая зелень травы. В траве там и сям краснеют, склонив головки, ягоды. Не выдержала, увидев несколько кустиков со свисающими кистями ягод, села на траву. Ягоды уже перезрели, стали подсыхать.

Скрывающийся от шейха Иганая и его мюридов известный в округе шаман впервые увидел Зайтуну на этой поляне. Увидел и застыл в изумлении. Посреди поляны, откинув оборчатый подол платья, сидела сама богиня. Почему-то до сих пор он ни разу не видел ее здесь, может, она с неба сошла? На девушке цветастое платье, зеленый камзол, на голове белый платок. Девушка что-то ищет в траве, находит, кладет в рот, и, зажмурив глаза, радостно улыбается.

Шаман тихонько двинулся к ней, он не ощущал собственных шагов, как будто не на землю ступал, а шагал по верхушкам трав. По мере приближения к девушке он терял реше-

* Аталык — атаман.

мость, нервничал. Девушка будто заворожила его, заколдовала уже одним своим божественным видом. Для него сидевшая посреди поляны девушка принимала то образ птицы Семруг, то — лесной царицы, хотя шаман ни ту, ни другую никогда не видел. Он шел к девушке, как мотылек на свет.

Наконец, он опомнился, остановился. Потом неуклюже попятился и притаился за старым дубом. Шаман всю жизнь провел в лесу, он знал язык птиц, пел вместе с ними, то соловьем заливался, то кукушкой куковал. На звуки девушка подняла голову, огляделась. Что это! На исходе лето, а слышит голос кукушки?! Голос не повторился. Девушка успокоилась, наверняка послышалось. Встала, подняла с земли лукошко. Не по ягоды пришла, а собирать калину, а тут наткнулась на ягодное место. Чтобы собрать калину, нужно спуститься к реке, а для этого — пройти мимо крепости. Зайтуне не хочется идти мимо крепости. Азаты на крепостной стене языкастые, не прочь злые шутки отпустить вслед проходящим женщинам. Кроме того, менбаши крепости некогда посылал к ней сватов. Брат, Бачман-багадур, хотя и уважал подчиненного своего, но недолюбливал. Он тоже был против того, чтобы она вышла замуж за менбаши.

На ближнем дереве затрещала сорока. Значит, поблизости кто-то есть. Зайтуна оглядела полянку и примыкающие к ней места. И тут она заметила притаившегося за толстым дубом шамана.

Увидев, что стоящая посреди поляны девушка заметила его, шаман вышел из-за дерева и медленно стал подходить к Зайтуне. Сначала она решила закричать, потом ей пришла мысль бежать, но она не сделала ни того, ни другого. По правде говоря, она не боялась шамана, она уже видела его в Кашане.

— Кто ты? — спросил шаман.

— Я сестра багадура Бачмана — Зайтуна, шаман, — ответила девушка.

— Я — шаман. Шаман этого леса. Меня преследуют мюриды шейха Иганая, поэтому живу здесь, в лесу.

— Почему ты одет в лохмотья, шаман? Ты не шаман, ты нищий.

— Я не нищий, я шаман. У меня недалеко отсюда есть бог, он такой светлый, ясный. Из чистого золота.

— Ты сумасшедший? Ты леший?

— Я не сумасшедший и не леший, я шаман, главный шаман, и зовут меня Булгар. Но меня уже давно не зовут по имени, поэтому я сам начинаю его забывать. Я самый богатый шаман, у меня есть золотой бог.

— Несчастный, — сказала Зайтуна. — Может, ты и бога-

тый, но сумасшедший. Разве богатый человек так одевается? Погляди на себя. Не человек, а чучело огородное. Как тебя до сих пор тархан Юмагул не поймал?

— Тархан Юмагул сам боится меня. Город ему принадлежит, лес — мне.

— А жилье в лесу у тебя есть?

— Есть-есть, сестра Бачмана, есть. Хочешь посмотреть? У меня там хорошо.

Вот тут только появился у Зайтуны страх перед шаманом. Если шаман зовет к себе, значит, дома у него нет, нечего и говорить. Зайтуна хорошо знает эти места. Но любопытство пересилило страх. Приглашение со стороны лесного богача с седой бородой, с изрытым бороздами морщин лицом, в жалких лохмотьях, показалось ей даже интересным, и это пересилило страх.

— А если я взаправду пойду, шаман? — сказала девушка, высокомерно улыбнувшись.

— Я напою тебя настойкой, приготовленной из самых целебных трав, сестра Бачмана. Угощу сушеными ягодами. У меня все есть. Я богатый шаман Булгар.

Зайтуна не знала, верить или не верить шаману. Шаман он или принявший облик шамана хозяин леса? Но когда шаман приглашающим жестом позвал следовать за ним, она послушно пошла. Вышли с поляны, через некоторое время дошли до ущелья. Шаман зашагал вдоль ущелья. Пройдя некоторое расстояние, он оглянулся, чтобы удостовериться, следует ли за ним девушка. Шаман удивился ее смелости. Когда он выходил на кашанский базар, его называли привидением, чтобы не ходил и не пугал ребятишек. Интерес шамана к девушке возрос по мере приближения к пещере, которую шаман называл своим домом.

— Где же твой дом, шаман? — спросила Зайтуна, остановившись недалеко от жилища шамана.

— Дошли, — сказал шаман. — Вот мой дом, в пещере.

— В пещере?! — удивленно спросила Зайтуна. — Ходишь тут, дурацкие шутки отпускаешь! Кто тебе поверит?..

— Не гневайся на меня, сестра багадура. Я несчастный шаман. Меня все обижают, оскорбляют, преследуют. Когда не стало возможности жить среди людей, я устроился в этой пещере. Я здесь на воле, меня никто не обижает, никто не оскорбляет, никто не преследует.

— Я тоже обиженный человек, шаман. Родители умерли, я воспитываюсь у эмира. Брат ко мне очень редко приходит. Меня никто не понимает, не хочет понять. Я люблю ездить верхом, стрелять из лука, быть азатом, а меня учат шить, вышивать, готовить...

Шаман долго смотрел на девушку и, кажется, даже прослезился, слушая исповедь Зайтуны. Ему показалось, что судьбы их даже в чем-то сходны. Шаман опустил перед ней на колени, поклонился, потом поднялся и принялся кружить вокруг нее, произнося какие-то непонятные слова, издавая дикие звуки. По всему было видно, шаман радовался, торжествовал. Он жил здесь один, жил неплохо и был доволен своей жизнью. У него были лес, свобода, пещера, куда мог спрятаться от людских глаз. Но он всегда страдал от одиночества, хотелось хоть с кем-то общаться.

— Ты лесная богиня! — сказал он ей.

— Я не богиня, я Зайтуна, сестра багадура Бачмана.

Он уже это слышал. Думал, что она шутит. Не веря глазам своим, шаман осторожно коснулся девушки. Девушка не испугалась, наоборот, насмешливо улыбнулась. Эта улыбка вновь поставила шамана в тупик.

Он уже почти прожил жизнь, но не помнил, чтобы женщины не боялись его. В это время девушка снова что-то ему сказала. В ее голосе слышалась печаль и грусть соловьиного пения. В черных девичьих глазах — искорки любопытства, на свежих губах — легкая улыбка. Взгляд шамана привлекали янтарные бусы, нашитые на платье сверкающие драгоценные камни, серебряный браслет. На поясе у девушки висел кинжал с насечкой. Шаман вдруг очнулся, огляделся. Да, все это не во сне, а наяву.

Через густую крону деревьев в ущелье просачиваются солнечные лучи, играя на платье девушки.

— Покажи свой дом, шаман!

— Нет у меня дома.

— Я же вижу, ты здесь живешь, шаман. Покажи свое жилище! Я знаю, шаман, ты поклоняешься идолу, древнему идолу булгар. Я хочу его видеть, шаман.

Шаман отпрянул в сторону.

— Ты пророчествуешь, ты колдунья! — воскликнул испуганно шаман.

Зайтуна не пророчествовала, она просто начинала сердиться на этого потешного шамана. Почему-то она его совершенно не боялась.

— Жилище твоё здесь? — Зайтуна кивнула в темноту под кронами деревьев. Шаман медленно направился туда. Зайтуна последовала за ним. Отодвигая ветви вяза, шаман прошел вглубь, и Зайтуна вошла за ним в темное жилище.

— Шаман, зажги свет! — сказала девушка.

Шаман взял лучинку, высек огонь. Укрытие чуть осветилось, оно было узким и длинным. Шаман пошел впереди.

— Это твоё жилище?

— Да, дошли уже, вот! — показал шаман и, подняв какую-то жердь, пропустил девушку вперед.

— Подержи лучинку, сейчас открою проход, я закрываю его берестой, — сказал шаман и, вручив Зайтуне горящую лучинку, полез наверх по веревочной лестнице, открыл проход.

В скалистую пещеру проникли лучи солнца. Зайтуна оглядела помещение: в глубине нечто похожее на нары, на них настланы шкуры, по левую руку выдолбленная выемка для очага, тут же котел. «Значит, шаман варит мясо», — подумала Зайтуна. В глубине — еще одно помещение, вход в него был закрыт берестой. Приподняв лучинку, Зайтуна направилась туда.

— Туда нельзя! — крикнул шаман, скатываясь с лестницы. — Нельзя туда, Зайтуна, сестра Бачмана.

— Что там? Почему нельзя? — удивилась Зайтуна.

— Ради всего святого, не заходи туда, — шаман преклонил колени, хотел обнять ноги Зайтуны, но она быстро отпрянула.

— Почему, шаман?

— Я храню там в глубоком колодце свое богатство. Осторожней, можешь упасть. Дай лучинку, сначала я войду!

Начиная сердиться, шаман выдернул из рук Зайтуны лучинку и, отодвинув бересту, прошел внутрь. Но девушка почему-то не вошла за ним. Шаман бросился обратно. Но Зайтуны ни в пещере, ни в ущелье не было. Шаман беспомощно сел на землю. Что с ней случилось? Только что он чуть было не открыл девушке свою тайну. А ведь эту тайну деды хранили тысячелетиями, передавали из поколения в поколение. Его настигла старость, и, следуя завету отца, он должен был все богатство и шаманство оставить роду мужскому. А он на старости лет привел в пещеру девушку и чуть не открыл ей весь секрет.

Шаман, закрыв лицо руками, раскачивался из стороны в сторону. Он ни на миг не должен был терять ее из виду. Если она вернется с братом, что будет тогда?

Шаман медленно поднялся и потерянно шагнул к пещере. Лучина в руке погасла, он не стал вновь зажигать ее; по знакомой тропке он мог пройти, закрыв глаза. Булгарского шамана одолевала одна мысль: на самом ли деле эта девушка являлась сестрой Бачмана-багадура? Возможно, она хозяйка леса, принявшая облик сестры Бачмана-багадура? Шаман почему-то хотел, чтобы именно эта девушка была лесной хозяйкой. Хотя люди называют хозяином леса шурале — лешего, дескать, с рогом на лбу и длинными-предлинными пальцами. Он не причиняет человеку зла, вот только может защекотать. Но шаман Булгар ни разу не встречал этого са-

мого шурале. Впрочем, его уже самого многие считают хозяином леса. Почти все пугались, встретив шамана в лесу. На прошлой неделе, выходя из ущелья, встретил старуху, та, отплевываясь и читая молитву, быстро удалилась. Она, по всей вероятности, приняла его за лесного духа, хотя шаман изредка появлялся на кашанском базаре. Вот он и подумал, что встретишься ему не Зайтуна, сестра Бачмана-багадура, а оборотень, принявший ее вид. Конечно, оборотень! Девушка бы обязательно испугалась. А она вела себя спокойно. Шаман знал, что в Булгаре только Чачак-ана могла переменить облик. Чачак-ана давно покойница, шаман Булгар сам ходил ее хоронить... Или душа Чачак-аны вернулась таким образом в его лес?

И вдруг шаман увидел лесную девушку. Душа его возликовала, он встал перед девушкой на колени, поцеловал подол платья и заплакал.

— Ты, — произнес он, как будто совсем не удивившись. — Не обижай меня, лесная богиня. Я тебе расскажу свою историю. Меня еще мальчиком привел сюда шаман Булгар, который оставил мне свое имя. Он старался воспитать меня по своему образу и подобию. Эти места, Чертово городище, лежавший в руинах, шаман считал своими. В эти края никто не осмеливался прийти — боялись шайтана. Но нашлось смелое сердце: он пришел и принялся восстанавливать городище. Шаман Булгар его предупредил, но остановить не смог. Шаман остался лежать в основании городка. Я остался один. Теперь и я состарился. Была мечта: кого-нибудь оставить на своем месте... — шаман взглянул в глаза Зайтуны. — Ты и вправду сестра Бачмана-багадура, Зайтуна? Если та самая, то к тебе приходит много сватов, и ты всех заворачиваешь обратно? Так ли?

— Я сестра Бачмана-багадура Зайтуна, шаман. Я видела тебя на кашанском базаре. Ты не веришь ни в бога, ни во всевышнего, у тебя свой бог — идол, статуя богини!

У шамана глаза полезли на лоб, и он привстал.

— Откуда тебе ведомо про это, лесная дева?

— Меня обучал дворцовый секретарь Хафиз, шаман. Он многое знает. Успокойся, шаман: ты никакой не шаман, ты обыкновенный человек. Кем-то оскорбленный, обманутый. Брось эти лохмотья и возвращайся в Кашан, я упрошу бике, чтобы тебе дали работу во дворце!

— Эмир сделает меня рабом, лишит свободы. Знаешь, лесная дева, что на свете всего слаще? Свобода! Да, да, свобода! Я здесь свободен, я никому не подчиняюсь. Я сам себе хозяин. Я свободен!

— Нет, ты не свободен, шаман. Ты раб своего идолища.

Раб ты! Сам ты на свободе, а душа твоя в оковах, шаман. Ты несчастнейший из несчастных, бедолага!

Шаман опустил на колени и закрыл лицо руками.

— Пытай меня, ругай, проклинай, лесная дева! Проклинай! Но я не несчастный, я свободный, а значит, я счастливый. Я богатый шаман! В моих руках зол... Глаза шамана выпучились, он прикрыл руками свой рот и лег плашмя на нары.

— Я ухожу, шаман, — сказала Зайтуна. — Мне пора. Вечер наступает.

Шаман не ответил. Ему в эти минуты было очень тяжело. Ведь его одолела лесная дева. Она за один миг раскрыла его тайну, которую он прятал годами от людей. Да, он поклоняется идолу, но не каменному, а золотому идолу, он спит с ним в обнимку. Идол из чистого золота, изображает прекраснейшую богиню. И нет ей в мире равных, хотя она холодна, бездушна и безмолвна. Шаман разговаривает с ней, доверяет все свои тайны, а та молчит. Очень редко и только во сне она приходит к нему как живая. Золотая статуя слушает его, сочувствует ему, позволяет себя любить. Шаман просыпается в поту, видит что холодная статуя спит у него в ногах, и ему становится жалко себя. Но в последние годы она перестала ему сниться, и шаман начал острее чувствовать свое одиночество.

* * *

Зайтуна взяла лукошко, оставленное на полянке, быстрым шагом пошла по знакомой тропинке. От опушки леса до Кашана уже недалеко. Солнце катится за лес. Зайтуна перешла на бег. В это время перед ней возник всадник, словно из-под земли вынырнул.

— Эй, стой, кто ты! Куда так торопишься, кто тебя гонит?!

Зайтуна остановилась, взглянула на всадника. Она с малых лет питала уважение к азатам-всадникам, потом подумала, что, наверное, это азат ее брата.

— Что в лукошке?

— Ничего. Ходила за калиной, но не нашла.

— Дай-ка лукошко! Дай, говорю, лукошко!

Зайтуна отдала ему лукошко, он повесил лукошко на седло.

— Ты кто?

— Не видишь разве, азат! От кого ты так убегала?

— От тебя. От тебя, разбойника!

— От меня, от разбойника?! — удивился азат. — Я разбойник?

— Да, разбойник! Отдай мое лукошко!

— А я не отдам. Не отдам, что будешь делать?

— Знаю, что делать. Кто ты, не знаю. Я сестра Бачмана-багадура.

— Вот как! Вот какую птицу я встретил!

Азат пронзительно свистнул, тут же из лесу показались еще два всадника и подскакали к ним. Один из всадников сошел с коня и, взяв его под уздцы, поклонился Зайтуне.

— Здравствуйте, Зайтуна туташ! Вы, пожалуйста, извините Артыка. Он вас не знает, не видел, извините. Артык, скажи: извини, туташ. Пень еловый! Знаешь, кто перед тобой? Сестра багадура Бачмана Зайтуна.

— Джик Мерген! — удивилась Зайтуна. — А ведь я думала, что ты станешь багадуром, мерген, а ты все еще в бегах. Похвально, похвально, мерген. Ничего не скажешь.

— Эй ты, русалка, не обижай багадура. Он мой багадур, — сказал Артык. — Джик Мерген, позволь, умыкну я ее?

Артык, ехидно улыбаясь, слез с коня и пошел к девушке. Джик Мерген не успел рта раскрыть, как Зайтуна сбила Артыка с ног, вскочила на его коня и помчалась к городу. Джик Мерген на миг растерялся. Он никак не ожидал от нее такого. Видя лежащего на земле Артыка, он громко расхохотался. Вzbешенный Артык вскочил и побежал, размахивая руками. Его догнал Мамак и крикнул Джик Мергену:

— Стрелой ее подшибу, Джик Мерген?

Джик Мерген, увидев, как Мамак натягивает тетиву, камчой сбил стрелу.

— С ума сошел, Мамак!

Мамак отстал, Джик Мерген стеганул коня камчой и помчался вслед за беглянкой.

— Зайтуна туташ, Зайтуна туташ! погоди, постой! Он не хотел тебя обидеть.

Но было уже поздно. Навстречу девушке скакали азаты и Джик Мерген повернул обратно. Он подал знак Мамаку и Артыку скакать к лесу, а сам снял лук, готовясь биться с азатами. Но они, встретив Зайтуну, вернулись в город. Доехав до поляны, Джик Мерген пустил коня. Конь Мамака, который вез еще и Артыка, далеко отстал. Но вот и они подоспели. Артык прыгнул с коня и стал стремительно расхаживать. Мамак смеялся, Джик Мерген улыбался, глядя на разгоряченного Артыка.

— Видел, как сшибла она меня с ног!? Не девка, а черт, сам черт!

— Зря ты мне помешал. Надо было ее пристрелить, — сказал Мамак.

— Постыдись, Мамак, сбить женщину стрелой? Ты в своем уме? — сказал Джик Мерген. — Артык хотел ее умыкнуть. Так, что ли, Артык?

Наконец смех разобрал и Артыка.

— А ведь здорово удрала, а? Кто бы мог подумать! Я и очухаться не успел, сбила с ног, уселась на коня и умчалась.

— У нее за поясом был кинжал. Все равно бы не подпустила тебя, — сказал Мамак.

— Ну и хороша, глаза — огонь. Горда, упряма, строптивая. Не случайно семи сватам отказала. Не нашла, выходит, ровню... Джик Мерген, где для меня коня раздобудем?

— Сам коня проморгал, сам и найди, Артык. Выйдешь на приречный луг и купишь у пастухов.

— За деньги, коня?!

— А как ты думал? Мы не разбойники, Артык. Мы беглые. И девушку когда-нибудь да встретим. Отдаст она тебе коня. Ежели она достойная сестра багадура Бачмана.

— Мне все равно, — сказал Мамак.

— Мне тоже, — добавил Артык. — Конь был хороший... Жалко.

— Коня найдешь, конь не голова, лишь бы она была цела. Сказал тебе, ночью спустишься на луг. На лугу эмира Хаджи кони не перевелись, какого пожелаешь, того и выберешь.

— Пастухи эмира — народ злющий, знаю я их, с ними не столкнешься.

— Купишь. Дашь три золотых, и получишь хорошего коня.

— Кони эмира Хаджи мечены, Джик Мерген. Конь с тамгой мне не надобен. Я коня найду, Джик Мерген, не волнуйся. Сегодня же найду, только дай на время своего коня.

— Хорошо, дам. Но смотри, попадешься — не возвращайся. Мы тебя не примем...

— Слушаюсь, Джик Мерген. Только коня дай, вместо одного двоих приведу. Жалко, колчан и щит красивы были и надежны, — сказал горестно Артык.

— Оружие найдем, — сказал Джик Мерген, вставая. — Где заночуем?.. Шалаш бы построить, Мамак?

— Сделаем, мерген. Солнце садится, сначала схожу к ручью, принесу воды.

— А я нарублю веток для шалаша, — сказал Джик Мерген — Артык, что как потерянный стоишь? Бери коня и отправляйся. Утром чтобы здесь был.

— Буду, багадур. Слово азата!

— Скажи: Алла бирса!

— Да, мерген, и да поможет нам Аллах. Слушай-ка, багадур, — сказал Артык нерешительно. — Тебе понравилась сестра Бачмана?

— А что? Или сватом намерен быть, Артык?

— Нужно будет, и сватом могу, — ответил Артык, думая о

чем-то своим. — Можно и сватом. Первое испытание я прошел. Теперь я ее знаю, она меня, — добавил он, улыбаясь.

— Не тешь себя пустыми надеждами, Артык. Кто мы? Беглецы. А что платит эмир Хаджи за каждую беглую голову?

— Сто золотых!

— Видишь, сколько стоят наши котелки.

— Твой котелок тысячу золотых стоит, багадур.

— Как видишь, недешево стоим. Следовательно, не суждено нам жениться. Все это лишь мечты. Ежели по правде, понравилась она мне, не только строптивостью своей... Мила, ничего не скажешь.

— Раз так, девушка будет здесь, Джик Мерген. Артык лишнее говорить не станет. Слово джигита!

— Хочешь, чтобы эмир Хаджи отрубил тебе голову, Артык?

— Для этого прежде всего надо поймать беглого Артыка, багадур. Ладно, я поеду.

— Успехов тебе, Артык! Смотри в оба, не попадись в руки азатов эмира Хаджи.

В это время Мамак принес в кожаном мешке воду.

— До свидания, Мамак, — сказал Артык, сидя на коне.

— Благополучного возвращения, Артык, удачи тебе! — сказал Мамак. — Багадур, поставим шалаш вон под тем вязом. Ага, вон там. Под листвой вяза не будет бросаться в глаза. Слышь, багадур, говорят, эмир Хаджи собирается отделиться от Салим-хана. Правда это или врут?

— Тебе не все ли равно, Мамак?

— Оно конечно, все равно, багадур. Да ведь когда едины все, силы больше. Багадур, может, нам податься к брату Салим-хана Мухаммедалиму? Говорят, Мухаммедалим собирается возвращаться в Булгарию. Кипчакский хан Янтаск выдал за него свою дочь и поможет ему вернуть болгарский трон.

— Степняк не любит биться в лесу, Мамак.

— Кипчакам все равно где биться. Они народ воинственный и знают толк в битве.

— Побоятся леса, Мамак!

— Может, и побоятся. А мне нравится в этом лесу, багадур. Может, остаться, пожить, приглядеться? Я по ущелью проехал. Любопытные там есть места, багадур, не только троих, тысячу азатов можно спрятать.

— Там видно будет, — ответил Джик Мерген. На небе замерцали первые звезды.

Мерцающая звезда почему-то напомнила ему сестру Бачмана-багадура. Раньше он не обращал на девушку внимания. А сейчас она не выходит из головы.

Зайтуна торопилась. Хотелось поскорее повидать шамана, справиться о его здоровье. Она привязала коня напротив горной пещеры. Вот эта таинственная пещера с почти незаметным входом. Зайтуна достала факел, высекла огонь. И осторожно шагнула вперед. Сегодня пещера показалась ей несколько жутковатой. С потолка свисают корни деревьев, зашевелился сыч, запищали летучие мыши. У Зайтуны гулко застучало сердце, отдалось звоном в ушах. Сделала несколько шагов и остановилась. Стало страшно. Преодолев страх, Зайтуна осторожно пошла вперед и снова ощутила гулкий стук своего сердца. Дошла до берестового полога и в нерешительности остановилась. Куда девалась ее смелость? Подняла факел повыше, взглянула перед собой. Смотри-ка, убежище дальше уходит! Что там? Шаман ей этот подземный ход, кажется, не показывал. Вспомнила вчерашнюю встречу с азатами и Джик Мергеном. Она его знала еще с ханской школы, ибо часто приходила на стрельбище. Там она и увидела Джик Мергена. Они не обратили друг на друга внимания. Только несколько раз обменялись взглядами, да, кажется, кивками поздоровались. И все. Он был горд. Первый стрелок хана. Уже начинал привыкать к славе. И вдруг эта встреча в лесу. Слышала она, что его разыскивает багадур Тубыкбай, что за его голову обещана тысяча золотых, но не очень в это верила.

После встречи она все время думала о нем и всю ночь видела его во сне. Проснувшись, долго лежала, вновь думая о Джик Мергене. Почему он занял все ее мысли? Может, это ее суженый? Неужели? О Аллах, нет, нет и еще раз нет!

А тут еще этот шаман. Станный и жалкий... Может, он знает, где прячется Джик Мерген? Говорят же, что шаман хозяин этого леса.

Зайтуна кашлянула, но ответа от шамана не получила. Зайтуна подняла полог, шагнула в пещеру. Шаман встретил ее лежа. Он не смог даже головы поднять. Слабым голосом он пригласил девушку пройти в его жилище, чувствовалось, что шаман ждал Зайтуну.

— Салям, шаман.

— Лесная дева? Проходи, садись на колоду. Я прихворнул малость, прости, встать не могу. Суставы болят, со мной иногда бывает такое.

— Ты хвораешь, шаман?

— Я умираю, русалка. В этой пещере меня похоронишь, русалка. Я умолял свою богиню Каму, чтобы ты пришла. И она выполнила мою просьбу. Ты сможешь ее увидеть. Возь-

ми светильник и пройди внутрь пещеры, там она. Она нас слышит.

— Ты не умрешь, шаман. Я вылечу тебя, бог или богиня вырвет тебя из рук Азраила.

— У меня своя богиня, русалка. Она решила взять мою душу. Мы уже договорились с ней.

Зайтуна взглянула в дальний угол комнаты; там темно, тихо, слышно, как капает вода. Она осторожно пошла туда. Подняла факел повыше. Взглянула и чуть не вскрикнула. На нее смотрела золотая статуя размером чуть больше годовалого ребенка. Статуя сверкает, лучится при свете факела. Зайтуна подошла к ней, слегка коснулась ее холодного лица. Так вот какая она, богиня Кама! Если она всесильна, то пусть спасет его! Он же может умереть.

Зайтуна преклонила колени перед золотой богиней Камой, долго разглядывала ее.

— Спаси ты его, богиня Кама, пожалуйста, спаси! Ему не хочется умирать. Ты спасешь его. Ты ведь женщина. И похожа на меня. Я добрая, и ты тоже должна быть доброй. Оживи его, тебя об этом умоляет несчастная девушка по имени Зайтуна, слезно умоляет...

Зайтуна услышала за собой стон и вышла к шаману, осветила его пожелтевшее лицо цвета осеннего березового листа. Зайтуна вскрикнула, подняла факел, сунула древко в отверстие в стене и коснулась лица шамана. Она почувствовала холод смерти. К горлу Зайтуны подступил ком, страх и жалость сковали ее, слезы катились по ее окаменевшему лицу. Учитель Хафиз часто читал ей книги Абу-Али Ибн Сины. Абу-Али Ибн Сина оставил прекрасные слова о слепо поклоняющихся богам. Он не советовал никому слепо верить, даже самому Аллаху. Слепо поклоняющимся нужно лечить не только тело, но и рассудок, говорил ученый. Шаман Булгар слепо верил в свою богиню Каму, обращая к золотой статуе как к живому существу и, не ожидая от нее ответа, сам давал ответ на свой же вопрос, на свою просьбу. Учитель Хафиз часто говорил ей: «Зайтуна, в душе человека всегда будут жить три качества. Одно из них — прекрасная юность, другое — красота, третье — глупость. Юность — скоропроходяща, жизнь красоты тоже коротка, глупость же будет преследовать тебя всю твою жизнь, влачиться за тобой. Поэтому остерегайся делать глупости. Где бы ты ни странствовала, в какие бы обстоятельства ни попадала, не забывай прежде всего об этих качествах».

Да, чтобы совершить глупость, ума не надо. Этот человек нашел свое счастье в золотой статуе, которой безмерно ве-

рил. И в результате стал жертвой этой веры. Так сказал бы ей учитель Хафиз.

Шаман скончался, а она стоит возле него в оцепенении, не в силах уйти. Вдруг она услышала доносящиеся откуда-то сверху голоса.

— Здесь пропасть! — закричал один. — Багадур, близко не подходи!

Зайтуна попятилась назад и подняла полог над входом в жилище шамана. В этот момент что-то грохнуло и в пещеру посыпалась земля, стали скатываться камни. Зайтуна бросилась к выходу, ударяясь о каменные стены. От страха она забыла себя, и только, увидев впереди свет, чуть успокоилась, прислонилась к стене и заплакала. Долго стояла она в каком-то оцепенении, не в силах прийти в себя. Что же случилось в пещере шамана? Встретилась ли она с ним или все это сон?

Сколько она пробыла в пещере, Зайтуна не могла вспомнить. Когда, наконец, она выбралась в ущелье, была уже ночь. Конь ее заржал, почуяв хозяйку. Зайтуна обняла коня за шею, молча стояла, приходя в себя.

Она чувствовала, что конь, надежный ее друг, понимает, теплым своим дыханием хочет согреть и успокоить свою хозяйку. Зайтуна погладила гриву коня, пальцами расчесала челку, похлопала по спине и поехала вниз по ущелью. Наконец, Зайтуна доехала до знакомой поляны. При свете луны поляна казалась облитой серебром. Почему-то перед мысленным взором Зайтуны опять предстал Джик Мерген. Не то джигит восхищался ею, не то удивленно улыбался.

Зайтуна погнала коня в сторону города. Нет, больше она в эту пещеру никогда не войдет. Все это было только во сне. А Джик Мерген? Не видела она никакого мергена. В лесу она встретила кого-то другого.

Выехав из лесной чащи, придержала коня. Вдруг она почувствовала запах костра.

— Кто же там? Беглецы?!

Зайтуна посмотрела по сторонам. Запах дыма шел из леса.

Неужели беглецы остановились на ее любимой поляне? Среди них, возможно, и Джик Мерген, о котором девушка не перестает думать.

Повернуть, хоть краем глаза увидеть. О Аллах, снова этот Джик Мерген.

Уж не влюбилась ли?

Когда-то Зайтуна с восхищением наблюдала, как Джик Мерген стрелял из лука. В то время они были подростками. И вот встретила через много лет. Встретила и забыла покой. Неужели это называется любовью? Она приходит так неожиданно? А ведь Мерген беглец. Скоро его поймут,

и палач отрубил ему голову. Разум противится, а сердце зовет к нему. Хорошо, если у костра люди Джик Мергена. Она повернула коня в ту сторону, откуда шел запах дыма.

Странное чувство. Но ведь еще никто ее искренне не любил, в лучшем случае она только вызывала интерес своей храбростью, меткой стрельбой, мужской хваткой и тем, что безбоязненно забиралась в лесные дебри. В основном сватов к ней засылали джигиты из богатых родов. Зайтуна при встречах с ними лишь снисходительно улыбалась, что означало: не ровня они ей. Оскорбленные женихи прозвали ее ирдаукой, значит мужеподобная. Зайтуна не обижалась на них. Напротив, она даже гордилась, что стреляла из лука наравне с асатами, махала саблей не хуже. Зато бике сокрушалась. Если от кого-нибудь услышит это прозвище, пощады не жди. Прислуг, от которых такое слышала, она иногда даже в темницу на несколько дней сажала. Какая Зайтуна ирдаука, она настоящая девушка. Просто очень смелая, сильная, умелая. До сих пор ни в кого так и не влюбилась. Правда, были джигиты, которые нравились ей. Но чтобы так полюбить, чтобы ночей не спать, бесконечно думать о нем... Такого еще не было. А вот как увидела Джик Мергена, сразу забыла покой, мало того, даже сама ищет его, да еще ночью. Совсем, видно, разум потеряла.

Эх, увидел бы сейчас ее кто-нибудь. Ночью, на коне, вооружена до зубов, не девушка, а...

Вот и ее любимая полянка. Если они здесь... Если это они...

Тут кто-то громко захохотал, так что Зайтуна, сама не замечая, повернула коня, помчалась к городу. На что ей нужен этот беглец? Кто бы ни был беглец, он — беглец. У беглеца не может быть ни веры, ни имени, ни родины, ни родных, ни любимой. Беглец — человек бездомный. Беглец, значит, потерянный человек, не сумевший претворить в жизнь свою мечту, человек, отказавшийся от борьбы, значит, безвольный, слабый. Не то что влюбляться в них, таких надо ловить и в тюрьму сажать. Обуздай, Зайтуна, свои чувства. Как говорил учитель, прежде чем взять в руки саблю, сначала умом подтверди справедливость своей веры, своего решения.

25

Артык вернулся только на рассвете с двумя конями. Джик Мерген не стал расспрашивать его. Не все ли равно. Они беглецы, а теперь к тому же и воры, конокрады. Мерген испытывал чувство стыда, в нем поднимался гнев прежде всего против себя, ибо все пути назад у него были отрезаны.

— Седло не купил? — спросил Мамак.

— Ты посмотри на него, и коня ему отдай, и седельце, — стал кричать Артык. — Еда есть? Голоден я, как волк голоден.

— Зайди в шалаш, там есть казылык и кумыс, — сказал Джик Мерген и осмотрел коней. — Выходит, мой родной брат вынудил меня стать беглецом, а кто тебя, Артык, сделал конокрадом?

— Он не конокрад, мерген. Он лишь вернул своего украденного коня. Другой вопрос важнее, Джик Мерген. Здесь долго не проживешь, найти бы более теплое и укромное место, ведь зима на носу, — сказал Мамак.

— Найдем, — ответил Джик Мерген. — Кто ищет, тот находит. Найдем и мы. Мир не без добрых людей.

Но Джик Мерген еще точно не определил, где они будут жить зимой. Не знал, куда им податься. В кашанские леса даже ханские азаты боялись войти. Кроме того, здесь, в Кашане, сестра багадур Бачмана Зайтуна, ему хочется увидеть ее. Не только потому, что она увела коня Артыка. После встречи с ней Джик Мерген почувствовал в себе какую-то неосознанную и непонятную для себя перемену. Стоит остаться одному, и тут же перед глазами встает Зайтуна. Да, вначале он увидит ее. Увидит и посоветуется.

Он не имел права думать о женитьбе, тем более на Зайтуне, думать об этом было страшно. Джик Мерген теперь не Джик Мерген, а беглец и разбойник.

Мамак стреножил коней и пустил их пастись. Лошади пофыркивая щиплют траву.

К Джик Мергену подошел Мамак, сел рядом.

— Мерген, сделаем тебя багадуром или атаманом.

— У багадур бывает дружина, Мамак. А у меня? Смех один.

— Будет, — воодушевленно заговорил Мамак. — Будет у тебя дружина, багадур.

— Оставь, Мамак. Какой еще багадур. Багадур... — вздохнул Джик Мерген. — Не смог я стать багадуром, Мамак, а была возможность. Если бы я не стал спорить с братом. Или мог наняться к Салим-хану, или к эмиру. Теперь все рассыпалось, расплзлось, улетучилось. Артык, поди сюда! Поди, поди! Слушай. Сядь рядышком. Мамак произвел меня в багадуры, слышишь, в багадуры произвел меня Мамак! Багадур с двумя азатами, так, что ли? Мамак, тебе говорю!..

— Почему удивляешься, багадур. Я давно уже называю тебя багадуром, не заметил? Называю, значит будешь им.

— Ну и что, Мамак. Ты ведь пошутил?

— Я пришел к тебе, чтобы сделать тебя багадуром, Джик Мерген. И ты станешь багадуром. Не сегодня, но станешь.

— Если нас поймают, не пощадят. Мамак, ты знаешь об этом. Привяжут к конскому хвосту. Или еще хуже.

— Не поймают. Но для этого нам нужен надежный покровитель. И он будет.

— Кто?

— Бачман-багадур. Мы должны прийти к нему. Нам не пристало бегать, скрываться. Нужно быть вместе с народом. Есть конь, будет дуга, есть дуга, будет напутствие, говорили древние. Я так советую тебе, багадур. Но сначала ты должен найти сестру Бачмана Зайтуну, через нее выйдем на багадура. Ее нам сама судьба послала, сам Аллах послал. Она и выведет нас к Бачман-багадуру.

— Муллой бы тебе следовало быть, Мамак, не азатом.

— А что, буду еще и муллой, ведь ишаны не с двумя головами.

— Ладно, Мамак, будь по-твоему. Багадур так багадур. Раз так, давай и обязанности поделим. Ты, Мамак, будешь бавырчы, ты мастер на это дело, и готовишь хорошо, вкусно. Тебе, Артык, продукты добывать. Мне — за водой ходить. Мамак, дай свой кожаный мешок, схожу к ручью за водой. В какой стороне этот ручей, далеко?

— Недалеко, багадур. Полверсты не будет. Пойдешь вдоль ущелья, и будет по левую сторону родничок, из-под скалы бьет, — сказал Мамак, подавая Джик Мергену кожаный мешок.

Джик Мерген взял кожаный мешок и пошел за водой. Да, вот и произвели его в багадуры. Однако даже такая шутка подняла ему настроение. Вот и ущелье извилистое, темное. Далеко оно протянулось за Чертовым городищем, жуткие места. Любопытная привычка была у Джик Мергена: если найдет таинственное или опасное место, он не остановится, пока не осмотрит, не исследует его до конца. И теперь, дойдя до родника, он не остановился, а пошел вверх по ущелью. Наконец он вышел на небольшой округлый майдан. Судя по солнцу, ущелье должно упираться в крепость. Или так только кажется? Однако, если окажется, что ущелье прилегает к Чертовой башне, то здесь долго прятаться не удастся. Могут ненароком заметить, если не летом, так зимой наверняка. Значит, оставаться здесь — пустая надежда... Да, разумнее будет уехать в степь, на берега Яика. Люди брата, конечно, не оставят его в покое и там, но в то же время, если с умом подойти, на них можно, думается, положиться, потому что народ перестал уважать брата. Много нажил он себе врагов. Вот на них и надо будет опираться.

Например, на менбаши Яикского побережья. Он, кажется, чаял выдать за брата свою дочь. Но брат Тубыкбай привез молодую жену из Великого города. Менбаши Битекбай сильно обиделся на брата. Раньше Джик Мерген не обращал на это особого внимания, а сегодня стал думать о таких, как менбаши. Коль трудно придется, его может прикрыть и подержать менбаши Битекбай.

Джик Мерген огляделся. Солнце поднимается. Тихо, чуть влажный воздух, не слышно ни шороха. Легко дышится в такое время. Не случайно деда встречали рождение дня коленопреклоненно, читая солнцу молитву. Стоят многолетние старые вязы, широко раскинув кроны. На скалах, в которые упирается ущелье, каким-то чудом растут вечнозеленые сосны. Откуда берут питание для жизни эти величественные великаны? Кажется, нет для них ни почвы, ни влаги. Смотри-ка, со скалы стекает вода. Значит, где-то наверху есть источник, и соснам этого достаточно. Красивое, но тревожное место. Лес всегда вселял в Джик Мергена тревогу. Что сравнится со степью! Выйдешь на коне в степь и ты — как птица! Эх, запеть бы сейчас песню! Нельзя. Недалеко Чертова крепость. Чу, запах дыма?!

Джик Мерген, словно охотничья собака, стал искать источник дыма. Неужели и вправду крепость поблизости?

Джик Мерген торопливо полез наверх, обходя крутые склоны. Наконец, он поднялся высоко, глянул вниз, и внезапно закружилась голова. Тут запах дыма пропал.

«Не безумствуй, спустись, товарищи ждут тебя с водой!» — приказал он самому себе и стал осторожно спускаться. Странно, наверх он залез быстро, а спускался долго, да и спуск оказался сложным, рискованным. Раз-другой он чуть не сорвался в пропасть. Наконец спустился. И запах дыма исчез, и ущелье вроде стало попросторнее. Джик Мерген заторопился к ручью. Достигнув холодного родника, набрал в ладони чистой воды, с наслаждением выпил. Родниковая вода студена и чуточку сладковата. Хочется пить и пить.

— Эй, кто там пьет из моего родника?

Джик Мерген быстро повернул голову в ту сторону, откуда доносился голос, взялся за кинжал.

Откуда слышалось, что за чудо? Это же голос женщины. Никого не видно, тишина. Может, слышалось? Может, опьянел он от этой чудодейственной воды?

Наполнил мешок водой.

Но, нет сомнения, его звал женский голос. Он, не видя кричащую, все же откликнулся:

— Сестра Бачмана-багадура Зайтуна! Где ты?

Девушка засмеялась, и тотчас слышался свист аркана.

Мгновенно аркан очутился на шее Джик Мергена, он попытался освободиться, но не тут-то было, аркан стянул его шею.

— Джик Мерген! Джик Мерген, я бы посоветовала тебе не трепыхаться! — сказала девушка.

Джик Мерген поднял руки, хватка аркана ослабела, и тут же с дерева прыгнула сестра багадура Бачмана. На ней военный наряд, за поясом кинжал, за плечами лук, в руке — конец тонкого волосяного аркана. Глаза Джик Мергена видели ее, а душа не совсем поверила — Зайтуна перед ним или сам лесной дух? Девушка улыбалась, но улыбалась насмешливо. Джик Мерген не решился раскрыть рот, молвить слово. Он не верил своим глазам. А если поверить, то ведь он пленник, ее пленник! Заарканила мужчину, вот это да! Что же делать? Что сказать этой удивительной и странной девушке? Или подчиниться, или выдернуть голову из петли? Однако шутки в сторону, она может затянуть аркан и задуть.

— Прости меня, сестра Бачмана-багадура Зайтуна! Прости, если сможешь. Ты права, я беглец!

— Мерген, не нужно оправданий. Я прекрасно знаю, кто ты, и ты, вероятно, знаешь, кто я. А раз так, слушай меня. Этот лес — мой. Здесь вы не останетесь! Будет лучше, если уедете сегодня же. Но сперва выполните мое желание.

— Я всегда...

— Не пристало, не пристало, мерген! Будь же джигитом, ты ведь как-никак Джик Мерген!

— Сначала позволь снять мне с шеи твой аркан, Зайтуна!

Зайтуна освободила аркан, быстро собрала его и пристегнула к кушаку. Она так быстро и ловко это проделала, что Джик Мерген, посмотрев, улыбнулся. Ему вдруг захотелось лечь у ног этой девушки и говорить слова, которые он до сих пор никому не говорил. Но разве поверила бы девушка?

— Только воды попью, Зайтуна туташ.

— Выслушал бы меня вначале, Джик Мерген!

— Хорошо, сестра Бачмана. Я слушаю тебя.

— Вам приходилось похищать девушку?

— Девушку?! Прости, пожалуйста, прекрасное создание, не приходилось.

— Вам придется на днях похитить девушку, Джик Мерген. Думаю, товарищи твои возражать не будут.

— Однако ведь, Зайтуна туташ... Кто она?..

— А разве вам не все равно? Умели украсть лошадь, умыкните и девушку. Беглец твой, Артык...

— Позвольте, Зайтуна туташ. Артык купил коней.

— Купил. Он задаром взял и увел лошадей из загона

хлебобоба Бакиджана, из деревни Олашчи. А ты ему поверил. Вор он, конокрад, твой Артык!

— Ты поставила меня в затруднительное положение, Зайтуна. Если твои слова правдивы, я не оставлю его около себя. Поверь!

— Я знаю, мерген, ты беглец! Ни тебе, ни твоим товарищам я не доверяю. Знаешь, надо полагать, что тебя ищет не только твой брат Тубыкбай, но также хан и эмир Хаджи. Я могла бы тебя сегодня передать в их руки. Но я решила не трогать тебя. Знай: ты упрямый мерген, кичащийся своей силой и удалью. Ты и теперь посмеиваешься. Не веришь, как, мол, эта девушка доставит хану знаменитого на всю Булгарию Джик Мергена. Так ведь?! Так-так, а ты все улыбаешься... Если сочту нужным, я делом докажу это. Слушай новость: брат твой уехал. Не до тебя ему. В Табгачах идет война. А он связан с Табгачами. Это первое. Вторых, мерген, ты нарушил обычай наших предков. Ты хотел отделиться от брата. Этого нельзя было делать, ибо один в поле не воин. Тебе бы вернуться в родные края, но это уже невозможно. Поздно. Народ твой от тебя отвернулся, так сказал мне эмир Хаджи. Повторяю, Джик Мерген, я могла бы тебя сдать в руки хана. Но в моих глазах ты был не беглый, а первый мерген в Булгарии. Это теперь ты беглец. Тебе лучше уйти отсюда. Только сначала исполни мое желание.

— Говори, Зайтуна туташ, какое! Говори!

— Только вот сомневаюсь я в тебе, Джик Мерген. Вижу, у тебя горячая кровь, привык все делать, устрашая. А я тебя не страшусь.

— Зайтуна туташ, предки говорили, что джигиты-тураны становятся на колени только в двух случаях: когда пьют воду из родника и когда дают клятву своей родине. Здесь родник, я на коленях пил из него воду, теперь перед тобой на коленях даю клятву. Отныне я не буду беглым, не буду на одной дорожке с разбойниками. Буду искать справедливость вместе с моим народом! Я вернусь к своему народу!

— Встань, Джик Мерген, встань! Я не хочу видеть тебя передо мной на коленях! Не подобает тебе стоять перед женщиной. Будь джигитом! Теперь слушай меня: я отправлюсь сегодня в Великий город. Буду у ханской дочери Назлыгюль на утырме. Слышал, наверное, Джик Мерген, что ханская дочь влюблена в мастера Даурана. Это правда, Джик Мерген. Но они никогда не смогут соединить свои судьбы. А ты их соедини! Нужно похитить ханскую дочь и привезти ее в новый город, к мастеру Даурану...

— Зайтуна туташ, если мне память не изменяет, мастер Дауран — раб.

— Был рабом, Джик Мерген. Эмир Хаджи пожаловал ему свободу.

— Свободу, — мечтательно произнес Джик Мерген, глядя на синее небо. — Свобода для всех нас самое дорогое богатство, самое святое, самое необходимое для счастья, туташ. Так в чем же ваше намерение, Зайтуна туташ?

— Намерение мое ясное, Джик Мерген. Через три дня приедете в Великий город. Артыку про лошадей пока не говори. Когда в новый город приедешь, будешь суд вершить. Послезавтра, в день, когда лето повернет на осень, ханская дочь Назлыгюль с тремя-четырьмя подругами спустится к озеру Рабига. Думаю, что остальному вас учить не надо. Чтобы на следующий день ханская дочь Назлыгюль была в новом городе. Впрочем, я сама вас встречу. Ханскую дочь оставите у мастера Даурана. После этого следуйте прямо-ком в Старую крепость, передадите моему брату Бачману этот браслет.

Джик Мерген потянулся за браслетом и, взяв его из рук девушки, кивнул. Тем временем Зайтуна свистнула, тут же к ней подскочил белый конь, увидев хозяйку, заржал. Девушка с мужской сноровкой вскочила на коня и, не оглядываясь, поскакала.

Что произошло? Во сне ли, наяву ли?.. Чудеса. Какая-то девушка пришла, заарканила самого Джик Мергена, заставила поклясться. Джик Мерген взглянул на сидевшую на вершине вяза сороку, потом перевел взгляд на кожаный мешок, лежавший у ручья. Чудеса да и только.

Он чуть не бегом вернулся на полянку. Артык с Мамаком сидят в шалаше, о чем-то беседуют. Лошади пасутся. Лошадей тоже пора напоить. Но почему Артык с Мамаком так беспечны? Где дозор! Джик Мерген был сердит, он прислонил мешок с водой к шалашу, освободил коней от пут, подобрал поводья и повел к ручью на водопой. Когда возвращался с конями, увидел растерянно мечущихся Артыка и Мамака.

— Багадур, багадур! — выдохнул испуганный Артык. — Багадур, мы думали, что коней угнали. Совсем напугал!

— Я немного догадывался, — улыбнулся Мамак.

Джик Мерген передал поводья товарищам и, ни слова не говоря, зашагал впереди. Артык с Мамаком переглянулись.

— Случайно не лешего ли встретил, багадур, где так долго ходил? — спросил Артык, когда дошли до поляны.

— Артык, ты чьих коней угнал? — спросил Джик Мерген.

Артык кончил спутывать последнего коня и поднял голову. Джик Мерген вложил стрелу в лук.

— Багадур!

— Что стряслось, багадур? Багадур! — выскочил из шалаша Мамак.

— Отойди, Мамак. Отойди, говорю! — рывкнул Джик Мерген. — Отвечай, Артык!

— Я не тронул его упряжных коней, багадур.

— Упряжных коней. Что он говорит?! Ведь надо же! А почему других коней тронул?! Почему украл лошадь у пахаря?! Ведь ты солгал. Дескать, заплатил. Если бы заплатил, он тебе и седло бы уступил! Что будем с ним делать, Мамак?

— Конь не девица, багадур, на первый раз простим, — сказал Мамак.

— Как сказал про коня? — мерген невольно улыбнулся.

— Конь, говорю, не девица, простим на первый раз. И суп стынет, поесть надо бы...

Джик Мерген повесил лук на плечо, положил стрелу в колчан.

— Живи, придурок!.. Не думай только, что в другой раз прощу!

— Не совершит он в другой раз подобной глупости, багадур, — сказал Мамак. — Ну, что застыл, иди поплачь.

И толкнул Артыка к кустам.

— Ступай, ступай, не хочу тебя видеть, — сказал Джик Мерген в сердцах.

В душе он уже простил Артыка, хотя и не был согласен с ним. Артык обманул их, своих друзей. А если бы каждый своего багадура обманывал? После клятвы, после того, как вместе трапезу делили? Но, вспоминая, как Зайтуна наказывала до поры до времени ничего не говорить Артыку, покраснел. Ведь он тоже нарушил данное девушке слово. Разве можно было поднимать этот вопрос перед предстоящей дорогой? Нет. К тому же дело такое сложное, ведь девушка, которую они должны похитить, — ханская дочь!

За трапезой Артык поклялся хлебом, что он исправит свою вину, что он действительно украл лошадей из загона хлебороба, а товарищам сказал, что купил. Артык вытащил из кошелька несколько золотых и положил их на скатерть.

— Я сегодня же отнесу ему эти деньги, багадур. Если бы в руках у меня был Коран, я на нем бы поклялся...

— Не болтай, не строй дурачка, — сказал Джик Мерген, грызя баранью ногу. — Чтобы держать Коран, прежде нужно уметь читать. А грамоты у тебя кот наплакал.

— Это верно, — сказал Мамак. — Ни читать, ни писать

он не умеет, отсюда его глупость. У него даже тамги нет. У всех есть, вон у меня на колчане...

— Оставь его, Мамак. Послушайте-ка меня, мои азаты. Послезавтра мы с вами, страшно даже сказать, едем на одно очень сложное и щепетильное дело. Не буду крутить, скажу как на духу. Предстоит нам похитить ханскую дочь Назлыгюль...

Мамак даже перестал жевать мясо, Артык остался с открытым ртом.

— Что-что? — переспросил, наконец, Артык. — Что ты сказал, багадур?

— Умыкнуть ханскую дочку Назлыгюль!

— Хо! — воскликнул Артык. — Хе, ханскую дочь. Что будет с нами, если нас... Только этого нам не хватало. Сделались беглецами, конокрадами, теперь выкрасть ханскую дочь. Для кого?

— Не все ли равно тебе, Артык, для кого?

— Не все равно, багадур, не все равно. Если ханскую дочь похитим для достойного — одна беда, если для негодяя — беда в два раза больше.

— А по мне, тебе все равно. Ты уже конокрад. Красть девушку — не коней красть...

— Правильно, багадур, — сказал Артык, пряча глаза. — Все равно. Красть девушку веселее, зато последствия страшнее...

— А ты сделай чисто, не доводи до последствий, опыт у тебя есть. Уже показывал свою ловкость, так ведь, Артык?

— Сказал же, отнесу хозяину деньги, сегодня же отнесу.

— Сначала отнеси, потом посмотрим, брать тебя или нет. Так, Мамак?

Мамак посмотрел на багадура, потом на расстроенного Артыка, почесал голову.

— Мамак, почто не отвечаешь?

— Я тоже за то, чтобы отнести деньги владельцу, багадур. Мы не разбойники и не конокрады. А умыкнуть девушку, по моему темному разумению, не входит в разряд воровства. Напротив, хочу сказать, что это для джигита очень даже похвальное дело.

— Хорошо сказал, Мамак, очень хорошо. Ну, Артык, иди к хозяину лошадей. Одного коня отдашь, в счет него берешь седло и за все заплатишь.

— Средь бела дня, багадур?! Если попадусь ханским азатам?

— Проси помощи у Аллаха. Сумел зло содейать, сумей и ответ держать. До свидания, Артык!

Джик Мерген вышел из шалаша. И тут подумал, что им троим могли устроить такую баню в этом шалаше! Не только

сражаться с ханскими азатами, даже скрываться не умеем. Да, не товарищей бранить, а себя ругать должен он! «Как багадур, ты должен обеспечить охрану! А у тебя этого и в мыслях нет. Одна ханская дочь на уме. Если это все ловкая хитрость туташ?»

— Артык, возвращайся скорей, — сказал Джик Мерген.

— Если и Мамак вместе со мной поедет, багадур?

— Какой я тебе багадур, Артык! Брось!

Мамак с Артыком снова переглянулись.

— Так ведь договорились, Джик Мерген!

— Зачем тебе ехать, Мамак?

— Он умеет с людьми разговаривать, а я скажу два слова и действую напропалую. Кроме того, Мамак многое знает. Скажем, он в Чертовом городище плавил медь, потом с Уральских гор руду возил. Мыл золото в Агидели. Был азатом у твоего брата Тубыкбая. Многое на свете повидал, много людей повстречал...

— Нужда заставила, вот и ходил, — сказал Мамак. — Ты тоже будешь все уметь, если деваться будет некуда. Жизнь то ликом к тебе повернется, то наоборот.

— Медь в каких местах добывали, Мамак?

— Недалеко отсюда есть медные рудники. К ним можно было и с Чертовой башни спуститься. Но путь тот завалили вроде. Сказали, что по приказу эмира Хаджи.

— Еще что знаешь, Мамак?

— В древние времена с Таманского полуострова и с реки Тын переехали сюда жившие там тюрки. Место им понравилось. И они на Чертовой горе поставили дозорную башню. Но еще до прихода тюркских булгар здесь, говорят, стояло какое-то чудище язычников, местное население: тюрки, угры, черемисы, ары, мокша, исы, висы — короче, всякий люд да и пришлые приносили жертву идолу. Одни звали его Кам, другие — Кама. С древних времен приносили в жертву идолу детей, особенно мальчиков, потом скотину, и, говорят, даже рыбу. Идол их, бог то есть, был, говорят, из чистого золота. Раз в неделю, в сумерках, он выходил к народу. И обязательно кого-нибудь касался, того человека тут же приносили в жертву. Об этом мне шаман поведал, он часто к нам приходил. Теперь вот уже сколько лет я не вижу его. Слушать его, багадур, одно удовольствие. Чего только не знает, какие только чудеса ни творит. То козой обернется, то конем, то женщиной. Ну, просто оборотень. Был среди нас один — мастер из Византии. Он не верил шаману. Передо мной, говорил, не девица, а шаман стоит. А старший кузнец Ахмет, слышали, был с шаманом в дружбе. Эмир Хаджи, говорят, сделал теперь этого мастера своим тарханом. И сын

его в Чертовом городище превзошел, говорят, в мастерстве отца своего, плавит какое-то особое железо. Скрытный такой, гордый парень, знает себе цену. Бережет его эмир Хаджи. Боится, кабы секрет кому не выдал.

— Чугун он плавит, Мамак, и из него железо делает.

— Точно, чугун. Я пробовал его на зуб, твердый, как камень. Чуть зуб не сломал. Потом в городище пришел сын ханского раба Алпара зодчий Дауран. Заново поднял башню, построил тайные ходы-выходы. Заходил в башню и Салим-хан и, говорят, еле выбрался. Зодчий так и не показал хану все тайные ходы-переходы. Тогда хан бросился на мастера с саблей в руке. Мастер его одним ударом сшиб, отбился от его телохранителей. Хан решил запереть мастера Даурана в башне, замуровать его, но вдруг башня начала шевелиться, от испуга все повыскакивали. И тут восстали рабы, ибо хан после строительства обещал им свободу. Началась сеча, погибли тысячи безвинных людей. Дрался и зодчий. Наконец, у него вышибли саблю, связали и увезли в Великий город. А всем восставшим отрубили головы и бросили в реку.

— Не заливай, Мамак. Салим-хана спас эмир Хаджи, когда восставшие кузнецы, литейщики и каменщики перебили многих ханских азатов. Хорошо, что эмир Хаджи подоспел и вызволил отца. Эмир Хаджи повелел бунтовщикам отрубить головы и сбросить в реку, а мастера Даурана по велению отца отправил в великий город. Позднее эмир Хаджи сам же выпросил у отца мастера к себе и увез строить новый город. Вот этому мастеру, Мамак, мы с тобой должны привезти ханскую дочь...

— Багадур, мыслимое ли это дело?! — спросил Артык.

— А ты все еще здесь, Артык!

— Отправляюсь, багадур.

Когда Артык уехал, Мамак подсел к Джик Мергену.

— О мастере Даурани тоже рассказывают разное, багадур. Будто он околдовал ханскую дочь. Но я не слишком верю этому. Знаю только, что мать Даурана приходилась женой Салим-хану, но была бесплодной. И хан отдал ее рабу своему, мастеру Алпару. Сначала будто бы Туйбике не хотела идти за зодчего. Потом, увидев его самого, уже не раздумывала. Говорят, что в ту же ночь, когда увидела зодчего, приснился ей вещий сон. Будто во сне она родила сына от Алпара. Но если во сне быстро родился мальчик, то на деле не так скоро это получилось. Тем временем Салим-хан женился на дочери кипчакского хана Сарбая Зубаржат. Та родила ему сына, через год-другой второго. Через несколько лет, когда уж не чаяла больше родить, родила еще дочку

Назлыгыюль. Той же ночью Туйбике родила мальчика, которого и назвали Даураном. Говорят, будто мать мальчика спросила у шамана, кому судьбой назначена в жены ханская дочь? Шаман ей будто ответил: твоему сыну. Перед кончиной Туйбике подозвала сына и сказала: «Видела я вещий сон, и снилось мне, что ты женишься на ханской дочери Назлыгыюль!» После этого, а может, и раньше, мастер Дауран стал заглядываться на ханскую дочь и совершенно ее околдовал, говорят. С тех пор ханская дочь будто бы только о мастере и думает...

— Мамак, ты кто? Странно, я считал тебя простым азатом, ты, оказывается, ишан. Или ты ханский шпион?

— Я не шпион и не ишан, багадур. Я умею только слушать. Не говорю, а слушаю и слушаю. Кто слушает — ума наберется, кто говорит — ум распродаст, говорят. Со мной же это редко случается, разговорился, сам себя не узнаю. Слушай, багадур, где наши кони?

— Кони далеко не уйдут, Мамак. Меня Артык тревожит. Вернется ли джигит?

— Артык вернется, багадур. Меня волнует другое. Не кроется ли в этом предложении для нас ловушка? Не хитрость ли, говорю, сестры Бачмана все это? Ведь она воспитана в семье эмира Хаджи. Яблоко от яблони не далеко падает. Джик Мерген сам направится в руки хана? Никаких хлопот.

Джик Мерген не ответил. По правде говоря, он сам думал об этом, но не хотел делиться своими сомнениями. Теперь же, когда и Мамак высказал сомнения, Джик Мерген задумался. В то же время он знал, что отправится похищать ханскую дочь, потому что дал обещание Зайтуне. А эта девушка вот уже который день не выходит из его головы, никогда не понять этого Мамаку. Если бы сестра Бачмана Зайтуна велела ему достать с неба звезду, он и ее бы, кажется, достал. Вот в таком состоянии был Джик Мерген. Поэтому он не ответил Мамаку. Кто ответил — выиграл, кто промолчал — выиграл вдвойне. Но он понимал, что азату надо что-то сказать, самое лучшее — правду, ничего не скрывая. Азат Мамак должен знать, куда, с кем и ради чего он идет. Без сомнения, если намерения Зайтуны туташ искренни, хан после исчезновения дочери примется ее искать. Если не поднимет на ноги все войско, то, во всяком случае, на всех путях расставит стражу, позовет сыновей, повелит им искать Назлыгыюль, но своего добьется — дочь найдет. Когда дочь будет найдена, все раскроется, и Джик Мерген кончит свою жизнь на виселице. Назлыгыюль нужно привезти в новый город. Эмир Хаджи переводит туда свою столицу. Человек

не иголка в стоге сена, иголку и ту находят. Такие, как Таймас-багадур и Бачман-багадур. Чувствует Джик Мерген, что ему рано или поздно придется встретиться с Бачманом-багадуром, со своим учителем. Но при каких обстоятельствах? Как его встретит Бачман-багадур, как беглеца или как похитителя ханской дочери? Как бы-то ни было, с Бачманом-багадуром он встретится. Если в словах Зайтуны кроется правда, Джик Мерген поедет за Назлыгюль. Выручит ли его Бачман-багадур или же передаст в руки Салим-хана?..

— Умыкнуть ханскую дочь я даже один поеду, Мамак.

— Похищение ханской дочери для нас будет концом света, багадур. У меня есть подозрение, Джик Мерген, не Мухаммедалим ли, брат Салим-хана, организует это похищение? Из мести старшему брату. Хоть и женат он на дочери Ян-так-хана, хоть тесть дал ему пастбища, Мухаммедалим, если верить людской молве, не перестает думать о болгарском троне...

— Между двумя братьями не вклинишься, Мамак. Они дерутся из-за трона, мы же с тобой боремся за свободу. Меня сюда привело что? Я сегодня никому не подчиняюсь, никому не кланяюсь. Попав в руки Бачмана-багадура, я буду человеком подчиненным. Эту узду я мог надеть на себя и у родного брата Тубыкбая.

— Давать девушкам обещание — святое дело, Джик Мерген. Ты дал обещание сестре Бачмана, и ты его исполнишь! Слово джигита — не базарная монета, которая переходит из рук в руки. В историю вписывают только имена батыров.

— Договорились, Мамак, поедем. Так, видимо, нам предопределено Аллахом. А теперь сходи, проведай коней, чтоб далеко не ушли.

Что такое сила воли? Если бы до этого спросили, Джик Мерген, может быть, ответил бы привычными словами — смелость, отвага, мужество, выдержка. Да, эти качества присущи каждому джигиту. А в чем сила воли мужчины? В защите родины с оружием в руках или в том, чтобы идти против смерти? Или в чем-то другом? В том, чтобы сдерживать данное слово, чтобы, если надо, пожертвовать собой ради любимой?

Да, Джик Мерген дал ей обещание, и он похитит ханскую дочь, хоть каменный дождь пролейся, отвезет ее мастеру Даурану в новый город — Казань. Сердце нельзя завязать узлом, наподобие мешка. Он влюблен в Зайтуна. Да, он любит ее. Наверное, лишь одна из тысячи болгарских девушек выходит замуж за любимого. Если Зайтуна одна из тысячи? Но строптивая девушка желает, видимо, испытать мужество

джигита — велит похитить ханскую дочь. Хватит ли у него на это силы воли? Может отказаться? Но нет, Джик Мерген выполнит свое обещание. А скажет, бросайся со скалы, — бросится. И ханскую дочь, — умыкнет, даже если этого сам не хочет. Зодчий Дауран — раб хана, Назлыгюль — дочь хана. Двое не имеющих права даже разговаривать, стоя на противоположных берегах, — должны соединиться. Через два дня. И это сделает Джик Мерген. А приказала ему это сделать сестра Бачмана — Зайтуна. Если подумать, не богоугодное это дело. И злится Джик Мерген на своенравную девушку, но в то же время — не успокоится, пока не выполнит поручение любимой.

— Коней нашел, багадур, к лугу направлялись, — сказал Мамак, заходя в шалаш.

— Вот что, Мамак, я человек, получивший знания во дворце. Вот и думаю, пристойно ли будет похитить девушку? Хотя сестра Бачмана навесила на нас ярлыки беглецов, разбойников, мы еще не докатились до такой жизни. Салимхан не является моим врагом. Выкрасть ханскую дочь, а подобает ли нам такое, Мамак?

— Ослышался ли я, Джик Мерген ли произносит эти речи? Джик Мерген, за твою голову хан и брат обещали тысячу золотых, а он, ай-вай, грех, мол, совершаю! Сокрушается. Если тебя приволокут к хану, будет ли он с тобой цацкаться? Повесит за ноги на дерево и оставит, пока не высохнут кости! Ты уж, багадур, не играй в невинную девицу. Сомневающийся не выиграет ни разу, решившийся — может выиграть дважды.

— Оставь-оставь, Мамак! Убедил. Молодец ты, спасибо!

— Мастер Дауран, видите ли, раб. Разве рабы хуже свободных? Скажем, тебя и меня? И у них есть сердце, память... Ханская дочь Назлыгюль — прекраснейшая из прекрасных, а мастер Дауран — искуснейший из искусных мастеров. В созданных им украшениях — чистая, ясная душа. Сам хан, говорят, не может оторвать взгляд от его работы. Мы оказываем благодеяние зодчему Даурану, Джик Мерген. Мы не совершаем преступление. Мы идем на святое дело. Я принес тебе суюнче, багадур. Выйди, посмотри.

— Что еще?

— Айда, айда, сначала выйди.

Они вышли из шалаша. Джик Мерген увидел стоявшего на поляне белоснежного коня и обомлел. Устремил вопрошающий взор на Мамака.

— Мамак, объясни.

— Это тебе, багадур. Зайтуна туташ передала.

— Кто привел? Почему мне ничего не сказал?

— Не велела, багадур. По-моему, эта девушка влюбила-
сь в тебя, высказывает таким путем свою любовь...

Джик Мерген не ответил, подошел к дареному коню. Конь поначалу чуждался постороннего человека, — насторожен-
но фыркал, пританцовывая. Но Джик Мерген, хотя и не
знал языка лошадей, умел с ними разговаривать. Называя
коня ласковыми именами, Джик Мерген погладил его по
загривку, почесал за ушами, разломал лепешку, которую дога-
дался захватить Мамак, выходя из шалаша, и, продолжая пог-
лаживать коня, покормил его.

— Мы вам, вы нам, так получилось, Мамак. Сестра Бач-
мана-багадур вначале оставила Артыка без коня...

— Не Артыку, тебе, тебе дала она коня, багадур.

— Как же зовут этого коня? А когда сама придет?

— А про то не сказала, багадур. Придет она, придет, коль
уж коня подарила.

— Предсказаниями занимаешься. Придет и с собою при-
тащит эмирских стражников.

— Этому не бывать, багадур! Любовь на скотину не об-
менивается. Чую сердцем, искренни намерения у этой девы.

— Значит, Мамак, сам Аллах велел нам умыкнуть ханс-
кую дочь?

— Если с этого дня для тебя сестра Бачмана святая из
святых, стало быть, велел, багадур.

— Решимся, хочешь сказать, Мамак?

— Сказал же, багадур, на святое дело идем, увезти девуш-
ку — это тебе не воровство и не конокрадство.

Джик Мерген знал: все, что твердо решено — наполови-
ну сделано. И раздумья больше его не мучили.

26

Сын мастера из мастеров Алпара Дауран, как увидел пред
собой ханскую дочь Назлыгюль, так и лишился дара речи.
Откуда?! Конечно, из великого города. Мастеру и в голову
не пришло, что она бежала от отца с матерью. Видимо, думал
он, она интересуется дворцом эмира Хаджи. Дворец закон-
чили, хоть время позднее, может взглянуть, только почему-то
она пришла к нему в дом. К тому же улыбается как-то
загадочно. И азаты, сопровождающие ханскую дочь, добро-
душно и многозначительно улыбаются. Наверное, телохра-
нители хана.

— Из эмирского дворца? — спросил мастер Дауран, ста-
раясь унять волнение.

— Приехала посмотреть твою работу, — ответила ханская
дочь Назлыгюль, ласково улыбаясь.

Сколько в ней очарования, изящества, совершенства! О Аллах, все эти годы он жил лишь думая о ней. И все, что он творил, создавал, было для нее и ради нее. Все замысловатые узоры, украшения, орнаменты он придумывал и претворял в жизнь с думой, что она, это небесное создание, непременно увидит, восхитится этой красотой, а глядя на все созданное его фантазией, умением, трудом, во что он вложил всю душу свою, она поймет, не сможет не понять, всю глубину чувств его, силу его любви к ней, божественной Назлыгюль... О Аллах милостивый, ты внял моим молитвам! Она пришла.

— Саям, мастер Дауран! — сказал один из азатов. — Я Джик Мерген, Джик Мерген! Узнаешь?

— Ханский мерген?!

— Он самый. Узнал, значит. Вот что, мастер, — продолжал Джик Мерген. — Вижу, ты вконец растерялся, увидев такую свиту.

— Назлыгюль?! Прекрасная Назлыгюль? Боюсь, не сон ли это... Я совершенно счастлив... О Аллах, это ты, ты вспомнила обо мне, какая радость!.. — проговорил окончательно растерянный и ошеломленный мастер. — Какая радость...

— Здравствуй, Дауран, здравствуй! Не ожидал сразу столько гостей? — спросила Назлыгюль как можно беспечней, однако голос дрожал, выдавая волнение.

— Мог ли я мечтать, о, прекраснейшая...

— Везет же человеку! Саму ханскую дочь ему привезли, как тут не растеряться... Ну-ну, мастер, успокойся, возьми себя в руки. Не теряй головы от счастья, ведь забот теперь у тебя ого-го... Ханская дочь — сокровище опасное, мы это уже поняли, пока везли, спрячь ее понадежнее.

— Спрятать? У меня? Назлыгюль, солнце ясное, правильно ли уши мои слышат, любовь моя?

— У тебя, у тебя, мастер. Да благодари Аллаха, погоня нас не настигла. Везучий ты, впрямь в рубашке родился, — сказал Джик Мерген.

Мастер Дауран знал Джик Мергена. Видел, правда, издалека, но знал не понаслышке. В последнее время о нем рассказывали удивительные вещи. Знал мастер и о том, что брат Джик Мергена Тубыкбай обещал тысячу золотых за его голову. Поэтому он был не менее удивлен, увидев Джик Мергена, сопровождавшего ханскую дочь. Узнал он и Зайтуна, сестру багадура Бачмана, хотя та была в военном наряде.

— Зайтуна — близкая подруга Назлыгюль. Молодец она, ее благодари в первую очередь, это ее затея, ее план от начала до конца. И не пугайся, мастер, не пугайся, главное — ханская дочь любит тебя! Слышишь, любит!

— Да, я насовсем к тебе приехала, Дауран. Насовсем! — сказала ханская дочь. — Я не могу жить, не видя тебя... — голос ее задрожал, по щекам покатались слезы.

— Назлыгюль, лучезарная моя Назлыгюль, возможное ли дело, возможное ли дело?! — мастер опустил перед девушкой на колени, не смея коснуться рук ее, поцеловал подол белоснежного шелкового платья.

— Почему ты так растерялся, Дауран, иль испугался? В Чертовом городище во время бунта один гонял толпу ханских азатов, так говорят. А тут растерялся, — Джик Мерген хлопнул его по плечу. — Мы с дороги. Где твоя прислуга? Накрыл бы табын*, что-ли, мастер.

— Я один живу.

— Тем лучше. Зайтуна, иди похозяйничай, приготовь что-нибудь.

— Я сам, сам, — заторопился мастер. — Сам, Джик Мерген.

— Оставь! Не суетись. Ты предоставь это женщинам, мастер Дауран. Не вмешивайся. У женщин это лучше получается.

Всему можно было поверить, но чтобы ханская дочь пришла к нему? Не шутят ли они? Джик Мерген, пожалуй, шутит. Ханский телохранитель шутит, решил позабавиться. А если нет? Об этом даже подумать было страшно.

Вскоре пригласили к табыну. Мастер Дауран нерешительно бросал взгляды на ханскую дочь. Он все еще не верил, что ханская дочь сидит у него в доме.

— Довольно сносно живешь, мастер, — сказал Джик Мерген, — да и табын приготовили отменный, — добавил, разглядывая расставленные кушанья. — Провизию кто доставляет?

— Тархан старается. Толковый человек.

— Потому что сам ты много добра делаешь, одно слово — мастер! — сказал Джик Мерген.

— Берите урюк, изюм, хурму. Назлыгюль, угощайся, — говорил Дауран, придвигая кушанья ближе к ней.

— Дауран, подели вон то красное яблоко на двоих. Вот так. Я хочу, чтобы мы с этого дня были двумя половинками одного целого, Дауран.

Сердце мастера, казалось, готово было вырваться из груди. Он и сам не понимал, что с ним происходило, не верил в происходящее, сомневался, боялся, особенно за нее.

— Ладно ли будет, Назлыгюль?

— Слышал, что люди глупеют от счастья, наверное, так оно и есть. Она к тебе насовсем приехала. Насовсем! Рех-

*Табын — у тюрков — место угощения гостей.

нуться можно! Но уже пора прийти в себя, — горячился Джик Мерген.

— Я и вправду насовсем приехала к тебе, Дауран, — сказала Назлыгюль и нежно коснулась руки мастера.

Кровь бросилась в лицо Даурана, на лбу проступили бисеринки пота. Нежность переполняла его душу. Но он долго не мог сказать ни слова.

— Назлыгюль, я растерян от неожиданности. Явь это или сон? Если явь, то что я должен сделать сегодня, завтра, послезавтра, чтобы не омрачить наше счастье, не принести тебе боль и страдания?

— Страх твой оправдан, Дауран. Если отец обнаружит нас, ни мне, ни тебе несдобровать. Хотя мой брат, эмир Хаджи, освободил тебя от рабства, отец смотрит на тебя как на раба. Поэтому я к тебе приехала сама, приехала не как ханская дочь, а как невеста. Мы уже советовались с друзьями. Чтобы не пало подозрение, я пока у тебя буду в роли мальчика-слуги. Завтра же принесешь мне одежду мальчика. Так ведь, Джик Мерген, так я говорю, Зайтуна?

— Так, конечно так, но если узнают?

— Не узнают. Кому придет в голову, что ханская дочь у мастера Даурана. Совершим обряд бракосочетания... Когда дворец будет построен, отец даст тебе свободу.

Дело принимало серьезный оборот. Но Дауран побоялся заглядывать далеко вперед. Рядом с ним находилась лелеемая в мечтах ханская дочь Назлыгюль. Скажешь, никто не поверит. Решительная была ханская дочь, смелая и решительная. Дауран сжал руку Назлыгюль. Рука была мягкая, но холодная.

— Как же тебя умыкнули, Назлыгюль?

— Вот они, мои похитители: подруга Зайтуна, Джик Мерген, друзья Джик Мергена Мамак и Артык. Все произошло так быстро, что я и сама не сразу поняла.

— А где Мамак и Артык?

— Они на страже, мастер. Никто не должен нас здесь видеть. А похитили мы ее по поручению Зайтуны. Ладно, нам пора уходить, Зайтуна. Помолимся перед дорогой. Назлыгюль, — обратился Джик Мерген к ханской дочери. — Твое имя будет Тансык. Не забудь, Тансык. И ты знай, Дауран, с сегодняшнего дня она — Тансык, мальчик Тансык.

— Джик Мерген, я не знаю, как отблагодарить вас, отныне я должник ваш...

— Оставь, что сделано — то сделано. Прошное быльем поросло, говорят. Я тебе ее привез, ты ее принял. Будьте счастливы! Что я могу еще сказать? Прощай, ханская дочь! — сказал Джик Мерген и, откланявшись, направился к двери.

Зайтуна обняла подругу, что-то пошептала ей на ухо, потом девушки приложились друг к дружке щеками и распрощались. В доме стало тихо. На людях и ханская дочь, и Дауран чувствовали себя свободнее, а когда остались одни — застеснялись, не смея поднять друг на друга глаза. Ханская дочь принялась убирать табын, Дауран бросился ей помогать. Оба смущались, краснели, когда касались их руки.

Убрав табын, Назлыгюль принялась осматривать дом, Дауран ходил следом, не чуя под собой ног.

— Дом твой собственный, Дауран?

— Мой собственный. Сам построил. Эмир позволил.

— Красиво тут у тебя...

— Если бы я знал, что ты приедешь, не то бы еще сделал. Вот здесь бы нарисовал лебедей. Ах, Назлыгюль, душа моя, неужели все это не сон?

Дауран заметил, что девушка подалась к нему. Стараясь унять биение сердце, Дауран осторожно взял ее нежные руки, прижал к губам, боясь оскорбить ее грубым движением, так же осторожно обнял ее, такую хрупкую и такую желанную, поднял на руки и стал кружить, носить по комнате, а потом так и сел, не выпуская из рук. Назлыгюль притихла, прижавшись к его широкой груди, прикрыла глаза, словно уснула.

Да, он и дом свой отдал с большой любовью. Готовый дом пришел посмотреть сам эмир Хаджи. Зайдя в дом, он ходил из комнаты в комнату. Выходя, промолвил: «Теперь тебе можно и жениться. Если какая есть на примете, — скажешь». А Дауран об этом даже не помышлял. В памяти был только образ ханской дочери, но до нее было не ближе, чем до Аллаха. Дауран даже и мечтать не смел о Назлыгюль. Верно, лежа на смертном одре, мать сказала ему: женишься на ханской дочери. Будто угадала момент, когда ангел произнес слово «аминь».

Мастер Дауран запер дверь. У городского тархана была привычка являться поутру, заходить в дом без стука. Пусть не заходит. Казань растет с каждым днем, отовсюду приезжают люди, каждому нужно место, тархан города сначала посылает их к зодчему Даурану. После договора с ним о размерах дома, тархан дает место домостроителю. У городского тархана подрастают три дочери, одну из них тархан мечтает выдать за зодчего. Скрытно от Даурана тархан берет от домостроителей деньги. Сколько раз тархан предлагал деньги и Даурану, но Дауран и думать об этом не хотел. Может, поэтому тархан участил свои визиты к зодчему, однажды даже привел служанку, Дауран от прислуги отказался, сказал, что возьмет мальчика в помощники. Теперь, когда ханская дочь Назлыгюль сказала: «Я буду твоим маль-

чиком-службой», — Дауран вспомнил про разговор с тарханом и улыбнулся.

Дауран молча любовался изяществом Назлыгюль. Красива была ханская дочь. Трудно было представить ее в роли мальчика-слуги. От кого унаследовала эту яркую красоту ханская дочь? Очевидно, от ханши Зубаржат, и не найдешь в Булгарии джигита, который не был бы влюблен в нее. Глаза, словно синее небо, брови, как крылья ласточки, золотистые волосы заплетены в две косы, одна коса опустилась на грудь. На голове калфак, унизанный жемчугами, на запястьях браслет, украшенный изумрудными камнями, на пальцах перстни с яхонтами. Если станет мальчиком, эти украшения придется снять.

— Я в гостиной буду спать, Дауран. А тебе постелю в передней комнате, — сказала ханская дочь, боясь поднять глаза.

Он без слов согласился. Он будет ждать смиренно. Настанет день, хан даст разрешение, и он женится на Назлыгюль...

27

На другой день утром зодчий Дауран уже сидел в лавке знакомого купца. Стараясь держаться как можно непринужденнее, он попросил одежду для мальчика-слуги. Многоопытный купец и поверил, и не поверил мастеру, но и не поверить было невозможно. Ханскому мастеру не возбраняется держать слугу. А он главный зодчий, чертежи строящихся в городе домов показывают ему первому. Тархан втайне собирает с домостроителей взятки, а этот бедолага выполняет все дела.

Одежду у купца зодчий Дауран выбрал понравившуюся: брюки, рубаху, тюбетейку, бешмет, стеганую фуфайку, но никак не мог представить себе ханскую дочь в ней. Купец подобрал хорошие сапоги. Даже напугал Даурана, похвалив товар: «Такие сапоги впору самой ханской дочери носить». Затем спросил у Даурана, нет ли намерения жениться; чем мальчика держать, лучше жену под боком иметь. Дауран смутился, не знал, что и ответить. В общем, постарался побыстрее улизнуть.

— Постой, зодчий, постой. Хочешь, сосватаю тебе девушку такую, что век будешь меня благодарить?хлопоты со сватами возьму на себя. Знаешь, чья дочь? Видишь, вон на той стороне Булака дом с зеленой крышей. Чей, думаешь, дом? Дом купца Бакыргали. Четыре дочери и всем замуж пора. Особенно вторая хороша, хай, дал же Аллах красоту этой девоньке! Как увижу ее, сна лишаюсь. У меня у самого дочь была, в прошлом году Азраил взял. Эх, и плакал же я!

Жалко, оказывается, терять дочек, жалко! Умница такая была, смирная, сдержанная... Вот от нее остался сундук с приданым. Не бойся, не бойся, зодчий, я дешево продам. Не чужой ты мне, зодчий эмира. Пользуйся на счастье. Вместе с сундуком возьми, все твое. Хай, кто там!? — крикнул купец Каримулла. — Поди сюда!

— Что, бай-абзый? — подбежал здоровый джигит.

— В углу сундук стоит, моей Галии, царство ей небесное, запряги коня и отвези сундук в дом зодчего. Не ходи увальнем, одна нога здесь, другая там!

— Не надо бы, Каримулла-ага. Потом ведь у меня с собой столько денег нет, да и к чему мне все это? — пробовал было возразить Дауран.

— Зачем деньги такому человеку, как ты? Ты сам — золото. Возьми у Алабая, вернешь. Не собираешься же ты бежать из города, который сам строишь. Нет? Вон сына Ахмета-тархана не могут сыскать. Уехал куда-то добывать руду и вместе с кораблями тью-тью. Одни говорят, что встретился на Урале с русскими купцами и уплыл в Рязань, другие предполагают, будто попал в руки разбойников. Где теперь Бакир, сын Ахмета? Одному Аллаху ведомо.

— Бакир уже вернулся, — сказал Дауран. Эмир привез его в Чертово городище. Здесь он думает кузницу открыть, Каримулла-ага.

— Хе, вот как, чтоб кони их сдохли, чего только не наболтают купцы. Я и сам не очень верил слухам. Говорят, невиданной красоты жена у Бакира. А была, говорят, наложницей какого-то купца. Тот привел ее к кузнецу Ахмету и случайно увидел ее сын. Красота девушки покорила Бакира, и попросил он отца отдать ее ему. Кузнец уважил просьбу сына. А тот взял да женился. Так-то, зодчий...

— Спасибо, Каримулла-ага. Деньги я передам через твоего посыльного.

— Цена будет три золотых, зодчий. Для тебя не жалко. Кто дал чертежи для постройки дома? Ты. Как дом мой красив и удобен. Причал! Как игрушка стоит на берегу Булака. Прямо у ворот причаливают купеческие корабли. Увидишь, зодчий, помни слова Каримуллы-ага, скоро купцы из Великого города станут сюда переселяться. Великий город хоть и благолепен, да от водных путей далековато отстоит и от Стран Мрака. Почему, думаешь, сюда стекаются арабы, тураны, армяне? Здесь торгуют болгары, угры, русские. А в их руках лучшие шкуры, на вес золота. Возьми одну шкурку соболя для своей будущей жены. Возьми-возьми...

— Нет-нет, Каримулла-ага, мне это не нужно.

— Придет время — и шкурка нужна будет. Женщина,

она вначале только всем вроде довольна. А как распознает твой характер, начинает многого желать. Говоришь, не нужна шкурка соболя, а женишься, — понадобится, прямо ко мне приходи. Видишь, у меня все есть. Вот так. Не говори спасибо, самому тебе спасибо. Захаживай. Постой-ка, постой! Почему себе ничего не взял? В строительстве домов ты мудрец, а в купле-продаже мелко плаваешь, зодчий. Скоро женишься? Пора-пора, не уклоняйся. Мужчина без жены — как луг без цветов. Аллах так распорядился, одному навесил, у другого оттяпал. А вместе — в самый раз. Если женщин больше, тут Аллах не виноват, мужчины гибнут на войне. Не думай, что ты раб, освободят из рабства. У кого пчельник, у того мед, как говорится. Суть женщины — мед да масло...

— Я пойду, Каримулла-ага...

— Ага, иди. Только чаще приходи! Знаю, много говорю. Но молчать не могу. Ты вот будто воды в рот набрал, а женщины любят сладкие речи. Не жалею для них красноречия. Даже ежик свою избранницу называет — мягенькая, а медведь — беленькая. Вот что об этом сказал поэт:

Господом из глины создан Адам,
Раем Бог его манил, пугал же адом
И всеми смертными грехами разом.
Девы, как вино, ему смутили разум,
Так что рай себе оставь, а нам его не надо!

— Рай, Дауран, — это женские обьятия. Может, винца налить? Ты что, совсем не пьешь? Боишься шейха? Думаешь, что он не пьет! Хей, кто там есть, принеси-ка кувшин с вином!

— Не нужно, Каримулла-ага, не нужно. Я пошел.

Дауран скорым шагом вышел на улицу. Он должен был прийти домой раньше посыльного. А поэт-то как сказал: «Так что рай себе оставь, а нам его не надо...» Ведь правду сказал. Пришла Назлыгюль, и словно врата рая распахнулись для него. Надо будет сказать дворцовому купцу Бикколу, пусть привезет книги. Или написать секретарю Хафизу, пусть pošлет несколько книг с ханским скороходом. Секретарь Хафиз ночами читает книги. Читает-читает и ни с того ни с сего заплачет. Назлыгюль тоже знает эти строки стихотворения? Если уж купец знает, то почему бы ханской дочери Назлыгюль не знать. Учеба досталась Даурану только краешком, мать приводила его к секретарю Хафизу лишь ночами, когда никто не видел. Уроки от секретаря Хафиза Дауран получал при свете свечи. Знал ли учитель о том, что

сын ханского раба Алпара с детства был влюблен в ханскую дочь? Скорее всего, не знал. Но даже если бы и знал, не обратил бы на это внимания. Потому что есть неписанный закон: раб не может жениться на ханской дочери. Дауран же совсем не думал об этом. Увидев Назлыгюль, он испытывал трепет, тянулся к ней, просил у Аллаха, чтобы ханская дочь посмотрела в его сторону. Сегодня ханская дочь, образ которой он носил в мечтах, пришла прямо к нему в дом. Поистине, Аллах всемилостив, внял его молитвам. От счастья, которое на него свалилось, у Даурана словно выросли крылья. Но в то же время в него вселилась тревога, беспокойство за жизнь и судьбу любимого человека. Эта тревога давила на него. Если услышит Салим-хан или кто другой узнает, что ханская дочь у него? Страшно даже подумать. Ум протестовал, а сердце, полное любви, гнало эти мысли. И Дауран спешил домой, стараясь не думать о завтрашнем дне.

Что ни говори, он уже купил для ханской дочери полный сундук приданого. Хочет — пусть будет мальчиком, хочет — невестой. Тогда он еще не мог представить себе, кто же совершит обряд бракосочетания. На это ни один шейх не пойдет, боясь ханского гнева.

Такие мысли витали в голове Даурана, сына зодчего Алпара. Но они улетучились, как только прозвучал из комнаты серебристый голос: «Дауран, это ты?» Перед ним стояла улыбающаяся сквозь слезы Назлыгюль. Влюбленный, весь трепеща, бросился перед ней на колени.

28

Визирь Камай не хотел идти с пустыми руками к рязанскому князю. По совету хана он решил взять с собой принявшего исламскую религию Апаная. Апанай — из самого богатого рода — рода Кучтумов. Старший брат Яким три года назад оставил Апаная у кузнеца Ахмета. У купца Якима в одном Великом городе семь-восемь магазинов. Апанай учился кузнечному делу у кузнеца Ахмета и в то же время присматривал за магазинами Якима. Неудивительно, что Апанай появлялся то здесь, то там, и все же визирь Камай с подозрением относился к человеку, который недавно носил на шее крест, напоминавший куриную лапку, а перейдя в ислам, сорвал этот крест и бросил в реку. Яким Кучтум тесно общается с болгарскими купцами. В их среду не могут войти ни хан, ни князь. Торговцы войны не хотят, стараются не посылать сражаться сыновей. Среди торговцев существовали непонятные для ханов, визирей, князей, тиунов дружба и товарищество. Странно было то, что купцы, даже придержи-

ваясь разной веры, стояли друг за друга. Яким, не снимавший с шеи золотой крест даже когда ложился спать, легко отнесся к тому, что его младший брат принял ислам. Только рукой махнул. А визирь Камай не верил, что русский Апанай искренне перешел в исламскую религию. Вообще он, как и хан с князьями, недолюбливал купцов, хотя и понимал, что богатство города и государства во многом зависит от них. Среди купцов ему приходилось видеть и тех, кто, приехав в Булгарию, накручивал чалму, а вернувшись домой, вновь надевал крест. В конце концов Камай убедился: дело не в религии, а в умении держать слово.

Походя бросающихся словами визирь Камай не любил, хотя сам в этом отношении не был примером. Апаная он взял не только как толмача, он и сам калякал по-русски сносно. Он взял его для других целей. К князю нужно было зайти под каким-нибудь предлогом, а зайдя — поговорить. Князь, надо думать, наслышан о печальном событии, случившемся в Булгаре. Сразу же он спросит, кто убил епископа Аббаса. Чтобы не тянуть дело, визирь Камай скажет, что среди убийц епископа и подстрекателей был и брат твоего приближенного Якуба — Апанай. Скажет, что Кучтум Апанай принял исламскую религию. Если князь и не поверит в версию о соучастии Апаная, то в факт принятия иной веры поверит, потому что визирь Камай знает, что креста у Апаная на шее нет. Князь велит проверить это. И если сказанное визирем Камаем подтвердится, весь княжеский гнев обрушится на Апаная.

Убийство болгарского епископа Аббаса, поджог церкви, конечно, разгневали князя. Всеведущий визирь Камай не зря опасается его гнева. Прежде всего, князь может не принять визиря. Было о чем беспокоиться и задуматься Камаю. Хан наставлял его: как бы тот ни было, случившееся замять, князю подарков не жалеть. Мети бородой землю, но, не утешив князя, не возвращайся! Так наказал ему хан. Хану совсем не хотелось вновь воевать с русскими. С каждой новой войной он терял земельные владения. Хан хотел знать о событиях в Ростове, а вести мог привезти только визирь Камай. Визирь Камай разорвется на четыре части, но своего добьется.

* * *

Эмир Хаджи из Кашана переехал с семьей, со своими подданными в город Казань. Донесли, что теперь он набирает свое войско. Пусть набирает, но зачем чеканить монету? Это же означает: отец, я тебе не подчиняюсь, открываю для себя свой Ага-Базар! А это уж совсем не по праву Са-

лим-хану. В конце концов, Чертово городище в руках сына, и древний город Сувар... Новый город со временем тоже превратится в крупный торговый центр.

Салим-хан сел на трон, перечитал письмо, посланное визирем Камаем. Визирь обо всем подробнее оповестил хана. Когда Салим-хан читал про сцену убийства, по спине ползли мурашки. Бояре да заговорщики и бога своего не побоялись. Где была Рокия? Визирь Камай пишет, что она взяла малолетнего сына, уехала в Саксин. Почему не в Великий город? Княгиня Рокия, нареченная после крещения Катериной, видать, хотела отвести беду. Чтобы народ не подумал, что она тоже участница? Визирь Камай утверждает, что все одно княгиню в убийстве будут обвинять, ибо вся церковная иерархия хотела видеть Булгарию как соучастника. Видимо, в отместку за убийство Аббаса или еще за что?..

Получив письмо визиря Камая, хан понял, что все церковные иерархии хотят виноватой в убийстве Аббаса видеть всю Булгарию.

Настроение хана испортилось. Он позвонил в серебряный колокольчик.

— Привратник, покличь ханшу!

Когда ханбике Зубаржат вошла, хан усадил ее рядом с собой.

— Что стряслось, мой хан? — спросила ханбике, собираясь сесть. — Или о Назлыгюль какую весть принесли?

Ханбике всегда так, зайдет и мягким проникновенным голосом спросит: «Что случилось, мой хан?» Иногда нежный женский голос успокаивает хана. Раньше от голоса ханбике аж душа таяла. За последнее время и от нее перестал слышать нежные слова, — видимо, старость берет свое.

— Вечно один и тот же вопрос, — сказал Салим-хан.

Ханбике вроде и не обиделась, не рассердилась, не подала виду, но хан заметил, помрачнела.

— Мой хан, — сказала и остановилась, а заметив хмурое лицо мужа, прикоснулась к его руке. Понимающе улыбнулась, погладила жесткую руку хана. — Сердит почему-то мой хан.

— Будешь сердит, — сказал хан. — Меня вот кто беспокоит — сын, эмир Хаджи! Молчком переехал в Казань, семью и двор увез. А ведь неплохо жил в Кашане.

— Но ты сам повелел строить новый город, мой хан, сам пожелал! Похоронил в основании моего любимого внука! — Ханбике закрыла лицо платком, всхлипнула. — И ты жесток, и твой визирь, и все вы...

— Хватит, ханбике! Я не давал ему ферман хоронить внука

в основание города. Будет тебе, будет. Визирь Исхак за своеволие жестоко наказан, чтобы другим неповадно было...

— Жестокость порождает жестокость. Был бы визирь Исхак жив, сын бы не перенес свою столицу в новый город. Заносчив был твой визирь, однако ж справедлив и умен... А Камай, правду сказать, дуб дубом супротив него.

— Не говори так, ханбике. Оставь Камая в покое.

— Почему же заодно и халат со своего плеча не снял и ему не отдал?!

— И за ремень раскаиваюсь. Надо было бы ему, сукину сыну, камчи всыпать...

— Вот-вот, ты тоже стал мыслить, как визирь Камай. То одно скажет, то другое. Не поймать нити твоей мысли, хан. Убили князя Китана, вырази соболезнование, пошли человека. Зять наш. Плох ли был, хорош ли, — зять.

— К кому, кого послать?

— Как думаешь, хан, кто будет в Володимире князем?

— Один аллах ведает, кто. По-моему, или Михалка, или Всеволод. Вернулись, говорят, румские детки...

— Лишь бы не Михалка, Всеволод — наш зять. А ты все же пошли к Всеволоду визиря, поздравь.

— А это бы не нужно, ханша. Мне своих забот предостаточно. Меня волнует Хаджи. Сначала я разделаюсь с ним, ханбике, а там видно будет. Казань должна быть в нашей власти. Пусть убирается в свой город.

— Ты послал зодчего к Хаджи, тебе и решать его судьбу, мой хан. Сын против отца не пойдет, сговоритесь. Вот тебе мой совет, хан, пока не поздно, поезжай и посади эмиром в Казань внука своего Булата. Пусть сын Хаджи возвращается в Кашан...

— Это мысль, ханбике, мысль. Хе, так, видно, и придется поступить, пошлю гонца на берег Яика и...

— Не спеши посылать гонца за внуком, хан. Сначала съезди к сыну, эмиру Хаджи. Возьми с собой дружину, сын оценит твою власть.

— Смотри-ка, ханбике, мои слова у меня с языка хватаешь! И сам об этом подумывал, поехать к сыну с войском для устрашения.

— Так и сделаешь. Хан, у меня дело к тебе. В Великий город приехал из Саксина поэт Абдельгалау. Во дворец бы пригласить его, говорят, благой человек. И мальчикам уроки бы давал.

«Ну и хитрюга ты, ханбике, — подумал Салим-хан. — Поэт Абдельгалау восхваляет чернь. Ханы и эмиры ему чужды. Если бы был он мне по душе, я бы давно зазвал его во дворец. Секретарь Хафиз еще в прошлом году просил

меня пригласить его. Теперь и ты, ханбике, просишь. Может, действительно, пригласить? Внукам уроки будет давать. Слабой овейя поэт, имя его на устах простого люда. А может, приехав во дворец, начнет петь под дудочку ханбике?..»

Салим-хан не любил поэтов, за исключением секретаря Хафиза, думал о них, что те своевольны и упрямы. Других слов у него для них нет. Этот самый поэт Абдельгалаю сказал: «Не ищи, хан, далеко золото-драгоценности, под ногами твоими лежат они, неоценимый кладезь...» Здорово сказал, умно.

— Разве писатель Абдельгалаю здесь, ханбике? Если здесь, скажи секретарю Хафизу, пусть пригласит во дворец. Я согласен.

Услышав из уст хана эти слова, ханбике Зубаржат улыбнулась. Она не ожидала столь скорого согласия хана. Такой ответ ее обрадовал. Однажды, когда зашла речь об Абдельгалаю, хан сказал ей, что, пока он жив, ноги этого упряма и гордеца во дворце не будет. Сегодня хан, видимо, думал по-другому, рассудила ханбике.

— Я хочу видеть его во дворце не только ради уроков внукам, хан. Говорят, поэт Абдельгалаю знает, где наша Назлыгюль. Правда ли, нет ли это, но так дошло до меня, хан.

Это была очередная уловка ханбике. Откуда же знать живущему в городе Саксин Абдельгалаю, кто похитил Назлыгюль и где она сейчас?

— Я полагаю, Назлыгюль похитил мой брат Мухаммедалим, ханбике. Мухаммедалим все мечтает о болгарском троне. Не знает, невежа, что трон не в руках старшего брата, а в руках Аллаха, и я сел на этот трон по его воле...

Ханбике Зубаржат улыбнулась: хан пел песенку шейха Иганая. Тот подзуживает, этот заводится. Но здесь лучше промолчать. К чему, что от этого изменится?..

— Я тоже про то слыхала, хан. Купцы донесли. Но если верить слухам... Брат твой Мухаммедалим, зять кипчакского хана Янтака, собирается идти на Булгарию. Хан Янтак в годах, на сыновей надежды нет. А вот зять Мухаммедалим может осуществить его мечту.

— Если бы да кабы, ханша. Баян-багадур говорит, что видел в Казани сестру Бачмана-багадура Зайтуну.

— Ты этому удивляешься, хан. Сноха Акбике давно уже в Казани, а разве она оставит Зайтуну, она же ее родной дочерью считает.

— Если бы народила больше детей, не цеплялась бы так за чужого ребенка.

— Вот-вот, побрани эту свою сноху, побрани. А то все нахваливаешь ее, всем в пример ставишь. О снохе Марьям-

бике ни слова, Аллах упаси. Всегда опасалась Акбике, не брала к себе ее сына Джаффара. А он уже стал взрослым. Кем хочешь сделать сына Акбике?

— Послом сделаю я его, ханбике. Не сегодня-завтра вернется визирь Камай. Поеду в Казань, там все приведу в порядок. Но сегодня, ханша, я помышляю о другом. Багадуры мои донесли, что беглый Джик Мерген служит сотником у Бачмана-багадура. Как с ним поступить?.. Уму непостижимо: беглец Джик Мерген — у Бачмана-юзбаши. Куда смотрит эмир? Если все это правда, что я скажу багадуру Тубыкбаю?

— Джик Мергена не трогай, хан. Он ни в чем не виноват. Коли что-то не поделили братья, пусть сами и разберутся, решат. Ты не вмешивайся в их отношения. Ты — хан! Ты великий хан!

— Не горячись, ханбике, не кипятись! Может, он и выкрал нашу дочь Назлыгюль. От него всего можно было ожидать. Вот о чем еще я думаю, ханбике.

— Сплетня все это. Кто тебе рассказал такое? Менбаши Таймас?

— Ну и что?

— Я не верю этому твоему пьянчуге. Сплетник он, горлодер! Вот он кто, твой менбаши, хан! Сколько у него жен? Три, четыре?..

— Четыре — пусть. Если удаль есть. Шариат позволяет.

— Кому?! Правильно говорит секретарь Хафиз, если русский разбогатеет — ставит церковь, если болгарин разбогатеет — женится.

— Не говори так, ханбике. Жена — это богатство. Скажем, эта жена родит ребенка? Родит. Одна жена — одного. Две жены — двоих. Будут у тебя четыре жены, значит, четверо сыновей будет. А сын — это азат. Азат кто? Защитник страны, вот кто!

— Четыре жены родят четырех сыновей, потом эти четверо будут грызться между собой за власть. Разделят они твою Булгарию. Кровь проливая, друг друга убивая, разделят. Родной сын вон и то не может с тобой ужиться.

— Я не дам эмиру Хаджи разделить страну, ханбике, пойду в Казань с войском.

— Повидаешь и сына Туйбике! — сказала ханша многозначительно.

— Что ж, и его повидаю. Он поднимает город, он складывает стены. Он мой раб, ханбике, раб мой!

— Был влюблен в Назлыгюль этот твой раб.

— Разве быть влюбленным в ханскую дочь грех, ханбике?

— Грех! Ты все видел, знал, молчал! Я еще в те времена

подозревала, что он отравит душу ребенка. Что сделала твоя Назлыгюль, когда подросла, через каждые два слова называла имя твоего раба. Дауран узор выложил, Дауран это сделал, Дауран то сделал... Говорят, что та змея, Туйбике твоя, околдовала с помощью шамана Назлыгюль. Я не поверила было...

— Что из того?! Что из того, говорю?! Теперь поверила?

— Поверила. Сама в могилу легла, а в твоём сердце осталась. Теперь её сына защищаешь. Зятем бы ещё сделал!

— Ханбике, ханбике, не надо бы так. О покойнице...

— Сердце мое разрывается, душа изболелась, хан, боюсь, он умыкнул Назлыгюль, не другой кто, а он.

Услышав эти слова, Салим-хан поднялся с трона, зашагал по комнате. Лицо его покраснело, жилы на шее вздулись.

— Это что ещё за речи, ханбике! Что за речи?!

— Не раб он, а аждаха, хан, аждаха! Для кого на фронто-не дворца нарисовал аждаху? Свой образ оставил. Наша дочь у него, у него!

— Если это правда, ханбике, я велю ему повесить камень на шею и утоплю в озере Кабан. Слышишь, ханбике, в озере Кабан! — сказал яростно хан, потом громко крикнул: — Кто там есть, эй, привратник! Привратник, говорю!

Прибежал привратник.

— Привратник, пошли в Чертово городище гонца, пусть городской менбаши завтра-послезавтра прибудет в великий город, с войском! Слышал? С войском!..

— Кого идешь вызволять? Свою дочь?

— О Алла, Мухаммедрасуллала, довелось дожить до таких разговоров! Назлыгюль в руках Даурана. В своём ли ты уме, ханбике? У меня в Казани надежные шпионы, кто-нибудь из них да увидел бы. Человек не иголка, можно найти.

— Ты сначала проверь, хан, убедись.

— А если все это лишь болтовня, бред больного разума?

— Если болтовня, сама надену себе на шею камень и брошусь в озеро.

— О Аллах, чтобы ветер унес твои слова, ханбике.

— Наша дочь Назлыгюль в Казани! Слышишь, хан, в Казани! Чуёт мое сердце... — сказала ханбике Зубаржат и, повалившись на подушку, заплакала. Потом поднялась и, ни слова не говоря, вышла. Хан не стал её удерживать, он уже решил для себя: в скором времени двинется с войском на Казань.

Хан не поверил словам ханбике Зубаржат, да и поверить им трудно. Разве можно представить, что Назлыгюль у зодчего Даурана. Бред, конечно, бред. Да, он видел, как дочь тянулась к сыну Туйбике. Видел и горящий взор Даурана,

когда он смотрел на Назлыгюль. Но на дочь, пусть и украдкой, смотрели так почти все джигиты и батыры. Видел, но не придавал этому значения. Что страшного можно усмотреть в том, что джигит с восхищением смотрит на ханскую дочь? Тут хану вспомнилась Туйбике. Нет, не такая уж она блистательная, как ханбике Зубаржат, но так и осталась в его сердце. Почему Туйбике не родила ему сына? Почему родила от какого-то раба? И самое удивительное, в тот же день, когда родила Зубаржат. Есть чему удивляться. Как только в памяти оживал образ Туйбике, становилось не по себе. Оказывается, есть такие женщины, которые и после смерти не дают покоя мужчинам, которые их любили. Вот что еще вспомнил хан: лишь только увидит мастера Даурана, перед глазами опять Туйбике. Может, именно поэтому он не отдал мастера русскому князю? А ведь просил, просил князь сына зодчего Алпара, Даурана. Молодой мастер Дауран был ему самому нужен. Сын Туйбике творил чудеса, а хан любовался его работой.

Хан сел на трон. Да, тело стареет, а душа молода и трон ее греет, не хочется расставаться с троном... Но придется, рано или поздно, придется. Только кому уступить власть? Может, передать трон внуку Булату? Булат укрепил Яицкую крепость. Задержал и обложил данью ханского купца Биккола. Хоть и не имел права брать дань с ханского купца, но взял. Услышав про это, Салим-хан смеялся до упаду. «Биккола придется освободить от торгового дела, возьму советчиком, — подумал хан. — Знает семь-восемь языков, мир повидал. Умные люди нужны и во дворце».

Может, поэтому хан послал к внуку гонца: улан, не ошибайся, отпусти ханского купца хана в Великий город. А купец мне здесь весьма нужен.

Но сейчас хана больше всего занимала судьба дочери Назлыгюль. Это беспокоило хана прежде всего, вот почему он с нетерпением ждал купца Биккола. Биккол должен был разузнать о судьбе дочери Назлыгюль, да еще расспросить о ханском внуке Гали. Об этом отроке рассказывают легенды. Сказывают, что Гали-улан действительно жив-здоров... О Аллах, что ему делать, если на самом деле все так?

Как бы то ни было, купец Биккол, наверное, выполнил его поручение, Аллах дал ему все, ничем не обделил. Нужно — он и притворщик, и льстец, и гадюкой за пазуху к тебе залезет, и дервишем станет, и ученым, и шпионом, и визирем. Хан доверял купцу во всем.

Хан потянулся и взял с мраморного столика четки. Перебирая их гладкие бусины, хан понемногу успокаивался.

Вошел привратник, поклонился хану.

Салим-хан не встретил его обычным: «Ну!», а продолжал перебирать четки.

— Светлейший, прибыл визирь Камай, входит в ворота.

Хан опустил четки в карман халата, не спеша поднялся и стал расхаживать по залу. Недолголюбивал он своего визиря. Но странно, теперь, казалось, без него не мог и дня прожить. Визирь Камай ему надобен, всегда. Куда бы и с каким бы поручением ни отправился визирь, он выходил сухим из воды, живым-невредимым возвращался. А ведь ни внешности, ни особого ума. Чем берет, одному Аллаху ведомо. Долго жить будет, вон подскакал ко дворцу, зашел, шумит, орет.

— Мой хан! — зайдя, проговорил визирь Камай и, опустившись на одно колено, поклонился.

— Проходи-проходи, визирь мой! Благополучно ли добрался? Письмо твое получил, весть твоя дошла. Где Рокия? Как она?

— С Рокией мне встретиться не удалось, мой хан, — сказал Камай и вытер вспотевшее лицо уголком халата.

Хан взял колокольчик, позвонил.

— Хей, кто там есть! Медовуху принесите! — приказал хан слугам, стоявшим за дверями и обратился к визирю: — Айда, проходи, садись, мой визирь.

Хан вопрос с шейхом решил самолично, не посоветовавшись с великим шейхом Пехлеваном Махмудом, поставил шейхом аль-кази Ишкула. Некоторые мюриды шейха Иганая выразили неудовольствие, но до открытого неповиновения дело не дошло, слава Аллаху. Велись, конечно, сплетни-пересуды, несогласные мюриды начали мутить народ Ага-Базара. Дескать, Салим-хан собирается принять христианскую веру... Рот человеческий — не дыра в банной печи, не закроешь. Салим-хан послал шпионов в Ага-Базар. Велел каждого подстрекателя-мюрида заточить в тюрьму. Всех смутьянов, которых изловили, хан примерно наказал: приказал порубить их саблями и выбросить тела в лес. Сплетня никому не нравится, живущие в великом городе армяне, греки, русские с одобрением встретили этот шаг хана. А мюриды, сторонники шейха Иганая, притаились. Но это плохо. Тайный враг страшнее явного. Хан пошел на улицу, где жили христиане, обещал восстановить церковь и испросить из Суздаля епископа. После этого случая в мусульманских приходах стали шептаться: «Хан переходит в христианскую веру».

За столом визирь Камай снова подробно рассказал о поездке.

Наконец хан, подливая визирю Камаю медовуху, сказал:

— Мой визирь, тебе снова придется поехать к князю.

— Поеду, — ответил визирь Камай, — поеду, хан. Только на этот раз прихвачу с собой твоего привратника Абаша.

Хан кивнул головой в знак согласия.

— Только сначала еще раз вместе съездим в Казань, а может, и в новый город, который поднимает сын по моему распоряжению, визирь, — сказал хан.

Нет там города, хан мой. И не будет. Эмир Хаджи твои дукрепил Казань и крепость сделал неприступной.

Хан ахнул. Но ни слова не сказал, лишь махнул рукой. Сгинь!

29

Для мастера Даурана ханская дочь Назлыгюль была подобна богине, сошедшей с небес. Он жил, словно в тумане, веря и не веря в происшедшее, а когда поверил, потерял сон окончательно. Ежедневно пять раз ходил в мечеть на намаз, учил наизусть суры Корана, чем расположил к себе шейха ханской мечети Тетюша.

Однажды молодой шейх Тетюш остановил его и спросил:

— Мастер, ты что-то скрываешь от людей, на лице твоём печать беспокойства, что случилось?

— Я раб, шейх. Этим все сказано.

— Если справедливо говорят, эмир дал уже тебе свободу.

— Эмир дал, но я раб хана, шейх.

— Раб хана! Странно, ведь эмир Хаджи — ханский сын. Эмир имеет право дать тебе свободу. Но у тебя, мастер, другая забота. Может, ты влюбился, хочешь жениться? Не потому ли тяготит тебя твоё положение?

— Влюбился, шейх, — сказал мастер Дауран безучастно.

— Счастливая пора, мастер, счастливая пора. Тебя эмир уважает, эту мечеть ты построил. Если скажешь эмиру: «Женюсь!» — он сам будет сватом. Ну-ну, кто этот небесный ангел?

— Умение хранить тайну — святая вещь, шейх.

— О Алла Мухаммедрасулулла, похвально, весьма похвально, мастер. Если слово твоё подобно спелому плоду, вырази его.

— Не поспело ещё, шейх. Я, с вашего позволения, пойду, шейх.

— Субханалла, пусть будет по-твоему. Украшение земли — небо. Украшение страны — слово мужчины. Только не забудь про обещание, мастер.

— Не забуду, шейх, — сказал Дауран и, поклонившись шейху, пошел своей дорогой.

Шейх Тетюш постоянно носил дорогой зелёный халат, на голове цвета майской зелени чалму, на ногах чёрные сафья-

новые сапоги. В Булгарию шейх приехал недавно и ревностно исполнял свои обязанности. Сам эмир Хаджи спросил шейха у Пехлевана Махмуда. Образование шейх получил у Пехлевана Махмуда, который в свое время учился в Бухаре. Хотя Тетюш еще не стал ишаном, но к этому стремился. Вот этот человек заметил на лице мастера какую-то тревогу. Не радость, не горе отражались на лице мастера, а беспокойство, печаль. Это не что иное, как любовь, решил шейх. К тому же, видимо, влюбился в дочь богача и знатного человека, а мастер — раб, ханский раб. Не смеет ни с кем поделиться своей влюбленностью. Бесконечно так продолжаться не может. Джигит может и занемочь. Любовь — это болезнь, тяжелая и печальная болезнь. Шейху Тетюшу тоже пришлось испытать ее. Приехав в Ургенч, он влюбился в седьмую жену Улуг Мухаммеда. Уважаемый молодой шейх был вхож во дворец шаха. Там увидел божественную красавицу. Увидел и был поражен ее красотой и изяществом. Женщина сразу почувствовала на себе влюбленный взгляд молодого шейха. Это ее испугало, и она решила впредь не показываться ему на глаза. Не видя предмета своей любви, шейх заболел. Легче стало, когда открылся Пехлевану Махмуду. Тот внимательно его выслушал и, взяв лист чистой бумаги, трижды написал имя красавицы, свернул всемеро и отдал Тетюшу, наказав положить на ночь под подушку. И — о чудо, прекрасная богиня каждую ночь стала являться к нему во сне. Как в жизни, настоящая; Тетюш любил, ласкал, нежил ее до одури, ложился рядом, входил в ее объятия, опьянялся ароматом благовоний, исходивших от ее тела, послушного его ласкам, и нырял в море наслаждения... Проснувшись, не верил, что все это было только во сне. Но приятная расслабленность после сладких снов преобразила его. Он перестал ходить во дворец, чтобы еще хоть раз ее увидеть. При помощи этого лекарства он и мастера отвадит от красотки.

Мастер Дауран не мог нарадоваться тому, что сохранил свою тайну. Если шейх прознает про Назлыгюль, тут же пошлет гонца к хану. Было страшно представить, чем все это могло кончиться. Хан его не пожалеет, придумает тяжелое наказание, не простит и дочь, камнем не придавит, но и свободно дышать не даст.

После того, как в дом к нему пришла Назлыгюль, Дауран лишился покоя. Не решился сказать об этом Назлыгюль. Испугался, что она обвинит его в трусости. Когда он начал жить в одном доме с «мальчиком-служкой», странная жизнь началась для мастера Даурана.словно солнечные лучи проникли в самые темные уголки его дома. Все это восприни-

малось им одновременно как явь и как сказка. Сколько недель живут в одном доме, но оба не осмеливаются спросить: «Кто прочтет никах?» Девушка ждала этих слов от него, он же джигит, а Дауран побоялся открыться шейху Тетюшу. Так и шли дни. Дауран утром вставал и, кое-как перекусив, уходил на работу. Вечером спешил домой в тревоге за Назлыгюль.

Он каждый день надеялся пригласить шейха для совершения брачного обряда, чтения никаха, но страх перед ханом брал верх. Возвратившись, Дауран видел ханскую дочь в одежде мальчика, ему очень хотелось увидеть ее в свадебном наряде, но все оставалось без изменений. Боязнь ли это была или что-то другое, он еще не понимал, но веского слова сказать не мог. Назлыгюль старательно выполняла свои обязанности мальчика-слуги: к возвращению Даурана всегда был накрыт табын. Девушка ставила медный таз, медный кумган и помогала Даурану умываться, поливала водой из медного кумгана. Они почти не разговаривали, только ласкали друг друга взглядами, да сердца бились в едином ритме. Можно было подумать, что Назлыгюль и в самом деле пришла в дом мастера Даурана только как мальчик-слуга.

Оставаясь один, Дауран сердился на обычаи отцов-дедов. Скажем, почему они не могут соединиться без никаха? Но, как бы ни петушился в душе, в комнату ханской дочери входить не смел. Скажешь людям, не поверят, но это так и было, без свадебного обряда-никаха он не мог себе этого позволить.

Часто Дауран смотрел из окна на озеро Кабан, особенно в закатные часы, когда вечернее зарево играет на глади озера, на воду опускается лебединая стая и можно наблюдать необыкновенное зрелище. Краски переливаются, а лебеди становятся похожими на огненных птиц. Но продолжается это недолго, в следующее мгновение после захода солнца краски бледнеют, но белые лебеди выглядят еще прекраснее на синей глади озера. И Назлыгюль из окна соседней комнаты тоже, наверное, наблюдает за этим. Дауран думает так, но войти к Назлыгюль не решается. После захода солнца на озеро опускаются гуси, утки, возникает птичий гомон, переполох. А гордые лебеди тихо-плавно скользят по синей воде, изгибая шеи-коромысла. Как эти птицы внимательны друг к другу. Дауран слышал: лебеди однажды соединяются в пару и до смерти не разлучаются. Если кто-то из пары умирает, второй или бросается на камни, или погибает от горя. Если Назлыгюль отыщут и уведут, — он тоже, как лебедь, умрет от тоски по ней. Святые птицы, райские птицы, с которых людям следовало бы брать пример. Видимо, поэтому

эмир Хаджи особенно сурово наказывает тех, кто охотится на лебедей. Таких охотников он повелевает привязать к хвосту лошади или надеть ему на шею колодку, которую никто не имеет права с него снять. Если Дауран зайдет в комнату к Назлыгюль, колодку ему на шею не наденут. Мастер больше боится божьего проклятия. Без никаха он не станет мужем Назлыгюль. Иначе Дауран потеряет честь.

Думая о совести, Дауран нащупывает ладанку у себя на шее. Она уже потерлась, залоснилась, но Дауран не менял ее. Он не знал, какой талисман лежит в ладанке, но был уверен, что талисман оберегает его.

Вот полная луна взошла, отяжелели веки, глаза слипаются. Пора спать. Дауран подумал, что утро вечера мудренее, может, новый день будет благословенен к ним, может, каким-нибудь образом удастся склонить на свою сторону шейха Тетюша и он соединит их, сохранив великую тайну Назлыгюль и Даурана.

Во сне мастеру снова снилась ханская дочь. То ее уводят от Даурана, то они рука об руку идут навстречу рассвету, то встречают эмира Хаджи. Последняя картина повторяется во снах юноши особенно часто. Эмир Хаджи стоит на крыльце дворца, а они, держась за руки, подходят к нему. Тут Дауран берет Назлыгюль в объятия и взлетает. Эмир Хаджи замывается на него саблей, Дауран радуется, что умеет летать...

После такого сна он всегда просыпается в поту. Просыпается и долго лежит, вспоминая ночные картины. Дауран не умеет объяснять сны, но и без объяснений ясно, что соединение с Назлыгюль не будет легким, и путей к нему пока не видно. В другом сне он один поднимается в небо, а внизу ханская мечеть, у ее подножья гроб ханского внука Гали. Гали поднимается из гроба и протягивает к Даурану руки. Дауран не слышит его голоса, но понимает, что тот хочет и его взять к себе. После этого сна опять долго лежит, глядя в расписанный им самим потолок. Почему никогда не снится, как шейх совершает обряд бракосочетания? После обряда и хан ничего с ними не сможет сделать. Но Даурану нужен обряд не во сне, а наяву. Правда, у хана свои законы, ему ничего не стоит отменить обряд. Что хану Аллах или шейх? Они ему нужны, только если будут плясать под его дудку. Даже Аллах. А если сделают что-то неугодное ему, пощады от хана не жди. Хотя Аллаха хан боялся, а шейха нет, это хорошо знал Дауран. После таких мыслей зодчий стал еще истовее совершать намаз, а в пятничные дни старался в мечети сесть около шейха, рядом с михрабом. А когда шейх поднимался на минбар, подходил к нему ближе, мечтая попросить о никахе. Но каждый раз отказывался от своей мысли.

В один из дней, когда солнце зашло и опустились сумерки, в дверь постучали. Странно, мальчик-слуга, не спросив, кто стучит, открыл дверь. В дом с шумом вошли три азата. Дауран тут же узнал их, пошел навстречу.

— Здравствуй, Джик Мерген, здравствуй, Зайтуна туташ, здравствуй, Артык! — говорил Дауран, пожимая каждому руку. Назлыгюль вся засияла, будто солнце снова взошло.

— Надо бы гостей чем-то встретить, Назлыгюль, — ласково обратился Дауран к сияющей радостью девушке.

Назлыгюль с улыбкой взглянула на него и, позвав с собой Зайтуну, ушла в переднюю комнату.

— Или не сразу узнал нас, Дауран? — спросил Джик Мерген, опускаясь на подушку.

— Узнал он, конечно, — сказал Артык. — Но вначале, думаю, испугался, решил, что явились ханские азаты. Так ведь, Дауран?

— Было такое, как глянул, так душа в пятки ушла, но быстро узнал Джик Мергена...

Тем временем вошли в роскошных нарядах Зайтуна и Назлыгюль. Увидели парни девушек и рты раскрыли. Лебедушки! Ханская дочь только что была в мальчишечьем наряде, а как переделалась — не узнать, одно слово — фея.

— Те-те-те, — поднялся с ложа Джик Мерген. — Посмотри-ка на них, зодчий, посмотри-ка. И без меда проглотишь.

— Если не укоротишь свой язык, мой мерген! — шутливо погрозила Зайтуна.

— Все, все, ласточка, черны брови, сказал — молчу.

Увидев Назлыгюль снова в женском наряде, Дауран вернулся в состояние влюбленного безумца. Да и Назлыгюль улыбается, медленно идет к Даурану, не видит кроме него никого.

— Назлыгюль! — сказал он, чувствуя себя в облаках. — Моя Назлыгюль!

— Хватит, разбудим его, — сказал Артык. — Эй, ты, зодчий, тебе говорю, слушай-ка.

Он начал было подходить к Даурану, но тот оттолкнул его.

— Вам приходилось видеть вышедшего на охоту тигра? Вот он! — воскликнул Артык.

— Не трогай ты их. Скоро придет шейх...

Только слово «шейх» пробудило мастера Даурана.

— Шейх?! Какой шейх? — спросил он, внезапно остановившись.

Назлыгюль прижалась к нему.

— Шейх придет совершить обряд, — сказала она шепотом. — Для нас с тобой никах прочитает.

Зодчий Дауран не переспросил, какой шейх. Не все ли равно, кто совершит обряд? Для него достаточно, если это будет мюрид шейха. Но кто бы он ни был, шейх или мюрид, обручившего их ждет ханская виселица. Может, даже укоротят процедуру казни, наискось рассекут саблей на две части. Радоваться ли надо Даурану?

— К трапезе, друзья, — сказал Артык.

Сели вокруг войлока, на котором была расстелена скатерть, Дауран налил каждому по чашке кумыса.

— Мергены, я недопонимаю ваши слова. И пусть я знаю вас, вы не родня мне. Однако в этом светлом мире, кроме вас, у меня никого нет. Сегодня я вижу, что живу, что у меня есть близкие, что рядом со мной сидит самый любимый для меня человек, Назлыгюль. Ты, Джик Мерген, сказал, что сейчас придет шейх. Знали бы вы, как я его жду! Теперь я ничего не боюсь. Пусть вешают, режут, не боюсь, ибо увидел вас. Вы привели ко мне мою любимую, вы осчастливили меня, вы для меня самые святые души. Клянусь, как клялись наши предки, даже когда по воле судьбы придется ждать последнего часа, перед моими глазами будете вы. Вот смотрите.

Дауран взял в руки нож, уколол руку, накапал кровь в чашу и дал Джик Мергену, Джик Мерген добавил свою кровь в чашу, отдал Артыку, все поклялись. Даже ханская дочь Назлыгюль уколола палец ножом, но не вынесла боли, сначала взяла палец в рот, потом, когда все посмотрели с улыбкой, капнула в чашу несколько капель своей крови, отдала Даурану. Дауран отпил кумыс из ее чаши, она — из его. Отпила и долгим взглядом посмотрела на своего Даурана, словно стараясь до конца осмыслить происходящее.

— В древние времена наши предки совершали обряд бракосочетания только так — подмешивали в кумыс свою кровь и пили, соединяя сердца, — сказала Назлыгюль. — Об этом мне говорил мой учитель секретарь Хафиз.

— Мергены, я не воин, в моей руке была не сабля, а резец. Песню свою я нашел в камне. И любовь свою я встретил, нанося узоры на камень. Но до сего дня я не мог сказать ей, что люблю ее... Сегодня говорю: я люблю ханскую дочь Назлыгюль. Я готов строить для нее несравненные дворцы. Не ханский раб я с сегодняшнего дня, ваш раб, мои друзья! — сказал Дауран.

— У меня есть слово, — поднялась и села на колени Зайтуна. — Нет никаких сомнений, сегодня шейх обручит зодчего Даурана и ханскую дочь Назлыгюль. Обручит ведь, Джик Мерген?

— Слово джигита! — ответил Джик Мерген, подбоченясь.

— Мой мерген, мы тоже обручимся. Бике дала свое согласие.

— А эмир?

— С эмиром я не разговаривала. Брат взялся сам поговорить с ним. Я только одного боюсь: если попадем в руки хана, он не простит ни зодчего Даурана, ни Джик Мергена. Поэтому скажем об этом и эмиру Хаджи.

— Нет! — сказал Джик Мерген. — О нас с тобой пусть знает эмир, но о мастере и ханской дочери знать не должен. Артык, подай-ка мне домбру, дай-ка, дай! Мастер Дауран, ты видел кузнеца Ахмета и его сына Бакира? Конечно, видел. Так вот, этот джигит женился на наложнице, а ведь и он был достоин жениться на ханской дочери. Вот что делает любовь с человеком, хочу я сказать. Сначала они не могли как следует поговорить, объяснялись в любви взглядами. Услышав об этом, отец, кузнец Ахмет, забил тревогу, но ничего поделывать не мог, все равно победила любовь. Зодчий Дауран, я буду сказывать тебе байт*.

Джик Мерген взял домбру, наклонил набок голову, закрыл глаза, тронул струны.

Эй, мой зодчий Дауранджан,
Бело-сивого коня оседлай,
Алый панцирь не забудь,

.....

Кушаком подвяжись,
Сабля пусть будет в руке твоей...
На берегу Казанки-Итили
Город, оказывается, строишь...
Город в красивом месте,
Тюркский народ в моем сердце —
Кто лежит в основании?
Ханский внук Гали.
Кто похоронил улана?
Хан визиря вопрошает.
Визирь отвечает: шаман,
Тиун говорит: змея.
Хан визиря обвиняет,
В землю сам, говорит, ложись.
Эмир Хаджи горько плачет,
Акбике его клянет...
Проклятье на голову вороне,

* Байт — историческая песня на трагическую тему.

Убийца-человек —
Думает, что визирь.
У порога красивого города
Лежит сын Хаджи.
Булат его брат...
Камень мечети с надписью,
Надписи отравлены,
Гали-улан плачет,
Что тяжел камень над ним,
Спаси, боже, ребенка,
Разбери по камням новый град,
Разбери по камням новый град,
Спаси, боже, ребенка.
Его ждут Кашаны,
Его ждут шайтаны,
В исступлении шаманы
Справляют туй в башне...
В основании Казани
Лежит мальчик-улан,
Подойдя к минбару,
Рыдает бике,
Стонет ее сердечко...

— Мне боязно, — сказала ханская дочь Назлыгюль. — Сказывают, что мой отец дал ферман, чтобы племянника моего Гали похоронили в основании города. По-моему, пустое говорят.

— В основании города никого нет. Когда закладывали ханскую мечеть, я, услышав подобные рассказы, самостоятельно наблюдал, как копали котлован, — сказал зодчий Дауран.

— Гали-улан возносится в небо, его уносит Аждаха. Аждаху выгоняет из гнездовища шаман, и чудовище из мести уносит наблюдавшего за этим зрелищем Гали. Мне рассказывал один азат, который был там, — сказал Артык.

— А вот это уже лишнее, — сказал Джик Мерген. — Я слышал другое. Дескать, визирь Исхак действительно хотел закопать мальчика Гали, но шаман вместо него закопал собаку. Гали-улана продал в рабство какому-то купцу, проезжающий купец был, ему продали...

— Гали-улан лежит в основании города, — сказал Артык. — Азат божился мне в этом.

— Суть этой истории ведома секретарю Хафизу, говорят. Но он никому не рассказывает.

— Мне рассказал, — сказала Назлыгюль.

— Что именно?
— Мой племянник Гали жив, так он сказал.
— Жив?! — удивился Джик Мерген.
— Его должны были по приказанию моего отца похоронить.

— И похоронили? — спросил Дауран.
— Ну, не знаю... — пожал плечами Джик Мерген.
— Секретарь Хафиз не обманывает, сказала Назлыгюль. — Он жив.

— Не говори ты так, ханская дочь. Не то что секретарь Хафиз, пророки иногда прибегают к святой лжи...

В это время постучали в дверь, участники застолья переглянулись, потом повставали с мест. Джик Мерген распорядился:

— Девушки — в дальнюю комнату. Джигиты встречают шейха! Дверь сам открою!

Увидя шейха, зодчий Дауран оробел. Сколько раз он чуть было не открыл ему тайну сердца, а теперь он сам сюда пришел.

— Салям-алейкум, дети Аллаха! — приветствовал шейх и оглядел присутствующих.

— Валеюкумассалам, шейх, — ответили с поклоном джигиты.

Джик Мерген подвел шейха к почетному месту, усадил на взбитую подушку.

— Давайте дружно сотворим краткую молитву, — сказал шейх и первым воздел руки.

После молитвы шейх обвел присутствующих взглядом и остановился на Даурани:

— Как твои дела, зодчий?

— Слава Аллаху, шейх. Живу вашими молитвами.

— Аминь, аминь! Пусть будет так, пусть будет так, — шейх посмотрел на Джик Мергена. — Ну, что скажешь, мерген?

— Как договорились, шейх. По милости Аллаха.

— Где ваша девушка?

Джик Мерген мигнул Даурану:

— Иди-ка, поторопи, жених, девушек. Иди-иди...

Все было всерьез. Растерянный Дауран дал рукой знать Артыку: «Ступай со мной!» Вскоре они вернулись с сундуком в руках и понесли его в комнату, где находились девушки. Послышались радостные голоса. Артык и Дауран снова вернулись, улыбаются, довольны, горделивы.

— От матери остался, ее память, — соврал Дауран.

На самом деле зодчий Дауран внес Назлыгюль и Зайту-

не сундук, взятый у купца, со словами: «Сундук ваш со всем содержимым, надевайте, что понравится!»

— Что там девушки так долго, почему задерживаются! — громко, чтобы слышно было, крикнул Джик Мерген.

— Мнем кожу, шьем сапоги! — ответила Зайтуна.

— Ага, слышали, значит, скоро будут.

Но девушек пришлось ждать еще столько, еще полстолько, так что шейх Тетюш заерзал, затревожился, но в это время в дверях показалась ханская дочь Назлыгюль. При ее появлении не только джигиты, но и шейх Тетюш поднялись на ноги; впрочем, он впервые видел ханскую дочь. Он не знал, что это ханская дочь, но видел, что девушка не из простой семьи. Шейх сел и внимательно посмотрел на ханскую дочь Назлыгюль, перевел взор на другую девушку — Зайтуну. При виде шейха девушки смущенно потупили взоры, опустили глаза. Обе в платьях с оборками, на груди золотые подвески, на запястьях сверкают серебряные браслеты, на пальцах играют перстни с камнями. Наряд дополняют янтарные ожерелья, косы украшают серебряные монеты. Девушки были очаровательны, а румянец смущения делал их еще обаятельнее.

— Шейх, по-моему, пора начинать, — предложил Джик Мерген.

— Да, начнем, и да поможет нам Аллах, пусть молодые встанут предо мной, — сказал шейх, не отрывая взгляда от Назлыгюль. — Кому читать?

— Мастеру Даурану и ханской дочери Назлыгюль, — сказал Артык.

— Ханская дочь! — удивился несказанно шейх. — Я должен обвенчать ханскую дочь и зодчего Даурана?

— Мы с тобой, шейх Тетюш, об этом уже разговаривали! — сказал Джик Мерген.

— Но я не знал, что буду венчать ханскую дочь. Я полагал, что ты шутишь. Полагал, что та девушка достойна ханской дочери. А здесь и на самом деле ханская дочь?!

— Пусть даже дочь пророка, шейх, ты сегодня обвенчаешь зодчего Даурана и Назлыгюль. Слышишь, шейх?! Смотри сюда, кто тебе это говорит, — Джик Мерген. Следовательно...

Шейх Тетюш был растерян, бледен, как полотно.

— За венчание ханской дочери без благословения отца-матери меня...

— Правду молвишь, шейх, тебя повесят. Но учти, что будущий зять хана когда-то был рабом, теперь же свободен от рабства. Следовательно, он волен жениться на любой де-

вушке, которая пожелает стать его женой. Если к тому же через год ханская дочь родит мальчика... Хан возьмет тебя во дворец советником, помни мои слова.

Увидев, как заалели щечки ханской дочери, шейх еще больше забеспокоился. Что же получается? Все ждут его ответа. И одно его слово сделает неизмеримо счастливыми Даурана и Назлыгюль, только вот чем кончится его самовольство для него самого? Вся компания ему не очень нравилась. Джик Мерген — беглый. Артык, стоящий во дворе на карауле, тоже наверняка беглый. Даже зодчий Дауран, который нравился шейху, был ханским рабом. Что привело сюда Джик Мергена и Артыка? Совесть? Может ли совесть заставить шейха сотворить грех? Что теперь он должен делать? Положение мастера не очень прочное. Шейх знал, что, хотя эмир Хаджи дал свободу мастеру Даурану, хан этот шаг не одобрил. По закону зодчего может освободить от рабства только сам хан. Как же обвенчать этого человека с похищенной у родителей дочерью? Хан не простит ему этого, придумает тысячу пыток. Улуг Пехлеван Махмуд советовал ему быть особенно осторожным в Булгарии, не идти на нарушения шариата*, быть до конца честным. Помнит Тетюш, когда он вошел к улуг шейху, он увидел около него внука хана тюркских булгар. Так, по крайней мере, сказал его учитель. Ханский внук был одет в дорогой халат из зеленого шелка. Был он высок, синеглаз, белолиц. Прижав ладонь к груди, он ответил на приветствие Тетюша. Хотя Тетюш сказал: «Я завтра выезжаю в тюркскую Булгарию», — ханский внук сделал вид, что не расслышал этих слов. Расставание тоже получилось странным. Тетюш спросил у него: «Кому передать привет?» Ханский внук только усмехнулся. В день отъезда улуг шейх вышел проводить Тетюша и сказал: «Запомни, ханского внука в Ургенче нет, ты его не видел!» Тетюш питал столь большое уважение к улуг шейху, что сразу же произнес: «Да, не видел, джизна-кай», не задав ни одного вопроса. А когда он приехал в Казань, ему рассказали интересный случай, из которого он узнал о том, что внук хана, тот самый, коего Тетюш видел у улуг шейха, лежит, оказывается, в основании города. Услышав эту странную легенду из уст одного купца, шейх Тетюш только улыбнулся, а тот с пеной у рта стал доказывать и пересказывать эту историю, которую потом ему не раз рассказывали в самых разных вариантах. Он ни с кем не спорил по этому поводу, ничего не отрицал, собственно, его все

* Ш а р и а т — свод норм мусульманского права.

это не касалось. Он неплохо устроился у эмира Хаджи. Эмир привел для него из Великого города мюридов, шейх набрал себе шакирдов. Словом, в новом городе он был вторым человеком после эмира, и этот человек сегодня должен совершить вопиющее беззаконие по отношению к хану и эмиру. Булгарские турки — это не бухарские турки, они горды и диковаты, и хорошо знают, что им нужно. И вправду знают! Даже его, Тетюша, привели совершить тайно обряд венчания. И кого он должен венчать? О Аллах! Если бы это было в Ургенче, на ханскую дочь надели бы паранджу, а булгарские турки — куда там, даже слышать не хотят о парандже. Кроме того, что булгарские женщины не носят паранджу, они и держатся свободно, даже на приеме послов рядом с ханом сидит ханша. Но чтобы ханская дочь выходила замуж за кого хочет — в это трудно поверить. Однако ханская дочь перед ним, и за кого собирается выходить замуж — за ханского раба! Что же это, йа, Аллах! Что же делать? Видимо, времена изменились. Попробуй, например, представить в Ургенче, чтобы ханскую дочь умыкнули и выдали замуж за ханского раба. За это могли побить камнями, считая, что весь род опозорен. Говорил ему улуг Пехлеван Махмуд, что в Булгарии надо быть осмотрительным, не настаивать на своих взглядах. А он попал в капкан к беглецу и безбожнику. Читать им проповедь не стоит, для них закон шариата что песня пастуха, им что Мекка, что Медина.

Шейх Тетюш после приезда в новый город написал книгу «Условия веры», учебник для учащихся медресе. Скоро его перепишут. Работы много, нужно научить народ необходимым пяти столпам ислама — единобожию и признанию пророческой миссии Мухаммада, намазу, уразе, закяту и хаджу. Не уверовавший в пять столпов исламской религии человек не может стать правоверным мусульманином. Не только народ, но и мюриды не успели усвоить эти истины. Но сейчас надо решать другой вопрос. Допустим, он согласится обвенчать молодых. Но по шариату для этого нужно согласие родителей, в особенности — отца. Во-вторых, нужно согласие девушки — по собственной ли воле выходит замуж ханская дочь за этого раба-мастера? Мы не шииты, а сунниты, у которых венчание без согласия запрещено. И шейх в душе надеялся, что ханская дочь не сможет открыто дать согласие на брак с рабом.

— Кхм, — прокашлялся шейх Тетюш. — Ладно, Джик Мерген, с Аллахом!

— Да, шейх, как говорится, приступим, — сказал Джик

Мерген. — Сначала обвенчаешь мастера Даурана с ханской дочерью.

— Бисмилла иррахман иррахим... — начал читать шейх Тетюш, полужакрыв глаза.

Произнес отрывки из четвертой суры Корана и спросил у ханской дочери:

— Ханская дочь Назлыгюль, по доброй ли воле ты выходишь замуж за джигита по имени Дауран?

По законам шариата девушка могла и промолчать, что означало ее согласие, но шейх Тетюш собственными ушами хотел услышать «да» ханской дочери. После вопроса шейха Тетюша ханская дочь сначала прижалась к зодчему, ухватила за его локоть, посмотрела ему в глаза.

— Согласиться мне, Дауран, или нет?

Зодчий не ответил, только сжал руку девушки.

— Да, согласна выйти замуж за мастера Даурана, шейх, — ответила ханская дочь.

— Я, раб хана, согласен взять в жены его дочь Назлыгюль, — сказал Дауран.

Шейх Тетюш читал положенные строки Корана и в то же время думал:

«Пусть хорошо начатое хорошо и кончится, пророк Мухаммад тоже невесть кем был, а позднее как возвысился! Ургенцким купцам верить можно, они теперь не останавливаются в Великом городе, прямо едут в Казань. Кто знает, может быть, этот город в будущем превратится в столицу Волжской Булгарии. Впрочем, будет ли город столицей, нет ли, хан за это деяние шейха Тетюша не простит. Ведь он мог остаться в Ургенче. А рвался сюда, где женщины не носят паранджу. А здесь все оказалось так перепутано, некоторые даже веру с легким сердцем меняют, сегодня мусульманин, завтра один Аллах знает, кто он? Что поделаешь? Если можно было бы испросить судьбу у Всевышнего, а не строить ее самому. Вот и выбрал шейх свою судьбу. То, что приехал сюда — одно, а что обвенчал похищенную ханскую дочь — совсем другое. Да, мечты, которые лелеял в Ургенче, пошли прахом. Правда, желал видеть женщин с открытыми лицами, выходил на улицу, посещал базар, никто не упрекнул его за любопытство — напротив — женщины, заметив устремленный на них взгляд, выше поднимали головы, и смотрели на шейха с интересом. И ханская дочь совсем шейха и посторонних мужчин не стесняется, прильнула к плечу Даурана, заглядывает ему в глаза. Ну и красива же девушка, жизнь отдашь за один ее взгляд, о Аллах! Как она нежно, с любовью смотрит на своего избранника. О Аллах, прочтением никаха

ханской дочери он должен быть проклят, отказаться надо было, да ведь попробуй отказать Джик Мергену... Может, обойдется, хан простит и его, и раба-зятя, через девять месяцев, Аллах даст, ханская дочь родит мальчика-наследника болгарского трона. Кто знает, хан, может, и размякнет, увидев в руках дочери мальчика. Может, не примчится по указанию наводчика с карающим мечом в руках... А если примчится?!

В душе шейха заскребли кошки.

И Джик Мергена с Зайтуной обвенчал шейх Тетюш. Взял подарки, прочел молитву, прокашлялся, призывая к вниманию.

— Обвенчал вас, Джик Мерген, — сказал шейх Тетюш, почему-то обращаясь к одному Джик Мергену, — теперь вручаю свою судьбу в ваши руки. Если не ошибаюсь, ты, Джик Мерген, с этого часа стал зятем Бачмана-багадура. Бачман-багадур — правая рука эмира Хаджи...

— И ты, шейх, и я в руках Аллаха. Как уговорились, все будет в строгой тайне, не сомневайся. Во всем остальном полагайся на Джик Мергена. Я найду способ отвести гнев улуг хана.

— Говорят, береженого Аллах бережет, мерген!

В словах шейха была правда, не понятая Джик Мергеном. Когда шейх Тетюш приехал в Волжскую Булгарию, его взгляд на мир значительно изменился, он уже перестал все видеть только глазами улуг Пехлевана Махмуда. Оказывается, одно дело — изучение жизни в медресе, другое — живя среди народа.

За разговором шейх Тетюш украдкой наблюдал за ханской дочерью, до чего очаровательна и безмятежна была невеста зодчего Даурана, отныне ставшая его женой. Ни страх перед гневом отца, ни суровая действительность, казалось, не касались ее. Слушая слова шейха, ханская дочь Назлыгюль нежно улыбалась чему-то своему внутреннему голосу. Ханская дочь и подумать не могла, что такая улыбка навеки очарует и запечатлится в сердце шейха Тетюша. Он готов был на все, лишь бы снова увидеть эту улыбку. Чтобы приворожить ханскую дочь, он сделает все, пусть и тайком, чтобы никто и заподозрить не мог... Наступит день, он добьется своего, заставит ее мужа дать ей развод — талакы хали — оставить ее свободной. У мусульман есть развод, когда из-за болезни жены муж произносит слово «талак» — «талакы гыйллят», затем есть «талакы ражиг», когда по прошествии трех месяцев после развода муж снова женится на своей жене, есть «талакы багыйп» — развестись навсегда, без возмож-

ности примирения, есть «талакы хасанат» — во время развода и отдельной жизни оставаться верным по отношению к жене, есть «талакы мубаррат» — когда жена отдает мужу часть своего имущества. Но Тетюш последнее не изберет, для него самое нужное «талакы хали». Лишь бы увидеть хана, а путь к его сердцу шейх отыщет. В его распоряжении священные слова, которые он почерпнул из святых книг, по воле Аллаха, он постиг все премудрости ислама, объединяющего полмира. Не зря византийцы сказали, что араб языком сладок.

Самое главное, он увидел ханскую дочь. Только чтобы увидеть ее улыбку, пойдешь на свершение этого великого греха.

Шейх Тетюш недолго пробыл в доме мастера, поспешил уйти. Джик Мерген вышел проводить его до ворот, поблагодарил шейха, пожелал счастливого пути. Золото, полученное за совершение обряда бракосочетания, жгло ладонь шейха. Чем все кончится? Сомнения отпали при мысли, что надо об этом довести до сведения хана. Но вот новые сомнения, захочет ли ханская дочь развестись с рабом Даураном? Впрочем, захочет, не захочет, это решит хан. Мастера Даурана уберет, дочери не останется другого выхода, как посмотреть в сторону молодого шейха. Посмотрит и улыбнется, а не улыбнется — не беда, попривыкнет, со временем будет улыбаться...

Красоту ханской дочери он не мог ни с чем сравнить. Сказал бы, что райская фея, но райских фей не видел. Богиня, да, ханская дочь — богиня, само божество. Для шейха Тетюша словно небеса открылись. Он никого не видел, да и не был в состоянии кого-то видеть. Торопясь, вернулся в свой дом, расположенный рядом с мечетью. Шейх не видел, что его провожала какая-то тень, до самых ворот, только в дом не вошла.

Он наскоро совершил омовение и сел за намаз, но, как ни старался читать намаз, не мог сосредоточиться, не мог отогнать образ ханской дочери. Начинает произносить строки священной книги, язык будто заплетается и душа поворачивается к лику Назлыгюль. С удивлением шейх заметил, что со слезами на глазах признается в любви к ханской дочери, и, испугавшись, поплевав через левое плечо, снова стал читать молитву. Но прекрасный образ ханской дочери остановил чтение, а губы вновь начали шептать слова любви к ней. Он в эти мгновения кроме ханской дочери никого и ничего не видел, да и языком уже не управлял, вместо молитвы звучали только слова любви.

Если будет писать стихи, он посвятит их Назлыгюль, если вырастит цветы — сорвет для нее. Намаз не читался, шейх

встал, взял священную книгу и на ней поклялся. Да, ему, возможно, на пути любви к ханской дочери придется сложить голову, но он не отступит, будет любить ханскую дочь, будет любить, будет...

Воистину, настоящая любовь сильнее веры и смертного страха.

30

В гости с войском не ходят. К любому хозяину-хану, купцу, каменщику, землепашцу... А Салим-хан вышел в путь, направляясь к сыну, эмиру Хаджи, с шестью тысячами воинов. Казань недалеко от Великого города, поэтому хан не торопился, а многочисленные наблюдатели, шпионы, тайные агенты оповещали, что в новом городе никто не знает о выходе ханского войска.

«Очень хорошо, — думал хан. — Неведение хорошо, но только правда ли это?» Сын эмир Хаджи умеет прятать концы, у него есть верные люди в Великом городе, и до сына наверняка давно уже дошла весть о выступлении отца. Но хан этого не боялся. Он считал, что имеет право — в любой город ханства приходить хоть с войском, хоть со свитой. Он великий хан и безраздельно правит страной. В общем, этот вопрос хана не беспокоил. Перед войском он послал дворцового менбаши Баяна. Хан решил ехать в карете, поездка верхом с возрастом стала затруднительна. Воины Баяна-багадур едут на день впереди. От них каждые полдня приезжает гонец и сообщает новости. Принимал гонцов визирь Камай. Он подробно расспрашивал гонцов, стараясь узнать как можно больше о том, с чем может встретиться хан в пути.

Не дождая до города Брюхимова хан велел остановить коней у ручья, здесь он выпил несколько пиал чая, расположившись на траве. Ханша внушала ему разные тревожные мысли, но хан не очень-то ей верил. Не верил он в то, что сын эмир Хаджи стремится к самостоятельности, а дочь Назлыгюль живет в Казани. Подозрение ханши всего-навсего — плод женской фантазии. Но червь сомнения нет-нет да шевелился в ханской душе.

Салим-хан велел запрягать лошадей. Ему хотелось до заката солнца доехать до города Брюхимова. В том городе наибом был Якуб. Хан хорошо знает наиба Якуба, знает и то, что, как донес Баян-багадур, во время остановки визиря Исхака в городе Брюхимове, внук Гали пошел в гости к этому наibu и познакомился с его дочерью. Вот это было

для хана интересно и странно, хотя что странного, дочь наиба Якуба, рассказывают, красива, образованна, начитанна. С такой не грех джигиту и познакомиться. Поэтому хана все-таки больше интересовал сам наиб и то, что он думает об эмире Хаджи.

— Визирь Камай, отправь в город гонца, остановлюсь у городского наиба, — сказал хан.

Личные азаты приготовились выполнять волю хана, каждый хотел первым достигнуть города, первым доставить приятную новость — сунуче городскому наибу, у которого решил остановиться проездом великий хан. Кроме того, телохранители тоже слышали, что у наиба Якуба есть красивая дочь и что она не хочет выходить замуж ни за кого. Кто знает, может она переменит решение, увидев молодого ханского телохранителя. Только шайтан живет без надежды, а ханские телохранители мечтали жениться и создать семью. Хан не возражал таким намерениям своих телохранителей, напротив, сам при случае бывал главным сватом. Чтобы сорвать планы телохранителей, Камай выбрал самого безобразного и ленивого из них.

— Ты поедешь, вот ты, ты, как же твое имя? Да, Гаптри.

Когда гонец помчался в город, оставляя за собой шлейф пыли, хан улыбнулся. Он представил себе, как скривится городской тархан, когда хан остановится у городского наиба, миновав его богатый дом. Тарханов хан назначал, поручив это дело визирю. Тархана города Брахимова назначил когда-то визирь Исхак.

Городского наиба Якуба хан, вне всяких сомнений, взял бы во дворец, если бы тот не был в годах.

Города все еще не видно, а ведь должны бы уже доехать. Есть ли конец этому пути? Есть, есть. Перейти Чулман, переплыть Итиль, потом дневной переход берега реки Сура. Это и будет граница Булгарского государства. На той стороне Суры уже правят русские князья. С ними надо торговать, а не воевать. Простые люди русские и булгарские говорят друг другу: «Тогда не будет между нами мира, когда камень начнет плавать, а хмель — тонуть». Но, увы, не всегда мир царит между соседями. То ханские беки его нарушают, то молодые русские князья. Ни хан не может обуздать строптивых беков, ни князь своих горячих князьков.

Хан посмотрел на горизонт, там, на западной стороне, сгустились тучи, видно, дождь идет. Великой реки Итили не видно, но она скоро покажется, величественная и пригожая. Недолго осталось до осени, народ убрал хлеб, засыпал зерно

в амбары, ясачники собирают с населения дань. До сих пор хлеборобы безропотно отдавали в ханскую казну десятую часть урожая, а в этом году были и ропчущие аулы. Хан приказал эти аулы сжечь, хлеб собрать до зернышка, а народ прогнать на берега Яика. А вот в окрестностях города Бряхимова, наверное, мало недовольных аулов. Значит, и городской тархан, и наиб нашли общий язык с хлеборобами. Недавно в одном ауле недалеко от города Бряхимова хлебопашцы отказались продавать хлеб. Услышав об этом, хан послал к городскому тархану своего гонца. Приказал собрать с населения этого аула двойной ясак, а недовольных сослать на берега Яика. Ханского гонца принял не тархан, а городской наиб Якуб и отослал гонца с уверением, что все будет исполнено, как требует хан. Сам же ничего не предпринял. Хан послал второго гонца, проверить, собран ли двойной ясак? Оказывается, собран, а хлеб отправлен в ханские амбары. Наиб Якуб написал письмо визирю Исхаку, чтобы хан принял его. Визирь Исхак за руку привел Якуба к хану. Выяснилось, что ханские ясачные уже взяли в том ауле двойной ясак. Но ясачным показалось мало и они явились снова. Тогда народ стал роптать: что нам самим останется, с голоду, что ли, подышать? Услышав об этом от городского наиба Якуба, хан вызвал ясачников в великий город, поручил аль-кази выяснить суть дела. Аль-кази в два дня выяснил обстоятельства, подал бумагу хану. Ханские ясачники, как выяснилось, собирали лишний хлеб у народа и продавали купцам уруситов. Аль-кази разыскал и купцов, покупавших хлеб у ясачников, назвал имена ясачников. За то, что обманывали хана, обижали народ, совершили грех перед Аллахом, хан велел отрубить двоим ясачникам головы, семерых запер в тюрьму и приказал продать их дома и имущество, чтобы другим неповадно было.

Оставшись весьма доволен этим решением хана, наиб города Бряхимова через месяц вернулся к себе. За этот месяц хан несколько раз встретился с Якубом и убедился, что этот человек поистине шейх. Он даже подумывал сделать его визирем, но мешал солидный возраст наиба и хан отказался от родившейся мысли. Да, ему был нужен умный визирь. И память часто возвращала образ визиря Исхака. Умным, основательным был этот человек, только одну ошибку допустил — посоветовал похоронить улана Гали в основании города. Хан мог и не следовать древней традиции дедов — жертвоприношению мальчика из ханского рода, но почему-то последовал. Ума визиря Исхака хватило бы на семерых двор-

цовых. Но почему он своему хану такой совет подал? Хан и до сих пор не может понять.

В Волжской Булгарии можно встретить купцов из Египта, Багдада, Табгача, Герата, Самарканда, Византии, Киева, Суздаля и из Стран Мрака. Хан знал, что Булгария не центр мира, но утверждал подобное, видя, как наезжают купцы из многих стран. О Ростове и Суздале и говорить не приходится. Русских и болгар только вера разделяет: разговаривают, стоя на разных берегах. О Аллах, из-за этой веры русские князья начали ходить походами на тюркскую Булгарию. Да, сложен мир. Подавишь одну религию, другая набирает силу, начинает теснить первую. Дал бы волю первой — вторая капризничает. Хорошо, если только недовольством ограничивается, но бывает, поджигают церкви, совершая тем самым непоправимую ошибку. Выбор религии — свободное дело; хочешь — нацепи себе на шею крест, есть желание — водрузи на голову чалму. Не нужно только из ненависти к другой религии творить зло, прячась за спину Всевышнего. Вот ведь как устроен этот мир!

Хотя люди все одинаковые, даже придерживающиеся разных религий. Отличить их можно только по языку, обычаям и вере. Но хан не в силах установить всеобщий мир.

Поэтому лучше об этом не мечтать и не думать. Однако у хана вопрос, который нужно решить обязательно: «Кому оставить трон?.. Улану Булату?! Булат улан мало похож на правителя. Ему, видишь ли, ничего не нужно, любит охоту, построил крепость, дом его полон наложниц. Видимо, страсть Улуг Мухаммеда ему передалась. Тот не насытится наложницами, постоянно берет в жены молодых. И этот тоже. Негоже так. Значит, Булат отпадает. Эх, был бы жив внук Гали! Умный был, сметливый... А его нет. И виноват в его смерти он сам — великий хан Булгарии».

Именно в дороге хан почувствовал, что кого-то с ним рядом недостает. Ах да, секретаря Хафиза не взял с собой. Тот умел его слушать, вовремя посоветовать. А сейчас нет рядом порядочного и умного человека. Визирь Камай не в счет, Камай никогда не давал ему разумные советы. Конечно, какие-то мысли он высказывает, однако хан редко к ним прислушивался.

— Хан, хан, город показался, город! — закричал ехавший сбоку привратник. Возницы взбодрили лошадей. Город стал заметно приближаться, у дальних ворот группа высших чиновников ждала хана. Салим-хан спросил у привратника:

— Ты видишь среди них наиба Якуба?

— Хан, наиб Якуб там! — сказал привратник.

— Ладно, — ответил хан. — Меня подвезите прямо к городскому наибу Якубу!

— А тархан не обидится, хан?

— Обида не горе, обойдется, — заметил хан.

— Якуба я знаю, — сказал привратник. — Словно ишан, книги собирает, даже дочь, говорят, начитанна. Однако, шейх Иганай не любил его, хан. Ох, не любил! Говорят, шейх Иганай теперь в Ургенче. Будто бы чалму снял и на шею куриную лапку нацепил. Похваляется, дескать, буду пока служить двум верам, которая совершеннее, на той и останowlюсь.

— Это уже вражьи наветы, привратник. Неправда все это, бойся Аллаха.

— Мне передали, я продал, хан.

— Дешевка, по дешевке продаешь сплетни, привратник. Правильно, сердит был шейх Иганай, многих норовил покушать, даже меня. Надо было мне наиба города Брахимова Якуба поставить шейхом, привратник. Надо было...

— Еще не поздно, хан.

— Поздно уже, поздно. Доехали, можешь не гнать лошадей, кучер, тебе говорю! Не на свадьбу едем! Вон, даже ви-зирь Камай отстал.

— Какой конь его выдержит, хан.

У ворот города была расстелена ковровая дорожка. Хан, стараясь шагать величественно, направился к городскому начальству — куштанам. Он с каждым поздоровался за руку, потом повернулся к тархану города:

— Тархан, не обессудь, я решил заночевать у городского наиба Якуба.

— Великий хан, мы приготовили для тебя во дворце крепости жилье, собрали самых красивых танцовщиц, — сказал тархан.

— Ты покажи их моим багадурам. Наверное, собрал их плачущих, оторвав от отцов-матерей, из аулов?

— Самых красивых, великий хан! — тархан не замечал подковырок хана.

— Ха, где же Баян-багадур! Привратник, покличь Баяна! — сказал хан.

Тем часом подоспел багадур и, соскочив с коня, подошел к хану.

— Багадур, когда приедем в крепость, арестуй тархана и в тюрьму его. Смотри, чтобы кроме тебя никто не знал, что он взят под стражу. Тархан — мой враг, багадур.

— Слушаюсь, хан! — ответил Баян-багадур и бросил взгляд в сторону тархана.

Когда въехали в город, тархана догнал ханский привратник и сказал:

— Если можешь бежать — беги. Хан велел посадить тебя в зиндан, своими ушами слышал.

И погнал коня, настигая камчой.

Тархан не успел даже спросить у него: «За что?»

А великий хан, как и было задумано, направился прямо к дому городского наиба Якуба.

* * *

Хан всю ночь проговорил с городским наибом Якубом. И услышал от него очень поучительные вещи. Поразительно, но казалось, что городской наиб Якуб знает обо всем. Оказывается, когда ездили осматривать место для нового города, ханский внук удостоил чести навестить его дом. Городской наиб во время беседы с Гали уланом был поражен глубиной его рассуждений. Рассказывая об этом хану, вспоминал все новые и новые подробности. Наиб был в восхищении от ханского внука. А услышав через неделю-полторы о захоронении Гали улана в основании нового города, воспринял это известие как уму непостижимое событие. Рассказал городской наиб хану и о том, что тархан Садык собрал около себя подхалимов, блюдолизов, которые старались собрать с жителей двойной ясак. Кстати, об этом Салим-хану было уже известно. Он наказал ясачников, теперь подошел черед тархана Садыка. Сначала он думал не трогать его, но уже в Брахимове начал испытывать ненависть к этому человеку. Об этом хан не сказал городскому наибу ни слова.

Хан велел позвать дочь наиба Якуба. Она действительно была обаятельна, красива. Привлекали внимание ее взгляд, манера держаться, умело подобранная одежда.

Зулейха поклонилась хану и вопросительно посмотрела на отца.

— Ступай, ступай, занимайся своими делами, — сказал наиб Якуб.

Когда дочь ушла, наиб Якуб вспомнил, как Гали улан, пусть его место будет в раю, спрашивал, почему не открыли в городе медресе для девушек, — продолжал наиб. — Если бы я был хан, похвалялся он, я бы открыл медресе для девочек.

— Дочь твоя подросла, замуж пора отдавать, — сказал хан, думая в это время о судьбе внука.

— Просители были, да что-то не пожелала.

— Если кто будет люб, согласится, — сказал хан. — Дочь

следует вовремя выдать замуж. — Все надо делать своевременно, наиб Якуб.

— Это верно, хан. Пророк наш велел даже хурму вовремя срывать...

* * *

На другой день хан велел собрать в крепости всех куштанов города. А с утра первым долгом пригласил городско-го счетовода. Поинтересовался хлебом, отправляемым в ханскую казну. Перелистав бумаги, убедился, что городской тархан посылал хану только половину ясака, а вторую половину продавал купцам уруситов. Хан велел счетоводу громко назвать имена куштанов, участвовавших в сделках. Вино-вные куштанов подходили к хану с опущенными головами, становились на колени.

— В зиндан, всех в зиндан. Судить! Где кази?

— Я здесь, хан, — встал перед ханом кази.

Один из куштанов вышел из группы, подошел к хану:

— Великий хан, вина не в одном тархане, но и в нас.

— Знаю, — сказал хан, ослабившись, — что намерен мне еще сказать?

— Великий хан, да, зерно, собранное для твоей казны продавали, но на эти деньги тархан укрепил стены крепости. И враги ни разу не смогли взять Бряхимов. Думаю, это полностью оправдывает тархана.

— Городской менбаши, это истинно так? — спросил хан у тысячника. — Действительно ли собранный сверх положенного ясак ушел на укрепление крепости?

— Не хочу грешить, хан. На укрепление крепости тархан денег не жалел.

— На укрепление крепости я сам давал ему деньги, менбаши. Визирь Камай, сколько денег берет город Бряхимов из моей казны?

— В год тысячу золотых, великий хан.

— Счетовод, покажи визирю свою книгу, по ней должно быть видно, на что пошли посланные из казны деньги?

К хану подошел с книгой в руках низкорослый, сгорбившийся счетовод и раскрыл книгу:

— Два года назад тархан города Бряхимова получил у казначея Вартака тысячу золотых. В прошлом году уже — тысячу двести золотых. Подпись имеется.

— Еще раньше что взял?

— А еще годом раньше — восемьсот золотых. Вот подпись тархана Садыка.

— Где же эти деньги? И куда ушел двойной ясак?

— Тут отмечено: все ушло на укрепление городских стен. Визирь Камай взял из рук счетовода книгу, посмотрел, кивнул хану, что все правильно.

— Кази, ну, кази, что ты об этом скажешь? Каков будет приговор тархану? — спросил Салим-хан.

— Мое решение будет опираться на каноны шариата, хан. Но я вначале вот что сказал бы. Однажды волк, лиса и заяц поймали козленка. Между охотниками разгорелся спор. Козленок крохотный. Кому должен достаться? Поспорив, решили отдать козленка зверю, которого Аллах сотворил раньше всех. Первым берет слово заяц: «Почтенные, — сказал заяц. — Я был еще тогда, когда Аллах создал небо и землю». Лиса же молвила: «Почтенные, у зайца память короткая, он ошибается. Я сама наблюдала, как Аллах создавал зайца». Волк посмотрел на лежавшую тушку козленка и проговорил: «Почтенные, вы оба правы. Вас Аллах создал раньше. Однако до того, как вас создать, он снабдил меня крепкими когтями, острыми клыками». «Точно так, точно так», — согласились заяц и лиса с волком. Исходя из этого, хочу сказать, великий хан, первый виновный тархан Садык. Иначе эти куштанов не могли бы ничего поделывать. Приговор мой будет такой, великий хан...

— Куштанов надо вместе с семьями прогнать на берега Яика, хан, — сказал визирь Камай, опережая кази.

— Ну-ну, кази, скажи свой приговор! — сказал хан, не обратив внимания на визиря Камая.

— Великий хан, визирь твой поторопился сделать вывод, как мне кажется. Для такого случая есть еще одна поучительная притча. В давние-давние времена, когда птицы знали человеческий язык, а люди — язык птиц, илтабар и мудрец пошли в лес. Ходили они, ходили и увидели: на дереве сидят и спорят два филина. И тут илтабар вдруг перестал понимать язык птиц. А хочется узнать, о чем спорят птицы. И он спрашивает у мудреца: «О чем спорят эти птицы?» «Не осмеливаюсь сказать», — отвечает мудрец. «Говори, не бойся, не обижу тебя», — говорит илтабар. «Тогда сначала поклянись, что не обидишь», — сказал мудрец. Илтабар поклялся. Тогда мудрец сказал: «Мой илтабар, совы спорят по весьма примечательному вопросу. У одной есть дочь на выданье, у другой — сын. Решили поженить своих детей. Но вопрос уперся о приданое, возник спор. Отец дочери обещает дать в приданое свыше ста разрушенных аулов, сторона джигита говорит будущему свату: «Если народ этой страны будет продолжать жить, как сейчас живет, через год я обещаю еще тысячу аулов». И решение будет у меня таково, хан: куштанов прогонять не надо, ибо после них добавятся

разрушенные аулы. Рыба гниет с головы, тархан во всем виноват. И пусть он один ответит перед Аллахом.

— Палач, — крикнул Салим-хан. Исполни требуемое кази!

Хан не стал смотреть, как рубили голову тархану Садыку, запаха крови он не выносил, голова кружилась.

31

Но, будучи ханом, нельзя жить, не нюхая крови. Почувствовать запах крови своего народа ему пришлось в городе Казани. А ведь замыслы у хана были иные.

Эмир Хаджи, видимо, уже услышал о том, что его отец, великий хан, идет к Казани с войском. Узнал об этом не только эмир, но и все население города. И пошли сплетни, пересуды, предположения. Одни полагали, что хан хочет захватить город и посадить править там своего внука Булата; другие не видели в действиях хана ничего предосудительного; третьи стали кричать на базарах, что нужно скорее достроить крепостные валы, что в гости с войском не ходят, что хан идет брать город. И все это доносили эмиру Хаджи. Да, наверное, отец идет в новый город с какой-то целью, подумалось эмиру Хаджи. Он приказал Бачману-багадуру спешно идти с азатами в Казань.

На другой день утром Бачман-багадур явился с пятью тысячами надежных азатов. Эмир Хаджи велел азатов багадура разместить в крепости и достроить стену у входа. Чтобы довершить кладку стены, добавил мастеру Даурану каменщиков. За два дня стена была воздвигнута, ворота посажены. Эмир Хаджи осмотрел ворота и стены, остался доволен, велел раздать азатам багадура и каменщикам по золоту. Эмир Хаджи торопился. Он послал гонцов в Кашан и в Чертово городище. Вручил им ферман. Приказал бике, кузнецу Ахмета — сыну кузнеца Ахмета — Бакиру спешно прибыть в Казань. Вечером следующего дня люди, вызванные эмиром, остановились у Армянских ворот. Акбике встретил сам эмир Хаджи, около эмира стоял Бачман-багадур. Бике первой поздоровалась с ним — взглядом. Видел ли это эмир, нет ли, но Джик Мерген заметил и шепнул рядом стоявшей Зайтуне:

— Твой брат все еще любит бике?

Зайтуна ничего не сказала, она давно об этом знала. Лишь тяжело вздохнула.

Эмир Хаджи никогда до этого не принимал быстрых решений. Сегодня же он торопился. Прежде всего он пригласил во дворец приехавших людей и куштанов.

— Кузнец Ахмет! — крикнул хан.
— Я здесь, мой эмир! — откликнулся кузнец Ахмет, выступая вперед.

— Кузнец Ахмет, ты сюда пришел с азатами?

— Да, мой эмир. Только у меня почти нет азатов, есть только кузнецы.

— Я тебя, кузнец Ахмет, ставлю тарханом Казани, — сказал эмир и посмотрел в сторону шейха Тетюша. — Шейх Тетюш тоже дает свое согласие...

— Мой эмир, возможное ли дело, я всего лишь кузнец, оружейник!

— Сын твой тоже здесь, городской тархан Ахмет?

— Городской тархан Ахмет?! — удивился кузнец Ахмет и выпрямился.

— Да, ты с этого момента городской тархан Ахмет, а не кузнец, — сказал эмир Хаджи. Все люди в городе, кто бы они ни были: горшечники, чужеземные купцы, переселившиеся сюда горные черемисы — все они подчиняются тебе!

— Слушаюсь, мой эмир, слушаюсь! — сказал тархан Ахмет. — Сын мой, Бакир, подойди сюда!

К тархану Ахмету подошел литейщик Бакир, рядом с ним была девушка уруситка, джигит держал ее за руку и не думал отпускать. Эмир Хаджи ухмыльнулся.

— Мастер Бакир, говорят, ты построил пушку, правда ли это?

— Да, мой эмир, но ей нужен табгачский порох.

— Где твоя пушка?

— В Чертовом городище, эмир.

— Чтобы завтра пушка была на стене Казани, мастер.

— Будет, мой эмир, — поспешил заверить тархан Ахмет. — Он сам привезет ее.

— Нет, пушку привезет Бачман-багадур, — сказал эмир Хаджи.

Бачман-багадур склонил голову.

— Кашан и Чертово городище останутся в руках мастера Бакира. Тархана сам назначу! — сказал эмир Хаджи и поднял руку, дав сигнал расходиться.

Багадур Бачман подошел к мастеру Бакиру и сказал, что приказал азатам выехать в путь. Он взглянул на робко жавшуюся около Бакира девушку.

— Обвенчались, нет?

— Нет, багадур, — ответил мастер Бакир.

— Значит, еще не жена?

— Жена, багадур. Скоро ребенок у нас будет...

— Мастер, если не переведешь жену в мусульманскую веру, не заставишь снять крест, худом может кончиться.

— Я готов к этому, багадур.
— К чему готов?
— К плохим обстоятельствам.
— Ты-то готов, да вот твой будущий сын готов ли, мастер?
Ты сперва о нем бы подумал. Жена твоя пригожа. По-тюркски понимает?

— Немного говорит, сметливая она, знает...
— Знает, — повторил Бачман багадур и почему-то посмотрел в сторону Акбике. — Знает...

Жена мастера Бакира посмотрела на багадур и улыбнулась.

— Я разговариват, — сказала она, — разговариват, багадур.
— Да, если действительно любишь, язык выучишь, — сказал багадур и, обратившись к мастеру: — Жену увезешь в Кашан, так будет спокойнее. Великий хан пойдет, очень даже может быть, после Казани в новый город с войском. Возможно, и там нужно поставить крепость.

— Спасибо, багадур, — сказал мастер Бакир.
— Отца слушай, мудрец он у тебя. Эмир сделал твоего отца тарханом, переманил его азатов на свою сторону. Помыслы эмира хорошие. Если сумеет оставить в своих руках Казань, — выкопает от реки канал к озеру Кабана, по обоим берегам построит караван-сарай. Мастер Дауран готовит чертежи для пристани. Если эмир не сумеет оборонить город Казань, я тебя увезу с собой, мастер.

— Я подумаю, багадур. Я без своих людей ничто.
— Твоих людей, мастер, охраняют мои азаты, так, кажется?
— Да, багадур.
— А раз так, мастер, пойдут с нами и твои люди, бике так хочет.
— Я подумаю, багадур, — сказал мастер, пока еще не понимая ничего.

* * *

— Ахмет тархан, — сказал эмир Хаджи, — даю тебе городским наибом привратника Бурнаша.

Привратник Бурнаш подошел и поклонился тархану.

— Бурнаш так Бурнаш, — ответил тархан Ахмет.
— Бурнаш знает несколько языков, торговал в Суздале, по-моему, он будет хорошим тебе помощником, тархан.

— Это хорошо, очень хорошо, мой эмир, — сказал тархан Ахмет.

— Закончите копать канал, начинайте строить по обоим берегам караван-сарай. Бумаги-чертежи у мастера Даурана, подпись и печать свою я поставил.

— Мой эмир, — сказал тархан Ахмет, — ходят разговоры, что великий хан идет в наш город. Как тархан, что я должен предпринять?

— Что тебе предпринять, то не мне тебя учить, тархан. Как охранял свой Кашан, так охраняй и Казань. Ни один из ханских азатов, не должен войти в город. Исключение только для телохранителей и близких хана. Ты, наверное, меня понял, тархан!

— Понял, мой эмир. Все сделаю по-твоему.

— Желаю удачи!

Эмир махнул рукой, и тархан с городским наибом вышли.

На другой день крепость приняла праздничный вид. Тархан Ахмет велел приготовить обильную еду. Люди с удовольствием едят, запивая кумысом. Видно, что все довольны. Эмир Хаджи отвел улицы и для русских, и для армянских купцов, там тоже люди празднуют. У Армянских ворот суматоха, эмир с телохранителями направился туда. Среди народа он увидел багадур Бачмана и — глаза его расширились от удивления — ханского мергена Джик Мергена. Сначала эмиру Хаджи пришла мысль приказать телохранителям схватить и связать беглеца Джик Мергена, но в последний момент он отказался от этой затеи. Великий хан идет в город с войском, мерген может оказать ему услугу.

Рядом с Бачманом ходят самые искусные мергены. Багадур занят серьезным делом — устанавливает в крепости привезенную из Чертова городища пушку. Возле пушки мастер Бакир, грек, работающий в кузнице Ахмета. Его называют греком с золотыми руками. Сказывают, что пушку они изготовили вместе с Бакиром.

В это время багадур Бачман увидел эмира и пошел навстречу ему.

— Пушку привезли, эмир, — доложил он. — На какую из стен поставим?

— Около Ногайских ворот, — сказал эмир. — Отец войдет через них.

Бачман-багадур приказал увезти пушку к Ногайским воротам. Эмир Хаджи взглянул на возившегося около пушки Джик Мергена. Что же это получается? Отец объявил Джик Мергена беглым, а он, оказывается, у багадура Бачмана. Бачман надежный человек, однако, однако...

— Эмир, вы видели Джик Мергена, брата Тубыкбая? Не торопитесь с приказом. Он женился на Зайтуне.

— На Зайтуне?! — удивился эмир, снова посмотрел на Джик Мергена, на этот раз заметил около него Зайтуну в доспехах, покачал головой. — Кто венчал? Кто венчал, спрашиваю, багадур?

— Он у меня служит сотником, эмир. Не все ли равно, кто их венчал.

— Джик Мерген делит с братом землю, багадур. Тубыкбай повсюду разыскивает его. За это нас ни отец, ни Тубыкбай по головке не погладят. Позови сотника, багадур!

— Он сюда не придет, эмир. Перед людьми неудобно. Кроме того — рядом с ним воспитанница бике — Зайтуна. Не хочу обижать свою единственную сестру, эмир.

Эмир Хаджи взглянул на телохранителей, те только и ждут приказа эмира, но и на той стороне воины. Багадур Бачман может дать приказ своим азатам. Отец движется к городу с войском, в такой момент следует опасаться кровопролития, подумал эмир Хаджи.

— Ладно, багадур, сделаешь так: сегодня вечером зятя своего Джик Мергена приведешь ко мне во дворец.

Тут словно из-под земли перед эмиром вырос шейх Тетюш. Эмир Хаджи увидел его, сошел с коня, крепко схватил шейха за локоть.

— Шейх, я приглашаю тебя вечером во дворец. Не забудь.

— Не я их венчал, эмир, — сказал шейх.

— Об этом поговорим во дворце, шейх, — сказаал эмир Хаджи и, вскочив на коня, поехал к Ногайским воротам. На полпути повернул коня ко дворцу. Доехав до дворца, слез с коня, кинул поводья телохранителю, взбежал по ступенькам крыльца, обернулся и, увидев идущих следом двух телохранителей, крикнул:

— Вас не нужно, не мешайте!

Но одному остаться не получилось, во дворце его ждали два осведомителя.

— Ну, что скажете? — спросил эмир, проходя в зал. — Как скоро великий хан будет здесь?

— Не торопится хан, эмир. Судил тархана города Бряхимова. Тарханом поставил бывшего наиба Якуба. Тархан проворовался, собирал двойной яsak с народа, в том его вина.

— Городского тархана надо менять раз в два года. Состарился, состарился отец, только почему идет в Казань с войском?

— Об этом не смогли выведать, эмир. Видать, хан прячет от всех свой замысел.

— Уходите! Мне надо все обдумать.

Когда осведомители ушли, эмир, не находя места, стал расхаживать по залу. Что ему делать? Выдать отцу Джик Мергена? Багадур Бачман выразит несогласие. В крепости много его азатов. Может, Джик Мергена отдать, когда отец прибудет? Так-то оно так, но Мерген женат на Зайтуне. Хорошо ли, плохо ли, Зайтуна воспитывалась у бике. Бике может

воспротивиться, проклясть. Может, когда прибудет отец, устроить пир на весь мир? Что подумает отец? Собираешь около себя беглых! А Зайтуна? Какова?! Неужели нет никого, кроме беглого? С девяти сторон приходили девять сватов, — никого не приняла, а тут — пожалуйста — за ханского беглого выскочила. Кто их венчал? Почему, когда спросил об этом у багадура, словно из-под земли вырос шейх Тетюш? Странно, что случилось с этим миром? Беглый Джик Мерген и Зайтуна, девушка, которая стреляет из лука не хуже ханских мергенов, получившая прозвание «ирдаука», замужем за беглым Джик Мергеном? Бике-то хоть об этом знает? Верно, и она не знает ничего. Нашла же, а?! Ну, ладно, какова голова, такова и шапка... Венчал шейх, глаза выдают... Может, оставить пока эти заботы, а лучше обойти стены крепости? Стены-то обойду, главная печаль — выяснить, ради чего приезжает с войском отец. Скорее всего, не в гости, а силой решить какие-то вопросы. Тут уже не до разбирательств с шейхом Тетюшем, Джик Мергеном. Когда к твоему городу подходит враг, в доме скандал не устраивают.

* * *

Акбике не могла без него жить. В ней проснулось сильное желание быть рядом с человеком, который ей по душе. Каждый раз при виде Бачмана она была готова упасть к его ногам, заплакать горячими слезами. От гонца, который прибыл в Кашан за ней, она узнала, что Бачман-багадур в Казани. Растерявшись, бике стала перебирать свои платья, рассматривать серебряные монеты, серьги, браслеты, которые любила носить в молодые годы. Привезла в Казань большой сундук нарядов, украшений. Приехав в город, узнала, что вечером Бачман собирается прийти во дворец. И Акбике вдруг засуетилась. Она надела лучшие свои наряды, вышла на берег озера, посмотрелась в зеркало воды. Сердце бике затрепетало, душа возликовала: из воды на нее смотрела молодая, красивая женщина. В последнее время она превратилась в беззаботную женщину, не желавшую ничего знать, кроме своих чувств. Ее перестало интересовать даже замужество Зайтуны. Акбике ее воспитывала как свою дочь, готовя к семейной жизни. Но Зайтуна ни за кого замуж не выходила, сватов отправляла обратно. И вдруг нашла суженого. И кого? Беглого Джик Мергена. Но Акбике этому мало удивилась. Для кипчаков в этом не было ничего удивительного. А вот эмир Хаджи, услышав о случившемся, не на шутку рассердился:

— Беглый он — Джик Мерген. Поймают, отрубят голову при всем народе на майдане. Нельзя ей было выходить за него!

В ответ, горячо защищая Зайтуну, заговорила Акбике:

— Она мое дитя, эмир, мое дитя. Я ее воспитала, хоть грудью и не кормила. Она полюбила... Не понять тебе, никогда не понять... Ты его не тронешь, эмир. Слышишь, не тронешь! Нет моего согласия! Зайтуна счастлива. Не всем женщинам такое счастье выпадает...

— Субханалла машалла, бике, что с тобою? — воскликнул эмир Хаджи, не зная, удивляться ли, сердиться ли на бике.

— Джик Мергена возьмешь в свой дворец багадуром, эмир. Если не возьмешь, обижусь на всю жизнь, — сказала бике и, повернувшись, ушла.

Только тут эмир заметил, что бике была в девичьем наряде. Не успел сообразить что к чему, вошел гонец:

— Эмир, войско великого хана расположилось лагерем на берегу озера Кабан.

Эмир Хаджи опрометью кинулся на крыльцо, сел на коня, с двадцатью верными азатами помчался к Ногайским воротам. Когда он подъехал, у ворот толпились люди. Эмиру тут же дали дорогу. Он достиг ворот и, увидев поднимающегося по лестнице на крепостную стену Бачмана-багадура, крикнул тому:

— Багадур, что случилось?!

— Эмир, великий хан послал своего юзбаши, велит открыть ворота, говорит, по приказу хана...

— А ты спустись к нему и скажи: отец въедет в крепость только в сопровождении семи-восьми своих телохранителей. Слышал, багадур, так и передай!

— Будет исполнено, эмир! — ответил Бачман и поднялся на стену, оттуда его спустили на веревке к ханскому юзбаши. Эмир, сойдя с коня, тоже поднялся на крепостную стену. Внизу, у ворот, творилось странное.

— Я юзбаши багадура Баяна, хан приказал открыть ворота, почему не открываете! — кричал воин.

— День долог, юзбаши, потерпи маленько, откроем. Пусть дегтярник смажет петли ворот, да пушку нужно установить, — ответил, стараясь быть спокойным Бачман.

— Пушку, какую пушку? — юзбаши поднял голову и увидел стоявшего на стене эмира, изобразил кивок. — Эмир Хаджи, отец приказал тебе...

— Кто приказал? — спросил Бачман багадур у юзбаши. — Повтори, кто приказал?! Чей ты раб?!

— Я не раб, я юзбаши, Бачман-багадур!

— Юзбаши, — сказал, скривившись, Бачман, выхватил из-за пояса камчу и хлестнул юзбаши по лицу, более того, стащил того с коня, встал коленкой ему на грудь. — Так изволь поклониться эмиру прежде всего!

Азаты юзбаши кинулись на багадура. С одного из азатов тут же сбил стрелой шлем Джик Мерген. Азаты задрали головы, на них нацелились из луков сотни мергенов. Кто-то из азатов дико завопил. Бачман выхватил саблю у юзбаши и швырнул в канаву.

— Поднимите мост! — приказал эмир.

Стали поднимать подвесной мост. Бачман-багадур оставил юзбаши, кинулся к мосту, и еле успел на него. Юзбаши, грозя багадуру, пошел к своему коню, вскочил на него и понесся к ханскому шатру.

Бачмана-багадура подтянули арканом, подняли на крепостную стену. Эмир Хаджи мрачно посмотрел на багадура и крикнул:

— В зиндан, в зиндан его!

Азаты эмира схватили багадура и, не дав опомниться, увели в эмирский зиндан.

— Багадур должен быть хладнокровным. А он стал драться с юзбаши багадура Баяна. Я не могу доверить ему свое войско. Вместо багадура останется Джик Мерген! — сказал эмир Хаджи. — Слышали, мои азаты, с сегодняшнего дня вашим багадуром будет Джик Мерген! Приказ эмира!

Ура не кричали, эмир Хаджи этого и не ждал. Он быстро сообразил, что азаты уважают и багадура, и Джик Мергена. Одним словом, оба среди азатов в почете. Бачман поступил, конечно, опрометчиво. Джик Мерген его не остановил. Азаты молчат, значит, недовольны своим эмиром.

— Эмир, я у тебя всего-навсего юзбаши, — начал было Джик Мерген. — Не подобает занимать место известного в стране багадура.

— Джик Мерген, я сделал тебя багадуром. Войско в крепости в твоих руках. Встречай моего отца, принимай как гостя! Тебя не надо этому учить. Я сказал!

— Пушку зарядить, ворота открыть! — приказал Джик Мерген. — Я сам пойду послом к великому хану. Со мной пойдет Зайтуна, телохранителем...

Не успел эмир Хаджи удивиться властным распоряжениям Джик Мергена, как к эмиру подъехала Зайтуна.

— Отец, — обратилась она по-отечески нежно к эмиру. — Когда великий хан въедет в крепость, будьте в своем дворце, это он оценит! — сказала она ему.

Эмир Хаджи совершенно растерялся. Потом обратился к своим азатам, которые должны были сопровождать Джик Мергена:

— Девушку берегите как зеницу ока!

Джик Мерген, Зайтуна и их азаты, поднимая за собой пыль, как хвост Аждахи, поскакали к ханскому шатру. Хан принял их в шатре, полулежа на мягкой, обшитой византийской тканью, подушке. Он почему-то не удивился, увидев перед собой Джик Мергена, удивление его относилось к Зайтуне, облаченной в воинский наряд.

— Великий хан, ворота открыты, ваш сын эмир Хаджи ждет вас в своем дворце, — сказал Джик Мерген. — Поскольку в крепости много купцов из разных стран, эмир сказал, благоразумнее будет хану оставить войско здесь. Дабы не посеять тревогу среди жителей крепости и чужестранцев, эмир Хаджи нижайше просит вас, великий хан, пожаловать в гости в сопровождении приближенных и верных телохранителей.

В это время Зайтуна вышла из шатра и, сняв с шеи алый платок, помахала им. Со стороны крепости показался клубок дыма, затем послышался грохот. Лошади на берегу озера Кабан встали на дыбы, вздрогнули испуганно люди. Хан вскочил на ноги, выбежал из шатра.

— Что случилось? Что за взрыв?!

— Из пушки палят, — объяснил вышедший вслед за ним Джик Мерген.

— Из какой пушки?

— Из пушки, которую смастерил сын кузнеца Ахмета и грек-золотые руки, великий хан.

— Хэ, — сказал хан. — Хэ. Где сын, эмир Хаджи?

— В своем дворце, великий хан. Вас ждет!

— Визирь, визирь Камай!

— Я здесь, мой хан!

— Откуда у эмира пушка? Что за пушка?

— Делают, мой хан, пушку из дерева в виде трубы, обхватывают обручами, кладут туда порох китайский и небольшой камень. Порох привозят табгачские купцы, так я слышал...

— Визирь Камай, вели запрячь лошадей, поедem в крепость.

— А войско, хан?

— Войско останется. Со мной поедут только телохранители.

Хан сел в карету и толкнул рукояткой камчи азата-кучера.

— Трогай, с Аллахом! Баян-багадур, с войском останешься здесь. Визирь Камай едет со мной! Трогай!

По обе стороны кареты встали по четыре азата хана. Джик Мерген с Зайтуной поехали вслед. Не доезжая до крепости, Зайтуна снова взмахнула платком, и со стороны Ногайских ворот прозвучал пушечный выстрел. И тут случилось неожиданное: ханские кони, рванули карету и понеслись вдоль стен крепости. Погонщики на передних конях натягивали уздцы, задирали коням головы, кучеры изо всех сил натягивали вожжи. Но обезумевшие кони никого не слушались, они стрелой мчались к городскому рву. Хан уже кричал на верховых, на кучера, но те ничего не могли поделать. Тогда хан воскликнул:

— О Алла мухаммедрасулулла, субханалла! За какие грехи?! — и улегся на дно кареты.

Увидев, что карета вот-вот свалится в ров, Джик Мерген помчался вперед, догнал переднего коня, схватил за повод и стал успокаивать. Разгоряченные кони, испуганно фыркая и дрожа, понемногу стали сбавлять ход.

Джик Мерген повернул коня и подъехал к карете.

— Великий хан, великий хан!

Хан поднял голову, растерянно посмотрел на Джик Мергена. В последний миг, падая на дно кареты, он заметил, как Джик Мерген понесся вперед, чтобы остановить бешено мчавшихся коней.

— Великий хан, великий хан, вы живы? Слава Аллаху! Вставайте на моего коня. Лучше будет, если я поеду в вашей карете.

— Будет-будет, — сказал хан и слез с кареты, с трудом взобрался на коня Джик Мергена и, окруженный верными азатами, направился к Ногайским воротам. Ворота были открыты. Хана встречал народ. Но встречал настороженно, без лишних восторгов. У дворца эмира хан увидел, что сын вышел на крыльцо встречать отца. Гордым, надменным показался сын, эмир Хаджи.

«Не только к воротам крепости, а к моему шатру должен был бы прийти», — подумал раздраженно хан и подождал Джик Мергена. В это время эмир Хаджи сбежал с крыльца, протянул руки спешившемуся отцу.

— Отец, живы-здоровы? Не очень ли утомительной была дорога?

— Постой-ка ты, — перебил сына хан. — Как этот Джик Мерген, брат Тубыкбая оказался у тебя? Он спас меня от смерти. Спасибо ему. Только ведь он беглый...

Хан огляделся, встретился взглядом с Джик Мергеном.

— Отец, Джик Мерген теперь мой багадур, — сказал эмир Хаджи. — Он женился на сестре Бачмана.

— Багадур?! Багадур... Ну-ну... Ладно, разберемся потом. Крепость поставил вон какую большую, а не нашел места для моего войска?

— На берегу озера, по-моему, твоим азатам, отец, будет куда веселее, — ответил эмир Хаджи. — Домов еще малова-то. А на улицу купцов-уруситов я бы не хотел пускать твоих азатов...

— Но в крепость мог бы пустить.

— Азаты привычны к походным условиям. Пройдем, отец, в новый дворец, добро пожаловать...

Хан стал медленно подниматься по мраморным ступенькам дворца, азаты последовали было за ним, но им дорогу преградила Зайтуна.

— Ждите хана здесь. Только два телохранителя зайдут, — сказала она.

За ханом последовали два телохранителя, остальные с улыбкой стали поддевать Зайтуну.

— Джигитов не хватает у эмира, женщины в доспехах, — сказал один из них.

— А хан запрещает их держать. Нам бы таких красоток.

— А нам, азаты, лучше здесь остаться, — подхватил второй. — И пушку, вишь, выдумали. Видел, докуда камень долетел? До берега озера. С версту будет, не вру.

— Слушай, туташ, позвала бы шейха, клянусь, обвенчался бы с тобой, не задумываясь...

— Опоздал, мерген. Опоздал, — сказала Зайтуна. — Ханская дочь была под боком, что же прозевал?

— Хэ, ханская дочь. У меня только одна голова, туташ. Ты думаешь, туташ, если дочь хана сыщется, великий хан простит похитителя? Как бы не так! Однажды я сам слышал, он сказал: только бы найти этого сукиного сына, я с него живьем кожу сдеру.

— А если тем временем ханская дочь от него мальчика в люлочке преподнесет?

— Хану мальчика? Внука?..

Телохранители замолкли. Из дверей вышел Джик Мерген.

— Азаты, хан повелел вам ожидать здесь! — сказал он. — Я пошел к своим азатам, здесь мне уже делать нечего.

* * *

Когда багадур Джик Мерген ушел, хан сказал сыну эмиру Хаджи с упреком.

— Не посоветовавшись с отцом, сделал беглого человека

багадуром. Что скажет багадур Тубыкбай, когда дойдет слух о том, что беглый его брат служит у тебя багадуром?

— Тубыкбай-багадур на берегах Агидели, отец, багадур Джик Мерген на берегах Итили. Джик Мерген отказался от своей доли, отец. Он женился на сестре Бачмана Зайтуне, и я им отдам Кашан.

— Не подобает, сын мой, без никаха, совершенного по шариату, женить джигитов. И для Кашана что, нет у тебя сына? Вскоре кончит школу Джаффар.

— Джаффар вернется ко мне, отец.

— Будет, будет. А ведь Зайтуна была близкой подругой Назлыгюль.

— Назлыгюль, наверное, в руках Улуг Мухаммеда, отец. Ты сам мне об этом говорил.

— Месть за посла? Да и я так думал. И помог ему в этом шейх Иганай.

— Нет, отец. Недавно шах Хорезма из семи стран получил семь девушек, из них выбрал одну. Аллах знает, какой по счету женой стала та несчастная. Говорят, что оставшихся девушек шах отдал своим куштанам. Возможно, среди них окажется и Назлыгюль...

— Остается сказать, что если Назлыгюль похитили люди Улуг Мухаммеда, то шах Хорезма добился своего, отомстил болгарскому хану.

— Сказывают, Улуг Мухаммед выбирает жен как лошадей, отец. Будущую шахиню сначала выбирает его мать, хороша ли телом, красотой и умом даже. Да, раздевает, говорят, щупает ее. Купец Биккол рассказывал, шейх Тетюш подтвердил.

— Шейх Тетюш! Это тот, кого послал улуг Пехлеван Махмуд? Он у тебя?

— Ведь ты сам, отец, так распорядился.

— Будет-будет. Было, кажись. А не видел ли он там...

— Назлыгюль похитили, чтобы продать, никто не скажет, что она ханская дочь, отец. А если же похитители шах или его визирь, то твоя правда — отомстили они нам.

— В Ургенч я послал двух своих людей, которые знают Назлыгюль в лицо. Если Назлыгюль в руках шаха, узнают, иншалла! Теперь скажи мне, сын, что ты намерен делать дальше. Город твой мне нравится. Удобен. С одной стороны болота, с другой — крутой берег. И самое главное — водный путь... Кого поставил тарханом?

— Тарханом, отец, у меня кузнец Ахмет.

— Кашанский кузнец Ахмет?

— Он самый, отец. Дельный человек, все спорится в его руках.

- Будет-будет. А пушку его сын смастерил?
- Да, отец, его сын. С греческим мастером Алтаном.
- Как, как звать грека?
- Фатий, но его наши почему-то называют Алтаном.
- Дворец ты построил на славу, прекрасен, прекрасен, надо отдать должное мастерству зодчего Даурана.
- Да отец, я согласен с тобой. Я ему дал свободу, отец, ты ведь знаешь...
- Если мне не изменяет память, сын мой, он был моим рабом?
- Да, отец, был. Теперь он свободный зодчий.
- Не знаю, сын мой, может, мы с тобой что-то не так понимаем и думаем по-разному... Он мой раб. И отец его был моим рабом. Поспешил ты, мне кажется, с зодчим. На таких людях всю жизнь должна висеть тамга раба.
- Но Аллах против этого, отец. Мечеть тоже он поставил. И назвал ее ханской. Вошло уже в обиход.
- Мечеть я приметил, величественна, ничего не скажешь, понравилась мне. Я слышал, хочешь сделать Казань своей столицей, правда ли это?
- Правда, отец. Казань будет крупным торговым городом, выше, чем наш базарный.
- Будет-будет, сын. Да-а... Что ж, насадил русскую, армянскую улицы, если скажут — церковь строить будем? Что тогда?
- Пусть строят, отец. Больше будет купцов, богаче город. Шумно вошла сноха Акбике, сразу же подойдя к хану, протянула, здороваясь, обе руки.
- Благополучно ли доехал, отец!
- Слава Аллаху, сноха. Сами как поживаете?
- Вот переехали в Казань. Подойдет ли место, нет ли, душа еще там, в Кашане...
- Подойдет, подойдет, сноха, — сказал хан, пристально взглядываясь в лицо Акбике, и, увидев, что она выглядит прекрасно, как в прежние годы, улыбнулся.
- Хан любил сноху Акбике, несмотря на ее острый язычок. За словом в карман не полезет, но умеет утешить, относится к мужчинам с почтением, душевная женщина жена эмира Хаджи, ласковая. Покойница Туйбике примерно такая была. Мужу верна оставалась. Может, поэтому сын Хаджи не хочет жениться на другой.
- Хан прошел на почетное место, устланное армянским ковром, опустился на подушку. Сноха Акбике, приговаривая: «В пути, наверное, устал, отец», — сняла с него сапоги. Принесла таз и полотенце, помогла ему ополоснуть руки, тем вре-

менем приготовили трапезу. Только хан поудобнее уселся, как в дверях показался тупсабаш* эмира.

— Салям-алейкум, великий хан!

— Вагалейкум ассалям, добрый человек! — сказал хан.

Эмир Хаджи и тупсабаш обменялись взглядами, тупсабаш виновато пустил глаза.

— Из пушки стреляли, лошадь моя словно взбесилась, понесла, едва удержался в седле. Великий хан, простите великодушно, не мог встретить, — сказал тупсабаш, оправдываясь скорее перед рассерженным эмиром Хаджи, нежели перед ханом.

— Хе, как из этой самой пушки грохнули, мои кони тоже понесли, видел бы ты, — сказал хан, обращаясь к сыну. — Хорошо еще Джик Мерген рядом оказался. Кстати, я, пожалуй, увезу его с собой, сын мой.

Эмир Хаджи, направившийся было к дверям, услышав от отца о Джик Мергене, остановился.

— Куда девался Джик Мерген, сын?

— Здесь он, отец.

— Будет-будет, пусть не теряется, он мне нужен.

— Джик Мерген, отец...

— Погоди о нем, сын мой. Шейха Тетюша пригласил?

— Пригласил, отец.

— Умный, рассказывают, он человек, образованный. Может, думаю, отдашь его в великий город? Пехлеван Махмуд тебе другого пришлет. Спасибо ему, не забывает тюркских болгар.

— Не забывают они с Хорезмшахом, только вот табибов наших, уважаемых ученых к себе забирают, взамен посылают сюда шейхов, — сказал эмир Хаджи.

— Баракалла, баракалла, очень хорошо. Река без родника, человек без родичей не бывает, этому надо лишь радоваться, сын мой. Да, визирь Камай куда запропастился? Почему его нет? Ушел и нет его...

— Визиря Камая увел к себе в гости городской тархан Ахмет, великий хан, — ответил один из телохранителей хана.

— Ладно, пусть погостит, пообщаться с тарханом полезно, но все же благоразумнее было бы ему быть здесь. Тупсабаш, иди посмотри, шейх Тетюш должен был пожаловать.

— Слушаюсь, великий хан, — поклонившись, ответил тупсабаш.

— Отец, почему не привез с собой кятиба Хафиза? Я хотел с ним поговорить, — спросил эмир Хаджи.

* Тупсабаш — первое лицо охраны эмира.

— Мать не отпустила, из Ургенча книготорговцы приехали. Занят он. Поэт Абдельгалаю из Саксина гостит во дворце. Я, сын, решил поэта Абдельгалаю взять в придворные.

В это время вошел шейх Тетюш.

— Салям-алейкум, великий хан!

— Вагалейкум-ассалям, шейх! — ответил хан и, легко поднявшись, протянул шейху руку.

Расселись, прочитали молитву, стали расспрашивать о житье-бытье.

— С благополучным прибытием, великий хан. Путь не утомил ли?

— Слава Аллаху, все благополучно, шейх, милостью Аллаха, вашими молитвами долгий путь не показался утомительным. Добрые слова я слышал о тебе. Чьим шакирдом тебя нам признать, чужеземец?

— Брал уроки улуг Пехлевана Махмуда, великий хан.

— Субханалла-субханалла, рад-рад за тебя. Улуг Пехлевана Махмуд весьма уважаем, почтенен в Булгарии. Каковы твои планы, почтенный шейх? Не хочешь ли переехать в великий город?

— В великий город, думаю, скоро возвратится уважаемый тобой шейх, хан. Многие годы в медресе улуг Пехлевана Махмуда дает шакирдам уроки многие годы твой внук, хан...

— Мой внук?! Субханалла!.. Что за небылица, шейх? Как звать, звать как этого мударриса, которого признал внуком моим?

— Звать его Кол Гали, хан.

Услышав имя Кол Гали, хан чуть не вскочил с места, он обвел всех взглядом, все ли слышали? Если слышали, то почему, скажем, сын молчит? Но не успел хан так подумать, как при этих словах шейха поднялся с места эмир Хаджи и встал на колени перед шейхом.

— Повтори, повтори, прошу, свои слова, шейх!

Шейх Тетюш, ничего не понимая, огляделся. Он не на шутку растерялся. Прежде чем ответить эмиру Хаджи, хотел узнать, почему все, включая великого хана, удивлены и ошарашены его сообщением. Он много лет знал шахского мударриса Кол Гали, который, приехав из тюркской Булгарии, брал уроки у шейха Пехлевана Махмуда. Ничего в этом предосудительного он не видел, учились у улуг шейха многие дети знатных людей. Чему здесь удивляться? У Пехлевана Махмуда учатся сотни мюридов, готовящихся стать шейхами. Приехав сюда, шейх Тетюш слышал рассказы о похороненном в основании города ханском внуке. Но он не поверил всему этому. Как можно верить тому, что

в его время, как древние тюрки, болгарский хан позволил заживо захоронить своего внука?! Молодой шейх не мог понять, почему они испугались после его слов? Неужели ханский внук натворил то, о чем нельзя даже говорить? А здесь от его сообщения эмир Хаджи аж на колени перед ним встал...

— Ты его, моего сына, своими глазами видел, шейх? Скажи, ради Аллаха скажи, видел ты его, как меня?

Что он должен сказать? Как бы не угодить в какую-нибудь ловушку. О внуке хана говорили и мастер Дауран с Джик Мергеном. Тут лежит какая-то тайна. Неспроста улуг Пехлеван Махмуд сказал ему, что он не слышал ничего о внуке хана и не видел. И несдобровать ему, если он скажет, что именно внука хана видел.

— Шейх, что это с тобой? Почему молчишь?! — поднялся с места хан.

Шейх Тетюш испугался всерьез и сообразил, что наговорил лишнего.

— Среди нас, кажется, глухих нет! — сказал эмир Хаджи. — Все слышали, что сказал шейх Тетюш?!

— Слышали, слышали! — дружно заговорили сидевшие.

Вошла Акбике. Увидев эмира своего, готового схватить за грудки шейха, спросила:

— Что случилось, мой эмир?

— Сын наш жив, сын Гали нашелся! В Ургенче! — воскликнул эмир Хаджи, не оборачиваясь в сторону бике.

Можно было подумать, что если он обернется, шейх спрячет недосказанное слово. Услышав из уст мужа, что сын Гали жив, Акбике ахнула и начала валиться набок, но на это никто не обратил внимания, все уставились на шейха. Шейх поежился, поправил под собой подушку. Чем все это кончится, если улуг шейх Пехлеван Махмуд ему соврал, если это не внук хана, а его двойник?!

— Учитель мой назвал его Гали-улан. Да, Гали-улан. Сказал, что он является знатным мударрисом.

— А ты сказал Кол Гали, Кол Гали. Кол? Имя его Гали?! И он из тюркской Булгарии?

— Да, назвал вроде Кол Гали, мой эмир. Да, Кол Гали.

— Скажи, шейх Тетюш, улуг шейх Пехлеван Махмуд называл его Гали или Кол Гали? — спросил хан.

— Великий учитель наш Пехлеван Махмуд не называет ни шакирдов, ни мударрисов по именам, хан. «Значит, — подумал шейх Тетюш, — около Пехлевана Махмуда был не ханский внук, а двойник. Запомни. Иначе несдобровать тебе. Но почему же тогда Пехлеван Махмуд назвал его вну-

ком болгарского хана?! Значит, тут есть какая-то неведомая ему тайна. Здесь когда-то что-то произошло, что не дано ему понять. Узнать бы, прежде чем ответить...»

— Каков он из себя, лицо, глаза, рост?

Вот и попался. Отец, полагаю, знает своего сына, помнит приметы. Да, глаза были синие и чуть косили, кажется. Ростом не очень высок, но и не мал. Волосы не запомнились, в чалме был.

— Бывают люди похожие друг на друга, как две капли воды, почтенные. Я могу ошибиться...

— Да, да, конечно, — пришел вдруг на помощь шейху хан. — Иногда не только человека от человека отличить невозможно, гора на гору бывает похожа.

В тронный зал эмира Хаджи вошел Джик Мерген, хан повернулся к нему.

— Добро пожаловать, Джик Мерген. Проходи, садись. Аллах, наверное, тебе две жизни отпустил, мерген?

— Улуг хан, если бы мой отец был жив, я бы не докатился до такой жизни. Перед памятью родителей нет моего греха, хан. Чего не бывает между братьями. Я не считаю себя виноватым перед братом и перед народом, хан.

— Будет-будет, мерген, пусть будет по-твоему. Почему же твой старший брат только и жалуется на тебя? Сначала, мол, землю разделить хотел, затем молодую жену чуть не увел. Нехорошо, нехорошо, мерген. Не подобает таким людям, как ты, не слушаться старших.

— Землю я не делил, хан. Искал места, где бы приткнуться. Яицкие степняки землю не пашут, в основном занимаются скотоводством. Я у брата ничего не отнимал.

— Эмир Хаджи, Джик Мерген теперь твой багадур?

— Да, он мой багадур, отец. Теперь он мой зять, отец. Он женился на Зайтуне. А багадур Тубыкбай ошибается, отец. Он должен был поделить с братом землю, — сказал эмир Хаджи.

— Сын, Тубыкбаю-багадуру я дал слово, что поймаю этого беглеца и отдам ему. Как быть теперь мне? Слово хана, что выпущенная стрела, обратно не возвращается.

— А если эта стрела направлена на твоего любимого батыра, отец?

— Батыр страны не может быть беглым, батыр или остается лежать на поле брани, или бережет свою вотчину. Что сделал твой дядя Мухамметалимбек? Поныне, говорят, мечтает о троне. Стал появляться с войском в окрестностях Саксина. Если брат с братом, сын с отцом начнут делить землю, куда покатятся тюркские болгары?!

— От судьбы не уйдешь, отец. Что предначертано Аллахом, тому и быть. Но Джик Мергена я тебе не отдам, — сказал эмир Хаджи.

Хана словно кто-то дернул, но он возражать не стал. Коли он в гостях, не следует огорчать хозяина. Чем берет за души людей эмир Хаджи? Или ему шейх Тетюш помогает? Не исключено и это. Шейх, видимо, не из простых, учился и получил благословение у улуг шейха Пехлевана Махмуда, а имя Пехлевана Махмуда с почетом на устах у всех мусульман мира.

— Сын, я не собираюсь наказывать Джик Мергена. Человек уже женат, Зайтуна, как помню, была хоть ирдаука, но красива, умна, начитанна и смела, как мерген. Но кто их венчал, сын мой. Кто смел без согласия...

— Аллах их обвенчал, великий хан, — ответил шейх Тетюш, вставая и делая поклон хану.

— Будет, шейх, валить всю вину на Аллаха. Еще кого венчал, может, и мою дочь Назлыгюль?

— И вашу дочь Назлыгюль, хан? Да, я венчал вашу дочь по велению Аллаха, хан... Я...

Только начал было шейх Тетюш, как хан переменялся в лице, весь побагровел, поднялся и пошел прямо к шейху.

— Как сказал, повтори! Как сказал, договаривай?!

Шейх Тетюш выронил из рук чашу с кумысом, напиток пролился на подол халата эмира Хаджи. Служанка поспешила вытереть пролившийся кумыс, но хан столкнулся с ней и с силой оттолкнул ее в сторону. И эмир Хаджи вскочил, словно ужаленный, он тоже нарвался на шейха. Шейх Тетюш икнул, что-то промямлил, почти беззвучно шевеля губами, и прибегнул к последнему средству: закрыл рот рукой, имитируя тошноту и направился в соседнюю комнату. Хан и эмир Хаджи недоуменно переглянулись. Эмир Хаджи направился вслед за шейхом. Войдя в комнату, он раскидал окруживших шейха служанок, схватил шейха за грудки.

— Где Назлыгюль, шейх? Что ты знаешь о Назлыгюль?

Глаза эмира Хаджи выкатились из орбит, рот перекосясь, он весь побагровел.

— Эмир, сын твой жив, в самом деле жив. В Ургенче он, служит мударрисом у Улуг Мухаммеда. Это правда, эмир, — сказал шейх торопливо.

Шейху ничего не оставалось, как сказать правду, ибо он испугался, увидев выпученные глаза эмира.

Эмир Хаджи отпустил шейха, упал на сакэ. Эмир, не глядя на служанок, буркнул:

— Где бике, живо позовите бике!

— О Аллах, что еще!? — сказала, входя, бике.

— Бике, сын Гали жив, он в Ургенче в медресе служит мударрисом, в медресе шаха...

Акбике побледнела, ноги ее подкашивались. Она подошла к шейху, взяла его за руку и увела в женскую половину. Когда она узнала от шейха, что он в самом деле видел их сына, она обессиленно упала на подушки. Откуда-то появилась знахарка, прочитала над бике молитву, побрызгала ей в лицо целебной водицей. Вошла служанка, она тихо обратилась к знахарке:

— Апа, там с эмиром что-то случилось!

— Эмир, касатик, мой, что с тобой, — заспешила знахарка к эмиру Хаджи, не обращая внимания на шейха.

Бабка-знахарка не раз видела людей, которые теряли кратковременно сознание, и особенно этому не удивлялась. Женщины падают в обморок из-за пустяков, такими их Аллах создал, видно. А уж если мужчина потерял сознание, причина должна быть серьезной. Знахарка, увидев бледное, как полотно, лицо эмира, заволновалась не на шутку.

Вошел, не выдержав, хан. Сказал знахарке, сидевшей около эмира:

— Уходи! И живо, старая ведьма!

Служанок и знахарку словно ветром сдуло.

Шейх Тетюш сидел, дрожал, прикрыв обеими руками рот.

— Отец, Гали, мой сын, жив, мударрис в шахском медресе в Ургенче, — тихо произнес эмир Хаджи, уставившись куда-то в одну точку.

— Утопающий хватается за соломинку, и мы также, сын. Ты поверил этому сатане! Он сам не знает, что говорит. Ты веришь в то, что он наговорил?!

Хан, дыша гневом, пошел к шейху.

— Великий хан, великий хан, — шейх Тетюш бросился в ноги хана, но тот лишь пнул его.

— Лжец, гнусная тварь! К хвосту коня привязать его!

— Я не обманщик, не обманщик, хан. Я никогда никого не обманывал, — сказал шейх Тетюш, поднимаясь.

В этот момент он будто стал выше.

— Ну-ну, шейх, что еще скажешь?

— Я обвенчал Назлыгюль, хан! Я никогда и никого не обманывал! Аллах свидетель...

Хан от удивления выпучил глаза.

— Кого, кого ты обвенчал шейх? И с кем?.. Ханскую дочь?!

— С мастером Даураном. Дочь твоя обвенчана с мастером Даураном, хан.

Хан взъярился подобно льву.

— Что ты сказал?! Повтори, крыса мечетная, с кем?!

— С мастером Даураном, хан!

Шейх Тетюш был уже спокоен, страх перед ханом у него пропал, каждое слово он произносил отчетливо, словно чеканил:

— Слышал, сын, что говорит этот мерзавец? Он обвенчал мою дочь с рабом моим. Никах читал! Клевета, ложь! За такую клевету знаешь, что я с тобой сделаю, шейх?!

— Знаю, хан! Знаю!

— Нет, не знаешь ты, что я с тобой сделаю. Я велю побить тебя камнями, слышишь, камнями! Где мои азаты, где вы?!

В комнату вбежали два телохранителя хана.

— Приведите ко мне мастера Даурана! Быстро! — топнул ногой Салим-хан.

— Отец, если Назлыгюль на самом деле там? — спросил эмир Хаджи.

Чувствовал он себя еще скверно, лицо бледное, голос слабый. И хан его уже не слышал.

— И дочь мою, дочь мою! — крикнул хан телохранителям вдогонку.

Вошла Акбике, лицо у нее пожелтело, как водяная кувшинка, глаза были заплаканы. Она словно не видела сидевшего с опущенной головой эмира и прошла прямо к хану.

— Отец, великий хан. Я завтра же поеду в Ургенч, благословите меня.

Хан передернул плечами, не сказал ни слова, только подался к эмиру Хаджи, лишь после этого он повернулся к снохе:

— Благословляю тебя... Да, да, благословляю. Уезжай к сыну, сноха. Уезжай. Найди внука Гали и привези его в Булгар. Если он жив, — выговорил он и вышел в другую комнату.

Когда хан вышел, эмир Хаджи подозвал шейха.

Через некоторое время телохранители привели мастера Даурана. Вошел хан и крикнул:

— Оставьте нас одних!

— Салям-алейкум, великий хан! — сказал мастер Дауран.

— Ладно, сын мастера Алпара Дауран, ладно... — сказал Салим-хан, едва унимая внутреннюю ярость. — Ну, что скажешь, раб мой?

— Великий хан, крепость достраивается, город растет с каждым днем, население прибавляется. Скоро крепость Казань превратится в большой торговый центр.

— Хы, хы, хы, город-крепость это хорошо и новый город тоже. Город спланировал ты? И мечеть от моего имени поставил ты, зодчий? По стопам отца пошел, значит. А он был замечательным зодчим, пусть место его будет в раю. А вот ты! Ты похитил дочь мою! Дочь хана! Насильно обвенчался! Так?!

— Великий хан...

— Молчи! Я говорю! Венчался ты с ханской дочерью? И венчал тебя этот шейх? Так ли, правду ли я говорю, шейх Тетюш?!

— Угрозами заставили, хан! — сказал шейх Тетюш.

— Золотом платили, надо полагать, шейх, а?! За золото продан, нарушил закон шариата?! Слышишь, шейх, тебе говорю. Что язык проглотил? Нарушил или нет?!

— Золото дал Джик Мерген, великий хан. Он силой привел меня, он заставил. Этот нет, этот ни при чем. Не виноват зодчий.

— Ага, значит, дочь мою не он умыкнул, а беглый Джик Мерген. Где тархан Ахмет. Где этот блюститель порядка города?

— Если нужно, я его сейчас найду и приведу, хан! — сказал один из телохранителей.

— Найди и приведи, я хочу узнать правду, только правду! — хан повернулся к шейху: — Ну, сколько золотых дал тебе Джик Мерген? Забыл, не было времени сосчитать? Хей, кто там есть, быстро доставьте к хану Джик Мергена!

Салим-хан бросил взгляд на сына, эмира Хаджи. Эмир словно отрешился от всего, сидел молча, будто происходящее во дворце его не касалось.

— Великий хан, вины шейха здесь нет, — сказал мастер Дауран.

— Нет?! Да вы все святые, ишаны мечетные, безвинные овечки. Только вот как земля вас носит! Джик Мерген похитил ханскую дочь, мастер Дауран на ней женился, а молодой шейх их обвенчал. Так или не так?!

— Шейху угрожали, шейха заставили, хан, — вступился один из азатов.

— Не было такого, — сказал шейх, приподнимая голову. — Никто мне не угрожал и не заставлял.

— Что-что?! — спросил хан, побагровев от негодования.

— Никто мне не угрожал, хан! — повторил шейх, перестав трястись, обретая спокойствие и даже присущее ему, слугителю святого храма величие.

— Знаете, я вас всех свяжу одной веревкой... — начал было хан, сноха Акбике упала к его ногам.

— Не совершай отец, такой ошибки. Не обижай, не позорь Назлыгюль. Она не перенесет этого. Я сама разыщу ее, сама приведу!

— Цыц! — топнул ногой хан. — Цыц, не встревай, не женское это дело!

— Отец, одумайся, не спеши...

Хан посмотрел на опухшее от слез лицо снохи, протянутые к нему трясущиеся руки ее.

— Будет, сноха! Не подобает тебе валяться в ногах даже у великого хана. Вставай. И приведи Назлыгюль.

— Теперь скажи, Джик Мерген, как ты умыкнул ханскую дочь?

— Мы ее увезли, но не насильно, хан. Она сама пришла. — сказал Джик Мерген.

— Сама пришла! — съязвил хан, скривив губы. — Сама сказала, когда спустится к озеру? Сказала, что хочет выйти замуж за моего раба?! Повтори, Джик Мерген, что ты замолчал?..

— Мы все рабы Аллаха, хан. Всевышний создал человека не рабом. Человека делает рабом бедность, тяжелая жизнь.

— Вот, оказывается, как! Слышишь, сын!

Поскольку эмир Хаджи промолчал, хан лишь рукой махнул.

— Великий хан, сунниты не считают грехом выйти замуж за раба, можно даже жениться на девушке-рабыне, — сказал шейх Тетюш.

— Предположим, шейх. Предположим, что этим оправдали мастера. Только кто накажет тебя за содеянный грех? Не возражай, перед Аллахом все грешны. Разве не грех обвенчать ханского раба с ханской дочерью без согласия родителей?

— Не грех, хан. Ведь эмир Хаджи освободил мастера Даурана от рабства. Шариат одобряет оказание благодеяния. Ханы иногда выдают дочерей своих даже за гяуров.

— Вон как ты заговорил, шейх. Субханалла-машалла, перед смертью, что ли, так дерзок человек? Азаты, уведите шейха! В зиндан его, всех в зиндан! И Джик Мергена, и мастера! Завтра, завтра перед всем народом будем судить! Постойте, мастера оставьте, — сказал хан, когда стали уводить всех.

Мастера Даурана снова подвели к хану.

— Скажи мне, мастер, что делают, когда необъезженная лошадь становится смирной и послушной?

— Тамгу ставят, хан.

— Правду сказал, мастер, тамгу ставят. Тамгу, которую я наложил на твоего отца, я и на тебя наложил, мастер. Раб ты мой.

— Человеку тамгу ставит только сам Аллах, хан.
— Ладно, мастер. Ставят тамгу на лошадь, дальше, что делают?
— Надевают уздечку, хан.
— А ты намерен эту уздечку снять? Уздечку, надетую мной на тебя, мною, великим ханом Булгарии!
— Настал день сбросить эту уздечку, хан!
— Ага, вон как заговорил. И язык у тебя длинный, и дерзок стал ты...

Мастер Дауран не ответил, склонил низко голову.

— Прости, хан, меня, если сможешь, прости. Я люблю Назлыгюль, и она меня...

Хан обжигающим взглядом, обвел всех присутствующих. На улице слышались какие-то голоса. Кивком головы хан велел телохранителю, стоявшему у двери, выяснить, в чем дело. Телохранитель проворно сбежал.

— Что там?

— Джиен, хан. Улица полна народу!

— Уведите его...

Когда мастера Даурана уводили, хан смотрел вслед и сердце его сжалось. Даже ходил он как мать. И опять через пелену памяти промелькнуло лицо Туйбике. Туйбике, Туйбике, это ты в нем, ты. Все отдала, и лицо, и походку, и характер, и душу. Может, это ты пожелала, чтобы твой сын женился на моей дочери? Нет, не бывать, не бывать по-твоему, Туйбике! А ведь я тебя любил, любил, Туйбике. А сына твоего все равно придется препроводить в великий город. В пути его убьют, найдут, каким образом: или арба перевернется, или кони взбесятся, или бежать вздумает. Он опозорил мой род, унизил великого хана Булгарии. Смерть ему, смерть! Дочь моя больше его не увидит. Иначе от позора не отмыться. Дочь погорюет-погорюет да забудет. Не пиявка, не присосался, наверное...

И тут хан услышал голос дочери, нежный, ласковый, такой близкий и родной, что слезы навернулись.

— Кто там, кто?

— Я это, отец мой, я, дочь твоя. Отец! — Назлыгюль направилась к отцу. — Отец, прости меня, прости!

— Дочь моя, доченька. Свет моих очей, маленькая моя Назлыгюль!

Хан нежно обнял дочь и заплакал.

— Отец, вот и увиделись, наконец, увиделись. Как там мама, мама здорова ли? Вы думали, что меня потеряли. Нет, отец, я не потерялась, не потерялась, вот я, здесь твоя дочь Назлыгюль.

— Потеряли, дочка, потеряли. Мама все глаза выплакала, сна и покоя лишилась. Есть Аллах, есть. Йа Алла мухаммедрасулулла, глазам своим не верю, ты ли это? Доченька!

— Отец, где Дауран? Где мой муж?

— Дауран — мой раб, дочь моя. Раб не может быть твоим мужем!

— Он мой муж, отец. И ты освободишь его от рабства! Хан закрыл ладонью дочери рот.

— Не говори так, дочка, не говори. Неудобно перед людьми. Кто ты? Ты ханская дочь! Я велел запереть его в зиндан, дочка. Он тебе не ровня. Он должен...

— Отец, — сказала Назлыгюль, высвобождаясь из объятий отца, сквозь слезы посмотрела на хана. — Отец, ты его сейчас же выпустишь из зиндана. Ты его сейчас же освободишь. Ведь выпустишь?

— Хан, — сказала Акбике, встав рядом с Назлыгюль. — Назлыгюль от него...

Салим-хан топнул ногой, сердито посмотрел на сноху.

— Цыц, сноха! Не говори, молчи! Кто молвил — выиграл раз, кто молчал — два. Прикуси свой язык! Ступай, отведи к себе в комнату Назлыгюль и успокой ее. Завтра обо всем поговорим...

Акбике подняла надломленную Назлыгюль за плечи и увела на женскую половину.

— Приведите кази, пусть кази войдет! — сказал хан.

Вошел кази. Увидев его, хан даже с места приподнялся.

— Йа Алла машалла, кого вижу — кази Нисбах!

— Салямалейкум, великий хан!

— Вагалейкусассалям, Нисбах. Ты еще жив? И земля все еще носит тебя?

— В миру и воробей не умрет, хан. А я как-никак человек. Живу по милости Аллаха.

— Если мне не изменяет память, ты должен был быть рядом с моим внуком Гали?

— Не ошибаешься, хан. И то правда, что ты приставил меня к Гали улану. Но этот улан уже давно успокоился.

— Хэ... Да... Дом, хозяйство свое имеешь?

— Как подобает, хан. Как подобает, имею и дом, и хозяйство хоть небольшое, да есть.

— Ладно, кази, ладно. На пятничную молитву в мечеть ходишь?

— Хожу, хан. С каждой молитвой вера моя еще более укрепляется.

— Кази Нисбах, завтра ты придешь на майдан, кое-кого будем судить.

— Слушаюсь, хан, приду. А кого намерен ты судить, хан?
— Не твоего ума это дело, кази. Кого хан прикажет, того и будешь судить. По закону шариата да так, чтобы народ доволен остался и я спокойным уехал.

Кази Нисбах низко поклонился хану. Хан махнул рукой, и Нисбах ушел. Когда дверь за ним закрылась, хан раздраженно сказал:

— Плохих людей пригрел, сын. Кази Нисбах...

— Нисбах самый справедливый и грамотный кази, отец,
— сказал эмир Хаджи, продолжая смотреть в одну точку, как будто даже не разговаривая с отцом.

— Справедливый человек из родного города не бежит, сын. С исчезновением внука моего Гали и он как в воду канул.

— Кази Нисбах, отец, сердцем был привязан к Гали. Когда его не стало, Нисбаха я уговорил остаться у меня.

— Кази постоянно возражал твоей матери, спорил с ней... Впрочем, пусть живет. В твоём городе и уруситы строятся.

— Места всем хватает, пусть строят. Я разрешил им на базарном майдане лавки открывать.

— Лавки пусть открывают, а вот церковь строить не позволяй.

— Раз народ есть, будет и церковь, отец. Народ без веры не живет. Вера — опора народа, его надежда, его спасение.

Хан снова удивленно посмотрел на сына, поднялся и стал ходить по залу.

— У одного хана спросили, с кем обедаешь каждый день за одним табыном. Он ответил: я не люблю трапезничать с людьми, для меня и мухи други. Мух собираешь к себе в город, сын, мух, разный сброд-мелюзгу. И беглые, и воры, и изгнанные из страны казии...

— У одного мудреца, отец, спросили, кто самый плохой человек? Тот ответил: «Самый плохой тот, кто не умеет ни как следует ругать, ни как следует хвалить».

— Хэ, хвалить, что ли, тебя за эти поступки, бранить ли, сын?

— В похвалах я не нуждаюсь, отец. А вот несправедливость к моим людям показываешь. Впрочем, бранимый будет ворчать, хвалимый бухнется на колени, говорит мой молодой шейх.

— Сын, один мудрец сказал, что только у здорового духом человека может быть здоровое тело. Другой ему возразил: «Нет, хазрат, только у кого зубы здоровые, будет иметь здоровое тело». Кто, по-твоему, из них прав, сын?

— Оба, отец. У здорового духом и зубы здоровые. У

старого человека ни зубы, ни рассудок не могут быть здоровыми. Старые — умом младенцы. Недаром говорят, молодые все знают, пожилые во всем сомневаются, старики со всем соглашаются.

Хан остановился, взглянул на присутствующих, дав им знак уходить.

— Слушаю, сын мой, продолжай.

— Так и от власти долгой человек тупеет, умолкает его совесть, и он уже перестает видеть настоящую жизнь. Ты ослеп, отец. Ослеп душой, сердцем. Больше я ничего не скажу.

Хан подошел к эмиру Хаджи и посмотрел долгим взглядом, будто пытаясь выведать некую скрытую в его голове тайну. Сын не отвел взора, но и ничего не добавил к последним словам своим.

— Угодливость — порождает лживых друзей, а истина — врагов, сын. Если рассказ о внуке моем Гали будет верным, на престол тюркской Булгарии сядет Гали. Теперь слушай мой совет: кази Нисбаха пошли в Ургенч за сыном, сухим из воды выйдет этот человек, всегда своего добьется.

— Так и поступлю, отец, — ответил эмир Хаджи. — Я обязательно пошлю верного человека за сыном. Если это он, сын мой, томится на чужбине... Я сделаю все, чтобы вернуть его на родину. Он нужен здесь, где родился и вырос.

33

Хан проснулся от уличного шума. Отогнул край одеяла, обратился к телохранителю, стоявшему у порога:

— Что еще там за шум? Сходи, узнай-ка!

Телохранитель ушел, немного погодя вернулся.

— Хан, народ требует освободить из зиндана мастера Даурана. Вчера тархан Ахмет успокоил их, завтра, мол, хан все уладит. Теперь майдан полон народу, шумят, кричат, никого не слушают...

— Тархан Ахмет там?

— Его не слушают, хан, требуют эмира Хаджи.

— Меня, почему меня не требуют? — удивился хан. — Я хан великой Булгарии!

— Великий хан лишь гость наш, нам нужен эмир, кричат.

— Чернь, черные бараны. Хей, кто там есть! Принесите одежду, таз, кумган!

Вошла служанка, в руках таз и кумган, на плече полотенце. — Ну-ну, поближе подойди, не пугайся, я не зверь, — сказал хан, разглядывая служанку. Как звать?

— Служанка я, хан. Зовут меня Земзембике, хан.

— Земзембике, — сказал Салим-хан, моя лицо-руки. — Имя красивое. И сама, наверное, такая же сладкая.

— Если бы была сладка, нашелся бы кто-нибудь...

— Субханалла, субханалла, замуж хочешь?

— Какая девушка не хочет выйти замуж, хан.

— Выходи за моего визиря. Сам сосватаю. Внешность у него не ахти, что тебе медведь, но человек неплохой. И за медведя выходят.

— Если бике отпустит, я бы пошла, — сказала служанка.

Хан, ухмыльнувшись, оглядел служанку с ног до головы. Здоровая, дородная, гладкая. Для визиря Камая это райское создание. Женить, что ли, его? Где же он сам, где ходит глазастый пень! И вчера не было видно. Хан посмотрел на телохранителя.

— Позови визиря Камая!

— Визирь Камай успокаивает толпу, хан.

В комнату вошел эмир Хаджи, сдержанно поздоровался.

— Отец, народ спрашивает меня, кричит, шумит, пусть, мол, эмир выпустит из зиндана мастера Даурана. Что делать?

— Сначала накорми отца, сын. Народ не убежит, отец бы не остался голодным.

— Все готово, отец, пожалуйста, — эмир Хаджи пригласил отца в трапезную.

Трапеза правителя всегда важнее интересов народа.

* * *

Эмир Хаджи вышел к народу вместе с отцом, великим ханом Булгарии. Народ на майдане шумел, но когда показались хан с эмиром, шум поутих. Азаты эмира встали живой стеной вокруг хана и эмира. Слишком ретивых отталкивают в сторону. На майдане уже было готово лобное место. Хан уверенно шагнул на него. Он ничего не боялся в Казани. Среди народа люди менбаши Таймаса. Выкрикивающих неподобающие слова о хане они позднее заберут. Оказавшись на лобном месте, хан повернулся к сыну.

— Глашатай есть у тебя, зови своего глашатая!

Глашатая тут же поставили перед ханом. Народ умолк. Один из толпы крикнул:

— Хан, хан, зачем сидит в зиндане мастер Дауран?

Хан некоторое время стоял молча, глашатай уперся взглядом в его рот и ждал. Годится ли перед этим скоплением народа судить мастера, женившегося без разрешения родителей девушки? Хан огляделся, увидел кази Нисбаха, подозвал к себе.

— Кази Нисбах, что будем делать?
— Скажем всю правду, хан. Народ же все знает.
— Глашатай, — сказал Салим-хан, — кричи. Будучи ханским рабом, мастер Дауран похитил ханскую дочь и изнасиловал ее. Кричи, кричи!

Когда глашатай прокричал слова хана, народ на мгновение замолк. Лишь немного погодя стали спорить, начался шум. Сомнения всегда вызывают споры. Среди людей есть знатоки шариата. А изнасилование женщины по шариату, — вещь скверная. Но люди не верили, как же это мастер, святая душа, мог оскорбить и даже изнасиловать дочь хана?

— Кази Нисбах, — сказал, наконец, один из толпы, — как же изнасиловал мастер ханскую дочь, девушка жила в великом городе, мастер — в Казани...

— Похитил! — крикнул ханский глашатай.

— Ложь! Почтенные люди, такое не могло быть! Пусть девушку приведут! Пусть приведут ханскую дочь!

И вправду бараны, чернь. Вот незадача.

— Глашатай, скажи, что она хворает. Хворает она, не может выйти к народу, — сказал хан. — А вот мастера надо привести.

Глашатай громко, во всеуслышание повторил слова хана, народ продолжал гудеть. Привели мастера Даурана.

— Мастер, — сказал Нисбах, — тебя обвиняют в изнасиловании ханской дочери. Умыкнул и без согласия родителей обвенчался. Считаешь ли себя виноватым?

— Нет, кази. Я не хочу ни перед кем оправдываться, потому что вины моей нет. Я по любви женился на ханской дочери. И она вышла за меня по любви.

— Без согласия родителей, так ли, зодчий?

— Кази, мы не нарушали законы шариата. Я ее люблю, она меня. Мы соединились, разве это грех перед Аллахом?!

— Ты имел право жениться на ней, только получив благословение родителей, зодчий. Пусть будет, как велит шариат, сначала сосватай, возьми согласие отца и матери девушки, соверши брачный обряд — никах. Лишь потом...

— Я не нарушил канона шариата, кази, совершил обряд — никах. И никому не причинил зла. Я не умыкнул ее, она сама приехала ко мне, и мы с ее согласия обвенчались. В мире живут четыре обманщика, кази: один — доносчик, другой — сплетник, третий — сыщик, четвертый — враг. Но правда выше их и она победит. Лишь четыре человека здесь не могут понять, что я прав. Один — кази, другой — визирь, третий — шейх, четвертый — ...

— Четвертый — хан, зодчий? — спросил хан.

Зодчий Дауран поклонился хану, приложив ладонь к груди. И хан снова увидел в жесте мастера черты бывшей своей жены Туйбике.

— Прости меня, отец. Меня лишили права произносить это слово. Но, обвенчавшись с твоей дочерью, я получил право так тебя называть. Думаю, что канонам шариата равно подчиняются и хан, и кази, и зодчий, и каменщик...

— Палач, где палач! Мастер Дауран виновен!

— Хан, мастер Дауран не совершил греха, — сказал кази, не на шутку удивив хана.

— Уберите этого глазастого чурбана! — крикнул хан телохранителям, указав в сторону Нисбаха. — Самого в зиндан. В зиндан его!

— Отец, сдержись! — сказал эмир Хаджи и подался к хану, но его удержал откуда-то появившийся Бачман-багадур.

— Не нужно, эмир.

Хан никого не видел, никого не хотел слушать, приказал связать руки зодчему и обратился к палачу:

— Наказание ему — отсечь голову! Руби голову, не то твою собственную заставлю отрубить.

Хан сделал знак стоявшему внизу менбаши Таймасу, тут же на майдан поднялось десятка два человек. Но палач не обратил на них никакого внимания, он, как видно, хорошо знал свое дело, завязал глаза зодчему и велел положить голову на плаху. Только после того посмотрел на хана. Все, дескать, готово, жду твоего указания, хан...

В этот миг в спину палача вонзилась стрела, палач мешком свалился на бок, хан на какое-то мгновение растерялся, однако очень быстро опомнился, выхватил из рук рухнувшего палача топор и замахнулся. Хан не заметил, как в топор попала стрела, и он выпал из его рук. К зодчему подошел Бачман-багадур, сорвал с его глаз повязку, развязал руки. В это время на площади показалась Зайтуна и взошла на лобное место.

— Мастер Дауран, иди за мной, — сказала она и, взяв Даурана за руку, прыгнула с лобного места в толпу. В это время на крыше ближайшего дома показался Джик Мерген.

— Держите их, держите их! — закричал опомнившийся хан.

Но его никто уже не слушал. С крыши дома напротив закричал Джик Мерген.

— Хан! — крикнул он во всю глотку. — Не трогайся с места.

Хан, которого окружили люди менбаши Таймаса, увидел

на крыше дома Джик Мергена. Хан знал, что мерген в случае необходимости мог попасть стрелой даже в его глаз, сам же дал ему звание Мергена.

— Уходи из города, хан, не проливай кровь!

— К оружию! — завопил хан и мгновенно спрятался за спину стоявшего рядом глашатая. В тот же миг в грудь глашатая вонзилась стрела. Азаты менбаши Таймаса прикрикнули хана и увели в дом эмира. Когда были заперты двери дворца, хан велел менбаши Таймасу увести Назлыгюль и служанку Земзембике к озеру Кабан, а сам потайными путями направился к Арским воротам. Когда свыше сотни одетых в простую одежду азатов Таймаса доставили хана в его шатер на берегу озера Кабан, день клонился уже к вечеру. Зайдя в шатер, хан увидел полулежащего в углу на подушке и потягивающего кумыс визиря своего и, обезумев, закричал:

— Скотина, обжора, я там хожу по волоску, а ты кумыс лакаешь. На битву, на битву, в город! Взять город, потопить в крови! Вешать, резать, крошить, поджечь город, поджечь!

Визирь Камай даже не заметил, как встал, как вышел из шатра, как задыхаясь, бегом добежал до багадур Баяна, ловившего на берегу озера рыбу. Запинаясь, захлебываясь, он передал ему приказ хана. И велел привести для хана к шатру оседланного коня.

Вскоре войско достигло крепости, начало входить через захваченные менбаши Таймасом Арские ворота в город. И виновных, и невиновных начали колоть, рубить, стрелять. Хан сам первым с азатами въехал на улицу эмира. Народ увидел ханских азатов, идущих во всю ширину улицы, и стал разбегаться. Хан приказал всех рубить, колоть. Улица запестрела телами убитых, народ, охая, ахая, бросился в дома, попрыгал через высокие заборы во дворы. На ханских азатов посыпался град камней, стали появляться вооруженные жители.

Хан достиг дворца эмира. По обе стороны от хана азаты с факелами в руках. По одному слову хана азаты могли поджечь дворец эмира. На берегу Булака уже пылали в пожаре дома, с той стороны шел запах дыма. Нерешительность хана объяснялась тем, что менбаши Таймас не успел увести Назлыгюль. Хан боялся, что в пожаре могла погибнуть дочь. Теперь хан уже не думал о сыне и снохе Акбике. Отрубленная голова о шапке не заботится.

Вдруг ворота дворца распахнулись, показались азаты Джик Мергена. Их было много, полный двор, около хана же всего сотни две азатов. Салим-хан знает азатов Джик Мергена, и

самого багадура, и его мергенов. Появился верхом на коне эмир Хаджи, он подскакал к отцу.

— Отец, ты совершил большой грех. Ты принялся поджигать мой город, пролил кровь. Будет благоразумнее, если ты уберешься отсюда восвояси. Азатов своих, которые оказались в крепости, оставишь. Зло навлекает зло. Джик Мерген, окружите ханских азатов, разоружите!

В это время подскакал менбаши Таймас. С ним была сотня азатов. Хан поднял саблю.

— Вперед!

Пошла рубка, резня. Азаты Джик Мергена окружили ханских воинов. Хан остался в середине.

— Хан, Джик Мерген не только мой зять, но и багадур, хоть ты и знаешь его, прошу это запомнить...

Вдруг, как вихрь, появились азаты Бачмана, которые пока не подчинялись никому, кроме Зайтуны. И это она их привела. Ханские азаты спешно стали отступать к воротам.

— Вперед, ур-ра! — крикнула Зайтуна.

Главные силы багадура Баяна остались у озера и не знали, что творится в городе.

— Пойдите, пойдите! — крикнул во всю мочь хан. — Пойдите, не проливайте кровь! Мы уйдем!

Азаты, державшие наготове сабли, копыя, булавы, остановились. Баян-багадур подскакал к хану.

— Хан, бунтовщиков мы собрали у озера Кабан. Дай приказ! — сказал он.

Джик Мерген, услышав эти слова, тоже подъехал к хану.

— Баян-багадур, ты их освободишь. Сейчас же вышлешь гонца и отправишь их по домам!

Баян, видевший много насилия, жестокостей, огляделся и увидел на крыше эмирского дворца мергенов, державших их на прицеле, с натянутыми тетивами, подозвал своего гонца и громко возвестил:

— Бунтовщиков, что находятся на берегу озера Кабан, отпустить! Ханский приказ! Выполняй!

Хан подтвердил кивком головы приказ своего багадура.

— Хан! — крикнул Джик Мерген. — Я скажу тебе новость. Видишь, кто стоит рядом со мной? Апанай. Он принес тебе эту новость. Русские князья вышли в поход на Булгарию. Князья спускаются по Итили на кораблях, кипчаки идут по берегу. Тебе, хан, необходимо скорее вернуться в великий город. Торопись! Апанай, подтверди мои слова!

— Хан, — сказал Апанай. — Хан!..

В это время кто-то из азатов Баяна-багадура прицелился из лука в Апаная. Однако не успел, под лопатку ему впи-

лась стрела. Воин молча свалился с седла. Двери домов открылись, оттуда выступило три десятка мергенов, тетивы натянуты, нацелены на ханских телохранителей. Среди мергенов видна сестра Бачмана-багадура Зайтуна. Она выступила вперед и сказала:

— Откуда явились, туда и убирайтесь!

Телохранитель хана только успел поднять лук, но пораженный в спину стрелой, тоже свалился с седла. Хан даже не посмотрел в его сторону, повернул коня, натянув поводья, поскакал в сторону Арских ворот.

За ним последовали азаты хана.

ЧЕРТОВО ГОПОДНИЦЕ

Эмир Хаджи положил книгу на столик и, прикрыв глаза, стал медленно перебрать четки. Мысли вились вокруг событий, связанных с его отцом, ханом булгар Поволжья.

В приемную вошли люди, почтительно остановились у порога, однако эмир глаз на вошедших не поднял. Мысли его все еще были далеко. Лишь когда бусагабаши* Жанбай, сопровождавший уста** Даурана, прокашлялся, чтобы привлечь внимание эмира, он поднял глаза и, увидев своего усту, отложил четки. Поступок этого человека, которого он сам, собственной волей освободил от рабства, был ни с чем несравнимой дерзостью и заслуживал жестокого наказания. Дауран похитил сестру, ханскую дочь Назлыгюль, увез в Казань, тайно совершил никах и спрятал от людских глаз. Но эмир решил не быть с Даураном суровым, хотя и не мог скрыть своего негодования. Что ни говори, бывший раб его отца стал его зятем. Зятем самого хана. По велению хана Назлыгюль нашли в Казани и увезли, отняв у дерзкого усту. И он в отчаянии пришел к эмиру за помощью. Эмир положил четки в карман шитого золотыми нитями халата и не спеша поднялся.

— Напрасно ищешь Назлыгюль, — проговорил он, не глядя на усту, — улуг хан увез ее с собой.

Уста прижал руки к груди и без сил повалился эмиру в ноги.

— Мой повелитель, — взмолился он. — Нет предела моему горю. Вы спасли меня от рабства, стали отцом-покровителем, помогите же вернуть мне мою Назлыгюль! Благословите, дайте мне несколько стражников, чтоб я мог поехать за моей возлюбленной, Аллахом благословенной женой.

Уста Дауран вытащил из кармана маленький Коран, положил на ладонь как самую дорогую ценность.

Эмир Хаджи строго посмотрел на своего усту.

— Как ты смел жениться на ханской дочери Назлыгюль?! И после этого ты смеешь обращаться к ее брату?

— Да, всевластный мой эмир, Назлыгюль моя жена, мы

* Бусагабаши — начальник дворцовой стражи.

** Уста — мастер.

сочетались с ней никахом и жили как муж и жена. Я люблю ее. Только смерть может нас разлучить. И она...

— Вон оно что! Ты слышал, Жанбай, — обратился эмир к стоявшему у входа бусагабаши, — оказывается, ханская дочь приходится моему усте законной женой, а вот ее старший брат слышит об этом впервые!.. Удивляюсь, уста, как это я оставил тебя живым, тут же не отрубив голову.

— Это от доброты, добр хан от Аллаха, высокочтимый мой эмир. И я не нарушил законы шариата.

— Добрый хан от Аллаха! — повторил эмир. — И кто это тебе сказал?

— Багадур Джик Мерген.

— Выходит, он — Мерген — спас тебе жизнь, а вовсе не хан?

Эмир Хаджи стал не спеша бесшумно ходить по мягкому ковру. Он искал выход из создавшегося положения, хотел разобраться и в своей судьбе. Да, и его жена уехала от него. А ведь все было так хорошо. Жизнь шла своим чередом. Акбике согревала его, украшая жизнь, давая душевный покой. И вдруг за какие-то два-три дня все перевернулось. Его бике влюбилась в багадура и уехала с ним в Саксин... И что было ему делать? Посылать за ними погоню? Разве не сам он желал, чтобы они исчезли из его жизни, так велик был гнев его. Мог ли он подумать, что его бике так увлечется багадуром. Впрочем, он давно догадывался. Видел же, как тянулась бике к Бачману, как краснела даже при одном упоминании его имени. Правы были древние, страсть невозможно утаить ни от мужа, ни от родни. Он и замечал и как будто не замечал ничего, вернее, не хотел замечать. Думал, пройдет. Ошибся. А кончилось вон как: он все же не выдержал, сорвался, потерял самообладание, придрался к ней и к багадуру по мелочи. Даже приказал бросить его в темницу. Но объяснить народу причину своего решения не успел. Подступил со своим войском улуг хан к воротам его города...

— Так это был Джик Мерген?

— Да, мой эмир, это был он.

Эмир Хаджи снова кинул взгляд на Жанбая и чуть заметно усмехнулся. Ведь это Жанбай поддержал тогда Джик Мергена. Эмир нарочно повторил свой вопрос, желая убедиться, известно ли об этом усте. Он наблюдал за ним незаметно, исподлобья. Да, уста красив, ладно скроен, при первом взгляде невольно вызывает симпатию. Неудивительно, что в него влюбилась ханская дочь. Согласись улуг хан на их брак, возможно, были бы счастливы. Уста строил бы белокаменные города и радовался этому, как радуется эмир Хаджи каждому дому, возведенному им.

— А ведь это я назначил Джик Мергена багадуром, уста Дауран.

— Он добрый человек, досточтимый мой эмир, много добра сделал для меня. Но перед вами он чист, как родниковая вода.

— Ты скажи лучше, кто дал тебе свободу, кто тебя освободил от рабства?

— Вы, мой эмир, вы, досточтимый, вы! Только благодаря вам почувствовал себя равным среди людей. Вовек не забуду вашей доброты.

— А теперь скажи, кто ханского палача убил?

— Вы это сами видели, мой эмир.

Не зная, как быть, и умея скрыть свою нерешительность, эмир снова стал ходить по мягкому ковру.

— Но что ты собираешься делать, уста?

— Мой повелитель, мне не нужны азаты, мне нужно лишь ваше благословение и я найду свою Назлыгюль.

— Да знаешь ли ты, что сделает с тобой хан, если попадешь к нему в руки?! Прикажет привязать к конскому хвосту или велит исполосовать ступни ножом и набить щетиной, как это делали древние с непослушными. Он даже меня, сына своего, не пощадил — унизил перед народом, устроил у меня в городе смуту, обидел моих подданных, старейшин.

— Мне не ведомо, что замышляет хан, мой эмир. Мне бы только найти мою любимую соловушку.

Эмир Хаджи не ответил. Раздражение против отца-хана вновь охватило его. Да, улуг хан булгар явился, чтобы отнять Казань и передать внуку Булату. Зачем? Но ушел ни с чем: старший сын не позволил взять город. А тут пришло известие, будто князь Владимир выступил на Волжскую Булгарию. Хан-отец явно растерялся и заспешил к себе в Булгар. А эмир Хаджи до сих пор не знает, что произошло на самом деле, быть войне с урусами или нет. Кто же показал пример отцу? Может, тот же Владимир? А тут еще Назлыгюль...

Однако как же ему поступить с уста Даураном? Может, послать с ним сотню? По всему видать, он не остановится ни перед чем, готов ради жены в огонь и воду.

— Ладно, уста, так тому и быть: найди свою Назлыгюль, если она захочет вернуться к тебе. Женщин понять трудно.

— Мой эмир, если кто решился и уже оседлал коня, тот не станет тратить время на размышления. Будь что будет. Отпустите меня на поиски моей единственной, а дальше уж я сам. Если жив останусь, обещаю: Казань станет лучшим из городов в Булгарии. В целом свете нет никого, кто был бы так добр ко мне, досточтимый.

— Ладно, уста. Хочешь, сотню с тобой пошлю? На подмогу?

— Мне никто не нужен, мой эмир, ни азаты, ни юзбаши, только пара коней да оружие.

— Никто не родится и не умирает дважды, уста. Не слишком ли ты самоуверен?.. Тимур, — обратился эмир к второму телохранителю, — приведи усте оседланных коней и дай оружие, какое пожелает.

— До самой смерти не забуду, мой эмир, вашей доброты.

— Не стоит меня благодарить, благодари и положишься на Аллаха. Иди с богом.

— Мой эмир, одному Аллаху известно, как крепка моя любовь к Назлыгюль. Я, скорее, приму смерть, чем потеряю ее.

2

Облачившись в доспехи, Дауран привязал узду взнузданного коня к седлу и сказал телохранителю эмира:

— Спасибо, Тимур, пожелай мне удачи.

— Удачи тебя, уста. Но коней не гони, почаще меняй. Уедешь через Ногайские ворота, ясаул предупрежден.

Наконец, город, который Дауран возводил своими руками, остался далеко позади. По расчетам Даурана, улуг хан должен быть в городке Бряхимове. Сначала туда. Но что скажет он хану, когда приведут к нему — не знал. Как случилось так, что в Казани так быстро нашли Назлыгюль? Искали ведь и его. Но не нашли. В тот день, счастливо избежав расправы, Дауран всю ночь искал Назлыгюль, стараясь не попадаться на глаза людям. В конце концов он все же решил зайти к тархану Ахмету, но тот ничем не мог порадовать его, лишь пытался утешить: «Прячет ее хан, наверное, у кого-нибудь. Пережди, пусть хан уйдет». Наконец, хан ушел. И Дауран, не дожидаясь дня, разыскал советника эмира. Он-то и сказал ему правду: Назлыгюль увезли люди хана. Вот тогда, отчаявшись, Дауран решил идти к самому эмиру. Конечно, он рисковал, ведь эмир мог бросить его в темницу или, еще хуже, выдать хану. Однако что-то подсказывало, что досточтимый эмир не причинит ему зла. Помогать, может, не станет, но и в темницу не бросит. Ведь именно Дауран отстроил Казань, сделав ее белокаменной.

Сегодня ему непременно надо быть в Бряхимове. Лучше попасть туда засветло, потому что позже городские ворота будут закрыты, а ясаулы-стражники не знают его в лицо. Пожалуй, он им скажет, что он зять хана. Ясаул тут же доложит хану, и его напрямик доставят к нему.

А что, если Салим-хан даже не пожелает его видеть? Нет, хан велит его доставить к нему немедленно, тем более что раб-зять сам появился, добровольно.

Аллах не оставит раба своего — он даровал жизнь, он же и путь к спасению укажет, успокаивал себя Дауран. Важнее всего увидеть Назлыгюль. Пусть скажет она, что она сама так решила, сама его выбрала, сама уехала и добровольно стала его женой.

После вчерашних событий его спасительница Зайтуна отвела Даурана в дом на окраине города и тоже пропала. Он долго ждал ее, не дождавшись, отправился на поиски Назлыгюль. Было странно, что за все это время ему не встретился ни Джик Мерген, ни Артык, ни Мамак. Зайтуны тоже нигде не было. Город будто обезлюдел. К тархану Ахмету он пошел лишь затем, чтобы посоветоваться, узнать, что происходит в городе. Слава Аллаху, помог ему эмир. Дауран еще раз убедился, что эмир ему не враг. А ведь раньше Дауран не очень-то доверял эмиру, хотя и получил из его рук вольную.

Свобода! Как ты прекрасна!

Непонятно только, зачем судьба все время строит препятствия на его пути? И теперь, похоже, он сам спешит на плаху. «У топора одна забота — головы рубить, оттого-то он не заржавеет никогда», — любил повторять ханский палач. А в Казань-городе на самого палача охотник нашелся. Но разве хан другого палача не найдет? Небось уже нашел.

Свобода!

Ее недоставало его отцу. Не умел он за нее бороться, всю свою жизнь терпеливо чего-то ждал и надеялся, да так и умер рабом. Дауран сумел получить от эмира свободу, но для хана он все еще презренный раб.

Дауран остановился возле ручья напоить коней, дать им немного отдохнуть. Пока кони щипали траву, он вытянулся на земле и, закинув руки за голову, стал смотреть в небо. Солнце клонилось к горизонту, скоро скроется за кустами на другом берегу ручья и погаснет, а Даурана ждет еще неблизкий путь. По его расчетам, город Брахимов должен быть не очень далеко, но он мог и ошибаться.

Услышав конский топот, Дауран вскочил и, схватив коней под уздцы, вошел в заросли тальника. Но его, кажется, успели заметить.

— Эй, кто там?! А ну выходи! И коней с собой прихвати! — крикнул всадник, подскочивший раньше других.

— Пастух, небось, — предположил второй, останавливаясь.

— Какой пастух, не видишь разве, доспехи на нем, — сказал подоспевший ясаул.

Дауран вышел на открытое место, ведя за собой коней.

— Кто такой? Куда путь держишь? Чей будешь? — засыпал Даурана вопросами четвертый всадник, наверное, главный среди них. — Ты, часом, не беглый?

— Путник я, унбаши*. Просто путник.

— Почему прятался от нас?

— Подумал, разбойники.

— Куда путь держишь?

— В город Брюхимов.

— Верховые лошади, военные доспехи... Кто твой господин?

— Бачмана багадура знаете? — соврал уста.

— Ну его, поехали от беды подальше.

— Не спеши, мне этот малый сильно напоминает кого-то.

Где ж я его видел? А ну, отберите у него оружие! Тебе, голубчик, хану в гости завернуть придется, — обратился унбаши к Даурану, ухмыльнувшись. — Садись давай на своего коня, поехали!

Два всадника тотчас взяли Даурана в середину, и все вместе потрусили к городу.

— Ясаул, я узнал этого человека. Знаешь, кто он?

— Кто? Конокрад, разбойник, казак, будь он неладен?

— Нет, не конокрад и не разбойник, а ханский зять!

— Тпру! Врешь, быть того не может!

— Верь мне, мой ясаул, сам ханский зятек у нас в руках!

— Так ведь это тот, кто нам нужен, Байсар.

— Унбаши вплотную подъехал к Даурану.

— Эй, ханский зятек, куда ханскую дочь упрятал?

— Не волнуйся, унбаши Байсар, не скажет нам, так хану скажет. Повелитель быстро подберет ключик к его языку.

— Ты прав, ясаул. Тому, кто найдет Назлыгюль, хан обещал тысячу золотых. И все же, скажи нам, куда ты ханскую дочку-то девал?

— Унбаши Байсар, я сам заплачу тысячу золотых тому, кто найдет мою жену, — сказал вдруг Дауран.

— Откуда у раба тысяча золотых! Не болтай зря! Поехали быстрее! Уж хану ты выложишь всю правду как есть!

— Я разгадал его хитрость, унбаши. Взнузданную лошадь он, поди, для ханской дочки прихватил.

— Пожалуй, ты прав, ясаул, только где ж она, ханская дочка?

— Унбаши Байсар, Назлыгюль — законная моя жена, брак наш скреплен никахом.

* У н б а ш и — десятник.

— Никахом?! Ханская дочь — жена тебе?! Да что ты несешь, раб божий? В своем ли ты уме? Я, унбаши Байсар, поседел, стоя на страже у ханского дворца, так я не то что ханскую дочь, на невольниц ее глаз поднять не смел. А ты осмеливаешься болтать, что ханская дочь — тебе жена! Да ты же украл ее, раб божий, украл! Знаешь, что за это сделает с тобой Салим-хан?! Его недаром Яростным зовут. Немые у него болтливыми становятся, а хромые вприпрыжку скачут!

— Ханская дочь по своей воле за меня пошла, унбаши, не крал я ее.

— Хватит, уста, погоняй давай свою лошадь! Не мели языком. Тебя хан ждет.

Когда путники поднялись на высокую гору, вдали показался город-крепость. Смеркалось, в небе одна за другой зажигались звезды. А когда остановились перед воротами, совсем стемнело.

— Ясаул, опусти мост, открой ворота! Суюнче*! Ханского зятя поймал.

— Так это и есть зять хана?! Да простит нас Аллах? Щас, щас!

— Ты сперва хана порадуй, ясаул!

Крепостной мост опустился, ворота открылись. Ясаул, который ходил докладывать хану новость, к тому времени успел вернуться.

— Поспешай, унбаши Байсар, поспешай, хан ждет с нетерпением. У хана глаза на лоб полезли, как про зятя услышал. Приказал тотчас доставить его к нему.

— Так что мне тоже причитается, — сказал ясаул, ухмыляясь.

— Гляди, как бы на виселицу на радостях не угодил. А ты как думал, ведь этот малый не кто-нибудь, а ханский зятек.

— Ох, и кровожаден ты, унбаши! Ну давай, давай проходи, живей поворачивайся! — добавил он, обращаясь к Даурану.

Возле дома тархана их встретил ханский бусагабаши.

— О Аллах, да это никак и вправду уста Дауран! — удивился он и велел идти за собой. Дауран обернулся и сказал:

— Коней моих сохрани, унбаши Байсар, они еще понадобятся мне. И оружие сбереги, хан может потребовать. Неизвестно еще, чья голова ляжет на плаху.

— А ты храбрец, уста, — сказал бусагабаши, — большой

* Суюнче — неожиданная радость, за которую полагается подарок.

храбрец. Ведь ты все еще раб. Пусть хан сперва даст тебе вольную, уж потом будешь языком молотъ.

— Сегодня я раб, а завтра, глядишь, законным зятем хана стану — жизнь-то что колесо, как повернется, еще неизвестно. Так говорят у нас на Ага-Базаре.

— Пойдем-пойдем, не разговаривай много! — сказал бусагабаши и увел пленного во дворец.

В просторных и светлых покоях они увидели Салим-хана, который нервно ходил взад и вперед, перебирая четки. Увидев Даурана, остановился, положил четки в карман.

— О Аллах, кого я вижу, никак сам уста Дауран пожаловал! — воскликнул он насмешливо.

— Атам*! — уста сделал к хану два-три шага и упал на колени.

— Бусагабаши, — обратился хан к своему телохранителю, — выйди пока. Ну, а ты, зятек, вставай, проходи, гостем будешь, — проговорил он все тем же голосом, то ли глумясь над Даураном, то ли всерьез, внутренне едва скрывая радость.

Дауран знал: мать его была знатного древнего рода, такого же происхождения и жена, а отец был рабом и умер в рабстве, зато при жизни пользовался большим уважением людей. Поэтому Дауран чувствовал себя в присутствии хана довольно уверенно и смело проследовал туда, куда тот приглашал, опустился на подушку.

— Атам, я пришел к вам с повинной головой. Хотя вы и собирались отсечь мне ее, я, видит Аллах, обиды на вас не держу...

— Ну и по какому же ты делу? Где дочь моя, Назлыгюль? Умыкнул, как в старину, и насильно женился. Ни меня, ни гнева Аллаха не боишься?

— Нет, атам, я не виновен перед Аллахом и перед вами.

— И ты не считаешь виноватым себя, что без согласия отца женился на ханской дочери? Что она тебе, простая девица?

— Атам, я не уводил ее, Назлыгюль сама пришла ко мне, по любви. И я ее люблю, люблю больше жизни своей...

Дауран даже из тона разговора хана понял, что напрасно искал встречи с ним: Назлыгюль здесь нет. Неужели сбегала от отца? Кто помог ей? А теперь и он оказался в руках хана.

Тревога охватила душу Даурана: где же она, его любимая, кто ее перехватил у хана? А может, она здесь, в соседней

* Атам — отец мой.

комнате, и даже слушает его? Понятно, что хан не станет с ним церемониться, закует в цепи и отправит в Булгар.

В дверях показался Якуб-бек, тархан города Бряхимова. Даурану уже приходилось видеть этого старика, который носил почетное имя Иль карты*. Уста почтительно приветствовал старца, приложив руку к сердцу, низко поклонился.

— Ассаламагалеюм, достопочтенный аксакал Булгарии.

— Здравствуй, уста, все ли у тебя ладно? — сказал тархан, присаживаясь напротив хана.

— Аксакал, — обратился к нему Салим-хан после того, как все воздали хвалу Аллаху, — сын покойного раба моего, усты Алпара. Он похитил ханскую дочь и тайком женился.

— Улуг хан, — ответил аксакал, выслушав правителя, — из Владимира вернулся мой знахарь, который умеет предсказывать будущее. Он утверждает, что урусы во главе с князем выступили в поход на Булгарию. К князю Всеволоду присоединились младший брат твой Мухамметгалим-бек и Янтак-хан. Как я помню, досточтимый, когда родная земля оказывалась в опасности, предки забывали о семейных раздорах и объединялись против врага, Булгарию угрожает опасность.

— Про хана Янтака мне известно, аксакал, он не впервые вместе с урусами грозитя напасть на Булгарию. На этот раз он у меня получит сполна, здесь и найдет свой конец! Хотя сам я здесь, но багадуры мои не сидят сложа руки, заняты укреплением великого города. Князю урусов Аллах не даст взять Булгар, если даже он приведет с собой Янтак-хана.

— Аминь, дай-то Аллах, — проговорил старый бек города Бряхимова.

— Будь судьей, аксакал, как мне быть с этим рабом?

— Ради Всевышнего, уволь меня от этого, великий хан, я ведь не судья, а всего-навсего тархан. Однако, раз просишь совета, скажу тебе так: сейчас не время заниматься такими делами, с этим можно и подождать. Нам надо готовиться к войне с урусами, досточтимый мой хан.

— Аксакал, прошу, выслушай меня сначала, дочь хана сама пришла ко мне, — вдруг вмешался в разговор Дауран.

— Не говори так, уста. Насколько я помню, Назлыгюль всегда была умницей. Как же она, невинная, могла сама приехать к тебе в Казань? Нет, тут что-то не так, мастер. Ты виноват в том, что перешагнул обычай предков наших. Умыкнул дочь хана. А если, как говоришь, сама выбрала тебя в

* И л ь к а р т ы — мудрец, аксакал.

мужья, Аллах тебе судья. Не я и не хан Булгарии. Так ведь, досточтимый мой хан, или я, старый аксакал, ошибаюсь. Девушки как перелетные птицы, хан. Якуб-тархан просит тебя, смирись. Мастера народ почитает. Вспомни, какие замечательные дома он возвел в Казань-городе белокаменном. При их виде душа радуется. Золотые руки...

— Уста Дауран — раб мой, аксакал, раб.

— Перед Всевышним все мы — рабы, улуг хан. А теперь позволь мне задать мастеру один вопрос.

— Прошу тебя, аксакал, — кивнул согласно Салим-хан.

— Сынок, мне сказали, что всем ты говоришь: «Судьба хана — моя судьба». Что смерть твоя и будет смертью хана Булгарии. На что ты намекаешь?

— Однажды во сне явился мне пророк Джабраил и сказал: «Дауран, сын раба, мастера Алпара, жизнь твоя завершится в один день и час с жизнью улуг хана Булгарии».

— Кто толковал твой сон?

— Старик-шаман Болгар.

— Хвала Аллаху, так шаман Болгар еще жив?

— Жив, аксакал.

— Если память мне не изменяет, он еще ребенком добывал руду в Шайтан-Кале. Потом Чечке-ана взяла его к себе. Вскоре среди булгар прослыл он шаманом. Да, время идет... Так вот, одному человеку было предсказано: «смерть достигнет тебя в степи». С тех пор он жил в лесу и никогда из него не выходил. Питался ягодами, кореньями и грибами.

Однажды наклонил он черемуху и стал рвать ягоды. Дерево внезапно вырвалось из его рук и распрямилось. «Не хочет дерево давать мне свои плоды, подумал человек. Не буду больше спорить с судьбой, отдамся на волю Аллаха?» И вышел из леса. И твой толкователь снов, уста, зная, что ты раб хана, не хотел ли сказать: до последнего дня земного будешь служить ему, своему господину, то есть улуг хану Булгарии? ..

— Не знаю, уважаемый бек, я ведь лишь пересказал свой сон, сон ничтожного земного человека.

— А теперь скажи мне, где твоя жена Назлыгюль?

Тархан аксакал задает тот же вопрос. О чем это говорит? Назлыгюль здесь нет?

— Я сам пришел сюда за Назлыгюль, аксакал, сам ее ищу.

— Ищешь Назлыгюль?! Врешь! Эй, стража! В темницу его, в темницу! Уведите с глаз моих долой, бросьте в темницу! — закричал Салим-хан в гневе.

К Даурану тотчас подбежали два стражника.

— Да смотрите, чтобы ни один волос не упал с его головы, — предупредил стражников хан.

Когда мастера увели, аксакал Якуб снова заговорил, как бы рассуждая про себя:

— Этот джигит — большой мастер, один на весь край, смотри же, хан, не потеряй его. Один древний мудрец говорил: «Собирай в государстве своем только умных людей, крепость свою укрепляй камнями». Если хочешь найти Назлыгюль, оставь его в живых. Ведь сказано же: бабочка летит на свой цветок, а человек тянется к себе подобному. Если не ошибаюсь, матерью его была Туйбике. Мягкая, ладная, умная женщина, да пребудет душа ее в раю. Слыхал я, родив мальчика, Туйбике сразу же сказала, что сын ее будет очень счастливым, сама ханская дочь полюбит его. Видно, ангел услышал ее слова.

— Будет, аксакал, будет тебе. Что же мне теперь делать с этим молодцом, коль он такой дорогой мастер?

— В старину говаривали, если дочь — дитя твое, то зять — половина дитя. Есть четыре дела, которые человек может совершить без стыда. Первое — верить в предводителя рода; второе — вырастить сына, пусть даже чужой крови, но как родного; третье — ходить по дороге, которую сам выложил; четвертое — есть мясо животного, выращенного тобой, и знать, что оно ничем не осквернено. Хан, раб твой Алпар построил для тебя не один город. Сын его влюблен в твою дочь, женился на ней, так следует ли тебе видеть в том грех? Прости же его. Когда на твою землю идет враг, нельзя мстить собственным подданным. Скоро утро, путнику нужно теперь быть в пути. Тебя, хан, ждет твой великий город. А мастера оставь мне. Найдет он Назлыгюль. Не ошибаются только бездельники. Аллах да поможет ему понять ошибки. Прежде всего, думай о безопасности страны, хан, а уж после будешь решать свои семейные дела.

— Судьбу раба отдаю в твои руки, аксакал. Если жив буду, после сам разберусь с ним, — вдруг согласился с аксакалом Салим-хан и поднялся с кресла.

3

Слуги хана отодвинули решетку глубокой ямы и столкнули мастера в подземелье. Дауран кубарем скатился вниз. Дно ямы, к счастью, оказалось устлано соломой. Когда на решетку надвинули крышку, пленник оказался в полной темноте. Сначала лежал тихо, боясь шевельнуться. Сердце бешено колотилось, в ушах стоял непривычный шум.

— Есть здесь еще кто-нибудь?

Ответа не последовало. Выходит, он один в этой яме. Медленно поднялся, вытянув руку, сделал несколько шагов,

пока не нащупал холодную каменную стену. Дауран прислонился к ней спиной и посмотрел вверх. Сквозь крошечную щелку просачивался скудный луч света. Похоже, ночь на исходе. Хан, наверное, скачет в великий город, а его оставил на аксакала Якуба. Что задумал этот старый мудрец? Почему он его защитил? Он не знал. Но узнал главное: Назлыгюль здесь нет. Но где в таком случае она, как сумела ускользнуть от стражников хана? Неужели увела Зайтуна? О Аллах, только бы была жива. Только бы...

Тархану города Брахимова — старому Якубу — верил и не верил. Однако он уже в темнице и по его совету... Да, он добрый и хитрый. Но кто знает, что у него на уме — чужая душа — потемки. Дауран слышал, что правители некоторых стран бросают пленников в ямы, а потом выпускают к ним голодных волков или даже удавов. Что, если его ждет такая же участь?

Дауран вдруг явственно представил, как в темноте на него набрасываются, оскалив зубы, дикие звери. По спине пробежали мурашки. Когда глаза немного привыкли к темноте, он пошел к противоположной стене и обнаружил там небольшую низкую дверь. Что это, вход или выход? Вход для волков?..

Дауран закрыл глаза, и события последних дней снова возникли перед его взором. В тот день, когда Салим-хан объявился в Казани, Назлыгюль, будто предчувствуя недоброе, прильнула к его плечу и притихла. А Дауран только что вернулся с работы и, как всегда, был полон любви и страсти к жене. Он подхватил ее на руки и отнес в постель. Назлыгюль всегда была для него желанна, казалось, он никогда не устанет любить и ласкать ее. Оставаясь наедине, они забывали обо всем на свете. И в тот раз они были счастливы так, словно все ангелы любви слетелись к их изголовью. Стройная, гибкая Назлыгюль словно растворилась в его объятиях. Дауран покрывал ее поцелуями, шептал нежные слова. Вихрь любви так захватил их, что, отдавшись ему душой и телом, они на время забыли об осторожности.

Когда неповторимые мгновения блаженства миновали, они лежали, разметавшись в постели и молчали, предавшись неге. Но желание погасло не совсем, и его огрубевшие на стройке руки невольно тянулись к тонкой талии, к упругой груди Назлыгюль. Разгоряченная кровь не успокоилась, душа все еще парила в блаженном тумане.

Вот тогда сказал он Назлыгюль, что хан-отец здесь, у ворот Казани. Назлыгюль испуганно вскочила, села, косы легли ей на грудь, серебряные подвески и бляхи, вплетенные в косы тихо звякнули.

— Дорогой, я боюсь отца! Очень боюсь. И за себя, и за тебя тоже!

— Не бойся, хан пришел, чтобы изгнать из города старшего твоего брата и передать его Булату.

— Что думает брат мой Хаджи? Ведь он такой гордый.

— Брат твой всего-навсего эмир, а твой отец — великий хан. На его стороне сила, да и народ Казани вряд ли пойдет против хана.

Назлыгюль прижалась пылающей щекой к щеке мужа и заговорила, обжигая горячим дыханием:

— Что бы ни случилось, не отдавай меня, Дауран, не отдавай отцу. Он собирался выдать меня за другого.

— Моя Назлыгюль, нас никто не разлучит, разве что если сама...

— Не смей! Не смей так говорить. — Сказав так, Назлыгюль горячо прильнула к нему, испуганная и нежная. Представив, что ее уведут от него, сердце Даурана сжалось, зазвенело в ушах.

«Назлыгюль, голубка моя, соловушка».

Очнувшись от дум, Дауран встал и попытался расшатать железные гвозди, отодрать толстые дубовые доски двери, но усилия его были тщетны. Он опустился на солому и горько заплакал от бессилия.

Завесу в волшебный мир любви приподнял для Даурана его учитель кятиб* Хафиз. Человек этот дожил до сорока лет, никогда не был женат и все же о любви знал много такого, что не знал Дауран. Он рассказывал совсем юному Даурану, как прекрасно это чувство, сколь счастлив будет тот, кто познает его. И пробуждал в нем чувство прекрасного через поэзию, книги о любви, которые давал читать Даурану. А красоту мира, что окружает человека, ценить его научил отец, мастер Алпар. «Лишь тогда сможешь ты возводить прекрасные дворцы, сынок, — говорил он, — когда научишься видеть красоту, видеть и ценить». С тех пор Дауран на все смотрел глазами отца, но со временем научился видеть красоту по-своему, создавать неповторимые узоры и формы, которые пленяли людей с первого взгляда. За его искусство Даурана уважали все, ценил сам хан, полюбила Назлыгюль. К тому времени, когда Дауран впервые увидел ханскую дочь, он уже умел разбираться в женской красоте. Но встреча с будущей женой перевернула в нем его прежние представления о красоте. Красота Назлыгюль была столь совершенной, что творения мастеров он сравнивал теперь только с ней.

* К я т и б — личный секретарь хана.

Она стала для него мерилom совершенства каждого сделанного им узора, каждого творения, будь это каменное изваяние или ханские покои. Но вскоре он понял, что искусство бес-силно создать живую красоту. Восхищение ханской дочкой обернулось для него муками творчества, в результате кото-рых рождались лучшие его работы.

Расписывая в ханском дворце стены, он тайком стал рисо-вать портреты Назлыгюль. Если бы об этом узнали мюри-ды хана, имамы, он был бы сурово наказан, потому что изоб-ражение лика человека считалось кощунством и было запре-щено законом шариата. Но даже это не остановило мастера, потому что красота Назлыгюль не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Он рисовал и тут же уничтожал нарисованное и вновь принимался за дело. Как ни хорош был портрет, ханс-кая дочь всегда оставалась во много раз прекраснее его ра-бот.

Тоскуя по ней, он решился написать ей письмо. В порыве красноречия он сравнивал ее со звездой, с луной, с самим солнцем. И это не было преувеличением, потому что при появлении девушки ему и в самом деле казалось, что вокруг становится светлей. Ее тонко очерченные брови он сравни-вал с крыльями ласточки, глаза — с лазурью небес. А ее пухлые влажные губы сравнивал с цветком, источающим слад-кий медовый аромат. Когда она улыбалась, на щеках появля-лись очаровательные ямочки. Еще когда он был ребенком, мама говорила, что это знак любви, след, оставленный поце-луем ангела.

Когда Назлыгюль тайком приехала к нему, он от любви словно лишился рассудка. А уж после никаха не мог нады-шаться на свою красавицу-жену, радость его не имела гра-ниц. Каждую минуту он стремился быть возле нее, и часы, проведенные вместе, казались мигom.

— Где ты, моя ненаглядная Назлыгюль... — Где?..

4

После того, как был убит сын князя Долгорукого, рож-денный римлянкой, — Михаил, на трон Владимиро-Суздальс-кого княжества сел Всеволод. Хан Салим обещал Всеволо-ду выдать убийц, если они объявятся в Булгаре. Сообщить об этом молодому князю он послал своих доверенных лю-дей. Салим-хан не получил никакого известия о нападении на Булгарию от князя. Был договор, составленный еще вели-ким Владимиром, князья города Владимира и ханы Булга-рии строго соблюдали мир.

Узнав, что Всеволод собирается напасть на Булгарию, хан

не на шутку встревожился. Ему ведь даже не было известно, что послужило поводом для войны. Выходит, молодой князь готов нарушить договор, а он, Салим-хан, не знает, из-за чего. Обычно правившие по соседству князья и ханы, прежде чем начать войну, объявляли друг другу, что послужило поводом для похода. Молодые, как видно, не желают придерживаться правил, завещанных отцами и дедами. Салим-хан знал: если Булгария живет за счет зерна, скотоводства и торговли, то князья урусов с древнейших времен предпочитали грабить соседей. Стоило их народу поднять очередную смуту, князья, чтобы отвлечь народ от внутренних проблем, тотчас отправлялись в поход в какую-нибудь страну. Если поход оказывался успешным, и в княжество доставляли много пленных, богатую добычу, народ на время успокаивался. Такие походы были в особенности по душе боярам, богачам и духовным отцам. А поскольку главным врагом христианского духовенства был ислам, то Волжская Булгария чаще других подвергалась княжеским набегам.

Через своих людей, купцов Салим-хану стало известно, что за время правления князя Андрея богатые урусы и духовные отцы много терпели от зарвавшегося правителя. Смутьяны подговаривали чернь подняться против князя. И если богатые купцы обвиняли князя в том, что торговые пути остаются в руках волжских булгар, то духовенство жаловалось на басурман, притесняющих христиан в Булгарах. Кроме того, они упрекали князя: «Женился на басурманке и перестал ходить войной на булгар». То ли слушая уговоры княгини Рокии, то ли сам так решил, но князь Андрей и в самом деле не беспокоил тюрков-булгар набегам. А его сын, князь Мстислав, поддался уговорам монахов и выступил с такими же горячими молодцами, как он сам, в поход на Казань без разрешения отца. Однако поход закончился неудачей для молодого князя: булгары встретили урусов во всеоружии на берегу реки. После горячего боя молодой князь бросился бежать, но вместе с конем ушел под лед. Хотя ему и удалось спастись, дни его были сочтены. Есть он, Аллах-то, дитяtko Мстислав! После того случая князья на время забыли дорогу в Булгарию. И вот не успел молодой князь Всеволод воссесть на престол, опять взялись за старое. К счастью, Салим-хана заранее известили о готовящейся войне. Всеволод, видно, зная, какими силами располагает Булгария, сперва направился в Рязанское княжество к своему родственнику и потребовал, чтобы тот участвовал в походе. Однако рязанский князь от участия в войне против булгар отказался. Тогда Всеволод набросился на рязанцев, разбив в короткой схватке дружину князя.

Салим-хан решил сделать попытку остановить Всеволода, выслал ему навстречу своего верного посла во главе о багадуром Баяном. Багадур должен был встретиться с князем на полпути и попробовать договориться о мире.

5

На Великий меджлис собрались самые уважаемые люди ханской столицы Булгарии — аксакалы, куштаньы, багадуры. После полуденного намаза все они явились во дворец хана. Когда расселись приглашенные, хан попросил шейха сотворить молитву. Собравшиеся еще не знали, для чего хан позвал их, но догадывались: на их землю снова идут урусы.

Салим-хан велел визирю Камаю доложить обстановку. Тот сообщил, что Владимиро-Суздальский князь идет на Булгарию, и попросил аксакалов, багадуров высказаться, что они об этом думают. Салим-хан слушал выступающих с большим вниманием. Рядом с ним сидела ханбике Зубаржат. Она уже знала от мужа о выступлении урусов, но еще больше была встревожена исчезновением дочери Назлыгюль. Женщина долго слушала, о чем говорили подданные хана и неожиданно встала:

— Мой хан, думая о защите города, не забудь о дочери. — Хан, никак не ожидавший от жены подобной выходки, был до крайности удивлен и растерянно посмотрел по сторонам, не зная, что сказать ханше. Присутствие женщины на мужском совете не нравилось многим, однако до сих пор никто и словом не высказал своего недовольства, потому что ханбике никогда до сих пор не вмешивалась в их разговор. Салим-хан взглянул на аксакалов, а те о чем-то тихо переговаривались между собой, и ждали, что же скажет хан. Как же могла она заговорить о дочери, когда речь идет о судьбе страны?

Владимирцы, когда приходили в Булгар, ограбив город, долго в нем не задерживались, быстро уходили. А вот младший брат хана может воспользоваться набегом и захватить трон. Случись такое, Салим-хан уже никогда не сможет вернуть его себе. Аксакалы согласились с этим, потому что Мухамметгалим — тоже сын хана Ибрагима и имел такое же право на трон, как и Салим-хан. А еще Салим-хан знал, что среди его приближенных есть люди, готовые перекинуться на сторону брата и посадить его на трон. «Решается в этой схватке не только вопрос о жизни твоего мужа-хана, но и наследников трона, твоих детей, дорогая ханбике. А ты о дочери, которую ты воспитала. А она сбежала к моему же рабу. И в этом и ты, видимо, приняла участие», — подумал

Салим-хан. Сказать ханбике: «Сиди и молчи!» он не смог. Поэтому просто промолчал, прикинулся, будто жену не слышал. Один из аксакалов предложил отправить послов к хану Янтак. Совет мудрый. Но кого? Кто сможет объяснить степному кипчаку, который собирается посадить на болгарский трон своего зятя Мухамметгалим-бека, что он совершает большой грех. А что, если послать визиря Камая. Нет, пожалуй, он не справится. Говорить он умеет, но ему не хватает утонченности, дипломатической гибкости. Крепкий странный хан Янтак, пожалуй, не удержится от смеха при виде пузатого увальня Камая. Визирь, правда, ни лицом, ни телом не вышел, но умеет располагать к себе собеседника своей простотой. Может быть, послать Тубыкбая? Нет, этот тоже не годится. Они с Янтаком оба — степные ханы, могут спориться против него, Салим-хана. Так кого же? Кятиба Хафиза? Говорят, Янтак окружил себя учеными да поэтами. А кятиб как раз из тех, кого заслушаться можно — так он образован и красноречив. Салим-хан скосил взгляд на своего секретаря. Тот, как всегда, пишет что-то. Салим-хан любит читать его умные записи. В свободное время кятиб пишет историю Волжской Булгарии. Раньше дня не проходило, чтобы хан не прочитал то, что вышло из-под его пера, а теперь все времени недостает. Салим-хан верил каждому слову своего секретаря. Не станет он сочинять всякую небыль и выдавать ее за истину. Не такой он человек. Правда Янтак-хан может не отпустить его назад, а Салим-хан не хотел бы лишиться верного секретаря. О Аллах, что с нами будет?..

— Аксакалы мои и багадуры, я решил так — будем защищаться в своих крепостях. Ильгам, сын мой, ты тоже скажи, что ты думаешь об этом?

— Атам, думаю, что нам надо всем миром выйти в поле и принять бой с наглым врагом.

Что думают по этому поводу аксакалы?

— Мы тоже такого же мнения, — заговорили враз аксакалы. Но были и такие, кто сидел молча, ни во что не вмешиваясь. Салим-хан старался не замечать их. Сын его, эмир Хаджи, так тот и вовсе не явился на меджлис. Один из аксакалов, словно разгадав мысли хана, спросил:

— А где же старший, достопочтенный эмир Казани?

— Уважаемый Таштургай, сын мой Хаджи не послушен воле хана, — ответил Салим-хан и сам же испугался собственных слов.

— Все в руках Аллаха, хан, пошли за ним верного человека, сын покорится тебе и придет на подмогу.

— Хорошо, аксакал Таштургай, так и поступим. А сейчас, аксакалы, послушайте мою волю. Я решил: защиту велико-

го города поручу сыну своему Ильгаму. Багадуры будут выполнять его приказы. Благословите, аксакалы.

Аксакалы, воздев руки, зашептали молитвы, прося помощи у Аллаха. Потом стали расходиться. Камаю, визирю своему, Салим-хан велел остаться. Посадив рядом с собой, Салим-хан положил руку на плечо визиря.

— Тебе, визирь мой Камай, придется поехать в стан Янтак-хана.

— Слушаюсь, — ответил тот.

— Если я верно запомнил, ты ведь учился в медресе вместе с моим братом Мухамметгалим-беком?

— Верно, мой хан, я учился вместе с Мухамметгалим-беком. И на Кызлар тау* мы вместе ходили.

— Ты кстати напомнил о девицах. Не собираешься ли ты жениться, визирь Камай? Хотя для такого разговора вовсе не время. Я привез тебе из Казани девушку. Если задумаешь, имам сегодня же совершит никах.

Визирь взглянул на кятиба Хафиза. Тот был совершенно серьезен и не слушал их, что-то писал. «Хан не шутит», — подумал Камай. Только ханбике Зубаржат ехидно улыбнулась. От этой ее улыбки Камаю стало не по себе, и он покачал головой, как бы отказываясь.

— Достопочтенный мой хан, избавь меня от этих хлопот. Не пойдет она за меня, испугается. На чужое сердце аркан не накинешь, она ведь не лошадь, женщина.

— Она-то не напугается, вот как бы ты сам, увидев ее, не оробел, визирь Камай, — сказала ханбике. Улыбка при этих словах сошла с ее губ. И вполне серьезно добавила: — Я сосватаю ее тебе, я, визирь Камай.

— Да и хорошо ли это, лучезарная ханбике. Враг, можно сказать у ворот, а я собираюсь жениться? — проговорил Камай с сомнением, шутят с ним, что ли.

— Значит, согласен! Бусагабаши Субай, — крикнул хан, — веди сюда имама! А ты, ханбике, сходи и приведи Замзамбике... Ступай, ступай, так надо...

Она вошла к хану в приемную тихо, но ничуть не боясь. Была она полная, а на лице и во взгляде блестящих ярко-карих глаз — сама доброжелательность, пухленькие губы улыбались. Увидев Замзамбике, хан сразу же подумал: «Она рождена для моего визиря». А ведь с этой мыслью он и отправил ее к Назлыгюль, которую охраняли его стражники. Дочь исчезла, а вот на Замзамбике, выходит, никто не польстился. И он привез ее в Булгар, отдал ханбике. Та

* Кызлар тау — Девичья гора

обрадовалась, даже обняла ее, сразу приняла в Сарай. Когда Салим-хан спросил ее о Назлыгюль, Замзамбике зарыдала так, что даже хан растерялся, стал ее успокаивать. Тут-то он обратил внимание на ее пышную фигуру, круглое лицо, наивный, как показалось, взгляд! Вот тогда пришлось ему на ум выдать ее замуж за Камай.

Они даже чем-то были похожи друг на друга. По ведру, как говорится, и крышка. А Салим-хан убьет сразу двух зайцев: и Замзамбике при муже будет, и визирь у Янтак-хана надолго не задержится. Правда, ханбике Зубаржат затея мужа вначале не понравилась, но где же женщине понять расчет великого хана! Но потом она рассудила: хотя невеста и не красавица, зато пышная, мягкая и, видимо, добрая. Камай полюбит ее, разве не говорят, что взгляд девушки — сахар, тело ее — мед.

Тем временем появился имам, вывели к ним Замзамбике. Визирю Камаю девушка понравилась с первого взгляда. Она показалась ему даже очень привлекательной. Полненькая, как и он сам, ходит вперевалочку, словно уточка, личико круглое, румяное и очень даже миленькое. Жених, во всяком случае, видел ее такой. Ханбике, как оказалось, ни словом не обмолвилась девушке о предстоящем замужестве. Как видно, сама не верила, что такое будет возможно. Она подошла к мужу и шепнула ему на ухо, что невеста не подозревает, что ее выдают замуж за визиря.

— Замзамбике, — обратился к ней хан, не отвечая ханбике, — ты была с Назлыгюль в одной комнате. Как же это случилось, что ты осталась, а она исчезла? Тебя не заметили, что ли?

— Заметили, как не заметить?.. Они... Мне стыдно сказать, хан, — замялась девушка.

— Ну, чего тут стесняться, говори!

— Они сказали: «Давай оставим ее, ведь такую ни одна лошадь не поднимет».

Салим-хан еще раз с любопытством оглядел ее с ног до головы, потом перевел глаза на визиря Камай. Замзамбике вслед за ханом тоже посмотрела в ту сторону. «Это еще что за бочка с глазами?» — подумала она. Но уже в следующий миг толстяк показался ей вполне симпатичным. «Никак из знатных, — решила девушка, — ишь, одежды-то богатые какие».

— Замзамбике, дочка, перед тобой стоит человек, которому ты очень приглянулась. Он желает на тебе жениться. Звать его Камай, он мой уважаемый визирь.

Камай улыбнулся девушке, обнажив редкие зубы. Странно, но теперь он вовсе не казался Замзамбике смешным. Она слыхала от людей: «Не беда, коли мужчина смахивает на

медведя, лишь бы душа была у него добрая». «Видно, судьба у меня такая, — решила она, — соглашусь, ведь не простой он человек, а сам визирь».

Девушка залилась краской до мочек ушей.

— Ну что, дочка, благословить тебя? — спросил Салим-хан. — Если ты не против, теперь же и поженем вас. Имам здесь, он готов совершить никах.

— Всею воля Аллаха, мой хан.

— Ну что ж, имам Ишкул, с благословения Аллаха, соедини сердца молодых. А вы, дети, сядьте рядом.

Совершив обряд, молодых отправили в покои. Салим-хан позвал казнабаша армянина Вартана и приказал дать имаму три золотые монеты, после чего имам ушел в свою обитель. Оставшись с ханом наедине, ханбике Зубаржат спросила:

— И для чего тебе понадобилась эта комедия, мой хан?

— Завтра визирь отбудет к хану Янтаку. Пусть попробует уговорить хана не выступать на стороне врага. Всю жизнь Янтак воюет наемником. Пусть на сей раз будет он на нашей стороне.

— Если получится, это будет великий успех, мой хан. Воевать с князьями нет греха, у нас и языки, и вера разные. А Янтак-хана лучше остановить, пока не поздно, ведь у нас с ним и язык, и вера одни.

— Вот затем Камай и поедет, ханбике. И быстро к жене вернется. Пожелаем же ему удачи. Пусть Аллах поможет ему добиться цели...

В тронную вбежал запыхавшийся бусагабаши.

— Хан, кипчакский хан Янтак взял город Саксин, развеял воинов эмира Бачмана по степи. А теперь идет сюда, на Булгар. Часть азатов Бачмана здесь, стоят под Ногайскими воротами.

— Так откройте ворота, впустите их!

— В городе у нас живет купец Апанай, — напомнил бусагабаши. Брат его, Яким Кучкин, посол великого князя. В великом городе у него лавки. Апанай, младший его брат, принял ислам. Может, ему известно что-нибудь о нашествии урусов?

— Приведи-ка ко мне Апаная, бусагабаши.

Когда начальник стражи исчез за дверью, Салим-хан потребовал свои доспехи и, выйдя в соседнюю комнату, облачился в них.

Апаная тем временем доставили во дворец. Тот упал перед ханом на колени и припал лбом к полу.

— Да преумножит Аллах твои силы, улуг хан!

Силы хану теперь были бы очень кстати. Салим-хан молча смотрел на Апаная. Он знал этого человека. Именно он,

Апанай, сообщил о готовящемся нашествии урусов на Казань его людям.

— Садись, Апанай. Будь гостем.

— Купец я, великий хан...

— О нашествии урусов как узнал?

— Князь не по своей воле идет сюда, хан. Ты ведь знаешь, после смерти князя Михаила на трон сел Всеволод. Задумали бояре отомстить роду Долгоруких. Всеволод похищен боярам, пляшет под их дудку. Бояре же и научили его сперва на рязанского князя напасть. Всеволод так и сделал и посадил на Рязани сына своего Ярука. Погубили князя Андрея тоже сторонники бояр. Даже верные князю Андрею люди стали переходить на сторону князя Всеволода. На Булгарию князя заставили идти не только бояре да тиуны, но и духовные отцы...

— Нам это известно, Апанай. Русские уже к реке Суре приближаются. Что ты еще знаешь? Какова сила их, купец Апанай?

— Для этого похода князь Всеволод собрал все свои силы. В помощь ему послал дружину и киевский князь Святослав, а также князья Изяслав и Мстислав. Столь большого войска еще не бывало у русичей, хан. Я догадываюсь об истинных целях князя. Он хочет, чтобы купцы русичей беспрепятственно прошли в Ургенч и дальше на Табгачи. Булгарские купцы их не пускают, как кость в горле стоят.

— Хорошо, Апанай, спасибо тебе. А теперь скажи, с братом видишься?

— В великом городе у него тоже лавки, магазины, хан.

— Ладно, Апанай, да будь благоразумен. Понадобишься — позовем.

Купец, кланяясь, попятился к выходу. Едва он скрылся, как на пороге появился бусагабаши.

— Хан, гонец, которого ты посылал, внуку твоему Булату приказ твой передал. Молодой багадур направился со своим войском в стан ильтабара* Пургаса.

— Гонца накормите и приведите ко мне.

Из другой двери, что была за тронем, смущенно улыбаясь, вышел визирь Камай. Он вел за руку Замзамбике.

— Ну что, поладили? Бусагабашии, позови казначея, — распорядился хан, не поднимаясь с места.

Когда казначей явился, Салим-хан что-то сказал ему на ухо. Тот молча вышел, через некоторое время явился и положил на ладонь хана драгоценный перстень.

* И л ь т а б а р — глава рода, бек, хан.

— Этот перстень, визирь Камай, подаришь моему брату Мухамметгалим-беку. И запомни: перстень должен быть передан самому беку в руки.

— В чем же секрет этого перстня, хан?

— Этого тебе знать не нужно. Тогда ты бежал от меня к нему. Потом вернулся. Я знаю, что ты его человек. Чего ты хочешь — посадить своего друга детства, с которым вместе учился, на болгарский престол. Так?! Молчишь. Исполнишь просьбу, тогда только я буду знать, на чьей ты стороне.

— Я понял тебя, хан. Все исполню, как велишь.

— Да пребудет с тобой Аллах, визирь Камай.

Визирь и Замзамбике вышли. Салим-хан снова кликнул бусагабашии и велел подать к крыльцу коня.

Для Салим-хана начались трудные дни испытаний.

6

Через три дня после отъезда визиря войска урусов и кипчаков обложили город со всех сторон. Осада длилась два дня. Ни перестрелки, ни переговоров не было. Князь и хан выжидали. Противники занимались своими делами. Один готовился к нападению, другой — защищать свой город. Те, что были в крепости, устанавливали на стенах камнеметы, определяли позиции передовых азатов-лучников и мастеров камнеметательных машин. Хан с сыном Ильгамом осмотрели крепость, насколько хорошо она подготовлена к предстоящему штурму урусов. Увидев группу всадников у Ногайских ворот, хан остановился. Ильгам объяснил отцу, что эти воины при каждом удобном случае будут совершать вылазки на врага и снова возвращаться в крепость. Салим-хан с одобрением кивал головой.

На второй день осады прискакал гонец от Тубыкбая. С большим трудом пробившись в крепость, гонец сообщил хану, что Тубыкбай прячется со своим войском за рекой Черемшан. Салим-хан едва сдержал радость — эта помощь была очень кстати. Он ждал также гонца от сына, эмира Хаджи, но со стороны Казани вести не было.

На третий день уруситы сделали первую атаку, чтобы овладеть крепостью, но, не дойдя до рва, заполненного водой, вынуждены были отступить, оставив лежать у стен сотни убитых воинов. Тем не менее урусы не желали вступать в переговоры. Это означало, что они не уйдут, пока не добьются своего.

Все три дня Салим-хан провел на смотровой башне, вел наблюдение за урусами, которые уже вплотную подошли к стене. Возле него постоянно находились телохранители и

лекарь. Правда, лекарь временами куда-то отлучался. Хану это не нравилось. После очередной отлучки хан спросил:

— Когда крепость в осаде, где тебе быть положено, табиб*?

— Возле вас, мой хан.

— А если так, то и будь возле хана.

— Слушаюсь, мой хан.

— Скажи-ка мне, табиб Антоний, почему князь Всеволод решил напасть на тюркскую Булгарию?

— Меня не интересуют отношения между ханами и князьями, улуг хан. Я лекарь, и мое дело быть на страже вашего здоровья.

— Возможно, ты и прав, табиб. И все же, на что надеется князь? Ты же христианин, неверный, а потому знай: сегодня не урусы идут на болгар, а вера идет на веру, христианская вера не терпит других вер. В давние времена Владимир никогда не являлся к соседям-булгарам, с которыми торговал, с таким вот войском. А теперь князья урусов объединились и пошли войной на мусульман, табиб Антоний. Так что сегодня вера будет биться с верой и вовсе это не война с соседом, а вера с верой.

— Улуг хан, сдастся мне, что князь не сможет долго осадить крепость: нет у него камнеметов, да и огнеметов что-то не видеть. Уйдет он несолоно хлебавши.

— Огнеметы — греческий огонь, коими бились с урусами древние греки. — Салим-хан резко обернулся к лекарю. — И что же, будь у них огнеметы, они взяли бы крепость, табиб?

— Огнеметы — это мощное оружие, улуг хан. У врагов твоих его нет. Поят, пооят и уйдут.

— С пустыми руками, хочешь сказать? Нет, Всеволоду нельзя без добычи. Без добычи его ждет участь князя Андрея. Бояре и духовные отцы не простят ему этого. А потому Всеволод будет биться до последнего, табиб Антоний. Только крепости ему все равно не взять. Очень скоро ему придется отвесть острого булата Тубыкбай-багадура и передовых отрядов, моих конников. Как станут трепать его своими налетами, совсем покой потеряет. Нет, крепость свою ему не отдам на разграбление, табиб. Не отдам. Сегодня меня волнует, табиб Антоний, хан Янтак, который привел с собой брата моего Мухамметгалим-бека. Кипчакский хан — хороший воин, знает, как брать крепости. Он хитер, как лисица, и доблести ему не занимать.

— У твоего сына, эмира Хаджи, говорят, есть новое оружие.

* Табиб — лекарь.

— Да, есть. Думаешь, он придет на помощь? Мы поссорились с ним. Сын отказался от отца.

— Придет он, придет, улуг хан. Сказывают, что он очень даже совестливый и у него быстроногие кони и сильные воины во главе с Джик Мергеном. Молодой князь Мстислав бежал от них и утонул в реке.

— А ты по-нашему совсем неплохо стал говорить, табиб Антоний.

— Улуг хан, вас ханбике ждет, беспокоится, говорит, у него с утра ни крошки во рту не было, — уклонился табиб от ответа.

— Табиб Антоний, ханбике велит мне выйти к князю и поклониться. Говорит, надо поладить с ним, составить новый договор. А я не желаю кланяться соседу, который явился ко мне с войной. Доверь женщине защиту родины, так и без родины останешься.

На смотровую башню поднялся эмир Ильгам.

— Атам, князь и не думает уходить. Может, выйти и сразиться с ним?

— Не торопись, углан. Может, багадур Баян сейчас ведет с князем переговоры? Он уже у него в стане. У хана Янтака — визирь Камай. Если Аллаху будет угодно, они договорятся. А вдруг Янтак-хан назад повернет или на урусов набросится?..

— Атам, купцы тоже хотят вооружиться. Что будем делать?

— Раздавайте оружие, пусть добро свое защищают, а мы стоим за наш город.

* * *

Каждый день на рассвете Салим-хан поднимался на смотровую башню. Сверху он хорошо видел камнеметы, установленные на стенах крепости, приспособления для стрельбы из больших луков — сарпи, множество азатов. Хорошо виден и стан противника, в котором с раннего утра происходит какое-то движение.

На третий день осады начался штурм города. Урусы принялись забрасывать бревнами заполненные водой крепостные рвы. Прячась от болгарских стрелков, лучники пытались прикрывать своих, засыпая крепость градом стрел. Вскоре нашлись и первые смельчаки, которые по бревнам стали перебегать к стенам. Но хотя штурм длился целый день, врагу не удалось приставить ни одной лестницы, и он отступил. Среди заостренных дубовых столбов, ограждавших ров, остались лежать горы трупов. Не успели отойти урусы, как на

Саксинские ворота набросилось войско Янтак-хана. Салим-хан вместе с сыном Ильгамом поспешил туда. Поднявшись на сторожевую башню, он был потрясен увиденным. Воины хана Янтака, преодолев ров, уже бежали к стене с лестницами и веревками с крючьями на концах. Салим-хан торопливо взобрался на крепостную стену и, вдохновляя защитников города, стал подавать команды. Кипчаки тем временем уже карабкались по приставленным к стене лестницам. Ханские воины поливали их сверху горячей смолой, забрасывали камнями и горящими поленьями. Первых смельчаков, головы которых показывались над стеной, поражали меткими выстрелами опытные лучники из мергенов. Но и у Янтак-хана лучники были не хуже, на стене бездыханно лежали сотни болгар-защитников. Салим-хан пытался разглядеть среди нападавших своего брата Мухамметгалим-бека, но его не было видно.

Войско Янтак-хана отступило лишь после захода солнца. За ночь предстояло собрать тела погибших и похоронить в братских могилах.

Салим-хан знал, что потери не остановят Янтак-хана, и с утра он снова ринется в атаку, а потому распорядился, чтобы две сотни лучников-мергенов перебросили с Ногайских ворот на Саксинские.

Солнце на следующее утро поднималось очень медленно. Было еще темно, а Салим-хан уже спешил к Ханским воротам. Наблюдатели сообщили ему, что за ночь князь Всеволод собрал все свои силы на том участке, откуда отступил вчера.

С восходом солнца урусы снова пошли на штурм крепости. Небольшая группа отчаянных воинов подобралась к Ханским воротам и стала карабкаться вверх. Мергены снимали их меткими стрелами, но враги цепь за цепью бросались на штурм, и конца этому не было. Гора трупов на подходах к воротам росла; со стороны болгар потерь было не меньше. Только к вечеру натиск врага ослаб. Наконец Салим-хан, умиравший от жажды, позволил себе спуститься вниз и выпить ковш воды.

К хану подбежал гонец от багадура Таймаса.

— Улуг хан, ранен молодой князь Изяслав. От князя пришел посол, просит открыть ворота. Что делать?

— Бросьте веревку, пусть поднимается по веревке! — приказал Салим-хан.

Прошло немного времени, и человек князя уже стоял перед ханом. Салим-хан обратил внимание на дорогую одежду посла.

— Толмача сюда! — крикнул хан.

— Толмач мне не нужен, — сказал посол.

— Хорошо. Говори, что нужно?
— К вам с просьбой обращается князь Всеволод. Сегодня был тяжело ранен молодой князь Изяслав. Князь просит дать ему вашего лекаря.

— Лекарь понадобился! Вон оно что. Явился сюда с мечом и еще лекаря подай ему. — Салим-хан едва сдерживал гнев. — Какая дерзость! Сколько полегло его воинов, сколько я потерял. О чем думал князь, когда шел на Булгар.

— Молодой князь умирает, — повторил посол.

— Умирает! — повысил голос Салим-хан и повернулся назад. — Табиб Антоний!

— Я здесь, улуг хан, — откликнулся тот.

— Скажи мне, табиб, это я позвал сюда князя или он сам явился как незванный гость.

— Сам явился, улуг хан

— Добро, хан, добром же и возвращается, — вставил посол.

— Но если творящему добро платят злом?.. — Салим-хан посмотрел на сына Ильгама. — Решай ты, сынок. Ты — наследник мой, все тебе останется. Но прежде выслушай меня. Князю я не верю, табиба Антония он не вернет. Возможно, молодой князь и вправду ранен, но ведь на то и война — без жертв не бывает. А теперь решай сам. Посылать ему табиба или нет?

— Хорошо, атам. Табиб Антоний, собирай вещи! — командовал эмир.

Салим-хан не спеша сел на лошадь и отправился во дворец в сопровождении своих азатов. Он очень устал и хотел видеть свою ханбике, рассказать, что послал табиба Антония к князю. Верилось, что это успокоит его немного.

7

Князь Всеволод вроде и слушал епископа, духовного своего пастыря, в то же время пропускал его слова мимо ушей, думая о своем. Временами слова отца Саввы вбивались в его душу, словно занозы. Духовник требовал, чтобы штурм крепости не прекращался ни днем, ни ночью. Погибших под стенами становилось все больше, а для батюшки они словно бы и не люди вовсе. Никого ему не жалко. Князь с самого начала не хотел идти на Булгар. Несколько мелких крепостей они сумели взять, эта же стоит намертво и сдаваться не собирается.

А тут при нападении на Ханские ворота на беду тяжело ранили сына старшего брата — князя Изяслава. Стонет, мечется, бедняга, того и гляди богу душу отдаст, а лекарь, которого взял с собой, ничего поделать не может. Все это тревожит князя Всеволода. Он знает, что у хана Салима служит

лекарь, прославившийся необычайным даром исцеления. Вот и решил отправить к хану человека с просьбой уступить его. Гадает теперь: то ли даст хан лекаря, то ли нет. А племянник из последних сил со смертью борется. У духовного отца будто шоры на глазах — ничего не видит, ничего не слышит, все свое бубнит:

— Знай, коли с пустыми руками вернемся, народ ни тебя, ни меня не пощадит. Или тебе участи князя Андрея захотелось?!

— Ничего, святой отец, обойдется, — возражал князь Всеволод, — не могу я положить здесь все мое войско. Каждый воин дорог мне.

— Вояки-то воюют, а слава тебе достанется. Слава князьям, сын мой, не на троне сидючи дается — на поле брани добывается. Коли войну остановить надумал, потребуй с хана, пусть покой свой за золото покупает!

Князь, покусывая губы, глядел из своего походного шатра на болгарскую крепость. Там его воины бросались на штурм и после безуспешных попыток влезть на стену, отступали. А епископ требовал все новых и новых жертв. И хан Янтак, который петушился, что посадит на болгарский трон ханского брата, как видно, немногого добился. Гонцы то и дело докладывают, как у него идут дела. Интересно, что бы делал на его месте покойный брат Андрей? Нет, не стал бы слушать попа, сказал бы: «Не лезь в княжеские дела». Впрочем, и поплатился он за свои несговорчивость и непослушание. Бояре и церковники расправились с ним. Князь Всеволод не станет повторять судьбу брата, потому что Владимиро-Суздальский трон достался ему дорогой ценой. Жена Андрея Рокия и жена Всеволода Мария — обе болгарки-сестры. Андрей со Всеволодом были еще и свояками, хотя матери у жен были разные. Рокия-Екатерина всю жизнь противилась тому, чтобы Андрей шел войной на Булгарию. А бояре и духовенство, чинуши-тиуны день и ночь твердили только одно: «Война, война! Булгары в роскоши купаются, а мы голодаем».

Князю Всеволоду были известны подробности гибели Андрея. Он знал, кто и когда убьет брата. Знал, но молчал, и помочь не спешил, напротив, донес на Андрея. Словом, делал все, чему учил духовник. Вообще-то Всеволод был в обиде на брата Андрея, который житья не давал его матери Елене. В конце концов, княгиня Елена, дочь короля Чехии, была вынуждена уехать к себе на родину с двумя сыновьями. Мать ненавидела князя Андрея. Всеволод не мог забыть родные края, где прошло его детство, и тайком от матери писал Андрею: «Скучаю по дому, хочу вернуться». Андрей ответил: «Возвращайся, сядешь князем в Ростове». Когда

Всеволод вернулся, Андрей и в самом деле отдал ему Ростов и женил на родственнице жены — Зухре. После крещения Зухра получила новое имя — Мария.

Так в двадцать лет Всеволод сделался ростовским князем. Прошло немного времени, и он стал называться великим князем — после того, как взошел на трон Владимиро-Суздальского княжества. За эти немногие годы он сумел завоевать почет и уважение своего народа. Ему был послушен не только народ, но и те, кто служил при дворе, — тиуны, военачальники и даже духовенство. Только отец Савва, похоже, всегда недоволен им. Духовные отцы в большинстве своем были обрусевшими дунайскими болгарами или греками. Может, поэтому князь Всеволод недолюбливает их? Но он глубоко прятал эту свою неприязнь. Случалось, что, выслушав духовных отцов, он вначале поступал по-своему, но в конце концов все же уступал им. Сегодня ему очень не нравилось упорство епископа, который стоял на своем, не обращая внимания на умирающего юного князя.

— Батюшка, нам теперь более всего хороший лекарь нужен, — сказал он резко, не дослушав отца Савву.

— У Салим-хана хороший лекарь, вот и попроси, чтобы дал.

— Думаешь, он пойдет на это?

— А куда ему деваться! Крепость окружена, не то что человек, птица не пролетит.

— Но хан вовсе не собирается сдаваться. Вчера сын его Хаджи подобрался к моим ладьям, перебил всех стражников, а багадур Тубыкбай то и дело беспокоит нас набегами. Вихрем налетает откуда-то, убивает воинов и так же внезапно исчезает. Ни догнать, ни наказать его невозможно. Воины недовольны, святой отец, говорят: «Вернемся, князь, пока тут всех нас не перебили».

— Отправь к хану посла, попроси дать лекаря. А там видно будет, что делать, — сказал отец Савва, поднимаясь, давая тем понять, что разговор окончен. — Нам надо, чтобы водные пути общими были. Неужто, навалившись на хана всей мощью, уйдешь ни с чем. За каждого убитого хотя по серебряному получить.

8

По дороге во дворец Салим-хан подумал: «Не отправить ли сына Ильгама к князю послом? Прямо сейчас, вместе с лекарем» ... Эта мысль завладела им и не давала покоя, даже когда он вошел к ханбике. Решил посоветоваться с ней. Ханбике поддержала его:

— Отправь углана, мой хан, пусть выведает, чего хочет князь.

Салим-хан позвал стражника, велел сходить за угланом.

На заре следующего дня эмир Ильгам вместе с лекарем Антонием отправился вслед за княжеским послом в стан вражеского войска. У входа в шатер их встретил сам великий князь.

Лекарь, едва увидев раненого, приступил к делу. Князь повел ханского посла Ильгам углана в другой шатер. Епископ Савва не отставал от них ни на шаг.

— По-нашему говоришь? — спросил Всеволод.

— Говорю, князь, — ответил Ильгам. — Жена Мария научила.

— У посла, должно, есть условия? — вмешался отец Савва.

— Может, и есть — узнаю, — резко ответил князь.

Князя раздражала навязчивая настойчивость епископа и он невольно отвернулся от него, как бы предупреждая, что он его не слушает.

Ильгам видел, что князь недолгобливает своего пастыря, но и обойтись без него, похоже, не может, иначе не стал бы возить за собой. «Если подумать, мы с тобой, князь, одного поля ягоды. Ты зять болгарский, а я — владимирский. А вот же воюем тем не менее», — размышлял он, исподлюбя наблюдая за священником.

— Так чего хочет от меня Салим-хан? — спросил князь, усаживаясь на чурбан. — Не дождется, небось, когда убежусь отсюда. Только с пустыми руками я отступать не собираюсь, эмир. Мои орлы много раз пытались взять крепость, я потерял более трех тысяч воинов. Вот и князь Изяслав со смертью борется. Рано ли, поздно ли, крепость я возьму, эмир.

— Хан одного желает, великий князь, чтобы вы ушли. Хан гневается не только потому, что вы явились на землю болгар с войной, а потому, что разорили земли эрзи и мокши.

— Пускай хан не гневается понапрасну, эрziu и мокшу я все равно подчиню себе. Не будет им вольного житья. Пуреш уже мой, а вскоре и Пургас падет к ногам моим. Короче, эмир Ильгам, князь Всеволод уйдет, если за каждого убитого воина получит по одному серебряному.

— Я передам твои слова великому хану, князь.

— Грека Антония оставь мне, — добавил Всеволод.

— Лекарь свободный человек, князь. Коль захочет, пусть остается. Как эмир я за него в ответе. А теперь послушай мое условие. Тебе должно быть известно: младший брат хана, а мой дядя Мухамметгалим-бек ушел в степи к Янтак-хану и женился на его дочери. Раньше дядя Мухамметгалим-бек претендовал на болгарский престол. Улуг хан ста-

вит условие: требование князя будет выполнено, если он уведет за собой и Янтак-хана, и бека болгарского.

Князь со священником стали совещаться. Условие хана, по-видимому, ставило их в затруднительное положение. Всеволод велел послу оставить их наедине. Удивительнее всего было то, что эмира позвали к князю только вечером.

— Эмир Ильгам, — начал князь, когда тот, войдя в шатер, сел на указанный чурбан, — я уважаю хана и тебя тоже. Решил я последовать твоему совету и сегодня ночью увести свои войска. Ханский лекарь Антоний поедет со мной. Залог ханский казначей пусть доставит к реке. Мы тут посоветовались, посоветовались да и решили, как и отцы наши, заключить с тюркской Булгарией мир. Буду ждать ответа, эмир Ильгам. Передай сию грамоту хану, в ней суть договора.

— Да простит меня Аллах, князь, я согласен, — сказал эмир Ильгам и поспешил со своими телохранителями к крепости.

Той же ночью кятиб Хафиз вместе с княжеским дьяком составили текст мирного договора на двух языках. Салим-хан подписал обе грамоты, а потом их отвезли князю. Одну бумагу оставили у него, а вторую вернули во дворец хана. Увидев грамоту, скрепленную особыми печатями великого князя и великого хана, ханбике Зубаржат разрыдалась, спрятав лицо на груди мужа. В глазах хана тоже блестели слезы.

Так князь Всеволод и хан Волжской Булгарии Салим заключили мирный договор, чтобы впредь жить дружно и вести мирную торговлю.

Князь Всеволод свое слово сдержал: той же ночью без лишнего шума, сняв осаду крепости, двинулся с оставшимся войском в сторону реки, чтобы, погрузившись в ладьи, покинуть болгарские земли. Эмир Ильгам сам отвез ему обещанные три тысячи серебряных монет. Лишь на рассвете, вернувшись домой, сказал отцу-хану:

— Радуйся, отец, князь урусов уже грузит свои войска в ладьи и уходит.

Прежде всего Салим-хан отправил гонца к Тубыкбаю, прятавшемуся на берегах Черемшана, с вестью о том, что русские сняли осаду и ушли, что под крепостью остался лишь хан Янтак со своим войском. Салим-хан приказал багадуру окружить кипчаков. Сам он еще до рассвета вывел в степь через Ногайские ворота все свое войско и взял стан хана Янтака в кольцо.

Кипчакский хан слишком поздно почувал опасность. Он пытался отбиться, но время было упущено, а потери оказались столь велики, что войско перестало слушаться своего

хана. Воины разбежались, спасая свою жизнь. Однако болгары не давали им уйти, преследовали незваных сородичей, рубили саблями, расстреливали из луков. К вечеру все было кончено.

Глашатаи не переставая кричали: «Булгарский хан вызывает на поединок брата своего Мухамметгалим-бека. Все, кто покинет бека, — от простого азата, унбаши, езбаши, менбаши — будут отпущены на свободу!» И вот воины Янтак-хана стали бросать сабли, луки со стрелами и сдаваться в плен. Сам Янтак вместе с верными своими людьми сумел вырваться из окружения и бежать. Азаты Тубыкбай-багадур бросились в погоню. Мухамметгалим-бек, у которого осталось всего две сотни воинов, тоже сделал попытку уйти вслед за Янтаком, но опоздал, его догнали и окружили кольцом. А глашатаи продолжали кричать: «Улуг хан Булгарии желает сразиться с братом своим. Кто победит, тому и быть на престоле!» Дошел клич и до Мухамметгалим-бека. Большинство его воинов стали переходить на сторону хана. В ярости бек стрелял в предателей из лука. Но стрелы тотчас полетели и в него самого. Мухамметгалим-бек вынужден был согласиться на поединок. Степные воины его, привыкшие покоряться сильнейшему, теперь открыто стали переходить к хану Салиму. Возле бека оставались лишь его телохранители.

— На чем драться будем? — закричал Мухамметгалимбек. Салим-хан выбрал копьа.

Ханские лучники оттеснили телохранителей от бека. Братья остались одни, друг против друга. И разделяло их расстояние в один перелет стрелы.

Салим-хан не страшился смерти. И за трон был спокоен, потому что знал: если даже проиграет, трон все равно не достанется брату — Ильгам углан не позволит взять. Ведь войско на его стороне. Хан хотел сказать об этом сыну, но решил промолчать — все было ясно и так. Он выбрал копьа неспроста. У тюрков испокон веков на поединках было принято сражаться на копьях. Еще в молодые годы в метании копьа ему не было равных, но и саблей он владел не хуже. В конце концов все в руках Аллаха. Хану было ясно одно: Мухамметгалим-беку не видать трона.

Когда рядом не осталось телохранителей бека с их лошадьми, конь под Мухаммедгалим-беком заржал, и в ржании его слышалась грусть — видно, чуяло животное, что навсегда расстанется о сородичами, с которыми вырос в одном табуне, пасся на одних же лугах. Тоскливое ржание лишь разозлило бека. Он сердито стегнул скакуна и помчался навстречу хану.

Хотя братья родились от разных матерей, кровь их была едина. Пролить кровь брата означает для мусульманина тяжчайшее преступление, однако кровавые споры между братьями за власть становилось делом обычным. И дурной пример этот раньше других показали миру сами же мусульманские халифы. То, что собирались сделать эти двое, можно было считать лишь продолжением не ими заведенного порядка.

Хан и бек в боевых доспехах: на них сплетенные из мелких железных колец легкие кольчуги с короткими рукавами, на головах шлемы, локти и колени покрыты латами. Оба, не договариваясь, надели одинаковые доспехи.

Проскакав половину пути, бек осадил коня, сбросил на землю колчан со стрелами, швырнул меч и взял в руки длинное копьё. Он знал, сколь искусен старший брат в метании копьё, но был уверен в себе.

Вот они начали съезжаться — хан и бек. Нет, не хан с беком, а брат с братом!

Все, затаив дыхание, следили за ними. Редко кому удается увидеть такое, ведь батыры редко выходят один на один.

Мухамметгалим-бек на всем скаку резко повернул коня, и тот, разгоряченный, некоторое время топтался на месте.

— Поглядите-ка, — шептались опытные воины, это он кровь коня так разогревает!

Салим-хан не гнал коня, приближался спокойной рысцой. Он давно не видел брата, лет двадцать, наверное. Странно, но в батыре, который гарцевал перед ним, он не увидел ничего, что напоминало бы ему прежнего Мухамметгалима. На него шел совершенно чужой человек. В молодости младший брат считался искуснейшим лучником, его даже величали мергеном.

Кто-то не сдержался и крикнул:

— Салим-хан победит, Салим-хан!

Но хан ничего не слышал, никого не видел, кроме брата. Когда сошлись совсем близко, Мухамметгалим неожиданно издал дикий грозный рев, словно он был не человек, а страшный див. Но Салим-хан не испугался, только вздрогнул от неожиданности. Он представил себе, как его копьё вонзается в грудь брата. Нет, убить он не сможет, ведь они братья! Хан с силой рванул узду вправо и поскакал к реке. Он не спешил. «Пусть догонит», — думал он, — пусть убьет». Увидев, что соперник бежит от него, бек почувствовал себя еще более уверенно и, погоняя коня, двинулся следом. Не доезжая до берега, хан развернулся и, приподняв копьё, пошел на брата. Расстояние между ними сокращалось очень быстро. Мухамметгалим-бек приготовился было метнуть

копье, но тут случилось неожиданное. Салим-хан остановил коня и воткнул свое копье в землю. Никто не понял, что произошло. Люди, наблюдавшие за поединком, поднялись на стременах, «Салим-хан бросил копье... Салим-хан не желает биться».

Мухамметгалим-бека это не остановило, он продолжал наступать на соперника, полный ненависти и боевого задора. Поступок брата он расценил как малодушие, которое вызвало в нем лишь презрение и злость. Вот он поднял копье, чуть откинулся назад... Тут в воздухе послышался звон, и стрела с перьями, окрашенными в кровавый цвет, вонзилась Мухамметгалим беку в спину. Тот дернулся, словно на него накинули аркан, и вместе с копьем тяжело рухнул на землю. Его конь застыл на месте, а потом, вытянув шею, обернулся на хозяина и коротко, будто сердясь, заржал.

Все произошло как во сне. Хан видел, как, нарушая законы степи, кто-то из телохранителей убил его брата. Но кто?

— Кто посмел застрелить бека?! — гневно закричал Салим-хан. Взяв себя в руки, он искал глазами того, кто мог это сделать.

Все молчали.

К отцу подскочил эмир Ильгам.

— Атам, ведь он мог заколоть тебя! — закричал он.

— Так это был ты? — спросил хан. — Ты выпустил в него стрелу?

— Нет, не я, атам, это сделал собственный телохранитель Мухамметгалим-бека.

— Тамга на стреле есть?

— Мы это проверим, атам.

— Найдешь виноватого, веди во дворец! — приказал Салим-хан и, прищиприв коня, помчался прочь.

Когда хан входил во дворец, мысли его уже приняли иное течение. Если бы брата не застрелили, на его месте теперь лежал бы он, Салим-хан. Он даже представил себя лежащим с копьем в груди, и ему стало не по себе. В тронном зале с удивлением увидел визиря Камая.

— Так ты жив?! — радостно воскликнул он.

— Жив, мой хан. Я отдал ему перстень.

— Мухамметгалим-бек погиб, визирь, — сказал Салим-хан, устало опускаясь на трон. — Бек погиб, а Янтак-хан бежал.

— Я рад, что князь Всеволод ушел, — сказал визирь Камай.

— Да. Повелеваю, визирь мой, с почестями похоронить Мухамметгалим-бека в ханской усыпальнице. Сделать все, что в таких случаях положено.

— Слушаюсь, хан.

Визирь вышел, а хан, удобнее устроившись на троне, задумался. Перед глазами снова возник брат со стрелой в спине. Вспомнилось сердитое ржание его коня. Надо же, скотина тоже понимает, что хозяина больше нет... Да, они были братьями. До четырнадцати лет росли вместе. Потом отец в честь совершеннолетия каждому подарил по сабле с кинжалом и по кожаному ремню. Мухамметгалиму, правда, еще не было четырнадцати, но отец не хотел его обидеть, доспехи подарил тоже. Об этом долго судачили во дворце, уверяли даже, что великий хан завещает свой трон Мухамметгалиму; другие возражали, говоря, что судьба трона не в руках хана, а в руках Аллаха.

Салим-хан мечтал о власти уже с детства. Став болгарским ханом, он постарался отправить брата подальше от дворца, дал ему сперва город Суар, потом перевел в Саксин. Дружба между братьями постепенно сошла на нет. Позже Мухамметгалим бек женился на дочери Янтак-хана и навсегда покинул Булгарию, обобрав напоследок торговцев города и отняв у саксинского тархана казну. Салим-хан собирался наказать брата, напасть на хана Янтака, но Якуб-бек из города Брахимова остановил его, говоря:

— Сестры повздорят — семье конец, братья дерутся — стране конец.

Хоть руки и чесались проучить негодника, Салим-хан все же послушался аксакала, не стал воевать. Зато степной хан сам явился с войной. Однако Аллах вон как разрешил их судьбу.

Пришел багадур Таймас.

— Великий хан, поздравляю с победой! — сказал он.

— Победа Булгару далась нелегко, багадур. Скажи, почему эмир Хаджи не пришел к нам на помощь?

— Эмир Хаджи с Джиком Мергеном сожгли семь ладей урусов, отняли много оружия, хан.

— Правда ли то, что ты говоришь, Таймас-багадур?

— Правда, мой хан. Эмир убил езбаши урусов, охранявшего ладьи, а людей его взял в плен.

— Почему же князь Всеволод не отправил за ним погоню?

— Вот это я не знаю, мой хан. Говорят, князь возле города Брахимова даже задерживаться не стал. Тархан Якуб-бек якобы отделался от него выкупом.

— Позвать Якуб-бека во дворец! — распорядился хан. — А ты, мой славный багадур, ступай отдохни.

Салим-хан надеялся найти покой у себя во дворце, но покоя все не было: Мухамметгалим не шел из ума. Память

невольно возвращала хана в далекое беззаботное детство, когда они с братом так любили играть вместе. После сегодняшнего поединка хан вдруг по-новому стал смотреть на многое в их отношениях. Нет, он вовсе не собирался оправдывать себя. Когда разногласия и ссоры между ними переросли во вражду, пришлось отправить Мухамметгалима подальше. «Буду спокойно править страной и народом один», — думал он тогда, но жизнь готовила испытания одно суровей другого. Частые набеги на Булгарию Владимиро-Суздальского князя, которому не давал покоя город Бряхимов, и эта осада, которая тянулась неделями. Каково было знать, что брат твой на стороне врага? Разве это не доказательство того, что, прогнав брата, он совершил ошибку? Сам сделал из него врага? Всякий раз, поднявшись на крепостную стену и глядя в сторону осаждавших, он представлял среди них Мухамметгалим-бека. Если бы брат со своим войском был на его стороне, удалось бы избежать многих потерь. Но поздно сетовать — что было, то было. Князь Всеволод держал город в осаде, а Янтак с единственным братом Салим-хана помогали ему. Вот тогда-то хан и осознал свою ошибку. Но теперь что толку раскаиваться и печалиться, хоть головой об стенку бейся, все равно не поможет. Родственные узы были давно разорваны, они с братом стали чужими. У Янтак-хана, понятно, были свои интересы: он собирался посадить зятя на болгарский трон. А князь явился лишь для того, чтобы пограбить великий город. И ушел тотчас, как только получил свое. От степного хана отделаться было бы нелегко. Этот не собирался уходить, не добившись своего. Он рассчитал верно: народ не стал бы возражать против Мухамметгалим-бека, ведь он тоже сын хана, и у него те же права, что и у Салима.

В душе Салим-хан все время надеялся, что Мухамметгалим-бек вспомнит, кем они друг другу доводятся, образумится и придет к нему. Нет, не пришел. Даже во время поединка надеялся, что брат последует его примеру, бросит копьё. То была последняя возможность для примирения, но брат не воспользовался ею. Салим-хана разозлило такое упорство, и он готов был снова схватить свое оружие. В голове вертелись слова: «Ты так ничего и не понял, глупец!» Их разделяло всего несколько шагов, когда в спину Мухамметгалима впиалась чья-то стрела. «О Аллах, как хорошо, что ты есть!» — подумал хан, потому что ему не пришлось стать убийцей собственного брата. Если бы он пролил родную кровь, ему этого не простили бы ни народ, ни ханбике, ни родственники, и прежде всего, он сам. А сейчас хан чист, совесть его чиста, но горечь на душе все же осталась. Надо успокоиться, ведь

спор в конце концов разрешился. Но как мог он столь необдуманно вызвать брата на поединок? До самой смерти он будет чувствовать свою вину, покоя ему не видать. Дети, внуки Мухамметгалим-бека не забудут об этом, не забудет его вины и народ Булгарии. А плохая слава, как известно, убивает самые благие дела. Заслуги запятнавшего себя человека не стоят ни гроша.

Желая прогнать мрачные мысли, Салим-хан поднял голову и посмотрел на своего кятиба.

— Ты, кятиб, все записываешь в свою книгу? Пиши, пиши, — сказал с усмешкой. Он был благодарен своему секретарю: тот отвлек его немного от горестных раздумий.

9

Джик Мерген поселился с женой Зайтуной в доме мастера Даурана. Утром его вызывал к себе эмир Хаджи, который беспокоился за Даурана. Хотя мастер вооружен и кони у него лихие, мало ли что могло случиться в пути? Джик Мерген еще вчера послал Мамака, Артыка и Зайтуну, чтобы вызволили Назлыгюль из рук ханских охранников, но сообщить об этом ее брату не решился: эмир мог испортить дело, вернуть, например, сестру хану. Джик Мерген к тому же не очень-то верил, что его людям удастся похитить Назлыгюль. Ведь увезти ее от отца будет совсем не просто. Хорошо если все получится, как было задумано, а пока он велел спрятать ее в резиденции эмира.

Багадур опустил на саке и задумался. За последние два-три дня произошло так много событий, что разобраться в них было нелегко.

В дверь постучали. Багадур нехотя пошел открывать. В сени шумно ввалились Артык с Мамаком.

— Назлыгюль в Казани, багадур! — доложил, ворвавшись к нему первым, сотник Артык.

— А Зайтуна где?

— Осталась с Назлыгюль, хотя и очень хотела видеть тебя, — ответил Мамак.

Когда джигиты, перебивая друг друга, поведали, как им удалось выкрасть Назлыгюль у ханских азатов, Джик Мерген сказал, обращаясь к Артыку:

— Надо ехать к Якуб-беку, с гонцом пришло сообщение, мастер Дауран у него, что он готов отправить его в Казань.

— Мне ехать сегодня, багадур?

— Завтра поедешь. С утра. Будь осторожен, в тех краях на кого угодно можно нарваться. Возьмешь с собой сотню во главе с Шигапом.

— Слушаюсь, багадур. Ханскую дочку мы вернули, осталось найти мужа ее, — улыбнулся Артык.

— Дело непростое, Артык. Мастер мог угодить в руки князя. За такого умельца князь и сотни храбрецов не пожалеет.

— Ханы с князьями всегда сталкиваются, это нам не везет. Ты вот женился, багадур, а я все один-одинешенек, — сказал с ехидцей Мамак.

— Так женись! Кто тебе мешает? Мало ли у нас вдов?

— Хорошо бы, как Бачман-багадур, влюбить в себя какую-нибудь байбиче!

— Что ты мелешь, Мамак?! Заруби на носу: бике уехала сына повидать. Шейх Татеш из Ургенча вернулся. Салим-хану сказал, что видел ханского внука Гали. Парень там шейхом и хафизом стал! В медресе самого шаха учителем служит.

— Все, все, багадур, беру свои слова обратно. Выходит, бике на поиски сыночка отправилась? Я ведь только повторил то, что слышал. Длинные языки болтают на базаре, будто она с Бачман-багадуром сбежала. Выходит, мамаша сыночка ищет, а он здесь, в великом городе прохлаждается, только людям на глаза не показывается. Мне об этом ханский го-нец рассказал.

— Да ты забыл, что ли, кто ты есть, Мамак?! Ты сотник или простой воин? Что-то ты болтливый стал, друг мой.

— А что, разве грех с любимым бежать? — пришел на выручку товарищу Артык. — Мне, к примеру, наложница эмира Чулпан нравится. Вот на ней я бы с радостью женился, да ведь эмир не позволит.

— Ладно, оставим это, есть дела поважней. Хочу посоветоваться с вами. Как думаете, сказать эмиру, что Назлыгюль в Казани?

— Это уж ты сам решай, багадур. Верно, Артык? — сказал Мамак, ставя на стол блюдо с мясом.

— Не знаю, как быть. У эмира и без того душа не на месте. Оно и понятно: жена уехала, отец чуть город не разнес. А теперь, когда Всеволод убрался, хан может вернуться сюда с войском.

— Булгары опять на булгар пойдут?

— Мы — воины эмира, Артык. Наше дело — защищать его земли, города и аулы.

— О Аллаха! Что делается в этом мире...

— Поменьше языком болтай. А Салим-хан после набега урусов, небось, не оправился еще. Один раз ожегся, во второй раз, думаю, не сунется к нам... Твое дело ясное: доставить Даурана, даже если камни с неба падать станут.

— Понятно, почему эмир так усердно разыскивает мастера, — заговорил Мамак.

— Ну да, — отозвался Артык, — ведь подземные пути под Шайтан-Кала мастер Дауран проложил. И не только там — в Казани начал копать.

— Мне не ведомо, для чего нужен подземный ход, Артык. Знаю одно: мы должны найти мастера. Ханская дочь неспроста в Казань приехала, если Аллаху будет угодно, она скоро сына родит... Сдается мне, что хан не придет сюда с войной. Похоже, и эмир Хаджи на это надеется.

— Еще не известно, кого родит Назлыгюль, мальчика или дочку, на то воля Аллаха.

— Вот увидите, будет мальчик, — заявил Мамак.

— Ладно, как бы там ни было, что бы ни случилось, мы сохраним верность эмиру Хаджи, — сказал Джик Мерген. — Я надеюсь на вас.

— Мы с тобой, багадур, — заверили оба приятеля.

10

— Дауран думал, что уже не дождется, когда ему дадут воды. Ее принесли только на другой день к вечеру. Он с жадностью осушил ковш и, почувствовав сильное головокружение, не удержался на ногах.

— Что это с ним? — удивился один из стражников. — Напился и бух! — упал!

— Якуб-бек выпустить его велел, — сказал другой и полез в яму. — Очухался, вроде! Ну-ну, вставай, уста. Сперва поешь, а после поговорим.

Дауран с трудом сел. На доньшке тарелки было немного пшенной каши. От запаха пищи у него снова закружилась голова.

— Да не спеши ты, — сказал стражник. — Чаю хочешь? Может, тебе кумыса дать?

Дауран ел молча. Через некоторое время сел прямее, сотворил молитву, поблагодарил стражников.

— Ты того... Из спасибо шубы не сошьешь...

— Хочу видеть Якуб-бека, — сказал Дауран, не дослушав говорившего.

— Еще увидишь, уста, его пока дома нет. А покуда с нами поговори. Если надо чего, скажи. Так чего желает мастер эмира Хаджи?

— Ты откуда знаешь меня?

— Ты что же, сам не помнишь, кто ты? Ты же зять самого улуг хана! Тебя тут люди князя урусов искали. Если бы

нашли, не оставили бы. Им ведь тоже города строить надо. Якуб-бека про тебя спрашивали. Да разве старая лиса отдаст им такого, как ты! Да он их даже в город не пустил. Один Аллах знает, чего князю наплел!

— А верно ли, что жена моя пропала?

— Еще бы не верно, ха-ха—ха! Когда у Салим-хана дочку во второй раз выкрали, он бороду на себе рвал и клялся: если поймает того, кто посмел это сделать, с живого кожу сдерет. Говорят, он за дочь кучу золота отвалить обещает! А дочка как сквозь землю провалилась. Вечером привезли, а утром ее уж и след простыл. Вот ведь какие ловкачи на свете бывают, уста Дауран. Из запертой комнаты ее разве уж сам шайтан мог выкрасть. Вроде, никто туда не заходил, а утром хватились — тю-тю! — уже упорхнула! Служанка на месте, спит, а госпожи нет. Ну разве не чудо это!

— При чем тут шайтан? Глупости говоришь, — сказал Дауран.

— Лучше не прикидывайся, будто не знаешь, — без шайтана тут не обошлось! Это и дураку понятно! Если бы не было шайтана, люди в Шайтан-Кала не пропадали бы. Кто ж их в реке топил, как не шайтан?!

— И в Шайтан-Кала никаких шайтанов нет, караулбаши*.

— Постой-ка, постой, что-то тут не так! Башню-то ведь ты построил, уста Дауран, и крепостную стену ты укрепил. Вот и получается, или ты сам шайтан, или с ним заодно. Ага, попался! Ты и есть тот человек, который ханскую дочь украл! Подговорил шайтана, он и унес.

— Да не болтай ты чепухи, караулбаши!

— А ведь тебя видели с шайтаном, уста. Думаешь, отчего это Якуб-бек тебя в яму бросить велел? А чтобы шайтану не доложил. Мне, караулбаши Ташкари, спасибо сказать должен за то, что вытащил тебя, накормил, напоил... Эй, Бакырбай, еще кумыса мастеру!

Дауран не слушал стражника, он думал о жене. Что же получается? Неужели эти двое и вправду считают, что Назлыгюль шайтан увел? И для чего они вытащили его из ямы, чего хотят? Сами же говорят, что Якуб-бека дома нет. Выходит, за него теперь эти двое в ответе?

Дауран вышил кумыс, вытер губы тыльной стороной ладони и взглянул на Караулбаши.

— Отпусти меня, — сказал он, — я в долгу не останусь. Ты же знаешь, я — зять хана. Ханская дочка ждет ребенка. Вот и выходит, что хану деваться некуда, рано или поздно

* Караулбаши — начальник стражи.

он признает меня. Я полный кошелек золота дам, только верните лошадей и оружие. Ну что, по рукам? Думаете, у меня золота нет? Да я же тот человек, что построил для хана и эмира не один дворец.

Дауран вытащил из нагрудного кармана кошелек и прикинул на ладони. Хорошо еще, что золото у него не отобрали.

— Ну, решай, караулбаши! Договорились, что ли?

Ташкари покосился на своего подчиненного, тот только глазами хлопал от удивления.

— Ладно, по рукам, мастер! Ты, Бакырбай, ступай, лошадей седлай, а оружие я ему сам отдам.

Дауран положил кошелек на ладонь стражника, все еще не веря в свое освобождение.

* * *

Дьяк Ивашка не покидал шатер Якуб-бека, не шелохнулся даже тогда, когда князь Всеволод погрузился со своим войском в ладьи. У Якуб-бека и в мыслях не было противостоят урусам. Ему ли тягаться с силой, какую привел с собой князь? Он спокойно, не спеша вел через дьяков переговоры и добился-таки своего: враги не тронули его крепости. Только дьяк Ивашка с тысячью воинов торчал, как бельмо в глазу. Цель у него одна — получить кузнеца Бакира и зодчего Даурана. Ивашка так и заявил, что с места не сойдет, пока Якуб-бек не отдаст ему мастеров. Старик уверял, что этих людей у него нет, что он вообще никогда не имел с ними дела, но дьяк и слышать ничего не желал. «Если захочешь, ты их из-под земли достанешь», — упрямо твердил он. Даже тысячу алтынов предлагал за умельцев. Якуб-беку было нелегко, он употребил все свое красноречие и терпение, чтобы избавиться от назойливого княжеского слуги, наконец, предложил:

— Поезжай-ка ты в Шайтан-Кала, может, там тебе больше повезет. Провожатых я дам.

Дьяк посоветовался с головой дружины князя и согласился. Якуб-бек понял свою ошибку лишь после того, как дьяк отбыл со своей дружиной. Он вызвал гонца и приказал скакать к эмиру Хаджи с вестью: «Будь осторожен, князь направил в Шайтан-Кала свою дружину». А сам решил вернуться в свою крепость и предупредить народ, чтобы запаса на всякий случай едой. «Мы можем оказаться в осаде», — думал он.

Лето Якуб-бек обычно проводил на пастбищах — джай-ляу, возле своих отар, но на этот раз из города никуда не мог отлучиться. Год выдался несчастливый — много слез наглотался после набега урусов. Говорят, даже торговцы, прибывшие из Ургенча и Хаджитархана, узнав об их беде, по-

вернули обратно. Хорошо, если до Казани дошли, — эмир Хаджи не позволил бы им пройти мимо. Казань со временем вполне сможет стать крупным торговым городом и заменить базар города Калачык. Дался же князю урусов этот Калачык! Хочет забрать город себе, говорит, что треть торговцев в нем — его люди. Что ж из того? Город-то еще Салим-хану принадлежал.

Якуб-бек с помощью стремянного сел на коня, окинул взглядом окрестности.

Доверимся милости Аллаха, поедем в город, — сказал он менбаши, который не спускал с него глаз в ожидании приказаний.

Отъехали недалеко, когда их настиг гонец. Бек остановил лошадь.

— Что нового, Халиль?

— За нами какие-то азаты скачут.

Бек подозвал к себе сотника, приказал:

— Узнайте, что за люди!

Десять всадников повернули назад и поскакали навстречу преследователям. Сошлись, поговорили и помчались назад.

— Якуб-бек, это менбаши эмира Хаджи, тебя ищет.

Якуб-бек решил подождать менбаши. Отряд вскоре прибыл. Военачальник вежливо приветствовал бека, ожидавшего его, сидя в седле.

— Привет твой принят, что дальше, говори!

— Аксакал, мне надо потолковать наедине с вами.

— Как зовут тебя? Кому служишь?

— Звать Артык, служу эмиру Хаджи, аксакал.

— Так, так, а теперь говори, зачем пожаловал. А вы отойдите в сторонку, — обратился он к своим телохранителям, обступившим его со всех сторон.

— Аксакал, багадур Джик Мерген передает вам привет.

— Выходит, я верно слышал, что Джик Мерген у эмира Хаджи багадуром стал. Дальше что?

— Аксакал, эмир Хаджи и Джик Мерген глубоко чтят вас, поручили мне передать большую просьбу.

— Ну, ну, не тяни же, дело-то в чем?

— Аксакал, когда Булгар был в осаде, эмир Хаджи со своим войском сжег лабды русского князя, а охранников взял в плен...

— Ты, менбаши Артык, уж не собираешься ли крепость мою взять?

— Аллах да сохранит меня от такого безумия, аксакал! Эмир сказал про вас: «Якуб-бек — великий человек, достойный самого глубокого уважения. Ему стало известно, что уста Дауран теперь в ваших руках...

— А-а, ну, наконец-то! Так вот в чем дело. Орехи-то, оказывается, на лице растут! Так. Ну, а дальше что?

— Мне приказано вернуть уста Даурана в Казань-Кала. Без него мне приказано не возвращаться.

— Ты, видать, храбр, хвалю, но ведь и я не лыком шит. Хочешь, в поединке решим, кому он достанется, этот мастер — золотые руки.

— Мне, аксакал, негоже кровь ближнего проливать. Ну, а если до крайности доведете ...

— Угрожаешь! Хе!.. Ладно, что с тобой поделаешь. Пролить кровь ближнего и в самом деле грешно. За то, что со стариком заносчиво разговариваешь, надо бы тебя камчой по спине проучить, да ладно уж, горбатого, как говорится, могила исправит. А теперь послушай меня. Эмир, говоришь, приказал? Ну, а я, менбаши, так тебе скажу: уста Даурана сам хан приказал мне беречь как зеницу ока, глаз с него не спускать. Понял? Так кто же теперь из нас двоих на него больше прав имеет? А?

— Аксакал, если был груб, заносчив, простите, не держите за то зла на меня. Только я никак не могу предстать перед эмиром Хаджи без мастера. Не дадите добром, придется сразиться!

— А ты лихой багадур. Ладно, жизнь еще обтешет тебя. Твоя взяла. Дайте мне бумагу и чернила! — Якуб-бек быстро написал что-то, приложил печать и протянул бумагу Артыку. — Уста Дауран в тюрьме. Покажешь записку и можешь забрать его. Только оставь мне двух своих азатов. Это мое условие. Так надо.

Артык кивнул. Он взял разрешение, спрятал за пазухой и, погоняя лошадь плетью, помчался со своим отрядом к крепости.

— Тысяча азатов за одним мастером, — сказал бек стоявшему рядом телохранителю. — А парень-то ничего, решительный. Такой ни перед чем не остановится, камень головой пробьет, если нужно.

— Бек, Даурана сегодня утром все равно должны были отпустить, — напомнил один из телохранителей.

— Знаю. Промолчал, потому что не хотел испортить ему настроение. Такой все равно найдет мастера. Так это вас мне оставили? — спросил он, подзывая к себе кнутовищем двух азатов. — Вот что, джигиты... Тебя как звать?

— Салим, — ответил тот, что подъехал раньше.

— А тебя?

— Лачын.

— Салим и Лачын. Очень хорошо. Возвращайтесь-ка к эмиру Хаджи да скажите ему: Якуб-бек, мол, отпустил твоего мастера. Скажите. Счастливого пути!

Аксакал некоторое время смотрел вслед быстро удалявшимся всадникам, потом неожиданно признался:

— Когда-то и я так же вот лихо скакал! А сейчас уже не то.... Так что радуйтесь, джигиты, пока молоды. Ну, тронутись, не то бойкий приятель камня на камне от нашей крепости не оставит.

11

По расчетам Даурана выходило, что эмир Хаджи должен быть теперь в Шайтан-Кала. Если Назлыгюль похитили люди Джик Мергена, то и она, скорее всего, там. Потому что трудно подыскать более подходящее место, чтобы укрыть ханскую дочь от посторонних глаз. Вот почему он решил начать поиски оттуда. Едва оказавшись на свободе, Дауран поспешил в Шайтан-Кала. Самое главное, он на воле! А значит, найдет свою ненаглядную.

Дауран с двумя лошадьми спустился к парому. Заплатив перевозчикам, выбрался на другой берег. Он целый день был в пути, вечером остановился, чтобы дать лошадям передохнуть и пощипать траву. Только собирался повернуть к ручью, как увидел на дороге ханских азатов. Они его тоже заметили. Дауран попытался уйти, но усталые лошади плохо слушались. Преследователей было много, пришлось остановиться.

— Куда путь держишь, странник? — опросил ехавший во главе отряда унбаши.

— В Шайтан-Кала.

— Куда, куда? — не расслышал подоспевший езбаши. На нем была красная стеганая одежда, на шлеме четыре пера, в руке плетка. Нет ни лука, ни колчана, лишь сабля на левом боку в украшенных резьбой ножнах. Сам чернобровый, смуглый, губастый, носатый. Говорил громким густым басом.

— Отнять у него одного скакуна! — приказал он своим азатам. Разве не видите, райская птишка сама залетела в наши сети. Перед вами зятек хана!

— Зять самого хана?! — те не верили ушам своим. Да и как поверишь, если человек с круглой бородкой, с мечом на поясе, державший под узцы двух лошадей, мало походил на ханского зятя? Но если езбаши говорит, значит так оно и есть.

— Аллах сам подарил его нам, азаты. Если этого человека целым и невредимым доставим во дворец, нам обязательно кое-что перепадет от хана — если не золотишко, так серебро... А ну, погоняй свою лошадь, ханский зять! Мы проводим тебя в Булгар.

— Сперва к кузнецу Бакиру проводите.

— А что, Шайтан-Кала — вон он, рукой подать, а Кашан и

вовсе в версте отсюда. Пожалуйста. А ты, гонец, давай вперед скачи, чтобы нас с открытыми воротами да со спущенным мостом ждали. Как-никак ханский зять едет! Так и скажи там.

Не везло мастеру. Он и так и эдак прикидывал, не удасться ли сбежать. Было ясно, он снова в цепких руках. Может, в Шайтан-Кала случай подвернется? Ведь сам построил этот город, все ходы-выходы в нем знает, с закрытыми, глазами пройдет. А вдруг люди Джик Мергена там? А то и сам эмир Хаджи? Уж он-то ни за что не отдаст Даурана хану.

Вдали показался Шайтан-Кала со своей зловещего вида башней. Вот уж где его точно никто не нашел бы. Но как попасть в эту башню? Может, мастер Бакир поможет? Вдвоем пойдут в башню, а уж как выбраться из нее, он знает.

С такими мыслями Дауран подъезжал к городу.

Главный привратник выполнил распоряжение езбаши — мост был опущен, ворота открыты. В крепости Дауран сказал начальнику сотни:

— Я к мастеру Бакиру, — и хотел было пойти, но тот не позволил.

— погоди, ханский зять. Мне мастер тоже нужен.

Езбаши пошел впереди узкими улочками мимо лачуг ремесленников, пока не пришел к добротному дому в два этажа, в котором жил уста Бакир. Хозяин, будто зная, что к нему идет Дауран, встретил их на крыльце и заключил друга в объятия.

— Кого я вижу, уж не сон ли это?! Какими судьбами? — вскричал он и, обнимая гостя, шепнул ему на ухо: — Эмир Хаджи в Кашане.

* * *

В Брахимов Артык прискакал во второй половине того дня, когда Дауран был выпущен на свободу. Потрясая грамотой, выданной ему Якуб-беком, менбаши крикнул начальнику стражи, что приехал за мастером Даураном. Ворота открылись, отряд впустили в крепость. Артык показал бумагу стражникам и поскакал ко дворцу. Ташкар поджидал его на крыльце.

— Караулбаши, выдай мне уста Даурана, вот грамота Якуб-бека!

Стражник взял бумагу, повертел в руках.

— Менбаши Артык, я слышу тебя, уважение мое к тебе велико, только опоздал ты. Сбежал твой уста.

— Как это сбежал?

— А вот об этом ты у него сам спросишь, когда найдешь.

Выставил окошко тюрьмы да и был таков. Коли не веришь, сам погляди.

— Да ты не сомневайся, караулбаши, грамота верная, тебе ведь знакома печать бека?

— И подпись, и печать его я узнаю с закрытыми глазами. Ничем не могу тебе помочь, ханский зять и вправду сбежал.

— Сбежал или вы помогли ему?

— А уж это не твоя печаль, менбаши, этим Якуб-бек сам займется. А грамоте я верю, тут сомнений нет.

— Я хоть из-под земли достану мастера, но если ты прячешь его, караулбаши, и хочешь провести меня, знай, что ты играешь с огнем! От гнева Артыка еще никто не спасся. Я и на том свете найду тебя!

— Аллах с тобой, менбаши, да провалиться мне на этом месте, сбежал ханский зять! Говорю же, выставил окно да и...

— И куда, думаешь, отправился?

— Вот об этом он не сказал, менбаши, потому что никто его не видел.

* * *

Друзья весело беседовали — давно не виделись. Езбаши под разными предлогами выходил из дома, перебрасывался незначительными фразами с женой кузнеца, всем своим видом показывая, что ему совершенно неинтересен разговор двух мастеров. Но и того, что он услышал, было вполне довольно. Из их беседы он понял, что эмир Хаджи был здесь, но уехал; что приезжал с молодой женой. Жена эмира оказалась образованной, скромной и красивой женщиной.

Подкрепившись, собрались в дорогу. Мастер Бакир пошел проводить друга до городских ворот. Езбаши не отставал от них ни на шаг. Как тут к башне подойдешь? Дауран только собирался шепнуть другу о своем плане, как шагавший сзади езбаши неожиданно вмешался в разговор.

— Не придется тебе, уста, по башням лазить — я сегодня же должен доставить тебя к хану. — Потом поклонился Бакиру и сказал: — За гостеприимство спасибо. А ты, уста, извини нас.

Друзья переглянулись. Дауран пожал на прощание Бакиру руку.

— Ладно, — сказал он, — будь что будет, — и вскочил в седло.

Выехав из крепости, погнали лошадей рысцей. Езбаши все время ехал рядом с Даураном. Когда половина пути осталась позади, начало темнеть. Езбаши приказал дружке остановиться и готовиться к ночлегу.

— Ты же сегодня собирался сдать меня хану? — напомнил Дауран.

— Хан, наверное, уже спит, уста. Не будем торопиться. Спешить надо, когда за зайцем гонишься. Да и лошадям передохнуть пора. Нет ночлега лучше, чем у реки. Сейчас кумыс пить будем, казан подвесим.

Дауран никуда и не спешил. Ему бы только разузнать что-нибудь о Назлыгюль. Почему-то казалось, что езбаши знает что-то. Известно ли ему, где его жена? Может, Салимхан нашел ее? Назлыгюль ребенка ждет. Что, если хан узнал об этом? И вот теперь к хану везут его самого. Неужели Назлагюль у отца. Нет, это не похоже на правду. Если бы Назлыгюль была во дворце, для чего тогда понадобился зять? В таком случае хан скорее приказал бы найти Даурана лишь для того, чтобы убить. Разве можно простить раба, посмевшего жениться на дочери хана?! Мастер Бакир намекал, что Зайтуна находится при Назлыгюль. Но верно ли это? Зайтуна, как и Назлыгюль, готовится стать матерью. Зайтуна, которая в скачках не уступала мужчинам... Неужели Назлыгюль вернули отцу?

Он лежал, положив голову на седло, и не заметил, как задремал, а когда открыл глаза, увидел, что езбаши протягивает ему большой кусок мяса.

— Сперва поешь, уста, после спать будешь. Лук с солью перед тобой.

Сидя у костра, Дауран поглядывал на носатого езбаши. Он даже имени его не знает. Зато не сомневается, что человек этот непременно выполнит волю своего господина — доставит Даурана к хану, если даже с неба камни посыпятся, а получив вознаграждение, тут же забудет о том, что сделал.

— Скажи-ка, езбаши, сколько хан платит тебе за службу?

— Мне хватает, уста. Хотя в меде да в масле не плаваю, но, слава Аллаху, голодным не сижу.

— Как думаешь, езбаши, для чего я понадобился хану?

— А это уж ты у него узнаешь, уста. Таймас-багадур приказал мне доставить тебя, что я и делаю с помощью Аллаха, а остальное — не моя забота.

— У тебя жена и дети, наверное, есть? — спросил Дауран, опустив глаза.

— Есть жена, есть и дети, уста. Была бы доска, гвоздь уж точно найдется. Старший сын в ханском медресе учится. Если Аллах позволит, будет учиться и дальше, пока муллой не станет. — Езбаши огляделся по сторонам и понизил голос: — Слышишь, уста, Гали углан, на костях которого будто бы город Казань построен, жив! Народ так говорит. Вот чудо-то! Живехонек! Святым оказался. Аллах, сказывают,

взял его к себе, поддержал малость, а теперь вот вернул миру, мудрецом сделал. Слышно, байты какие-то сочиняет. Люди видели, как он в главной мечети намаз творил. А ведь мальчишкой его Салим-хан в основание города закопать приказал. Так говорят.

— Сказка это, красивая сказка. В основание города, езбаши, собака была зарыта, говорят. Город Казань до Салим-хана был, его, говорят, еще в древние времена какие-то дивы основали.

— Какие дивы, уста? Ну их! Скажи, шейх Гали на самом деле в Хорезме жил. Его будто монголы захватили, но болгарские купцы выручили... Скажи, не чудо! Внук хана жив! И город Казань, по-твоему, дивы построили. Они, говорят, помогают только святым, избранным людям.

— Выходит, Гали безгрешным ребенком был, езбаши. А мы с тобой грешники?

— Может, ты и грешник, уста, а я себя таким не считаю. Я честно служу стране и хану, на полюбившейся девушке женился, намаз творю аккуратно. Да и пост в уразу соблюдаю, жене не изменял. Некоторые вон по два, по три раза женятся. Пророк наш Мухаммет до четырех жен иметь разрешил. Но, думаю, разрешил оттого, что деваться ему было некуда. Арабы — воинственный народ. А на войне кто в первую очередь гибнет? Мужчины. Остаются женщины, много их. А для новых войн мужчины нужны. Потому пророк Мухаммет и вынужден был сказать: женитесь, мол, на трех, четырех женщинах, мне воины нужны. Вот и женились. Но пророк поставил одно условие: женись, если жен своих прокормить сможешь, одевать, содержать. А не можешь, так и не прикасайся к женщинам. Вот как у арабов-то было, уста. Глядя на них, наши болгарские мужчины тоже хотят иметь много жен. Но у них кишка тонка... Эмир Хаджи, слышно, снова женился? А чего ему не жениться? В Кашане у него один дворец, в Казани второй. Акбике-то сбежала от него. Говорят, с Бачман-багадуром сбежала.

— Акбике эмира Хаджи вовсе не сбежала с Бачман-багадуром, езбаши. Она уехала в Хорезм сына искать.

— Ха, сыну сколько лет, да самой сколько? Не говори глупости. Они с Бачман-багадуром с юных лет любили друг друга, уста. Уж больно ты доверчив, как я погляжу. И как такого ханская дочка полюбила? Впрочем, кто ж их поймет, женщин этих, — они же джинам да пери сродни, святого человека за версту чуют. И пригожего притом. Ты вон ведь какой из себя — ладный да приятный, Гайсы-пророка ничем не хуже. Видел я образ Гайсы-пророка. Как брали мы город Муром, тут же, в церкви, и видел. От пола до потолка —

таким нарисовали. От пестрых красок в глазах рябит. А сидит как живой, кажется, сейчас вот встанет и пойдет или скажет что-нибудь. Урусы перед ним на колени встают и крестятся. Думают, что через рисунок к Аллаху обращаются. Да разве ж рисунок может быть Аллахом?!

— Давай спать, езбаши.

— Ладно, уста, будем спать. Только не гневайся, я тебя к себе привяжу. Для спокойствия. Если сбежишь, уста, старшему моему сыну больше не видать ханского медресе. Да и меня самого вряд ли оставит служить дворцовому военачальнику Таймас-багадуру. Ты уж прости меня.

Езбаши крепко привязал руку мастера к своей руке и тут же захрапел.

* * *

Когда подъезжали к Булгару, их встретила группа всадников. Впереди ехал Таймас-багадур.

— А-а, — крикнул он, приближаясь, — рад видеть тебя, ханский зять! Здоров ли, уста Дауран?

— Слава Аллаху, багадур. Только в толк никак не возьму, для чего я дворцовому багадуру понадобился?

— Так ты же зять хана, как же такой важный человек может не понадобиться! Хан велел привезти тебя во дворец, и я тебя к нему доставлю живехонького, мастер, живехонького.

— Видно, ради дочки старается, вдовой сделать торопится.

— Да нет, ради тебя самого, уста. Старееет хан. А зять где-то города возводит. Давай веселей погоняй, уста, хан ждет тебя, — сказал Таймас-багадур и подбодрил коня мастера Даурана плеткой.

Городские ворота оказались открыты. Таймас погонял сразу двух коней — своего гнедого и коня мастера — и те, словно связанные друг с другом, дружно въехали в крепость. Перейдя на легкую рысь, они, все так же бок о бок, направились к дворцу.

— Багадур, ты служишь хану, так кто ты при нем?

— Я человек человека, уста. Да, ты раб хана, а я человек хана.

— Ну и какая тут разница? Человек человека — это все тот же раб.

— Раб трудится бесплатно, я же — за золото. У меня свой аул, земли, больше трех сотен хозяйств... Там сеют хлеб, шьют одежду, мастерят обувь. Каждый десятый сапог, каждая десятая копна — мои. Я же в свою очередь десятую долю своей прибыли отдаю хозяину. Из трех тысяч серебра,

которыми откупились от князя Всеволода, около ста были мои, уста.

Едва всадники прибыли во дворец, Даурана повели к хану. Проходя через множество дверей, мастер спросил багадур:

— Назлыгюль здесь?

— Это тебе хан сам скажет, — усмехнулся Таймас.

В тронном зале хан был один. Увидев в дверях Таймаса с Даураном, он приподнял голову, выпрямил спину.

— Слава Аллаху, сынок, — воскликнул он с наигранной приветливостью, — наконец-то я вижу тебя! Или это только сон? Давай проходи, садись. Что-то, зятек, долго ждать заставляешь. С тех пор, как украл у нас Назлыгюль, к нам совсем глаз не кажешь. Садись, садись, не стесняйся, я ведь теперь не чужой тебе. Верно я говорю, багадур? — обратился он к Таймасу.

— Так, так, великий хан, — подтвердил тот.

— А теперь, багадур, подожди за дверью, хочу с зятем с глазу на глаз потолковать.

Дауран несмело опустился на указанное ему место. Хан покашлял, встал с трона и некоторое время молча ходил по комнате.

— Уста Дауран, мы с отцом твоим Алпаром жили дружно. Милый был человек, да пребудет его место в раю. Ты знаешь, отец твой не был на меня в обиде.

— Он обижался, великий хан. Пока были силы, молчал, а как слег, заговорил о своей обиде. Вы ему даже умирающему свободу не дали. А ведь могли бы!

— О Аллах, да я не сделал этого ради его же пользы, ибо в священном писании сказано: душа раба после смерти сразу же попадает в рай. На этом свете человек гость, а там ему жить да жить до самого светопреставления.

— В таком случае, хан, отчего при жизни каждый раб мечтает о свободе, почему ханы и беки не хотят стать рабами? А ведь среди них, наверное, и грешники есть? Почему же они не страшатся ада? А потому, что на этом свете нет ничего дороже воли, великий хан. Только болван не знает этого.

— Это ты верно сказал, мастер Дауран.

— Я знаю, великий хан, знаю очень хорошо, человек живет на земле один раз.

— Ты, похоже, давно уже отказался от рая?

— Свободу дал мне эмир Хаджи, а вы хотите отнять ее у меня.

— Ты — мой мастер, а потому и раб мой, зятек. Ну ладно, положим, дал я тебе свободу. И что ты дальше собираешься делать?

— Великий хан, птица не бывает без крыльев, а человек без мечты.

— Ладно, освобожу я тебя, освобожу. С одним только условием: найди мне Назлыгюль и приведи сюда.

Слова хана заставили Даурана, который надеялся увидеть здесь свою жену, вздрогнуть. Он растерянно посмотрел по сторонам. Если здесь ее нет, значит, она у Джик Мергена. Теперь Дауран почему-то уже не сомневался в этом. Смущала лишь усмешка хана, за которой могло скрываться все что угодно.

— Вот что, зятек, даю тебе месяц срока. За это время ты распишешь мою новую баню. Бусагабаши, уведи мастера. Вечером приведешь во дворец. Впрочем, не надо, пусть живет там и обучает своему ремеслу молодых.

* * *

Через десять дней Даурана одели в приличное платье и отвели во дворец.

— Кто позвал меня? — спросил мастер сопровождавшего унбашиа.

— Говорят, ханбике соскучилась по зятю, желает видеть.

Для Даурана новость была неожиданной. Ханбике Зубаржат, казалось, была совершенно равнодушна к его пребыванию в Булгаре, а теперь эта гордая и своенравная женщина вдруг пожелала видеть зятя. Дауран всегда сторонился ее. И Назлыгюль почему-то мало рассказывала о матери, чаще вспоминала отца. Однажды она сказала: «Даже если отец простит нас, мой милый Дауран, мать не простит никогда».

Такие вот мысли занимали Даурана, пока он шагал за унбаши. Он плохо представлял себе, как пройдет свидание с женщиной, которая доводилась ему тещей. Перед матерью Назлыгюль мастер чувствовал себя виноватым, ведь он без разрешения женился на ее дочери. За такой проступок Салим-хан мог сурово наказать его — отрубить, например, голову, — но хан не сделал этого, должно быть, простил. А теперь, похоже, наказать его собирается бике.

Через тронный зал проследовали в покои ханской супруги. Хозяйки в комнате не было. Дауран шагнул через порог и остановился, пораженный. Назлыгюль рассказывала про пышность и красоту убранства этих покоев, но Дауран и вообразить себе не мог подобного великолепия. На окнах кружевные занавески, за которыми виден сад с цветущими вдоль ограды растениями. Впереди за прозрачным пологом широкое саке, устланное пышными перинами. Подушки с дивными узорами сразу же привлекали к себе вни-

мание. Поодаль еще одно саке, усталое медвежьими шкурами, вдоль стены разбросаны подушки, узоры на которых собраны из разноцветной кожи. Возле саке четыре-пять сидений, укрытых дорогими мехами. На полу мягкие персидские ковры, под окном слева столик, высотой не более локтя. На нем ярко-красные яблоки, сушеные фрукты, апельсины. Пол вдоль стен был устлан длинными мягкими коврами, на которых лежали еще три-четыре подушки, чтобы можно было, откинувшись, отдыхать на них. Справа под окном цвел пышный куст герани, плющ протянул свои плети к самому потолку и по стене дополз почти до самого спального ложа. Тут же, возле двери слева, стоял еще один стол с расписными кувшинами, в которых, очевидно, были напитки.

Унбаши вышел, оставив Даурана одного. Не зная, что делать, он продолжал стоять, озираясь вокруг. Казалось, из-за легкого полога сейчас кто-то появится. Вдруг Назлыгюль?! Так вот где росла и играла ребенком его любимая. Дауран вспомнил обстановку, в которой рос он сам, и от сравнения на лице его появилось кислое выражение. Они не были бедными, но такую роскошь он видел впервые в жизни.

В дверь, что была в глубине опочивальни, тихо вошла ханбике. Некоторое время она молча наблюдала за Даураном. Перед ней стоял стройный смуглолицый молодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой. При виде его ханбике, казалось, была чуть-чуть смущена.

— Ну, здравствуй! — сказала она, прошла к столику с фруктами и опустилась рядом на сиденье. Дауран встал на одно колено, виновато опустил голову.

— Прошу, прости, анам*, ради Аллаха!

— Да будет, будет, встань. Подойди сюда, садись и рассказывай.

О чем он должен рассказывать? О том, как женился на ее дочери? Может, ханбике желает знать, как он похитил ее? Но он не похищал.

Ханбике исподлобья оценивающе смотрела на зятя, на губах ее блуждала легкая улыбка. Она была женщиной, избалованной вниманием и почестями мужчин. Вокруг нее всегда было много подданных и в каждом из них она видела изъяны. Все знают, что любовь слепа. Кто любит, тот не видит недостатков возлюбленного. Но ханбике была не похожа на других женщин. Нельзя сказать, что она была влюблена в Салим-хана. Скорее, он сам в жене души не чаял, а она, дочь кипчакского хана Сарбая, принимала его обожание

* Анам — мама (обращение).

как должное и жила спокойно. Ханбике не понимала, как от любви можно потерять голову, что означают слова «сгорать в огне любви» или, что еще хуже, «быть готовым отдать ради нее жизнь». Салим-хан был доволен женой. Ему были по душе ее степенность и невозмутимость. Женившись на Зубаржат, он перестал замечать других женщин и никогда не помышлял о молодой жене. Хан ни разу не сделал ничего такого, что могло бы вызвать недовольство супруги. И вот перед этой холодной и избалованной, влюбленной в себя женщиной сидел сын Туйбике, прежней жены хана. И надо было такому случиться, что сын Туйбике влюбился в ее Назлыгюль. Если бы только влюбился — это бы еще куда ни шло, но он похитил ее дочь и сочетался с ней браком! В довершение ко всему ей сообщали, что Назлыгюль ждет ребенка. Туйбике не могла забеременеть от хана, потому что не любила его. Не может женщина родить без любви. А от Алпара вон какого красавца родила, глаз не отвести. Да и сам Алпар был очень красивым, видным мужчиной, этот весь в него. Женщины, небось, с ума по нему сходят.

Ханбике была права, перед ней сидел вполне зрелый и очень привлекательный мужчина. С одного взгляда на него мать вдруг поняла дочь. Да, за таким, пожалуй, на край света побежишь. На раба он не похож, и все же... Как ни пыталась утешить себя ханбике, а покоя на душе все не было. Как же ей смириться с тем, что ее Назлыгюль, красавица из красавиц, дочь самого хана, единственная, досталась рабу? Пусть даже самому распрекрасному?.. Но что было, то было. Назлыгюль ждет ребенка. И отец ее будущего ребенка — этот вот человек. Ханбике не терпелось узнать одно: где теперь ее ненаглядная дочка. Где прячет он жену, почему не показывает матери?

— Ты скажи мне, сынок, где Назлыгюль? Тебя поймали, а жена по твоей милости где-то одна горе мыкает? Правда ли, что Назлыгюль скоро матерью станет? От тебя ли ребенок-то?

— Анам, — Дауран снова опустил на колени, — не говорите такие слова, не унижайте вашу дочь. Назлыгюль перед Аллахом законная жена мне.

Дауран поднял голову и в первый раз посмотрел ханбике в глаза.

— Садись, садись, сынок, не хочу обижать ни тебя, ни Назлыгюль, хотя вы оба много горя мне причинили. Настродалась я довольно после того, как потеряла дочь, свет очей моих.

В это время в покои жены вошел Салим-хан.

— А-а, так вот вы где. Ну как, — сказал он, — где Назлыгюль?

Ханбике, не поднимаясь с места, напонила спокойно:

— Отец, этот человек — зять наш.

— Ну, ну, ханбике, что ты хотела сказать? Говори.

— Хочу знать, хан, зять наш сам сбежал от Якуб-бека и ему помогли? Якуб-бек, эта старая лиса, уверяет, что сам. А я не могу поверить в это, господин мой.

— Ну и что ты на это скажешь, уста? — Салим-хан откинулся на подушки, прикрыл колени полами расшитого серебряной канителью чапана. Он погладил подошедшего к нему кота. Тот, громко мурлыча, принялся тереться о ноги хозяина.

— Я сам сбежал, аксакал ни в чем не виноват, хан, — сказал мастер.

— А зачем туда явился? Ведь Назлыгюль там не было, ее снова похитили. Выходит, ты отправился на поиски нашей дочери? Тогда-то мои люди поймали тебя. Я велел бросить тебя в тюрьму, а кто-то посмел ослушаться и выпустил на волю. Шла война, и мне недосуг было заниматься тобой, теперь же я хочу знать, где Назлыгюль, кто ее похитил?

Дауран сидел, не смея поднять на хана глаза. Тот продолжал задавать вопросы. Но что ответить? Если бы знал, не попался столь глупо.

— Я пришел из города Брахимова и сам ничего не знаю.

— Тебя там дьяк князя Всеволода искал. Тебя и Бакира кузнеца. Для чего? Уж не он ли увез Назлыгюль? Якуб-бек не воевал с Всеволодом, золотом откупился. Уж не обещал ли он князю моих мастеров?

— Я ушел из Брахимова, хан, и мне неведомо, что собирался делать аксакал.

— Эмир Хаджи женат на дочери Якуб-бека. Если правду говорят, в дни нашествия урусов эмир прикрывал бека своим войском... А все же, для чего Всеволоду понадобился такой мастер, как ты?

— Князь любит строить города, хан.

— А что, разве я не люблю?! Кто обустроил Казань и отдал его сыну уже как крепость. А город Брахимов кто сберег? Может, Якуб-бек, этот старец. Я-то его к себе во дворец взять собирался, а он вон что вытворяет! За моей спиной с урусами переговоры ведет! Чтобы на равных торговать. И эмир заодно с ним. Сын Хаджи совсем подчиняться перестал, второй торговый город мой к своим рукам прибрать задумал. Небось, он и Назлыгюль у себя прячет.

— Не думаю, что Назлыгюль у него, мой хан. Эмир сам отправил меня за ней в Брахимов.

Хан и ханбике переглянулись.

— Так с кем же, по-твоему, Назлыгюль, уста Дауран? — Салим-хан поднялся и встал перед мастером. — Говори!

— Не знаю, уважаемый хан.
— Сегодня дьяк князя у нас Назлыгюль выкрал, а следующим будешь ты, уста.
— Я не ханская дочь, кому я нужен?
— Ты мне нужен, мне! И еще князю Всеволоду!
— Пусть зять привезет мне мою Назлыгюль, — вмешалась в разговор ханбике. — Деточка, говорят, матерью стать собирается. Хочу в собственные руки принять внука. Сумел украсть, пусть сумеет найти! Думаю, справится. И дитя наше, скорее всего, не на краю света, а здесь, поблизости где-нибудь. Верни своих азатов, хан, пусть не смешат народ, разыскивая взрослую дочь твою, которая имеет мужа и скоро станет матерью. А молодцу этому поставь условие: либо он находит нашу дочь, либо...

Сам не понимая почему, Дауран бросился ханбике в ноги. Несколько растерявшись от неожиданности, она дрожащими руками коснулась головы Даурана, потом отошла в сторонку. Дауран встал не сразу. В прикосновении женщины он почувствовал вдруг теплоту, словно то были руки его матери. Неужели ханбике простила его?..

— Я найду, анам, — Дауран боялся выдать свое волнение. Я сердцем стану ее искать и найду. — Он поклонился сперва хану, потом ханбике.

— Я часто сердилась на тебя, сынок, и теперь хочу откровенно сказать, что думаю: если не приведешь дитя мое, не видать тебе моего благословения, так и знай! — Ханбике обратилась к мужу. — Дашь ему азатов или пусть один отправляется?

— Если в Казань пойдет, углан Хаджи не отпустит его к нам. Скажи, куда ты собираешься ехать? В Казань или...

— Смотрю я, хан, и думаю, а не отпускаем ли мы волчонка в лес?

— Воля ваша, анам, как скажете, так и поступлю.

— Хочешь убедить нас, что повинную голову меч не сечет, так? — усмехнулся Салим-хан. — Нет, ханбике, не пойдет наш зять в Казань. Я сам найду, сам приведу Назлыгюль.

— Как, опять с войском?! — всполошилась ханбике.

— Надо будет, пойду с войском! Думаешь, позволю мальчишке не считаться с собой?

— Он не может простить тебе сына, мой хан, отрока Гали.

— Разве я приказал закопать его в основание города?!

— Ты, хан, ты, — спокойно возразила Зубаржат. — Кто же еще? Вот в присутствии зятя говорю: в тот час, как отдал ты свой ужасный приказ, сын возненавидел тебя. Самого умного из своих сыновей ты превратил во врага!

— Он перестал слушаться меня! — повторил хан, не зная, что сказать в свое оправдание.

— Простите меня, атам, анам, простите... Я приказал вскрыть ту могилу. Не было в ней человеческих останков. Там была зарыта собака.

— О Аллах, верно ли слышат мои уши? — воскликнул Салим-хан. Что же получается, визиря Исхака...

— Атам, в могиле была собака, на Коране поклясться готов.

— Ханбике, а, ханбике, выходит, я чист перед сыном Хаджи, нет на мне греха?! О Аллах, какое счастье...

— И что ты теперь делать будешь? — спросила ханбике Зубаржат.

— ...говорил мне Татеш шейх, а я не поверил ему, ханбике. Выходит, Гали углан учился в Ургенче у Пахлевана Махмута. А теперь в медресе шаха учительствует.

— Так кто же из вас двоих в Казань поедет, мой хан? А Гали углан когда-нибудь непременно вернется. Родная земля — это ведь не просто пройденный путь. Туда если не сердце, так кровь тянет. Так что вернется он.

— Сам поеду, ханбике, сам, а заодно и с сыном Хаджи примирюсь. На праздник приглашу. Не пришлось нам свадьбу дочери сыграть, так рождение внука достойно отпразднуем.

— Решил — значит, поедешь, хан, только выслушай вначале мой совет. Пусть зять напишет Назлыгюль письмо. Отправь с этим письмом гонца. Пусть все города объедет. Дочь узнает почерк мужа и вернется к нам. Куда же ей еще возвращаться?

Салим-хан с восхищением смотрел на свою жену: до чего же она мудра! В самом деле, зачем хану по городам скакать, когда все можно решить так просто! Ведь можно написать несколько писем и отправить гонцов во все города разом.

* * *

Все, что происходило с ним, казалось Даурану сном. Думалось, вот проснется и снова окажется в темнице.

Постель ему приготовили в комнате для знатных гостей. Похоже, сам хан любит отдыхать здесь: вот его чужаки. Просторное саке, укрытое собольими мехами, на полу расшитый шелком блестящий ковер, в глубине комнаты столик с яствами, через приоткрытое окно вливается свежий воздух — ну чем не рай! Не успел Дауран присесть на саке, как из боковой двери появилась юная наложница.

— Не нужно ли вам чего, господин? — спросила она, застенчиво улыбнувшись и чуть-чуть присела, придерживая пальчиками подол платья с оборками в несколько рядов.

— Спасибо, мне ничего не нужно.

Девушка вышла. Дауран увидел на столике маленький колокольчик и потянулся к нему. Колокольчик звякнул, и на пороге снова появилась та же девушка. Она снова застенчиво присела.

— Принеси, пожалуйста, воды, красавица.

В комнате стоял еще один столик — для напитков. Девушка прошла туда, налила из кувшина воды и подала Даурану. Мастер осушил чашу и вернул девушке. Она была красива — брови дугой, на круглом личике чуть раскосые глаза. Дауран не стал спрашивать, как ее зовут, просто улыбнулся и поблагодарил. Когда дверь за ней закрылась, Дауран прилег и задумался. Перед глазами ожил образ покойной матери. Вспомнились ее слова: «Что на свете мягче всего, сынок?» — «Пуховая подушка», — отвечал Дауран. «Нет, сынок, мягче всего на свете твоя рука». Дауран не поверил матери, но потом заметил, что, ложась на мягкую подушку, подсовывает под щеку ручонку. Да, права была мама. «А что слаще всего на свете?» — снова спрашивала мать. Дауран принимался перечислять все лакомства, какие знал, но мать качала головой: «Нет, слаще всего на свете вода». Дауран убедился, что мама снова была права. Какие бы сладости он ни ел, ни пил, вода во время жажды всегда бывала слаще. Мать спрашивала: «А что такое счастье?» Дауран отвечал: «Жить во дворце хана». Но мать лишь вздыхала в ответ: «Нет сынок, нет. Запомни, самое большое счастье на свете — это свобода!» Она задумчиво смотрела в одну точку, и глаза ее наполнялись слезами. «Отец твой, — сказала она, — так и не дождался своего счастья, ушел из жизни, не изведав его». Слова матери задели его за живое. «Анам, родная моя, — горячо воскликнул он тогда, — я обязательно добьюсь свободы!»

И что же? Освободился ли он от рабства? Похоже, скоро из раба хана он превратится в его зятя. А если ничего не изменится в его жизни? Вот привезут Назлыгюль и разведут их?

Назлыгюль очень нужна ему. Он теперь как птица с перебитыми крыльями — полетел бы, да не получается. Что же все-таки стало с ней? Неужели попала в руки княжеских слуг? Нет, только не это, такого он не в силах представить себе даже в мыслях!

Дауран вскочил, бросился к выходу, но на пороге два стража скрестили перед ним секиры.

Итак, он снова пленник. Разница лишь в том, что содержат его не в сырой яме, а в покоях, похожих на рай. Но клетка даже золотая — все равно клетка. Здесь все к его услугам, а душа в оковах. Ночью ему снова пригрезилась Назлыгюль. Он увидел реку, по противоположному берегу которой она вела за руку маленького ребенка и махала ему рукой. Не кричала, не звала, а молча призывала его — мол, плыви ко мне. Но едва Дауран подошел к реке, как вода вспыхнула пламенем. Что же это? Вода — и вдруг пылает! Как такое может быть? А Назлыгюль все манила и манила его к себе, рядом с ней семеня ножками ребенок.

— Зять, зять, сынок! — он открыл глаза и увидел перед собой ханбике. Дауран вскочил. — Простите, анам, не заметил, как уснул.

Он прошел к столику возле двери, на котором стоял медный таз с кумганом, умылся, вытерся полотенцем и вернулся к ханбике, извинившись, что заставил ждать.

— Тебя хан ждет, — сказала она и, не ожидая ответа, направилась к двери. Дауран пошел за ней. На пороге обернулась и окинула зятя взглядом. В целом его внешний вид понравился ей. «Надо ж, как на мать похож», — подумала ханбике, не испытывая больше неприязни к покойнице.

Впрочем, к прежней жене хана она и раньше относилась спокойно. И только изредка, слыша ее имя из уст мужа, ворчала: «Хватит, сколько можно говорить о ней?» Много воды утекло с тех пор, гордая стройная Туйбике давно сошла в могилу. А сын этой женщины стал ее зятем. Кто бы мог подумать! Ей, правда, говорили, что Туйбике при рождении сына якобы сказала повитухе: «Сынок мой будет очень счастлив и женится на дочке хана, вот увидишь». Услышав это, Зубаржат тогда чуть не лопнула от злости. Она даже хотела потребовать от мужа, чтобы он бросил зарвавшуюся женщину в темницу. Но потом успокоилась. Хорошо, что Аллах удержал ее от неверного шага, судьба-то вон как повернулась: сын гордячки стал-таки ей зятем. Да, чего только не вытворяет жизнь с детьми адамовыми — прямых сгибает в дугу, а горбатых выпрямляет. И Салим-хан был молод, вел себя так, словно навечно явился в этот светлый мир. А теперь то поясницу прихватит, и он лежит, не в силах подняться, то еще что-нибудь — кряхтит, жалуется целыми днями. И лекарь помочь не может ему. Так уж устроен мир, не нам одним жить да радоваться в нем. Даже пророкам Аллах срок отмерил. Всех ждет один конец — от судьбы не убежишь. Салим-хану пора о преемнике позаботиться. Упаси

Аллах, но во время хвори люди нередко языка лишаются. Что тогда? Пока здоров, и память в порядке, надо бы завещание составить — кому из сыновей или внуков оставит свой трон. Ладно, положим, ты внука Гали обещал сделать своим преемником, да не получилось. А почему бы младшему сыну Хаджи Джаббару не оставить трон? Обещал старшему, оставишь младшему. И народ доволен будет, и самому спокойно. А если Джаббар не подходит, так у тебя два сына есть — Хаджи и Ильгам. Слава Аллаху, оба умные, благонравные, серьезные, пристойно вести себя умеют. И к своим женам оба с почтением относятся, не женятся, как другие, по три раза. А если Акбике килен* сына искать уехала, так в этом уж ты, хан, сам виноват.

Через узкие дворцовые переходы подошли, наконец, к тронному залу.

— Будет хан говорить, не прекословь ему, держи себя в руках, и не молчи, будто воды в рот набрал, — наставительно сказала ханбике Зубаржат зятю. Повернулась было к двери, да вспомнив что-то, добавила: — Хан хворает, не разговаривай слишком громко. Как говорят, хочешь в милость войти, не поленись голову пониже пригнуть.

— Не беспокойся, анам, все сделаю, как велишь.

Ханбике, услышав в его словах легкую усмешку, чуть приостановилась, но ничего не сказала и решительно толкнула дверь.

Салим-хан лежал на широком саке, около него стояли лекарь и визирь Камай. Хан что-то говорил им, но, увидев жену с зятем, замолчал и, приподнявшись на локте, кивком ответил на приветствие Даурана.

— Ханбике, — сказал он, — Ишкул-шейх слег, оказывается, вот хочю табиба к нему отправить.

— Это верно, ханбике, Ишкул-шейх так плох, что часенько лишается языка, — подтвердил визирь.

— Да, кончаются дни Ишкула, и наш черед приближается, — говорил хан, вытягиваясь на ложе. — От судьбы еще никто не ушел.

Принесли серебряные блюда с яствами, поставили возле хана. Он равнодушно окинул их взглядом.

— Глаз радуется, а душа не принимает, — посетовал хан и слабо махнул рукой, чтобы унесли все обратно.

— Поел бы немного, дорогой хан, — попросила ханбике.

— Сил нет. И жевать, и говорить трудно...

Салим-хан некоторое время молча смотрел на своего vizirя.

* Килен — сноха

— Мне сказали, что углан Хаджи все свое время проводит в Кашане, иногда в Чертовом городище. Правда ли это, мой визирь? Если правда, то я отдам город Казань моей дочери Назлыгюль. Пока подрастет внук... Об этом я скажу угланам. Они не будут против.

Салим-хан бросил взгляд на ханбике. — Что скажет ханбике моя по поводу этого решения?

— В народе говорят, мой хан, что жена руководит мужем, муж — страной. Решай сам. Только не ломай одно крыло страны, лишив углана Хаджи подаренного тобой города, не унижай его. Назлыгюль женщина, ей жить под крылом старшего брата будет куда удобнее, мой хан.

— Мой хан, предки наши говорили, не бросай камень в ближнего, споткнешься сам, — вмешался в разговор визирь. — Есть у меня совет. Одеяло страны одно, если кто-то потянет его на себя, оголит другого. Как мне помнится, мой хан, послушав вас, углан Хаджи хотел построить на горе Змеиной еще одну крепость. Однако передумал. С ним согласился и я, хан мой. Углан Хаджи и ваш фарман помнит, не забыл...

Салим-хан приподнялся, взглянул на визиря, сказал:

— Ты прав, мой визирь. Когда буду писать завещание, я все это учту. А Казань я отдам дочери Назлыгюль. Муж ее высечет город из камня таким, что равных ему в целом свете не будет. А внук мой будет правителем этого города — хан остановил взгляд на Дауране и на лице его промелькнула легкая улыбка. — И про фарман тот я тоже не забыл, помню, мой визирь. Потом выяснилось, что на этом месте еще при наших предках, при Атилле, была небольшая крепость и базар-кала. Как пишет кятиб, болгарский купец Мингази в поисках пушнины дошел аж до самого океана. И отправлял оттуда дорогую пушнину в Булгар. После того, как каган наш, Иосиф, назначил сына своего Гаязетдина тарханом Казани, город был вновь обновлен. Так из поколения в поколение Казань становилась северной столицей Булгарии.

Хан еще раз посмотрел на ханбике, как бы ожидая, что она еще скажет. Но ханбике Зубаржат молчала, видимо, пожалела больного мужа.

Да, Салим-хан был еще зол на старшего сына, но он уже был согласен и с визирем, и с ханбике. Однако еще не мог угасить свою былую гордость и ханскую прыть. Уже нутром чувствовал, не только для сыновей и дочери, но и для народа он уже почти тень, а не правитель. Ко всему этому углан Хаджи женился на дочери аксакала Якуба. Случись что, тот бросится защищать своего зятя.

— Визирь мой, скажи свое слово. Что я должен делать? Помогать углану Хаджи или...

— Достопочтенный хан, углан Хаджи на острове, на котором мы мечтали построить базар-калу с караван-сараями, развернул такую работу, позавидовать можно. Руководит работой твой зять, Дауран.

— Хэ-хэ, визирь мой, а ведь Хаджи углан осуществляет мою мечту. Значит старший сын себе на уме. — Салим-хан испытующе взглянул на зятя, но Дауран, озабоченный своими мыслями, казалось, не проявлял к разговору должного интереса. — Мимо этого острова ни один купеческий корабль не проплывет, ни один. Ни персы-арабы, ни генуэзцы, ни даже викинги, мой визирь. Правда, эти викинги народ беспокойный, дурной слух ходит о них. Однако, помнишь, мой визирь, мы часть их приняли на свою землю. Было и такое. Поначалу, как помнится, они поклонялись своему богу. А ведь потом стали жить и поживать как все. Теперь уж ничем не отличаются от наших. Да... — Салим-хан некоторое время помолчал, устало прикрыв тяжелые веки. — Визирь мой, передай казначею Вартану мой фарман — пусть отпустит золота столько, сколько потребует углан Хаджи. А сам сегодня же отправляй каменщиков в Казань. И ты, зять, заканчивай расписывать баню, поезжай с каменщиками туда же. Принимайся за дело, которое тебе укажет эмир Хаджи. А Назлыгюль... Я получил весть, что она в Казани, у старшего брата.

— Мой хан, твой фарман должен подтвердить и углан Ильгам, — сказала ханбике.

— Будет фарман, ханбике. Булгарский хан еще в здравом уме. Кятиб, пиши фарман.

После того, как приложил руку к фарману, Салим-хан обессиленно опустился на усталанный пушминой саке и прикрыл глаза, слабо махнув рукой присутствующим, — уходите.

Салим-хан был рад, что издал новый указ. В Булгарии он построил множество городов-крепостей. И на острове будут просторные караван-сарай, туда будут заезжать купцы из всех стран мира. Торговля — это богатство и благополучие страны. А булгары тем временем новые торговые города, построят, еще краше прежних.

* * *

Время шло, и здоровье Салим-хана ухудшалось. Теперь он не вставал и в тронном зале не появлялся. Прележав так дней десять и чувствуя, что лучше ему не становится, он позвал кятиба Хафиза и велел привести певца-сказителя Абдельгалау. Поэту было позволено без приглашения бывать во дворце, но он чаще сидел на женской половине или прово-

дил время с шакирдами ханского медресе, потому что хан не проявлял к нему интереса. Сегодня же Салим-хан вспомнил о поэте с утра, едва открыв глаза, и ему захотелось послушать его.

Увидев худощавого человека с вьющимися волосами, кудрявой рыжеватой бородкой, прямым носом Салим-хан сел на саке и, ответив на приветствие гостя, некоторое время молча смотрел на него. Это был известный в Булгарии акын, поэт-импровизатор. Салим-хан вначале не заметил ничего особенного в выражении лица поэта. Но вот в зеленых глазах мелькнул огонек, похожий на любопытство. Не впервые же он видит перед собой хана? Или озадачен внезапным вызовом? Салим-хан махнул рукой, приглашая гостя сесть рядом.

Абдельгалаю взглянул на кятиба, который стоял в двух-трех шагах от него, и, сев на место, указанное ханом, молитвенно воздел руки. Салим-хан снова лег и попросил:

— Почитай мне свои стихи, Абдельгалаю.

— О чем вы хотели бы послушать, хан мой, — о любви, природе или жизни.

— Любовь я изведаль, знаю, как мимолетна она, как полна неги и страданий сладких. Она дарит человеку счастье, а после счастье это тает, словно ложка меда в воде. Природу знаю тоже, всю жизнь не мог наглядеться, нарадоваться на нее, каждую весну ждал с нетерпением; лютые зимы — и те были милы сердцу, а увидев лучистое теплое солнце, был счастлив так, словно само божество сияло передо мной, казалось, ничего прекрасней быть не может. Я уже не верю, что соловей вновь зальется трелями в саду жизни моей. Одному Аллаху ведомо, что будет завтра, мечта тоскует в неволе, читаю молитвы, зовущие в рай, сырая могила перед глазами. Но от дел земных, поэт, не могу отказаться даже в этом своем положении. Хвала Всевышнему душа еще молода, сердце бьется, а это значит, что есть пока силы, чтобы слушать стихи. Мы все знаем: жизнь человеческая не беспредельна, так распорядился Аллах, но ложиться в холодную землю почему-то не хочется. Будущее мое темно, меня ждет могила, и я должен идти к ней. Что из твоих стихов подошло бы такому моему состоянию?

— Великий хан, мне приходилось читать стихи внука вашего Кул Гали. Прочел я их и пришел в изумление. Великим поэтом внук ваш оказался. Только вот...

Салим-хан поднял руку, приказывая Абдельгалаю остановиться.

— Можешь не продолжать, поэт. Я уже знаю, что внук мой в Ургенче. Говорят, мир от молвы, а Земля от Луны

скрыться не могут. Если Аллах захочет, внук вернется домой независимо от того, пишет он стихи или нет. Всевышний милостив, и сила его неизмерима. О Аллах, спаси и пощади раба твоего. Говорят, от судьбы не убежишь. Видно, судьба его такая...

Салим-хан внезапно схватился за живот и съежился от сильнейшей боли. Лицо его покрылось красными пятнами. Увидев это, Абдельгалау хотел было уйти, но хан, подняв руку, велел остаться.

— Это пройдет, поэт, пройдет. Непонятное что-то со мной происходит — боль накатывается и вмиг скручивает в бараний рог.

И в самом деле, на щеках его уже играл румянец, а пятна исчезли, лицо приняло обычное выражение.

— А ты читай, читай, Абдельгалау, — сказал молчавший до сих пор кятиб Хафиз.

— Я, если можно, стоя, великий хан.

— Читай как тебе удобно.

О Аллах всемогущий, умоляю тебя,
Подари мне блага четыре:
Наслаждаться уменье,
Почет от людей,
Хлеб насущный
И крепкую веру.
Умоляю тебя, Всемогущий,
Дай в попутчики блага четыре.
Дай мне знаний,
Дай мне ума
Людам — мира и крепкую веру.

— Слава Аллаху, Абдельгалау, мудрости тебе не занимать. Да и таланта тоже, от Всевышнего все у тебя есть. Ну а теперь почитай что-нибудь о злых людях, от которых нет другим житья.

Бедя стучится в дом соседа,
не говори: «Страдает пусть!»
На недруга валятся беды,
не говори: «Подохнет пусть!»
Твои слова летят по кругу —
Не кличь беды,
Не жди от зла добра...

Послушав еще несколько стихов, хан слабо махнул Абдельгалау рукой. Кятиб тихонько увел поэта из ханской

опочивальни. Не успели они дойти до крыльца, как их нагнал бусагабаши:

— Хан вас обоих зовет к себе!

Они вернулись. Хан жестом подозвал их.

— Кятиб, запиши, что я скажу. Сыновьям своим, которые сядут после меня на болгарский трон, оставляю завет. Пусть помнят: Аллах щедро наделил детей Адама, а зверям и скоту много сил и мощи дал. Лошадь не говоря уж о быке и льве, намного сильнее человека. Но ум Всевышний не дал ни одной из своих тварей, кроме детей адамовых. Сила и мощь детей Адама — в их уме. Сегодня понял я: если украшением дерева является соловей, то украшением ханского дворца может стать поэт. Вот кого нам не хватало. Кятиб Хафиз, запиши мои слова, и пусть сыновья мои узнают о них. Пусть при дворце всегда будут два-три поэта-стихотворца. Я старался жить собственным умом, а потому порой грешил против истины, гнал от себя умных и верил лизоблюдам. Вполне возможно, что беды, которые не раз терпела България, происходили по этой причине.

Салим-хан снова застонал от сильной боли и прошептал:

— Уйдите...

Кятиб взял поэта под руку и повел к выходу. На пороге они столкнулись с ханбике.

— Как хан чувствует себя, кятиб?

— Ему плохо, ханбике. Кажется пришла пора звать угланов.

— Сейчас сюда придет табиб, — сказала ханбике, проходя в опочивальню, — шейх Ишкул скончался.

Подошел визирь Камай.

— Кятиб Хафиз, шейх Иганай прибыл в город, хочет видеть хана. Как думаешь, можно его позвать?

— Пусть придет, визирь, может, ему сказать что-то надо?

— Думаю, надо. Слыхал шейх Ишкул умер. Может, Иганая...

— Как хан решит, так и будет, визирь. Лично я не против.

— А как ханбике?

— Этого я не могу сказать.

— Поговорил бы ты с ней, кятиб. Тебе это лучше удастся. По правде, кятиб Хафиз, Ишкул был неважным шейхом. Иганай — человек образованный, умный, вполне достоин быть имамом всей земли нашей, — проговорил визирь и пошел вслед за ханбике к хану.

— Табиб Хасан тоже вернулся, не знаешь? — поинтересовался кятиб Хафиз у поэта.

— Вчера, когда я читал стихи ханбике, явился багадур Таймас и сказал госпоже: «Табиба Хасана нет». Я понял

так, что табиб не вернулся в страну. А вот шейх Иганай и внук хана Кул Гали здесь.

— Ты это точно знаешь?

— Слышал от людей, кятиб Хафиз.

* * *

— Воды, — проговорил Салим-хан, — подай мне воды, ханбике.

Женщина налила в ковш холодной ключевой воды из запотевшего кувшина. Салим-хан медленно приподнялся, дрожащими руками потянулся к ковшу.

— Девушек почему не пускаешь ко мне? — спросил он.

— Ты же сам запретил, сказал, что стесняешься при них стонать.

— Пусть хотя бы бусагабаши стоит рядом.

— Сейчас придет табиб. Шейх Ишкул переселился в мир иной, хан.

— Ишкул скончался! Ну вот, теперь моя очередь. А ведь говорил, что мы с ним в один день...

— Не говори так, хан, он, небось, просто так сказал это.

— Так ведь ему Чачак-ана нагадала!

— Она уж и сама в могиле.

— Кто сказал?

— Багадур Таймас.

А ведь покойница, казалось, вечно жить будет. Я еще мальчонкой бегал, а она уже тогда старухой была. Ну да ладно, судьба и на печке найдет... Пусть угланов позовут, ханбике, отправь гонцов.

— Сегодня же отправлю, — сказала ханбике Зубаржат и взяла руку больного в свои. — В город шейх Иганай приехал, хочет увидиться с тобой. Говорят, остепенился он, полон раскаяния.

— Если бы раскаянием можно было смыть грехи. Сколько горя пережила Булгария из-за той церкви... Ладно, приму его.

— Ты его...

— Да, я прошу, ханбике, прошу. Перед Аллахом мы все равны.

Ханбике позвала бусагабаши, велела сообщить шейху Иганая, что хан примет его на следующий день.

— Слушаюсь, ханбике.

К внезапно слегшему хану, состояние которого за три дня ухудшилось настолько, что он порой переставал узнавать людей, таиб и ханбике решили никого не пускать. Лекарь-араб сказал, что жить хану осталось немного. Он, казалось, делал все, чтобы облегчить страдания больного — давал лекарства, прикладывал пиявки, но улучшения не было. В конце концов из мечети, где муллой был покойный Ишкул, решено было позвать мюрида, чтобы прочитал ясин — отходную молитву, но хан вдруг очнулся и прогнал чтеца.

Посоветовавшись с визирем Камаем, ханбике приказала срочно доставить из Шайтан-Кала старца Булгара. Сыновья хана Хаджи и Ильгам, прибывшие на другой же день после получения тревожной вести, не одобрили решения матери обратиться за помощью к колдуну, но ханбике не стала их слушать, и отправила за старцем самого надежного из телохранителей. Сыновья пытались пройти к отцу, но мать не позволила, говоря:

— Потерпите. Когда отцу станет лучше, он сам позовет вас.

Братья вдали до полудня и, потеряв терпение, послали за визирем. Но тот поддержал решение ханбики.

— Надо подождать, — сказал он печально. — Пускать никого не велено.

Братьям не о чем было говорить друг с другом. Оба понимали, по какому случаю их вызвали, и никто не хотел начинать разговор первым, потому что не знали, кому отец завещает трон. Не было ничего удивительного в том, что братья предпочитали отмалчиваться. И Шейх Иганай держался от них в стороне, не желая встречать между ними в такое время. Визирь рассказал ему, как хан прогнал мюрида, читавшего ясин. Шейх ожидал, что сам будет приглашен для этого к хану и хотел воспользоваться случаем, чтобы шепнуть ему на ухо, кого следует сделать наследником престола. Шейх понимал, что идет на риск: если хан не пожелает оставить вместо себя того человека, о ком он собирается сказать, будущее самого шейха может оказаться плачевным. Подумав хорошенько еще раз, он решил не впутываться в это дело и ничего не говорить ни хану, ни его сыновьям. В конце концов, он и сам пока не устроен. Больной хан, ум которого теперь столь несовершенен, может расценить его поступок как дерзость и изгнать его из страны, а то и бросить в темницу. Даже от немощного правителя можно ожидать чего угодно. Не сам, так ханбике Зубаржат доведет его волю до конца. Салим-хан — гордый и решительный чело-

век, к тому же еще и упрямый. Шейху ли не знать это. Но Иганай не держит на хана зла. Тем более что тот обещал принять его. Если взглянуть на бывшее теперь, спустя столько лет, Иганай не так уж и виноват, перед ханом и зла ему, похоже, не причинил. Ищейка-епископ (из дунайских болгар) Абрам взбаламутил народ, и случилось так, что Иганай убил его. После того случая ему и пришлось уехать из страны, потому что Салим-хан в угоду князю Андрею, в котором видел тогда своего зятя, мог заключить шейха в темницу, а то и лишить головы. Иганай благодарен Аллаху, который надумил его вовремя унести ноги. Не обошлось, правда, и без печали: молодая жена бежала тогда с каким-то вертопрахом. Но шейх достойно перенес удар судьбы, не стал жаловаться и стонать, помня мудрые слова: жена — не богатство, камень — не золото. На освободившееся место другая найдется.

Все знали, что шейх не возвращается в Булгар только из-за Салим-хана. Близкие давно звали его из Ургенча домой, посылая письма со знакомыми купцами. И вот он здесь, вынужден покинуть Хорезм, потому что цветущий край этот стали разрушать неверные монголы, невесть откуда обрушившиеся на земли шаха. В Булгаре Иганай больше месяца боялся показываться людям на глаза. Лишь узнав о смерти шейха Ишкула и о болезни Салим-хана, стал смелее и решился обратиться к визирю Камаю. Кончилось тем, что сама ханбике, считавшая его когда-то злейшим врагом, вызвала во дворец и обещала устроить встречу с ханом.

Как знать, не события ли в Ургенче повлияли на поведение ханбике? Хорезмшах Улуг Мухаммат повелел отрубить голову великому шейху Махмуту Пахлевану за то, что тот осудил его за убийство монгольских послов. Казнь почитаемого в стране шейха была большой ошибкой шаха, все духовенство восстало против него. Когда правитель Хорезма отказался платить врагу дань и город оказался в осаде, духовные отцы, вместо того чтобы поднять народ против завоевателей, выступили в защиту Чингисхана и помогли ему поработить страну. Чингис-хан оценил их помощь и приказал своим войнам под страхом смерти: «Ремесленников и духовных отцов не трогать!» Так Улуг Мухаммат, поднявший руку на служителя ислама, лишился своей страны. Тот, у кого нет веры, не способен принимать верные решения. Аллах не помогает ему. Шейх собирался поведать хану об этом весьма поучительном событии.

Шейх Иганай снова кинул взгляд в сторону ханских уланов. Нет сомнения, что престол будет завещан одному из них. А ведь Салим-хан когда-то перед всем народом обещал сделать своим преемником внука Гали. Ханский внук жив,

Аллах уберег его — купец Биккол вызволил из беды. Шейх Иганай собственными глазами видел Гали в Ургенче — благородного, сильного, стройного, — хотя никак не ожидал увидеть его живым и невредимым, ведь молва повсюду трезвонила о том, что Салим-хан принес его в жертву ради благополучия будущего города. А потом Салим-хан приказал отрубить голову своему визирю Исхаку за то, что он позволил сделать это, не остановил вовремя.

Ханский внук до сих пор у Иганая перед глазами: аккуратно подстриженные усы и борода, приветливый взгляд. На нем чапан с серебряным шитьем, какие носили мюриды Махмута Пахлевана, ичиги из мягкой болгарской кожи, расшитая жемчугом и золотым позументом тюбетейка. Собеседника слушает со вниманием, а длинные пальцы тем временем перебирают четки.

Шейха он узнал сразу же и на приветствие отвечал:

— Вагалеikum ассалам, великий шейх!

Прямо так и сказал: «великий шейх». Это было неожиданно, Иганай прямо-таки онемел от волнения. Но это что по сравнению с потрясением, какое пережил он, увидев живым человека, о котором рассказывали такое! Это ли не чудо! Торговец Биккол был рядом с внуком хана. Он распорядился собрать на стол. Шейх опустил на подушку, подбрав под себя ноги, и только воздел руки для молитвы, как дверь открылась и на пороге показался казий Нисбах! Удивлению шейха не было границ — еще одно чудо!

— Жив-здоров, шейх? — сказал казий на чистейшем болгарском языке без малейшего арабского акцента.

— Слава Аллаху, здоров, — отвечал оторопевший шейх. — Так ты, казий Нисбах, тоже здесь?!

— Если ты еще не потерял память, то должен знать, что сам же и назначил меня наставником к ханскому внуку. Я со своими обязанностями, слава Аллаху, справляюсь. А жизнь проходит, вон и борода поседела изрядно. А душа все молода, шейх. Я с помощью Аллаха еще хадж совершить собираюсь. Биккол с Гали угланом согласны отпустить меня. Пока сердце бьется, пока кровь весело бежит по жилам, казий Нисбах не перестанет странствовать по свету! А уж когда не станет сил, вернусь в отчий край поклониться праху родному. Да поможет Аллах добраться до него. Я не то что человеку, ни одной божьей твари не причинил зла. Скучаю по родным местам, шейх, мне все там мило — и трава, и леса густые, и реки с озерами, и красавицы наши. И хотя нет там у меня ни души, даже сморщившейся от старости жены, душа все равно на родину рвется. У тебя, знаю, не то две, не то три жены остались. Думаешь, они не скучают по тебе, шейх?

Не зря же говорят: человеку не только душа, но и тело возлюбленного в радость.

— Честное слово, казий Нисбах, слушать тебя — одно удовольствие! Ты разбередил мне душу — захотелось мчаться куда-то.

— А все туда, шейх — в родные края. Нигде человек не получает столько радости для души и удовольствия для тела, как у себя дома. Слышал я: молодая твоя жена связалась с каким-то прощелыгой и сбежала от тебя. Верно ли это, шейх?

— Ты, казий Нисбах, и раньше был ехидным человеком. Похоже, жизнь ничему тебя не научила, — сказал Биккол, потянувшись к блюду с изюмом. — Язык у тебя, как жало.

— Так ведь языка и лишиться можно, а вот нрав — он неизменен. Язык мой, слава Аллаху, до сей поры никому еще вреда не причинил. А вот ты, почтенный шейх, бросив жен своих, караван-сарай Улут Мухаммата сторожишь.

— Я же сказал уже, Нисбахетдин, что домой собираюсь. А тебе, Нисбахетдин, давно пора забыть свои обиды.

— Что правда, то правда, казий абзы, шейх — гость наш. А у нас, болгар, говорят: гость — это подарок Аллаха, — заговорил, наконец, внук хана.

— Гали бек, не сегодня, так завтра я отправлюсь в хадж, а потому хочу успеть выговориться. Когда вернусь в родные края, одному Аллаху известно, а шейх со дня на день туда поедет. Теперь он видит, что казий Нисбах живехонек, и расскажет всем обо мне. Так пусть люди наши знают: вернется казий, обязательно вернется домой, если будет на то воля Всевышнего. Вот и хотел бы надеяться, что шейх Иганай не настроит там народ против меня. На чужбине-то мы рады друг другу, а у себя дома почему-то пакости друг другу творим. Вот чего я никогда понять не мог, премудры дела твои, о Аллах! Чего добился Салим-хан, отправив ученого лекаря Хусаина Улут Мухаммату? Сам же и остался без лекаря. А теперь, слышно, взял грека какого-то с крестом на шее.

— Его уже нет, — сказал Биккол, — князь Всеволод себе выпросил.

— Ох, до чего же ты несносный человек, Нисбахетдин, — вздохнул шейх. — Уж не податься ли мне на самом деле домой, чтобы быть подальше от тебя?

— Это хорошая мысль, — одобрил Биккол. — От былого покоя здесь и следа не осталось: отец сына не знает, мать не знает дочь родную. После убийства посланников Чингис-хана дворец шаха был сметен с лица земли. Теперь нам с тобой, шейх, здесь делать нечего. Мы с угланом тоже намерены двинуться в сторону родную. Хан, правда, вряд ли

раскроет объятия внуку, но что делать, оставаться здесь нет смысла. Я позвал тебя, чтобы сообщить об этом. Мне стало известно, что Чингисхан собирается отправить войско на поиски шаха Улуг Мухаммата. Как-нибудь прорвемся. В конце концов Аллах дал нам жизнь, он же и научит, как выжить. Народ как говорит? — На родной сторонке и воробышек соловьем заливается.

После того разговора шейх Иганай окончательно решил вернуться в Булгарию. За два месяца добрался он до нее — не иначе, как в счастливой рубашке родился. Жены сберегли его добро — дома, хозяйство, скотину, — ничего не растранжирили, не пустили по ветру. Правда, молодая жена ушла, но ведь в хомуте только лошадь удержать можно. Аллах с ней. И мюриды не забыли его, едва услышав о возвращении наставника, примчались всем скопом, рассказали все новости, какие произошли в его отсутствие. Теперь он знал о здешней жизни много.

Шейх еще раз взглянул на угланов хана и снова принял-ся шагать взад и вперед, размышляя о своем.

Живя в Ургенче, он понял: Коран необходимо перевести на тюркский язык. Народ не понимает арабского, заучивает молитвы наизусть, и вера его зиждится лишь на слепом поклонении. А человеку необходимо общаться со Всевышним посредством родного языка. Ведь не зря с рождения подарил сам Аллах ему тюрко-булгарский язык. Есть люди, которые противятся этому, но даже они не сомневаются, что шейх Иганай непременно настоит на своем, и священное писание увидит-таки свет на тюркском языке. Народ начнет читать его с пониманием, сможет постичь божественные истины. К переводу нужно будет привлечь ханского кятиба Хафиза. Он мудрый человек и не может не согласиться, что чтение Корана похоже на волшебство — музыка и гармония стиха зачаровывает людей. Но ведь важна не музыка, а смысл! Он не может понять, откуда в языке арабов эта околдовывающая сознание сила? Как-то он задал этот вопрос кятибу Хафизу и услышал в ответ удивительные слова: «Всякий народ покоряет человечество по-своему. Если арабы привлекают людей и сплывают вокруг себя магической звучностью своего языка, то греки, например, пленяют данными им от природы искренностью и чистосердечием».

Тогда шейх не придавал словам кятиба значения, но в Ургенче убедился в его правоте. Арабы и в самом деле пленяли души людей музыкальностью речи. Иганай частенько ходил в мечеть Пахлевана Махмута творить намаз и всякий раз, слушая великого шейха, приходил в восторг, впадал в благочестивый экстаз. И вновь утверждался в мысли, что

сила мужчины в верности родной стране, а силы страны — в крепости веры. Да, теперь он у себя на родине. Наконец-то сможет исполнить свой долг, заняться тем, что давно было его мечтой. Все зависит теперь от Салим-хана. Что-то он скажет.

— Шейх, вас зовет хан! — сказал бусагабаши, появляясь в дверях.

Шейх вздрогнул от неожиданности и почему-то огляделся по сторонам. Сыновей хана уже не было. Взмолнованный, он последовал за бусагабаши.

— Ассаламагалейкум, великий хан! — приветствовал он хозяина, ступив за порог. Присев тут же, возле двери, на сиденье, молитвенно воздел руки. Помолившись, провел ладонями по лицу и бороде.

— Вагалейкум ассалам, шейх! — отвечал хан слабым голосом. Ханбике жестом пригласила гостя сесть рядом с ханом.

Шейх прошел в глубь покоев, присел возле саке и снова прочитал молитву.

— Говори, — сказал хан, не поднимая головы, — что привело тебя ко мне, шейх.

— Трудно мне было на чужбине, хан. Недаром говорит-ся: уж лучше быть презренным рабом у себя на родине, чем султаном на чужбине.

— Вот, вот, эти самые слова я и хотел услышать от тебя. Но ты бежал, шейх, уклонился от своего долга, опозорил мою страну.

— Я чист перед Аллахом, хан. Вернулся, чтобы остаток дней моих посвятить стране и народу, творить добро. Прости меня, если можешь...

— Ладно, будь по-твоему. Ханбике просила за тебя. Ты, верно, слышал, шейх Ишкул умер, да будет земля ему пухом. Что поделаешь, смерть-то не по лесам ходит, а по головам. Вот и я, как видишь, слег. Короче, пиши, кятиб Хафиз: место шейха Ишкула займет отныне шейх Иганай. Пусть старцы махалли узнают об этом. Визирь Камай, глашатаи сегодня же должны оповестить народ. Как говорят, не бывать стране без султана, а мечети без имама. Теперь рассказывай, какие новости привез.

— Шах Улуг Мухаммат велел убить послов хана-завоевателя по имени Чингисхан, который собирался торговать с ним. После того случая началась между ними война. Полчища хана оказались могущественней. Говорят, будто войнам его нет числа, все мужчины его страны с пятнадцати лет до семидесяти обязаны участвовать в походах.

— О Аллах, это еще что за чудеса такие! Как можно при-

нуждать семидесятилетних стариков скакать в седле да еще и биться? — Он, верно, не человек, этот Чингисхан, чудище какое-нибудь из дивов? Сохрани нас Аллах Всемогуший! Каково же там Бикколу моему? Если ужасный этот хан захватит страну, не обойдет же он стороной Ургенч?

— И где он столько злобы собрал, этот самый Чингисхан? — проговорила ханбике.

— Злобу не собирают, — отозвался шейх Иганай, — она от отцов и дедов достается.

— Аллах поможет Улуг Мухаммату остановить его, ханбике, непременно поможет. Ведь Ургенч в мусульманском мире одна из самых надежных крепостей.

— Торговец Биккол вместе с внуком вашим Кул Гали тоже вернуться собирались.

— Как, как ты говоришь, внук мой Гали тоже вернется?! Ты сказал «Кул Гали», что это значит? Разве внук хана может быть рабом?

— Перед Аллахом все мы рабы, хан.

— Ну-ну, да поможет ему Аллах поскорее добраться до нас. Мне бы только взглянуть на него, ханбике. Тогда и умереть не страшно. Мне так нужно, чтобы это дитя простило меня. Не знаю только, доживу ли. Он уже взрослый. Я и узнать его теперь не смогу...

— Да, узнать его нелегко, хан! Я не узнал. Бородатый, величавый мужчина — ученый и поэт.

— О Аллах, мы потеряли его ребенком, а вернется бородатый мужчина... А не встречал ли ты где Акбике, сноху нашу? Там ли она?

— Нет, мой хан, не встречал. Видел казия Нисбаха. Народ большими семьями, целыми родами бежит из Хорезма в город Саксин. Люди боятся Чингисхана как чумы.

— А куда Улуг Мухаммат смотрит? У него же лучшее в мире войско. Почему сам не выступит первым? Ведь известно, силу можно остановить только силой.

Сказав так, Салим-хан вдруг схватился за живот и застонал, лицо его перекосилось от боли. Ханбике махнула рукой, требуя, чтобы все вышли.

Салим-хан хватал ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Табиб бросился ему на помощь, а ханбике убежала в дверь и окликнула шейха. Надо было прочесть хану ясин. Салим-хан на короткое время открыл глаза, лицо его приняло обычное выражение. Он вынул из-под подушки сверток бумаги и протянул шейху.

— Это мое завещание, шейх, — сказал он чуть слышно и закрыл глаза. Лицо его снова покрылось темными пятнами — начался новый приступ. Хан задергался, а лекарь принялся

водить по его лицу гусиным пером, смачивая временами губы святой водой зам-зам, растирая грудь.

Хан, как видно, доживал последние мгновения. Вскоре ноги его вытянулись, глаза широко открылись и уставились в потолок.

Вошел визирь Камай и остановился в ногах хана, читая молитву. Ханбике Зубаржат словно окаменела на мгновение, потом бросилась мужу на грудь и заплакала.

12

Посмертную волю Салим-хана — его завещание — читали на большом меджлисе. Среди аксакалов были ханские сыновья, которым так и не довелось увидеться с отцом перед смертью. Завещание читал шейх Иганай. Хан Волжской Булгарии трон свой завещал второму сыну — Ильгаму. После оглашения воли покойного в зале установилась тишина, люди, собравшиеся на меджлис, казалось, были погружены в свои глубокие думы. Поднялся шейх Иганай.

— Давайте же выразим свое одобрение, джамагат*, — сказал он, — ведь слово хана — что стрела, выпущенная из лука. Трон тюркской Булгарии переходит ко второму сыну покойного хана — к углану Ильгаму! Да будет счастлив твой приход, хан! Желаем тебе удачи! Аминь!

Ильгам углан, похоже, не ожидал такого исхода. По-видимому, он думал, что власть достанется старшему брату Хаджи, а потому не мог сдержать волнения, которое мгновенно залило ему лицо краской. Но, сделав несколько шагов к трону, молодой хан овладел собой и, высоко подняв голову, сел на него, удобно расположив руки на подлокотниках. Лишь после этого обвел взглядом собравшихся — аксакалов, придворных чиновников-куштанов и прочих державных мужей ханства.

По правде говоря, ни визирь, ни аксакалы не знали содержания ханского документа, не подозревала даже ханбике, кого из двух сыновей предпочтет хан. Решение покойного для всех стало неожиданностью. Как матери, ханбике одинаково близки были оба сына. Но ведь существует еще и право старшинства!

Услышав при чтении завещания имя брата, эмир Хаджи побледнел. Но он не хотел, чтобы окружающие заметили его смятение, и продолжал сидеть, сохраняя внешнее спокойствие. Все, кто был в зале, встали и поклонились наслед-

* Джамагат — обращение к собранию, господа.

нику престола. Эмир Хаджи сделал то же самое. Ильгам-хан бросил взгляд на брата. Мать внутренним чутьем угадала состояние старшего сына, ему теперь было трудно, очень трудно! Она подошла к Хаджи, никого не стесняясь, обхватила руками его голову и прижала к себе. По щекам ее катились слезы. Она не вытирала их, словно хотела, чтобы все видели, как она плачет. Впрочем, стесняться здесь было нечего. Она мать, и ей обидно, что хан нарушил принятый среди тюрков закон и завещал престол младшему из сыновей. Нельзя сказать, что такого не бывало никогда, случаи известные. Но умного, способного, предприимчивого и гордого сына, который умеет постоять за свою правоту, она считала более достойным престола Волжской Булгарии. Да, таково было мнение ханбике Зубаржат. Она понимала, что решение мужа вызвано тем, что сын не очень-то подчинялся, жил независимо, своим умом.

— Отец до последнего вздоха ждал внука Гали, балам*. Говорят, жив он. Правда ли это?

— Мне шестьдесят лет, ему уже больше сорока, анам. Если сын жив, то когда-нибудь вернется, если Аллаху будет угодно. Только мне почему-то не верится в это.

— Я слышала, он уже здесь.

— Люди горазды на выдумки, ведь на чужой роток, как говорится, не накинешь платок.

— Да, отец немало постарался, чтобы внук не писал нам, не подавал о себе вестей. Килен поехала искать сына и запропастилась где-то.

— Килен твоя Акбике сбежала с Бачман-багадуром, анам, — сухо отозвался эмир Хаджи. — Не надо мне напоминать о ней, у меня есть жена.

— Дочка Якуб-бека? Не слишком ли она молода для тебя?..

— Не жеребенок, не сломается. Она по собственной воле пришла ко мне, анам.

— О Аллах, будьте счастливы, балам. Я очень рада за тебя. Ведь покой мужчины — это покой страны. Ты был слишком мягок с прежней женой, балам...

— Ладно, анам, люди смотрят на нас. Взгляни-ка лучше на Ильгама: напыжился как индюк.

— Трон — это не банный полук, балам, пусть сидит. Относись к брату по-доброму. Хорошее отношение не забывается...

— Хорошее отношение добрыми делами заслужить надо,

* Балам — дитя мое.

анам. А впрочем, я согласен с тобой, пусть сидит. Только у меня под ногами пусть не путается, в жизнь мою не вмешивается. У него свои владения, у меня — свои.

— Он великий хан, балам.

— Право так называться надо умом доказать, анам. Со временем увидим. Будет достоин высокого звания, так и скажем: достоин. А если нет, то пусть не обижается, власть-то не от Аллаха.

— Злость к злости, месть к мести приводит, балам. Лучше пожелай брату успеха.

— Атам был двенадцатым ханом Булгарии, сидел на троне около сорока лет. В Булгарии не было хана, который правил бы дольше, анам. Отца теперь нет, старшему его сыну около шестидесяти, а великому хану Ильгаму, который сел сегодня на престол, больше пятидесяти. Старееет Булгария, анам. Старости не любит не только человек, но и государство. С годами и хребет теряет гибкость.

— Говорят, ты с князем Владимиром в спор вступил. Не надо бы так, балам, — сказала ханбике Зубаржат.

— Этот князь купцов моих ограбил.

— Не сам же?

— Его разбойники, на его земле. У нас в Булгарии купцов не грабят. Вот только вернусь отсюда, тогда...

— Тогда что? Пойдешь на урусов войной?

— Нет, не на урусов — на разбойников из Мурома. Это они грабеж затеяли, мои лазутчики все точно разузнали.

— Как бы не вышло, как я сказала: месть не привела бы к мести, балам.

— Иногда, анам, без мести никак нельзя. Бездействие лишь решимости врагу прибавляет. Ему начинает казаться, что он лучше и сильнее тебя. Тут он распоясывается и начинает безобразничать. Злодеи — они ведь как змеи, анам. Отсечешь голову, хвостом бьет; хвост отсечешь, жалить начинает.

— Нет, сынок, не согласна я с тобой. Тут надо бы с братом посоветоваться. Совет лишь упрочит дело. Одна голова — хорошо, а два — лучше. Подумай, балам, — сказала ханбике и вернулась на место. А в голове вертелось одна мысль: как теперь будет жить Булгария и как поладят между собой братья?

* * *

Эмир Хаджи почти каждый день бывал в Ага-Базаре. Продираясь сквозь толпу торговцев и покупателей, прислушивался к тому, что говорили люди. У всех на языке был Ильгам-хан.

Вот на широкую колоду посреди базара взгромоздился какой-то чужеземец. Чернобородый, широколобый, на голове армянская шапка, зеленый джилян* на ветру развевается. Эмир не стал выяснять, кто этот человек, остановился и прислушался.

— Как думаете, для чего Аллах сотворил человека? Ну, вот скажи ты, — обратился чужеземец к тучному торговцу с приятным лицом. Тот растерянно огляделся, пожал плечами и ответил:

— Для того, чтобы есть, пить да женщин любить.

— Это любая скотина делать умеет. А ведь я о человеке тебя спрашиваю.

— Чтобы дышать, воду пить с наслаждением, когда жажда мучает, радоваться, глядя на леса, луга...

— Лошади с коровами тоже на лугах гуляют, травку щиплют, воду пьют, среди цветочков спят, наслаждаются...

Эмир Хаджи спросил у своего телохранителя:

— Кто этот человек?

— Никто его здесь не знает, мой эмир. И я вижу впервые.

— Так для чего же человек живет на этом свете, что ему нужно? А теперь ты попробуй ответить, для чего Аллах создал детей адамовых? — спросил другого торговца чужеземец.

На этот раз он обратился к неказистому человечку в тюбетейке и стеганом халате, разносчику товара.

— Брось ты, — отмахнулся тот, — откуда мне знать.

— Эй, мясник! — крикнул человек с колоды. — Не скажешь ли, для чего живет человек, Для чего небо коптит?

— Потому и живет, что Аллах сотворил его, душу ему дал.

— Ты думаешь, у коров с лошадьми нет души? Думаешь, у мух с комарами сердце не стучит? Аллах им тоже живую душу дал.

— Они ... Люди, чего ему надо?! Чего он пристал к нам?! Кто он такой, чтобы допрашивать?! — разозлился вдруг мясник в запачканном кровью фартуке. — Коли умный такой, сам и скажи!

— Послушайте меня, люди добрые! Аллах создал детей Адама, чтобы строили города, удобные дома, красивые вещи. Чтобы земли вокруг жилищ превращались в прекрасные сады, чтобы величественные мечети возводили. Тех, кто не желает трудиться, а думает только о том, чтобы живот себе набить, он относит к числу животных. Ведь что такое золото и драгоценные камни? — Всего лишь прах под ногами. А человек из них монеты чеканит, выделявает украшения, из

* Д ж и л я н — верхняя одежда, ветровка.

скал мрамор выпиливает и строит дворцы. Мертвые, бездушные камни превращает в живые, вдохнув в них душу. Потому и только потому он зовется человеком!

— А ведь он дело говорит, — закивали головами слушавшие его.

Однако большинство людей не поняли чужестранца. Они обступили его тесным кольцом.

— А что, на казанском базаре тоже есть такие умники? — спросил эмир Хаджи своего охранника.

— На каждом базаре свои чудачки.

Эмир Хаджи не ответил. Здесь его никто не знал. Всякий раз, отправляясь на базар, он менял одежду, превращаясь то в купца, то в мастерового, то в зажиточного землевладельца, а телохранители при нем были как бы слугами.

— Почему я задал вам такой вопрос? А вот почему, слушайте. Только тот, кто бережно хранит сокровища, созданные руками отцов и дедов, народом — редкие изделия, прекрасные строения, — только эти люди останутся людьми. А иначе чем они лучше скотины? Положим, кто-то разрушил город Булгар. Кто он нам в таком случае? Враг. Потому что поднял руку на святыни, доставшиеся нам от предков, на построенные ими величественные дворцы, все сжег, разорил, увел наших женщин в плен. Мы бросимся спасать наши города, любимых наших женщин. Прольется кровь. Начнется страшная война не на жизнь, а на смерть. Но за что станут умирать они, и за что мы? Казалось бы, перед смертью все люди равны. Но они разрушали, а мы старались не позволить им делать такое зло. Так кто же тут больше человек? Тот, кто пришел разрушать, или тот, кто хочет отстоять свое богатство?! Кого назовем батырами? Защитников или завоевателей? Вот-вот, защитников, дорогие мои, защитников. Потому что грабитель и разрушитель батыром считаться не может, он явился для того, чтобы разорять и уничтожать богатства, созданные руками других. Мы с вами можем назвать человеком лишь того, кто защищал свою страну, свою землю, своих женщин. Только они имеют право вкусно есть, выращивать цветы, любить женщин. Вот и получается, что дитя Адама рождено для того, чтобы быть героем! Не забывайте же об этом, люди! Вижу среди вас женщин. Пусть они не обижаются на меня, потому что защищать эти прекрасные создания, драться за них с врагом, быть настоящими батырами — это удел каждого мужчины. Так кто же он, мужчина? Разве это высокое звание Аллах дал ему только за то, что носит усы и бороду? Нет! Борода — это еще не все, ведь у козла тоже есть борода. И тот, кто женщин ублажает, — тоже еще не мужчина. Высокого звания этого достоин лишь

тот, кто грудью бросается на защиту земли родной, матери, сестры, возлюбленной своей. Мужчина — это опора страны! Недавно муромские разбойники ограбили наших купцов. Говорят, князь урусов Юрий только рассмеялся, узнав об этом. Если это называется мужественностью, то какая цена на этом свете разбойнику?

— Узнайте, кто этот человек, и приведите его ко мне! — распорядился эмир Хаджи. — Только не теперь, а вечером, когда стемнеет.

Пока народ шумно обсуждал услышанное, странник пропал куда-то. Никто этого не заметил. Вздуродораженные его речами, люди еще долго кричали и спорили между собой.

Эмир Хаджи пошел искать купца Апаная, торговавшего на Ага-Базаре. Свернув на улицу, заселенную урусами, он увидел Марьям-бике с каким-то русским парнем. Эмир остановился. Марьям-бике о чем-то оживленно говорила. Возле нее стоял пятилетний Абдулла, младший сын Ильгам-хана. Мальчик вертелся, смотрел по сторонам, а мать, увлеченная разговором, не обращала на него внимания. Что это за парень? Уж не человек ли князя Юрия? И что он делает в Булгаре. Впрочем, княжеские тиуны на Ага-Базаре — не редкость. Но с тех пор, как муромские разбойники обобрали болгарских торговцев, тиунов что-то не стало видно. А теперь, похоже, снова понаехали. Да еще с женой хана запросто разговаривают. Женщине, которая стала ханбике, не подобает так вести себя. Но что поделаешь, бике — чужая жена, он не может сделать ей замечание. Молодому хану это вряд ли понравится. А потому эмир прошел мимо, сделав вид, что не заметил женщину.

И все же Марьям-бике не шла у него из ума, он думал о ней, даже когда лег спать.

Утром эмира Хаджи вдруг осенило: неплохо бы позвать купцов Ага-Базара в Казань, пусть торгуют и у нас. Не мешало бы и ремесленников пригласить. Пусть только придут, а уж он позаботится, чтобы они ни в чем не нуждались.

С этой мыслью он вновь с утра отправился на базарную площадь. Ему хотелось также встретить вчерашнего чужеземца, которого его люди потеряли вчера из виду.

Эмиру Хаджи пора было возвращаться в свой город. Справив на седьмой день поминки отцу, он сказал брату:

— Мне пора ехать, улуг хан.

На следующий день Ильгам-хан проводил брата Хаджи до речки Кече Чирмешан. Хотя они ехали бок о бок, за всю дорогу не проронили почти ни слова. А ведь им было о чем поговорить. Эмир Хаджи собирался рассказать о своем намерении отомстить Мурому, но, подумав, решил промолчать.

После того, что он видел и слышал здесь, в Булгаре, ему стало казаться, что пока лучше воздержаться от откровенных бесед. Такому решению немало способствовала и подозрительная встреча Марьям бике с незнакомцем. К тому же молодой хан уже наверняка знает о намерении брата сманить его торговцев и ремесленников. В Булгаре, правда, никогда не было недостатка в торговцах, ремесленниках и строителях, но ведь Ага-Базар не бездонная бочка.

Как бы там ни было, хан тоже всю дорогу хранил молчание. Не спросил даже про Назлыгюль. А ведь знал, что она со своим ненаглядным Даураном живет в Казани. Покойный отец Салим-хан незадолго до смерти отдал распоряжение зятю построить город и на левом берегу Итиля. Будущий хан Ильгам ничего не сказал по этому поводу отцу, просто промолчал. Так оно и лучше, потому что не знал еще, что именно он займет трон, хотя надеялся на это меньше брата.

Доехав до речки, Ильгам-хан повернул лошадь назад. И тогда хан заговорил:

— Абам*, забыл сказать: с нового года Шайтан-Кала передашь мне!

Хан говорил тихо, но эмир отчетливо слышал каждое его слово. Он резко остановил коня и, откинувшись назад, посмотрел брату в глаза.

— Как ты сказал? Шайтан-Кала?! — В голосе его звучало изумление.

— Ты не ослышался, абам, — Шайтан-Кала, — спокойно повторил Ильгам-хан, — после нового года отдашь мне.

Эмир Хаджи посмотрел на своих азатов, переходивших речку вброд, Ильгам-хан же покосился на своих. Но драться им было нельзя. Народ осудил бы, говоря: «Еще тело отца остыть не успело, а уж угланы начали власть делить!» Но ведь и промолчать было нельзя. Сегодня брат потребовал Шайтан-Кала, завтра пожелает потом Джукетау, а там Тубылгытау, Кашан. Со временем, глядишь, точно до Казани доберется

Я хан, а ты эмир, абам, придется отдать! — крикнул ему вслед Ильгам-хан. — И потом, абам, беглого Джик Мергена ты багадуром сделал, а его старший брат Тубыкбай-хан разыскивает. Я багадура твоего в руки его брата передам. И Назлыгюль с Даураном в Булгар верну. А Казань сыну моему Булату отдам, так и знай! А будешь противиться, приду с войском. Только тогда никому не будет пощады, пущенная стрела жертв не выбирает...

*Абам — обращение к старшему брату.

— Не спеши, улуг хан, я пока умирать не собираюсь! — бросил эмир Хаджи и, перейдя речку, помчался прочь, погоняя коня плетью.

Ильгам-хан долго смотрел вслед отряду эмировых всадников, которые, подняв клубы пыли, быстро удалялись. Вчера брат сказал ему: «Счастье — не трон, а трон не есть счастье». Ильгам-хана озадачили такие слова брата. Счастье и в самом деле не примеряют к трону. И то, и другое на безмене не измеришь. В стране Улуг Мухаммата идет война, народ бежит оттуда в болгарские земли. Такое случается среди тюрок, когда на них нападает сильный враг. Интересно, что стало с караваном, который был послан за дочерью шаха — невестой для сына Булата? Удалось ли ему выступить в обратный путь? Скорее всего он уже идет в Булгар, ведь отсюда отбыл так давно. Будущая сноха его зовется Рабига — так ему сказали. Дай им Аллах благополучно добраться, а уж там он устроит для детей роскошную свадьбу. На пир позовет Назлыгюль с Даураном. Брата Хаджи тоже, с молодой женой. А как приедет да свадьбу, будет так же, как дед их Ибрагим хан поступил с кипчакским ханом Аюпом.... Древние верно говорили, две головы в один казан не помещаются... С братом эмиром Хаджи ему не ужиться...

Так к власти в Великой Булгарии пришел Ильгам-хан.

13

— После большого меджлиса ханбике Зубаржат поняла: почтенные аксакалы, куштань, тарханы и карачи — все готовы пасть на колени перед молодым ханом. Шейх Иганай, похоже, не составлял исключения. Как недостойно подобное поведение для пожилого человека! Ильгам-хан делал что хотел, и никто не смел возразить ему. Он сменил всех военачальников, преданно служивших его отцу Салим-хану, а иных менбаши понизил до езбаши. Правда, беков пока не тронул. На визиря Камая косится с недоверием. От внимания ханбике Зубаржат, привыкшей любое событие во дворце продумывать до мелочей, не ускользало ничего. Было ясно, что очередь дошла до визиря. Кого сын собирается назначить на этот пост, ханбике не знала, и спросить не решалась. А хан ни разу не догадался посоветоваться с ней. Как будто она не мать ему. На меджлисах он не замечал ее, ему было безразлично, здесь она или нет. Хотя ханбике обижалась на сына за то, что он внес много перемен, не посоветовавшись с ней, все же решила подождать до поры, не вмешиваться. Но когда он за золото выкупил у князя Всеволода багадура Ба-

яна и вернул его во дворец, она не выдержала и на другой же день пошла в тронный зал.

— Что ты делаешь, углан, для чего тебе понадобился этот багадур, нечестивец этот? Человека, который во время нашествия врага ни разу сабли из ножен не вынул, ты вдруг решаешь взять во дворец?!

— Отцу сгодился, анам, сгодится и мне.

— И вовсе он отцу не сгодился, сбежал. А ты его за золото возвращаешь! Он вражеский лазутчик, двуличный человек!

— Если мне не изменяет память, отец сам отправил багадура Баяна к урусам послом.

— Да, сделал это потому, что другого выхода не было. Надеялся, что князь отправит его назад, а этот негодник остался у князя Всеволода. И кто же он после этого?! Да его судить надо, вот что! Судить!

Высказав все это, ханбике, кипя от негодования, вышла. Ильгам-хан встал и принялся шагать из угла в угол.

За окнами лютый мороз, на озерах трещит лед, кора на деревьях ломается, а в тронном зале тепло, тихо, никого рядом нет, даже кятиб Хафиз куда-то вышел. Было так хорошо, он предавался думам о Всевышнем, а мать ворвалась и перевернула все его мысли и чувства вверх дном. Какое она имеет право вмешиваться в дела хана! Хватит! Отец долго плясал под ее дудку. Я — хан Великой Булгарии, у меня своя голова на плечах. Завтра же отправлю гонца к князю Всеволоду: пусть весной идет на Казань, а я помогу ему. Земля брата должна перейти ко мне. Без того нет государства... Кого же послать к князю? Сына Булата? Да, это было бы хорошо, но углан теперь на берегу реки Яик*, ждет свою невесту. Боюсь, долго ему придется ждать: невеста его попала в плен к монголам. Так доложили Ильгам-хану. Разве вырвешь теперь кость из пасти пса? — Дочка шаха вполне может приглянуться сыновьям Чингисхана, кто же откажется от такого подарка? Ведь женитьба на дочери Улуг Мухаммата дает ему право на владение Хорезмом.

Или уж повременить с послом до весны? Да, сначала нужно дожидаться купца из Ургенча, узнать, чем закончились злоключения Рабиги, а уж там видно будет...

Что-то анам язык распускать стала. А шейх Иганай на моей стороне, даже имени отца при мне не упоминает, хотя тот простил его. Только анам все еще дуется на шейха, старая обида не скоро забывается. Самое важное, чего ему се-

* Яик — река Урал.

годня надо добиться, — это расположения придворных чиновников-куштанов. Вон князь как поступает: едва народ начнет волноваться, недовольный чем-то, принимается натравливать его либо на соседнего князя, либо с помощью духовных отцов — на мусульман. На страну, обычаи которой расписывают так, будто более диких людей, чем «басурмане», на свете нет. Вот и выходит, что воевать с ними дело вполне богоугодное. Почему бы не воспользоваться таким опытом? Глядишь, Шайтан-Кала ему достанется и древний город Казань тоже. В Шайтан-Кала отливают чугун, железо, а Казань превращается постепенно в большой торговый город. А вот и повод: в Булгаре всегда не хватало железа. У кого же оно есть? — У эмира Хаджи. Надо, выходит, разжечь в народе недовольство, потому что эмир продает железо эрзе и черемисам, хотя Булгария сама нуждается в нем. В конце концов народ потеряет терпение, а тут ханские глашатаи станут призывать его к войне. Тут уж брат эмир Хаджи покорится без всяких возражений.

Да, пожалуй, у эмира Хаджи иного выхода не будет.

14

Весна нагрянула внезапно. Все началось с тающего снега, который днем капал с соломенных крыш, а ночью застывал в виде ледяных клинков. Не прошло и двух недель, как поползла черная туча, внушавшая жуть своим видом, и раздался оглушительный гром. Старики считали, что такое начало весны не предвещает ничего хорошего, а дети и бесшабашная молодежь радовалась: «Весна пришла, весна!» Это и в самом деле была очень странная весна. Через неделю после капли показались грачи, а там и скворцы прилетели. В лесах снег исчез вдруг, запестрели поля и луга. Скотина, стосковавшаяся по молодой траве и запаху сырой земли, разбрелась по лугам и взгорьям.

Народ в таком весеннем натиске увидел дурной знак:

— Не к добру это, — говорили люди, — такой весны мы еще не видавали.

Для ханбике Зубаржат то была первая весна, которую она встретила в одиночестве. В прежние годы в первые весенние дни покойный муж, бывало, говорил: «Пойдем, милая моя Зубаржат, прогуляемся по берегу Итиля, посмотрим ледоход». Они смотрели на льдины, с грохотом проплывавшие мимо. Нынче и зима была какая-то необычная — замутила морозами. Много людей замерзло, могилы для них копали с большим трудом. И весна слишком уж торопится,

земля вскрылась раньше срока и грозовой ливень прошумел не вовремя. Только бы добром все кончилось...

А тут доложили ей, что Ильгам-хан замышляет войну против родного брата. Эта весть несказанно огорчила ханбике. Она позвала визиря и обо всем расспросила его. Визирь Камай ничего не стал скрывать — не приучен был таить секреты от ханбике. Узнав все в подробностях, ханбике растерялась. Все было намного хуже, чем она себе представляла. Придется снова идти к сыну. Не думала ханбике, что власть так изменит его. Ей и в голову не приходило, что сын перестанет прислушиваться к ее советам.

К вечеру она узнала еще одну невероятную новость: сын ее Ильгам прогнал из дворцового медресе младшего сына эмира Хаджи. Она едва верила своим ушам. Стареющая ханбике чувствовала себя одинокой и очень несчастной. Ей даже поговорить было не с кем. Ах, если бы Назлыгюль была рядом! Ну почему бы не приехать с ребенком к матери хотя бы в гости?! Может, брат не отпускает? О сыне-эмире рассказывали, что он все же ходил на Муром и отомстил разбойникам. Да что же это такое? Ну почему мужчины не могут жить без войны?!

Если бы Салим-хан был жив, не допустил бы такого. Распоясались дети, совсем распоясались. Головы у них седеют, а ума что-то не прибавляется.

Прежде ханбике в любое время могла войти в тронный зал, где у нее было свое место. А теперь сын Ильгам перестал звать ее на большие меджлисы.

Думая о Назлыгюль, ханбике невольно вспоминала и о Дауране. А рядом с зятем тут же возникал призрак его матери Туйбике. Вслед за ней сам собой воскресал в воображении Салим-хан. Интересно, почему это он, услышав о Туйбике, всегда терялся? Неужели до старости не переставал любить ее? Или не мог смириться, что жена досталась рабу Алпару? Хоть и хан был, а на смертном одре все становятся равными. В молодости Салим-хан, похоже, любил Туйбике, потому и не мог спокойно слышать ее имени.

Однажды женское любопытство взяло верх, и ханбике Зубаржат захотелось взглянуть на мужа Туйбике Алпара. Увидев мастера, она вдруг всем своим женским существом поняла: не родить ребенка от такого мужчины просто невозможно. Что там бесплодная Туйбике, родит даже та, что семь раз побывала замужем и не смогла стать матерью. И нельзя было сказать, что он такой уж видный мужчина, сразу бросающийся в глаза, лицом не слишком уж и красив. Но было в нем что-то такое, перед чем не устоит ни одна женщина — необычайно притягательная сила. То ли во взгляде таилась

она, то ли во внешнем обаянии — ханбике так и не разобралась до конца. Зато убедилась в одном: мастер не мог не нравиться Туйбике. Неудивительно, что Туйбике вцепилась в него. Дауран как две капли воды похож на отца, хотя есть в нем кое-что и от Туйбике. Назлыгюль увидела его еще девочкой, тогда же, небось, и влюбилась деточка моя. А иначе разве сбежала бы из ханского дворца, где жила как в раю, бросила бы ради раба отца с матерью? Не иначе как пророком, самим Аллахом стал для деточки моей этот мастер-раб. Ладно, что уж тут, знать, судьба ее такая. Не зря же говорят, дорога — от человека, а судьба — от Аллаха.

Да, повезло Назлыгюль с мужем, а Ильгаму — с женой. Только вот Хаджи углан слишком поздно нашел свое счастье. Слышно, он в дочери Якуб-бека души не чает. Дай-то Аллах им счастья. Как говорится, лето приносит ласточка, а любовь — женщина. Да, дети, вы счастливы. Вот только мать ваша осталась совсем одна. Было время, в нее тоже влюблялись. Она не была слепой, все замечала. Лекарь Антоний, например, готов был в прах превратиться у ее ног. Но ведь он неверный. Она его и за руку взять бы не решилась. Как же это кятиб Хафиз решился жениться на дочери кяфира? Живет и в ус не дует, только и ждет случая, чтобы поспешить к ней. Интересно, где теперь Антоний, как он? Может, вызвать его?

Грустно ханбике, места себе не находит, душа изболелась в тоске. Казалось, достаточно одним глазком взглянуть на лекаря, и она оживет, воспрянет духом. Ханбике смолоду была чуткой женщиной, с богатым воображением. Придя во дворец, она сразу же по восторженному взгляду лекаря догадалась, что не безразлична ему. Что же это было, любовь или просто любованье ее красотой? Восхищаться молодой женщиной так естественно, но ханбике Зубаржат сердцем чуяла, догадывалась о потаенных мечтах лекаря. Конечно же, она никогда не позволила бы ему ничего лишнего, и бедняга это тоже понимал. Салим-хан не был глуп, он замечал, какими взглядами они обменивались, и был рад случаю избавиться от Антония, отдав его князю Всеволоду.

Лекарь не был ни в чем виноват, а ханбике и подавно. Он любил ее, любил безнадежно — только и всего. Бывали, правда, минуты, когда ей очень хотелось видеть его, но она подавляла в себе такие желания.

Да, с наступлением весны ханбике стало особенно трудно. Главной причиной ее плохого самочувствия была обида на сына Ильгама. И как не обижаться, как не гневаться, если вот уже несколько дней он находит тысячи причин, чтобы отказать ей в приеме.

Кятиб Хафиз вошел в тронный зал и, увидев ее, встревожился:

— Вы здоровы, ханбике? — спросил он.

— Слава Аллаху, кятиб! Проходи.

— Ханбике, если позволите, завтра я хотел бы пойти на Ага-Базар. Говорят, лекарь Антоний вернулся.

Услышав о приезде человека, о котором она только что думала, пораженная ханбике вскочила с места, словно боялась упустить птицу счастья, которую протягивала ей судьба. Щеки ее зарумянились, в глазах вспыхнул живой огонек.

— Хафизджан, нельзя ли и мне с тобой?

— Пожалуйста, ханбике, я зайду за вами.

Ханбике была благодарна кятибу Хафизу: с тех пор, как умер Салим-хан, он был единственным во дворце, кто не изменил к ней отношения. Почтительный, скромный, умеющий сострадать, к тому же симпатичный, он не способен был обидеть человека грубым словом. Вот и теперь пришел отпроситься к ней, а не хану. Хотя он и живет с гречанкой, ханбике давно благословила его. Правда, до сих пор не сочетался никахом, живет просто так. А может, это и лучше? Что значит никах, если двое и без того искренне привязаны друг к другу, любят?..

Она собралась на Ага-Базар в надежде встретить там Антония. Не получится ли, что она сама ищет встречи с человеком, интересоваться которым ей запрещает сам Аллах? Ну нет, видно, не придется идти. Он появится во дворце, не может не появиться. Надо только подождать.

— Ладно, Хафизджан, езжай один. Увидишь лекаря, передай привет. Наверное, он еще помнит ханбике.

— Можно ли вас забыть, ханбике! — с чувством воскликнул кятиб, но тут же, устыдившись своей горячности, опустил глаза.

— Конечно, помнит, — сказала Ханбике, — ведь столько лет лечил нас...

Она еще что-то хотела добавить, но сдержалась, вынула из кармана мешочек с деньгами и протянула кятибу.

— Вот, отдашь Антонию, может, у него нужда. Скажешь, ханбике прислала, — проговорила она и вышла.

* * *

Как-то ханбике Зубаржат все же застала Ильгам-хана в одиночестве сидящим на троне. Едва увидев мать, он сказал торопливо:

— Я жду казначея Вартана, анам.

Но мать сделала вид, что не слышала этих слов, села рядом и воздела руки для молитвы.

— Анам, — повторил он, — я же сказал...

— Слышала я, азатов своих против старшего брата послать собираешься? Так вот, нет на то моего благословения, — начала ханбике Зубаржат, избегая смотреть сыну в глаза, словно говоря сама с собой.

— Абам должен был отдать мне Шайтан-Кала! Не хочет ясак платить, не внес в казну ни копейки, живет независимо — хан ему не указ. А мне войско увеличить надо.

— Для чего? Чтобы брата своего разорить?! Брат твой Хаджи не дурак, думаешь, не догадывается о твоих замыслах?

— Ну и пусть! Он мне, великому хану, ясак не платит, ни копейки не дал!

— На родного брата напасть вздумал, меня «анам» называешь. Так, балам, мамушек зовут, что младенцев нянчат, а не мать, что дает жизнь. А ведь я сама вскормила тебя грудью...

— Прости, анам, но как мне быть. Абам не признает меня. Из Булгара в Казань ремесленники, богатые купцы уходят.

— Казань отец твой благословил, так не мешай же тому, кто продолжает его дело, балам.

— Хватит называть меня «балам»! Я тебе не мальчик, а великий хан.

— Тяжелая ноша на твоих плечах, балакай, — ты за всю страну в ответе, — сказала ханбике, чуть усмехнувшись. «Вот так, — подумала она про себя со злорадством, — ты мне «анам», а я тебе «балам», «балакай».

Ильгам-хан встал и принялся вышагивать по залу.

— Не посылай казначея в Казань, нет на то моего благословения.

— Думаешь, посмеют обидеть моего такого большого человека?

— Брат твой ясак тебе и так платит, а казначея твоего унижат. Ясак он сам выплет, сам. Потерпи.

— Я отправлю с казначеем азатов.

— Азатов в плен возьмут, а казначею отрежут бороду и отправят назад на жеребой кобыле. Так киевский князь с послами князя Андрея поступил.

— Не говори глупости, анам. Мы что, неверные?

— Когда человека унижают, не спрашивают, какой он веры. Дождешься, что казначею отрежут бороду и отправят верхом на козе. От стыда места себе не найдешь.

— Мне денег не хватает, войско не на что собрать. Без денег можно ли азатов содержать?

— Уйми гордыню, направь мысли свои на добрые деяния. Примирись с братом, пришлет он ясак, — сказала ханбике, собираясь уйти.

— Не стану я кланяться, а пойду на него с войском! Тебе же, анам, лучше не мешать мне! И Марьям-бике обижать не стоит. Не называй ее «Маржа».

Услышав имя снохи, ханбике остановилась и обернулась к сыну. Ильгам-хан увидел, как сузились глаза матери, как нахмурились брови — последние слова стрелой вонзились ей в сердце.

— О Аллаx, что ты такое говоришь?! Как же я должна называть ее?

— Ее зовут Мария, анам, Мария!

— У них она, не сомневаюсь, Мария, а по-нашему Маржа. Для тебя она Мария, а для меня Маржа бике.

— Она теперь ханбике, анам! Слышишь, ханбике!

— Спереди, может, и бике, а сзади все равно Маржа. Ишь ты, ханбике! Не бывать этому! И кто научил тебя такому?!

— Не бери грех на душу, анам. Никто меня не учил. Я — великий хан, а она — ханбике.

— Ты улуг хан, а она бике, всего-навсего бике! — строго возразила ханбике Зубаржат и так посмотрела на сына, что тот невольно подался назад. — Собери меджлис, созови всех аксакалов. Пусть они решают!

С этими словами она прошла к двери, всем видом показывая, что разговор окончен.

То-то в последнее время ханбике места себе не находила, чуяла душа, что впереди ждет ее неприятность — и вот, пожалуйста, с сыном поссорились. Казалось, высказавшись начистоту, она должна была успокоиться, но ничего похожего не случилось — сердце колотилось так, словно было готово выскочить из груди. Ханбике пошла в спальню и, зарывшись лицом в подушку, горько заплакала.

* * *

Проводив взглядом разгневанную мать, Ильгам-хан позвал бусагабаши и приказал немедленно привести к нему казначея Вартана. Бусагабаши, однако, не спешил выполнить приказание, спокойно стоял возле двери.

— Так где же казначей?!

— Идет сюда, хан.

— А ты чего спишь на ходу? Ты к кому явился, холера тебя возьми! Ступай да скажи своим людям, чтобы созвали на послезавтра аксакалов и куштанов на меджлис. И чтобы все были, до единого!

— Слушаюсь, славный мой хан.

Только бусагабаши скрылся за дверью, как в другую дверь вкатился толстый, как бочка, визирь Камай.

— Доброго утра, мой хан, — сказал он, кланяясь.

— Где казначей?

— Идет.

— Что это вы с бусагабаши сговорились, что ли, твердите одно и то же. А Вартана все нет.

— Мне сказать вам надо, хан.

— Ну, говори, — Ильгам-хан подался вперед.

— Человека, что с Марьям-бике встречался, зовут Миттай. Он оказался внуком купца Якима Кучкина.

— Вон оно что. А где Таймас-багадур?

— Сейчас придет. Хорошо ли будет, если отправим казначея Вартана в Казань, хан?

— Казна моя пуста, мне азатам платить нечем. Пусть казначей поедет к эмиру Хаджи и попросит денег. Не захочет дать, тогда пусть вернет то, что получил от отца на строительство города.

— У народа деньги есть, хан, но как отнять что уже роздано? Чернь — что стадо баранов, тут и до бунта недалеко. Впрочем, бунта нам бояться нечего, ведь и азатов, и оружия у нас хватает. Меня больше волнует внук Кучкина, который говорил с Марьям-бике.

— Отныне, визирь, Марьям-бике для тебя, да и для других тоже — ханбике.

— Слушаюсь, славный мой хан.

— Нет ли вестей от князя Юрия?

— Нет, мой хан, но он сдержит свое слово. Обещал сразу же после сабантуя выступить. У них нынче сильная засуха, хан. Посевы не взошли, поля выжгло суховеями. Князь Юрий боится идти на Казань. Он хочет захватить город Калачык, который ближе к нему.

— Пусть возьмет Калачык, а мы Казань возьмем.

— Да поможет нам Аллах, — отозвался визирь Камай, кланяясь.

— Бусагабаши! — позвал Ильгам-хан. — Позови хан-бике.

— Вашу мать Зубаржат, мой хан?

— Марьям-ханбике! — закричал Ильгам-хан с раздражением. — Да побыстрее, чтобы одна нога тут... другая там!

Вскоре Марьям стояла возле трона. Она осторожно прильнула головой к плечу мужа.

— Что случилось? — спросил Ильгам-хан, приказывая кивком головы визирю и бусагабаши удалиться.

— Ничего не случилось, мой Ильгам, просто я полюбила.

— Скажи, соскучилась.
— И полюбила, и соскучилась, — сказала ханбике Марьям, поднимая голову и заглядывая мужу в глаза.
— А ну-ка сядь сюда, вот сюда, возле меня. Отныне место моей матери твоим будет.
— Я теперь ханбике, да, Ильгам мой?
— Да, ты ханбике.
— Хорошо, я ханбике, Ильгам мой, сижу на месте анам.
— Сиди, сиди. Вот так. А теперь скажи, с кем встречалась на Ага-Базаре? Вчера и сегодня.
— Родственника встретила, Ильгам мой. Дмитрий приехал, его встретила. Привез шкуры. А еще шубу себе сшить собирается...

В тронный зал вошла ханбике Зубаржат. Увидев сноху на своем месте, усмехнулась. Она обратилась к сыну, делая вид, что не замечает его жены.

— Углан, в город прибыл лекарь Антоний, надо бы позвать его во дворец.

— Ладно, анам, позову.

Ханбике резко повернулась и вышла.

15

Якима Кучкина, который пришел во дворец, хан долго не принимал. Богатый купец русского князя Яким Кучкин во времена покойного князя Андрея был послом, а теперь прибыл с внуком Митяем, привез шкуры. Снова к своим торговым делам вернулся. Говорили, что он участвовал в убийстве князя Андрея, но князь Всеволод все равно жаловал его и оставил при своей особе. А сегодня служит князю. Но в качестве кого? Не послом, понятно, иначе сообщил бы. Выходит, в Булгаре он всего лишь купец. Посол ли, купец ли он, Ильгам-хан примет его. Если память ему не изменяет, отец как-то сказал о нем: «Просто так Яким Кучкин в Булгар не приезжает».

Ильгам-хан взглянул на своего кятиба. При разговоре с Кучкиным он должен быть здесь. Секретарь тоже хорошо знает этого человека. Это он сказал хану: «Купец на язык находчив, много знает, поистине ходячая история».

Не успел Ильгам-хан занять место отца, а княжеский посол уж тут как тут. Зачем приехал? Что ему надо? Правда, его собственные послы оказались проворней — они уже побывали у князя с просьбой помочь при взятии Казани. Уж не об этом ли собирается поговорить с ним старый посол? Но ведь князь уже дал согласие, Булат углан все уладил в разговоре с ним с глазу на глаз. Так что о деле знали толь-

ко Булат углан, визирь да сам Ильгам-хан. Неужели князь рассказал о тайных переговорах Яким Кучкину? У этого купца полон Булгар своих людей. Вон уже и мать проведала что-то. Правда, она думает, что он сам, своими силами собирается взять Казань. Но Ильгам-хан понимает: Казань ему одному не взять. Нужна помощь. И дать ее может только князь...

Отец Салим-хан и Яким Кучкин были очень дружны. У посла, казалось, не было секретов от хана, а у хана — от посла, потом о затеваемых грабительских набегах князей Салим-хан знал наперед. Не принять ли ему человека князя поласковей? Разузнать, о чем думает князь, чего хочет.

Ильгам-хан приказал позвать посла. Бусагабаши вышел и выкрикнул имя Якима Кучкина. Старик вздрогнул от неожиданности. На душе у него отчего-то не было покоя. Он запретил внуку Митяю выходить в город, а этот шалопай ослушался его да еще посмел на Ага-Базаре встретиться с женой хана Марией. А потому старый Яким, много повидавший на своем веку, быстренько спровадил внука на родину. Как говорится, на бога надейся, да сам не плошай. Внук — беззаботная головушка, не знает даже того, что за каждым шагом бике ведется слежка. Да, Митяй мог испортить все дело. Если бы не он, старик мог бы с чистой совестью смотреть хану в глаза, потому что за всю свою жизнь не причинил Булгарии вреда. Он хорошо относился к булгарскому народу — возможно, оттого, что предки его были выходцами из этих мест. Но в то же время он преданно служил своей стране, веру которой исповедовал.

Яким Кучкин приблизился к трону и склонил голову, приветствуя хана.

— Привет твой принят, проходи, садись, — сказал молодой хан и этими словами успокоил гостя.

— Сын великого князя Всеволода — Большое гнездо князь Юрий передает тебе привет, великий хан.

— Привет принимаем, Яким агай, — улыбнулся Ильгам-хан.

— У нас засуха, хан. На рынке дороговизна. Великий князь Юрий Всеволодович сильно озабочен: из Булгарии перестал поступать хлеб. Ушел из жизни Всеволод — Большое Гнездо, сел на трон Суздальского княжества его сын Юрий.

— Так, посол?

— Так, улуг хан. Только не повезло ему. Засуха пришла на Русь. Ни одного дождя за лето.

— Муромских разбойников брат мой, кажется, уже проучил, скажи князю, пусть приструнит своих грабителей или,

поймав их, отправит ко мне. У нас в Бургарии купцов не обижают, все они под нашей защитой, посол.

— Голод, великий хан, у нас голод людей вынуждает. Недаром говорят, злость голодного человека страшна.

— Какой ясак собирает князь с крестьян?

— Одну долю из пяти.

— А я, дорогой посол, беру лишь одну долю из десяти. Когда не умеешь правильно распределять налог, можно и вправду голодом сгубить свой народ. И потом у князя слишком уж большое войско, а его кормить надо да еще деньги платить.

— За совет спасибо, великий хан, только я ведь не сижу на троне, Юрий князь сидит.

— Я это так, к слову сказал, Яким агай, не хотел обидеть... Если хочешь знать, я и сам собираюсь одну пятую долю брать. В казну денег мало поступает. И купцы ловчить стали, все больше из-под полы торгуют. Тарханы мои закрывают на это глаза или же берут взятки. А для казны это большой убыток. Не знаю, правда ли, нет ли, только слышал я, что ты, Яким агай, на Казань глаз положил. Начал там с согласия эмира улицы мостить.

— Стар я уже для этого, великий хан. Это не я, а брат мой Афанасий. Был я в том городе. Место удобное, можно сказать, на семи дорогах лежит. И дочка Салим-хана, как оказалось, там живет. Муж у нее зодчий. Мальчонка у них родился. Хороша, ах, как хороша! С ребенком на руках видел ее, и показалось мне, что сама пресвятая дева передо мной. Даст же господь красоту такую, дней десять так и стояла перед глазами, ей-ей! Говорят же, красота девушки — от человека, красота женщины — от Бога. А ведь и правда так.

— Судьба у нее горькая, Яким агай: за раба замуж вышла. Кто бы мог такое себе представить!

— На жену раба она не похожа, великий хан. Счастьем так и светится, веселая, улыбается. Я ведь еще отца мастера Даурана знавал. Он церковь во Владимире построил. Значит сын зодчего Алпара не уступает отцу. Отстроил город, которому, похоже, равных не будет. Дворец эмира Хаджи самого великого хана достоин. Все делается с большим искусством. Я заказал ему чертежи для строительства караван-сарая. С трудом согласился. Спасибо Афанасию — уговорил мастера.

— Ладно, оставим этот разговор, Яким агай. Ты лучше скажи, с каким делом ко мне пожаловал?

— Сперва, великий хан, позволь поднести тебе княжеские дары. — Яким Кучкин щелкнул пальцами, и тотчас на пороге появились его слуги. Они разложили перед троном

соболями меха, дорогие шубы, куски шелкового полотна такой белизны, что глазам больно смотреть, поставили бочонки с медом.

— Все эти дары, великий хан, от князя Юрия.

— Спасибо, спасибо, посол, — сказал Ильгам-хан и велел слугам унести все это. — Булгария тоже одарит князя. Завтра же тридцать-сорок ладей с отборным хлебом отбудут во Владимир.

— Да хранит тебя Господь, великий хан, — сказал Яким Кучкин, поклонившись и осенив себя крестным знамением.

По приказу хана из внутренних покоев вынесли бочонок кумыса. Послу хозяин сам налил в пиалу.

— Мне давно хотелось встретиться с тобой, Яким агай, — начал хан, — пригласив гостя за низкий столик. — Ты много видел. Не держу обиды, что путь свой начал с Казани. Давай, пей и рассказывай. Это все, чего ради ты приехал? Только из-за хлеба?

— Да как же соседу не проведать соседа? Повод-то всегда найдется. Без повода одни бездельники ездят. Самым важным делом, хан, был хлеб. Как говорится, хлеб — всему голова.

— Булгары испокон веков сеют хлеб, слава Аллаху, без хлеба покуда не сидели. Но давай поговорим о другом, Яким агай. Мне всегда хотелось побольше узнать о жизни русских князей. Расскажи-ка мне об этом. Кроме князя Китана*, мне не довелось видеть никого. Вот уж батыр был, каких мало! Об отце его, Юрии Долгоруком, рассказывают как о чудном князе. Ты видел его. Так что ж за человек был?

— Этот самый князь отца моего сгубил.

— Как, как это было? — заинтересовался Ильгам-хан, удобнее устраиваясь на сиденье. Он махнул рукой стоявшему у двери бусагабаши, веля выйти.

— Да, князь был, видать, непрост. До сих пор он у меня перед глазами. Дюжий этакий человек, белолицый, глаза маленькие, длинный, чуть кривоватый нос, русая борода. Голос басовитый, взгляд грозный, но бывало, что и приветливо глядел. Наверное, на доброго и глядел по-доброму, а на злого — как тот заслуживал. Как-то раз прискакал со своей дружиной к нам на хутор. Одни говорили, что по пути на войну заехал отдохнуть, поохотиться, развлечься. Он шел тогда на Киев. Заместо отца хотел занять киевский престол. А там трон был уже занят. Другие же уверяли, что он был влюблен в мою мать. Моя мама была хороша собой и звонкоголоса, как соловей. Из богатой была семьи. Отец, впрочем,

* Китан — князь Андрей — сын Юрия Долгорукого.

тоже был не промах — зажиточный купец-молодец. В наши края из Булгара приехал. Князь сразу же отправил в Чернигов гонца за родственником. Пусть, мол, едет в леса, что наш хутор обступили, да рысь с собой прихватит (черниговский князь во время охоты с обученной ручной рысью своей не расставался). Рассказывали, что князь Юрий до женщин охоч был. Об этом слуги отца шушукались, а я, тогда еще зеленый юнец, хоть и не понимал, что к чему, но к разговорам взрослых прислушивался с интересом. Вижу, с приездом князя отец хмурый и молчаливый стал. Видно, сердце бедняги чуяло что-то. Князь приказал накрыть стол во дворе. Рысь черниговского князя завалила в тот день лося. Зверя освежевали и подвесили над костром на вертеле. Отец выставил медовуху. Пили много, не то бочонок, не то два осушили — не помню уж теперь. Нам что, мы радуемся. Веселятся люди, шумят, песни поют, пляшут, силой меряются. Прошло время. Тут Юрий Долгорукий встает и идет прямо к матери. Отец сверкнул в ту сторону глазами — не понравилось ему поведение князя. Но не проронил ни слова. А мать, увидев, что князь к ней направляется, вспыхнула вся и зарделась, как маков цвет.

— Спой-ка, спой, лебедушка моя, — сказал князь и упал перед матерью на колени. Мать, не зная, как быть, коснулась рукой его волос.

— Спую, спую, князь, — отвечала, — непременно спую.

Отец с треском сломал рукоять плети, которую держал в руке. Но, кроме меня, этого не заметил никто, даже внимания не обратили. Только мать, как видно, поняв, каково ему, сказала:

— Я спую, спую, князь, только ты уж на свое место возвращайся.

Князь матери не послушался, остался, где был, и начал ждать, когда она запоеет. И она запела (что же ей еще оставалось?) Если бы ты, великий хан, мог слышать, как она пела! По телу будто мурашки побежали — честное слово! — даже соловьи, казалось, заслушались, щелкать перестали. Представь себе картину: мать поет, а князь у нее в ногах. И рот закрыть не догадался, так и смотрел на нее, будто зачарованный.

Песня кончилась. Мать перевела дух. Тут князь вскочил на ноги, подхватил мать и понес ее на руках в дом.

Отец мой, Степан Кучкин, человек большой и грузный, мог запросто уложить, ухватив за рога, двухгодовалого бычка. Увидев все это, закричал громко, со злостью:

— Оставь мою жену, князь, не трожь ее! — Выхватил из ножен саблю и двинулся на князя. Тот мать не отпустил, лишь повернул голову и, увидев у него в руках саблю, взг-

лядом приказал телохранителю своему, а может, тот сам догадался. В тот же миг стрела впиалась отцу в спину. Отец хотел было оглянуться, чтобы узнать, кто стрелял, но не смог. Так и рухнул на землю вниз лицом. Мать закричала, поднялась суматоха. Князь поставил мать на ноги и, вынудив саблю, пошел на своего телохранителя, убившего отца. И зарубил бы его, если бы не сын князя Андрей, который невесть откуда возник перед отцом: «Отец, не проливай кровь, оставь его мне, он жизнь спас тебе!» Князь посмотрел на телохранителя, перевел взгляд на сына, сунул саблю в ножны и, помолчав немного, сказал телохранителю: «Прочь с глаз моих, Петр!»

Десять лет спустя в Киеве убили и самого князя Юрия.

Но история на этом не кончилась. Князь, видимо, желая загладить вину перед матерью, попросил выдать мою старшую сестру Улиту за своего сына Андрея. Мать не возражала. Вот так князь Андрей и стал нам зятем. Вскоре зять взял во дворец и меня с братом Афанасием сделал своими советниками.

— А за что же князя Андрея убили?

— В обиде были на Долгоруких, простить им не могли. А сестра Улита так и не смогла полюбить мужа. Может, потому князь бросил ее, взял другую жену из ваших Булгар. Это лишь добавило нам злости, вот и задумали извести его. Впрочем, им многие были недовольны: и духовенство, и бояре, ну а про нас и говорить нечего.

— Я слышал, в убийстве Андрея князь Всеволод тоже участвовал? Это правда, Яким агай?

— Не могу утверждать, что в убийстве он участвовал, но других подзуживал, это правда. А что, он ведь тоже внук Юрия Долгорукого. Хотя матери у них разные, право на княжение имел такое же. Видно, и ему на престол сесть не терпелось.

— Помнится, князь Андрей бросил брата твоего Афанасия в темницу и собирался повесить на виду у всех за то, что принял ислам. Кто же его спас?

— Зять Петр. Он и спас. Нам тоже не нравилось, что Афанасий принял веру мусульман, да ведь он брат мне. На Афанасия, когда он прибыл во Владимир, кто-то донес князю: басурманом, мол, стал, чалму на голове носит. А князь Андрей как раз из похода на Киев вернулся, где потерял войско, проиграл войну. Народ был зол на него, о боярах и говорить нечего. Через эту прилюдную казнь князь Андрей хотел злобу народа на мусульман перевести, то бишь на булгар. Да, — через казнь брата моего Афанасия.

— Не успел, что ли?

— Не успел, хан.

— Апанай теперь в Булгаре, ходит в чалме, на дочери шейха женился, по правилам ислама.

— Дурак он, совсем спятил. Он еще и в мечеть на намаз ходит.

— Разве это плохо, Яким агай?

— Религию-то бросить можно, а вот совесть нельзя. Я не сержусь на него, только во Владимир пути ему больше нет. Народ наш житья не дает людям иной веры, да простит его Аллах. Ведь говорят, бог един... Хотя веры и разные.

— Ладно, Яким агай, ладно. Да ты ешь, угощайся, медовуху пей и кумыс попробуй. Кумыс, знаю, хорошо греет кровь!

Яким Кучкин не заставлял себя уговаривать, ел, пил все подряд. Ему было здесь спокойно, как дома, потому что он хорошо знал болгар и уважал их за трудолюбие и смекалку. И у себя, и здесь Кучкины были знатными и уважаемыми людьми. А с тех пор, как брат принял ислам, женился на дочери шейха и поселился в роскошном, не хуже, чем у самого хана, доме, уважение болгар к этому роду возросло во много раз. У Якима среди местных торговцев много друзей, но Яким не Афанасий, веры своей держится крепко!

Яким Кучкин, хоть и был православным, никогда не одобрял набегов на тюркскую Булгарию. Князь ли, духовный отец ли был перед ним, он всегда, смело заявлял: «С соседом, с которым ведешь торговлю, не воюют!» Но его никто не слушал. Привычка жить за счет грабежей соседних государств, даже родственных и христианских, настолько въелась в сознание урусов, что иной жизни они себе просто не представляли. Духовные наставники хлопотали над тем, чтобы направить гнев народа в то или иное русло, а люди состоятельные обязаны были следить, чтобы войско было должным образом оснащено.

Яким частенько задумывался над устройством жизни. Торговые пути были в основном в руках болгар. А потому все богатства стекались к ним. Вот если бы этими торговыми путями владели урусы, золото текло бы в княжескую казну. Но без крови этого не добиться. Нужно пролить много крови, потому что болгары, хоть и соседи, однако хорошо вооружены. Рассказывают про какие-то пушки, которые они научились изготавливать. Изобрели их будто бы умельцы — грек Драгил да молодой парень по имени Бакир. Живут эти двое в Шайтан-Кала. Бакира он знает, это сын купца Ахмета, который всегда был ему добрым товарищем. И парень этот Бакир женат на девушке-сиротке, которую он, Яким, сам привез когда-то купцу Ахмету. Вот ведь как она хитро закручена, жизнь-то. И бедняжка эта — его собственная дочь от служанки. Служанку он выдал замуж...

Урусы с булгарами воюют не часто, но в десять лет хотя бы раз урусы нарушают мирный договор, установленный между ними, потому что богатая торговая Булгария — это лакомый кусок. Из Гирата, Багдада, Самарканда, Бухары, Ургенча, даже из Египта и Тобгача болгарские купцы доставляют товары во Владимир, Новгород и Киев. В Торжке есть даже улица, сплошь заселенная болгарскими купцами. Но торговля между Владимиром и Булгаром в последнее время, после того, как сел на трон Юрий князь, заметно ослабла — возможно, оттого, что отношения стали натянутыми. Купцы ропщут, не нравится им это. Словом, и Булгарии, и Владимиру распри судили одни лишь беды и убытки.

Но тем не менее войны нет-нет да вспыхивают. Чтобы добиться успеха в ратном деле нужно хорошее оружие. И в Булгарии всегда умели его делать. Вот и теперь болгарские мастера колдуют над чем-то. Яким неспроста приехал в Булгарию. Одной из главных его целей было разузнать, что же такого хитрого придумали болгары. Сам князь дал ему такое поручение. Яким должен также узнать секрет чугунного литья и постараться переманить тех, кто владеет таким мастерством. Дело-то уж очень непростое и опасное. Он явно играет с огнем! Но спорить с великим князем Яким не мог. «Поеду, погляжу, князь», — сказал он, не слишком-то обнадеживая своего господина. Но молодой князь не желает ничего знать: либо чугун, либо чугунолитейщики, либо пушкари, если таковые у них есть, но только чтоб были во Владимире!

Задумчиво потягивая кумыс, Яким Кучкин решил рассказать Ильгам-хану историю о своей дочери, которую привез в Булгарию. Дуняша, так зовут дочь, теперь замужем за чугунных дел мастером и живет в Шайтан-Кала. Все, похоже, складывается само собой, и волю князя, глядишь, выполнить удастся.

— Великий хан, — начал Яким Кучкин, покашляв в кулак, — грех висит как дамоклов меч, над моей головой. Когда-то давно привез я сюда дочь родную и оставил товарищу своему Ахмету. Дитя было от служанки. Вынужден был так поступить, великий хан. И хочется мне проведать дитя мое. Как уж у вас говорят: хоть душа молчит, да кровь тянет? Бедняжка уж во сне являться мне стала.

— В Шайтан-Кала нельзя тебе, Яким агай.

— Будет от тебя ярлык — так пустят. Дитя все же родное.

— Ярлык в Шайтан-Кала... — сказал Ильгам-хан в задумчивости. — Ты знаешь, наверное, город этот в руках брата моего эмира Хаджи. Если в мыслях у тебя нет ничего дурного, дадим тебе ярлык, отчего же не дать.

— Боже упаси, великий хан, какие дурные мысли могут быть у меня?! Из Кучкиных никто сроду не ссорился с булгарами. Бог даст, и дальше в мире жить будем.

— Я это знаю, Яким агай. Ханбике Марьям обо всем рассказывает мне. Знаю, что и внука Митяя ты во Владимир отправил.

— Служить не хотел, болтался под ногами. Вот я его и отправил в Булгар. Он на базаре встретил ханбике, а та о родине его расспрашивала, о родных. Только и всего...

— Она мне все объяснила, Яким агай.

— Ты прав, хан, женщинам надобно верить. Наш брат мужчина ошибается порой, думая, что женщине все нипочем, отечество с легкостью сменить может. Княгиня Екатерина, жена князя Андрея, ни сном, ни духом не ведала, что мужа ее убить задумали. Если бы знала, уберегла бы его. Зря болтают, будто бы она все знала. Верно и то, что княгиня, как и я, всегда была против войн с булгарами. Между ею и князем дело доходило до ссор. Князь Андрей не стал участвовать в последнем походе против булгар, потому что жена просила его о том, и он из уважения к ней послушался. Такое решение князя очень даже не понравилось боярам да духовным отцам. Убили его, а народ обманули: мол, жена князя в том виновата. После этого несчастная княгиня была вынуждена бежать с младшим сыном Юрием в Саксин. И я не одобряю этого, хан. Но что делать, не биться же головой о стенку. Говорю же, не любят у нас людей иной веры. Для русского такой человек хуже собаки.

— Я наслышан об этом, Яким агай. Ладно, будет тебе ярлык, — сказал хан, поднимаясь с места.

Яким Кучкин тоже встал и, поблагодарив хана за все, вышел.

16

С ярлыком в руках посол Яким поспешил в дом для гостей. Сначала он хотел пойти к брату Афанасию, но, подумав, решил не ходить. Только бы все закончилось добром, думал он. Пока, казалось, сам Бог помогает ему. Важно было получить ярлык — это ему удалось. Уже завтра или послезавтра доберется до Шайтан-Кала. Ему известно, что к литейщикам можно попасть только через минарет, который пользуется дурной славой, но он, Яким, и эту дорогу пройдет. Когда надо, он сквозь стену проходить умеет. Рассказням людей не стоит верить. Тимошка рядом будет, а уж он в обиду не даст. Как увидят его дюжий медвежий образ, любая нечисть хвост подожмет.

Яким неторопливо умылся, поел и вытянулся на саке,

устланном перинами. Он, правда, слышал о случаях, когда людей, пробравшихся в минарет Шайтай-Кала, находили мертвыми. Садак, посол хорезмшаха, сказывали, так погиб. Неужто и его подстерегает такая участь? Может, болгары там хитрые ловушки соорудили? А что, такое вполне возможно — чтобы чужие не пронюхали секрет изготовления чугуна и оружия. Но Яким Кучкин с Тимошкой пойдут туда. Итак, решено.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Яким отправился в путь. Лошадь под ним вначале бежала резво. Тимошка ехал, чуть приотстав. Тут и солнце выглянуло. Остановились возле какой-то речки отдохнуть. Тимошка напоил лошадей, отпустил их на луг и прилег возле хозяина.

— И на кой нам эта чертова башня сдалась, Яким Степаныч? — спросил он, дергая травку, росшую среди камней, и отправляя ее в рот. — Храбрецов, что туда суются, после в реке вылавливают.

— А ты почему знаешь?

— Так я ж здесь вырос, Яким Степаныч. Отец в кузне у Ахмета молотобойцем был. Пожалел меня отец: ты, говорит, тоже, как я, горб тут заработаешь. И отправил с купцом во Владимир. А уж оттуда я к тебе попал.

При этих словах Яким Кучкин, лежавший на траве, живо сел.

— Вот те раз! — воскликнул он. — Почему раньше об этом не сказал? У меня же дочка там, Дуняша, замужем за сыном Ахмета.

— Какая такая дочь, Степаныч? — удивился Тимошка.

— А то чья же, служанка Настасья от меня родила. За Данилу конюха выдал ее, а он, дурень, невзлюбил девчушку, да и моя Ефросинья видеть ее не могла. Вот и привез ее сюда, отдал Ахмету, товарищу моему по торговым делам, — мол, воспитай, человеком сделай. А сын Ахметов влюбился в дочку-то да поженились они. Вот что делает судьба с человеком, Тимоша.

— Уж не собираешься ли дочку с собой забрать?

— Да кто ж мне отдаст ее? Говорю же, замужем она. Люблю я этот народ, Тимоша. Нам бы торговать да жить в дружбе, ан нет, веры у нас разные, — вздохнул Яким Кучкин.

— Афанасий-то, брательник твой, сказывают, чалму носит да в мечеть ходит.

— Ходит. Человек — не лошадь, узды не накинешь. Да я и не собираюсь его обуздывать. Пусть делает, что хочет, лишь бы ему хорошо было. Когда ему любо, мне тоже неплохо. Мы теперь с братом Афанасием как две горы — и сойтись не можем, и уйти друг от друга не в силах. В Болга-

рии все торговые дела он возглавляет, а во Владимире — я. А что до Шайтан-Кала, так это лишь уловка, чтобы чужих не пускать. Юрий Всеволодович Калачык захватить собирается. А как город нашим станет, сдастся мне, что князь там базар откроет. Это хорошая будет оплеуха Булгару. Хочу ли я этого? И да, и нет, Тимошка. Сам я здесь, а душа дома, в усадьбе. Все хозяйство на жену бросил. Уж больно крута моя Ефросинья, боюсь, как бы Настасью не прогнала со двора. Люблю я Настасью. За конюха выдал, пора, вроде, угомониться, ан нет — как увижу, сердце-то так и заходится! И дочку только лишь по ее просьбе повидать еду.

— А я-то думал, ты по другим надобностям едешь.

— Какие еще такие надобности?!

— Ха, запирается еще! Тебе, Яким Степаныч, надобно хитрость разнюхать, как чугун плавят да пушки делают. До Дуняшки тебе дела нет.

— Не болтай лишнего, дурень, не для твоей башки эти дела, — Яким встал и быстро пошел к своей лошади.

— Да она, поди, не признает тебя, Яким Степаныч! — крикнул ему вдогонку Тимоша и не спеша двинулся следом.

Яким вовсе не был рассержен на Тимошку. Его удивила проницательность слуги. Как он догадался о том, что знали лишь двое — он и князь? А ведь парень прав: не узнает его дочка. А если и узнает, не догадается, что он отец ей. Яким не говорил ей, скрывал. Он для нее лишь богатый дяденька. Уж как просила, умоляла не увозить ее в чужедальные края, к посторонним людям, а он и слушать не стал. Как теперь язык повернется сказать: я, мол, отец твой. Интересно, по своей воле пошла она за сына Ахмета или принудили? Да нет, Яким хорошо знал Ахмета, не мог он допустить такого, скорее, все было честь по чести, даже по-басурмански никах справили. Кто же знал, что Дуняша женой чугунолитейщика будет, какие-то пушки будет он мастерить. Не стал бы скрывать, что она дочь ему, и хорошее приданое отвалил. Черт, Ефросинья плешь проела: увези да увези. Верно сказал о бабах великий князь Мономах: приблизь, но не уступай! А вот Яким все же уступил своей бабе.

За весь оставшийся путь Яким не проронил ни слова Тимошка, видно, поняв, что сболтнул лишнего, тоже молчал. Дюжий нескладный Тимошка с басовитым глухим голосом всегда был послушным и исполнительным слугой, надежным стражем своему хозяину. Он был бескорыстен и язык за зубами держать умел. Яким Кучкин думал о нем: человеку этому ничего не надо в жизни, лишь бы сыт да одет был. А парень-то, оказывается, на два аршина под землей видит! С князем с глазу на глаз говорили, поди ж ты, догадался ведь.

Перед отъездом он болвана этого на служанке Анфисе женить собирался. Интересно, что Тимошка сам об этом думает?

Чтобы отвлечься от дум, Яким взглянул на небо. Стоял светлый осенний день. Травы начали желтеть, но вдоль ручья еще коврами стелилась густая сочная мурава.

— Дядя Яким, к литейщикам-то один путь — через башню. А что, если народ правду говорит?

— Пройдем, Тимоша, пройдем. Никакого шайтана там нет, не стали бы люди хлебом клясться.

— А тебе кто рассказал?

— Ханский есаул. Кстати, Шайтан-Кала эмиру Хаджи принадлежит, так что с ярлыком хана туда не пустят.

— Да откуда тебе все известно, дурья твоя голова?

— Мне здесь все известно, — сказал Тимоша, постукивая рукоятью плети по сапогу. — Говорят, эмир Хаджи азатам своим хорошо платит.

— А я, что же, мало тебе плачу?

— Нет, не мало, Яким Степаныч, не в этом дело. Здесь родина моя. Как перешли знакомый ручей, в душе защемило что-то. Будто в детство свое воротился...

— Тимоша, кто это там на дороге? — спросил Яким дрогнувшим голосом. Их догоняла группа всадников.

— Да это азаты, ханская охрана, — беспечно отвечал Тимошка.

— И чего, думаешь, им от нас надо? Глянь, прямо на нас скачут! Боже сохрани и помилуй, — прошептал Яким, быстро крестясь.

Всадники тем временем поравнялись с ними. Езбаши с двумя перьями на шлеме, скакавший впереди, велел остановиться.

Яким Кучкин показал ему ханский ярлык.

— Идите, хан сейчас сам здесь будет, — сказал езбаши, не обращая внимания на ярлык.

Вскоре, вздымая облака пыли, прибыл хан со своим войском.

— Великий хан, ты же сам дал мне ярлык, а теперь сам же задерживаешь, — сказал посол с обидой в голосе.

Ильгам-хан сидел на серо-гнедом жеребце, упряжь которого была украшена золотом и серебром, на шлеме покачивались четыре пера. Ханский джилян, расшитый золотой канителью, был оторочен куньим мехом. На ногах сапоги из мягкой кожи булгари.

— Да, ярлык я тебе дал, а потом засомневался, поможет ли он тебе. Я, кажется, говорил уже, что Шайтан-Кала принадлежит брату моему эмиру Хаджи. А нрав у него, как известно, крутой. Вот и подумалось, что могут тебя не про-

пустить, а потому сам решил ехать. Слава Аллаху, не опоздал. Я впусти тебя в город, Яким агай, а, может, с собой проведу. Короче, прибыл я, чтобы забрать Шайтан-Кала себе...

— Дай-то Бог, дай Бог, — проговорил Кучкин скороговоркой и оглянулся, чтобы убедиться, не шутит ли хан.

— Решил поставить точку на вольном житье эмира Хаджи... Чтобы с урусами торговать, мне чугуна нужен, Яким агай. Чугун — это еще и прочная сталь, и пушки. А уж из стали можно ковать любое оружие. Я и Казань у него отберу, а потом мы с князем Юрием заключим мирный договор, как это между нашими дедами водилось.

— О Боже, да будет так, пусть так и будет, — снова запричитал Яким Кучкин.

— Что ж, в путь! К вечеру город моим будет.

Ильгам-хан тронул коня, но остановился, увидев на дороге скачущего во весь опор одинокого всадника. Хан приказал окружить его. Подскакав ближе, всадник, похоже, узнал хана и хотел было повернуть назад, но ему не дали сбежать, взяли коня под уздцы и подвели к хану.

— Кто тебя послал? — грубо спросил хан.

— Я унбаши Чупай, улуг хан.

— Кто твой господин, спрашиваю.

— Господин мой менбаши Туран, улуг хан. Я хотел только узнать, кто вы такие, — сказал унбаши и, взглянув на Тимошку, кивнул чуть заметно. Это удивило Якима Кучкина. Оказалось, хан тоже заметил.

— Что, знакомы?

— Мы у Баян-багадура вместе служили, — ответил унбаши Чупай. — Он, хоть и урус, — наш человек, здесь родился и вырос. Как дела, Тимоша?

— Неплохо, — отвечал тот. Потом слез с коня и обнял Чупая. — Здоров ли, Чупайджан? Ты, оказывается, все еще здесь, а я вот Якиму Степанычу служу. Он меня себе в телохранители взял.

— Верните унбаши оружие, — распорядился хан.

— Спасибо, улуг хан, не забуду милости вашей, — унбаши опустился перед ханом на одно колено.

— А не забудешь, так вот что, унбаши: садись на коня и во весь дух скачи к своему менбаши Турану. Скажи ему, пусть откроет ворота и спустит мост — мол, улуг хан едет.

— Слушаюсь, улуг хан.

С этими словами Чупай вскочил в седло и помчался в крепость. Ильгам-хан приказал всем ехать за ним. Проехав некоторое расстояние, он велел багадуру остаться с войском и двинулся дальше, оставив при себе только телохранителей.

— А что, если эмир Хаджи в городе? — спросил Яким Кучкин.

— Что тут поделаешь, Яким агай, придется драться с ним. Как бы там ни было, Шайтан-Кала все равно моим будет.

— А не лучше ли будет взять войско с собой? Как говорится, брат брата не пощадит.

— А у нас говорят: брат брата, а хан хана не пощадит.

Крепостной мост оказался спущенным, ворота распахнуты настежь. Ильгам-хан со своей охраной, посол Кучкин, не придерживая лошадей, въехали в крепость. Хан остановил коня и спросил стражу:

— Эмир Хаджи, брат мой, здесь?

— Нет, улуг хан, эмир Хаджи в Кашане! — отчеканил один из стражников.

— Менбаши Туран где?

— Вон он, сюда идет! — ответил стражник и вытянулся, крепко сжав копьё.

Менбаши тем временем подошел и молча поклонился хану и Кучкину.

— Менбаши Туран, — обратился к нему хан, — нам в минарет подняться надо. Кто нас поведет.

— Если только сами пойдете, улуг хан. Я не осмеливаюсь входить туда.

— Ладно, — сказал Ильгам-хан и взглянул на Кучкина, — заночуем здесь, а там видно будет.

— Милости просим, улуг хан. В караван-сараяе место для всех найдется. — Ильгам-хан бросил узду своего коня телохранителям и зашагал к караван-сараяю. Менбаши последовал за ним.

— Скажи-ка, менбаши Туран, как пройти к литейщикам?

— Только через минарет, улуг хан.

Хан обвел минарет глазами и усмехнулся:

— Народ, что же, боится туда входить?

— Аллах свидетель, улуг хан, очень боится.

— Ну а ты был там?

— Аллах да убережет меня от этого, улуг хан. Я пока еще в своем уме.

— А как же чугунолитейщики, которые ствол готовят к пушкам, как они туда попадают?

— Это одному Аллаху известно, хан. Я здесь крепость охраняю, а не мастеров, — ответил менбаши.

Ильгам-хана догнал посол Кучкин. Он был взволнован.

— Хан, здесь говорят, что каждого, кто входит в минарет, шайтан забирает, — сказал он.

Увидев на лице посла испуг, Ильгам-хан положил руку ему на плечо и с уверенностью сказал:

— Вранье все это. Завтра же мы с тобой туда и поднимемся.

— Ради Бога, хан, я без Тимошки ни ногой! Даже если меня золотом осыпят.

— Знаю я, тебе не золото, а главного кузнеца видеть надо и место, где стволы отливают. Мне тоже литейщики нужны. Брат эмир прячет их от меня. Но я здесь великий хан, и я не отец, не позволю самовольничать эмиру.

— Улуг хан, — сказал менбаши Туран, — все же я не советовал бы вам входить в минарет. Вошедший туда назад не выходит...

— Выдумки все это. Неужели и вправду думаешь, что там шайтан сидит?!

— Кто там сидит, одному Аллаху ведомо, улуг хан, только я не видел, чтобы кто-нибудь вышел оттуда. Этих людей мы в реке находили.

Ильгам-хан снова взглянул на темную башню, которая своим видом вселяла в душу тревогу и страх. Словно читая мысли хана, посол сказал:

— Какая же она громоздкая и мрачная, мечеть ли это?

— Эту старую башню-мечеть зодчий Дауран заново отстроил, верно я говорю, менбаши? — спросил Ильгам-хан. — А теперь он в Казани большие здания возводит. А если строил, то и тайну знать должен, так ведь, менбаши, а? — Хан, казалось, размышлял вслух, потому что не смотрел ни на кого.

— Наверное, знает, великий хан, только мастер Дауран давно не бывал в нашем городе.

— Зато мастер по варке чугуна Бакир никуда не уезжал, живет с молодой женой здесь, так ведь? Где его дом?

— В городе Кашане, великий хан. И жена там. Здесь у них тоже есть дом, только я не знаю точно, где. Уж очень странный он человек.

— А как же он к чугунолитейщикам проходит?

— Вот этого я не видел, великий хан. Говорю же, таинственный какой-то он, то здесь, то там. С каким-то греком непонятно чем занимается.

— А эмир Хаджи бывает с ними?

— Часто бывает, иной раз целыми днями пропадает.

— Завтра пойдешь со мной, поднимемся, менбаши, со мной на башню. Для безопасности возьмем двух телохранителей и посла с его Тимошкой.

— Я туда не пойду, улуг хан.

— Почему?

— Я еще пожить хочу.

— А я, что же, по-твоему, не хочу?

— Я так не сказал, улуг хан. Я жить хочу, а оттуда еще ни один человек не возвращался.

— А в чем тут причина, менбаши Туран?

— Это уж один Аллах знает, улуг хан.

— Ладно, менбаши, веди нас в дом для гостей. Утро вечера мудренее, — сказал Ильгам-хан.

— Смогу ли я дочку повидать, хан? — спросил Кучкин.

— Менбаши Туран, — сказал хан, с усмешкой глядя на менбаши, — вот посол из Владимира к нам приехал, дочку повидать хочет, а дочка его за мастером Бакиром замужем. Шайтан ли хранит этих супругов, или уж сами они в шайтанов превратились? А?..

— Улуг хан, — перешел менбаши на шепот, — не надо бы так, не смейтесь, прошу вас — шайтан услышать может! Здесь пропадали даже те, кто громко смеялся. А их тела даже не нашли.

— Да-а, — озадаченно протянул хан, которого тоже начинала пробирать непонятная тревога. — Если память мне не изменяет, покойный отец поднимался на этот минарет не один раз. Жив-здоров остался и ничего страшного, вроде, не видел.

— Правда, такое было, улуг хан. Отец твой, и правда, поднимался на минарет. Вот только как ему уцелеть удалось, он один знал, никому не рассказывал. Выходит, скрыл даже от вас. Я и сам заходил туда, улуг хан, только на минарет не поднимался. Отец твой покойный, да пребудет душа его в раю, в тот день многих сгубил, совсем невинных людей мечом порубил. Если бы брат твой эмир Хаджи не помог ему из минарета выйти...

— Хан, — повторил Кучкин, — без Тимошки я туда ни ногой! Богом клянусь.

— Тимошку твоего вперед пропустим, посол Яким агай, а уж за ним ты пойдешь.

— Господи, Господи, спаси и помилуй меня! — старик принялся торопливо осыпать себя крестными знамениями, Тимошка с улыбкой наблюдал за ним.

17

Учителем Ильгам-хана был кятиб Хафиз. Человек, весьма просвещенный для своего времени, он внушал воспитаннику, что не следует верить ни в знахарей, ни в колдунов, ни в леших, ни в домовых, ни в слухи и небывальщину. Всего этого не существует, говорил он, а сам в то же время верил в способность человека околдовывать взглядом, приводить себе подобных в состояние гипнотического сна. И шакирдов

убедил, показав на деле, как это бывает. Одних луковицу вместо яблока съесть заставил, других — стоять у стены вверх ногами. После, расспросив шакирдов, которые участвовали в удивительном зрелище, Ильгам понял, что сверхъестественную способность эту учитель получил от самого Аллаха, подобно пророку Мухаммаду. К пророку являлся ангел Джабраил и наставлял его, давая советы и знания, обучал даже грамоте. Словом, о гипнозе Ильгам-хан имел представление, но вот что случалось с людьми, отважившимися подняться на минарет, было для него загадкой. Он чувствовал в этом что-то дурное, зловещее, но все же решил не отступать, подняться на минарет, чего бы это ему ни стоило. Если вчера он еще сомневался, то сегодня был полон решимости.

Ильгам-хан жалел, что не взял с собой кятиба Хафиза. Учитель дал бы ему совет. А теперь приходилось действовать на свой страх и риск. Отступать было уже поздно. Как говаривал покойный отец, слово хана — что выпущенная из лука стрела, назад не вернешь. Итак, решено: он будет в минарете!

Проснувшись рано утром, когда солнце еще не успело взойти, Ильгам-хан думал обо всем этом, лежа в постели, подложив руки под голову. Ночь была беспокойная, снились какие-то странные сны — то он падал с минарета в пучину, то летал над водой. И радовался, что может летать! Поняв, что это лишь сон, он даже огорчился немного. А почему в самом деле человеку не дано летать, как птице, которая с любого места может взмыть ввысь? Вот сделать бы крылья да вознестись в небо!..

Все это сказка, которой никогда не стать былью. Скоро придут будить его. Девушки, обслуживающие гостей караван-сарая, подадут таз, кумган, помогут умыться. Потом принесут еду. Позавтракав, он отправится в Минарет Шайтана, как его здесь называют. Где они, эти люди, производящие чугун, — под землей, или кузница их за минаретом? Никто не знает.

Ильгам-хан встал, и тут же в дверях появилась служанка с тазом и кумганом, через плечо перекинута полотенце.

— Доброе утро, улуг хан! — она чуть заметно кивнула, улыбаясь ему и скромно опуская глаза.

— Утро доброе, красавица! — отозвался Ильгам-хан и, засучив рукава, умылся, потом вытер лицо и руки расшитым полотенцем.

— Давно тут работаешь?

— Около двух лет, улуг хан.

— Работать не надоело?

— Нет, улуг хан. Через год эмир Хаджи выдаст меня замуж за литейщика. После женитьбы эмир для каждого мастера дом строит.

— А любимый есть у тебя?

— Есть, улуг хан. Батталом зовут.

— Как же он приходит к тебе?

— Не знаю, только раз в неделю приходит, но обязательно.

— А ты у литейщиков бывала?

— Что ты, улуг хан, как можно? Туда никто никогда не ходит. Те, кто пытался пройти через минарет, погибали. А другой путь, если и есть, то его один Аллах знает.

— Ладно, ладно, спасибо тебе, — сказал Ильгам-хан, возвращая полотенце на плечо девушки, и начал одеваться.

Да, Ильгам-хану было о чем задуматься. Кто бы что ни говорил, дорога к кузнице, конечно же, существует. Возможно, через минарет, а если нет, то где-то еще. Ильгам-хан слышал, что минарет был построен еще в древние времена по велению сына Кубрат-хана Кодрака, который переехал сюда с ордой. Кое-кто уверяет даже, что минарет возвели по приказу самого Кубрата. Ибрагим-хан обратил внимание на развалины построенного предками города. Он был здесь, целый день осматривал руины, брошенные жителями, древний караван-сарай и решил восстановить город. А почему? Потому что знал, что в старину булгары плавили здесь медь. Ибрагим хан восстановил крепостные стены, вернул жизнь караван-сарая, но до минарета дело не дошло — хан умер. Салим-хан не проявил интереса к делу отца, отдал начавший подниматься из руин город сыну эмиру Хаджи. Минарет, подъемный мост и ворота крепости эмир Хаджи приказал отстроить заново и привез для этого мастера Даурана, который не покладая рук трудился здесь целый год. Тысяча каменщиков работали под присмотром мастера. И вот эмир Хаджи восстановил медеплавильное дело, а потом с помощью грека Драгила, как доложили хану, наладил литье чугуна. На первых порах дело у них не шло, но когда за него взялся сын кузнеца Бакир, все получилось. Эмир не жалел на производство денег. Кузницу спрятал от глаз людей. Короче, эмир Хаджи превратил это свое производство в великую тайну. Салим-хан пытался силой отнять у сына Шайтан-Кала, но безуспешно. Очень недовольный тем, что отец хочет отстранить его от дела, им же основанного, эмир приказал поднять стены крепости еще выше и поставить минарет, чтобы скрыть литейщиков и рабочий люд.

Ильгам-хан слышал, что под землей прорыты ходы, а тем, кто рыл их, эмир дал большие деньги и предложил навсегда

покинуть Булгарию, Строптивые, кто не пожелал подчиниться, вскоре исчезли. Из посвященных остались лишь зодчий Дауран да грек Драгил. Ходили слухи, что жизнь была сох-
ранена еще каким-то людям, но их никто и никогда больше не видел.

Ильгам-хан не знал, где эти подземные ходы, зато знал человека, который наверняка посвящен в тайну. Это Дауран. В конце концов он велит привезти мастера силой и заставит во всем признаться. За сооружение подземных ходов, за устройство в минарете секретных входов и выходов брат эмир Хаджи даровал Даурану свободу. Отцу-хану такая самостоятельность сына очень не нравилась. Это и было причиной того, что он отправился в Казань с войском, чтобы отнять город. Но из этого тоже ничего не вышло. Молодой хан надеялся быть удачливее отца и решительно взялся за разгадку тайны Шайтан-Кала. Он верил, что очень скоро узнает ее.

Ильгам-хан не раз перечитывал «Историю Булгарии», которую писал кятиб Хафиз, но там не было ничего про эти события в Шайтан-Кала. Правда то, что хотя сына старшего не любил хан за строптивость, однако строителей ему дал и денег отвалил. Это правда. После эмир Хаджи все взял в свои руки. Перенес собственную столицу из Кашана в Казань, построил дворец, который красотой и роскошью затмил дворец хана, перестал слушаться отца, решив, по-видимому, стать независимым.

Эмира Хаджи стали называть после этого самим Шайтаном. Раньше Ильгам-хан лишь усмехался, слыша такое, не придавал этому значения, но, сев на трон, стал думать иначе. Шайтан! Почему брата раньше никто так не называл?..

Принесли еду. Ильгам-хан не спеша поел, продолжая думать о своем. Потом прочитал молитву. В дверь постучали.
— Войдите! — сказал хан.

Вошел менбаши Туран, поздоровался и молча остановился у порога. Это был могучий человек с непомерно большими ладонями, борода клином, густые брови срослись на переносице, в зеленых глазах, казалось, застыла усмешка.

— Улут хан, вы и в самом деде намерены подняться на минарет?

Хан улыбнулся. Было смешно видеть, как трусит такой дюжий молодец, которому ничего не стоит голыми руками свалить быка. Вчера уже все было решено, к чему все это заново?

— Не только намерен, я войду туда, менбаши. Признайся, ты бывал в минарете?

— Да нет же, хлебом клянусь, улуг хан, как мне еще убедить вас? — Но в голосе менбаши хан уловил смущение.

— Судя по имени, ты истинный тюркский багадур и не должен, вроде, бояться.

— Да, я тюркский багадур и ничего не боюсь.

— Шайтана тоже?

— И шайтана, улуг хан, потому что его нет. Но всякого, кто входит в минарет, мы находим мертвым. Вот что меня удивляет и пугает.

— А как же эмир Хаджи к литейщикам проходит?

— Чего не знаю, того не знаю, улуг хан. Эмир Хаджи — загадочный, но добрый, человека зря не обидит, голоса не повысит и ясак больше десятой доли не собирает. Народ доволен им. Я — его менбаши и справедливому человеку хочу служить верой и правдой.

— Говорят, при входе в минарет эмир Хаджи читает особую молитву — афсен. И после этого якобы открываются тайные ворота и появляются какие-то чудища.

— Не знаю, улуг хан. Народ-то всякое болтает. Я говорю вам, только то что, видал, что знаю. При нас эмир в минарет не ходил, улуг хан. Может, где и есть потайной ход. Я здесь уж сколько лет менбаши, а чугунолитейщиков в глаза не видел. И о потайных путях ничего не знаю. Правда, Бачман-багадур и Акбике как-то побывали в минарете, но они...

— Что было с ними?

Бике сразу же назад вышла, а Бачман с берега реки вернулся. Вот все, что я знаю. Багадур после рассказывал, что заблудился и долго искал выход. Весь мокрый был, с головы до пят. Я не решился расспрашивать.

— Менбаши Туран, а нельзя ли вызвать мастера Бакира?

— Он мне не подчиняется, улуг хан. Не знаю я, какими путями пробирается он к литейщикам. Он редко показывается нам. Как входит, как выходит — не известно.

— А мне мастер Бакир тоже не подчиняется?

— Что вы, как можно! Только где его найти? У него своя жизнь, у нас — своя.

— Менбаши, — громко сказал Ильгам-хан, направляясь к двери, ты с сегодняшнего дня — не менбаши, назначаю тебя багадуром. Считаю, что крепость великого хана в твоём распоряжении вместе с чугунолитейщиками, мастером Бакиром и всем, что здесь есть...

— Нет, нет, улуг хан, не кричите так, прошу вас: шайтан услышать может.

Ильгам-хан чуть не рассмеялся верзиле в лицо, снова подивившись его трусоватости, но сдержался.

Ильгам-хан задумчиво ехал вдоль реки Чулман, припустив лошадь неспешной рысью. Он верил и не верил разговору о минарете. Если вдуматься, многое в этой истории вызывает недоумение.

— Они вошли в минарет вчетвером, хана сопровождали багадур Туран и посол Яким Кучкин со своим телохранителем.

Когда подъехали к двери минарета, солнце было уже довольно высоко. Ильгам-хан приказал Тимошке открыть тяжелую дубовую, обитую железом дверь и, взяв в руку горящий факел, шагнул первым. За ним последовал менбаши, потом Тимошка, позади всех шел Яким Кучкин. Старик шептал молитвы и истово крестился. Не спеша поднялись на первый ярус. Темные, покрытые плесенью стены, на ступеньках толстый слой пыли. Было ясно, что сюда давно никто не заглядывал. Потрясенная светом сорвалась с насиженного места сова, запищали летучие мыши, какая-то птица неожиданно ударилась о факел. Ильгам-хан отдал факел Турану и пропустил его вперед.

— Давай, давай, смелее, — подбодрил хан, — как видишь, никакого шайтана здесь нет.

— Хан, — взмолился Яким Кучкин, — подожди немного, не спеши так... Дальше я не пойду.

Ильгам-хан остановился и посмотрел назад. Свеча в руке посла дрожала.

— Тимоша, возьми у него свечу, — сказал Ильгам-хан.

Внезапно тишину взорвал истошный крик: «А-а-а!» Все замерли. Каждый слышал, как сильно стучало его собственное сердце, готовое выпрыгнуть из груди, в ушах стоял звон.

— Багадур Туран! — закричал хан, и тут же на голову им посыпались песок и камни.

— Тимоша, иди ты вперед! — приказал хан.

Телохранитель посла без возражений пошел вперед, и лишь после того, как он преодолел три или четыре ступени, хан с послом двинулись следом. Старик вцепился в рукав хана:

— Может, не стоит дальше-то?

Ильгам-хан остановился и стал наблюдать за Тимошкой, который медленно взбирался на третий ярус.

— Да что же это такое? — проговорил он, как бы спрашивая самого себя. — Куда багадур провалился?

— Что там, Тимоша? — спросил посол. — Не лучше ли тебе назад вернуться?..

Но не успел он договорить, как снова раздалось душераздирающее «А-а-а!», после чего установилась жуткая тишина.

на. Волнуясь и спотыкаясь, Яким Кучкин бросился вниз. Ильгам-хан нехотя последовал за ним. Что за наваждение?! Уму непостижимо: багадур с телохранителем исчезли прямо у них на глазах!

Выбравшись кое-как наружу и захлопнув дверь, Яким Кучкин повалился на колени и снова стал креститься.

— И дочь уж не нужна мне, и литейщиков своих себе возьми, хан! Уж если Тимошку моего сгубить сумели, я для них и вовсе пустяк! И вера у меня другая, и чужой я здесь! Бежим, пока целы, хан, ради Бога, умоляю!

— Вставай, Яким агай, вставай! Пойдем отсюда!

Добравшись до ворот, Ильгам-хан послал за езбаши Чупаем. Стражники тотчас поскакали. Ильгам-хан подошел к столбу и, прислонившись, стал смотреть на минарет.

Что же произошло? Двое сильных здоровых мужчин и в друг...

— Дальше-то что делать будем, хан? — спросил старик.

— Что тут поделаешь, домой вернемся, — нехотя ответил хан. Старик начинал действовать ему на нервы.

Тем временем прискакал Чупай.

— Слушаю, повелитель!

— С этой минуты не езбаши ты, а менбаши! Да, менбаши. Я тебе, менбаши Чупай... Впрочем, подождем немного, так ведь, Яким агай?

Ильгам-хан сел на лошадь, подобрал поводья и снова обернулся на минарет. Он понимал теперь одно: надо уходить. Кто-то все время следит за ними, они под наблюдением. Он сделает вид, что уезжает, а потом... Нет, менбаши он возьмет с собой, а свое войско оставит в крепости, чтобы никто не входил и не выходил из нее. Это он сделает завтра... Нет, лучше теперь же... Завтра может оказаться поздно...

— Менбаши Чупай, прикажи своим азатам вооружиться и собраться у ворот.

Чупай принялся скликать людей. Хан подождал, пока старый посол взгромоздится на лошадь, и сказал:

— Решил я оставить свое войско здесь, Яким агай, а воинов эмира Хаджи заберу с собой.

Яким Кучкин сразу же смекнул, что задумал хан, только ему показалось немного странным, что азаты эмира с готовностью подчиняются ему.

Старика тоже не покидало ощущение: кто-то следит за каждым их шагом. Неожиданный поворот в действиях хана мог навлечь на них новую беду, но уверенность, с какой держался хан, его краткие и точные распоряжения несколько успокоили. Выезжая из ворот, Кучкин вдруг вспомнил верного своего Тимошку и счел нужным помолиться за упокой его души.

Кончив шептать и осенять себя крестным знамением, он, зная, что береженого Бог бережет, на всякий случай придвинул рукоять сабли поближе к руке. Стар уж он и вряд ли может быть опасен для кого-то, но было время, когда размахивал саблей лихо. Впрочем, если что, он и теперь не станет моргать глазами, сумеет постоять за себя.

Чупай спросил:

— Улуг хан, а где же менбаши Туран?

— Его шайтан забрал, — ответил хан и, хлестнув коня, поскакал вперед. Менбаши Чупай помчался следом, шепча молитву.

Прибыв туда, где было оставлено войско, Ильгам-хан спешился и отозвал в сторонку верного менбаши Актая. Он долго объяснял ему что-то, в чем-то упрекал, давал какие-то распоряжения и лишь после того, как тот, все уяснив, кивнул, вернулся к Кучкину.

Менбаши Актай приказал своему войску выступать, и оно двинулось по дороге к крепости. Ильгам-хан с облегчением перевел дух. Как только войдут в крепость и обоснуются там, менбаши пришлет гонца. Если все получится, как задумано, Шайтан-Кала легко, без всякого кровопролития (менбаши Туран и Тимошка не в счет) покорится ему. И он не уйдет отсюда, пока не убедится, что все завершилось благополучно. Хан знал, что не сомкнет глаз всю ночь — станет ходить под городскими стенами, пройдет по берегу, где, по слухам, находят пропавших в башне людей. А это значит, строил догадки хан, что потайной подземный ход выводит к реке. Он найдет этот ход, и тайны Шайтан-Кала отступят перед ним.

— Заночуем здесь, менбаши. В распоряжении у тебя больше сотни воинов станешь охранять своего хана. А как вернемся в столицу, я дам тебе еще людей.

— Слушаюсь!

— Ступай, познакомься с моими телохранителями, — окзал Ильгам-хан, направляясь к княжескому послу.

Тот в одиночестве сидел на берегу, задумчиво уставившись в воду. Хан сел рядом, вытянул ноги.

— И о чем печалишься, Яким агай?

— Да как же тут не печалиться, хан? Жизнь прожил, а такого видеть не доводилось: в башню вошли четверо, вышли двое, другие двое там остались. Живы ли они, горемычные, или уж нет их? Что за анафема окаянная эта башня?! Когда бы своими глазами не видел, ни в жизнь не поверил бы. Я сроду не видал и не слышал, чтобы черти вот так, среди бела дня, честных людей уволакивали. Давай уедем поскорей отсюда, хан!

— Нет, посол, сегодня здесь заночуем. Я должен развязать этот хитрый узел! Пока не узнаю, в чем тут дело, с места не сдвинусь. Как стемнеет, к башне пойду, спущусь к реке. Не могу я поверить, что Тимошка с багадуром пропали. А если они сговорились и спрятались от нас? Или...

— Или что, хан?

— Или уж в самом деле к Шайтану в лапы угодили? Узнать бы, что это за Шайтан такой. Если двуногий да двурукий, я поймаю его.

Яким Кучкин перекрестился.

— Нет уж, хан, ты оставь это. Пусть себе живет. Да как же ты Шайтана-то поймать собираешься? Говорят, когда черти на глаза людям показываться станут, светопреставление начнется. Неужто конец света близок?..

— Никакого Шайтана нет, посол. Скажи, знаешь ли ты кого-нибудь, кто бы видел его? Нет! А коли так, выдумка это и больше ничего! Чугун-то не Шайтан, а люди отливают. И Шайтан, небось, такой же, как они. Узнать бы, кто он, этот выродок, что людей так пугает... Крепость с сегодняшнего дня моя будет. Вот и узнаем, что к чему.

— Эмир Хаджи не мог знать, что ты с войском явишься. Если бы он в крепости был, мы бы его увидели. Так что брат твой, если ты его подозреваешь, никак не мог быть шайтаном.

— Не знаю, посол, пока еще ничего не могу сказать, но очень скоро я узнаю все. Мне известно, что чужих болгарские ханы никогда не допускали в Шайтан-Кала. С давних пор крепость эта считается загадочной. Люди помнят, что купцы, пытавшиеся проникнуть в северные земли, возле Шайтан-Кала непременно тонули в реке. Про них говорили то же самое: шайтан утащил.

— Бежим отсюда, хан, бежим! Ради Бога, послушайся меня!

— Ты, похоже, уж и зятя своего повидать не хочешь, Яким агай? Как знать, может, шайтан — это зятек твой, а?

— О Боже, что ты такое говоришь, хан! Разве возможно это? Дочка в своем уме была, я привез ее к кузнецу Ахмету вполне здоровой, — запричитал посол, крестясь.

— Я все же пойду туда, посол. И к реке спущусь.

— Возьми охрану с собой, хан.

Ильгам-хан с послом сходили к реке, умылись, поужинали. Вскоре стемнело. Ильгам-хан позвал Чупая.

— Пойдешь со мной, менбаши?

— Пойду, улуг хан, — не раздумывая, ответил тот.

Хан велел ему привести лошадей, сам же стал готовиться в дорогу: с двух сторон заткнул за пояс два кинжала, поправил на поясе саблю. Когда лошади были поданы, Кучкин еще раз попытался удержать хана:

— Может, передумаешь, хан?
— Много говоришь, посол. Не положено хану менять свои решения.

— Ну коли так, молись, проси защиты у Аллаха, — проворкотал старик, искренне тревожась за хана и за себя.

Тот ничего не ответил и вскочил на горячего коня, который от нетерпения бил копытом землю. Выждав мгновение, хан опустил поводья, и жеребец рванулся вперед. В темноте хан не видел менбаша Чупая, только слышал за собой топот лошадиных копыт. Не доезжая до ворот крепости, свернул к минарету. Миновав место, где крепостная стена соединялась с минаретом, они спешили. Шагах в ста от них начался дремучий лес. Оттуда слышен был медвежий рев. Кони наострили уши и зафыркали. Снова сев на коней, стали спускаться к реке.

Со стороны небольшой рощицы у воды слышалось уханье филина. Было темно, луна пока еще не взошла. У самой кромки берега будто чернело что-то, едва различимое в темноте. Чупай с опаской посмотрел в ту сторону, потому что знал, что останки людей, исчезавших в минарете, находили примерно на этом месте.

Они сошли с лошадей. Река тихо катит волны, порой слышно, как плещется рыба, в рощице никак не может успокоиться филин — то ли жалуется на что-то, то ли зовет кого...

Когда Ильгам-хан, став великим ханом, взошел на трон, кятиб Хафиз сказал ему: «Судьба народа — это чистый лист бумаги. Что хан на нем пишет, то и будет. Будущее страны определяют слова хана. В тот день он как-то не придал этим словам кятиба значения, но теперь они почему-то всплыли в памяти. Зачем он здесь? Разве Шайтан-Кала — его дом? Отец не давал ему этого города, а отдал старшему сыну. Но брат отказался платить великому хану ясак. И сообщили уже перед отъездом в Шайтан-Кала, что брат согласился, отгружает ясак... Они расстались с братом врагами, потому что Ильгам-хан потребовал крепость Шайтан-Кала. С того дня братья не виделись ни разу, ни разу не обменивались грамотами. Для эмира Хаджи словно не существует великого хана. А если бы великим ханом стал он, а Ильгам позволил себе подобные вольности, интересно, как бы он повел себя?..

Послышался топот быстро приближающейся лошади. Ильгам-хан схватился за рукоять сабли. Всадник на всем скаку спустился с высокого берега, потом зачем-то повернул назад. Остановился. Некоторое время постоял, видно, прислушиваясь. Глаза хана успели привыкнуть к темноте, он напряженно всматривался, ожидая, что дальше будет, а сердце оглушительно стучало в груди.

— Улуг хан, — вдруг позвал всадник.

Хан узнал голос своего телохранителя Кугеша.

— Что случилось, Кугеш?

— Улуг хан, посла Якима украли.

Ильгам-хан вскочил на коня и, погоняя его плетью, помчался туда, где оставил старого посла. А там ясаулы и азаты уже сновали с факелами в руках. Хан на скаку спрыгнул с коня и, увидев в толпе бегущих людей Якима Кучкина, с облегчением перевел дух и протиснулся к нему.

— Жив! — радостно воскликнул он, ощупывая старика руками.

— Жив, слава Богу, хан, жив пока! — отозвался тот.

— Насилу отбили, — сказал унбаши Садык. — Догнали и отобрали.

— Кто догнал, кто отобрал?

— Унбаши Садык, — оказал один из воинов.

— Бог-то есть, хан, — всхлипнул посол. — Есть он, Бог-то.

— Кто же выкрал тебя, где ты был? — сыпал вопросами Ильгам-хан.

— Да я вон там на берегу лежал.

— И что же?

Яким Кучкин перекрестился и отпихнул от себя воина, который слишком близко поднес к нему факел:

— И перекреститься не дадут... Я засыпал, когда кто-то подхватил меня на руки. Легко так поднял, словно я дитя малое. Сперва я и не понял толком, думал, снится мне. Будто на минарет меня кто-то поднимает. И тут вдруг очухался. Тот, что нес меня, пыхтел. Да громко так. Я прямо-таки онемел от страха! Крикнуть хочу, а голоса-то нету. Но Бог милостив, вернулся ко мне голос. Тут завопил я что было мочи. На мой крик ребята пробудились, повскакали на коней да и бросились вдогонку. Стал я отбиваться. Воины уж близко, кто-то догнал да и выбил злодея из седла. Он только охнул да вдруг пропал, словно сквозь землю провалился. Гляжу, а рядом унбаши Садык стоит.

— Да, это я был.

— Луна уж всходила, можно было разглядеть. Узнал я унбаши Садыка! А тот, вражина, так и пропал. И куда девался?!

Ильгам-хан больше не стал слушать старика. Он велел расседлать коня.

— А теперь всем спать! Вокруг лагеря поставить троих караульных, — распорядился он.

Яким Кучкин прилег на ковер рядом с ханом. После долгого молчания заговорил:

— Странное дело, великий хан, вражина тот уж больно на

Тимошку моего похож был. Он, сердешный, так же пыхтел бывало.

Ильгам хан не ответил. Он думал. Долго смотрел на небо, усыпанное звездами, на медленно плывущий между ними тонкий серп луны. Вокруг ходили охранники, стерегли великого хана и княжеского посла. Только вот от кого?.. Этого ни одна душа сказать не могла. Уж не от шайтана ли на самом деле?..

Ильгам-хан забылся сном лишь перед рассветом. Посол давно храпел, то и дело вскрикивая и бормоча что-то в сне. Перед тем как уснуть, Яким долго шептал какие-то молитвы и, наконец, успокоился, видно, понадеявшись на своего бога.

А к хану во сне явилась его Марьям. Идет куда-то, сына Абдуллу за руку ведет. Ильгам-хан пытается сказать ей что-то, но голоса своего почему-то не слышит. А потом жена исчезла, а на ее месте возникло огромное отвратительное чудище, обросшее длинной шерстью, на ногах копыта, рожа обезьянья, длинные пальцы на руках. Оно медленно надвигалось на хана. Хан пытался крикнуть, но голоса по-прежнему не было...

Ильгам-хан проснулся весь в поту. Он открыл глаза и лежал, боясь закрыть их: казалось, страшилище вернется снова. Как хорошо, это был лишь сон, иначе хан, наверное, умер бы от ужаса. Заиграл рожок, возвещая подъем.

Ильгам-хан сел. От лежания на седле ныла шея. Он осторожно повертел головой. Воины развели костер, начали готовить еду, некоторые шли от реки, куда ходили умываться, другие, расстелив на траве молитвенные коврики, совершали намаз.

Ильгам-хан повернулся к послу.

— Вставай, Яким агай, вставай, пора!

Наконец посол открыл глаза, сел. Взглянув на солнце, перекрестился.

— Пойдем, Яким агай, умоемся.

— Это можно, — согласился тот. Встал, прошелся немного, разминая ноги. Телохранители принесли полотенца. Поднимаясь от реки, увидели всадника, скачущего к ним со стороны города.

— Кричит что-то, не иначе, беда, — предположил посол. Всадник соскочил с коня и опустился перед ханом на одно колено.

— Улуг хан, на берегу нашли тело менбаша Турана.

Хану подвели коня. Он вскочил на седло и, не оглядываясь, поскакал вдоль крутого яра. Достигнув вчерашнего пологого спуска, направился вниз, к реке. На мокром песке, рядом с плескавшимися под дуновением свежего утреннего

ветерка волнами на спине лежал Туран. Вскоре подросел и Яким Кучкин. Увидев покойника, он перекрестился и, оглянувшись, сказал:

— Да что же это такое, хан? Тимошка мой, наверное, тоже тут где-нибудь? Они же вместе были! — Посол стал торопливо карабкаться на коня. — Надо уносить отсюда ноги, хан, да поскорее.

— Поднимите багадура Турана на берег и похороните, — сказал хан и, садясь на коня, покосился на густые вязы, прилепившиеся к крутому яру.

* * *

Беспокойство пришло к Ильгам-хану лишь когда собрались в обратный путь. А если военачальника, которого он оставляет в крепости, ожидает та же участь, что и Турана? Ведь до тех пор, пока своими глазами не увидел труп багадура, хан подозревал его в обмане. Теперь понял, что был не прав, и уверенность покинула его. А вдруг все, что он принимал за рассказы, — правда? В Коране и ученых трактатах ему приходилось читать о нечистой силе, но Ильгам-хан никогда не воспринимал ее как нечто, существующее на самом деле. Он собирался присвоить Шайтан-Кала, а теперь не был уверен, что хочет этого. Даже сожалел о том, что оставил там своих азатов и менбаши.

Но ведь трон завещан отцом ему, а значит, всей земле Великой Булгарии он хозяин. Булгары называют родную землю домом своим — Идель-Юрт, а сюда входят и Кашан, и Шайтан-Кала, и Казань, то есть и те земли, на которых хозяином чувствует себя брат Хаджи. Еще города Джукетау, Тубылгытау, об аулах и говорить нечего, они тоже сюда относятся. Эмир Хаджи на все наложил руку. Нет, не бывать этому! В Шайтан-Кала уже стоит ханское войско, им командует менбаши Актай — надежный, преданный человек, который служит ему верой и правдой. На очереди Казань. Ильгам понимает: Казань ему не удастся захватить так же легко, как Шайтан-Кала. Эмир Хаджи не отдаст Казань. Придется, по примеру отца, пойти туда с войском, и не с тремя-четырьмя тысячами, как отец, а с десятью тысячами! В Коране сказано, что Аллах поровну дал людям способность творить добро и зло. Так пусть же Аллах сам рассудит, в ком из братьев больше добра, а в ком — зла.

Ильгам-хан посмотрел на Якима Кучкина. Лошади их не спеша шли рядом. Вдали уже маячил город Булгар. Спереди от них и сзади — азаты ясаула. Посол из Владимира и булгарский хан едут посередине. Для чего такая предосто-

рожность? Кого бояться? Ведь Ильгам-хан зла никому не причинял? — Они посла сторожат. Посол обязан быть живым. Что бы ни случилось в стране, какие бы страшные и странные события ни происходили, посол должен быть невредим. Ильгам-хан приказал своим людям беречь его как зеницу ока. У посла плохое настроение. Он потерял своего телохранителя, к которому был так привязан и которому очень доверял.

Да, старик все время помнил своего слугу. Громадного роста, здоровый, всегда спокойный, он хозяину ни разу слова поперек не сказал. А ведь после возвращения Тимошка жениться должен был. И вот пропал человек. Князь Юрий его, Якима Кучкина, отправил в Булгар, чтобы разузнал секрет изготовления чугуна и пушечных стволов, а он ничего не сумел узнать. Да еще грех на душу принял — Тимошку угробил.

Ильгам-хан вырвался вперед. Не терпелось вернуться к себе в столицу, собрать меджлис и послушать, что аксакалы скажут о случившемся, как посоветуют поступить: теперь же отправиться в Казань с войском или повременить.

Пока открывали крепостные ворота, хан успел сказать послу, что собирается сегодня вечером посоветоваться с аксакалами. Старик невесело взглянул на него, как бы говоря: мне-то что до этого, и махнул рукой — твое, мол, дело.

Миновав откидной мост внутренней крепости, направились ко дворцу. Хан увидел Марьям бике, которая бежала ему навстречу.

— Ильгам, Ильгам, — кричала она, — караван, что вез невесту сына твоего Булата, монголы ограбили, шахскую дочку Рабигу взяли в плен, а купец Ярулла, которого мы послали, сумел спасти ее ...

— погоди, не спеши ты так, рассказывай все по порядку! Где теперь шахская дочка?

— В пути, из Саксина выехали.

— Кто весть доставил, гонец?

— Да.

— Где он?

— В доме для гостей отдыхает.

— Надо бы Булату углану сообщить, — сказал Ильгам-хан и вошел в дом. В дверях его встретила ханбике Зубаржат.

— Здравствуй, анам! Мы вернулись. Шайтан-Кала мой теперь.

— С братом дрался?

— Нет, анам, ворота открыл менбаши стражи.

— Если без кровопролития сошло, прощаю тебя. Но если бы кровь брата пролил, век не видать бы тебе моего благос-

ловения. Шахская дочка, что Булату обещана, оказывается, уже в Саксине, а сам Булат все еще в Яике. Отправь за ней гонца, пусть встретит. Хочу сказать тебе, что эмир Хаджи углана своего Джаббара отправил беком в Ашлы. Согласись, не перечь ему.

— Разве город Ашлы отец не мне оставил, анам? Налоги там мой тархан собирал.

Отец отдал этот город брату твоему еще до того, как ты воссел на трон. Согласись. Старший брат не нарушил твоего права. Сам он хочет перебраться в Кашан, а Казань оставить сыну Назлыгюль — Хансияр углану. Согласись с ним. Брат твой верно поступает.

Ханбике Зубаржат посмотрела в глаза Ильгам-хана. Взгляд ее был настолько пронзителен, что хан невольно посмотрел по сторонам, словно искал поддержки. Рядом стояла жена Марьям, которая не смела перечить матери, дальше — девушки-служанки, слуги, охранники.

— Ты в своем уме, анам?! — спросил он.

— Казань достанется Хансияр углану! Город построил его отец, сам Аллах того хочет.

— Чтобы сын раба стал тарханом такого города?! Еще и на ногах стоять не научился, а ему уж город подавай! А известно ли тебе, анам, где стоит этот город?! Вижу, еще не знаешь: он стоит на перекрестке самых важных караванных дорог. Как знать, может, я сам перенесу туда свою столицу!

— Может, и перенесешь, только до той поры там будет сидеть сын Назлыгюль!

— Не бывать этому, анам! Хватит! Я не отец и плясать под твою дудку не собираюсь. Я туда с войском пойду — вот как будет! Войной!..

Глаза ханбике сузились, губы сжались. Ильгам-хан в жизни не видел в глазах матери столько гнева.

— Ах ты бессовестный! Негодяй! Ждешь, чтобы мать прокляла тебя?! Ты что же, не знаешь, что отец дал зятю Даурану вольную?! — она притопнула в гнев ногой, но Ильгам-хан и бровью не повел, лишь усмехнулся и, повернувшись к бусагабаши, сказал:

— Проводи посла Якима Кучкина в тронный зал. — Он прошел мимо матери, будто ее и не было на его пути.

Когда старый посол вошел в зал, хан уже успокоился. Его мало трогал гнев матери. Он испытывал раздражение оттого, что она унизила его в присутствии челяди. Ильгам-хан взглянул на кятиба:

— Прошу тебя, выйди,

Хан указал послу место возле себя и махнул рукой бусагабаши, веля оставить их наедине.

— Хочу с глазу на глаз поговорить с тобой, Яким агай, — начал он. — Известно мне, что два брата, князья Юрий и Константин, делят трон. Юрий, слышно, хотя и верховодит, уважением у народа не пользуется. А ты, Яким агай, от князя Юрия в Булгар приехал? Так ведь?.. Так. А теперь скажи мне, на кого из князей надеется урусский народ?

— Это что же, хан, просьба или приказ? — спросил Яким Кучкин, стараясь не обнаружить своего недовольства.

— Считаю, что и просьба, и приказ, Яким агай. От тебя секретов не имею. Ты сам видел, у нас с братом то же самое. Он не покорен мне. В Ашлы посадил младшего углана своего Джаббара, город тот на правом берегу Волги, прямо под носом у урусов. Он с древнейших времен Булгару подчиняется... Я денег у князя не прошу, в подачках не нуждаюсь, мне бы только брата на колени поставить. Войди в мое положение, Яким агай. Не хотелось бы с братом воевать.

— Вчера только весть получил: князь Юрий теперь в Городец сидит, туда его князь Константин прогнал. Пойми и ты, хан, ведь сюда меня князь Юрий отправил, а во Владимире сегодня вон какие дела. Думаю, князю Юрию теперь не до меня, хан, ему и своих забот хватает.

— Город, который, по велению деда моего Ибрагим-хана был построен, теперь Городец называется, так, что ли, Яким агай.

— Что поделаешь, хан, не только города, а и целые страны, бывает, от одного правителя к другому переходят. Сюда прибыл по делам князя Юрия, а теперь вот Константин... Мое дело — передавать то, что услышу — от князей ханам, от ханов князьям.

— От мнения посла многое зависит, Яким агай. Положим, вернешься ты не во Владимир, а в Городец, к князю Юрию. Чью песню в таком случае петь должен будешь, а?

— Перед князем Юрием одну песню, а перед князем Константином другую, хан. Говорю же, посол — всего лишь исполнитель княжьей воли.

— Мой тебе совет, Яким агай: сперва к ногам князя Юрия припади. Мне этот князь ближе. Думаю, дружина его примет. Пусть на Ашлы идет. У Джаббар углана войска нет почти. Я не стану вмешиваться. Брат ни о чем не догадается.

Хотя Яким Кучкин, старая опытная лиса, и был уверен, что видит болгарских ханов насквозь, слова Ильгам-хана застали его врасплох. Он долго молчал. Ильгам-хан, перебирая, как всегда, четки, ждал, пряча усмешку в уголке рта.

Да что тут ответишь, думал Кучкин, пока что — ничего! Сперва с князем Юрием переговорить нужно. А хан подозрительно как-то поглядывает, не собирается ли он князя на крючок поддеть? Ни в чем нельзя быть уверенным. Но чутье

подсказывало старому, повидавшему виды послу: болгарский хан на этот раз откровенен с ним.

— Знаю я, кто нужен тебе, Яким агай, — сказал хан, откладывая четки. — Знаю.

— И тот человек будет у меня, хан?

— Все в руках Аллаха, Яким агай,.

— И в твоих, хан, в твоих тоже...

Ильгам-хан сел прямее, выпатив грудь. Это не прошло мимо внимания посла. Молодой хан, как видно, не лишен зазнайства и спеси. Впрочем, кто без греха? Каждому от Бога своя доля досталась. Бог никого не обидел. Если люди попроще боятся выставлять спесь напоказ, то у князей да ханов этот недуг прямо на лице написан.

— Досточтимый хан, я приветствую твоё нежелание занести меч над братом. Столь мудрое решение достойно пророков. Но поймет ли меня князь Юрий? Чего ради он должен воевать с городом Ашлы? Сам знаешь, война есть война, тут без крови и жертв не обойдется...

— Да будет, будет тебе литейщик, Яким агай.

Старик даже рот открыл от удивления, не зная, можно ли верить словам хана. Решил все же поверить.

— Я согласен, хан. Князь Юрий будет в Ашлы со своей дружиной когда только пожелаешь.

Яким Кучкин поднялся, низко поклонился хану и протянул серебряный перстень. Ильгам-хан сжал его в кулаке, потом раскрыл ладонь. Серебряный перстень с камушком изумруда. Цена ему пять-шесть алтынов самое большее.

— Дело не в цене, — сказал посол, увидев недоумение на лице хана. — Дело в обещании. С человеком, который покажет тебе точно такой же перстень, отправишь мастера-литейщика.

Ильгам-хан промолчал, обращаясь с немой молитвой к Аллаху: «Вразуми меня, Всевышний». Потом встал и протянул послу руку.

19

На другой же день ранним утром Яким Кучкин отбыл из Великого города вместе со свитой. Настроение у него было не самое радостное. Выполнить княжеское поручение не удалось, но все же он возвращался не совсем уж с пустыми руками. Яким Кучкин думал о тайных планах хана. Он вспомнил, как зять их, Андрей Боголюбский, за десять лет правления совершил десять грабительских набегов: в том числе два раза на Киев, два раза на Булгар, два раза на Бряхимов. Три года кряду воевал, три года проливал кровь — все

три года против воли и согласия народа. Обижал не только болгар-басурман, но и православных единоверцев. Разве можно простить такое. Если набеги на болгар еще можно понять, то грабежи Киева и Новгорода Яким Кучкин не хочет прощать. Как знать, может нападение на Ашлы пойдет на пользу Юрию? Народ не станет его осуждать, поддержит? Сам Яким Кучкин в душе одобрил план хана. Правда, будучи человеком опытным, он никогда особо не доверял ни князьям, ни ханам. Он всегда желал им добра, а как они с ним поступали? Убивали его купцов, грабили его караваны. Да, правители купцов обижали во все времена, хотя они-то и несли их странам благополучие. Еще подростком потерял он доверие к Юрию Долгорукому, когда-то приказавшему убить его отца. А Андрей Боголюбский собирался повесить брата Афанасия. Как же решит князь Юрий? Захочет ли пойти на Ашлы? Юрий Всеволодович, названный в честь деда, трусоват и к людям подозрителен. Может, оттого, что участвовал в убиении старшего брата своего Андрея, который был ровесником Якому Кучкину. Впрочем, и отец князя Всеволод, хотя и не своими руками, но с большой охотой принял участие в душегубстве собственного брата. Кто же этого не знает?! Молодой князь Юрий? Конечно, знает. Князь Константин не в счет, для старого Якима он вообще чужой человек. Да, пока Якима не было во Владимире, Константин прогнал князя Юрия в Городец. От великого княжения по собственной воле куда никто еще не отказывался. Понятно, что из Владимира князю Юрию уходить не хотелось. Брат его силой захватил столицу, дом и хозяйство Юрия предал огню. Обо всем этом Яким Кучкин знал, и ему не хотелось ехать во Владимир. Он отправится к князю Юрию, которому остался верен. И потом что-то говорило старику, что Константин недолго продержится в столице, потому что он выходец из Ростова, а народ Владимира пришлых никогда не жаловал. Но как бы там ни было, во Владимире теперь сидит князь Константинов. Это значит, что великий князь сегодня он. В Булгар Яким Кучкин прибыл по поручению великого князя Юрия, но известно ли нынешнему великому князю о его поездке, не знает. Вот и выходит, что ехать надо к князю Юрию. Появись он во Владимире, Константин, конечно же, заинтересуется им (ведь посол Кучкин не последний человек), призовет во дворец. Придется тогда рассказать и о брате Афанасии, который сорвал с себя крест и обратился в мусульманскую веру, и о событиях, связанных с литьем чугуна.

Вернее будет сразу же отправиться в Городец. Сначала он подговорит князя напасть на Ашлы. И если все получится удачно (а старик не сомневался, что так оно и будет), он

подскажет молодому князю, как вернуть себе владимирский трон

К вечеру пересекли Волгу, после чего посол с облегчением перевел дух и решил заночевать у реки. Его воля была тотчас передана обозникам, и те проворно принялись распрягать лошадей и готовиться к ужину. Яким Кучкин прилег на желтеющую траву и, глядя на противоположный берег, снова вспоминал Тимошку. Из ста воинов, с которыми вышел из Владимира, его Кучкин жаловал особо. Тимошка был самым надежным и преданным слугой. Пропал ни за что, бедолага!

Посол стал наблюдать за здоровым кашеваром, сноровисто работавшим у костра. Было в движениях этого человека что-то такое, что выдавало в нем бывшего раба. Еду готовит хорошо, хлеб режет, прижав каравай к груди, чтобы не обронить лишней крошки, посуду всякий раз чистит золой. Было у него два-три помощника. Он не кричал на них, распоряжения отдавал спокойно тихим голосом. Тут же успел налить из ведра воды, подвесить над огнем котел, еще и руки вымыл, аккуратно поливая себе из ведра и не пролив на землю ни одной лишней капли. За ложку взялся только после того, как вытер руки передником, — попробовал, довольно ли соли. Сам плечист, мускулы на руках так и играют. Все у него хорошо и ловко получается, а на кашевара все же не похож, на воина больше смахивает.

Чуть подальше собрались возле костра воины, шумят, смеются. Обозники тоже сбились вокруг своего костра. И они веселы, готовят еду. В обозе двенадцать телег, в одной из них дорогое вино. Яким Кучкин купил его на базаре в Булгаре. Солнце уж близится к закату, день прошел удачно, дорога была не слишком утомительной — а не велеть ли бочонок открыть?

Старик не спешил с решением. В дороге он вообще не любит пить. Вот Суру одолеют, перейдут, ступят на родную землю, тогда... В честь благополучного возвращения.

Повеял ветерок и принес с собой соблазнительный запах еды. Кучкин подозвал к себе кашевара?

— Эй ты, поди-ка сюда!

Тот подошел, вытирая на ходу руки о передник. Все, кто был у костра, стали с интересом смотреть на них.

— Ты раньше у кого служил?

— У князя Андрея, Яким Степаныч.

«Надо ж, знает меня», — отметил про себя старик.

— Ну, а меня откуда знаешь? Звать-то как?

— Егорка я, Яким Степаныч. Покойный поесть уж больно любил.

— Это и я люблю, когда голоден бываю.
— Я положил в котел довольно мяса, Яким Степаныч.
— Ты и саблю в руках держал?
— А как же, Яким Степаныч, случилось и такое. Как князя Андрея убили, меня к себе князь Всеволод забрал, после сыну Изяславу в стражники отдал. А как тот под Булгаром погиб, князь Юрий себе оставил. Потом уж отправил с тобой.

— Ты раб, что ли?
— Свой я, православный, Яким Степаныч, — сказал Егорка и перекрестился.

— Не хочешь ли личным охранником ко мне?
— Ваша воля, Яким Степаныч, отчего же не пойти?.. Мне, право, не больно-то охота князю Константину служить..

— А ежели князя Юрия во Владимир вернем? А?
Егорка огляделся и перекрестился.

— Князь Константин — чужак, не задержится он, уйдет от нас, Яким Степаныч.

— Не больно-то он торопится. Трон силой отнял, князя Юрия в захолустный городишко вышвырнул. Хорошо еще совсем не сгубил... Да ладно об этом. Дак значит, ты у меня теперь в стражниках будешь. А князь Юрий, выходит, тебя ко мне кашеваром приставил. Спроста ли, Егорка?

Яким Кучкин погладил седую бороду и поправил на поясе рукоять сабли.

— Теперь куда, Яким Степаныч? — спросил Егорка, придвигаясь к старику и не обращая внимания на его жест, говоривший о недоверии. — Во Владимир не хотелось бы. Князь Константин город поджег, народ ни за что обидел.

— И для чего тебе, холопу, все это, а? Тебе-то что до княжеской грызни? Ты стражник мой, и все!

Егорка внезапно изменился в лице, тихонько откатнулся назад.

— Я, Яким Степаныч, завсегда открыто говорил, что думал. Всем хозяевам своим. Такой уж я человек — доброты не забывал, довольствовался тем, что давали, помогал, что было силы.

— Значит, всякому верой и правдой служил? — усмехнулся Яким Кучкин.

— Да, верой и правдой, Яким Степаныч. Я перед Богом чист. — Егорка снова придвинулся к хозяину. — Один из ханских стражников шепнул мне, Яким Степаныч, что никакой шайтан вас не уносил. Кхм... Человека того ханский стражник разглядеть успел. Узнал.

— Как? Узнал того, кто меня выкрал?! — Старик приподнялся, удивленно вскинул брови. — Разве не сатана это был?

Егорка хмыкнул в ответ, и этим только разозлил Кучкина.

— Ты, собачье отродье, лучше не морочил бы мне голову, она и без того заморочена, — старик схватил Егорку за ворот и рванул на себя. — Кто тащил меня? Что сказал тебе ханский стражник?!

— Сперва отпусти, Яким Степаныч, — дышать трудно.

Старик отпустил кашевара и указал ему место рядом с собой.

— Говори, да только не ври! Кто это был? Тимошка такое выкинуть не мог, он не дурак. Тимошке я верил, как самому себе. Сгубили малого, нечистый сгубил.

— Делай со мной, что хочешь, — режь, жги, Яким Степаныч, — да только это и был сам Тимошка.

— Ну, ну, не ври, не надо на Тимошку наговаривать. Он хоть и прикидывался порой дураком, но дураком не был.

— Тимошка-то раньше в тех краях жил, Яким Степаныч, там родился, там вырос.

— И что? Мало ли кто где родился! У человека, где бы ни родился, свое место есть, вера своя. А Тимошка, знаешь, наверно, православным был! Отец мой, слава тебе Господи, в Булгаре родился, а жил в Московии, в имении своем. А теперь хозяин того имения Владимирский князь. Отца Юрий Долгорукий, собака, убил, и матушка с горя раньше времени угасла. Старшую сестру, Улиту, в кожаный мешок зашили да в гнилом озере утопили. Вместе с сыном... Меня судьба во Владимир забросила. Младший брат Афанасий в Булгаре живет. Вот видишь, жизнь-то по всякому сложиться может. В городе Турове, к примеру, что под Киевом, в старые времена турки жили, которые после приняли православие. Вот так бывает в жизни, Егорка.

Егорка стал всматриваться перед собой в даль. Солнце садилось. Там, похоже, что-то двигалось. Всадники это, нет сомнения! Егорка вскочил.

— Дружина! — закричал он.

Яким Кучкин тоже поднялся, приложил ладонь ко лбу, стал смотреть в ту сторону, только ничего не увидел.

— Что ты городишь, дурак, какая дружина? Скорее, разбойники. Эй, сотник, где ты?! А ну-ка, взгляни, что за люди там мельтешат?

Сотник со своими воинами поскакал вдоль реки. Вскоре они вернулись, так ничего и не выяснив. Яким Кучкин приказал поставить телеги в круг и приготовиться к защите. Несмотря на преклонные годы, он чувствовал себя сейчас молодым и сильным.

— Они видят нас, а мы их нет, — сказал стоявший рядом Егор.

— Это еще почему? — спросил старик кашевара, который держал в руке копые.

— Нам солнце глаза слепит, Яким Степаныч. Да что же это, неужто до ночи так вот и будем стоять, карауля друг дружку? Позволь, Яким Степаныч, я поближе подъеду, погляжу, кто такие.

Тут сотник, не сходя с лошади, закричал:

— Сто монет тому, кто по доброй воле лазутчиком поедет!

— Я поеду!

— Да почему же ты? — Кучкину явно не хотелось отпустить телохранителя. — Ты и поговорить не сможешь.

— Мне толмач не нужен, я языки знаю.

— Сперва накормил бы нас, — оказал старик примирительно, — хоть сытыми помрем.

— Это пожалуйста! Еда готова.

Кашевар положил копые на землю и велел подать плошки. Помешал в котле большим деревянным черпаком и стал разливать густой пшенный суп, добавляя по куску мяса. Первую плошку велел отнести Якому Кучкину, вторую — сотнику, потом налил супу своим помощникам, а уж после позвал обозников:

— Налетай, ребята, теперь ваш черед! Неважно, что вы уже наварили себе похлебку. Готовить мне завсегда ангелы помогают, а потому харчей на всех хватит, не стесняйтесь!

К супу подали кислой капусты и квасу.

Старый посол привалился к колесу телеги и принялся есть. Насытившись, он, довольный, перевел дух и, перекрестившись, взглянул на сотника.

— Хорошо ли будет, Федюша, коли кашевара в догляд отправим?

— Хорошо, — беспечно отозвался тот, — сам же напросился.

— Да, это верно, сам пожелал, — согласился Яким Кучкин и больше не стал говорить об этом. Он мог бы и не отпустить Егора, да самому хотелось испытать телохранителя в деле.

Накормив народ, Егор взял у сотника оружие, ратную одежду, неторопливо облачился, заткнул за пояс с двух сторон по кинжалу, пристегнул саблю.

— Брод здесь глубокий, вода по самое брюхо лошади, — предупредил сотник. — И потом метких болгарских стрел берегись: тебя на другом берегу могут подкарауливать.

— Реку я перейду ниже, сотник. Там тоже брод есть.

— Будь осторожен, Егорушка, — вмешался Кучкин, крестя кашевара. — Как только уразумеешь, кто такие, — сразу же назад, ни в какие разговоры не вступай.

— В Булгаре меня знают, Яким Степаныч. Бог даст, все будет как надо.

Сказав так, Егор вскочил в седло и поскакал вдоль реки вниз по течению. Старик крестил его вдогонку.

— Будем на Бога надеяться, сотник. Меня там вроде тоже знают, а все же душа не на месте. В последнее время разбойнички что-то разгулялись, порядка нигде не стало. И у нас, и у болгар. У нас два брата власть поделить не могут, у них то же самое. Отец, умирая, завещал трон второму сыну — тому, что на нашей Марии женат. А другой, который Казань сделал второй столицей Булгарии, эмир Хаджи, не подчиняется младшему брату. И у нас, князь Константин прогнал великого князя в Городец. Дрались, только кровь напрасно пролили. А ведь христиане оба — клялись, крест целовали.

Ночь наступила неожиданно быстро. Яким Кучкин велел всем собраться в круг, огороженный возами. Снаружи выставили стражу. Охранники, всю ночь сменяя друг друга, должны быть начеку. Жечь костры запретил. Возчики заготовили факелы. Им было велено не отходить от телег.

Спутники посла пока не знали, что путь их лежит в Городец. Яким Кучкин, правда, не делал из этого тайны, просто не собрался сообщить. Им, небось, тоже не очень-то хочется во Владимир, к Константину — тот отчего-то не жалуется купцов.

— Если это ханские воины, Егорка сумеет столковаться с ними, — проговорил Яким Кучкин не столько чтобы успокоить спутников, сколько для собственного утешения.

Поездки в Булгар всегда приносили ему большую выгоду. И теперь он возвращался с товаром, который сулил немалую прибыль. Но если товар отнимут разбойники, он перед князем Юрием предстанет с пустыми руками, так как большая часть богатств куплена на его деньги.

Давно уже в бездонном небе зажглись россыпи звезд, вокруг стояла густая чернота, а Егорки все не было. В обозе не смыкали глаз, ждали его. На рассвете некоторых сморил сон. Но посол по-прежнему всматривался в предрассветную мглу, прислушивался. Сидевший рядом сотник тоже захрапел. Не спали только стражники, которые то и дело будили друг друга. Когда небо расцветилось алыми полосами, все дальше и дальше тянувшимися к западу, Яким Кучкин перелез через телегу и пошел к реке. На противоположном берегу все было спокойно. Над рекой клубился белый туман, слышалось кряканье уток и гоготание гусей. «Нет ли за рекой аула? — подумал старик. Он подошел к самой воде и долго стоял, насторожившись. Вот он стал как будто разли-

чать топот лошади и сжал рукоять сабли, но звать никого не стал. Вскоре показалась и лошадь. Она скакала прямо на него, словно видела в тумане. Яким Кучкин окликнул всадника:

— Кто здесь?!

— Да это я, Яким Степаныч, Егорка!

— Егорушка, ты ли это? — старик так расчувствовался, что чуть не заплакал. — Так ты жив?!

— Живой, Яким Степаныч.

Егор соскочил с лошади, перекрестился и встал перед послом на колено.

— Ну, ну, будет, будет, вставай. Теперь уж я точно сделаю тебя своим охранником. Сегодня же. Ну, ну, давай рассказывай, кто же там?

— Ушкуйники казанских купцов ограбили. Вот воины эмира и поджидают их. Про нас они знают, их лазутчики побывали здесь.

— У ушкуйников этих совести нет. Для них что русские купцы, что болгарские — все едино. Одно слово — разбойники.

— Оказывается, воры ушли вниз по течению, вскоре должны воротиться.

— Нам надо быть осторожнее, Егорка. Береженого, как говорится, Бог бережет.

— Может, не станем задерживаться, двинемся теперь же, — не поевши, Яким Степаныч?

— Верно говоришь, Егорушка, надо спешить. Известно: жаден будешь до еды, наживешь беды. В пути перекусим где-нибудь.

— Я новость слышал, Яким Степаныч, один воин эмира сказал: князь Константин представился будто!

— Пустое это, Егорушка, болтовня! Подстрекательство одно. Князь во Владимире сидит. Хотят, чтобы мы прямо во Владимир пошли, а там Константиновы людишки уж поджидают нас. Золото я из рук князя Юрия Всеволодовича получал, ему же и верну товар. Это, Егорушка, честью называется, надобно верой и правдой хозяину служить, чтоб стыдно не было.

— Если на Городец двинем, придется нам землями черемисов идти.

— Черемисы, Бог даст, не тронут... А воины эмира в хорошем месте засаду-то устроили. Ушкуйникам другой дороги назад нет, так что скоро пожалуют.

— Ушкуйники-то эти, никак, самому князю Юрию служат, Яким Степаныч?

— Разбойник, он никому не служит, потому что совести у

разбойника нет. Юрий Всеволодович не пойдет на такое, Егорка, такого быть не может.

Тут из тумана неслышно показалась ладья, за ней другая, третья... Старик сжал руку Егорки:

— Давай к булгарам скорее! Скажи: разбойники обоз Яким Кучкина грабят!

— Разбойники-то христиане ведь, Яким Степанович?

— Говорю же тебе: разбойнику все одно, кого грабить — христианина или басурманина. Давай, давай, скачи во весь дух!

Егорка поскакал той же дорогой, по которой недавно воротился. Посол перекрестился и, сунув в рот два пальца, свистнул. К нему тотчас подскочил сотник со своими молодцами.

— Что случилось, Яким Степаныч?

— Вон на реку взгляни: кто пожаловал!

— Ушкуйники, головорезы! — закричал сотник.

Возле телег началась беготня, люди хватали оружие. Заметив обоз, ушкуйники уже гребли к берегу.

— Братья! — закричал старый посол, видя, что непрошенные гости уж выпрыгивают на берег. — Братья, свои мы, свои! Русские мы, христиане!

На него никто не обращал внимания. На воде уже качались до тридцати больших лодок, из них на берег все лезли и лезли вооруженные люди. Старик побежал к кругу, огороженному телегами. Он взгромоздился на телегу и снова стал кричать, размахивая руками:

— Братья! Опомнитесь! Я посол князя Юрия Всеволодовича! Братья! Православные!

Разбойники между тем с криком неслись к обозу, держа сабли наголо, и голоса его будто вовсе не слышали.

— Опомнитесь, ушкуйники, я же посол великого князя Яким Кучкин! Я и Андрею Боголюбскому и другим князьям служил! — продолжал кричать свое Кучкин.

Сотник приказал стрелять из пищалей. Несколько человек упали, остальных это только раззадорило: они с остервенением набросились на обозников. Разбойникам, казалось нет числа. Они все шли и шли, внезапно возникая из-за кромки высокого берега, и с истошными воплями бежали к кучке отчаянно отбивавшихся людей. Меткие стрелки из числа защитников обоза уложили немало супостатов. Разбойники же, перепрыгивая через тела своих товарищей, обложили лагерь со всех сторон. Самые лихие бросились вперед, а за ними и остальные. Действовали они слаженно, хладнокровно и быстро, подобно бездушному бешеному потоку, сметая все живое на своем пути. Обозники и ахнуть не ус-

пели, как несколько телег были опрокинуты, и враги ворвались в круг. Они резали, рубили, кололи направо и налево. Старый посол не выдержал и закричал:

— Сдаемся! Мы не станем драться! Атаман! Кто у вас тут атаман?! Мы сдаемся! — Он выступил вперед. — Сдаемся! Где атаман?

Несколько разбойников хотели наброситься на него, но краснорожий верзила с длинной рыжей бородой и зелеными глазами, державшийся позади, вышел вперед и поднял руку.

— Чей купец будешь?

— Великого князя Юрия Всеволодовича посол я, Яким Кучкин..

— Нешто послы с обозом ходят?! — Атаман сунул саблю в ножны и подошел к старику. — Ты, старый хрыч, зачем же послом по свету мыкаешься вместо того, чтобы на печке лежать? А что до князя Юрия, так я тебе вот что скажу: вскорости мы его самого попрём отсюда. Явился в наш город да еще порядки свои устанавливает. Не бывать этому! — Атаман повернулся к разбойникам. — Не бывать этому!

— Не бывать! Не бывать! Не бывать! — подхватили те.

— За то, что дрался с нами, я догола тебя раздену, княжеская ты собака, заберу у тебя товар. Сколько людей моих стубил, старый пес! Видали, посол он! А ну, скидай одежду, не то пузо сейчас проткну!

Атаман хотел было выдернуть саблю, да раздумал, потому что Яким Кучкин успел проворно бросить ему в ноги свой долгополый кафтан. Атаман поднял богато расшитый кафтан и набросил себе на плечи. Потом, повернувшись к своим молодцам, сказал:

— Грабьте, свобода вам!

— Креста на тебе нет. Был бы крест, над христианами так не изгалялся бы.

— Нехорошо, нехорошо, княжий посол! — Атаман кинул взгляд в сторону разбойников, которые потрошили тюки. — Товар-то тебе на кой? Ты — посол. У посла, небось, свои дела. А ты тюки за собой таскаешь. Вот и выходит, что никакой ты не посол.

— Атаман, в телеге бочки с вином нашли! — крикнул один из разбойников.

— Один бочонок здесь откроем, остальные — в мою ладью! — приказал атаман. — Да разве посол станет возить бочонками вино?! А мы вот зарежем тебя и всех твоих людишек. Вон сколько ребят моих уложили. Вас столько же поляжет. Баш на баш! Что, по рукам, старый хрыч?

— Товар этот — князя Юрия собственность, атаман. Из Хаджитархана.

— Выходит, сушеную рыбу, сладости, вина возишь? — фыркнул верзила-атаман. — А еще врет: посол, мол, он.

Тем временем прикатили бочонок и поставили перед атаманом. Тот взглянул на него и кивком велел открыть.

— Что князю на пользу, то и нам не во вред. Верно говорю, посол, а?!

Старик промолчал. И раньше приходилось встречаться с разбойниками, но так его еще никто не унижал. Этот перешел все границы! Наглецу, похоже, сам Бог не указ.

Видя, что пробка не открывается, один из разбойников рубанул ее саблей. Пробка сломалась. «Иди ты, безрукий! Разве так надо?» — другой дюжий малый ударил по пробке обратной стороной копья. Она провалилась в бочонок. Оказалось, у каждого злодея на поясе висит деревянный ковш. Все выстроились в очередь. Один взял на себя роль виночерпия и стал разливать. Нашли и притащили вяленую тарань. Атаман протянул Якиму Кучкину свой ковш с вином:

— Давай, посол, пей! Пей, пей, все равно скоро умирать.

— Твоя смерть, думаю, тоже не за горами, атаман.

— Верно говоришь, да только я твою смерть увижу, а ты мою — нет.

— Смерть — она от Бога.

— Правильно, от Бога, да только Бог решил повременить пока с моей смертью, — сказал разбойник, успевший уже опрокинуть второй ковш. — А вот над твоей головой меч мой висит. Говоришь, много лет в княжьих дворцах послом был, так и грехов, думаю, натворил немало. Вот и князя Андрея Бог сурово покарал за грехи. Молва-то она с крыльями. Слышал я, посол, его собственные бояре уколошили, а после на жену все свалили. Верно говорю?

— Никто не убивал его, князь сам приговорил себя к смерти. За то, что Бога прогневил, что от народа отвернулся.

Атаман захохотал, откинув голову назад. Яким Кучкин огляделся. Головорезы согнали уцелевших охранников и обозников в одну кучу и связали арканом. Среди пленников были и раненые — оттуда доносился стон.

— У меня около сотни ладей, княжий лизоблюд. Около сотни! В каждой по четыре, по пять человек. Сегодня много наших полегло. Освободившиеся места придется твоим дорогим товаром заполнить. А ты стрелял в добрых моих молодцев. Нехорошо так вести себя, не подобает христианину, позор! Вот, последний этот ковш пью за смерть твою, посол!

Сказав так, верзила опрокинул ковш и швырнул его через голову. Холоуи его тотчас кинулись за ковшом и, наполнив, снова поднесли атаману.

— Пусть княжий посол пьет, — сказал захмелевший ата-

ман. — Да что б до дна! Пусть сдохнет от вина! Для басурман пьянство — грех, а для христианина — богоугодное дело. Верно говорю, княжий посол? Имени своего можешь не называть, все равно не запомню. Мне оно ни к чему, а коли Богу нужно, так пусть он и запоминает. Напой посла, а не захочет, так силой влей в него. Всех, всех спойте!

Разбойники с шумом и гогом бросились к пленным и стали поить вином. Когда одна бочка опустела, прикатили другую. Яким Кучкин все время крестился, просил у Бога спасения и не переставал ждать Егорку, которому уж пора было вернуться. Чтобы не видеть валявшихся пьяных разбойников, старик закрыл глаза. Ему совали ковши за ковшом, не давая передохнуть, так что он тоже, в конце концов, покати́лся на траву. Кто-то пристроился рядом и, ласться, обнял за шею

Видя, что Юрий Всеволодович слишком увлекается военными набегами на соседей и много внимания уделяет своим ратникам, опытный старый посол говорил ему: «Великий князь, сам сиди во главе своего княжества, не давай военачальникам воли, иначе они станут думать только о разбое, в то время как государство лишь торговлей богато и знатно». Но князь не слушал его. Войны сменяли одна другую и превратились для князя и многих его подданных в промысел. Князь когда побеждал, а когда и терпел поражение. Только жизнь в стране лучше не становилась, потому и подданные князя, настроенные на легкую добычу, от труда постепенно отвыкали. Этот атаман, верно, тоже воевал когда-то в княжеской дружине, потом бежал из нее, повздорив с князем, а теперь позорит доброе имя княжества.

Да, мудрость — она не каждому князю дана. Многие прожигают жизнь бездумно. К примеру, когда Ростислав стал княжить в Ростове, народ поначалу поддержал его. Но напрасно надеялся на лучшую долю. Как и Всеволод, Ростислав опирался только на дружину. На смену ему пришел Михаил, но и тогда лучше не стало. Этот тоже из походов не возвращался. Прокляту́щий князь этот замучил сестру Якова Улиту. Слава Богу, и сам недолго протянул, рано отправился к праотцам. Да и прочие, что были после Михаила, ничего путного не сделали. Ни одного добром не помянешь.

Мало-помалу старик перестал понимать, где он и что с ним, мысли путались. Кто это так громко кричит, бранится? Он с трудом открыл глаза, сел. Сильно кружилась голова. Он поднял голову и глазам своим не поверил: перед ним на коленях стоял Егорка.

— Яким Степаныч, я это, Егорка!

Яким подал ему руку, чтобы помог подняться, но и те-

перь ничего не мог понять. Обоз вместе с разбойниками окружили какие-то всадники — должно быть, азаты эмира Хаджи. В стороне валяется атаман, из живота у него торчит копьё. Обозников развязали и теперь они топтались на месте, не в состоянии сообразить, что дальше делать!

— Джика Мергена привел, эмирова багадура. Это он спас нас, Яким Степаныч!

Старик нетвердой походкой пошел навстречу багадуру, на шлеме которого горело яркое перо, и чуть не упал — ладно Егорка вовремя подхватил.

— Спасибо тебе, багадур, тысячу раз спасибо! Ты спас нас от верной смерти. Пусть Аллах пошлет тебе удачу.

Старик бухнулся на колени и поклонился багадуру в ноги.

Джик Мерген, не слезая с коня, отдавал в это время распоряжения.

— Своих похоронить! Разбойников оставить волкам!

Привели еще с десятков разбойников. Они, как оказалось, сторожили лодки. Багадур приказал заковать их в цепи и, сойдя с коня, подошел к послу.

— Мое имя Яким Кучкин, багадур, посол князя Юрия. Иду из великого города.

— Так ты — брат купца Апаная? — спросил Джик Мерген.

— Да. Спешу я, багадур, ехать надо.

— Ну что ж, путнику лучше быть в пути, — сказал багадур и приказал своим азатам проводить обоз.

Яким Кучкин обернулся к Егорке.

— Ты мой телохранитель, Егорка. Смотри же, береги своего хозяина, не допусти до сраму. Слышишь?

Егорка встал перед хозяином на колени, старик перекрестил его.

— Я стану молиться за тебя, багадур, — сказал Яким Кучкин, обращаясь к своему спасителю, — буду просить, чтобы Господь дал тебе могущество. Он услышит, потому что я не делал людям зла.

— Ты же посол, Яким агай, а у нас говорят: послы не ведают смерти. И потом ты пока на болгарской земле. Откуда бы купцы ни приходили к нам, мы не позволяем грабить их. Счастливого тебе пути, посол!

Джик Мерген вскочил на коня.

У Якима Кучкина бывали в жизни всякие события — всю жизнь он спешил куда-то, случалось, что и не поспевал вовремя в ту или иную страну, встречался и с разбойниками, но столь грубого и беспощадного обращения, как в этот раз, не испытывал никогда. Видно, уж пора на покой. В другой раз

такого надругательства над собой он не переживет. Торговлю свою передаст внуку, потому что Бог, как видно, перестал помогать ему, дает понять, что Яким стар и для трудной дали купца уже не годится. Спасение свое он считал хорошим знаком и связывал почему-то с братом Афанасием. Сегодня его спасли мусульмане, на выручку пришел мусульманский Аллах. И кажется ему, что здесь не обошлось без молитвы брата Афанасия.

Булгары гонят пленных мимо. У многих разбойников на груди крест. Значит, свои, православные. Разве Иисус не оказал: «Не убий; возлюби ближнего своего?» А эти грабят людей, кровь проливают!

Словно очнувшись внезапно, Яким Кучкин огляделся. Обозники собирались в дорогу, запрягали лошадей, подбирали разбросанное добро. Товарищей похоронили вместе с погибшими булгарами. Булгарский багадур со своими воинами был уже едва виден вдаль. Посол Яким, словно желая соединить две веры, встал на колени и, отбивая земные поклоны, просил у Бога удачи и благ для булгар. И несколько раз от чистого сердца упомянул имя брата Афанасия.

20

Выяснилось, что эмир Хаджи пригласил шейха не просто так. Сначала он провел шейха Татеша в парадные покои дворца и, не задерживаясь в них, — в зал, где обычно принимал нужных людей. Татеш послушно следовал за ним. Эмир прошел мимо своего места на возвышении, где обычно восседал во время торжественных церемоний, и опустился на ковер, устилавший пол. Привалаясь на кожаную подушку, он показал гостю место рядом с собой.

Сначала эмир подробно рассказал шейху о своем деле, а в конце объяснил, почему дал разрешение на строительство в Казани церкви, чем и было вызвано недовольство шейха Татеша.

— ... мы с урусским народом, — продолжал эмир Хаджи, — с древней поры связаны крепкими узами. Если в городах урусов будут построены мечети, а у нас церкви, наша дружба только окрепнет. Но на урусской стороне, слышно, мечетей не только не строят, а собираются разрушать то, что уже построено. Известно, что город Городец был заложен и выстроен нашим дедом Ибрагим-ханом. Намерения были самые добрые — создать место для свободной торговли. Однако отец наш, Салим-хан, обещал этот город князю Андрею. Некоторое время он еще оставался в руках булгар.

Недавно князь Юрий присвоил его, посадил там своего человека. Покойный отец смирился с этим, я тоже не стал возражать, хотя и имел на город некоторые виды. Мне не дает покоя одна мысль: не будет ли православное духовенство обижать и унижать наших мусульман? Если в Городце станут притеснять мусульман... Хочу напомнить, шейх: в болгарских городах тоже живут христиане, есть церкви. Так вот, можешь от моего имени сказать князю и его тиунам, что если будут унижать и обижать мусульман, то и с христианами, живущими в Бугарии, будет то же самое. Известно, как аукнется, так и откликнется... Остановишься у Мазита мурзы. Он уже знает.

— Разве мне можно туда, мой эмир?

— Ты — шейх, личность видная, сановная, как и духовные отцы урусов. С шейхом Иганаем все уже обговорено, он тоже одобрил эту поездку. Правда, Ильгам-хану решено было ничего не говорить. Возьмешь с собой десять мюридов, а мои воины будут сопровождать вас. С помощью Аллаха все сладится.

— А кто из военачальников поедет?

— Верный менбаша Хайретдин.

— Когда же мне отправляться?

— Дня через два, не позже. Опаздывать не годится. Хочу знать, что там в Городце творится. В зависимости от этого стану вести дела с урусскими князьями. Удачи тебе, шейх!

Шейх Татеш выехал из Казани рано утром. Все знали, что в том городе, куда он отправился, есть мечеть, работает медресе, где учатся мусульманские дети. Обязанности имама там справлял Мазит мурза. Шейх должен был оставить в городе одного из своих мюридов. Вот только даст ли на то свое согласие городской тиун? Эмир Хаджи заверил, что человек этот не станет чинить препятствий. Однако у шейха не было полной уверенности — он знал, что урусские князья не разрешают в своих городах возводить мечети. А если случилось какое-нибудь несчастье, они тут же обвиняют в нем мусульман. Шейх никак не мог взять в толк, отчего это князья и духовенство урусов постоянно поддерживают в народе подозрительность и враждебность в отношении мусульман. При беседе с князем Юрием с глазу на глаз он непременно спросит об этом и постарается понять причину.

На четвертый день шейх въехал в посадские ворота Городца. Их никто не остановил, не преградил дорогу. Шейх Татеш направился к дому Мазита мурзы. Хотя встречные и говорили, что князь Юрий, изгнанный из столицы братом, должен быть здесь, шейх не слишком-то верил этим разгово-

рам. Как это человек, который был великим князем, может сидеть в этакое захолустье.

Шейх заранее отправил к мурзе гонца, и теперь хозяин стоял у ворот, поджидая гостей.

— Рахим итегез!* Милости просим! — говорил он, обнимая шейха и прикладываясь щекой к его щеке. — Дом просторный, слава Аллаху, место всем найдется. Мюриды останутся в правой половине, а менбашы с охраной — в левой. Как доехали?

— Доехали хорошо, слава Всевышнему, ничто не омрачило путешествия нашего, — сказал шейх Татеш, входя следом за мурзой во двор. Он сел на скамейку и сотворил молитву, потом обратил внимание на урусских женщин, которые хлопотали, устраивая воинов.

— Это прислуга, — сказал мурза. — Мусульман здесь становится все меньше.

Они вместе поднялись на крыльцо, вошли в дом. Служанка принесла таз и кумган с водой. Шейх совершил омовение. Вскоре накрыли стол. Принесли наваристый суп. Со словами молитвы Мазит-мурза поставил перед шейхом блюдо, наполненное мясом.

— Работы здесь хватает, шейх. Ее так много, что конца-края не видать. Да пошлет нам Аллах удачу.

— Как с князем уживаетесь, мурза? Не обижает?

— Князь вчера только отбыл во Владимир, шейх. Брат Константин сначала прогнал его, а теперь якобы сам же и позвал. Здесь тиун его остался. А так-то князь неплохой вроде человек. Когда эмир Хаджи сообщил о вашем приезде, я был у него. Принял нехотя — видать, духовных отцов своих побаивается.

— Если князь, его тиун и попы станут притеснять мусульман, мы в Булгаре тоже иначе станем смотреть на живущих там христиан. Это я и хочу сказать им, мурза, для того и ехал. Жаль, что самого князя повидать не смогу.

— Скажите это тиуну, который здесь всем заправляет. Дружина у него небольшая, но он с князем поддерживает связь.

— Я, мурза, вовсе не хочу ссориться с князем или его наместником. Я за то, чтобы все жили в мире и дружбе. Известно, что пророк наш всем усопшим воздает одинаковое уважение, не смотрит, кто свой, а кто нет. Пророк наш Мухаммад сказал: «Ни к кому из вас я прямо в дом не явлюсь. Мне было повеление от Аллаха: перед чьими воротами верб-

* Рахим итегез — добро пожаловать.

люди мой падет на колени, к тому и войду гостем. Для меня все равны». Вот и я к тебе так же пожаловал, мурза.

— О Аллах, не лишай меня милостей своих. Ты поступил очень хорошо. Твой приезд для меня — большая радость и честь. Эмир Хаджи сообщил мне: оказывается, ты еще и имама привез.

— Да, мурза. Думаю тебе, человеку немолодому, нелегко отправлять обязанности имама. Мы и медресе осмотрим, если Аллаху будет угодно, — все успеем.

Наступило время полуденной молитвы — ахшам, но они все говорили и говорили. Покончив с обедом, шейх Татеш достал намазлык — молитвенный коврики.

— Ахшам, а заодно уж и ясин прочтем, мурза, — сказал он и опустился на колени.

На другой день мурза Мазит повел шейха к княжескому тиуну. Тот через своего толмача внимательно выслушал шейха. Сказав, что все передаст князю, вежливо проводил посетителей.

После обеда шейх побывал в медресе. Дети поздоровались с ним, дружно склонив головы. В чалме, один конец которой лежал на груди, а другой свисал за спиной, в камзоле, расшитом золотым позументом, шейх выглядел весьма торжественно. Он заглянул в каждый класс, побеседовал с шакирдами. Как и его учитель Пахлеван Махмут, человек премного ученый, он держался со скромным достоинством. Зато в медресе, где учились девочки, вдруг оживился, стал не в меру речистым и дошел до того, что учительницу сравнил с богиней, а ее учениц назвал райскими ангелочками. Он с удовольствием откликнулся на просьбу прочитать девочкам проповедь, которую закончил так:

— Да наделит вас Аллах в этом райском приюте высоким искусством красноречия. Пусть никакая смута не омрачит вашего существования, откуда бы она ни исходила — от урусов ли, от самого ли иблиса. Если поддадитесь искушениям, Аллах всемогущ — будете гореть в огне ада. Да будет праведна и благословенна жизнь ваша...

Погостив три дня, шейх уже через неделю вернулся в Казань. Мюрид, которого он оставил в Городце имамом, должен был при каждом удобном случае извещать его о происходящих там событиях. А возможность такая была, потому что купцы беспрестанно ездили между этими городами. Шейх надеялся, что так будет и впредь, если, конечно, Аллах того захочет.

Отдохнув с дороги, шейх Татеш на другой же день отправился к эмиру Хаджи. В переднем покое его встретила Зулейха, жена эмира.

— Субханалла, Зулейха туташ! — воскликнул шейх, то

ли забыв, что она супруга правителя, то ли желая доставить ей удовольствие, назвав девушкой.

Зулейха сделала вид, будто не заметила оговорки, потому что с уважением относилась к своему учителю.

— Татеш-эфенде, — сказала она, — эмир ждет вас.

— Спасибо, бике, спасибо, — ответил гость, исправляя свою оплошность.

Зулейха пошла впереди, шейх двинулся за ней. У эмира всегда был бусагабаши, думал он, отчего же бике сама встречает гостей? Впрочем, шейху Татешу частенько трудно бывало понять эмира. В Казани бывает редко, чаще пропадает в Шайтан-Кала или Кашане. В сущности, главным человеком здесь можно считать Джик Мергена.

— Хорошо ли съездили, шейх? — спросила Зулейха-бике, не оборачиваясь.

— И хорошо, и не очень, бике. Князя я не застал. Он, похоже, помирился с братом и отбыл во Владимир. Тиун его, городской голова, не сказал ничего определенного.

Прошли в рабочий зал эмира. Хозяин встретил шейха стоя, поздоровался, предложил место. Оба воздели руки для молитвы.

— Ну, шейх, слушаю тебя со вниманием...

Шейх Татеш подробно рассказал о своей поездке. Эмир Хаджи долго молчал, потом взял в руки четки и стал перебирать их.

— Выходит, князь Константин отрекся от княжения, — проговорил он наконец.

— Нет, не отрекся. Я слышал, что Владимир он хочет вернуть князю Юрию, а сам в Суздаль собрался...

— Такое, шейх, случается, лишь когда договариваются с целованием креста. Ладно, там видно будет. Если князь Юрий, снова став великим князем, будет обижать мусульман, я разрушу церковь не только здесь, но и в Булгаре. Спасибо тебе, шейх. До свидания.

Шейх Татеш медленно пошел к выходу. Он ждал от эмира чего-то еще, а чего — и сам не знал. Настроение у него было неважное. Тут ему встретился Джик Мерген.

— Саламагалеюкум, шейх!

— А-а, багадур, — отозвался шейх, — вагалеюкум ассалам!

— Эмир у себя?

— У себя, багадур.

— Великий шейх Иганай приехал, — сообщил Джик Мерген, — тебя ждет.

— Вот как! — шейх Татеш не скрывал удивления: в Казань великий шейх пожаловал впервые. Поздравляю, багадур! Я слышал, Зайтуна сына тебе родила.

— Спасибо, шейх, Будем ребенка именем нарекать, тебя приглашу. Так что не теряйся из виду.

— Аллах даст, обязательно приду. Говорят, ты пленных каких-то привел...

— Разбойников. Эмир велел их в Шайтан-Кала доставить. Сейчас и отправимся.

— Нет ли среди них мусульман?

— Думаю, что нет, не спрашивал.

— Из Шайтан-Кала им не сбежать. Оттуда еще никому не удавалось.

— Город охраняет мой менбаши, шейх. Ты прав, оттуда не сбегал еще ни один человек.

21

Впервые она увидела эмира во дворце и растерялась: отец и сын оказались похожи друг на друга как две капли воды. Конечно, разница в возрасте сказывалась, но взгляд, черты лица, стать, походка... Она просто глаз не могла отвести от эмира, и когда тот с удивлением посмотрел на нее, залилась краской и опустила глаза. К эмиру ее подвела Назлыгюль.

— Абам, — сказала она, — это учительница Зулейха. Она согласна быть воспитательницей моему сыну. Дай свое согласие, брат мой.

Спрашивает разрешения, а сама уж все решила. При чем же здесь он? Эмир Хаджи встал и подошел к молодой учительнице.

— Мне давно хотелось познакомиться с вами, Зулейхатуташ, — сказал он.

Зулейха окончательно стушеввалась, не сразу нашлась, что ответить. Ей уже около тридцати, она повидала жизнь. Занимаясь обучением девочек, общалась со многими образованными людьми; ее не так-то просто вывести из равновесия, но в присутствии эмира она чувствовала себя совершенно беспомощной. Во внимании мужчин недостатка она не ощущала — поэты не раз посвящали ей стихи, но девушка никого не подпускала к сердцу. Случалось, правда, что порой тосковала о ком-то, чего-то ждала, но возраст безрассудных увлечений давно прошел. Образ одного лишь человека жил в ее душе — юного Гали, внука великого хана... И вот перед ней его отец. Смотрит теми же глазами, от которых у нее когда-то захватывало дух!..

— Зулейха у меня жить будет, абам.

— Хорошо, Назлыгюль, — быстро сказал эмир — гораздо быстрее, чем ему хотелось.

— Тогда мы пошли, абам.

— До свидания! — Эмир Хаджи поклонился.

Дочь хана Назлыгюль лица не прятала. Она приветливо смотрела на встречающих, как бы говоря: видите, как я хороша. И вот они идут рядом — две редкие красавицы. Прохожие невольно оглядываются на них, а джигиты и вовсе замирают на месте. В этом городе, как заметила Зулейха, люди вообще не умели проходить мимо хорошеньких женщин. И откуда здесь такие нравы, никто не мог объяснить. Казанские бай со всего света свозили сюда красоток, могли даже украсть, когда бывали влюблены. А потом шейх Татеш всем им читал никах. Он и сам был неравнодушен к «райским гуриям», но ведь он — шейх. А что ж из того, что шейх, разве у него души нет! Вот и сегодня, увидев Назлыгюль с Зулейхой, он посторонился и, приложив руку к сердцу, пожелал им добра и удачи.

Шейх уж давно заглядывался на Зулейху, да только поговорить с ней ему все как-то не удавалось. Но он знал, что обязательно дождется своего часа! Молодая учительница обучает девочек, так что они часто будут видеться. Улучив удобную минуту, он сможет наконец, сделать ей предложение.

В доме Назлыгюль Зулейха, сославшись на усталость, ушла к себе. Она упала на саке, зарывшись лицом в подушки. Щеки ее горели, а сердце учащенно стучало — вот-вот выпрыгнет из груди. Зулейха села и закрыла лицо ладонями. Не чудо ли? — Впервые в жизни видела она человека, от взгляда которого ее бросило в жар, а сердце до сих пор успокоиться не может. Но отчего она так разволновалась? Неужели это любовь?!

Неужели в ней вспыхнуло чувство, теплившееся в душе еще с ранней юности? Гали всегда жил в ее мечтах. И вот при виде любимого, ожившего в образе своего отца, душа ее вдруг затрепетала от счастья!

Зулейха уже знала, что бике покинула эмира Хаджи. Куда и с кем уехала — это девушку не волновало. Назлыгюль сказала ей, что Акбике больше не вернется к ним, потому что нашла «счастье своей юности». Что же это за счастье такое? Может, и она, Зулейха, нашла его?! И эмир Хаджи — это ее счастье?..

О Аллах, да что же это такое! Ее отец Якуб-бек частенько говорил, что для человека важны лишь три вещи: первое — смысл жизни, второе — счастье, третье — любовь. Но они не приходят в одно время. Смысл жизни Зулейха постигла. Она складывала стихи — ей уже есть, что сказать людям. Она много читала — благо, у отца богатая библиотека — много стихов знает наизусть.

Юность ее была безмятежной и счастливой. Любовь пришла к ней неожиданно-негаданно. Сама не заметила, как это случилось. Пришла в образе внука хана — Гали. Сначала она

думала, что забудет его. Не получилось. И чем старше она становилась, тем больше крепло в ней влечение. Благодаря ему она считала себя одной из самых счастливых женщин на свете. Ей неведома была страсть, она знала лишь чистое и высокое чувство. Ее любовь — чаша радости и тоски. Во всяком случае, так думала сама Зулейха и так себя утешала.

Но сегодня в ней будто все перевернулось — она встрети-лась с эмиром Хаджи. Неужели судьба сама привела ее в Ка-зань? Познакомила с отцом Гали? Зулейха никогда и ни с кем не делилась сокровенными своими мыслями, она сама была себе хозяйка, даже мать не пыталась вмешиваться в ее сердеч-ные дела, а уж об отце и говорить нечего. Свахи не раз прихо-дили в их дом, но Якуб-бек переправлял их к дочери. Он говорил: «Дочь — моя, это верно, но замуж-то ей выходить, а не мне, ей жить с мужем, пусть сама и решает». Зулейха была безмерно благодарна отцу за то, что сумел войти в ее положе-ние, дал возможность самой решать свою судьбу. В отчем доме она чувствовала себя свободной, делала, что ей нравилось, — читала, встречалась с людьми, ходила, куда хотела. Частенько бывала на базаре, покупала книги, расспрашивала странников-дервишей, иногда вступала с ними в серьезный спор. Образо-ванные люди, приезжавшие с Востока, при встречах со столь просвещенной девушкой не переставали изумляться независи-мости ее взглядов и суждений. Но были и такие, кто осуждал и стыдил ее. Словом, о смысле жизни она имела представле-ние, могла судить о счастье, знала и любовь.

Что же случилось теперь, куда девался душевный покой, что нарушило ровное и счастливое течение ее жизни? Она догадывалась о причине, но не решалась признаться в этом даже самой себе. Может, она ошибается, и эмир Хаджи был просто вежлив с ней, как и со всякой другой женщиной? Ведь мужчины всегда с интересом смотрят на молодых да красивых, это же так естественно. Но что-то подсказывало ей, что на нее эмир смотрел иначе: в глазах его светилась искренняя заинтересованность...

Зулейха долго лежала, погрузившись в мечты, боясь сде-лать лишнее движение, чтобы не расплескать мысли и чувст-ва, полные утонченных переживаний. Назлыгюль, словно до-гадываясь о состоянии учительницы, не беспокоила ее.

Да, Назлыгюль все знала, она же видела, как смотрел на девушку брат, и была очень рада за него, потому что любила и гордилась им. В какой-то книге она вычитала: «Знатный тоже не лишен недостатков, но если он уважаем людьми, зна-чит, человек этот — сущее сокровище!»

Какие только слухи не ходили про эмира Хаджи: будто он прогнал жену, держит у себя во дворце наложниц... Зулейха

не хотела верить всему этому. И потом она женщина, и, как в шутку говорил отец, ей в жизни понадобятся лишь три вещи (ведь женщина — ошибка Аллаха): выйти замуж по любви; нарожать детей и до конца своих дней думать о них. Отец вообще не упускал случая подтрунить над дочерьми Евы. Матери Зулейхи он говорил: красивая женщина чем старше, тем глупее. Она, например, не устает твердить, что в молодости была лучшей среди красавиц. Умная женщина лишь тогда кажется умной, говорил он, когда молчит и не перебивает мужчину. Отец был неплохим мужем — с уважением относился к жене, не обижал ее, никогда не помышлял о женитьбе на молодой, как это принято среди других беков и баев. И все же Зулейха не желала себе судьбы матери...

* * *

Яким Кучкин, переправившись через Суру, послал в Городец гонца узнать, правда ли, что князь Юрий вернулся во Владимир. Ожидая возвращения гонца, старик предавался размышлениям. В конце концов пришел к окончательному решению отказаться от посольских хлопот, а торговые дела передать в руки Митяя, внука. Сам будет приглядывать за добром, хозяйством — без того нельзя. Стар уж он. А сделано немало, сожалеть не о чем. Есть, правда, кое-что и недоделанное. Не смог, к примеру, привезти князю Юрию литейщика. Но это зависит не только от него. Иметь дело с чертями он уж никак не может, на такую цену и сам князь не согласился бы. Плох ли, хорош ли, у него в Боголюбской усадьбе дом есть. Там и проведет остаток дней. Лично ему никакой литейщик не нужен. И за Дуняшку он спокоен — хоть своими глазами и не видел ее, узнал, что нашла свое счастье. Кому ж плохо оттого, что за мусульманина вышла? Афанасий вон христианином был, а теперь из мечети не вылезает. И нисколько не раскаивается, еще и счастливым себя чувствует. Всяк живущий на земле справедливости хочет, а она, чем человек умнее становится, все дальше и дальше от него ускользает. Вот и Яким Кучкин сегодня в том же положении. Ему бы не знать, не видеть ничего, жить бы да жить в свое удовольствие, ан нет...

«Бог ты мой, что за мысли в голову лезут?» — старик перекрестился.

Гонец прибыл через три дня и порадовал Якима Кучкина: князь Юрий и в самом деле во Владимире, а Константин умер. Вот и говори после этого, что Бога нет. Старик воздал царю небесному благодарственную молитву.

Спустя неделю он уже въезжал через Золотые ворота во Владимир. Княжеский тиун успел сообщить своему господину

о прибытии посла и вернулся к Яким Кучкину. Тот подарил ему болгарские сапоги из мягкой кожи, называемой булгари.

Яким Кучкин осмотрел свой дом, обошел пристройки. Потом раздал подарки внукам. Каждого приласкал, потрепал по голове, диво, как они вытянулись, пока его не было дома, совсем уж большими стали. Слуги выгружали товар, радуясь благополучному возвращению хозяина, женщины весело сновали, хлопоча по дому. Проходя мимо матери Дуняши, старик сказал: «Жива-здорова дочка-то, тебе привет передать просила». Обрадованная женщина, кланяясь, повторяла скороговоркой: «Спасибо, батюшка, спасибо!»

Вскоре явился тиун, чтобы отвезти посла к князю. Пришлось ехать в княжеские палаты.

Князь Юрий поднялся ему навстречу, поздоровались. Князь провел гостя в покои, усадил.

Усевшись на трон, он неожиданно заговорил о своей обиде на умершего брата Константина:

— Брат по собственной воле вернул мне Владимир, это верно... Да только много вреда он здесь учинил за короткое время. Меньшому брату своему из степи, кипчаку наполовину, город Стародуб отдал, в Ростове сына своего Василя посадил, а малолетнему сыну Всеволоду Ярославль определил. Так вот и растрепал, рассыпал собранное дедами да отцами Владимиро-Суздальское наше княжество, Яким Степанович. Мне теперь снова собирать его, исправлять грехи покойного.

— Что ж тут поделаешь, князь, — судьба, — пожал плечами Яким Кучкин. — Не все получается, как хочется. И я с пустыми руками к тебе вернулся. И секрета чугунного литья не выведал, и литейщика не привез.

— Говори, что видел, как там Ильгам-хан поживает.

Старый посол подробно рассказал о болгарских событиях, ничего не утаил от князя. Тот поднялся и стал ходить из угла в угол.

— Выходит, — заговорил он, не глядя на Якима Кучкина, как бы разговаривая сам с собой, — и в Булгарии два брата ужиться не могут. Что же ты мне посоветуешь? Как воспользоваться таким положением?

— Ильгам-хан сам совет дал, князь.

— А эмир Хаджи не помешает? — спросил князь, выслушав посла. — У него железо. Говорят, пушки отливать начал.

— Войско эмира неплохое, не хочу грех брать на душу. Дремать он не станет, это верно. Но ведь и у тебя, князь, войско немалое. Деды и отцы, помнится, из Булгар с пустыми руками не возвращались... Кхм... Я это так, к слову, князь. Вообще-то я за торговлю с булгарами и мирную жизнь. Я всего лишь посол, передал просьбу Ильгам-хана.

— За совет спасибо, Яким Степанович, не забуду доброты твоей. А тебе снова в Булгар поехать придется. Знаешь, кто наш самый заклятый враг, Яким Степанович? Булгары. Все почти торговые пути у них в руках. И потом булгары-то — басурмане, сам Бог велел с ними воевать.

Яким Степанович прикусил язык: не понравились ему речи князя. Не только потому, что брат родной — мусульманин. Совсем не потому. Они, мусульмане, спасли ему жизнь, отстояли обозы. Если бы не мусульмане, валяться бы ему теперь на берегу реки, и волки рвали бы на части его тело. Да разве понять это князю, у которого усы-то едва пробиваться начали? Чтобы понять, пожить надо на свете столько, сколько он, старый посол, пожил. Князьям Бог почему-то отпускает мало жизни. Может, оттого, что зла много творят? Нет, молодому князю не понять его никогда. Чтобы у власти удержаться, ему воевать надо. Старый Яким видит: у князя, так же, как и у князей Андрея и Всеволода, ума нет, уж очень легковесны его рассуждения. А это беда.

— Подскажи, Степаныч, не лучше ли мне на сам Булгар напасть? Как отец мой ... Он ведь оттуда богачом вернулся.

— Золото он получил, а сколько тысяч воинов положил там? Князь Изяслав погиб. Он, как и ты, молод был и смел. Мой совет тебе, князь: с Булгаром нам не воевать, а торговать надобно!

Князь некоторое время молча смотрел на Якима Кучкина.

— Ты тоже прав, Яким Степанович, слов нет, — сказал он, наконец. — Но и меня пойми ты, мудрец! Если я сегодня не стану воевать, завтра же мои братья или другие родичи на меня самого навалятся. А война позволит мне объединить их. Короче, Яким Степанович, война — крест мой... А чугунолитейщик — за тобой. Ты мне достанешь его хоть из-под земли!

— Ладно, князь, только у меня тоже есть просьба. За чугунолитейщиком пошли внука моего Митяя.

— Митяй молод еще, Яким Степанович. Не перечь мне. Собирайся покуда, а я сообщу, когда ехать надо будет.

Давая понять, что разговор окончен, князь Юрий ударил об пол посохом.

Старый посол вышел на улицу и посмотрел вверх. На небе не было ни облачка. «Сегодня Покров», — отчего-то подумалось ему. Осень будет холодной и сухой, самое время капусту солить. Да, только суждено ли ему поесть ту капусту? Князь снова гонит его из дома — никакого от него покоя. Попробуй послушаться, тут же найдет управу! Топор-то у князей в руках. Посоветоваться бы с кем-нибудь. На этот случай один человек есть — епископ. Когда на троне князь Андрей сидел, епископ отвернулся от князя. После

смерти три дня его тело в саду держали, не предавали земле, епископ отпевать отказывался. На Булгар-то князя Юрия, должно быть, епископ натравил, как к нему пойдешь?

Со стариком Якимом еще никто так не обращался. Булгарский хан своими руками ему кумыс наливал, а свой князь Юрий чарку вина пожалел, обидел. Другие князья честь оказывали, на почетное место сажали; про то, что совета спрашивали, и говорить нечего. Без его совета и шагу ступить не могли. А этот, мальчишка, что себе позволяет? Против воли в Булгар гонит, мол, из-под земли достань ему чугунолитейщика. И не просит — приказывает. Сперва подумал бы головой-то, князь, не ошибаешься, ли! Да, князь Андрей в свое время тоже махал на Якима Кучкина кулаками, да самому же и вышло боком. А Владимиру с Булгаром не воевать, а торговать надо, торговать! Когда голод был, кто русских от смерти спас, кто во Владимир хлеб-то обозами возил? — булгары. Зелен ты еще, князь, зелен, жизни не знаешь. Яким Кучкин — не просто посол, он хранитель великих тайн; он тот, кто целые страны без жертв и выстрелов к рукам прибрал. Ты вот про чугунолитейщика все толкуешь, а о том не догадываешься, что лучшее оружие — в душе человека... Оно, конечно, перетянуть на свою сторону духовенство куда важней. Ты, князь, до меня, похоже, с епископом Саввой встречался. А кто он такой, подумал? Кто целых три дня князя Андрея хоронить не разрешал? — Он, пастырь твой духовный, которым ты так восхищаешься. Хвастается епископ, будто народ его всегда поддержит. За Федора, епископа, народ тоже горой стоял. И князь Андрей привечал его. А как в Киев вызвали, свое же духовенство до смерти замучило. На народ надейся, да сам не плошай. А ты, как я погляжу, и к народу не прислушиваешься, и на своем настоять не умеешь. Вот епископ Савва и «помог» тебе своим советом — научил на Булгар идти. Ладно бы, если все добром закончится...

Так, разговаривая сам с собой, Яким Кучкин шел к своему дому. Он решил завтра же уехать в Боголюбово. Там ему будет спокойней.

23

Узнав, что в крепости Шайтан-Кала, которая особенно дорога ему, Ильгам-хан оставил свое войско, эмир Хаджи вызвал к себе Джик Мергена, велел сегодня же любыми способами — силой ли, уговорами ли — вернуть город, а ханского менбашиа Актая доставить в Казань. Багадур в тот же день отправился в путь и через три дня без всякого кровопролития вернулся вместе с Актаем. Менбаша подчинился

без возражений и прибыл в Казань со своим отрядом. Его привели к эмиру Хаджи. Сидя на возвышении, эмир принял военачальника хмуро.

— Ну, менбаши Актай, что скажешь? — спросил он.

Менбаши по привычке опустился на одно колено, склонив голову, потом встал.

— Я, досточтимый эмир, всего лишь человек человека. Хозяин мой Ильгам-хан. Я не стал сопротивляться, проливать кровь только потому, что мы свои люди. Мы с Джик Мергеном вместе при ханском дворце учились, не мог я поднять на него руку. Из уважения к вам, оттого, что боялся вас обидеть своей строптивостью, я здесь, перед вами. А теперь выслушайте мою просьбу: отпустите меня в великий город. Я — человек хана.

Эмир Хаджи молчал, не зная, как ответить. С одной стороны, Актай рассуждает трезво. В Шайтан-Кала он приехал по воле хана. Как же быть?

— А что скажет багадур Джек Мерген? — спросил эмир.

— Актай прав, эмир. Я на его месте поступил бы так же.

— Ладно, менбаши, ты свободен.

Актай хотел было уйти, но эмир окликнул его:

— Подожди, менбаши. Кумысник! — крикнул эмир. — Кумысник!

На серебряном блюде вынесли три пиалы с кумысом. Взяв блюдо из рук слуги, эмир подошел к Актаю, кивнул Джик Мергену, приглашая.

— Прошу, менбаши! Не держи на меня зла. Ильгам-хану скажи: если еще раз попытается войти в Шайтан-Кала, вряд ли сможет выйти оттуда живым. Шайтан-Кала — город эмира Хаджи.

Менбаши осушил пиалу и поклонился, приложив руку к груди.

— Эмир, я тебя всегда таким представлял. Аллах верно подсказал мне, как следует поступить. Спасибо.

Эмир Хаджи с Джик Мергеном переглянулись и промолчали. Да и что тут скажешь? Вот что, значит, победить зло добром. Оба это поняли. Остальное — в руках Аллаха.

24

Женив сына Булата на ханской дочери Рабиге и едва оправившись от свадебных хлопот, Ильгам-хан позвал во дворец княжеского посла Якима Кучкина, который, как оказалось, снова приехал в Великий город. Посол, как всегда, вошел в тронный зал, кланяясь. Поздоровавшись, Ильгам-хан предложил ему сесть.

— Ну, Яким агай, чем порадуешь на этот раз?

— Хан, я уважаю тебя, а потому скажу прямо: приехал я не по собственной воле. Князь заставил. Клянусь Богом, это правда. Если первоначальное желание твое не изменилось, князь готов помочь тебе — согласен совершить набег на город Ашлы. Когда — точно не сказал. Я уверен, обещание свое он сдержит. Война с булгарами на руку ему: князь прежде всего думает о том, чтобы собрать распыленные земли свои. Он пожаловался мне, что покойный Константин растащил его княжество на части.

— Надо же, — сказал Ильгам-хан, — у нас с ним одни и те же беды. Я тоже зол на старшего брата. Он прогнал моего менбаши, которого я оставил в Шайтан-Кала, да еще пригрозил: если, мол, хан снова объявится в тех местах, может головы лишиться.

— Вон как, — отозвался Яким Кучкин, круто забирает брат твой, хотя и не великий хан.

— Он и отцу покоряться не хотел. Совсем распоясался. Как и покойный князь Константин, раздает города угланам, родственникам. Джаббар углана отправил в Ашлы, Казань собирается оставить племяннику Хансияру, рожденному от раба.

— Сам-то куда денется?

— А кто ж его знает? В Кашан, наверное, вернется. Кашан отец ему в наследство оставил.

— Он делает это, чтобы поближе к Шайтан-Кала быть, хан. Только поэтому.

— Возможно. Но я не позволю ему. В этом мне князь Юрий поможет.

— Поможет, не сомневайся, хан.

— Ладно, оставим это, Яким агай. Сам-то как живешь? Что нового во Владимире? Слышно, будто Юрий, младший сын князя, который с матерью, княгиней Рокией, в Саксин уехал, на дочери грузинского царя Тамаре женился. Правда ли это?

— Правда, хан, женился. Кипчаки так решили. А Саксин теперь якобы Акбике принадлежит, джингачай твоей? Она ведь дочь Сарбай-хана, а поскольку из мужчин не осталось никого, ее возвысили. А в багадурах у нее, слышно, Бачман.

— Я это знаю, Яким агай.

— А на чьей он стороне, этот Бачман-багадур?

— Бачман-багадур у себя в степи, Яким агай. Его сюда и на аркане не затащишь.

— А я бы вернул его, хан.

— Ты что же, в Саксин собрался?

— Бог с тобой, Яким Кучкин довольно и князьям, и ха-

нам послужил, немало добра им сделал. Теперь постарел, борода седая, и ум не так остер. Не хочу я, хан, людям злочинить, совсем не хочу. Скоро мне ответ перед Богом держать, что скажу ему?

— Ты не можешь не грешить, Яким агай, доля у тебя такая.

— Бог мой, что ты говоришь, хан?! Хоть от судьбы, говорят, не уйдешь, да только умный и изворотливый всегда выход найдет.

— Аллах да поможет тебе, Яким агай, ты и на этот раз сообразишь, как сухим из воды выбраться. Ты вот у меня на почетном месте сидишь, а сам, оказывается, в Казани улицу строишь, базар открыть собираешься. Это хорошо, дело законное, да только благословения у меня попросить не мешало бы.

— Да не я, а внук мой Митяй, собачий сын. Мало ему базара в Великом городе...

— Выходит, с твоего согласия внук твой в Казань перебирается? Что ж, брат эмир Хаджи встретит с распростертыми объятиями...

— А разве торговать грешно, хан? Я перед Богом чист, никого не обижал, торговал честно. Разве лишь в том мое участие, что и внука, и брата Афанасия к торговому делу приохотил.

— Ну а церковь в Великом городе, очередную церковь, на чьи деньги строят, Яким агай?

— Церковь — это божий дом, хан. Ты о том не говори, не надо — боюсь я. Каждый добрый человек помогать в таком деле должен. Так в священном писании сказано. Я, хан, не из завистливых: как увижу новую церковь, всей душой радуюсь, новую мечеть увижу — тоже радуюсь. Ведь мечеть тоже дом божий.

— Ну, ладно, ладно, Яким агай. Будь по-твоему. Только об одном не забывай: все, о чем здесь говорится, здесь же и остаться должно. Итак, посол великого князя Юрия Всеволодовича Яким Кучкин был у великого хана Ильгама и дал ему слово. А какое слово — сам знаешь...

Яким Кучкин помолчал, только крикнул в ответ.

25

В один из ясных весенних дней с небольшого корабля, причалившего к пристани города Булгара, сошел странного вида человек с длинной седой бородой. К поясу его была подвешена пустая сума, на замызганной чалме, бывшей по всей видимости когда-то зеленой, красовалась лягушечья шкурка, окрашенная в серебристый цвет.

Солнце золотыми слитками сверкало в водах Идели, на небе не было ни облачка, утро еще хранило прохладу и свежесть. В такие мгновения все живое в природе пробуждается. Странник, едва ступив на влажную траву, упал и, зарывшись в нее лицом, некоторое время лежал так, жадно вдыхая запахи земли. Потом он встал и поднял лицо к небу.

То был старый, очень старый человек, но родная земля, казалось, влила в него силы, и он как будто даже помолодел. Старик то ложился на землю, то вставал. Наконец отвязал с пояса намазлык и стал творить намаз. Покончив с этим, он огляделся, аккуратно сложил коврик, закрепил на поясе и сел. Никто не обращал на него внимания, да и сам он никого не замечал — не видел сутолоки пристани, не слышал гвалта толпы и криков чаек. Вот он заговорил сам с собой:

— О Аллах мой, не верится, что я, наконец-то, на родной земле. Приветствую тебя, мой Булгар, приветствую тебя, дом родной! Здравствуй, Идель, здравствуй, Солнце! Перед вами склоняет свою голову казий Нисбах, пешком исходивший мир. Он вернулся к вам из хаджа. Ему уже много лет, но глаза его видят, память, слава Аллаху, не оскудела. Я шел к вам через горы Каф, через семь стран, через семь застав! Но где бы ни был, прекрасней, ближе сердцу, приятней края не видел. О Аллах, прости меня, ничтожного скитальца, своего паломника! Святые места, где жил наш пророк, мне не понравились. Омовение горячим песком совершать приходилось. Тварей зловредных — змей, скорпионов видимо-невидимо! Хоть и долго добирался до этих мест, благодарю тебя — видишь, я уже на родной земле, лицо обратился к голубому небу. На земле пророка я видел могилу отца нашего Адама, а в городе Джадде был на могиле нашей Хавы. Потом, как я мечтал, пошел в священную Мекку, где среди города стоит главная мечеть. В той мечети пол из белого мрамора. В мечети стоит огромный куб, в который вделан черный камень в серебряном обрамлении. Паломники припадают грешными лицами к святому камню. Если от камня этого пойти прямо, придешь к священному источнику Зам-зам. Вокруг Каабы всегда прохладно, даже когда кругом жара невыносимая. Я в каждый уголок храма заглянул, все руками пощупал. И все время повторял молитвы. Попробовал священной воды зам-зам, творил намаз в мечети пророка Ибрагима. Посетил могилу жены пророка Хадичи. Словом, побывал всюду. В доме Бибифатымы видел ручную мельницу. Посчастливилось также повидать колыбели внуков пророка — Хасана и Хусаина. И куда бы я ни пошел — всюду были паломники, совершающие хадж, прибывшие со всего света. Семь раз обжав благороднейший из храмов — Каабу, я вошел внутрь,

припал лбом к черному камню, поцеловал его и почувствовал, как душа моя испытала ни с чем не сравнимое блаженство и слезы счастья покатались по щекам. Вместе с другими паломниками поднялся на гору Мина... А возле горы Арафа есть две мечети. Там я прочел намаз святой пятницы. То был день Арафа — самый великий, самый священный из дней. И я обрадовался, поняв, что безгрешен, хвала Аллаху, ибо не каждому выпадает счастье оказаться там в этот день. Известно, что в этот день счастливики за один хадж получают от Аллаха благословений и вознаграждений столько, как если бы свершали паломничество в Мекку двенадцать раз! О Аллах, не оставь и впредь милостью своей.

Но где бы я ни был, чего бы я ни видел, ты, родная сторона, всюду была со мной, в моей душе! Ни одна страна, ни одна земля не может сравниться с тобой! Жажду почувствуешь — вода твоя сладка и холодна, пить — не напиться; проголодаешься — еда вкусна, какой нет нигде; на землю ступить — травы шелковистые ковром под ноги стелятся.

В пути было голодно, но до Ургенча, хвала Аллаху, добрался. Народ там в ожидании войны томился от страха, Улуг Мухаммат, которому власть опостылела, оставил престол сыну, султану Джалалетдину, а сам, бросив страну и народ, удалился на какой-то остров. Говорят, слишком велик был его грех — он приказал убить послов дикого завоевателя без Аллаха и веры в душе по имени Чингисхан, чем вызвал его страшный гнев. Дикарь этот, войско которого не имеет себе равных по числу и силе, принялся разрушать города Улуг Мухаммата. Когда я пришел в Ургенч, город защищал багатур Тимер Малик. Хотя отряды его состоят из воинственных кипчаков, он вряд ли сможет остановить натиск необузданной силы. Я не смог прожить там и недели, собрал пожитки и отправился в Саксин. Вместе со мной в путь двинулись тысячи беженцев, которые просили у Аллаха помощи и надеялись уцелеть. И в Саксине я пробыл недолго. Улицы и переулки города забиты беженцами. На следующее утро, подкрепившись перед дорогой, сел на первый же корабль и отбыл на Родину. И вот я здесь. Когда земля Улуг Мухаммата насыщается кровью, проливаемой безбожником Чингисханом, на родине моей безмятежно блещет солнце, от земли исходит благоухание цветов, юноши улыбаются девушкам, а девушки юношам, купец предлагает купцу богатые и редкие товары. Над головой залиvisto поет жаворонок — любуюсь и не могу налюбоваться красотой родного края.

Соотечественник ваш казий Нисбах повидал очень много земель, без усталости странствовал и надеялся, что чем дальше, тем больше увеличиваются его возможности попасть в рай.

Но где бы я ни был, я видел зло и насилие, цепи рабства и страдание. Чтобы оценить, что есть истинные ценности на своей родине, надо, оказывается, обойти весь свет. Здесь я тоже видел немало несправедливости в конце концов был вынужден бежать в чужие края. Но я нисколько не раскаиваюсь — зато повидал мир, совершил священный хадж. И теперь мне есть что сказать своим сородичам: ищите истину у себя дома; странствуйте, пока молоды; берегите родной язык; женитесь, как шариат велит, вовремя, в положенное время обзаводитесь детьми и растите их, иначе на старости лет можете остаться, как я, совершенно одинокими...

— Ассаламагалеюкум, странник! — громко сказал кто-то над самым его ухом.

Казий Нисбах сделал вид, что не слышит приветствия, продолжая шептать какие-то слова. И только окончив шептать, поднял глаза на говорившего. Кто это обращается к нему, кто посмел побеспокоить старого человека, который радуется встрече с родиной? Такой же, как и он сам, странник или ханский прихвостень? Казий поднялся на ноги, пригладил примятую им траву и, устремив взор на незнакомца, забрал бороду в кулак.

— Вагалеюкум ассалам, раб божий! — ответил наконец.

Казий Нисбах угадывал чутьем, что перед ним недобрый человек и явно замышляет что-то. Тонкий нос, худощавое лицо, тонкие губы — казалось, он знал этого человека раньше, но теперь не может вспомнить.

— Что, не узнал, старей? — усмехнулся незнакомец.

— Я тебе не скотина и не раб! Святой я человек, только что совершивший хадж. Ты посмел грубо потревожить меня, словно на лбу моем клеймо!

— Так и есть, клеймо на тебе, казий Нисбах. Забыл, что ли? Я же Субай, бусагабаши хана Ильгама.

— О Аллах, Ильгам углан на болгарском троне! И на что я ему понадобился? Говори, раб Аллаха!

— Ладно, ладно, не морочь мне голову, старей. А ты все такой же болтун, каким раньше был. Когда узнал, что ты еще жив, я очень удивился. И не только я, Ильгам-хан тоже. — Бусагабаши махнул рукой возчику, который ждал у причала. — Мне приказано доставить тебя во дворец, уважаемый казий Нисбах. Ты ведь у нас теперь знатная личность! Сам хан тебя к себе приглашает.

— А тебе, небось, не терпится ума у казия Нисбаха поднабраться?

— У тебя самого с этим слабовато, казий. — Телега тем временем подкатила к ним. — Давай садись, Нисбах бабай! Ведь тебя теперь бабаем называть можно, а?

Казий осторожно влез в повозку, подобрал полы чапана и сказал Субаю, который, вскочив в телегу, оказался рядом:

— Ты бы лучше не касался ума-то, Субай. Ум себе каждый сам наживает. Я его по всему свету собирал. Будешь аккуратно разговаривать с казием Нисбахом, может, и тебе кое-что перепадет.

— Потому-то я и приехал за тобой на телеге — думал, не хватит сил добро такое на себе унести.

— Скалишь зубы и греха не боишься, да? Аллах есть, Субай, так и знай. Его могущества на всех хватит.

— Беру свои слова назад, Нисбах бабай. Ильгам-хан желает знать, как обстоят дела в Ургенче. А ты как будто из тех мест теперь?

— Да уж, нагляделся на дела тамошние, не приведи Аллах снова увидеть.

— Здесь у нас тоже беспокойно, Нисбах бабай. Беженцы все заполонили, житья от них нет. Целыми племенами едут. На голову мусульман большое горе свалилось, Нисбах бабай.

— Это оттого, что Салим-хан клятву нарушил. Слово хана — закон. Визиря Исхака ни за что стубил; трон, обещанный внуку Гали, оставил Ильгам углану. А ведь жив Гали, его ханский торговец Биккол спас. В Хорезме навещал я его. Великим человеком стал, в медресе шаха был учителем и наставником. Уроки у самого Пахлевана Махмута брал.

— Я слышал, вернулся он, да только никто его не видел. Прячется от людей. Кто говорит, что в Кашане он, кто в Казани. В столице его тоже видели.

— Почему прячется? Он же — великий шейх, поэт, мудрец, — проговорил казий Нисбах. — Да над ним при рождении сам Аллах молитву прочел, его ангелы берегут, он — святой человек. Без таких, как он, жизнь была бы пустой. Ты же помнишь, кому Салим-хан трон свой обещал?

— Во время сабантуя, что ли?

— На празднике цветов Науруз. Внуку своему, бусагабаши Субай, внуку Гали. А потом вдруг решил живьем засыпать его землей, чтобы новый город процветал. Но ангелы спасли святую душу. Если Ильгам-хан задумает против него что-нибудь худое, я тут же паду на молитвенный коврик и первый прокляну его!

— Ишь, какой ты, Нисбах бабай, — не человек, а чародей, право! Подумать только, за тридцать земель отсюда был, а знаешь все, что у нас тут творится.

— А ты не доносчик ли Ильгам-хана, а?

— Ну, а если — да, что из того?

— А то, бусагабаши Субай, что я не знаю тебя, а ты меня, понял? Язык мне, думаю, не отрежут, да мне это и не страшно: я пожил довольно, насмотрелся всего, слава Аллаху. А что до Гали углана, то он ведь не очень-то и рвется к власти. Он прежде всего — шейх и поэт, бусагабаши.

— На той неделе свадьба у нас. Ханский купец Нурулла с большими приключениями привез в Булгар дочку Улут Мухаммата Рабигу. Углан Булат женится, шахскую дочку третьей женой берет.

— Великий Аллах! Что на земле творится? В мусульманских странах кровь льется, люди гибнут, а они тут свадьбу играют. Нехорошо это, бусагабаши Субай. А эмир Хаджи куда смотрит? Он в таких делах всегда бывал справедлив.

— Эмир теперь с ушкуйниками воюет. Они торговцев его обобрали, вот он и хочет проучить.

— Мечь, как говорится, к мести ведет. Не надо бы так. У человека, который взял в руки меч, ум в рукав убегает. Так арабы говорят. Эй, ямщик! Не гони ты так, мне теперь не надо торопиться, я у себя дома. На тот свет успею. Три аршина земли, думаю, для меня найдутся... У казия Нисбаха когда-то сам шейх Ишкул совета спрашивал. Его уж, наверное, нет в живых. Борода у него до пояса была. А мудрец кятиб Хафиз жив еще? Жив! Слава Аллаху. Во дворце в то время не было человека умнее его, да и сегодня, наверное, тоже. Ум Аллах каждому на одном безмене отмеряет, остальное, если кто хочет, добирает из книг. Книги, бусагабаши, величайшая сокровищница мудрости. Ханы не в счет, они с рождения заносчивыми бывают, а заносчивых да слишком уж гордых книга не любит. Ильгам-хан, небось, не очень-то к знаниям рвется, он еще в детства книгам всякие никчемные игры предпочитал.

— Ты, старый, думай, что говоришь, — вдруг Ильгам-хан услышит!

— Ты не донесешь, так и не услышит. А хотя бы и услышал! Что, бросит в темницу старика, который уж девятый десяток разменял. Как его отец, который велел отрубить голову визирю Исхаку?.. О Аллах, и что это мне на ум мысли какие лезут? Поздно уже, поздно старого Нисбаха мучить да пытаться, поздно, бусагабаши. Я теперь как безгрешное дитя, могу говорить все, что думаю, и за душой у меня ни гроша. Зато с мозгами все в полном порядке, и душа все еще молода, еще хватает меня на то, чтобы воздавать Аллаху благодарение.

— Будешь много болтать, увидишь, что сделает с тобой Ильгам-хан. Он теперь ждет тебя, думает, ты много интересного рассказать можешь.

— Это верно, знаю много. Хадж совершил. Эх, да я могу сделать ему одно доброе дело, с помощью Аллаха передам

ему венец хаджа. Пусть носит, глядишь, народ свой больше уважать станет.

— Сперва ко мне заедем, Нисбах бабай. Чаю попьем, молитву сотворишь, детишек моих увидишь, семью...

— О Аллах, это хорошо, очень хорошо. Я дам им хурмы, которую из святых мест везу, святой водой зам-зам окроплю.

— Верно, Нисбах бабай, добро пожаловать в мой дом.

26

— Всевышний, кого я вижу! — Ильгам-хан поднялся с трона навстречу гостю. Здоров ли, аксакал? Ты, оказывает-ся, к нам прямо с хаджа. Поздравляю!

Обычно казий Нисбах в общении с сильными мира сего за словом в карман не лез, но приветливость Ильгам-хана обезоружила и озадачила его. Хан протянул ему обе руки, потом, легонько взяв за локоть, подвел к почетному месту и усадил на взбитую подушку. Растроганный таким вниманием старик не сразу пришел в себя. Оправившись немного, он поднял голову и посмотрел хану прямо в глаза. Прочитав молитву и огладив ладонями длинную бороду, поинтересовался, как предписывалось приличием, здоровьем хана. И только после этого спросил:

— Итак, уважаемый хан, зачем я тебе понадобился?

Ильгам-хан, словно не слыша вопроса, махнул кому-то рукой. Тотчас появились девушки с пиалами, наполненными чаем, и большим блюдом с сушеными плодами.

— Давай, казий Нисбах, побеседуем за чаем.

Старик, не привыкший к обильной еде, отправил в рот несколько изюминок, с наслаждением запил чаем и попросил еще. Отставил полную пиалу, чтобы чай остыл немного.

— Как до нас добрался, аксакал?

— Слава Аллаху, хорошо, наконец-то я дома. Дальше как Аллах велит, так и будет.

— И в Ургенче побывал?

— Был, видел. Там настоящий ад, повелитель. Да, ад и есть. Улуг Мухаммат отступился от трона и куда-то уехал, а сын его Жалалетдин султан воюет с завоевателем Чингисханом, который задумал подчинить себе земли шаха. Город сдают за городом, цветущий край превращают в пустыню. Атрара уж нет, Бухара в руках злодея, грабят Самарканд и Ургенч уж окружают. Советую, хан: готовься к войне, какой здесь до сей поры не видывали. Сперва с братом своим эмиром Хаджи помирись, потом обратись к русским князьям. Если чума эта докатится досюда, а она придет, не сомневайся, их тоже не пощадят.

— Это верно, стороной не обойдет, — задумчиво проговорил хан, как бы разговаривая сам с собой. — Только вот дружба у нас с братом эмиром Хаджи совсем разладилась. Я для того и позвал тебя, хочу попросить, не поговоришь ли с ним, не усовестить ли? Он тебя очень уважает, и я верю тебе. Доброта не забудется, в долгу не останусь.

— Хм-хм, — проговорил казий, — а где теперь эмир, в Кашане?

— Трудно сказать, где он, аксакал, то в Кашане, то в Казани. Недавно с ушкуйниками воевал, кажется, они купцов его ограбили... Добился своего. Говорят, урусы сами выдали ему разбойников.

— С соседями ругаться — последнее дело, хан. Но что поделаешь? Хотя Аллах и велит нам хлебом кидать в того, кто камни в нас швыряет, в жизни все непросто — приходится порой и жестоким быть. А как еще можно призвать к ответу тех, кто продал душу шайтану, да простит меня Аллах? Наверное, у эмира Хаджи не было другого выхода.

— Я тоже так думаю, аксакал. Злодейство иной раз вынуждает нас отвечать тем же. Но есть и такие, кому убить человека все равно, что муху прихлопнуть.

Старик поставил пиалу на блюдо и снова пристально посмотрел на хана.

— Готовь войско, господин мой. На кого бы враг ни напал, ты войско свое наготове держи. Покой страны, как говорится, защитят доброе оружие да храбрые мужчины. А ведь были в Булгарии храбрецы, были, — сказал казий Нисбах. — Чингисхан, шайтан его возьми, оказывается, всюду возит за собой китайских мастеров-оружейников. Так те будто бы сделали для него какие-то диковинные тараны на колесах, камнемёты и даже пушки отлили. Стены Атрара они такими вот камнемётами пробили.

— Пушки у нас тоже есть, аксакал. Правда, дело это прибрал к рукам эмир Хаджи. Но кажется мне, что победу все же не пушки, а храбрые воины завоевывают.

— Птице, чтоб летала, нужны крылья, хан, а воину — надежное оружие. У Чингисхана, слышно, пеших воинов вовсе нет. Все на боевых конях сражаются и из луков очень метко стреляют. Ладно, хан, пойду я к эмиру Хаджи. Узнаю, что у него на душе. Аллах даст, пойдет он на примирение. Когда враг у ворот, не время власть и добро делить.

Приводив старика, хан сел на трон и, перебирая четки, задумался. В нем вдруг пробудилось раскаяние в том, что предложил князю Юрию напасть на Ашлы. Он пришел к решению отправить к князю гонца. Пусть откажется от намерения идти на Ашлы: на их земли надвигается грозная

туха — полчища Чингисхана. Но обратит ли князь внимание на его просьбу, отправленную с гонцом? Может, правильнее будет послать визиря? Да, визиря Камая. Ему не впервой с князьями переговоры вести, на месте разберется, как быть, найдет подход, да поможет ему Аллах.

Ильгам-хан потряс серебряным колокольчиком, на звон явился бусагабаши. Хан велел послать за визирем Камаем. Вскоре визирь уже стоял перед ханом. Хан рассказал ему без утайки все как есть. Визирь должен был любыми способами убедить князя Юрия отменить поход. В крайнем случае, придется предложить золото, откупиться от него.

Визирь все понял и как всегда лишь спросил:

— Когда надо ехать, хан?

— Если успеешь собраться, то завтра же, — ответил Ильгам-хан.

— Завтра и послезавтра свадьба Булат углана, хан.

— Свадьба пройдет без тебя, визирь. Жена твоя будет приглашена.

Визирь поклонился, отступил на два шага назад и, повернувшись, вышел.

Булат углана пока не было в Великом городе, его ждали завтра. Ильгам-хан позвал казнабаши Вартана, который взял на себя все хлопоты по устройству свадьбы.

— Все готово, господин мой, — ответил казнабаши на вопрос хана. — Вот только невеста капризничает, никого видеть не желает. Бедное дитя побывало в плену у диких завоевателей. Говорят, там у нее на глазах зарубили любимого человека. С тех пор она, похоже, не в себе.

— А что анам говорит?

— Мне, господин мой, нельзя к ханбике.

Ильгам-хан велел позвать мать. Но слуга вернулся один, сказал, что Зубаржат ханбике прийти не может, а если хану надо, пусть сам пожалует к ней. Ильгам-хан только рукой махнул, приказывая слуге удалиться. Тот вышел. Хан тут же вызвал бусагабаши.

— Завтра же пусть глашатаи пойдут на Ага-Базар, объедут все улицы и известят народ о том, что сын Ильгам-хана Булат углан женится. Свадьба назначена на послезавтра.

27

Дня свадьбы Ильгам-хан ждал с нетерпением. К матери он заходить не стал. Невест без капризов не бывает. Что тут особенного? Ничего, успокоится, решил он.

Раньше всех на свадьбу прибыла Назлыгюль с сыном Хансияром. Хан сам вышел встречать их. Он взял племян-

ника на колени, потрепал по спине, поговорил с ним. Ильгам-хан был искренне рад сестре. Материнство пошло ей на пользу — она стала еще краше, расцвела, просто глаз от нее невозможно было оторвать. Он не выдержал и признался:

— А ты, Назлыгюль, все хорошеешь.

— Я очень счастлива, абам, оттого и хорошою. Любимый муж рядом. С Хансияром учительница занимается.

— Жена Хаджи?

— Да. Дочь улуг бека Якуба.

— Я рад, рад за брата. Он и свадьбу справлять не стал? Хочу сказать: приглашения я не получал.

Свадьба была, но скромная. Зулейха туташ так захотела.

— А эмир Хаджи приедет на свадьбу Булата?

Назлыгюль пожала плечами, сказала, что им редко приходится разговаривать. Хансияру, который подбежал к ним, она велела идти к эби*.

— Скажи мне правду, Назлыгюль, — сказал хан, когда ребенок ушел, — ты в самом деле счастлива?

— Я люблю Даурана, абам. Он единственный у меня.

— Выходит, вы с ним, как Лейла с Меджнуном?

— Да, мы Лейла и Меджнун, абам, — она чуть вскинула голову.

— Надо же, раб Дауран стал мужем ханской дочери! А ведь тебя...

— Абам, — перебила его Назлыгюль, вставая, — если ты хоть слово скажешь против Даурана, я уйду.

— Ну-ну, успокойся. Я хотел сказать, чтобы сына Хансияра ты прислала в школу при моем дворце. С осени пусть приступает к учебе.

— У него уже есть учительница, абам. Зулейха-бике очень образованная женщина. Эмиру Хаджи повезло с женой, он счастлив. А твоя ханбике Марьям, говорят, все больше собой занимается?

— Я с ней счастлив, Назлыгюль.

— Это хорошо. Пожалуйста, будь всегда счастливым. Марьям-ханбике стройная, красивая, прелестная, послушная, сладкоречивая — все дал ей Аллах, лишь одно пожалел...

— Что?

— Ханбике по-нашему читать не умеет.

— Зато по-своему читает и пишет.

— Будь я на ее месте, всему научилась бы.

— Что за ерунду несешь ты, Назлыгюль? Лучше скажи, правда ли, что Казань эмир Хаджи обещал Хансияру?

* Эби — бабушка.

— Обещал, абам. Как только исполнится четырнадцать лет, сын мой пристегнет к поясу саблю и станет, если Аллаху будет угодно, беком Казани.

— А сына Джаббара, слышно, в Ашлы отправил?

— Отправил. Если хочешь знать, абам, Джаббар поехал туда с большой охотой.

— А Шайтан-Кала кому же достанется?

— Шайтан-Кала эмир Хаджи не отдаст никому. Сам так сказал.

— Стало быть, жить там собирается. Ну, а Кашан? Кто в Кашане править станет? Слышно, сын его Гали вернулся, не собирается же он город ему отдать?

Назлыгюль слышала в голосе брата усмешку и не могла понять, куда он клонит. Она удивленно подняла на него красивые глаза и спросила:

— Так он жив и вернулся?

— Сам не видел, но так говорят. Шейхом будто бы стал, у самого Пахлевана Махмута учился, а потом в медресе шаха детей обучал. И стихи пишет. Его теперь Кул Гали зовут. Так говорят. То бишь, — раб самого Аллаха!

— Да что ты все шутишь, абам! Я же не ребенок, — рассердилась Назлыгюль, встала и ушла на женскую половину дворца.

Оставшись один, Ильгам-хан долго сидел, уставившись в одну точку. Потом звякнул колокольчиком. В дверях появилась его любимая наложница.

— Успокой мое сердце, красавица, — сказал ей Ильгам-хан.

— Пойдем ко мне, звезда души моей, там все приготовлено, — девушка пошла впереди.

Хан очень редко вспоминал о наложницах, хотя ему и приходилось видеть, как забавлялся с ними покойный отец. Эти девушки не привлекали его. А сегодня почему-то решил изменить своему правилу: с ним творилось что-то непонятное. Он и сам не мог до конца разобраться в собственных чувствах.

28

Кятиб Хафиз увез Амату из непотребного заведения и построил для нее большой и удобный дом. Два или три дня в неделю он ночевал там, проводил время с Аматой. Иногда ему хотелось, чтобы эта женщина приласкала его, а порой им овладевало страстное желание задушить ее в своих объятиях. Амата всегда была счастлива видеть его — не знала, как угодить возлюбленному, с которым жила без никаха. Она готовила для него только те блюда, какие он любил. У себя в

доме молодая женщина была полновластной хозяйкой и очень ценила это. Видя радость на ее лице, горящие от волнения щеки, кятиб Хафиз чувствовал себя на седьмом небе. Особенно нравилось ему, когда, вскинув на него ресницы, она спрашивала: «Хафиз, тебе какого вина налить?»

Узнав, что его кятиб живет с женщиной, не сочетавшись браком, как положено по шариату, хан сказал: «Закажи никах, что люди скажут, когда узнают?» Кятиб ничего не ответил, только кивнул. Он знал, что с Аматай ему непросто будет объясниться. Тайком от него женщина носила на шее крест. Порой она уходила в дальний угол, где у нее висел образок с изображением богоматери, и крестилась украдкой, шепча молитвы. До сих пор кятиб Хафиз делал вид, что не замечает ничего этого, однако после замечания хана молчать было нельзя. Амата выслушала его спокойно, но в глазах ее было столько страдания, такая тоска, что ему стало не по себе. Он взял ее на руки, отнес на саке и стал утешать, лаская. И чем больше он осыпал ее ласками, тем больше таяла она в его объятиях. Он снова вернулся к разговору о никахе. Вначале казалось, что Амата не понимает, о чем говорит ее возлюбленный, все еще пребывая в тумане блаженства, но вот до нее, похоже, дошел смысл его слов, и она села в постели.

— Ты хочешь жениться на мне, Хафиз?

— Да, мы закажем никах...

— А крест я сниму, да?

— Придется, Амата. Потому что иначе тебя никто не поймет. И я тоже.

— Нет, лучше я отдам его тебе, будешь хранить. — Она оглянулась на икону в углу. — Богородица ведь простит меня, Хафиз? Простит? — Амата вдруг громко разрыдалась.

Кятиб Хафиз успокоил ее с трудом, она еще долго всхлипывала.

Утром, когда он открыл глаза, иконы в углу уже не было. Амата, умытая и одетая, с улыбкой смотрела на него, стоя рядом. Кятиб ответил ей улыбкой. Он не скрывал ни от кого, что эта женщина много значит для него, она ему — и надежда, и счастье, и мечта.

— Я отправила ее в гости, — засмеялась женщина, проследив за его взглядом. — Хафиз, когда же к имаму?

— Сегодня, сегодня же! — кятиб соскочил на пол и, схватив Амату за руку, притянул к себе.

Когда они выходили из дома, солнце было уже довольно высоко. По мосту через речку Мелекес вышли на улицу, по которой кятибу Хафизу еще не случалось ходить днем.

Вечерами, когда торговля замирала, и на дверях лавок появлялись висячие замки, торговцы, жившие на этой улице, —

болгары, урусы, армяне, греки — брали с собой глиняные кувшины с кумысом или вином и спускались к реке. Здесь бывало шумно, звучала разноголосая, разноязыкая речь. Люди беседовали, обсуждали новости, спорили и даже ссорились иногда. Земляки обычно собирались в одном месте. Разные люди, они и говорили, и ссорились по-разному. Урусы шумели и ругались громче всех, и громче всех пели песни. Армяне говорили мало, чаще выясняли отношения кулаками, а уж если начинали ссориться, то лучше было держаться от них подальше. Беседы греков напоминали постукивание телеги, катящейся по каменистой дороге. Язык у них быстрый и живой. А пели они не во все горло, как урусы, — затягивали песню тихо. Постепенно голоса крепили, напоминая разливающуюся по небу зарю, и в конце концов звуки, полные тоски, начинали возноситься к самому небу. У армян язык мягкий, чем-то похож на говор тюркских болгар. Тюркская же речь напоминает волнующийся в степи ковыль. Но если болгары начинали выяснять, кто из них прав, а кто нет, гвалт поднимали такой, что урусам не уступали.

Амата впервые в жизни шагала рядом со своим Хафизом. До сегодняшнего дня вместе их никто не видел. Гордо подняв голову, она поглядывала по сторонам, радуясь, что идет со своим мужчиной, своим заступником, своей опорой, всем своим видом как бы говоря: «Смотрите, смотрите же на меня — я иду со своей мужчиной туда, где нам прочтут никах и назовут мужем и женой!»

— Хафиз мой, мне так хорошо! Я словно на крыльях по небу лечу.

Кятиб Хафиз и слушает, и не слушает ее. Теперь его никто не сможет остановить — он женится, женится!

— Хафиз мой, это хан велел тебе жениться?

— Хан велел, Амата. Но женятся разве только потому, что хан велел? Я полюбил тебя, вот и женюсь. Мы с тобой идем к имаму, он прочтет никах.

Амата слушала с улыбкой, продолжая поглядывать по сторонам, чтобы убедиться, видят ли люди, с кем она идет.

Кятиб Хафиз шел, задумчиво глядя себе под ноги. Он не замечал встречных. Те же, видя рядом с ним красивую женщину, удивленно провожали их взглядом, забывая поздороваться.

Вчера кятибу сказали о возвращении кази Нисбаха. Он всегда завидовал тем, кому посчастливилось побывать в Мекке.

Всякий раз, думая о хадже, он вспоминал печальный эпизод из истории Булгара. В 242 году по мусульманскому летоисчислению, в 856 году по христианскому, когда в горо-

де мира Багдаде правил аль-Мохтасир халиф, юноша по имени Джаффар, сын хана тюркской Булгарии Айдара, отправился в Мекку и Медину. Не привыкший к жаре ханский сын кое-как добрался до города Кунжа. Испытывая страшный голод и жажду, юноша съел яблоко из рук какого-то дервиша и у самого входа в мечеть упал и умер. Весть о его смерти дошла до Айдар-хана, который, обливаясь от горя слезами, казнил себя за то, что сам заставил сына совершить это паломничество. Когда кятиб прочитал ту историю до конца, ему вдруг открылась истинная причина смерти юноши: дервиша с яблоком подослал к нему отец. Отчего Айдар-хану понадобилось избавиться от собственного сына? А дело было в том, что хан имел еще одного сына. Братья ссорились из-за трона, и дошло до того, что люто возненавидели друг друга. Тут и решил Айдар-хан отправить их в хадж. Один сын вернулся, а другой навеки остался на кладбище города Кунжа. Тот, что жив остался, естественно, сменил на троне отца, а второй сразу же вознесся в рай...

А Салим-хан придумал другой способ, чтобы избавиться от одного из своих наследников: решил принести его в жертву ради благополучия будущего города и так обессмертить его имя. Но хан просчитался, внук остался жив. Он снова в Булгаре. Хафизу сообщил об этом ханский торговец Биккол. И теперь ханский кятиб Хафиз направлялся к Гали, чтобы никах ему прочитал тот, кто добился высокого звания шейха.

Биккол сам открыл ворота. Друзья обнялись. Торговец был так рад, что не сразу заметил Амату. Он уже знал о намерении кятиба Хафиза жениться на гречанке и догадался, что перед ним невеста друга. Она выглядела очень юной, тогда как самому кятибу было уже около пятидесяти.

— Ассаламагалекум, красавица!

— Вагалекум ассалам, аксакал! — ответила девушка на чистом болгарском языке, чем немало удивила повидавшего жизнь Биккола.

— Милости просим, входите! — сказал хозяин, приглашая гостей в дом.

— Я пришел с большой просьбой, Биккол. Нужно прочитать нам никах, — говорил ханский кятиб, поднимаясь по ступенькам крыльца.

— Уж и не знаю, как тебе помочь, — улыбнулся Биккол, ведь я не имам.

— У тебя живет великий шейх, вот кто поможет нам.

— Вон как! Ну что ж, пусть помогает, я не возражаю. Только очень уж он занят, все пишет, пишет что-то день и ночь, а что пишет, один Аллах знает.

— Хотел бы повидать его, ведь я когда-то был наставником ханского внука, Биккол.

— Да разве я против, проходите же, проходите в дом! —

В человеке, которого увидел кятиб, он не узнал мальчика, бывшего когда-то его учеником. Молодой мужчина пошел навстречу гостям и хотел было упасть учителю в ноги, но тот удержал его.

— О Аллах, Гали углан! — воскликнул он и обнял внука хана, который на целую голову был выше него. Слезы невольно полились по щекам кятиба. Он долго стоял так, качая головой, потом поднял на Гали заплаканные глаза: — Так у тебя теперь новое имя — Кул Гали, ты стал великим шейхом! Я рад за тебя, Гали углан! — Повернувшись к своей спутнице, он продолжал: — А это Амата, гречанка, жена моя. Мы пришли, чтобы ты прочел нам никах.

Кул Гали вежливо поклонился женщине, растерянно смотревшей на незнакомых людей, поздоровался. Биккол, видимо, уже рассказывал ему о кятибе, потому что шейх ни о чем не стал спрашивать.

Молодых провели в комнату для гостей, позвали семью торговца, слуг. Кул Гали надел чалму и, поставив перед собой учителя и его жену, прочел им никах. Так ханский кятиб наконец-то женился.

В соседней комнате уже был накрыт стол поели, повеселились в честь такого события. А потом Биккол увел Хафиза и Кул Гали к себе. Он усадил их на почетные места, и потекла беседа.

Кятиб Хафиз поведал друзьям о новостях в ханском дворце, о том, что Ильгам-хан не ладит с эмиром Хаджи, что после смерти отца братья не виделись ни разу. Когда речь заходила об отце, Кул Гали старался не пропустить ни слова. Он, вздыхая иногда, ни разу не прервал рассказа кятиба. Ему хотелось видеть родителя, он уж собрался было ехать к нему, но узнав, что отец женился на Зулейхе, передумал. Биккол не раз предлагал вместе съездить в Кашан, но Кул Гали отказывался. Сколько ханский торговец ни ломал голову, пытаясь понять причину отказа, понять ничего не мог, а шейх отмалчивался. Откуда было знать Бикколу, что все дело в Зулейхе? Хафиз же сразу все понял, но говорить об этом не решился. К чему бередить прошлое, думал он, может, Гали все еще любит ее?

— Ильгам-хану сегодня более всего нужен умный советник, — сказал Кул Гали, продолжая разговор о дворцовых событиях.

— Умных людей он как будто и не гонит от себя, — отозвался кятиб Хафиз, — но и не ищет их... На днях долго

беседовал о чем-то с казием Нисбахом, который вернулся из хаджа, а потом отправил его к эмиру Хаджи с каким-то делом.

— Я как раз встретил казия, когда он направлялся в Кашан, — вставил Биккол. — Он был на седьмом небе, когда узнал, что Кул Гали вернулся живым и невредимым. Я сказал ему, чтобы из Кашана ехал прямо ко мне. Старик обрадовался, уж очень хочется ему увидеться с Кул Гали. А вот про поручение хана он мне рассказывать не стал.

— Ильгам-хан все время получает тревожные вести. Ходят слухи, что Улуг Мухаммат с семьей и свитой направился в Булгар. Слышно также, что Чингисхан послал ему вдогонку свои передовые отряды под предводительством багатура Субадая. Словом, слухам нет числа. Положение, похоже, осложняется. Вот почему Ильгам-хан решил помириться с эмиром Хаджи.

— Все это похоже на правду, кятиб Хафиз, но душа у меня отчего-то не на месте, — покачал головой торговец. — Не верю я, что Улуг Мухаммат сюда направляется. С другой стороны, куда же ему еще податься, если потерял все власть, страну? Дела у него хуже некуда. Так что возможно и такое. Тем более что болгарский хан женит сына на его красавице-дочке.

— На страны Турана, населенные тюрками, надвигается великая беда, какой они до сих пор не знавали, — сказал Кул Гали. — Надо бы это как-то объяснить всем мусульманам...

— В Булгарии не только мусульмане живут, Гали хазрет. Здесь и христиане есть, и язычники, — уточнил Биккол.

— Эмир Хаджи с Ильгам-ханом ждут нападения со стороны князей урусов, а настоящая опасность может прийти совсем другой стороны, — сказал кятиб.

— Не думаешь же ты, кятиб Хафиз, что надо объединяться с князьями? — спросил Биккол.

— А если и так? Ведь эта чума, погубив Булгарию, и Владимирское княжество не пощадит, — ответил за кятиба Кул Гали.

— Объединить урусов с булгарами — это все равно, что соединить огонь с водой, Кул Гали. Даже если те и другие станут призывать к добру, мусульманам и христианам лучше стоять по разным берегам реки, — убежденно сказал кятиб Хафиз.

— Речь вовсе не идет об объединении. Каждый народ живет по своим правилам, у каждого своя вера. Но когда грозит великая опасность, неплохо бы действовать сообща. Греха в том нет!

— Нужно только найти такие слова, которые растопили

бы неприязнь и вражду в сердцах людей, подняли бы великие силы для совместной борьбы. А слов таких нет ни у нас, ни у них. Каждый верующий человек способен уговорить и убедить лишь того, кто одной с ним веры. Люди просвещенные, возможно, и поняли бы друг друга, но ведь есть еще и толпа, чернь, — сказал кятиб Хафиз, горячась. — Только что эмир Хаджи наказал ушкуйников за разбой, а завтра они снова нападут на нас, явятся в Булгар. Нет, как хочешь, а с урусами нам не по пути, Кул Гали!

— Все не так уж плохо, кятиб Хафиз, — возразил Биккол. — Есть же товарищи среди торговцев Булгара и Владимира, живут дружно, готовы, когда надо, на выручку прийти, в огонь и воду друг за друга пойдут. Вот и выходит, что дело не такое уж безнадежное. Думаю, с урусами договориться можно. Впрочем, кроме урусов, других врагов мы и не знавали никогда. Да и у них, если не считать своих же, иных врагов, кроме нас, вроде нет. А сегодня туча надвигается с неожиданной стороны. Этот враг может смять и нас, и их тоже. Вот что надо бы понять народам, друзья мои.

— И не только народам, хану и князьям тоже! — добавил кятиб Хафиз.

— Завтра же пойду в ханскую мечеть, — решительно заявил Кул Гали. Чтобы пробудить души людей, мне нужен минбар*. Мы должны подготовить народ к встрече с кровавыми дикарями.

— Скоро хан соберет меджлис. Думаю, тебе, Кул Гали, надо быть там.

— А уж это как Биккол атам скажет, — улыбнулся Кул Гали, взглянув на хозяина дома. Тот при этих словах просил от удовольствия.

— Он еще ни разу не называл меня «атам», кятиб, — пояснил торговец. — Ведь я нашел его после того, как сын у меня умер. С тех самых пор...

— А я этому не удивляюсь, Биккол. Напротив, удивился бы, если бы он не называл тебя «атам». Мало родить сына, важно человеком его сделать, — сказал кятиб Хафиз. — Ну ладно, оставим это. Меня больше всего Чингисхан пугает. Что ты знаешь о нем, Кул Гали? Здесь разное говорят. Китайские торговцы больше толкуют о его невежестве. От табгачей вообще ничего, кроме проклятий, не слышно. Кто он, из каких земель, с помощью какой силы сумел поднять свой народ?

* М и н б а р — возвышение в мечети, с которого имам произносит проповеди.

— Я об этом человеке тоже не много знаю, учитель. Но если доведу до народа хотя бы то, что мне известно, уже будет не мало. Писать и читать Чингисхан не умеет. Казиев, говорят, у него нет. Всей огромной страной своей управляет один. Неслыханно жесток. Захватив Атрар, приказал рот и уши тамошнего эмира Кахира залить расплавленным свинцом. Сам Чингисхан будто бы заявляет о себе: «Я плохой сын Тенгре». Его отец, багадур Юзекай, всю жизнь воевал с живущими по соседству татарами. Однако это не мешало ему взять в жены татарку. Первенцу своему дал имя татарского батыра — Тимержан. Говорят, Юзекай убили татары. А сын остался во главе племени. Едва достигнув совершеннолетия, отрок этот стал мстить татарам за отца. Многих подчинил своей власти. Обе жены его, говорят, — тоже татарки. В 1206 году на берегу реки Орхон аксакалы девяти племен подняли Тимержан-багадура на белом войлоке и провозгласили ханом. Они дали ему новое имя — Чингис. С того самого времени хан этот и ведет свои захватнические войны. «Плохому» своему сыну, как видно, сам Аллах помогает, потому что за короткое время он захватил очень много земель. В конце концов дошел до страны хорезмшахов и вторгся в нее. А во что превратил этот цветущий край, известно: я жил на той земле, видел своими глазами.

— О Аллах, защити и помилуй нас, — проговорил кятиб Хафиз. — Вот тебе и дикарь, вот тебе и черный багадур... Однако поздно уже, пора домой, — сказал он, вставая. Несмотря на уговоры Биккола, начал прощаться. Амата уж зажалась, наверное.

С Кул Гали договорились встретиться завтра в мечети.

Выйдя за ворота, кятиб Хафиз обнял Амату, прижался щекой к ее щеке. Лицо женщины пылало.

— Он жив, жив, — радостно восклицал он — теперь будет появляться в мечети!

Гречанка ничего не поняла, но чувствовала: он любит ее, делится с ней своей радостью. Для нее это было очень важно, ведь с этим человеком ей предстояло пройти через всю жизнь.

* * *

С раннего утра и до позднего вечера падал пушистый снег. Глядя на снежинки, которые, словно бабочки, порхали и кружились в воздухе, Кул Гали думал об отце — эмире Хаджи. Он собирался поехать к нему на другой же день после возвращения, но Биккол не отпустил. «Куда торопишься?» — говорил он и придумывал причины, чтобы удержать его у себя. Кул Гали не понимал, в чем дело. Хотя торговец

был ему всю жизнь вместо отца, он помнил, что у него есть и настоящий отец. Есть и мать Акбике, которая отчего-то покинула его. Хотелось поскорее встретиться с отцом, обо всем расспросить его, понять, что происходит. Узнав, что отец женился во второй раз, он не удивился, напротив, был рад за него. Когда Биккол сообщил ему новость, Кул Гали не стал спрашивать, на ком женился отец, не решился докучать расспросами. Не все ли равно, на ком? Отцу скоро семьдесят исполнится, ему самому уже за сорок, какое он имеет право обсуждать поступки отца!

Как-то он решительно сказал Бикколу:

— Атам, я должен увидеть отца.

— Не спеши, еще увидишь, — ответил Биккол, потерпи немного. Давай поживем еще в Великом городе, пусть люди узнают тебя, будешь ходить в мечеть. Слышно, мауля Хужа Ахмат прибыл к нам.

Хужа Ахмат! — оживился Кул Гали, — придворный поэт Улуг Мухаммата. В Ургенче о нем говорили, что живет он, как в раю: нежится во дворце, самые изысканные яства у него на столе. Где он остановился? Я хочу видеть его, атам! Пойдем к нему и, если можно, теперь же!

— Одевайся! Только запомни: ты его не знаешь. Впрочем, возможно, он еще не слышал о тебе, но все равно, до времени лучше себя не обнаруживать.

— Хорошо, атам, сделаю, как велишь, — говорил Кул Гали, надевая теплый чапан и валенки.

Сначала заглянули в ханскую мечеть, народу там собралось много. Сотворив намаз, отправились к караван-сарая, где остановился поэт. За ними увязались незнакомые дервиши. Дорогой узнали от них, что мауля Хужа Ахмат уже был принят Ильгам-ханом, который обошелся с ним весьма милостиво. Один из дервишей сказал:

— Небось, надеется, что поэт, прославивший Улуг Мухаммата, вознесет до небес его самого.

Биккол и Кул Гали промолчали, не желая вмешиваться в разговор дервишей.

— Славословить мауля умеет, талант у него от Аллаха, вот только удастся ли ему вразумить хана? — Дервиш, сказавший это, оглянулся на шедших сзади Кул Гали и Биккола. — Мауле до хана нет дела, он теперь себе шакирдов подбирает.

За разговорами не заметили, как пришли. Во дворе караван-сарая, построенного на возвышенном месте, так что видно его было с любого места города, слуги убирали снег, мели дорожки. Они встретили дервишей с поклоном. Кул Гали с Бикколом раздали дервишам по медному пятакчу.

Народу в караван-сарай набилось видимо-невидимо. Торговец протиснулся вперед, ведя за собой Кул Гали. Биккол узнали и уступили ему и Кул Гали два почетных места.

На небольшой площадке, устланной белым войлоком, стоял босой человек. На нем был черный чекмень, перетянутый потертой бечевой, на голове черная тюбетейка. Он неотрывно смотрел на мауля, который сидел в глубине на возвышении, похожем на минбар в мечети. Хужа Ахмат был одет просто: зеленый чапан, белая чалма, на ногах черные сапожки мягкой кожи булгари. Глаза его почему-то были закрыты. Биккол шепнул на ухо Гали:

— Он что, слепой?

— И слеп, и немного глуховат, — ответил тот, не отводя глаз от человека на возвышении, — он не хотел упустить ничего. Еще в Ургенче Кул Гали мечтал увидеть поэта, но не пришлось. Теперь его сам Аллах послал в Булгар. Кул Гали много слышал о чудесах, которые творит этот человек, и не ожидал, что увидит это своими глазами, да еще так близко. Слепой, а сам будто смотрит. Оказалось, сегодня он собирается устроить испытание своему шакирду, чтобы убедиться, достоин ли тот быть магди, сможет ли наставлять людей на верный путь. Руки у будущего магди красные, видно, только что пришел с мороза. С виду он вполне спокоен.

Хужа Ахмат заговорил мягким, приятным голосом:

— Через озарение, посланное мне пророком, узнал я, что ты желаешь стать магди, ступить на путь святости. Тебе, шакирд, придется выдержать здесь, перед нами, трудные испытания. Ты сможешь добиться желаемого лишь в том случае, если душа твоя будет нестигаема, а сердце твердо, как камень. А теперь, шакирд, прислушайся к своему сердцу. Что оно говорит? Не отступит ли перед испытаниями?

— Я все сделаю, мауля, надо будет и жизнь отдать не побоюсь. Я готов к испытаниям.

— Все слышали, что сказал шакирд? — спросил мауля, обращаясь к людям, обступившим его и шакирда. — Этот раб Аллаха готов принять любое испытание. А теперь восславь Аллаха и пророка... Хорошо. Хватит. Скажи нам, шакирд, сколько членов у магди закрыто?

— Три, мауля.

— Назови.

— Язык, глаза, поясница.

— Глаза отчего закрыты?

— Чтобы не видеть людских грехов и слабости людей, мауля.

— Сколько членов открытых?

— Четыре, мауля.
— Назови.
— Руки, лицо, стопы, сердце.
— Сколько правил должен ты соблюдать во время трапезы?

— Двенадцать.
— Назови.
— Левая нога подкладывается вниз, а правая должна быть сверху. Есть надо маленькими кусочками. Пишу жевать сперва правой стороной, а потом левой. Руками не размахивать. Слюни не распускать. Крошки не ронять. Не смотреть, что едят другие люди. Голову не чесать. Лучшие яства оставлять другим. После еды воздать благодарственную молитву Аллаху и вымыть руки.

— Хорошо. А теперь скажи, как ходить должно.
— Таких правил пять, мауля.
— Перечисли.
— Грудь не, выпячивать, голову не задирать, по сторонам не глядеть, на прохожих не заглядываться. Старших не обгонять. Спутника не заставлять ждать подолгу.

— Ну что ж, неплохо, магди, неплохо, — проговорил мауля и некоторое время сидел молча. — А что скажете вы, шакирды?

— Он достоин, достоин, отозвались те.
— А теперь потуже затяни дервишскую бечеву.
Подвергавшийся испытанию развязал свою бечеву и снова затянул вокруг пояса. Потом встал на колени и поблагодарил маулю. Под конец, скрестив под собой ноги, прочел молитву.

— Пойдем домой, — сказал Биккол.
Они вышли на улицу и долго шли молча, не глядя друг на друга. На душе остался какой-то осадок. Видеть прославленного на весь Туран поэта в такой роли показалось Гали странным. Да полно, он ли это? И что за нужда превращать шакирда в магди? Он всегда с жалостью смотрел на дервишей, как на людей, обиженных судьбой. Что-то уж очень много скопилось их в городе — а все оттого, что на мир мусульман свалилось бедствие, имя которому Чингисхан. Кул Гали старался с сочувствием смотреть на этих нищих, оборванных людей, с тревогой думая о том, кто же встанет на защиту родной земли. Полчища дикарей очень скоро докажутся до Булгара. Враги не станут разбираться, дервиш ты, магди или еще кто. Для них все нищие и убогие, от которых нет никакого проку, — просто лишние люди, жалеть их не станут. Ученых людей тоже не пощадят. Оставят разве лишь ремесленников да работяг. Их, скорее всего, погонят в свою

страну, как они поступили после захвата земли Улуг Мухаммата.

Под ногами поскрипывал снег. Новые валенки, которые Биккол дал ему вчера, больно натерли ногу под коленом. На улице было оживленно: сновали люди, с криком «Дорогу, дорогу!» проезжали обозники на груженных товаром санях; изредка встречались торговцы из дальних стран. Биккол останавливался и подолгу смотрел им вслед. С годами человеку, жизнь которого прошла в странствиях, при виде обозов с товаром, понятно, становилось грустно. На дуге лошади, что бежала впереди обоза, висел колокольчик, и звон его, казалось, приглашал куда-то далеко-далеко, в неведомые края. Кул Гали вдруг вспомнил, как в детстве дед катал его по улице в санях с таким же вот колокольчиком. Ах, как счастлив бывал он в такие минуты!...

— Атам, ты иди домой, а я еще похожу немного, — сказал Кул Гали Бикколу и направился к речке Мелекес.

Почему он так часто вспоминает молодость? Надо бы съездить к отцу. Перед глазами ожил образ дочери Якуббека. Он все еще не может ее забыть.

Он помнит, какой у Якуббека теплый дом, как легко в нем дышится. А рядом она, Зулейха, стеснительная девочка, но он чувствует, что она тянется к нему. Они оба тогда были так молоды. Давно это было, очень давно, но память все время оживляет те сладостные мгновения, и кажется, что все происходило только вчера. Он сохранил на своих ладонях теплоту мягких рук Зулейхи, все еще видел перед собой ее разрумянившиеся щеки, помнил аромат розового масла, исходивший от нее. А голос — волшебная музыка! Этот нежный мягкий голос, похоже, сразил и покориł его окончательно. Как мило она окликала его, как пленительна была ее улыбка!

Гали улыбнулся своим мыслям. Уж не сходит ли он с ума? Ведь все это было так давно — что толку оживать в памяти призраки прошлого?

Медленно падали снежинки. Смеркалось. Где-то на задворках мычали коровы, блеял ягненок. Ноги сами вывели его к Ханскому озеру. Осенью здесь утонула Рабига, жена Булата, дочь Улуг Мухаммата. Узнав об этом, Кул Гали два дня не мог уснуть. И зачем понадобилось ханскому сыну жениться на Рабиге, имея двух жен? Он не мог понять своего двоюродного брата. Аллах дал им разные судьбы. Булат женился уж трижды, а Гали до сих пор не женат.

На ум неожиданно пришли строки:

О, мой Тенгре!
Развей души моей сомненья,

Взойдут пусть чуда семена;
Приди ко мне, объятия мне раскрой,
Рассудок сделай верным, отточь язык.
Вернуться к чуду дай мне силы,
Чтоб озарился ум, сознание стало ярче,
Чтоб мог воспеть Юсуфа, Зулейху —
Историю любви изящным слогом.

Его потянуло домой. Биккол уж поджидал у ворот. Несмотря на сгустившиеся сумерки, он узнал шейха издали и крикнул:

— Ты слишком долго гуляешь, Кул Гали! Сам знаешь, теперь не спокойно. В городе полно беженцев, а среди них есть такие, что человека ни за что порешить могут.

— Душа у меня не на месте, атам. Кому-то что-то сказать хочу, в мечтах порой взмываю под самые звезды...

— Это, наверное, и есть вдохновение. Садись, пиши. Пиши все, что волнует душу, правдивое сердце не обманет... Я вот что сказать тебе собирался, Кул Гали: отец твой теперь в Кашане. Бике тоже с ним. О его бике много разговоров ходит. Оказывается, ты знаком с ней. Мне кятиб Хафиз сказал.

— Зулейха?!

— Да ты и сам знаешь. Отец твой женат на дочери Якубека...

Кул Гали не ответил, взволнованный, прошел к себе и начал метаться из угла в угол. Он не знал, как быть — радоваться или горевать. С ним происходило что-то непонятное. Он долго ходил по комнате, потом вытянулся на саке и углубился в свои думы. Полежав так некоторое время, он вдруг вскочил и бросился к письменному столу.

Это не было чувство обиды, но сердце теснило что-то, будто душу раздирали на части. Напоминание о Зулейхе потрясло его. Он чувствовал себя Юсуфом, обездоленным братьями, а порой несчастным Меджнуном. Но кто кого обидел, он Зулейху, или она его?.. Судьба подшутила над ним.

Он взял в руки перо, откинул крышку чернильницы.

— О Аллах, великий, милосердный...
Хвала, благодарность и слава тебе!
Богатства твои изобильны и вечны,
Не делишь ни с кем ты роскошной казны,
Бессмертным мы знаем тебя и великим...
Хвала и другу Мухаммату,
Пророком послан он Ахмату —
Тому, кто в двух шагах от правды,
Да будет славен он, познает похвалу...

Свеча догорела, он зажег вторую, потом третью, а душа его, подобно бурному потоку, все не унималась, огонь вдохновения разгорался все ярче. Биккол чуть-чуть приоткрыл дверь, но увидев, что Гул Гали пишет, осторожно притворил ее. «Похоже, он и про намаз забыл», — пробормотал старик.

Утром, когда Биккол открыл глаза, солнце уже вовсю сияло. Первая его мысль была о Кул Гали. Он подцепил чувяки и, шаркая ими, пошел к сыну, однако открыть дверь не решился. Он постоял, прислушиваясь, — за дверью было тихо. Отчего-то ему стало тревожно. Он тихонько толкнул дверь и заглянул внутрь. Кул Гали писал, не поднимая головы. Солнце залило комнату лучами, а на столе все еще горела свеча. Но Биккол не стал заходить. Он тихонько прикрыл дверь и велел служанке подать в свою комнату таз и кумган для омовения.

29

В ханском дворце ему была знакома каждая комната, каждый уголок. Когда Кул Гали входил во дворец, сердце его взволнованно билось. Да, жизнь человека так похожа на текучие воды реки. Вот просторный и светлый тронный зал. Народ уж начал собираться. Для чего хан позвал аксакалов, туре и тарханов, никто не знал. В прошлом году родственник русского князя Юрия Всеволодовича Святослав совершил набег на Болгарию. Выйти на левый берег Идели не решился, зато город Джаббар бека Ашлы, расположенный на правом берегу, ограбил и сжег, многих людей взял в плен и угнал во Владимир. Узнав об этом, Кул Гали целый месяц не мог взяться за перо.

А сегодня князь Юрий, видимо, поняв свою ошибку, прислал к Ильгам-хану послов для заключения мира. Нет сомнения, что на этом настояли русские купцы. Главным послом был Яким Кучкин. Может, хан собрал их, чтобы отпраздновать заключение мира? Вообще-то Ильгам-хан позвал во дворец Биккола, своего торговца, но тот не мог прийти на ханское торжество без Кул Гали.

Гости рассаживались. От обилия угощений разбегались глаза. Биккол с Кул Гали пристроились подальше от трона. Глядя на хана, торговец думал: «А ведь там должен был сидеть Кул Гали. Как обманчива судьба: человек, место которого на троне, скромно сидит около двери, тогда как тот, кому полагалось быть лишь эмиром, — на ханском троне».

Вошла ханбике Зубаржат. Она, как того требовал обычай, поклонилась хану и прошла на свое место. На Ильгам-хане зеленый парчовый чапан, на голове чалма из золоченой

ткани, украшенная крупным изумрудом, который сверкал в мерцающем свете восковых свечей.

Поднялся визирь Камай и трижды поклонился хану:

— Мой повелитель, великий хан Великой Булгарии, при-
были послы соседа нашего князя Юрия сына Всеволода с
доброй вестью. Позвольте начать!

— Начинайте! — приказал Ильгам-хан и ударил посо-
хом об пол.

Бусагабаши Субай хлопнул в ладоши, и тотчас заиграли
домбра, курай, кубыз. К ним присоединился куман. На се-
редину зала выбежали девушки в легких прозрачных платьях
и стали танцевать. Все смотрели на них с восторгом. Дви-
жения их были исполнены изящества, веселья и красоты.
На лице Кул Гали было написано искреннее изумление: та-
кого праздника ему еще не приходилось видеть.

— А где же шейх Иганай? — Биккол огляделся. — По-
чему не видно его?

— Заболел, наверное.

— Да, говорили мне, что он нездоров. И Булат углана
нет. Понятно, почему. Я слышал, он в ссоре с отцом. Видно,
хан не позволил ему прийти. А свадьба у него была печаль-
ной. Девушку, считай, насильно заставили выслушать ни-
ках. Вот она и выскользнула из дома, улучив время, да пря-
мо в Ханское озеро. Народ бегают, ищет ее, а невесты-то и
след простыл. Лишь через два дня бедняжку из озера выта-
щили. С тех пор народ называет Ханское озеро не иначе,
как озеро Рабиги, — сказал Биккол.

— Ей, видно, не до свадьбы было.

— Жаль, очень жаль шахскую дочку. Говорили, в Урген-
че она влюбилась в какого-то джигита...

— Взгляни-ка, атам, как плавно танцует та черноволосая
девушка — лебедушка да и только!

— Все, Кул Гали, кончена моя жизнь, все в прошлом! Ког-
да-то и я так же вот от девушек глаз не в силах был отвести.
Осталось только завидовать молодым... Ты посмотри, шейх
Татеш тоже здесь. Возле него сидит поэт Ахмат Югнакай.
Он теперь придворный поэт. Салим-хан так повелел. Если
устроит соревнование сказителей, чичанов, он непременно вы-
ступит. Может, и ты, Гали, попытаешь свое счастье? Кто тебя
здесь знает?

— Что-то я слепого Хужу Ахмата не вижу. Пахлеван
Махмут как-то сказал о нем в шутку: «Если в Медине Му-
хаммат, то в Ургенче Хужа Ахмат».

— Выходит, не позвали.

— Так он же во дворце хана живет, чего его звать? При-
поминаю такой его стих: «Перед Аллахом человек что прах —

до удовольствий жаден, речь скудна, а руки тянутся — не знает сам куда».

— Точно сказано, — улыбнулся Биккол, — это про меня! Девушки ушли, сейчас выйдут певцы. Тут Ильгам-хан не уступает отцу своему Салим-хану. Вон, вон, видишь джигита из Кашана? Я знаю его.

Тут заиграл курай, и юноша, сложив руки на груди, затянул песни о родном Кашане, которую закончил так:

...ты думал потрясти весь мир,
Так где ж теперь земля твоя и власть твоя,
о, мой эмир?!

Певец замолчал и поклонился, ему хлопали в ладоши. Ильгам-хан, похоже, песню не слушал, он в это время что-то говорил на ухо визирю.

— Ты как думаешь, Кул Гали, о ком была песня?

— Об отце, надо думать.

— Сдается мне, что хан сам выпустил этого певца. Дескать, эмир Хаджи теперь уже не хозяин в Кашане...

— Не спеши, атам, не бери греха на душу. Говорят, песня не драный бешмет, не придерешься. Я вижу в Ильгам-хане проблески добра. Он хотя и не хватает звезд с неба, а все же делает нужное дело — заключает с урусами мир.

— А зачем он нужен, этот мир? Ильгам-хан отныне не сможет защищать эрзю, мокшу и прочих мелких соседей. Вот она настоящая-то цена этого мира.

— А может, эрзя и мокша сами так хотят?

— Ну, кто же это по собственной охоте станет надевать себе петлю на шею?! Впрочем, какое мне дело до Ильгам-хана? Стар я уже, борода, того гляди, до пояса дотянется, а ум короче стал. Ладно, оставим это. Лучше послушай кураиста, как хорошо, играет, а!.. Что-то Назлыгюль не видно. Говорят, на свадьбе она была... А вот еще певец вышел. Он из города Джаек-Карамалы. Мне приходилось слушать его. Как запоет, так прямо дух захватывает! Каждый о своем крае, о городе своем поет.

Ах, Джаек, извилистый ты мой Джаек,
Ты сила моя, спасенье и покой!
Мать сюда невестой привезли к отцу,
Здесь родился я, и силы ты мне дал,
Поил меня живительном водой...

Певца с берегов Джаека сменил белобрысый молодой урус. Его привез с собой Яким Кучкин.

Пристроившись к дудочнику и балалаечнику, парень запел:

Полно, солнышко, из-за леса светить,
Полно, красное, в саду яблоки сушить!
Полно, девица, по молодцу тужить,
Полно, красная, по удалому тужить...

Откуда-то неожиданно появилась девушка и отвечала ему:

Как мне, девушке, не плакать, не тужить?
Мне ж дружка такого больше не нажить!...

Подхватив парня под руку, девушка повела его к двери, но тут с другой стороны вышла другая девушка и затянула новую песню. Допев, она взяла белобрысого под руку с другой стороны и стала тащить к себе. Но парень не растерялся — обнял обеих и скрылся с ними за дверь.

Народ засмеялся, захлопал в ладоши.

Наконец очередь дошла и до акынов. На середину вышел сказитель Ахмат Югнакай, сел поудобнее, стал настраивать домбру. Вот он начал тихонько наигрывать на ней, и под музыку стал читать стихи. Кул Гали старался не упустить ни слова:

Страну мою терзают злые бесы,
Отца и мать повесили, казнили.
Не в силах выдержать страданий, громко плачу,
Народ умчался прочь, покинув край родной.
Народ, бедняга, вечно ищет рая...
Забыл, видать, что рай — земля родная.
Рай для него — родной очаг,
Любимый край, страна родная, отчий дом.
Рай, когда видишь очи милой,
Рай, если в щеки ее целуешь,
Рай — быть счастливым в отчем доме,
Рай — значит, жить и умереть в родном краю.

Ильгам-хан подошел к акыну, что-то сказал ему, потом захлопал в ладоши. Биккол подтолкнул Кул Гали:

— Ты тоже иди, Гали углан! Не бойся, тебя здесь никто не знает, ты просто гость мой. — Торговец встал и обратился к домбристу: — Сыграй-ка для гостя моего. Он странник, прибыл издалека. Милостивый хан, дайте ваше добро.

— Да-да, пусть выйдет, — сказал хан.

Не смея взглянуть на свою эби, Кул Гали вышел на сере-

дину и, поблагодарив акына, отказался от его помощи. Он с чувством стал произносить стихи, распевая их, словно молитву, — никого не замечая вокруг, с головой уйдя в свой поэтический мир.

Когда он замолчал, Ильгам-хан поманил к себе визиря и что-то сказал ему. Подождав, пока Кул Гали вернется на свое место, Биккол, который не спускал с хана глаз, прошептал ему на ухо:

— Надо уходить, Гали улан.

Тут поднялся шейх Татеш и сказал:

— Улуг хан, у нас не принято оглашать имена акынов. Кем бы ни был этот сказитель, его послал к нам сам Аллах, потому что только Всевышний мог наградить человека столь великим даром! Спасибо тебе, акын! — Шейх расчувствовался и низко поклонился Кул Гали.

— Ты слышишь, Гали, нам пора. Хан обратил на тебя внимание. Не знаю, что он задумал, только Аллах, как говорится, береженого бережет. Я сейчас встану и пойду к своему товарищу Якиму, буду громко говорить с ним, чтобы привлечь к себе внимание, а ты тем временем быстренько исчезни.

Кул Гали направился к выходу. Он спиной чувствовал, что Ильгам-хан не спускает с него глаз. Следом за ним двинулись четыре или пять азатов. Кул Гали, хорошо знавший расположение комнат дворца, свернул налево и пошел в сторону женской половины.

— Куда он провалился?! — спросил один из преследователей.

Кул Гали прижался к стене. Мимо пробежали два азата. Переждав немного, он выбрался на улицу по ему одному известным переходам.

30

Солнце уже клонилось к горизонту, когда хан вызвал в свою юрту Джабай-нойона и Субадай-багадура. Нойон подъехал на великолепном вороном жеребце. Этого красавца он забрал у бека Гулистана, заколов его собственной рукой. На глазах нойона бек хорезмшаха перебил больше десятка воинов, но самого Джабая одолеть не смог.

Субадай-багадур не одобрил старшего брата, сказал, что езда на коне убитого человека не предвещает ничего хорошего. Нойон только рассмеялся в ответ: «Ты говоришь так потому, что конь не тебе достался». Субадай промолчал. Брат Джабай, получивший титул нойона от самого Чингис-

хана, был намного влиятельней его. Он брал уроки у уйгурских грамотеев и умеет разбираться в тамгах, похожих на тараканьи следы; с татарами свободно говорит на их языке — наверное, поэтому в его тюмене много воинов-татар.

А Субадай-багадур другой. Он и читать не умеет, и с татарами изъясняется кое-как, но не сожалеет об этом, потому что сам Чингисхан тоже не умеет ни читать, ни писать. Хан всюду возит с собой китайца по имени Юляй Чусай, который и ведет всю писанину. Щупленький человек с козлиной бородой — кажется, дунь посильней — и улетит, состоит при хане главным советником. Он мудрец. Это он составил для Чингисхана список «Яса», где на бумаге изложил все его повеления и решения.

Брат Джабай может читать Ясу, а он, Субадай, не может. Зато на поле сражения нет более удачливого и умелого воина, чем Субадай-багадур. Тюмень, которым он предводительствует, из любого сражения выходит победителем, ни разу не отступил. И буланый жеребец его выделяется среди прочих коней. Стоит Субадаю появиться на нем, как враги в ужасе обращаются в бегство. В битвах брат Джабай тоже ловок и смел, но до Субадаю ему все же далеко. Во время сражения багадур никогда не меняет коня — разве только если конь будет убит под ним. Когда его спрашивают, отчего он всегда на одном коне, Субадай-багадур отвечает: «Конь — не жена, зачем же часто менять?» Буланый жеребец был его надежной опорой.

Если за конем брата Джабая ухаживали слуги — кормили, седлали, чистили, то он не доверял своего буланого никому: сам стреножил, давал корм, сам седлал, чистил, а когда поблизости случалась река, сам купал его. Может, поэтому конь понимал хозяина с полуслова. Кое-кто уверял даже, будто багадур знает лошадиный язык. Жеребец никого, кроме Субадай-багадура, к себе не подпускал — кусался, лягал всякого, кто приближался. Даже брат Чингисхана Хасар, славившийся умением укрощать лошадей, не осмеливался подойти к нему. А ведь другого такого мастера, как Хасар, во всей степи не сыскать. Он один объезжает коней хана и приводит их в узде к самой юрте повелителя тихими и послушными, хотя слишком тихих да послушных Чингисхан не очень-то жалует.

Пять нукеров, сопровождавших военачальника, остановились чуть поодаль, не решаясь приблизиться к буланому.

Субадай-багадур догнал брата Джабая, который прибыл чуть раньше.

— Зачем вызвал? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Джабай-нойон, не глядя на бра-

та. — Улуг Мухаммат сбежал вместе с семьей и слугами. Наверное, хочет отправить в погоню.

— Ну что ж, пошлет, так поедет, — сказал Субадай-багадур. Он никогда не возражал хану, может, поэтому тот приблизил его к себе.

В юрте у хана багадуру приходилось бывать редко — он почти все время пропадал на полях сражений. Пройдя сквозь кольцо ханских телохранителей — кишектинов, братья откинули боковое полотнище большой белой юрты и прошли внутрь.

Каждому родственнику, каждому близкому ему человеку Чингисхан предоставил по тюменю. Не забыл и сыновей кузнеца Джирсудая, который вызволил его когда-то из рабства, — Джабая и Субадаю. Джабай-нойон и Субадай-багадур всегда воевали рядом. Нойон нападал первым, а Субадай-багадур в ходе битвы перехватывал инициативу в свои руки и доводил дело до конца. Было у него одному ему присущее качество: во время сражения он не упускал из виду ни одного из своих военачальников — не только менбаши, но и каждого езбаши, унбаши. Редкое чутье с точностью подсказывало ему, с какой стороны надо набрасываться на врага, кому следует завлечь его в петлю, сделав вид, будто отступает. Зная его умение вести бой, Джабай нередко отдавал свой тюмень под его командование, а сам оставался в юрте, забавляясь с пленниками. Субадаю очень не нравилось подобное поведение брата, но разве мог он делать замечание нойону?

Придя на землю хорезмшаха, Чингисхан позвал обоих братьев на курултай и дал каждому по тюменю. Это решение хана было тут же записано китайцем в тетрадь. И вот уже больше года Чингисхан воюет в стране хорезмшаха, но самого шаха поймать не может. Видя, что города его один за другим сдаются на милость дикого завоевателя, этой невесть откуда свалившейся на них чумы, Улуг Мухаммат отдал трон сыну Джалалетдину и сбежал из собственной страны. Куда? Этого не знал никто. Известно лишь, что на закат солнца, потому что земли с той стороны, где солнце всходит, были уже покорены Чингисханом.

Братья города хорезмшаха было непросто. Ургенч, например, шесть месяцев держал осаду. Сколько воинов там погибло, подумать страшно — больше трех тюменей! Правда, те войска по большей части состояли из пленников того же народа, и все же... Словом, пока не возьмут в плен Улуг Мухаммата и его сына Джалалетдина, не будет Чингисхану покоя. Трудность в том, что ни шах, ни его сын сами не сражаются. Они собирают где-то войска и выжидают случай, чтобы напасть.

Чингисхан своими глазами видел, как отважен султан Джалалетдин. Окруженный вместе с войском и прижатый к реке, молодой султан прыгнул на коне с высокого берега в воду и, выбравшись на противоположный берег, погрозил Чингисхану кулаком. Чингисхан стоял на берегу и смотрел ему вслед. Сыновьям, подошедшим к нему, он сказал не оборачиваясь:

— Как жаль, что этот храбрец не мой сын!

Субадай багадур слышал эти слова хана и едва не бросился к нему со словами: «Я поймаю этого храбреца и приволоку к тебе!» Он бы так и сделал, если бы старший брат Джабай не удержал его. То, что султан оказался в западне, было его, Субада, заслугой. Жаль, конечно, что Джалалетдин ускользнул, зато все большое войско султана было взято в плен.

Вскоре после этого случая Чингисхан отдал на очередном курултае багадuru Субадаю свою саблю, усыпанную драгоценными камнями, и поставил его в пример другим багадурам. У Субада, будто крылья выросли. Он никогда не забудет, как пил с ханом кумыс в его юрте. А теперь хан снова позвал его.

Войдя в юрту, Субадай-багадур увидел Чингисхана, сидевшего на мягкой подушке. На руках он держал маленького Кулан-углана, которого родила ему молодая жена. Справа от хана — его сын Джуси, слева — брат Хасар.

Джабай-нойон кивнул хану, опустился на одно колено и, сложив перед собой руки, низко поклонился. Субадай-багадур повторил те же движения.

Чингисхан молча кивнул, приглашая сесть. Он снял с колен сына и велел всем поднять пиалы. Субадай опрокинул в рот большую пиалу с кумысом и, вытерев усы ладонью, поставил ее на место. Чингисхан прочистил горло, готовясь говорить, все тотчас смолкли.

— Мои нойоны и багадуры! С помощью божества Тенгре и неба я завоевал эту страну. А теперь вы с помощью Тенгре и неба поймайте мне Улуг Мухаммата и привезите сюда! — Хан жестом велел слуге разлить кумыс по пиалам. — Это дело я возлагаю на самых надежных моих батыров — Джабай-нойона и Субадай-багадура. Живым или мертвым, только доставьте мне шаха! В помощь даю вам еще один тюмень, с вами поедет Гомай-бек. Главным назначаю Джабай-нойона.

Чингис поднял пиалу и осушил ее, все последовали его примеру.

Уже через неделю тюмень Субада к походу был готов. Еще через два дня Джабай-нойон, Субадай-багадур и Гомай-бек выступили со своими войсками на запад. Идя по

следу Улуг Мухаммата, тридцатитысячное войско подошло через два месяца к высоким горам. На берегу большой реки их встретило войско, состоящее из грузин и армян, которые грабили прибрежные селения и чувствовали себя хозяевами этих мест, никому не желая подчиняться. Увидев чужаков, грузины с армянами стали готовиться к битве. Монголы, хотя горные условия и были непривычны для них, в первом же сражении разметали противника и двинулись на север Кавказа. Остановились возле города Тимер Капка и решили здесь переждать зиму. Разгромившим грузин и армян монголам уже никто не оказывал сопротивления.

Нойон стал останавливать торговцев, чей путь лежал через Тимер Капка, и собирать сведения о живущих на их пути народах. Так узнали, что к северу от Тимер Капка простирается широкая степь и живут в ней тюрко-кипчакские племена. Надо было лишь преодолеть узкое ущелье Тимер Капка...

Пришла весна. К эмиру города Тимер Капка отправили послов. Этим в основном занимался Джабай-нойон. Субадай-багадур тем временем обучал воинов умению драться, собирал продовольственные припасы у местного населения. Послы из Тимер Капка назад не вернулись. Джабай-нойон был разгневан, тем не менее вновь отправил послов к эмиру, велел им сказать: «Ты, эмир, навлекаешь беду не только на свой город, но на народ свой и на себя». Эмир, веривший в неприступность своей крепости, прислал своего посла. Тот вызывающе разговаривал с нойоном, ставил множество условий. Эмир, сидевший на пороге единственных в этой стране «ворот» через горы, привыкший к поборам купцов и странников, не желал пропускать войско диких людей безвозмездно. Но он плохо представлял себе, что это были за люди.

Для начала Джабай-нойон приказал зарубить посла на глазах сопровождавших его людей.

— Если не выполните нашу волю, со всеми вами будет то же самое! — сказал он.

Свидетели злодеяния были потрясены и вынуждены сказать:

— Мы покажем дорогу твоему войску!

Выбравшись на степной простор, Джабай-нойон нарушил свое обещание и проводников приказал перебить. Субадай-багадур не выдержал и упрекнул брата:

— Ты нарушил слово, данное им! Чингисхан не велит трогать послов и торговцев.

— А ты знай свое дело, не лезь, куда не просят! — прикрикнул на него нойон.

Субадай прикусил язык, потому что хан поставил брата

во главе войска, и он обязан подчиняться ему. Хотя вероломство Джабая было не по душе ему, Субадай решил больше не возвращаться к этому разговору.

Впрочем, Чингисхан тоже не терпит, когда подчиненный возражает своему начальнику. Субадай не может забыть один такой случай. Захватив Бухару, Чингисхан собрал большой меджлис. Молодая жена хана Хулан позаботилась о том, чтобы присутствовали девушки и певцы. Пили, веселились, праздновали победу над мусульманами. Чингисхан сам налил вина лучшим своим военачальникам — Джабаю, Субадаю, Гомаю и другим. Подняв пиалу, он провозгласил: «За непобедимого багадур Субадаю!» Сам Субадай и другие приглашенные на праздник такого никак не ожидали — стало тихо, словно все вдруг онемело. В словах хана мог быть и другой затаенный смысл. Субадай встревожился и стал озираться по сторонам. Нет, никто не смеялся, даже всегда насмешливый Хасар сидел, опустив голову. Конечно же, хан должен был прежде похвалить его, своего родственника, а поднял пиалу почему-то за Субадаю. Багадур вдруг осмелел.

— Слава Чингисхану! — прокричал он, поднял большую пиалу и, осушив ее, опрокинул вверх дном.

За ним и другие стали славить хана и также опрокинули свои пиалы.

Чингисхан был спокоен. Казалось, его совсем не удивило происходящее. Он лишь пригубил кумыс и потянулся за изюмом. Потом сказал:

— Закусывайте, не то захмелеете!

Хан взял с блюда баранью ногу и протянул Субадаю.

— Вот, возьми, мой багадур, пусть ноги и руки твои будут также легки!

Субадай принял угощение из рук хана и стал усердно есть. Видно, он слишком старался, потому что, к его ужасу, баранья нога вдруг выскользнула из его рук и упала прямо на колени сидевшего напротив брата Джабая. Субадай снова разволновался, а брат вытаращил на него глаза, потому что бросать мясо считалось дурной приметой. Джабай проворчал что-то и собирался встать, но хан успокоил его, говоря:

— Багадур правильно делал, Джабай, не обижайся, — он поделился с тобой ханской почестью.

Джабай нехотя взял лежавшую у него на коленях баранью ногу и стал вертеть ее, разглядывая. Чингисхан исподлобья наблюдал за ним, а Субадай сидел, боясь перевести дух. Видя, что нойон не решается есть за братом объедки, хан сказал, не глядя на Джабая:

— Ешь, ешь, набирайся сил! Говорят, в угощении хана сила

лошадиная. И потом, я слышал, ты девушек всегда при себе держишь. Как справишься с ними, если сил мало будет?

Хан говорил правду: в юрте брата Джабая в то время были три или четыре наложницы хорезмшаха, которые, не стесняясь мужчин, привыкли есть что дадут и ублажать каждого, кто ляжет с ними.

В разговор вмешался брат Чингисхана Хасар:

— Джабай-нойон знает, кого надо собирать в юрте, сам выбирал в гареме шаха, — сказал он, подзадоривая хана.

Чингисхан вопросительно уставился на Джабая, который уж начал было есть злополучную ногу, как бы желая знать, правда ли это. Тот, застигнутый врасплох, перестал жевать. Субадай испугался за брата, хотел сказать что-то в его защиту, но на лице хана показалась недобрая усмешка и он стал похож на кота, подцепившего когтями мышь.

Даже в лачуге отца, когда будущий хан сидел в колодках, он не казался столь решительным и яростным. А теперь впился глазами в брата, да еще усмехается. Рыжие волосы рассыпались по плечам, по красному веснушчатому лицу текут струйки пота, рыжая, как и волосы, борода, закапанная бараньим салом, лоснится, в зеленых глазах то ли злость, то ли ненависть, то ли издевка — понять невозможно. Перед большим могущественным человеком с красным лицом, широким лбом и окладистой бородой трепетали все, кто сидел на пиршестве. И никто даже не пытался скрыть своего страха. Прославившийся своей отвагой Субадай-багадур и тот боялся хана. И все же готов был броситься на выручку брату, но не успел — хан заговорил сам:

— Ну, что скажешь, нойон, ты и вправду держишь у себя шахских девушек, хе-хе-хе?

Смешок хана напоминал камнепад: казалось, с горы, шурша, катятся мелкие камни. Никто не посмел засмеяться с ним вместе.

— Ну-ну, Джабай-нойон, что, язык вдруг проглотил? — продолжал хан. — Так сколько у тебя девушек?

— Великий хан, — взмолился Джабай и, отложив баранью ногу, упал перед Чингисханом на колени. — Прости, есть грех, слаб я по этой части!

— Ладно, ладно, — сказал примирительно брат хана Хасар. — Одну девушку я покупаю у тебя, Джабай-нойон.

— Хасар, — заговорил наконец Субадай-багадур. — Это я брал девушек шаха в плен, я дал их брату.

Он не смотрел ни на кого, но краем глаза видел, как Чингисхан огладил бороду. Выковыривая ногтем мизинца остатки мяса из зубов, он сказал:

— Субадай-багадур прав, девушки его. Но вам, нойоны,

хочу сказать, что храбрые воины никогда не возят на войну женщин. Берите пример с багадура: шахские девушки были у него в руках, а он не стал предаваться утехам, отдал их брату. Гордись, Джабай-нойон, братом, гордись!

— Я и горжусь, хан, — ответил Джабай и, вернувшись на место, потянулся за бараньей ногой.

Успокоившись, гости стали переговариваться свободнее, стало шумно. Тут вошла Хулан. Она, как кошечка, вкрадчиво подошла к хану и прижалась лицом к его плечу, заглядывая в глаза. Чингисхан взглядом приказал всем разойтись — мол, хватит, погуляли.

Да, Субадай тогда сумел выручить брата. Впрочем, Чингисхан вряд ли причинил бы ему вред, но шахских наложниц отнял бы. После того случая в юрте Джабая с разрешения самого хана появились еще две-три девушки. Ладно, думал Субадай, пусть наслаждается жизнью, когда-нибудь и у него кровь остынет. Но когда брат пропускал его слова мимо ушей, он сердился. Он заслужил лучшего отношения. Почему было не отпустить послов, если им обещана свобода? Зачем было убивать их на глазах воинов?

За годы походной жизни брат вообще перестал считаться с другими. Шахских наложниц, которых он взял с собой, продал Гомай беку. Зимовка под Тимер Капка принесла им большую выгоду: все купеческие караваны шли через этот город. Джабай-нойон приказывал останавливать торговцев, сам допрашивал их, некоторых отправлял к Гомаю. Субадай не вмешивался в эти дела.

Уже в степи Джабай как-то велел позвать брата в свой стан. День был прекрасный: в небе пели жаворонки, весеннее солнце пригревало спину, кони были сыты, под ногами расстилалась шелковистая трава. Все бы хорошо, если бы не беспокойство о жене, родном крае. Казалось бы, для жизни нет земли лучше этой, но душа все же тосковала по дому. В походе было бы спокойней и проще, но брат все выжидает чего-то, не отдает приказа двигаться дальше.

Войдя в юрту, он увидел Гомай бека, который сидел на войлоке, уставившись на что-то, и брат молчал, задумчиво глядя на какую-то писанину. Субадай помнил, что писанину эту дал им ханский саркатиб Юляй. Кажется, он называл это картой. Но Субадай такие вещи совсем не интересовали, потому что читать он не умел, а черточки на бумаге напоминали ему паутину, и только.

— Мы теперь вот где! — сказал Гомай-бек. — Это Тимер Капка, это горы, которые мы прошли, ущелья.

— Присаживайся, Субадай, — сказал брат, не глядя на вошедшего, — сиди и слушай! Ты прав, Гомай, мы вышли в

страну аланов. Дальше земля кипчаков, а после — урусы. А вот здесь, ближе к северу, болгары живут. Нам нет дела ни до аланов, ни до кипчаков, ни до урусов с булгарами, нам нужно найти Улуг Мухаммата. А он через Тимер Капка не проходил, так сказали послы. Остается одно: удрал к кипчакам или же к булгарам по морю.

— Неужели так далеко ушел?

— Не захочешь, чтобы рот и уши тебе залили кипящим свинцом, и ты уйдешь, — ответил Джабай-нойон.

Субадай вспомнил эмира Атрара, которого Чингисхан приказал казнить таким образом. Не приведи Тенгре! Даже врагам не пожелаешь подобной смерти.

— Князь аланов предупредил моего менбаши: если завтра же не уберемся отсюда, они прогонят нас силой, — сказал Субадай.

Нойон с беком подняли головы и посмотрели на него.

— И чего твой менбаши ушами хлопал, почему не поймал и не приволок его ко мне? — спросил Джабай.

— Он пришел как посол, чтобы предупредить. Как можно за это брать в плен?!

Джабай подскочил к брату и схватил его за ворот.

— С этого дня никто не смеет без моего разрешения ступать в мой стан! Ты слышишь, Субадай?

— Пусти! Слышу, не глухой, — ответил тот с досадой.

— А если не глухой, садись и слушай. Пусть только попробуют мешать нам эти аланы, будем биться с ними! Пусть не суются к нам. Как грузин разнесли в пух и прах, так и этих разнесем, ни одного мужика в живых не оставим. Вот смотри сюда, на карту! Видишь, где мы?

— Это китайская забава, я ничего в этом не понимаю.

— Ты воин, Субадай-багадур. Ты все знать должен — и силы врага, и численность его, и сколько у него земель. Да, карты ты не знаешь, но знать должен! Как свои пять пальцев знать: куда идешь, с кем встретишься в пути. Вместе с Тенгре Чингисхан сам благословил нас в этот путь.

— Повинуюсь, абам, ты прав. Я должен научиться читать карту. Кто научит меня?

— Вот Гомай-бек и научит. Ведь научишь его?

— Научу... Сядьте-ка! Давайте подумаем, куда пойдем, если аланы не пропустят нас вперед.

— Некуда идти... Хотим того или не хотим, придется драться с аланами. Другого выхода у нас нет.

— А если они одолеют нас? — предположил Субадай. — Ведь мы еще не знаем, сколько их, этих аланов.

— Скажем: пришли пасти коней. Если, мол, пастбища ваши, уйдем.

— А если не отпустят?

— Вот тогда уже, Субадай-багадур, поступим по-твоему. Мы должны одолеть их, ничего другого я не вижу, — сказал Джабай-нойон.

Выйдя из юрты брата, Субадай вытер потный лоб тыльной стороной ладони. Из разговора здесь он понял одно: быть битве. А драться он умел. Не пугало его и число врагов — вон какого жару задали грузинам с армянами, которых в два раза больше было!

Сам он в битву не вступал, а руководил сражением, зная много боевых хитростей: наскок, засада, ложное отступление, чтобы заманить врага в сети, окружение. Он устраивал все это, и монголы побеждали. А сколько оружия после им доставалось!

Вернувшись к себе, он долго не мог уснуть. Память оживляла бывшие события. Вспомнил свою женитьбу.

Это было незадолго до того, как выступили в страну хорезмшаха. До вечера они пировали в юрте Джабая, пили, угощались. Жена Джабая — из татарского племени. Брат любил ее, но, как только она забеременела, взял другую. Эта была из племени кариятов. Большой рот, широкий нос — некрасивая была девушка. Жене-татарке поставили отдельную юрту, а сам жил с молодой женой. Нойоны и багадуры, как правило, женились на пленницах. И почти все жены Чингисхана были чуждых кровей. Только Субадай не мог найти себе жену по душе. Сам он был высок ростом, худощав, потому, видно, девушки казались ему слишком мелкими. Но когда он в тот вечер возвращался от брата, Тенгре все же приготовил ему подарок.

Солнце было близко к закату. Тихо насвистывая сквозь зубы, Субадай-багадур шел домой. На пути у него был родник. Там-то он и встретил это чудо. Подобрал подол платья, какая-то девушка мыла в ручье ноги. Она не заметила его, сидела спиной. Он увидел ослепительно белые ноги — у Субадая дух перехватило от неожиданности. Хотел окликнуть незнакомку, но передумал, было приятно наблюдать за ней. Она что-то тихо напевала себе под нос, не подозревая, что рядом кто-то есть. Субадай-багадур, сам не понимая зачем, подошел близко, настолько близко, что ощутил тепло ее тела. Стоял и растерянно смотрел.

Девушка, услышав чье-то дыхание, обернулась и, увидев рядом мужчину, закричала, забыв одернуть подол:

— Ну, чего встал, ступай своей дорогой!

Девушка явно была кареяткой. Это они бывают такими ширококостными, заносчивыми и храбрыми. Но и Субадай был не из робких!

— Я сегодня же пришлю сватов! — заявил он. Сказал и с силой ударил плеткой о землю. — Назови свое имя!

— Да кто за такую жердь замуж-то пойдет? Женись вон на татарке, дочери изменника, как хан твой!

Девушка знала что говорила: чингисиды и в самом деле чаще женились на татарских девушках, дочерях изменников. Младшая жена Чингисхана была как раз из последних, дочь Даян бая. Давно ли они бились с такими, как он, не на жизнь, а на смерть? А сегодня даже ханские кишки спят с дочерьми татар.

Пока мужчины воюют, женщины рожают им детей. Чингисхан не возражает, не считает это противозаконным, потому что хану нужны воины. И потом, жениться на пленницах удобней: за них калым платить не надо. Как бы там ни было, кто бы как ни женился, Субадай был далек от всего этого — до сих пор ему не нравился никто.

— Дочери предателей мне не нужны, мне ты нужна. Я на тебе женюсь. Где твоя юрта?

Большому военачальнику, славному батыру не пристало глядеть на босоногую женщину с задранном подолом. Но Субадай о подобных приличиях не думал. Ему было все равно. Он прежде всего воин. А воину достаточно быть сильным и решительным. Он шагнул к красавице, хотел обнять ее и вдруг покотился на землю. Девушка оттолкнула его с такой силой, что он отлетел. Вскочив на ноги, Субадай увидел, что она пытается скрыться в березовой рощице.

Нет, еще никому не удавалось убежать от Субадая! Он большими прыжками бросился догонять беглянку и очень скоро настиг. Хотел ухватить за косы, но споткнулся и снова упал. Вскочил и погнался опять. «Нет, — думал он, догоняя ее, — Субадай и не таких ловил, тебе от меня не уйти!» Они бежали через кустарник, за которым могла быть юрта девушки. Он прибавил ходу. Перед ним сверкали белые, как фарфор, ноги, длинные косы металась из стороны в сторону. Она бежала, прижав к себе сапожки, не бросала их. А главное, не кричала, не звала на помощь.

— Стой! Стой, тебе говорят! Олень ты, что ли, или джейран?

Девушка оглянулась, и тут он схватил ее за руку чуть повыше локтя. Оба не удержались на ногах и повалились на землю.

— Скажи, джейран, куда несешься ты?

А дальше он уже ничего не помнил — оказался во власти сильного желания, которое затмило разум. Кажется, девушка кричала, но он ничего не слышал...

Успокоившись и поняв, что произошло, он сказал:

— Ну вот, теперь ты моя жена. Я женюсь на тебе.

Девушка молчала, облизывая нижнюю губу, которую прокусила до крови. Не в силах сдержать слезы, она разрыдалась. Глядя на лежащую на земле плачущую девушку, Субадай растерялся. Он встал перед ней на колени, прижался щекой к ее щеке.

— Слышишь, — говорил он, — я женюсь на тебе, ты — жена моя?

— Подними меня, если ты и вправду батыр.

Субадай торопливо взял ее на руки, девушка прильнула к нему, обвила шею руками. От этого ее порыва, от того, что волосы девушки коснулись его лица, сердце воина громко билось.

— Ты — жена моя, я женюсь, — повторял он вновь и вновь, не зная, что сказать. — Кто ты, чья дочь?

— Я дочь Бильгатай-батыра. Отец погиб в битве с предателями. Мы с матерью живем одни... А ты не женишься на мне, я знаю.

Субадай остановился, поставил ее на ноги, взял в ладони ее лицо.

— Дочь Бильгатай-батыра будет мне женой! Я самому хану скажу об этом. Слышишь, дочь батыра? А звать-то тебя как?

— Отец звал меня Соярсу. Соярсу я.

...Он готов был всю жизнь носить ее на руках, но война разлучила их. Субадай не возил за собой жену, как иные. Он бы и взял ее, но мать Соярсу не позволила. На земле хорезмшаха он получил из дома весть. Оказалось, что Соярсу ждет ребенка. Еще несколько месяцев спустя она сообщила через гонцов: «Субадай, сердце мое, я родила сына. Как назовем его?» Он велел передать, чтобы сына назвали Кульканом. Так Субадай стал отцом. У него теперь сын есть.

Впервые в жизни багадур почувствовал, что война начинает надоедать ему. Тянуло домой, к Соярсу, которую он любил и всякий раз вспоминал с тоской.

Субадай вышел из юрты. Где-то в ночи лают собаки, фыркают лошади, вокруг юрты ходят его стражники-кишектины. Субадай пошел в степь. Кишектины увязались было следом, но он приказал им остаться.

Над головой бесконечное глубокое темно-синее небо, расцвеченное россыпями звезд. Вдали темные силуэты гор. В той стороне в воздухе завис тонкий серп луны, того и гляди, опрокинется. Под ногами — влажная трава. Свежо, дышится легко. И все равно это не родина, там не бывает такой духоты, там всегда хочется бегать. Здесь же будто что-то держит тебя за полы, не дает лишний раз повернуться.

А душа все время там, возле Соярсу. Ее мать он с первого дня стал звать мамой, не спросил даже, как зовут. Сначала, когда он на руках принес ее дочь домой, женщина смотрела на него со страхом и подозрением, но после полюбила как родного сына.

Увидев дочь на руках мужчины, мать обо всем догадалась, но кричать не стала. Сердце повидавшей жизнь женщины подсказывало: неспроста этот длинный человек с приплюснутым носом и густыми бровями и несет ее дочь на руках. «Мама, — сказал ей Субадай, ставя свою драгоценную ношу на пол и опускаясь перед матерью на колени, — я пришел по очень важному и трудному делу, потому что сам я и сват, и жених. Мы с Соярсу уже поладили между собой и решили пожениться...»

Яркий серп луны медленно заходит за гору. Чужие горы, чужая степь, чужая земля. Тоскует душа, рвется вдаль, к Соярсу, которая так и стоит перед глазами. Почему же он так скучает, места себе не находит? Джабай вон даже не вспоминает о женах. В юрте у него полно девушек, как будто и войны нет... По Соярсу ли тоскует он? Может, просто по женщине?... Через его руки их столько прошло, но ни одна не привлекла его внимания. Если бы нужна была просто женщина, он тянулся бы к ним.

Субадай представил себе, как Соярсу сидит на шелковых подушках и кормит младенца грудью. Ребенок ухватился ручонками за грудь матери, а она тихо напевает ему про отца, который уехал в дальние страны. И тут же почему-то вспомнилось, как дерзко и грубо овладел он Соярсу в кустах. Багадур застонал от отвращения и досады на самого себя... Да, так вот и заплел Тенгре их волосы в одну косу, дал напиться кумыса из одной пиалы, свел воедино сердца...

Когда Субадай вернулся, уже начинало светать. Не глядя на своих кишектинов, стоявших возле юрты, он прошел внутрь и вытянулся в постели. Было мягко и тепло. Во дворце шаха он взял три перины, две отправил Соярсу, одну оставил себе... Ну почему в последнее время он так часто вспоминает жену? Даже во сне стал ее видеть. Там он любит, ласкает ее, а пробуждается в одиночестве. И долго лежит приходя в себя.

Сегодня багадур проснулся позже, чем всегда: солнце было уже высоко. Он умылся, поел и отправился к брату.

— Я сегодня присмотрю место для будущей сечи, — сказал он Джабаю, который только что подрал глаза. — Хочет того враг или нет, ему придется встретиться с нами там. — За занавеской кто-то кашлянул. — Кто это? У тебя все девушки на уме, абам. Хан что тебе сказал?

— Хан чего не скажет! Ему можно, а нам нет? Ладно, ступай куда шел, не лезь в мою жизнь. Покажешь себя на поле битвы, раз уж на другое не годишься... И не ходил бы ты за мной, как лазутчик какой... Аланы все равно не выпустят нас отсюда...

— Что за чушь ты несешь? Нельзя же так! Забыл, что ли, зачем мы здесь?!

Субадай был очень зол на брата, но больше ничего не сказал, повернулся и вышел.

— Кумыса выпей, может, кровь малость остынет! — крикнул ему вдогонку брат.

Вернувшись к себе, Субадай собрал менбашией и отправился осматривать местность. Они долго кружили, пока наконец не нашли подходящее ровное место. Но придет ли сюда враг, захочет ли? На этот вопрос никто из менбашии ответить не смог. Субадай смотрел-смотрел по сторонам и вдруг сказал:

— Мы не станем драться с аланами. Как говорится, страннику лучше быть в пути — завтра же двинемся дальше. Ну а если аланы станут мешать нам, придется проучить их.

Так все и было. Субадай на обратном пути остановился возле юрты Гомай бека, потом они вместе отправились к Джабай-нойону, чтобы уговорить его выступить немедленно. Тот не стал упираться и дал своему менбашии приказ собираться в путь.

Вперед, как всегда, выслали небольшой отряд разведки, за ним двинулся тюмень Субадай-багадура, потом обоз, и в самом конце шествие замыкал тюмень Гомай бека. Джабай-нойон ехал посередине. Едущий впереди менбашии должен был хватать каждого встречного и доставлять Джабай-нойону, тот же подробно расспрашивал путников об Улуг Мухаммате. Но о шахе никто толком ничего сказать не мог. Менбашии передового отряда Субадай предоставил самых опытных, испытанных в бою воинов. Отряд частенько уходил далеко вперед и даже пропадал порой дня на два, на три. На десятый день менбашии, скакавший впереди, нарвался на аланов. Те остановили отряд, началась битва. Менбашии окружили, но опытный военачальник, участник многих битв, хотя и с потерями, все же сумел вырваться из окружения и вернулся к своим. Он рассказал о битве и предупредил, что не сегодня-завтра аланы будут здесь.

За эти два дня Субадай-багадура словно подменили. В нем снова заговорил боевой задор, он был собран и сосредоточен, что случалось с ним обычно перед сражением. Прежде всего он отправил унбашии, чтобы узнать, в каком направлении продвигается враг, каковы его численность и сила.

Отобрав десять воинов, он раздал им специально изготовленные тяжелые и острые стрелы, способные пробить кольчугу. Вслед за этой десяткой выслал сотню воинов, а за сотней — тысячу. Если враг окружит десятку, на помощь ей придет сотня, а если попадет в беду сотня, ее выручит тысяча. Этого было достаточно, чтобы не упустить врага из виду.

На другой день от пленного узнали новость: аланы объединились с кипчаками. Новость оказалась неожиданной. Субадай всю ночь напролет просидел крепко задумавшись. Он никому не позволил ставить юрты, и сам, захлестнув уздечкой ноги коня, дремал на траве, положив под голову седло. Он был непривередлив во всем и, в отличие от брата, ел любую пищу. По неписаному закону багадур не обязан был кормить своих воинов, они сами должны были добывать себе пропитание.

Только Субадай уснул, завернувшись в теплый чапан, отнятый у хорезмийцев, как начало всходить солнце. Пора было вставать. Буланый жеребец, увидев, что хозяин открыл глаза, зазвенел удилами, тряся головой. В безоблачном небе заливался жаворонок. Багадур вскочил и посмотрел на своих кишектинов, те спали как убитые. Субадай разбудил трубача, приказал ему трубить. Вскоре степь пришла в движение, все зашумели, забегали.

Солнце сегодня было необычного багрово-красного цвета. «Быть сече, — подумал Субадай. — Большая будет битва, вон и солнце кровью умылось». Он всю жизнь поклонялся солнцу и Тенгре, а потому был уверен, что перемена на солнце повлияет на его собственную судьбу. Однако, увидев у мусульман величественные мечети, узнав, что они молятся Аллаху и с его именем переселяются в мир иной, он с некоторым сомнением стал относиться к Тенгре. Чингисхан пришел в страну Улуг Мухаммата не для того, чтобы уничтожить веру здешних людей. Хан приказал не трогать служителей веры. У Субадаю эта его воля вызвала недоумение — не хочет ли хан сказать, что вера мусульман выше его собственной? Среди монголов тоже есть люди иной веры — христиане. Эта вера пришла от уйгуров. Учителя сыновей Джучи-хана были уйгурами. Благодаря своим учителям Батый, Шайбан, Берке, Беркачар стали носить на шее кресты, хотя и продолжали поклоняться небу, Тенгре и носили черные каляпуши. А когда прогнали учителей, угланы, похоже, не перестали молиться по-новому. Потом появились муллы. Вера, поклонение — все перемешалось и запуталось.

Субадай оседлал коня, выпил кумыс, принесенный слугой, и стал жевать казылык. Тут примчался дозорный:

— Багадур, показался враг, менбаши Карахан пригото-

вился к схватке, — выпалил запыхавшийся воин, словно скакал не конь, а он сам. — Менбаши Ильбакты тоже к бою готов.

— Бейте в барабаны! — приказал Субадай. — Заводных лошадей оставить!

Сотни лет кочевые народы пользовались заводными лошадьми. Когда лошадь уставала, воин пересаживался на другую, а первая отдыхала. На поле битвы лошадь могла пострадать, тогда на выручку снова приходила заводная лошадь. Вот почему для воина-кочевника вторая лошадь становилась как бы второй его жизнью. Кочевники испокон веков сражались только в седле, а потому и военачальники их подобное Субадаю, не представляли, как можно воевать иначе. Выбитый из седла кочевник считал себя покойником. Но и кочевники не всегда брали в бой вторую лошадь: заводных оставляли под присмотром нескольких человек.

Субадай-багадур давно усвоил истины: во время битвы воин должен быть одет предельно легко; нужно, сидя в седле, хорошо стрелять из лука; даже отступая, когда этого требует обстановка, надо уноситься быстро и поражать врага из лука на полном скаку. Если враг окажется совсем близко, следует действовать саблей, а не будет сабли — кинжалом. Лошадь терять нельзя ни в коем случае. Живая лошадь — залог выживания воина. Если лошадь будет ранена, есть в запасе заводная, можно пересесть на нее. Во время учений все эти правила повторяются тысячи раз, и все равно на поле боя люди порой теряются. В таких случаях рядом положено быть опытному воину, который своей отвагой должен вселять в новичка уверенность.

Биться без второй лошади труднее, это осложняет положение воина, зато заметно повышается его личная ответственность. Вот почему Субадай-багадур отдал такой приказ. Исход сегодняшней битвы решит не число, а умение, ответственность и понимание того, что другого выхода, кроме победы, у них нет.

Навстречу приближающемуся врагу багадур Субадай посылал тысячу за тысячей. Брату Джабаю он велел держаться справа от себя, Гомай беку — слева. Они без возражений подчинились. На поле битвы Джабай-нойон и Гомай бек становились послушными и с готовностью выполняли все его распоряжения. Джабай любил повторять, говоря о брате: «На войне в него вселяется сам бес», — то ли хвалил, то ли поддразнивал.

Битва едва завязалась, а передние ряды уже со скоростью ветра понеслись вспять. Субадай жестом дал понять Джабай-нойону и Гомай беку: пора их тюменям начинать нас-

тупление с двух сторон. Один из кишектинов с желтым знаменем в руках, выполняя его приказ, махнул полотнищем налево, потом направо — оба тюмена разом бросились вперед. На дружный клич: «Ура-а-а, окружай!», казалось, откликнулась вся степь — все живое вдруг пришло в движение.

Битва продолжалась до вечера, ни одна из сторон не могла одолеть другую. Субадай-багадур, не в силах сдержаться себя, несколько раз бросался в бой, но быстро возвращался на свой холм. Лишь когда начали сгущаться сумерки, он приказал отступить. Враг, видно, тоже порядком был измотан — новых попыток напасть не делал.

Настроение у Субадае было плохое. Он не помнил случая, чтобы противник держался так долго. Первая же битва кончалась обычно тем, что он обращал врага в бегство, брал в плен либо преследовал. А тут не смог продвинуться ни на шаг, а местами враг сам теснил его.

Выставив вокруг своих отрядов часовых, три тюменбаши сошлись на совет. В юрте, разбитой возле обоза, было душновато, в воздухе, казалось, стоял запах крови.

— Потерь было немало, — заговорил Гомай бек. — Моих полегло около двух сотен.

— Я тоже много потерял, но зато мы узнали, насколько силен враг. Он не выпустит нас отсюда. Что будем делать? — Джабай-нойон расстелил карту так, чтобы всем было видно.

— Будем биться, — сказал Субадай-багадур. — Мы одолеем их.

— Аланов одолели бы, но теперь, когда с ними кипчаки, вряд ли. Эти дерутся хорошо, нам не уступают. — Гомай бек поднял глаза на Субадай-багадура, чтобы посмотреть, какое действие оказали его слова.

— Будем биться, — повторил багадур, — мы победим. Ну а если и не победим, то им нас все равно не одолеть.

— Может, стоит к кипчакам послов отправить? — проговорил Гомай бек, глядя на Джабай-нойона. — И они, и мы кочевники, судьбы у нас похожие.

— Если кипчаки уйдут от аланов, путь нам откроется, — сказал Джабай-нойон. — Видел я, как аланы дерутся, в одиночку им перед нами не устоять. Отправлю к кипчакам Ильбакты. Он через огонь и воду прошел.

— Менбаши может и не вернуться, — возразил Субадай.

— Ладно, будь по-твоему, Джабай-нойон, — сказал Гомай бек, прекращая разговор.

Никогда не боялся Субадай встречи с врагом с глазу на глаз. Во многих битвах сам в первых рядах бросался на врага, поднимая саблю над головой. Но с недавних пор, после

того как женился на Соярсу, а в особенности после рождения сына Кулькана, он перестал рисковать своей жизнью. Воины по-прежнему верили в него и слушались беспрекословно. Он посылал своих бесстрашных унбаши в самое пекло боя, и те шли туда...

Тюменьбаши снова подсчитали свои потери. Убитых с обеих сторон было немало. Из одного лишь тюменя Субада погиб один менбаши, больше десяти езбаши, много воинов.

Боясь, что волки сожрут погибших, с обеих сторон было позволено собрать останки и предать земле.

Они долго сидели, боясь смотреть друг другу в глаза. Бавырчи* принес араки, и Джабай опрокинул в себя полную пиалу.

— Да, война — это тебе не застолье, — проговорил он, как бы подводя черту. — Нужно теперь же отправить к кипчакам посла. Пообещаем все, что у нас есть, — скот, добычу, золото.

— Отдадим все, что добыли? — спросил Гомай бек. — А сами с чем останемся?

— Прежде всего мы должны выполнить волю хана.

— Ты прав, отдадим. Были бы головы целы — добыча будет.

Послов отправили очень рано на заре. Аланы не должны были видеть их. А потому Ильбакты повел свой отряд не прямо к стану хана, а кружными путями и добрался благополучно. Воины хана скрутили им руки, связали и привели к своему повелителю.

Менбаши Ильбакты попросил развязать ему руки, но хан не позволил. Посол опустился перед ханом на колени и пересказал ему все, что было велено его военачальниками. Сказал, что они такие же кочевники и не хотели бы драться с родственным народом. Если высокочтимый хан согласится бросить аланов и уйти завтра же, к его стану будут доставлены семнадцать возов добра, скот и золото. Самому хану лично в руки будет передано пять тысяч золотых монет.

Молча выслушав все это, хан взглянул на своих подданных. Послов выставили из юрты и долго совещались. Кто-то, видно, не соглашался с ханом — доносились громкие сердитые голоса. Но в конце концов решено было не отказываться от дармовой добычи, забрать золото и вернуться восвояси. Позвав послов, объявили им о своем решении и отпустили в сопровождении своего поверенного.

* Б а в ы р ч ы — кашевар.

Послы преподнесли согласие кипчаков как радостную весть. По приказу нойона Джаба все уже было готово к отправке: добро погружено в телеги, золото отсчитано. Поверенный кипчаков со своими людьми, не задерживаясь, отправился назад. С ними поехал унбаши с мешком золота, который он должен был отдать в руки самого хана Кончака.

На другой день унбаши вернулся, получив обещание, что с наступлением темноты хан тайком тронется в путь, вернется в свою степь. Субадай снял с себя багадурскую саблю и отдал унбаши за хорошую весть, а сам начал готовиться к схватке с аланами.

Застучали барабаны, зазвучали боевые трубы — тюмени пришли в движение. Субадай-багадур не стал интересоваться, ждут их аланы или нет, силами одного своего тюменя окружил их главный стан, приказал крушить врага и не брать пленных.

К заходу солнца у аланов не оставалось ни одного боеспособного воина: все, кто мог бежать, бежали, но недалеко — их преследовали быстрые кони, вдогонку со свистом летели стрелы, мало кому удалось уцелеть.

После этой битвы отдыхали почти месяц. Джабай-нойон проводил время с девушками, а багадур снова стал тосковать по своей Соярсу. Порой он удивлялся: отчего это ему снится только Соярсу? Ведь были же у него и другие близкие люди. Почему не снятся Чингисхан, покойные отец с матерью? Или уважаемый Даргинтай — редкий умелец по изготовлению стрел?..

Награбленное Джабай-нойон переправлял на родину, для этого были у него особые обозы. Большие торговые пути, связывавшие монголов с родиной, Чингисхан поручил охранять надежным своим нойонам. Одежда, вещи, возможно, и не доходили до Соярсу, а если и доходили, то вряд ли радовали ее, потому что ей нужна была не добыча, а он сам, ее Субадай...

Субадай лежал, предаваясь воспоминаниям, когда в юрту к нему привели торговца со связанными за спиной руками.

— Развязать его! — приказал багадур своему кишектину. — Садись, торговец!

Тот с готовностью сел и сразу же заговорил:

— Я из страны болгар, багадур. Страна моя на реке Идели.

— Покажи, где твоя страна!

— Вот она, вот, на противоположном берегу Идели, протянулась до реки Джаек, занимает середину Чулман-реки.

Страна, на которую показывал торговец, была далеко, не мог Улуг Мухаммат бежать туда. Скорее всего пересек море, да тут и осел.

— Знаешь ли ты шаха по имени Улуг Мухаммат, торговец?

— О Аллах, да как же мне не знать его? Это тот, что владел государством, держал в своих руках весь Туран. Пусть Аллах покарает того шаха, будь он неладен! Бросил страну свою, народ и сбежал куда-то. Глупец, не понимает, что от судьбы не убежишь.

— У торговца много добра? — спросил Субадай своих людей.

— Да не так много — пять верблюдов, еще десять торговцев с ним да две женщины...

— Охранники были?

— Больше пятидесяти. Десять человек закололи копьями: они пытались воевать с нами.

— Остальных по одному раздайте унбаши! — распорядился Субадай-багадур.

Вскоре груженных верблюдов подогнали к юрте, женщин ввели к багадуру. Он велел им открыть лица. Те медлили, не понимая. Наконец кишектин сдернул с них покрывала. Странное дело, одна из молодых женщин не только лицом и фигурой — всем своим обликом напоминала Соярсу. Субадай, не веря глазам, невольно улыбнулся ей. Раньше он всех женщин, не глядя, отправлял к брату, но теперь сказал:

— Девушек за занавеску!

Потом спросил торговца:

— Что за товар у тебя?

— Это не товар, багадур, а приданое, которое шах отправил со своей дочерью.

Субадай ничего не понял:

— Какое еще приданое! У торговцев товар, а не приданое.

Оказалось, что торговец, которого звали Ярулла, везет невесту для сына болгарского хана и ее приданое. Всюду война, вот они и задержались. А теперь еще и к монголам попали.

— Дочка шаха, говоришь?! — Субадай-багадур прямо-таки подскочил на месте, поняв наконец, с кем имеет дело. — Которая из них?

— Та, что поменьше. А другая — дочь Карачи, служанка ее.

На вопрос багадура, куда мог скрыться шах, Ярулла отвечал:

— Думаю, Улуг Мухаммат бежал за Хорезмское море. Мы выехали давно, и все время, пока шла война, сидели в горах, сбившись с пути.

Субадай вышагивал по юрте, размышляя о чем-то. Наконец откинул занавеску и посмотрел на девушку, похожую на Соярсу.

— Вот что, торговец, я отпущу тебя и твоих верблюдов, но с одним условием: как только доберешься до дома, пошлешь ко мне гонцов. Мне надо знать, шах у вас или нет. Если же гонца не будет, помни: мы еще встретимся, и тогда я рассчитаюсь с тобой, так и знай! Шахскую дочку заberi с собой, а служанка здесь останется. Заложницей. Ну, договорились? Дочку Карачи как зовут?

— Ее зовут Карлыгач, багадур.

Торговец начал торопливо кланяться. Он никак не ожидал, что живым унесет отсюда ноги. На радостях потянулся к багадуру, желая поцеловать краешек его чапана.

— Отпустите торговца, и дочка шаха пусть едет! Дочка карачи остается у меня, — сказал он, впервые в жизни почувствовав, как заливается краской в присутствии своих кипчатинов, — горели даже уши. Но что сделано, то сделано, и он не раскаивался в этом, напротив, был рад. Вот и он, как старший брат, станет держать у себя девушку.

Шахской дочери вернули покрывало, и Ярулла бережно повел ее к выходу. Карлыгач бросилась было следом, но Субадай поймал ее.

— Нет, ты останешься, — сказал он.

Казалось, девушка поняла его и послушно ушла за занавеску.

«Видно, привыкла к покорности, иначе так просто не обошлось бы», — подумал Субадай-багадур. Он приказал охранять пленницу и вышел из юрты. Хотелось поделиться с братом своей радостью.

Джабай-нойон был у себя и казался опечаленным чем-то.

— Сколько золота, сколько добра пришлось отдать кипчакскому хану! Жалко, все пропало... Ты был прав, Субадай, мы и без того побили бы их, — пожаловался он.

— Я отдал столько же золота. Гомай бек тоже... Ну а если жалеешь свое золото, мы вернем его.

— А как?! — Джабай впился глазами в Субадаю.

— Отвоюем. Кипчаки — кочевой народ. Сейчас весна, все они разбрелись по своим джайляу. Отправить в разные стороны по три-четыре менбаши, да и собрать все, что отдали.

— Ха! Ну и голова у тебя, братец! А ведь, если подумать, сделать это не так уж и трудно будет.

— Только делать нужно очень быстро, — сказал Субадай.

— Как это быстро? Надо бы подумать сперва. А если не получится? Знаешь, лишний раз посоветоваться не помешает...

— А я завтра же отправлю своих менбаши в кипчакские джайляу. Пусть разыщут их, отберут все, что мы им дали, да

еще пограбят хорошенько. Думаю, хуже нам от того не станет, небось добра у кипчаков немало.

— Ступай Расскажи все это Гомай беку! Я тоже отправлю своих менбаши. Нашим только дай грабить!

* * *

В течение месяца кипчаки, разъехавшиеся по своим джай-ляу, были ограблены. Монголы вернули себе все, что отдали, да еще и с лихвой. Джабай-нойон приказал погрузить добычу в обозы и приставил к ним усиленную охрану. Оставив обозы и пастухов, отправились на поиски новых кочевых становищ. В конце концов нарвались на кипчакское войско во главе с ханом Кончаком. После ожесточенной битвы кипчаки дрогнули и побежали, монголы бросились догонять их и гнали до самого Днепра. Добравшись до реки, некоторые предлагали переправиться на другой берег и продолжать преследование, другие были за то, чтобы вернуться. Субадай-багадур, расспросив пленного, какие за рекой лежат страны, сказал на вечернем совете:

— Давайте переберемся на другой берег да поглядим, что там дальше!

Но нойон с беком не согласились. Лучше остановиться здесь, сказали они, дать коням отдых, а за реку можно отправить дозор. На том и поладили.

Дозорные вернулись через три дня, рассказали, что видели величественный город. После долгого совета было решено отправить к князю того города послов. Нашли и повод: князь якобы укрыл у себя кипчакского хана Кончака. Они уйдут лишь в случае, если киевский князь Мстислав Романович выдаст им хана.

— Пусть послы скажут: мы пришли не затем, чтобы драться с вами или отнять у вас землю, мы пришли за ханом Кончаком. Знаем, что кипчаки причинили вам много лиха. Давайте объединимся да вместе изведем кипчаков, — сказал Джабай-нойон. — А не согласятся, пусть на себя пеняют! В город заходить не станем, пасти скот на их землях не будем, но и без битвы не уйдем.

Субадай-багадур одобрительно кивнул. Такой план ему нравился. Послов с утра переправили через Днепр, и они поскакали в город Киев.

Послов ждали два дня, ждали три дня, наконец терпение Субада лопнуло и он пошел к брату.

— Послы не вернулись, — сказал он, — что делать будем, если их убили?

Джабай велел принести кумыс.

— Пусть войны и лошади отдыхают пока, будем поддерживать связь. Наберись терпения, подождем еще. Вернутся они.

— А если не вернутся?

— Не вернутся, так там видно будет. Считай, что нам не удалось стравить урусов и кипчаков.

— Значит, будем биться?..

— Нам это не впервой...

— Далековато ушли мы с тобой, брат. Ведь мы явились не для того, чтобы кипчаков гонять.

— А разве плохие здесь пастбища? Если бы Чингисхан увидел эти земли, то и сам остался бы. Земли, что отняли у хорезмшаха, своим угланам отдал, а нам с тобой что?! Если живы будем, попрошу хана, чтобы эти земли отдал тебе и мне.

Субадай-багадур окинул взглядом бескрайнюю степь, поросшую сочной зеленой травой, и некоторое время молчал. А что, брат дело говорит: разве плохо бы нам здесь было? Да он хоть сейчас готов остаться. У него есть Карлыгач, широкая степь, пастбища... Но где-то очень далеко осталась Соярсу, каково ей там будет одной, без него? Субадай не забыл ее, он вернется на родину.

Вернется, соберет собственное войско, заберет Соярсу с сыном и назад. Карлыгач тоже с ним будет. Живет же хан с семьей или восемью женами, и он будет жить.

— Ладно, пойду я, — сказал Субадай-багадур.

— Если урусы пойдут на нас, то в первую голову на тюмень Гомай бека накинута, так что поблизости будь, — сказал Джабай и махнул рукой, отпуская брата.

У себя в юрте Субадай-багадур поел, попил и велел все убрать. Потом позвал Карлыгач:

— Иди сюда, больше никто не войдет к нам. Я соскучился по тебе.

— Благодарю тебя за то, что сохранил жизнь дочке шаха, — сказала Карлыгач. — Она — стоворенная невеста.

— Вот возьмем Булгар, еще увидишь ее.

— Не надо брать, ведь Булгар так далеко.

— Говорят, Улуг Мухаммат туда сбежал. Я должен найти его и доставить к хану.

— А для чего ему шах?

— Он должен умереть. Так хочет хан. Без того не будет хану покоя. А ты как попала в семью шаха?

— Меня торговцы ему продали. Стала дочери его прислуживать.

Субадай обнял девушку и осыпал ее горячими ласками — всю, с головы до ног. Он чувствовал, как послушно прильнуло к нему гибкое молодое тело, и таял от счастья.

Девушка не сопротивлялась, ведь она была пленницей. С детства усвоила Карлыгач истину, что в неволе положено быть покорной, и это помогло ей быстро привыкнуть к своей участи. Она не любила Субадай и не смогла бы никогда полюбить, но сказать ему об этом не смела.

Послы не вернулись и назавтра. Субадай снова пошел в стан брата. Гомай бек уже сидел там, перед ним стояла пиала с аракой.

— А, проходи, садись! — сказал Джабай. — Вот советуемся тут: кипчаки-то могут ведь объединиться с урусами против нас. А мы сильно удалились от основного нашего стана. Вот и думаем: не вернуться ли?

Еще вчера брат говорил совсем другое, а сегодня уже собрался домой. Видно, при Гомай-беке не хочет раскрываться. Мечтал ведь стать хозяином здешних мест. Субадай долго молчал, налил себе араки, выпил. Взяв в рот кусок казылыка, принялся неторопливо жевать.

— Никуда не двинусь отсюда, пока не дождусь послов! Грузины с армянами тоже объединялись, так одолели же. Справимся и с этими. В город заходить не станем. Чингисхан запретил нам заходить в города. Но, не одержав победы, не сойдем с этого места.

— Ты, Субадай, как зурнай, право, заладил свое: Чингисхан да Чингисхан. Уж целый год я лица его не видел, одних только гонцов.

— А еще нам надо узнать, что за народы здесь живут. Мне все тут нравится — степи, луга, река, — сказал Субадай и потянулся за сухим творогом, кортом, бросил его в рот и стал лениво жевать, — очень даже нравится!

— Обмануть урусов нам не удалось, это так, — сказал Гомай бек. — Они и вправду могут объединиться. Вчера я торговца остановил. Урус в Киев возвращался. Сказал, что стены города высоки, взять не сможем.

— А я и не собираюсь брать, буду ждать, пока сами не выйдут. А они выйдут когда-нибудь, не стерпят. Ты, Гомай бек, завтра пойдешь туда и разобьешь лагерь прямо под Киевом.

Оба тюменбаши слушали его молча — не возражали, но и не соглашались.

— Ладно, будь по-твоему, Субадай! — проговорил наконец Джабай-нойон.

А Гомай бек так и не проронил ни слова. С некоторых пор он вообще с братьями был настороже. У него и язык другой, и обычаи не те, он совсем другого роду-племени и не всегда понимает этих людей, с сомнением прислушивается к их планам, особенно после того, как они хитростью и обманом

развели аланов с кипчаками. Но пройдет ли это сейчас? Правда, вероломство на поле битвы Чингисхан тоже не считает преступлением и даже записал это в своде своих законов — Ясе. «Умение обмануть врага, — сказано там, — считается доблестью». Но сегодня на верном ли они пути?

Субадай был вне себя от злости при мысли о том, что хан Кончак мог укрыться в Киеве, да еще собирается объединиться с урусами. Его мечта со временем перебраться сюда, стать хозяином всех этих просторов и брать с Киевской Руси ясак была не так уж неосуществима. Мечту эту вселил в него брат, спасибо ему за это.

— А где он, этот твой торговец? — спросил он Гомай бека. — Я сам хочу допросить его.

— Вызови и допроси, коли хочешь, — ответил тот безразличным голосом.

Торговца вскоре привели. Кутаясь в красный кафтан, он стоял перед тюменьбаши, часто кивая головой.

— Как зовут князя, который сидит в Киеве? — спросил Субадай, уставясь на толмача.

— Великий князь Мстислав Романович. Человек он старый уже, гордый, упрямый и злой.

— А если послом тебя к нему отправим?

— Боже упаси, да разве можно?! Великий князь не пощадит меня.

Субадай-багадур бросил торговцу мешочек с золотом. Тот поднял его и, прикинув на ладони, спросил:

— Что сказать мне великому князю, багадур? — Он обратился к Субадаю, решив, видно, что он здесь самый важный.

— Узнай, что стало с нашими послами, что сделал с ними князь. А остальное не твоего ума дело. Не вернешься, так перерубим всех твоих спутников. Сына тоже.

Торговец на свою беду взял с собой в этот раз сына, думая, что ему полезно будет поучиться торговому делу, да и трудности дороги на себе чтоб испытал. Сын Александр, которому только что исполнилось пятнадцать, сейчас был в стане Гомай-бека, где его стерегли кишектины.

— Согласен я, багадур, — сказал торговец, — сегодня же и отправлюсь.

Торговец, которого звали Никитой, перекрестился и спиной попятился к выходу.

— Булгарского торговца так же вот отпустили, — проворчал Гомай бек, которому не нравилось самоуправство багадура. Джабай-нойон положил ему руку на плечо:

— Эх, была не была, пусть идет! У него же сын здесь остается... А дома там с золотыми крышами, видать, народ

богато живет. У князя — поди, и войско немалое. Торговец сказал, что родственник князя Мстислав Удалой якобы зять Кончак хана. А потому я не удивлюсь, если они вступятся за него.

Субадай места себе не находил. Его так и подмывало перебраться на тот берег и напасть на город. Только запрет Чингисхана удерживал его. Словно сговорившись, нойон с беком в последнее время ни во что не вмешивались, приходилось все решать самому. И вчера, когда речь зашла о том, чтобы переправить тюмени за реку, оба промолчали. Но после сегодняшнего разговора Субадай и сам решил повременить, не трогать пока тюмени с места.

Торговец, отбывший в Киев, неожиданно появился в его юрте через неделю. Субадай-багадур отправил сидевшую у него на коленях Карлыгач за занавеску и уставился на вошедшего, который, казалось, оцепенел у входа. Он сильно изменился: черная борода пострижена кружком, на ногах крепкие сапоги с чуть потертыми голенищами, на груди крест.

Субадай выглянул из юрты и крикнул:

— Хасдай, толмача сюда!

Толмач не заставил себя ждать — вошел, поздоровался склонив голову. Багадур кивнул торговцу: мол, рассказывай.

— Первых твоих послов великий князь Мстислав Романович велел зарубить, а вторых утопил в реке, багадур.

Слова торговца не сразу дошли до сознания Субадаю, лишь после того, как тот повторил еще раз, он с силой сломал плетку и швырнул Никите в лицо.

— Прочь с глаз моих! — заорал он.

Субадай-багадур не испугался, ведь он был в степи, а степь для него — дом родной. В степи он птица, сокол, дикая лошадь, не ведающая узды. И вдруг подумалось: лошадь, как бы она ни была хороша, тоже когда-нибудь падает за смертью. До буланого жеребца у Субадаю было много быстрых скакунов. Вот несется конь из последних сил и... падает. Но перед тем из-под брюха на дорогу клочьями летит белая пена. Потом конь останавливается и с коротким ржанием, похожим на стон, падает на передние колени, потом валится на бок и откидывает ноги. Поднять голову у него уже нет сил, и он одним только глазом смотрит в небо. Глаз наполняется слезами, которые скатываются на землю... С годами Субадаю все тяжелее было смотреть на умирающую лошадь. Она умирает очень тяжело. Ему кажется, что человек гораздо легче расстается с жизнью. Он видел очень много смертей. На войне человека убить — обычное дело. Сам он, правда, ни разу даже ранен не был, Тенгре берег его, даже

когда он оказывался один в окружении врагов. А жизнь врага он не ставил ни во что.

Вот и теперь он без сожаления приказал зарубить торговца, а сына его посадить в лодку и отправить на противоположный берег Днепра. Он должен был донести до урусов дурную весть. Его возвращение в Киев должно заинтересовать князя. В его мешке они найдут убитую змею. Они поймут, что к чему: это значит, что великого князя ждет такая же смерть.

Поручив кишкектину Хасдаю привести свою волю в исполнение, Субадай вскочил на буланого жеребца и поехал к реке. Ему хотелось своими глазами увидеть, как сын торговца доберется до противоположного берега, как киевляне встретят его. Убедившись, что все вышло, как он и полагал, Субадай вернулся к своей юрте. Собрав менбаши, он затеял военные игры. После игр вызвал толмача и усадил его за письмо великому князю. Содержание письма он уже знал: «Мы не собирались захватывать ваши города и крепости, не забирали в плен ваших женщин. А вы зарубили наших послов. Вы будете драться с нами. Выходите! Кого Тенгре выберет, тот и победитель!»

Субадай-багадур взял письмо и прошелся по нему глазами, хотя и не умел читать. Одному из кишкектинов он приказал выехать в лодке на середину реки и, привязав письмо к стреле, выстрелить. Теперь он уже не сомневался: быть битве. Купец Никита говорил, что у князя войско большое и хорошо вооруженное. Значит, битва будет опасная, но Субадай им все равно не одолеть. Превосходство противника в числе его не страшило, когда надо, он и отступать умел, чтобы после внезапным и стремительным рывком опрокинуть пришедшего в замешательство врага. Подумав, Субадай решил, что не стоит объединять тюмени. Если урусы увидят, какими силами он располагает, не осмелятся выйти на эту сторону реки. Гомай беку он сообщил через гонцов, чтобы спустился со своим тюменем вниз по течению и остановился там на расстоянии видимости костра. Правда, бек мог и не выполнить распоряжения Субадай-багадура, но раз уж он однажды подчинился, то, возможно, не станет ерепениться и теперь.

На другой день, узнав, что Гомай бек все же переместился на новое место, багадур чуть не вскрикнул от радости.

Но к вечеру радость эта превратилась в беду. Гомай бек разбил стан, велел поставить юрту и объявил своим менбаши: «Будем отдыхать!». Те же, прихватив с собой небольшие дружины, отправились грабить окрестные хутора. В это время князь Мстислав Удалой с ханом Кончаком переправи-

лись через Днепр, напали на стан бека, перебили оставшихся при нем воинов и взяли в плен самого Гомай-бека, который безмятежно развлекался в юрте с девушками. Обиженный монголами Кончак хан утолил свою месть тем, что собственноручно зарубил вероломного бека саблей.

Получив столь прискорбную весть, Субадай-багадур поспешил к брату, но увидев, что он тоже мирно отдыхает с девушками, напустился на него с бранью и велел одеться.

Джабай сел на подушки и поднял на Субадаю глаза:

— Что случилось, какая муха тебя укусила? — спросил он.

Субадай едва сдерживался, невозмутимость брата приводила его в бешенство. Поостыв немного, он повторил:

— Гомай-бек попал в плен, тюмень его разгромлен! Князь Мстислав отнял все его добро!

— А ты куда смотрел, почему не бросился вдогонку?! Разве не ты взял командование в свои руки?

Нойон встал, оделся и, выглянув из юрты, приказал кикештину, стоявшему у входа:

— Сворачивайте юрту, едем к нашим обозам!

— А я что же, один останусь?! — Субадай не верил своим ушам.

— Делай что хочешь. Я ухожу.

* * *

Разгром непрошенных гостей, пленение крупного монгольского военачальника, богатая добыча — все это подняло Мстислава Удалого в глазах соотечественников. Великий князь Мстислав Романович даже позавидовал ему.

С утра пришла новость:

— Великий князь, враг бежит! Удирают!

Если до сих пор Мстислав Романович сомневался, то теперь решение его было твердо — он отдал приказ преследовать монголов. Войско урусов быстро переправилось через Днепр и пустилось вслед за убегающим врагом.

Было жарко, воздух раскалился так, что казалось, мозги вот-вот закипят. К вечеру кони вымотались, решено было сделать привал. Тут к ним присоединилось кипчакское войско. Настроение у хана Кончака после того, как удалось расквитаться с беком, было бодрое.

— Ну вот, теперь не мы от них, а они от нас улепетывают! — хвастался он.

После нескольких дней преследования обе стороны остановились.

— Они, похоже, не собираются уходить, будут драться с нами, — сказал великий князь и, выбрав место повыше, при-

казал раскинуть шатры. Молодой князь заметил, проезжая мимо:

— Ну кто же ставит шатры в степи?

Хану Кончаку, как и его зятю, это тоже не понравилось. Великий князь велел, как было принято еще у древних скифов, заколачивать в землю колья и скреплять оглоблями.

— На зиму, что ли, обосновывается? — проворчал он.

— Так то ж киевляне, черви городские! Они и поесть-то не могут, пока кол в землю не загонят, — сказал князь Удалой, вторя тестю.

* * *

Князь Удалой, как и хан Кончак, спал на земле, подложив под голову седло. Он проснулся рано. Трава была еще мокрой от росы, на небе ни единого облачка. Над головой кружили вороны. «Будто чувят что-то», — подумал князь. Хан тоже был на ногах и стоял, всматриваясь туда, где должен был находиться противник.

Удалой приказал трубить подъем. Вскоре дружины сплотились вокруг своего князя. Кончак хан построил свое войско слева. Подъехавший дозорный доложил:

— Враг тоже готовится к бою!

Князь кинул взгляд на холм, где Мстислав Романович приказал разбить шатры. Там все было спокойно. «Знать, не хочет воевать вместе с нами», — подумал он. Видя, что князь озабочен чем-то, хан спросил:

— А не дожидаться ли нам войска великого князя?

— Да ведь он и не думает воевать, собирается, похоже, сквозь оглобли поглазеть, как мы биться станем. Пусть поглядит, коли стыда нет! А победим, так ведь выйдет добычу делить. Ну, с Богом!

Мстислав Удалой выхватил саблю и высоко поднял над головой:

— Вперед, братья!

Княжеские дружины упруго, словно стрела, выпущенная из лука, врезались во вражеские ряды — слева войско хана, справа войско князя, — и сражение началось.

Густыми клубами летела пыль, ржали лошади, сверкали на солнце шлемы, на росистую утреннюю траву ручьями лилась горячая кровь. Всюду слышались крики и стоны, люди падали из седел, иные, зацепившись ногой о стремя, волочились за бегущей лошадью, клинки сверкали, словно молнии, — все перемешалось.

В какой-то миг показалось: воины князя теснят монголов, но это продолжалось недолго. Монгольские всадники

резко повернули вспять и окружили княжеские дружины. Князь Удалой в сопровождении надежных воинов сумел разорвать вражеское кольцо и вырваться из него. Он тотчас послал гонца к великому князю.

Увидев, что прибыли свежие силы, монголы снова обратились в бегство. Князь кинулся вдогонку — кого-то застрелил из лука, кого-то зарубил саблей, — и вдруг снова увидел себя в окружении. Враг неожиданно ввел на поле битвы дополнительные силы.

Сначала дрогнули и побежали воины князя справа. Прошло немного времени, и было развеяно войско хана слева. Все спасались как могли. Смелый и решительный князь, размахивая саблей, сумел увести дружину в несколько сотен смельчаков к реке Змеиной. Он был ранен, но все же благополучно преодолел реку и бросился наутек. Монголы гнали их лишь до берега.

Сам Субадай на этот раз в битве не участвовал, командовал своим тюменем, стоя на возвышенном месте. Разгромив дружины князя и хана, он окружил стан великого князя киевского. Они бились целый день, потери с обеих сторон были немалые. На другой день Субадай предложил князю сдаться в плен или откупиться золотом. Великий князь сложил оружие, и битва прекратилась. Но он не подозревал, как коварен и вероломен враг, как часто обманывал он своих доверчивых противников.

С киевским князем поступили точно так же. Едва Мстислав Романович вышел к врагу, Субадай зарубил старика на глазах его же воинов. Зятя и сыновей князя связали и бросили под решетку юрты, сверху настелили кошму, и багадур отпраздновал победу с наиболее храбрыми из своих воинов, сидя на ней. Некоторые из тех, кто лежал под кошмой, задохнулись.

Разгромив урусо-кипчакское войско, Субадай окончательно уверовал в мечту, которую подсказал ему брат, — они непременно вернутся сюда, в эту бескрайнюю степь с густой сочной травой, будут все лето пасти скот и заживут на славу. Чингис-хан не станет возражать. Он сам скажет ему об этом, раньше брата Джабая.

Из последней битвы он понял одно: кипчаки и урусы — серьезные воины, бьются не щадя себя. Если удастся сюда вернуться, двух-трех тюменей будет маловато.

Неделю отдыхали, собирали оружие и одежду урусов. Плоскыня, перевозчик, нашел для них телеги. Степь оказалась вовсе не такой уж безлюдной: там и сям встречались кочевья незнакомых народов, торговцы бороздили ее вдоль и поперек. Кого-то из них Субадай останавливал, кого-то пропускал.

Через неделю к брату пожаловал Джабай-нойон. Такого еще не бывало, чтобы старший брат приезжал к младшему. Субадай принял гостя приветливо, усадил на почетное место.

— Мы победили, абам! — сказал он. — Степь наша! Разве не ты задумал это?

— Мне ничего не надо. Давай поедem назад, хан уж заждался, наверное.

— Я отправил к хану гонца. Из урусов и кипчаков можно сколотить хорошее войско. Спросил у него разрешения. Вот дождемся гонца, тогда и двинемся. И потом нам же в Булгар надо. Улуг Мухаммат там должен быть.

— Мы набрали столько добра, что девать некуда. У каждого воина по подводе. Я больше не хочу воевать.

— А хану мы что обещали? Не плюнет ли он нам в глаза?

— Не плюнет. Я устал. Мы уже три года мыкаемся по чужбине.

— Думаешь, я не устал? Половина моего тюменя полегла в последней битве. Если хан даст свое согласие, я, прежде чем выступить, наберу воинов. А уж после пойдем на Булгар.

— Забери тюмень Гомай-бека себе. Все они почему-то ко мне пришли. Я вообще не желаю больше воевать. Никогда! Давай уйдем из этой проклятой земли, Субадай, во имя Тенг-ре прошу тебя...

Субадай поставил пиялу и взял в руки плетку.

— Джабай-нойон, — повысил он голос, — не забывай, кто дал тебе это высокое звание! — Хан, Чингисхан! И он сказал нам: пока не поймаете хорезмшаха, не возвращайтесь.

— Да где ж он, шах этот?

— В Булгаре, у болгарского хана.

— Да что это еще за Булгар такой? Кто бывал там, кто знает?! Мы степь завоевали, которой нет ни края, ни конца, так чего ж тебе еще надо?!

— А вот если хочешь знать, где Булгар, смотри сюда! — Субадай расстелил карту, начерченную Юляем на белой кошме. — Вот он, Булгар, вот! Прямо на дороге. Ты же знаешь, абам, назад мы пойдем не тем путем, по которому пришли, а другим. Те земли уже наши. А шах в Булгаре сидит. Нутром чую, там он. И торговец Ярукай шахскую дочку не куда-нибудь, а в Булгар повез. Улуг Мухаммат либо дочку вперед отправил, либо сам раньше поехал. Как бы там ни было, мы найдем его. А если он мертв, я хотя бы голову его к ногам хана положу.

— А если найдешь дочку шаха, что делать станешь?

— Шахскую дочку? Ты же у нас любитель девушек, тебе и отдам.

Смотрел Субадай на брата и не знал, смеяться ему или плакать. Старший брат его сидел, повесив голову, избегая смотреть на брата-багадур. А ведь три года назад, когда они отправлялись в поход, глаза его сияли отвагой.

— Тянет меня домой, на берега Кураляна, Субадай. Хан нежится в Гулестане, хлещет кумыс, милуется с девушками, а мы, глупцы, рыщем по всему свету, шаха ему ищем. Да кто он такой, Чингисхан этот? Забыл, что ли, как с хомутом на шее в кузне отца мехи раздувал?

На этот раз Субадай-багадур промолчал. Брат был прав. Кем был хан? Если бы они не знали — одно дело, но ведь знали же. Сердце Субадаю не камень, он тоже тоскует по лугам Кураляна, поросшим желтой полынью. А Соярсу, а сынок Кулькан, который родился без него?.. Как вспомнит о них, душа так и рвется на части...

— Давай еще потерпим немного, абам, пусть хотя бы гонец вернется! Коли позволит пополнить войско урусами и кипчаками — двинемся на Булгар, а не позволит — берегом моря к хану вернемся. А заодно узнаем, собирается ли он ждать нас в Гулестане.

— Думаю, слишком уж долго терпеть нам придется.

— Не спеши, гонец обязательно вернется! Я верю в Хасдая, через огонь и воду вместе прошли. Сердце у него храброе!

— Ищи повитуху, — сказал Джабай. При этих словах на сердце Субадаю потеплело. — Хочешь, сам найду ее для тебя?

— Благодарить тебя буду, найди! Карлыгач и в самом деле родит скоро.

* * *

Как только от хана было получено добро, Джабай-нойон с Субадай-багадуром принялись набирать воинов из местных народов. За короткое время Джабай пополнил свой тюмень и сверх того набрал две тысячи человек. Субадай тоже не дремал, а еще он взял себе воинов Гомай бека. Снова сколотили большое войско. Вопрос: идти на Булгар или не ходить разрешился сам собой.

Прежде чем выступить в поход, стали собирать сведения о булгарском хане, о его народе, о войске. Останавливали каждого торговца, который шел из Булгар, а с теми, кто направлялся вверх по Идели и Каме, отправляли своих людей. Узнав, что в Булгаре сильное войско и довольно всякого оружия, Джабай-нойон снова завел свою песню: «Может, не стоит нам в Булгар идти?», чем вызвал у брата досаду.

Багадур ругался, дулся на нойона, подолгу не заглядывал к нему.

Наслушавшись разговоров о том, что реки в Булгарии молочные, а берега кисельные, что главный город огромен, а базары сказочно богаты, Субадай пришел к брату и, постукивая плеткой по голенищу сапога, решительно заявил:

— Абам, я иду на Булгар. Сам знаешь, что бывает с теми, кто покидает своих в трудную минуту — отделившегося, как в народе говорят, медведь задерет, отделившегося волк съест. Думаю, ты не оставишь меня, вместе пойдем.

— Тебе что же, богатства Булгара покоя не дают или Улуг Мухаммат? Что до меня, то не нужно мне ни того, ни другого, Субадай. Сыт по горло, все, все осточертело!

— Ладно! А теперь послушай, что я тебе скажу: с Булгаром драться не будем. Только потребуем, чтобы за тысячу золотых выдали шаха.

Джабай-нойон посмотрел на брата, потом встал и налил себе кумыса.

— Так и отдал тебе болгарский хан Улуг Мухаммата за золото!

Он снова лег и захихикал. Такого еще не бывало, чтобы брат Джабай беседовал о серьезных делах, лежа на боку, да еще смеялся при этом. Внезапно он сделался серьезным, вытер слезящиеся глаза тыльной стороной ладони и сообщил новость, о которой Субадай до сих пор не слышал:

— Хорезмшах, умер, Субадай, напрасно суетишься.

— Кто сказал?

— Торговец из Булгара.

— Ты что же, отпустил его?

Джабай-нойон смотрел на брата, скривив рот в усмешке.

— Разве Чингисхан не запретил нам торговцев задерживать? И потом человек этот принес добрую и очень важную для меня весть. Я не только отпустил его, но еще и наградил — дал золота.

Новость оказалась настолько неожиданной, что Субадай-багадур не сразу пришел в себя. Можно ли верить такому — узнать о смерти шаха и ни словом не обмолвиться!

— Торговец давно ушел?

— Дня три-четыре назад. Не собираешься же ты догонять его? Зато я у него повитуху забрал, так что радуйся.

Субадай хотел было послать за торговцем своих кишектинов, но подумав, отказался от этой мысли. Если Улуг Мухаммат умер, значит, задача их намного упрощается: ведь хан приказал доставить либо самого шаха, либо его голову.

— А что, если торговец обманул тебя?

Джабай сел на колени и потянулся за кувшином, но кумыса в нем не оказалось.

— Даже если обманул, для меня это очень хорошая весть. И потом, с какой стати ему меня обманывать? Кто я ему? Если хочешь знать, я не спрашивал его про шаха, он сам сказал. Значит, правда. Так что хватит разговоров, нас хан ждет. Завтра же едем к нему.

— А как же Булгария? Как дочка шаха? — спросил Субадай. — Если бы ты женился на дочке шаха, Джуси хан поделился бы с тобой своими владениями.

Джабай с интересом посмотрел на брата. До сих пор они вели разговоры о кипчакских степях, а теперь вон куда скакнул! И в то же время отчего бы ему самому ханом не заделаться? Чем он хуже Чингисхана! Ладно, оставим хана в покое. Ну а если сравнить себя с его старшим сыном Джуси? Да он, Джабай, принес гораздо больше пользы. Возьмем, к примеру, Ургенч. Вряд ли Джуси смог бы овладеть им без помощи нойона. Шесть месяцев тужился, бедняга, все подступы вокруг усеял телами убитых, а город все не сдавался ему. Словом, что делал бы Чингисхан, не будь у него Джабай-нойона и Субадай-багадур? Джабай хорошо это помнит: Джуси даже из лука стрелять толком не умеет. А брат Субадай всегда был правой рукой Чингисхана.

Джабай сказал:

— А еще торговец сообщил, что шах умер на одном из островов Хазарского моря.

— Я пошлю туда гонца, пусть еще кто-нибудь подтвердит. А уж после двинемся, — ответил Субадай.

— Не надо, не посылай. Шах точно покойник. Будь я на его месте, тоже не стал бы жить. Ведь он потерял все — страну, семью, народ, богатства, счастье. Разве это жизнь? Уж лучше умереть!

Субадай-багадур о чем-то думал, вышагивая взад и вперед, постукивая по привычке кнутовищем плетки по голенищу сапога.

— Если бы это было правдой, Чингисхан тоже услышал бы. А гонцу ничего такого сказано не было.

— Ну подумай сам, разве цель хана только в том, чтобы шаха изловить? Он послал нас на запад для того, чтобы посмотрели, какие тут страны, узнали, какие у них силы, разведали, одним словом, что да как. Мы попросим, чтобы эти земли он нам отдал, и он согласится.

Субадай остановился перед братом, молча разглядывал его некоторое время, как пташка букашку, потом сказал:

— Твоими бы устами да мед пить! Но я все же сперва прощунаю силы болгарского хана. И про шахскую дочку не

забудь. Девушка твоя будет, абам! Булгарию нам все равно не обойти стороной. Кто знает, может, и биться придется. Все в руках Тенгре.

Нойон промолчал, в Тенгре он верил. Перед тем как Чингисхану выступить против хорезмшаха, Джабай три дня провёл на священной горе, вымаливая у Тенгре удачу.

* * *

Субадай-багадур не сходил с коня, каждый день объезжал свое войско, обозы. Вот уже почти неделя, как они в пути, а степи конца-края нет. Субадай посмотрел на солнце, медленно спускавшееся на землю, на ярко пылающий закат. Светило было кроваво-красного цвета. Войско, обозы, стада для прокорма воинов растянулись до самого края земли, теряясь в густом облаке пыли. Дни стояли жаркие, дождя давно не было. Скот и лошадей можно было пасти только на прибрежных лугах.

Буланому жеребцу жара тоже не нравилась. Желая избавиться от назойливых оводов, мух и комаров, он тряс головой, позванивая упряжью, громко фыркал, будто хотел напугать кровососов. Но те и не думали покидать людей и животных, так и вились вокруг, жужжа и пища.

Тюмень Джабай-нойона шел впереди. Его обозы и войско приближались к какому-то ручью. Вестовой помахал издали желтым флагом, давая багадуру знак, что пора устраивать привал. Помахав в ответ таким же флагом, Субадай приказал своему воину остановиться.

Солнце уже спряталось за горизонт, когда огромное войско разместилось наконец на берегу ручья.

Степь постепенно меняла свой облик. Теперь все чаще встречались невысокие холмы, реки с отвесными берегами, там и сям были разбросаны заросли деревьев и кустарников. Субадай больше всего раздражали леса. Он, выросший в степях, привыкший воевать на открытой местности, невзлюбил их всей душой. Каждое дерево в лесу казалось ему врагом. За ручьем, где они разбили свой стан, поднимался темный лес, а дальше в густеющих сумерках угадывались горы, ошетилившиеся лесами. Такая местность вселяла в душу багадура тревогу, но он старался не обращать на это внимания.

Они идут уже десять дней и не встретили пока ни единой живой души. Зато идолы кипчаков, вытесанные из цельного камня, попадались на глаза очень часто. Идолы есть, а самих нет — один Тенгре знает, куда они все подевались.

Субадаю и раньше приходилось видеть такие каменные

изваяния. Татары, жившие по соседству, откочевывая на новое место, оставляли на прежнем становище похожих каменных болванов. Поначалу Чингисхан приказывал разбивать их, но потом, женившись на девушках-татарках, которые родили ему детей, перестал замечать каменных истуканов. Поэтому и Субадай спокойно проезжал мимо кипчакских святынь. И потом ему не хотелось обострять отношения с кипчаками, ведь когда-нибудь он вернется в эти края (а он вернется!), нужно будет жить рядом с ними. Он видел, какие они храбрые воины. В его войске теперь тысячи кипчаков. Язык их близок к языку покоренного народа, из которого Чингисхан создавал свое войско, а потому кипчаков называли порой татарами. Субадай-багадур научился понимать этот язык и говорил на нем. Со своей Карлыгач объяснялся на нем же. Гомай бек был огузом, его язык тоже во многом понятен. А ведь верный бек Чингисхана родился очень далеко от этих мест: нужны месяцы и даже годы, чтобы добраться до тех краев. Чингисхан, похоже, не ошибся, собрав всех этих людей воедино. Говорят, и болгары, к которым они идут, разговаривают на том же самом языке. Субадай недоумевал, как это народы, говорящие на одном языке, живущие на огромном пространстве — от моря и до моря, — до сих пор почти ничего не знали друг о друге.

Субадай вдруг подумал с тревогой: а не перейдут ли во время сражения тюрки из его войска на сторону родственных им болгар? Багадур прикинул: в тюмене нойона их еще больше. Но говорить об этом с Джабаем не хотелось. Он и так идет нехотя, а уж если узнает о таких опасениях, то и вовсе упрется.

Темнело. Субадай вошел в юрту, поставленную кишектинами. Ему подали еду. Багадур ел много. Он жадно отправлял в рот большие куски мяса и запивал кумысом. В последние дни пришлось жить впроголодь: с утра выпивал пиалу гусиной крови, вечером еще одну. Это был его любимый напиток. Вот почему в обозе у него были гуси со связанными крыльями. Во время стоянок пастух выводил их на траву. Эта прихоть багадура вначале многих удивляла. Кое-кто пробовал, подражая ему, пить кровь, но это всегда кончалось плохо: людей этих рвало, а потом в течение трех-четырех дней они отказывались от пищи, не в состоянии проглотить ни кусочка.

Субадай открыл для себя прекрасное свойство крови: выпив ее, он хорошо засыпал. И сегодня после кумыса опрокинул полную пиалу и тотчас забылся крепким сном.

Снилась ему Соярсу. Он видел ее будто наяву, все время гнался за ней почему-то, но догнать не мог. Проснувшись

шишь, почувствовал, как громко бьется сердце, на душе было смутно.

Субадай встал и отправился в соседнюю юрту к Карлыгач, но там командовала повитуха.

— Нельзя, нельзя сюда! — сердито зашипела она.

Субадай велел стражнику подать коня, вскочил в седло и поскакал. На востоке занималась заря, нужно было увидеться с перевозчиками. Юрт у этих людей не было, они сооружали из сена шалаши и спали в них. Место у них было определенное — между двумя тюменями. Главному среди перевозчиков, Плоскине, Субадай-багадур заранее заплатил золотом, дал несколько кусков шелковой ткани, за что они и подрядились переправлять его войско через реки. Выполняли и другие поручения. Для брата Джабая, кажется, подыскивали беленьких девушек с соломенными волосами.

Увидев багадур, скачущего к ним, Плоския вышел из шалаша. Кланяясь, подошел к военачальнику.

— Добро пожаловать, багадур, милости просим!

— Поговорить надо, — сказал Субадай и, пригнув голову, первым вошел в шалаш.

— Что за дело, багадур? — встревожился Плоския, падая на колени.

— Вставай, вставай! — сказал Субадай. — Я ничего плохого тебе не сделаю!

Плоския не оборачиваясь скомандовал:

— Еды! — и указал гостю на почетное место.

Тут же появилось нарезанное широкими кусками сало, большие ломти хлеба. Субадай отщипнул кусочек хлеба и стал медленно жевать. В стране шаха хлеб пекут в виде лепешек, он там научился есть его, а большие калачи впервые увидел здесь.

— А ты, багадур, со свиным салом попробуй. Сало соленое, так что не бойся, ничего не случится.

Плоския поднес полный ковш браги:

— На-ка, багадур, выпей!

Субадай взглянул на Хасдая, стоявшего у входа.

— Сперва ему налей!

Хасдай шагнул внутрь шалаша, взял ковш из рук хозяина, выпил, разгладил усы и потянулся за хлебом и салом. Плоския не сразу заметил Хасдая и теперь спешил исправить оплошность:

— Садись и ты с нами, вот сюда!

— Он не сядет, он стоять будет, — сказал Субадай.

— Ладно, пускай стоит! А ты вот это выпей! — Он наполнил ковш до краев и протянул гостю.

Опорожнив один ковш, второй, третий, Субадай почувст-

вовал, как по обмякшему телу разливается тепло. Он зевнул, но о деле не забыл.

— Скоро будем у Черной Идели, так ведь, Плускай?

— До нее два дня пути осталось, багадур. Мы идем слишком медленно.

— А мне спешить некуда! — сказал Субадай, начиная хмелеть. — Степь моя — как хочу, так и иду.

— Твоя, твоя, багадур, — сказал Плоскиня, — Только ежели в Булгарию попасть хотите, придется повыше по реке подняться. Здесь переправиться трудно будет — уж больно широко да глубоко.

— Ну, коли надо, поднимемся. А теперь скажи мне, девушек для брата ты добываешь?

— Торговцы продают, багадур, торговцы. Ведь я живу на семи ветрах, здесь пролегают дороги на Киев, до самого Рима добраться можно. А про арабов да персов и говорить нечего.

— Выходит, удобное это место?

— Еще какое удобное, багадур!

— Как переберусь сюда, тебя своим человеком сделаю...

Плоскиня не понял, куда клонит Субадай-багадур. Он перекрестился и сам не заметил, как выпалил:

— Что, опять сюда собираетесь, багадур?

— Я завоевал эту землю, — сказал Субадай-багадур. — Вся степь моя, со всеми реками и перевозчиками вместе.

— Гм... — Плоскиня не знал, что сказать на это. — Гм, это уж как получится, все в руках Аллаха.

— Да Аллах и сам в моих руках, — усмехнулся Субадай.

— Бог ты мой, вона как, оказывается... Пусть так и останется в твоих руках! Великий князь, так же вот, как и ты, все с именем Бога делал — и хорошее, и плохое, только неожиданно-негаданно вы явились, кхм... Вона какая смерть-то его ожидала по божьей воле. Видать, не надо было именем Бога зло-то творить, Боже упаси и помилуй мя. — Плоскиня снова перекрестился.

Хорошо еще, что захмелел Субадай-багадур и не дошел до него смысл речей старшего перевозчика, а если бы понял, Плоскине век бы не выйти из своего шалаша..

— Ты брату красивых девушек продал, — сказал он.

— Да я и тебе, багадур, не хуже сыщу, только прикажи.

— Мне девушки не нужны, есть у меня моя Карлыгач, — сказал Субадай и поднес огромный кулак к самому носу Плоскини. — Тебе не уйти от меня, а золото и серебро, что от брата получил, верни. То, что я дал, оставь себе — это тебе за честный труд. А вот торговлей девушками нажитое верни! Хасдай, возьми у него!

После того дня Субадай-багадур целую неделю не мог прийти в себя: то ли брага после гусиной крови не пошла, то ли сало свиное не по нутру пришлось, только чувствовал он себя прескверно. Лекарь все время был при нем: давал какие-то настои, заставлял голодать. Глаза багадура запали, он похудел и ослаб. Но, несмотря ни на что, следил за тем, чтобы менбаши не бездельничали, а занимались военными играми.

На Плоскиню Субадай зла не держал — сам ел свиное сало, сам пил, так чего же злиться? К тому же наказ Чингис-хана забыл. А ведь он говорил: пейте, да дело разумеете, а на войне не пейте вовсе. Хотя сам он, будь то война или мир, без хмельного ни дня не обходится, но разума не теряет никогда. А вот Субадай — багадур хана, нахлебался какой-то кислятины, да и скис сам — не помнит даже, что говорил и что делал.

* * *

Он провалялся целую неделю, а брат ни разу не навестил его. Едва Субадай вышел из юрты, к нему подбежала повитуха и обрадовала новостью: Карлыгач родила мальчика. Новость была неожиданной, совсем забыл об этом. Наконец, кивнул Хасдаю, указывая на повитуху:

— Дай старухе золота, одежду новую дай!

Приказав навести в юрте порядок и готовить угощение, зашагал к Карлыгач. Он еще не знал, что скажет ей, но женщину, родившую ему сына, он отблагодарит достойно: пожалует ей бесценное ожерелье, которое отнял у одного торговца. Впрочем, неважно, где он взял его. Вечером он устроит по такому случаю большой праздник, позовет менбаши и брата Джабая... Хасдаю давно уже было велено найти искусного повара. На днях он привел какого-то коротышку и сказал:

— Нашел я повара, раньше он Кончак хана кормил. Потом добавил: — Сам пришел, хвастается, будто нет в этих краях человека, который готовил бы лучше.

Хасдая Субадай-багадур считал своим человеком, доверял ему как самому себе. Оба они с берегов Куральяна, Хасдай был близок, как брат. Таких людей с каждой битвой становилось все меньше, ведь вражеские стрелы не выбирают свои жертвы. Верных ему, надежных воинов багадур старается беречь, не высылает вперед, и все же потери неизбежны. Что тут поделаешь, судьба у воина такая. С этими людьми багадур особенно требователен, им ли не знать его нрав? Небось не раз отведали плетку багадура, проваренную

в курдючном жиру, которую он никогда не выпускал из рук. Туго свитые ремешки заканчивались куском свинца величиной с фалангу пальца.

Но сегодня багадур был добр и в военные игры не вмешивался, ни на кого не кричал, никого не бранил — его словно подменили. Такая перемена в нем удивила Хасдая: ни с того ни с сего пообещал вдруг девушку с ковыльными волосами из юрты нойона. Это было так необычно, что Хасдай не поверил и насторожился, приготовясь к худшему, но хозяину ничего говорить не стал. Надо посмотреть, чем все это кончится, Тенгре все решит по-своему.

Субадай соскочил с коня и, взглянув на Хасдая, сказал:

— Иди принеси одежду получше — мне и себе!

Войдя в юрту, багадур посмотрел на приготовленное угощение, выглядевшее очень аппетитно. Похвалив кипчака-коротышку, он бросил ему золота. Потом сказал:

— Мне служить будешь, для жены будешь готовить отдельно.

Вернулся Хасдай с дорогой кипчакской одеждой в руках. Они долго наряжались, выбирая одни вещи и откладывая другие. Одевшись наконец, поглядели друг на друга и заулыбались.

— Багадур, ты в этой одежде вылитый кипчакский хан! — заметил Хасдай.

— А ты похож на его менбаши, — сказал Субадай, которому одежда очень нравилась, — легкая, красивая, благородная, вся из шелка и бархата, пуговицы серебряные, края оторочены собольим мехом.

Натянув кожаные штаны, водрузив на голову бархатную шапку, расшитую мехом, обувшись в мягкие болгарские сапоги зеленого цвета, Субадай признался, что неплохо было бы взглянуть на себя. Хасдая позабавило такое желание багадура, и Субадаю расхотелось идти к воде.

На Хасдае был шелковый камзол без рукавов с серебряными пуговицами. На полах его были вышиты две утки. На голову он нахлобучил бархатный калфак, верх которого свешивался набок.

Субадай-багадур окинул своего слугу взглядом и сказал:

— Кого-то ты напоминаешь мне...

Он перетянул себя широким ремнем, повесил на него кинжал с костяной рукоятью, сунул плетку за голенище сапога. Повар-кипчак поглядел на них оценивающе. Багадур ему понравился, а Хасдай рассмешил.

— Ты чего это ржешь, коротышка? — рассердился Субадай.

— Он женщиной нарядился! — сказал тот и скрылся за

занавеской, чтобы отдать какие-то распоряжения своим помощникам.

— До чего же воображалистый народ эти кипчаки, — проговорил Субадай, прилаживая к поясу саблю. — Сабля как сабля, ничем от других не отличается, а рукоять драгоценными камнями усыпали.

— Чудеса! — воскликнул Хасдай. — Одежда сделала тебя неузнаваемым! — он явно любовался хозяином. — А брат твой, Джабай-нойон, придет?

— Я сам поеду за ним, — сказал Субадай и, выйдя из юрты, пошел к коню. Жеребец не узнал хозяина, стал прятать ушами и фыркать, дрожа всем телом.

— Да что с тобой, Колакай? — мягко сказал багадур. Услышав знакомый голос, буланый успокоился и закивал головой.

Субадай поскакал к юрте брата, за ним, как всегда, более сотни кишектинов. Не проехали и половины пути, как увидели кишектинов Джабай-нойона, которые скакали навстречу. Джабая с ними не было.

— Где Джабай-нойон?

— Поехал на охоту!

— На охоту?! — Субадай не скрывал удивления.

— За гусями отправился. Он теперь тоже пьет гусиную кровь.

Субадай промолчал, тронул коня. Он не знал, где охотился брат. И для чего ему понадобилось кровь пить, подумал багадур, с удивлением узнав новость. Ему подражает? Но ведь к этому привыкнуть надо. Начинать с малого, несколько месяцев пить не больше одной ложки и только потом можно будет пить столько, сколько пьет он.

Всадники спустились к реке, объехали близлежащие озера. Кишектины поскакали дальше, но все напрасно: Джабая не было нигде. Решив праздновать рождение сына без него, Субадай свернул к своей юрте.

* * *

Проехав часть пути, Субадай вдруг, вспомнив о чем-то, повернул назад и помчался к юрте брата. Он хотел отшвырнуть стражника, преградившего ему путь в юрту, но у входа тут же встал другой.

— А ну пошли прочь! — заорал Субадай и поднял плетку, но кишектины и не думали отступать. В руках у них копыя, силой пройти невозможно. Багадур сделал Хасдаю знак, понятный только им двоим, и в тот же миг в кишектинов нойона полетели стрелы.

Субадай-багадур бросился в юрту, откинул полог. За ним лежала девушка, волосы которой напоминали ковыльную степь. Он сгреб ее в охапку и вышел. Странно, но девушка не сопротивлялась, не кричала. Субадай отдал ее Хасдаю, вскочил в седло и поскакал в свой стан.

Жаль, что нет брата, все уже готово для торжества. Он отпразднует рождение сына, как это принято у них на родине. По обычаю он должен взять ребенка из рук повитухи и отнести в юрту. Субадай знает, что положено при этом говорить.

У входа в юрту Карлыгач он спросил:

— Как старуху-то звать?

— Меня зовут Будана, — отозвалась повитуха.

— Ну, старая, почему мальчика продаешь? А где же ребенок?

За пологом произошло какое-то движение, потом послышался слабый голос Карлыгач:

— Я кормлю его, Субадай.

Субадай взглянул на старуху и спросил:

— Будана — разве это не птица? Татары почему-то своих женщин именами птиц называют.

— Женщина — она и есть птица, — сказала старуха. — Выходит замуж и улетает из родной страны на чужбину.

— Ну, давай, старая, запеленай ребенка и скажи свое слово!

— Я на чем сию, багадур?

— На сундуке.

— Если сундук будет пуст, сын твой гол будет, всю жизнь милостыню просить станет.

— Чем же мне сундук заполнить?

— Сыну — одежда, мне — приданое...

— Хасдай! — крикнул Субадай. — Наполни сундук одеждой! Да смотри, чтобы вещи дорогие были. Старухе джилян, черную шаль, шубу. Зима скоро, пусть старая добром нас поминает.

— Татар всех перебил, смешал со своим родом-племенем, как же тебя добром-то не помянуть? — сказала старуха.

— Это верно, перебили. Но тех, кто против нас с оружием шел. А кто остался, те с нами. Я сегодня с добром пришел, в другое время за такие слова степным волкам тебя бросить велел бы... Это китайский император обманул вас, весь род ваш хану продал, поняла?

За пологом послышалось тихое покашливание. Старуха юркнула туда. Тем временем двое стражников внесли полный сундук и поставили посреди юрты.

— Открой сундук! — скомандовала старуха, снова пока-

зываясь из-за полога. В руках у нее был запеленатый младенец.

Субадай откинул крышку сундука, вынул джилян, черную шаль, лежавшие сверху, и протянул повитухе. Та качнула головой, веля отложить вещи.

— Выходи же, будущий батыр! — сказала она. — Близкий твой человек мешок принес.

— Близкий человек — чужак, все его добро живое — лошадь.

— Выходи же, мой батыр, отец сундук принес!

— Пусть сундук продаст и... саблю принесет.

— Выходи же, мой батыр, саблю к месту приторочь!

— Саблю приторочил, лук натянул, стрелу выпустил.

— Выходи же, мой батыр, твой отец пришел, видеть тебя хочет!

— Я могучий великан, пусть тулпара мне отдаст.

— Выходи же, мой батыр, твой тулпар копытом бьет!

— Сядет лихо на тулпара и помчится на войну.

— Вышел в степь батыр, конь у старшего батыра. На, отец, возьми свое дитя!

Старуха отдала ребенка Субадаю, а сама ушла за полог.

Субадай не верил в свое счастье. Не суждено было ему взять в руки первенца из рук Соярсу, а здесь Карлыгач вручила ему сына. Чувства захлестнули его, он не знал, что делать, — так и стоял посреди юрты с бесценным свертком в руках. Странное дело, маленькое существо, будто зная, что его держит отец, улыбнулось и лежало тихо, только головой вертело, ища сосок. Давно Субадаю не было так хорошо и радостно — сердце сладко сжималось в груди, переполненное нежностью и благодарностью к Карлыгач. Увидев ее, он будто занова испытал прилив горячего чувства. В руках у него плод любви — его сын! Сам Тенгре вынудил его пройти тысячи верст, позволил живым выйти из кровавых битв, чтобы соединить с Карлыгач.

* * *

Случилось это, когда Субадаю поблизости не было. Поднималось солнце, Джабай-нойон с сотней кишектинов окружил юрту Хасдая. Нойон разметал стражников у входа, ворвался в юрту и, откинув полог, увидел девушку с волосами цвета ковыльной степи с Хасдаем. Тяжелой плетью огрел сперва Хасдая, потом девушку и, запихнув ее под мышку, словно сверток, голую вынес из юрты, бросил поперек седла, просунул ногу в стремя.

— Я зарублю тебя, глупец! — заорал на Хасдая. В этот миг перед ним вырос Субадай-багадур.

— Абам! — сказал спокойно. — Девушку я сам отдал ему.

Джабай проворчал что-то, плюнул в сторону Субадая:

— Прочь с дороги!

— Хасдай женился на ней. Он дает тебе пять балешей золота.

— За эту-то рыбку? Пять балешей?!

— Вскоре будем в Булгарии, абам. Не забудь, я обещал тебе дочку шаха. А пять балешей — цена немалая.

— Ладно, пусть отдает золото и забирает эту растрепу себе! — Не глядя ни на кого, нойон вскочил на коня и вихрем умчался прочь.

Субадай медленно побрел к своей юрте. Вошел и лег на лежанку. Через отдушину в потолке просматривалось голубое небо, сердце билось неровно.

Ну и к чему все это? Впереди у них Булгар. Если верить торговцам, базар в городе такой, что ему равных нет. Чингисхан не велел им заходить в города, но в Булгаре они все же будут, ведь там дочка шаха. Она должна стать женой брата.

Когда Чингисхан пожаловал Джабаю титул нойона, Субадай позавидовал ему. Но потом понял: титул — еще не самое главное. Гораздо важнее авторитет, уважение. А Субадай уважали, ведь сам Чингисхан похвалил его. И теперь, когда они с братом остались вдвоем, воины явно предпочитали слушаться его, Субадая. Джабай, конечно, видит это, но молчит. Смирился или выжидает чего?

Близится осень, гуси летят в теплые страны. Заслышав крики гусиных стай, Субадай невольно вспоминает берега родного Куралаяна, ковыльные степи и Соярсу у родника, которая, сбросив сапожки, моет ноги. Тут же мыслями он переносится к Карлыгач и тихо-тихо произносит ее имя: «Карлыгач!»

Сегодня Субадай-багадuru не по себе. Из-за какой-то девушки брат затеял ссору с Хасдаем, ударил его плетью. Недостойно военачальника унижать воина в присутствии других воинов.

Субадай вышел из юрты и поехал к брату. Кишечтины двинулись было за ним, но он махнул рукой, веля им остаться. Приблизившись к стану брата, он придержал коня. Там готовили еду. Пастухи, подвесив тушки забитых овец, свеживали их. Увидев Субадай-багадuru, они перестали заниматься своим делом и молча смотрели на него. «Багадур один едет», — сказал кто-то из них, но Субадай останавливаться не стал, проехал мимо.

Повара с пастухами в битвах участия не принимали. Их дело — кормить тех, кто воюет. У каждого менбаши был свой повар, свое стадо. Брат говорил ему как-то, что повара у него кипчаки и он всех их собрал вместе. Он советовал *ему* сделать то же самое. Но Субадай не стал вмешиваться в эти дела. Пусть каждый менбаши, езбаши и унбаши сам решает, как ему питаться. А вот в дележе отнятого у врага скота и добра он иногда участвовал.

Субадай погнал коня, чтобы быстрее удалиться от этих людей, и вдруг кто-то крикнул ему вслед:

— Слава багадуру!

— Слава, слава, слава! — подхватили остальные.

Джабай вышел навстречу брату и был удивлен, увидев, что тот приехал один, но ничего не сказал.

— Гордись, тебя славят даже пастухи! — сказал он, придерживая полог юрты, пока брат сходил с лошади.

— Не меня, абам, а нас с тобой, — ответил Субадай. — Помнишь Тимерджана в колодках? Я часто вспоминаю это... А теперь кем мы стали!

— Не напоминай мне о тех временах, что было — то было и быльем, поросло. А ведь я ждал тебя, — сказал Джабай, приглашая брата разделить с ним трапезу. — Сегодня ты желанный гость мой. Садись.

Субадай сел, но есть не стал, без интереса глядел на блюдо с мясом, от которого поднимался пар.

— Ты прости меня, — сказал багадур, избегая смотреть старшему брату в глаза.

— Ты чего это вырядился как попугай? — поинтересовался Джабай, делая вид, что не слышал сказанного братом. — Нехорошо! Ты ведь багадур. Не собираешься же ты кипчацким ханом заделаться?

— Это мелочи, абам. Скоро и ты на кипчацкие одежды перейдешь. Они мягкие, удобные и благородные. И оружие кипчаков удобное. Махать их саблей — одно удовольствие. Ты только взгляни на рукоять этого кинжала, до чего ж на голову змеи похожа. Зато луки со стрелами у них слабоваты. Я думаю, абам, раздать кипчацкое оружие воинам. В руках воина ему самое место.

— Кипчацкого и урусского оружия у меня тоже возов с десятков наберется. Только его не следует раздавать, Субадай. Ведь победы мы до сих пор со своим оружием одерживали.

— Я так не думаю. Чем лучше вооружены воины, тем лучше. Оружие, как говорится, воюет, а мужчина хвастается победами.

— А ты изменился с тех пор, как кипчацкая твоя жена

сына родила. Ешь, Субадай, ешь! Хочешь, араки налей себе, есть и кумыс. Отчего же ты кишектинов-то своих, Хасдая с собой не захватил?

— Хасдай с молодой женой. Уж ты прости его, абам. Ведь виноват не он, а я. Это я для него увез твою наложницу. Было за что. Он так быстро привез нам важную весть от хана... Плускай тебе другую добудет.

— Плуская ты не трогай, — Джабай-нойон сел прямее. — Плускай переправит нас через реку. Я верю ему. Это он посоветовал мне не заходить в Булгар.

— Вон оно что, — сказал Субадай. — Так вот кто тебя настраивает!

— Ну на кой мне дочка шаха? Сам подумай, кто я и кто она... Хан все равно отобрал бы ее у меня!

Субадай-багадур встал и некоторое время молча постукивал рукоятью плети по голенищу своего сапога.

— Знаешь что, — заговорил он, — забирай-ка ты своих кишектинов да уезжай отсюда, а тюмень свой мне оставь!

Субадай говорил так убежденно и твердо, что Джабай вскочил на ноги

— Ты не имеешь права, Субадай! Права такого не имеешь!

— Права не имеешь! — передразнил его багадур. — А у тебя есть право целыми днями в юрте валяться?! Я у менбаши спрошу — пусть не по-твоему и не по-моему будет: хотят они в Булгар или нет? Если скажут «да», ты один уедешь.

— Да как же я в глаза хану посмотрю? Брат ты мне или нет?!

— Брат. Да только чем иметь такого, как ты, трусливого брата, лучше уж... Говорю же: отправлю к болгарскому хану послов, поставлю условие. Без повода драться не станем.

— А если они ждут нас?! Конечно же, они ждут. Мало ли тут торговцев туда-сюда шныряет? Для меня страна эта чужая, а для них — родина.

— Разве армяне с грузинами не на своей родине были, а урусы с кипчаками? Победили же их!

— Ладно, не горячись! Сам подумай, сколько у нас теперь богатства — счету не знаем. И с таким вот обозом — в Булгар? Да и рассказням торговцев этих я не очень-то верю.

— Вот подойдем поближе и отправим послов. И потом, я ж с торговцами своих людей туда отправил.

— Мы уже отправляли послов! Месть за месть, сколько людей потеряли.

— Месть не к мести приводит, она иным поумнеть помо-

гает. Да не собираюсь я воевать с ханом Булгарии, только условие ему поставлю. Если не дурак, даст согласие, никуда не денется. Завтра же на заре и двинемся. До свидания!

* * *

Разговор с Джабаем огорчил Субадай. Что стало с братом? Он смерти боится. Куда же девался тот храбрец, который на земле Улуг Мухаммата не раз под свистящие стрелы бросался?

Дома Субадай-багадура ждал такой разговор:

— Что будет со мной, если мы разлучимся?

— Ты жена мне, Карлыгач.

— У тебя есть жена!

— Есть, Карлыгач, но очень далеко, а ты здесь, рядом. Я счастлив с тобой. Ты сына родила мне, я принял его из твоих рук, мы дали ему имя, — сказал Субадай, а сам подумал: «Соярсу тоже родила мне сына, он уже большой, наверное». Он постарался отогнать от себя эти мысли. — У Чингисхана тоже две жены-татарки. Красивые, видные. А ты лучше их!

— Ты уже много раз говорил мне это, а как вернемся к тебе, ты все равно уйдешь к своей Соярсу.

— Я счастлив, Карлыгач, что ты у меня есть. Потерянную шапку найти можно, но потерянное счастье — нет. Я не хочу тебя потерять!

Заплакал ребенок. Карлыгач встала и пошла к нему. Субадай долго лежал, глядя на кусочек голубого неба в отдушине. Странно, еще вчера маленький Ташбай не волновал его — было безразлично, есть он или нет. Но сегодня что-то изменилось в его сердце. Он вдруг почувствовал, как близок и дорог ему малыш. Пожалуй, ближе и дороже его матери. Живет же Чингисхан с семьей-восемью женами, и он станет жить. Две жены уж как-нибудь поладят между собой. Сегодня его любимая жена — Карлыгач. Когда она рядом, ему не нужен никто, даже Соярсу. Соярсу перестала быть для него живой женщиной, скорее она — видение, приходящее лишь во сне. Ну как же иначе, если с вечера рядом Карлыгач, а утром — опять она?..

Субадай приподнялся на локте. Посреди юрты горит очаг, видно, как по веткам бежит огонь. Напевая что-то грустное, Карлыгач кормит Ташбая. Вокруг юрты ходят кишектины, стерегут его покой. Вот они остановились и стали тихо переговариваться. Субадай различал не все слова, но, прислушиваясь, понял, о чем шла речь.

— Говорят, Булгария — очень богатая страна. Пойдет ли

туда багадур? Эх, напрасно продал я шелковую материю, которую отобрал у кипчака. Если дома женюсь, было бы невесте платье.

— Не горюй, в Булгаре добудешь еще. Добра там на базаре, слышал я, хоть завались!

— Это уж как багадур решит: будем там или не будем. В богатой стране и войско большое. Я вот думаю все: вернемся ли живыми?

— Гляди-ка, Чиляван никак твоя лошадь уходит!

Чиляван побежал догонять лошадь, и разговор кишектинов прервался.

— Если суждено мне, женюсь на Джузакай, дочери Мухали, — сказал Чиляван, вернувшись. — Нравится мне она. Как-то столкнулись на узкой дорожке — она по воду шла. Вокруг никого. Говорю: жди меня, с войны вернусь — сватов пришлю. «Смотри не опоздай, — отвечает, — лучше пошли их теперь же».

— Думаешь, Мухали-нойон отдаст дочку за тебя?

— Отдаст, куда он денется? Главным сватом багадура нашего попрошу быть. Думаю, не откажет. Он хотя и строг, но с хорошими людьми и сам хороший бывает.

— Жизнь нам Тенгре всем поровну раздал. Мать говорила: когда бы не войны, каждому по семьдесят лет досталось бы, не меньше. А мы с тобой уж сколько ровесников потеряли! Не бывает на войне без жертв. Багадуру что, впереди войска не он ведь скачет.

— Не скажи, когда надо, багадур всегда во главе войска. И потом мы с тобой кишектины, наше дело багадура прикрывать. Багадур — он же как голова змеи, то есть голова войска. Пропадет багадур, тут и змее конец.

— Ну и сказал! Змея-то головой вперед ползет, а багадур сзади, оттуда командует. Где ты видел, чтобы змея зайцев хвостом глотала?!

— А-а, брось ты это! Меня больше дочка Мухали волнует. Вот бы мне досталась! А если замуж вышла, все равно украду ее!

— Хочешь сказать, как тот проклятый батыр, который у хана его Оулян украл?

— Люди болтают, будто первый сын хана Джуси от того батыра.

— Так вот почему он так не любит старшего своего!

— Кто не любит?

— Как кто? Чингисхан же! Говорят, он знает, от кого сын.

— Оулян — мудрая старшая жена хана, а сын ее, Джуси, добрый, мягкий человек. Сам-то хан суровый, вроде нашего

багадура. Жизнь человека для него ничего не стоит. Даже своих не жалеет. В Ургенче, вспомни, Джуси хан хотел взять город без кровопролития, так отец послал ему на выручку Джабай-нойона и Субадай-багадура. Эти двое прибыли, и пошло наступление за наступлением. Под стенами Ургенча не меньше тридцати, а то и сорока тысяч полегло.

— Что верно, то верно, Чиляван. Воевать надобно с умом. Вот завтра в Булгар подадимся. Дал бы Тенгре нашему багадуру побольше ума! От него ведь и наша участь зависит, браток... Пожалуй, я прикорну тут маленько, а ты покуда гляди в оба ...

— Разболтались мы с тобой, — спохватился его приятель, — давай-ка отойдем в сторонку: вдруг багадур услышит!

Субадаю очень не понравились разговоры телохранителей, руки так и чесались проучить их плеткой, но, подумав, он отказался от своего намерения. «Не стоит мелочиться, — сказал он самому себе, — лучше сделать вид, будто не слышал ничего. Зато теперь знаю, что думают эти люди, а главное — они ждут, что он поведет их на Булгар. Значит, будет вернее, если он все же войдет в город».

* * *

Утро было прохладное. Карлыгач разлила принесенную поваром шурпу по мискам, поставила перед Субадаем блюдо с большими кусками мяса, наполнила пиалу кумысом.

— Ешь, Субадай, набирайся сил!

Полог юрты поднялся, и вошел Хасдай, поздоровался.

— Садись с нами, — пригласил его багадур, — подкрепись сперва, после скажешь, чего хотел.

Хасдай подоткнул полы чапана под колени и сел. Карлыгач подала ему миску с шурпой, большой кусок мяса, налила кумыса.

— Плохи дела, Субадай-багадур, — сказал Хасдай, обгладывая кость, — ночью из обоза три подводы исчезли...

— Стража куда смотрела?! Что стражники говорят? Небось сами же и продали торговцам!

— Если бы так, стражники живы были бы. Двое кинжалами заколоты. Никто не слышал ни звука, даже крикнуть не успели.

— Как же так, из-под носа подводы увели, а они знать ничего не знают — не видали и не слыхали!

— Вот и выходит, багадур, что не торговцы увели подводы, то бишь хочу сказать, не продавали ничего торговцам.

— Ладно, разберемся, — Субадай вытер губы и стал на-

тягивать сапоги. Обувшись, вышел вслед за Хасдаем, окликнул коня и вскочил в седло. Взглянув на кишектинов, открыл было рот, чтобы спросить, кто из них ночью стоял возле его юрты, но вовремя сдержался, толкнул пяткой коня и двинулся с места.

Обозники, подвесив над костром казан, готовили еду. Увидев, что к ним идет багадур в окружении кишектинов, все встали и стояли, ожидая, что дальше будет. Дым от костра стлался над землей, чуть подальше пять или шесть кобылиц поили молоком жеребят, а еще нескольких доили женщины. Обозники любят выпить, это знают все, но потерять целых три подводы и с поисков вернуться ни с чем (даже следов обнаружить не смогли) — такое не могло не разозлить Субадаю. Он подошел к обознику, спавшему, привалясь спиной к колесу, и огрел его плеткой. Тот, закричав от боли, очнулся и, ничего не понимая, уставился на багадура. Глаза его округлились, щека дергалась.

— Дрыхнешь тут, — сказал багадур с издевкой, не повышая, однако, голоса, — а там у тебя три подводы увели. Что в них было?

— Оружие, багадур, оружие, — сказал обозник скороговоркой, окончательно приходя в себя. — Только мои подводы целы, Тенгре хранил.

— Твой-то целы, — повторил багадур и отошел в сторону. — Ну а кто ходил искать те возы?

— Мы, багадур, — человек десять приблизились к багадуру и замерли перед ним.

Субадай внимательно оглядел каждого и, повернувшись к Хасдаю, спросил:

— И что с ними делать собираешься?

— Снова на поиски отправлю, и лучше им не возвращаться с пустыми руками!

— Сперва пусть плетей отведуют! Дать каждому по десять! А уж после едут...

Хасдай кивнул кишектинам за своей спиной. Те сошли с коней, привязали сторожей к телегам и высыпали им по голым задкам. Получив свое, те опрометью бросились к коням, прикрывая на бегу покрасневшие зады штанами.

— Когда туман рассеется, пошли за ними двух езбашей. Крыльев к телегам не приделаешь, не улетели же они. А если узнаем, что сами же и продали оружие, ты знаешь, что делать.

Субадай-багадур ни на миг не сомневался, что Хасдай в точности исполнит его распоряжение, а потому не стал терять время, сел на коня и ускакал прочь. Обозники оживились, лишь когда багадур скрылся из виду. Они молча переглянулись и взялись за прерванные хлопоты.

Менбаши Хасдай отвечал за каждого воина, обозника, стражника — короче, был правой рукой Субадай-багадур, доводил до людей его приказание. Чингисхан как-то сделал менбаши Бурте нойоном и с тех пор все свои приказы передавал тюменьбаши только через него. Субадай-багадур точно так же во всем полагался на верного Хасдая.

Воры увели возы с оружием, оставив без внимания те возы, которые были гружены добром. Это-то и тревожило Субадай-багадур. Из-за обычных подвод он не стал бы волноваться, ведь в обозе их не одна сотня. Им еще Булгар предстоит грабить, добра станет еще больше, а вот оружие будет ли? Без оружия и война не война. Чтобы из мужчины сделать воина, надо дать ему оружие и коня. До сих пор так и было. К нему по доброй воле приходили чужаки, желавшие воевать в его войске. Субадай давал им коня и оружие. Уж не свои ли кипчаки похитили подводы с оружием? Вечером багадур собрал менбаши и приказал им не спускать с чужаков глаз. Теперь, с приближением к Булгару, следовало быть особенно бдительными.

В тот день пришлось задержаться: ждали людей, которые были отправлены на поиски подвод. Они снова вернулись ни с чем. Поблизости не было обнаружено ни одной телеги, даже следов от колес не нашли. Выслушав доклад Хасдая, багадур долго молчал, потом сказал:

— Три телеги — это еще не конец. Завтра двинемся в Булгар, в проигрыше не останемся. Когда захватим этот богатый город, у каждого по три воза добра будет.

— Багадур прав! — согласились менбаши.

На другой день рано утром выступили в поход. Войско пошло впереди, за ним тронулся обоз, потом стадо.

К Субадаю прискакал Хасдай.

— Что случилось, менбаши? — спросил багадур, боясь в душе услышать повторение вчерашней истории и заклиная Тенгре не допустить этого. — Что случилось, говори! Или ты язык проглотил?

Хасдай покосился на кибитку, в которой ехала Карлыгач со старой повитухой, и сказал, чуть понизив голос:

— Плохая весть, багадур, снова три воза пропали. Десять стражников убито!

— Обозники целы?

— Обозников, как видно, с собой забрали, среди убитых нет их.

Не говоря ни слова, Субадай стегнул плетью коня и помчался к брату, который ехал впереди. Кишектины бросились следом.

Джабай-нойон ехал в большой кибитке в окружении де-

вушек, возлежа на шахской перине. Субадай приказал возчику остановиться.

— Вставай, абам, поговорить надо!

— Я спать хочу. Всю ночь собирались и тронулись только теперь. — Он зевнул, широко раскрыв рот.

— Снова трех телег недосчитались, с десятков стражников убито. Самое удивительное — следов от телег нигде не видно.

— Значит, сам Тенгре так хочет, он поднял их в небо, — проговорил нойон, лениво натягивая на себя одежду. Он вылез из кибитки и сел на коня, которого подвели кишектины.

— Мы в Булгар идем, не так ли?

— Ну, так, — отозвался Субадай, не понимая, куда клонит брат.

— А это значит, что возы воруют булгары. Все понятно: войско идет по чужой незнакомой местности. Если бы к нам войско нагрянуло, ты поступил бы точно так же. Верно?

— Вчера три воза, сегодня...

— Вещи жалеешь? У кого уж мы их награбили — у армян, грузин, кипчаков, урусов?..

— Среди стражников был дальний родственник Чингисхана Чага Бакай. Семеро детей без отца остались.

— Кто велел ему воевать идти, имея такую кучу детей? Я, что ли? Или, может, ты?.. Нет, сам Чингисхан. А коли так, то ни твоей, ни моей вины в том нет. Чага Бакай мечтал разбогатеть, десять возов добра награбил. Жадность не только людей губит, Субадай, но даже лошадей. На поиски отправил людей?

— Нет! Говорю же тебе, первые три воза как сквозь землю провалились. Да что это за земля такая! Леса, овраги, реки, ручьи, болота, озера... Проклятая земля!..

— А я тебе что говорил? Кто уговаривал не ходить в Булгар?! Да и теперь не поздно. А телеги все равно искать придется. Пусть прочешут все вокруг. Враг может подумать, что мы боимся его. Что поделаешь, ведь мы на чужой земле и не торговать сюда прибыли, а грабить. А может, ты на булгарском базаре торговать собрался, а?

— Да ладно тебе, абам!

— Ступай, сам покружи тут, если встретишь хоть одну живую душу, тащи ко мне! Возьми с собой Чиляби-менбаши, правую руку мою. И не забывай о том, что мы на чужой земле!

— Думаешь, не воры телеги украли?

— Я думаю, Субадай, что булгарский хан уже начал войну против нас. Сегодня он на обозы нападает, а завтра явится с войском. Скорее бы нам до Идели добраться.

— А там что?

— Что, что! За рекой снова степь начнется. Нас теперь только степь спасти может, Субадай. — Джабай-нойон покачал головой. — Вон видишь, кто там впереди? Это Плускай. Вот на кого вся надежда!

— Я никого не боюсь, абам. Мои лазутчики дошли до самой реки и ничего, кроме покинутых жителями аулов, не видели. Никакого войска там нет. Они ушли на целый день вперед, все высматривают и чуть что шлют донесения.

— Все равно война будет большая, Субадай. Булгарский хан теперь Улуг Мухаммату сват. Знаешь, наверное, у них и язык, и вера общие. Значит, родственники.

— Улуг Мухаммат умер.

— Человек умирает, а имя остается. Мы сами прогнали шаха в Булгарию. У кого дочка шаха, у того и сам Улуг Мухаммат.

— Клянусь, абам, и дочка шаха, и сам он, если только жив, в наших руках будут. Мы победим!

— Вот если бы степь была, — вздохнул Чиляби-менбаши, который ехал рядом с Субадаем.

— Жаль, менбаши, что степь с места на место не передвигается. Это мы кочуем, куда хотим, а она — нет. До реки Идели остался один день пути. Значит, очень скоро столкнемся с врагом. Успеть бы выбрать подходящее для сечи место. Нам не впервой, все образуется. Хасдай, — крикнул Субадай-багадур, — иди сюда! Сообщи воинам: привала сегодня не будет, будем идти всю ночь. Перевозчику Плускаю тоже скажи. Вozy-то по ночам воруют. Так вот, не будет им больше случая.

Субадай-багадур приказал Челяби-менбаши оповестить своих военачальников, а сам поехал к Карлыгач. Привязал лошадь к ее кибитке.

— Ну как, Ташбай не плачет? — спросил он.

— Слава Аллаху, не плачет, — ответила она, отодвигаясь, чтобы освободить мужу место. — Он не плакса, на тебя похож.

Субадай потянулся к сыну, младенец схватил его за палец.

— Ты только посмотри, как вцепился, — засмеялся Субадай. — Быть Ташбаю батыром, Карлыгач!

— Будет, если в отца пойдет. Только я не хотела бы этого. Разве это жизнь! Нескончаемая война.

— Такова уж наша судьба, отцы и деды тоже с места на место кочевали. Вот придет день, когда успокоимся. Поколим все страны, все народы обложим ясаком — и заживем! Будут у нас свои владения, собственные пастбища.

— Дай-то Аллах, — сказала женщина, не глядя на мужа, и вздохнула. — Решили не делать остановки, да?

— Да, ехать будем всю ночь, отдыхать — днем. В движении, как любят говорить старцы, жизнь. Подводы воровать стали. А когда войско движется, не посмеют сунуться. Разве что жизнь им не дорога.

* * *

Субадай оказался прав: на этот раз за ночь ни один воз не пропал. Утром остановились на привал, воины тут же как подкошенные повалились спать, даже о еде забыли. Бывают же случаи, когда сна нет на свете ничего. Субадай-багадур снова поскакал к брату. Джабай-нойон сладко по-сапывал, лежа на шахской перине в завешенной пологом кибитке. Рядом раскинулись беловолосые девушки. Когда Субадай откинул полог, одна из них игриво подмигнула ему. Девушка напомнила ему бабочку. Казалось, легонько задень ее — и тут же упорхнет. «Так которая же из них княжна?» — подумал Субадай. Брат, захмелев, похвастался как-то: «А у меня княжеская дочка есть!»

Субадай провел рукоятью хлыста по голой ноге Джабая, торчавшей из-под полога.

— Вставай, брат, просыпайся!

Нойон протер глаза, взглянул на Субадаю, который придерживал полог рукоятью плетки, и резко откинул одеяло. Взгляд багатура упал на срамное место голой девушки, скользнув вверх, остановился на тугих холмиках груди. Девушка испуганно обхватила себя руками и, поскольку спрятаться было некуда, уткнулась лицом в перину. Субадай расхохотался:

— Голову спрятала, а зад-то голый!

Джабай сердито задернул полог и посмотрел на брата:

— Коли приглянулась — плати! Два балиша золота. Она настоящая княжна, не пожалеешь...

Субадай взглянул на Хасдаю. Тот ухмылялся в усы.

— Не слишком ли дешево оцениваешь княжескую дочь?

— Я цену знаю, — ответил Джабай-нойон, — прошу что положено.

— Да, это верно, по этой части равных тебе нет, — улыбнулся Субадай. — Ладно, абам, давай-ка о деле поговорим! Завтра придем к реке. Больше недели понадобится, чтобы переправиться.

Джабай натянул сапоги, пригладил усы, в которых застрял пух. Ему подвели коня.

— А что, разве река такая уж широкая? — спросил он.

— Говорят, очень широкая.

— Ну что ж, все равно переправимся. Разве раньше нам не приходилось делать это? Не дал ты мне доспать. Да где же это видано, чтоб ночью не спать? Вчера я промолчал, а сегодня зло меня берет. Ну и к чему все это ночное бдение?

Субадай-багадур показал рукоятью плети на горы, синевшие вдаль:

— Вон видишь две горы, которые жигуле ат* напоминают? Плускай говорит, что для переправы лучше места не найти.

— Ну что ж, туда и отправимся, вот только отдохнем немного. Ближе к закату солнца нужно будет собрать мен-баши на совет, — сказал Джабай-нойон, давая этим понять, что руководство отныне он снова берет на себя. Ты ступай, тоже отдохни! Вечером поговорим. Ходишь тут, покоя от тебя нет.

Субадай-багадур промолчал. Если подумать, то брат прав: с измученным войском не повоюешь.

Подъезжая к телеге, он услышал плач ребенка и велел кишектинам остаться. Они знают, как охранять военачальника, учить не надо. Лишь Хасдаю сказал:

— Разбуди меня вечером!

Но не успел багадур прилечь, как вернулись лазутчики. Они дали о себе знать покашливанием.

— Кто там? — спросил Субадай.

— Это я, башбагучи, Тагарил.

Багадур откинул полог:

— Что случилось?

— Кроме пастухов, не встретили никого.

— Торговцев тоже не видели?

— Мы узнали, что они теперь через земли урусов ходить стали. Напугали мы их. Здесь всякие народы живут. Очень бедные, в маленьких юртах теснятся. Юрты сверху дерном покрывают.

— Что едят? Чем занимаются?

— Рыбу ловят, хлеб выращивают, скот держат. Похоже, не голодают. Чего ни попросишь, тут же выносят. Один даже родную дочь за два балиша золота отдал.

— Есть рыбу — грех. Выходит, здесь грешники живут?

— У нас это грехом считается, а у них нет. Станный народ. А еще говорит, что болгары богаты!

Субадай-багадур был зол на Тагарила. Лазутчики всег-

* Жигуле ат — *по-татарски*: запряженные лошади (Речь идет о Жигулевских горах).

да впереди войска. Как же они могли не видеть тех, кто угнал подводы? Может, и видели, да притворяются, будто не знают ничего? Уж не мстит ли ему этот Тагарил за что-то? Чем-то недоволен? Субадай сам недоволен им, только теперь не время выяснять его вину.

— Так чьи эти земли, Тагарил агай? — спросил он.

— Булгар и кипчаков.

— Как, и кипчаки здесь есть?

— Они с булгарами всегда по соседству жили. У них песни и те одинаковые, и язык, обычаи. В жены берут дочерей друг друга. Одни кипчаки больше с урусами знают, другие — с булгарами.

— Тагарил агай, приведи ко мне Бутакая, главного лазутчика Джабай-нойона. Вместе решим, как нам быть.

Спать уже не хотелось. Субадай сел на коня. Когда надо, он и в седле спать умеет. Как бы крепко ни спал, не было случая, чтобы свалился с коня. И конь ни разу с пути не сбился. Почувяв, что хозяин уснул, он даже фыркать переставал.

Субадай посмотрел вперед. Горы, так напоминавшие лошадь с телегой, от самого подножия были сплошь покрыты лесами. Плускай утверждает, что там удобная переправа. Хотелось своими глазами взглянуть на это место. Однако получилось иначе: Субадай-багадур закрыл глаза и тут же уснул.

И снилось ему, будто стоит он посреди знойной пустыни. Коня нет, да и сам он вроде не тот. Солнце нещадно жжет спину. Он хочет повернуться, но не может — что-то мешает. Или держит кто-то? Хочет Субадай убрать препятствие — рука не достает. Багадур с силой махнул рукой и вдруг почувствовал, что падает. И вот он сидит на земле, воины кругом смеются над ним и дразнят.

— Багадур, багадур, — слышит он голос лазутчика, — ты же упадешь!

Субадай проснулся, почувствовав, что сползает с седла. Он с трудом взгромоздился на место и подобрал повод. Рядом никого не было. Багадур оглянулся. Телега осталась далеко позади, он ушел вперед. Тут показались Тагарил с Бутакаем, которые мчались к нему. Да нет, это же не Бутакай, а кто-то чужой в шлеме. На макушке шлема трепыхается перо, в руках лук со стрелой. Вот он натянул и отпустил тетиву. Что это? Неужели он все еще спит?!

Субадай-багадур очнулся. Телега рядом, кишечины крепко спят на том самом месте, где сразил их сон. Над самым ухом просвистела стрела. Субадай закричал страшным голосом:

— Врар! Врар! Вставайте!..

Но было поздно — на них посыпался град стрел. Многие из телохранителей, кто не успел проснуться, так и остались лежать, лишь некоторые пытались сесть на коней. Однако стрелы настигали их, и кишектины с воплем падали на землю. Субадай-багадур, застигнутый врасплох, растерянно топтался на месте и вдруг почувствовал, как конь под ним валится набок. Должно быть, от волнения, Субадаю никак не удавалось высвободить ногу из стремени, и он остался под конем. Буланый жеребец, изо всех сил борясь со смертью, больно ударил его железными удилами по лицу. Субадай гневно вскричал и дернулся, пытаясь вытащить из-под коня ногу, но и конь не лежал спокойно, вновь и вновь делая усилия встать. Вторая нога багадура подвернулась, лицо снова оказалось рядом с лошадиной мордой. Конь тряхнул головой так, что угодил железом Субадаю в глаз. Багадур взревел от резкой боли и потерял сознание.

...О том, что случилось дальше, ему рассказал менбаши Хасдай. Субадай слушал его, лежа на телеге.

Из леса за ручьем внезапно выскочило несколько сотен всадников. Стреляя на скаку из луков, они приблизились к телеге Субадай-багадура. Хасдай вскочил в седло и с отрядом успевших проснуться и сесть на коней воинов пытался остановить врагов, которые рвались к Субадаю, но его людей разметали. Тут конь под Хасдаем споткнулся, менбаши перелетел через его голову и потерял сознание. Когда пришел в себя, врагов уж и след простыл.

* * *

Субадай-багадур потрогал перевязанный глаз и поморщился от сильной боли. Ноги тоже болели. Но ему не жалко было ни глаз, ни ног, больше всего огорчала потеря буланого жеребца.

— Что с буланым моим?

— Его повара унесли, багадур.

Субадай отвернулся, из здорового глаза выкатилась одинокая слеза. Конь понимал человеческую речь. Вот как суждено было им разлучиться!

Пришел лекарь, долго разглядывал вытекший глаз багадура, его больные ноги, потом сказал:

— Ноги заживут скоро, а вот глаз видеть не будет. Второй глаз цел, им смотреть станешь.

Субадай не ответил, разговаривать не хотелось. Он не помнил, кто и когда переправил его за реку. Через два-три дня быстрого марша остановились на привал. Наконец при-

был Джабай со своим лекарем. Долго смотрел на брата, не сходя с коня. Один глаз Субадай был перевязан, другим он сердито смотрел на Джабая.

— Где твои подводы?

— Лучше спроси, где мои воины, где войско мое... Враги заманили меня в ущелье между двух гор. Кромсали и топтали нас так, что живым, можно сказать, оттуда никто не вышел. Ты вон под конем остался и спасся, а я остался без войска и без обозов. А все из-за тебя, — сказал Джабай-нойон и, повернувшись к своему лекарю, велел осмотреть багадура.

Субадай закрыл глаз и долго не открывал. Видя, как он страдает от собственного бессилия и безнадёжности, лекарь посоветовал успокоиться. Он осмотрел ноги, натер их какой-то жидкостью, потом снял с глаза черную повязку.

— Глаз вытек, — сказал он, не глядя на Джабай-нойона, — видеть уже не будет.

— Пусть радуется, что второй есть. Некоторые всю жизнь одним глазом глядят, — отозвался тот.

По жесткому тону брата Субадай понял, что житья ему теперь не будет. Отныне что бы брат ни сказал, он всегда будет прав. Сотни подвод потеряны, тысячи воинов взяты в плен. Перевозчики едва успели переправить Субадаю через Идель, как налетели болгары. Всех, кто еще оставался на том берегу, перестреляли или же утопили в реке.

Лекарь обернул ноги шкурами, осторожно перевязал пострадавший глаз.

— Через несколько дней поднимется, — сказал он.

— Да что теперь с того, поднимется он или не поднимется, — продолжал ворчать Джабай. — Войска нет, обоз у врага.

Субадай закрыл единственный глаз. Ему теперь не то что брата, небо противно было видеть. Когда вернутся в стан Чингисхана, брат, конечно, не пожалеет красноречия, распишет все в мельчайших подробностях. После этого хан с отвращением станет смотреть на железного своего батыра, а еще того хуже, лишит звания багадура.

— Мне стыдно, абам, — проговорил Субадай. — Стыдно...

— Уж очень высоко замахнулся ты. Эмиром себя над всеми нами возомнил. «Железный» багадур! Радуйся, что ноги живым унес. Вот поднимешься скоро, снова на коня сядешь.

Субадай болезненно скривил лицо, из здорового глаза снова скатилась слеза. Увидев, что брат плачет, Джабай-нойон сжался, смягчился немного:

— Да не страдай ты так, все наладится со временем, была бы голова цела.

— А где моя Карлыгач, абам?
— Карлыгач! — повторил Джабай-нойон, скривив губы. — Карлыгач твою вместе с подводами твоими забрали. В плену она. Войско-то твое даже не защищалось толком. Все чужаки-наемники перешли на сторону болгар и стали драться против нас. Увидев это, надежные воины тоже побросали оружие.

— Где башбагучи Тагарил?

— Один Тенгре знает. Лиса он, твой Тагарил, а не башбагучи. Еще и трус к тому же. Он в лес войти побоялся, а там болгары прятались, нас поджидали.

— А твой башбагучи Бутакай где?

— И его, похоже, земля проглотила.

— Они же вместе были! Я послал их посмотреть, что за местность между горами.

— Видно, там и сгинули, к врагу в капкан угодили.

— Сколько в живых осталось?

— Да кто ж знает это? Кто уцелел, все еще догоняют нас, — Джабай сошел с коня и попросил принести кумыс. Он не спеша осушил пиалу и налил брату. — На, пей! Успокойся...

Субадай начал пить и расплескал кумыс. Он застонал и заскрежетал зубами. На поле боя раненых обычно закалывали копьями, говоря: этот уж все равно не жилец. Субадай и сам так поступал даже со своими людьми. А ведь его тоже могли заколоть. И напрасно не закололи, не пришлось бы переживать такое унижение. Как же он предстанет перед ханом, который всегда ставил его другим в пример? Через сколько битв прошел и до сих пор не знал, что такое неудача. Впервые в жизни испытал горечь поражения. Некоторые военачальники после разгрома их войск убивали себя. «Почему он так поступил?» — всякий раз удивлялся этому Субадай, а теперь и сам был рад умереть.

От кумыса он отказался.

— Не хочешь, не пей, — сказал Джабай-нойон. — С году подохни. Может, ты думаешь, от того, что ты умрешь, солнце всходить перестанет? Дурак ты! Мы с тобой еще вернемся в эти края, еще покажем болгарам, которые довели тебя до такой жизни...

— Да, покажем, — повторил Субадай и застонал от нестерпимой боли в глазу.

Тенгре был милостив к нему. В каких опасных сечах приходилось участвовать, а он всегда выходил из них живым. Но сам мало дорожил чужой жизнью. Ему ничего не стоило разрубить человека пополам. Вид окровавленного тела никаких чувств у него не вызывал. Что кровь человека, что вода, ему было все едино. А стоило пролить собственную

кровь, так и жизнь не мила стала. Все смотрят с жалостью. Давно ли все они дрожали от одного его взгляда? Даже брат слушался, выполнял приказы. Теперь он как подкошенное дерево — пошевелинуться боится, ноги не чувствуют ничего, будто не свои.

Субадай взглянул на менбаши Хасдая, который стоял рядом с таким выражением лица, что, казалось, вот-вот заплачет. Это он вынес своего господина из ада, помог переправиться на другой берег и спас кишектинов. Правда из тысячи их осталась какая-нибудь сотня, но дело свое они выполняют. Субадаю хотелось сказать менбаши что-нибудь хорошее, но он не нашел слов, только осторожно кивнул ему. Хасдай тоже не проронил ни слова.

Брат Джабай сидел возле костра и с аппетитом обгладывал кость. С той стороны тянуло едким кизячным дымом. Запах дыма и пригорелого мяса напомнил ему почему-то о Карлыгач и Ташбае. Сердце заняло при мысли о них. Вот что делает немощь с человеком! «Карлыгач моя, Ташбай мой, что они с вами сделали?» Поверженных врагов, пытавшихся оказывать сопротивление, Чингисхан приказывал безжалостно уничтожать, даже младенцев. Субадай сам не раз участвовал в этом. Он вдруг представил себе окровавленное тельце маленького сына. Багадур закрыл единственный свой глаз, но ужасное видение не покидало его.

Солнце исчезло за горизонтом, стемнело, небо усеялось звездами. Субадай лежал, уставившись в небо. Стоило ему закрыть глаз, как перед ним вновь и вновь возникало одно и то же видение — убитый Ташбай и его Карлыгач в объятиях врага. Жену убивать не станут, ни у кого не хватит духу поднять руку на такую красавицу. Карлыгач скорее всего кто-нибудь возьмет замуж. А вот Ташбая наверняка уж нет в живых...

Сна не было. Среди ночи он попросил Хасдая принести ему гусиной крови. Хотя менбаши и знал, что гусей больше нет, он не стал ничего говорить — пошел к поварам и принес овечьей крови. Но багадур пить не смог, его мучило.

Перед рассветом на долину опустилась прохлада. На Субадаю набросили овчину, но он все равно мерз, зубы выбивали дробь, его трясло. Хасдай налил ему араки. Лишь после этого багадур почувствовал, как по телу растекается блаженное тепло. Он успокоился и вскоре уснул. Но сон был коротким. Когда он проснулся, было еще темно, но повара уже хлопотали возле костра. Вместе с запахом дыма к багадуру вернулись горестные думы, память разматывала свой клубок.

Отец его, кузнец Джирсудай, частенько говаривал: сме-

лость придает удалому силы. Субадай считал себя сильным и смелым. И вот он лежит, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Он должен встать! И встанет сегодня же. Правда, воины не станут, как прежде, выполнять его приказаний: брат Джабай всех подмял под себя. Не отступился от Субадая только Хасдай со своими людьми. В народе испокон веков смеялись над трусами и дразнили калек. А над сильными и смелыми не смеются. Сильному покоряются — так любит говорить Чингисхан. Сам он силен, и не только телом. Дух его настолько крепок и могуч, что всех способен подчинить себе. Потому-то он и Чингисхан! Но ведь было время, когда он нуждался в помощи. Выходит, дух его и в колодках сломен не был!

А что стало с ним, Субадаем? Душа совсем размякла. Разве не он тот, кого величали железным багадуром? Так не пристало же ему валяться и глотать слезы! Если бы только не вытекший глаз, который такие муки причиняет, что сил не хватает терпеть.

Он со стоном повернулся на другой бок, крепко сжал зубы, чтобы не закричать, а нижнюю губу прикусил до крови. «Молчи, Субадай, терпи, чтобы никто не слышал твоих стонов», — мысленно приказывал он себе. Услышат у костра и усмехнутся: а железный-то багадур, оказывается, такой же человек, как и все.

Откуда-то донесся топот копыт. Поднялась тревога — все схватили оружие, бросились к коням. Послышались отрывистые команды Джабай-нойона:

— Копья вперед! Лучники — направо!

Сердце Субадая часто забилося, боли мгновенно исчезли куда-то — все заглушил страх, овладевший всем его существом. Хотелось подняться и посмотреть, откуда этот устрашающий топот. Он стал осторожно двигаться, но резкая боль пронзила вдруг спину, и он потерял сознание.

Страхи оказались напрасными, это были свои лазутчики, бежавшие от болгар. Те, кого считали пропавшими, оказались живыми и невредимыми. Они соскочили с коней и стали обнимать товарищей, радуясь встрече. Тагарил пошел к телеге, где лежал Субадай-багадур, который начал приходить в себя.

— Багадур, — сказал главный лазутчик, — ты спасся, оказывается, ты ранен! — и в голосе его слышалась вина. — Мы тоже насилу унесли ноги.

— Это ты, Тагарил агай?

— Я, багадур, твой башбагучи Тагарил.

— Где моя Карлыгач, ребенок где, Тагарил агай?

— Не знаю, багадур. Когда мы вернулись на место бит-

вы, там уже никого, кроме убитых, не было. Нас окружили. Пришлось прорываться. Булгары — умелые воины. Я стар уже, не смогу вернуться сюда, а тем, кто придет еще раз, хочу сказать: в Булгарию с двумя-тремя тыменями лучше не соваться. Сильная страна, войско обучено. Воюют они, как и мы, верхом. Есть у них даже греческий огонь. Когда встанешь на ноги, соберешься сюда в другой раз, не забудь, багадур, что я тебе сказал... Добра было у меня с десятков подвод, и все булгарам досталось.

— Я тоже все потерял, Тагарил агай. Да еще без глаза остался, ноги вот не ходят. Конь меня придавил...

— Теперь ты спасен, багадур. Скоро к хану вернемся, а уж там дороги все хоженные, знакомые. Хорошо, что хоть один глаз остался у тебя.

— Удачи тебе, Тагарил агай. Сколько воинов спасти удалось?

— Слава Тенгре, что живыми остались. Потерь немало было. Нас Плускай через реку переправил. А сам в плен попал. «Так ты в битве-то, выходит, не участвовал, Тагарил агай, — подумал Субадай багадур, — прятался где-то», но ничего не сказал: человек этот — сородич Чингисхана, хотя и дальний. В его положении не врагов плодить надо, а друзьями обзаводиться. Ради этого можно и душой покривить. Старый Тагарил еще понадобится, когда предстанут перед ханом. Одно его слово может спасти доброе имя Субадая. А сейчас лежит он на чужой земле, не может двинуть ни рукой, ни ногой, без одного глаза — как баран недорезанный. Кому он нужен? Все, что он умеет делать, — это воевать. Если поднимется когда-нибудь, будет знать, как быть дальше. А если не поднимется?.. Отец не раз повторял: хочешь, чтобы не вредили тебе, не делай зла другим.

31

Для Ильгам-хана настали тревожные дни. Вот уже третий человек толкует ему о каком-то нашествии. Раньше всех об этом заговорил его торговец Ярулла, который якобы видел неизвестных завоевателей собственными глазами и чуть не умер от страха. Потом торговец Биккол слышал где-то о несметных полчищах. И, наконец, кипчакский менбаша Батай, бежавший со своими воинами в Булгарию после бойни, какую устроили им жестокие захватчики. Одно дело видеть, другое — сразиться с врагом в кровопролитной битве. Вот тогда Ильгам-хан окончательно потерял покой. По словам Батая, это опытные воины, которые разгромили аланов, гру-

зин, армян, кипчаков, урусов и теперь идут на Булгар, делая продолжительные привалы, чтобы пасти скот.

Что же это за народ, кто послал его сюда? Спрашивая людей, удалось выяснить, что правит ими захватчик по имени Чингисхан. Тот самый, что в прошлом году превратил в развалины цветущий Хорезм. Народы называют полчища Чингисхана татарами, хотя себя хан, как оказалось, татарин не считает. Дело не в названии, а в сути. И вот теперь это бедствие надвигается на Булгар. Менбаша хана Кончака на своей шкуре испытал, что это такое. В Булгарию он прибыл с сотней своих людей и теперь просит хана дать ему войско, чтобы отомстить непрошеным гостям. Поразмыслив над всем этим, Ильгам-хан решил дать менбаша Батаю еще две-три сотни воинов, чтобы следил за передвижением неизвестных полчищ и сообщал ему.

Ильгам-хан позвал визиря Камая и велел ему обсудить с Батаем свой план. На другой же день он принял Батая сам. За прошедшие дни ему удалось собрать о войске Чингисхана довольно много сведений. Привлекая Батая на борьбу с врагом, он опирался на эти подробности. Когда менбаша вышел, визирь Камай сказал:

— Стало известно, улуг хан, что Чингисхан находится теперь на земле хорезмшаха, а сюда прислал военачальников Джабай-нойона с Гомай беком и не знавшего до сей поры поражения багадур Субадая, получившего прозвище Железный багадур. Гомай бек, как ты слышал, погиб во время схватки с урусами и кипчаками, а Джабай-нойон с Субадай-багадуром идут сюда.

— Выходит, первым делом нам надо уничтожить Субадай-багадура. Кому это поручим, визирь Камай?

— Батай-менбаша станет совершать набеги извне. Нам, хан, надо постараться проникнуть в стан врага. Для этого нужен подходящий человек. Кто сможет пойти туда? Мне кажется, это должен быть торговец. Слышно, торговцев они не трогают. Я, правда, этому не верю. Но бывало, что и отпускали, не взяв с них ничего. Потеряв в бою с урусами и кипчаками много своих людей, они набрали воинов из тех же кипчаков и других народов. Если пошлем туда азатов Таймас-багадура, думаю, они смогут затеряться среди врагов.

— Мудрая мысль, визирь, очень мудрая. Ну а какие еще есть у тебя предложения?

— Я уже говорил, хан, под видом торговца надо отправить Биккола. Пусть возьмет с собой женщин, служанок, дорогие товары. Через них мы сможем узнавать, что происходит в стане...

Когда визирь вышел, Ильгам-хан взял в руки четки и сел на трон. Да, неплохо бы проникнуть в стан врага. Менбаши Батай сможет нанести им некоторый урон, но что это изменит? От этого они не перестанут двигаться на Булгар. Придется собрать войско и выслать его навстречу врагу, чтобы сошлись на берегу Идели. Нельзя допустить большого сражения, для этого понадобится очень большое войско. Враг опытен, коварен, покорил много народов. И Хорезм разнес — камня на камне не оставил. А ведь Хорезм в Туране был самой сильной и хорошо укрепленной страной. Да, большое нужно войско.

В то же время от помощи Батая и Биккола отказываться нельзя. Как говорится, лишний воин делу не помеха — пусть беспокоят врага, пусть собирают сведения. Отец Салим-хан говаривал: «Точные сведения о враге — это уже половина победы». Биккол уже имел дело с воинами Чингисхана, столкнулся, когда вез шахскую дочку. Самого Биккола они не тронули, зато дочку шаха отняли, а наставника ее зарубили. В конце концов бедняжка попала к Ярулле. Он и доставил ее в Булгар...

Дошла до Ильгам-хана еще одна новость: оказалось, что торговец Биккол привез с собой сына старшего брата, Гали-углана. Хан приказал позвать торговца во дворец. Он поговорит с ним о деле и не станет упоминать о племяннике. На прошлом меджлисе он и сам убедился в том, что Гали-углан вернулся. Пусть себе живет! Мало ли народу понаехало в Булгар из Ургенча.

Ильгам-хан всерьез подумывал о том, чтобы назначить Биккола своим визирем, но, узнав про Кул Гали, передумал. Визирь Камай, слава Аллаху, неплохо справляется со своими обязанностями. Бывает, правда, что и ошибается, но кто в этой жизни не ошибается?

Хан встал с трона и принялся ходить по залу, размышляя. Хотел понять, какая сила управляет багадуром по имени Субадай. Железный багадур! И откуда в человеке столько могущества?!

Да, Ильгам-хану было о чем задуматься. Брат эмир Хаджи, похоже, совсем уж отделился от него, весной самостоятельно выступил против Муромы. Обиделся: торговцев его обокрали, видите ли! Мстить-то, она только к мести и приводит. Неужели забыл простую эту истину? После набега, видно, успокоился, давно вестей о нем не было. Хорошо живет, даже опасность, нависшая над страной, не тревожит его. И зачем ему беспокоиться, ведь он надежно скрыт за лесами? Про чужаков рассказывают, что леса они как огня боятся.

Субадай-багадур не знает поражений. Что если этот злодей и болгарского хана Ильгама поставит на колени или убьет, как киевского князя Мстислава, а то и под кошму сунет, как сыновей того князя?

Ильгам-хан разослал гонцов во все концы: к багадуру города Саксин, к брату эмиру Хаджи, к Булат-углану и даже к Нурсаит беку, который восстанавливает Ашлы, — всем сообщил о грозящей беде. Раньше в Ашлы было небольшое войско, но хан сам натравил на город урусов, так что винить некого, кроме себя. Сам князь Юрий не стал участвовать в походе, послал младшего брата Святослава.

Правда, Юрий по просьбе Ильгам-хана отпустил пленных, но хану легче от этого не стало. Как говорится, каким бы ножом мясо ни резать, вкус его от этого не изменится. Ашлы так и остался пятном на его совести.

Ильгам-хан понимал, что настало время, когда от его решений зависит судьба Булгарии. Визирю он приказал в большом количестве заготавливать продукты на случай осады — коптить казылык, солить мясо. Нужно было оповестить народ о том, что каждый мужчина, способный держать в руках оружие, будет призван в ханское войско. Глашатаи огласили указ в каждом городе, каждом ауле.

Хан принял у себя Биккола и объяснил, какое возлагает на него ответственное дело. Торговец, не ожидавший подобного поворота беседы, долго молчал.

— Я знаю, ты верой и правдой служил моему отцу, — сказал Ильгам-хан. — Ты знаешь жизнь. Нет языка, на котором бы ты не говорил, нет земли, где бы не побывал. Теперь стране нашей угрожает коварный и сильный враг. Он и родственников нам кипчакаков, и урусов покорил, отнял у них жизни, добро и теперь подступает к нам.

— На нас ли враг идет, хан?

— Для того и посылаю тебя, чтобы все выведал, Биккол агай. Дело опасное, не всякому по плечу. Как мне быть, ведь ты единственный, на кого могу положиться.

— Где они собираются перейти Идель? Это надо выяснить прежде всего. Туда следует стянуть войска, хан. Хорошо, я согласен, на подготовку мне потребуется дня два-три. Подберу надежных людей.

— Я надеюсь на тебя, Биккол агай.

Торговец встал и, приложив руку к сердцу, поклонился хану.

— Сделаю все, что в моих силах, хан.

— Возьми у казначея Вартана сто монет золотом. Пусть не скупится, выдаст все, что положено. Когда земля горит под ногами, нечего золото жалеть, голову жалеть надо.

Пока все шло как было задумано. Багадур города Саксина заверил, что явится по первому же зову хана, и Булат-углан с братом сообщили, что едут. А вот эмир Хаджи пока молчит. Гонцу сказал, что подумает. А вдруг не придет на помощь, что тогда? Может, самому поехать к брату? Придется, видно. Как говорится, упрямец упыря не краше. Отложит все дела и отправится на поклон. Никому не скажет ни слова, даже охрану с собой не возьмет... У эмира Хаджи огнеметы. Правда, неизвестно пока, понадобятся ли они. Но все равно ехать надо, встать перед старшим братом на колени...

Вошла ханбике Марьям. Увидев посреди комнаты мужа, задумчиво перебирающего четки, она прижалась головой к его плечу. Ильгам-хан молча пожал ей руку и опустил четки в карман. Он знал: бике любит его, не может скрыть своих чувств, даже когда сердится. Да и не пытается скрывать.

— Пойдем спать, Ильгам, поздно уже.

Неожиданно впервые в жизни хан почувствовал, что ему неприятны слова жены. Почему бике не хочет понять его? Ведь знает, какое теперь время. Разве не она плакала, когда он рассказал об участии киевского князя и его сыновей? Или женщины рождены лишь для того, чтобы их любили? Уж и не молода, а все без него уснуть не может. А может, и лучше, что не лезет в политику, не сидит, как мать Зубаржат, на меджлисах, не вступает в споры мужчин и других поучать не пытается?

Ильгам-хан легонько обнял жену за талию и повел в спальню. Перед дверью спальни сказал, посмотрев ей в глаза:

— Ты иди ложись пока, я скоро приду!

Марьям-бике в длинном, до полу, шелковом платье, с рассыпавшимися по плечам густыми светлыми волосами улыбнулась ему, обернувшись на пороге.

Мысли хана снова завертелись вокруг будущей войны.

Как же они сражаются? Говорят, только верхом. Значит, применить огнемет не удастся. Исход войны может решить внезапность. Надо напасть на них еще на правом берегу Идели. Ему донесли, что луки и стрелы у чужаков не совсем такие, как у них. Выходит, надо раздобыть их луки со стрелами и заказать кузнецам, чтобы натянули так же. До сих пор еще никому не удавалось остановить войско Железного багадура. Почему же хан думает, что Булгарии это под силу? Чтобы победить, надо очень хорошо подготовиться...

Ильгам-хан, принявший решение ехать к брату, все никак не мог выбраться — дел было выше головы. Он часто, точнее, через день, бывал на Ага-Базаре, ходил в толпе, слушал и смотрел. Кто-то узнавал его, а кто-то нет. Выяснилось, что народ тоже напуган, некоторые целыми семьями бежали к арам и черемисам; другие, и таких было большинство, потянулись в Казань к эмиру Хаджи.

Ильгам-хан снова отправил к брату гонца. Наконец ответ был получен. Взяв письмо в руки, хан испытал непонятное волнение. Ровным, аккуратным почерком эмир извещал, что болен и высылает вместо себя багадура Джик Мергена. Даже печать не приложил. Впрочем, руку брата он узнал сразу же.

Очередная выходка Хаджи оскорбила хана, он хотел даже отдать приказ, чтобы Джик Мергена не пускали в город, но, подумав, успокоился. Тубыкбай тоже был вызван во дворец. Он обещал быть в Булгаре на следующей неделе. Джик Мерген тоже скоро должен быть.

Ильгам-хан примет багадура, поговорит с ним, узнает, что думает брат обо всем, что происходит. Джик Мерген — лучший болгарский лучник, отказаться теперь от услуг такого воина было бы глупостью. Он друг эмира Хаджи. Тубыкбай тоже прекрасно уживается с братом. Отчего же братья так далеки друг от друга? Брат ни разу не появился в Булгаре с тех пор, как Ильгам стал ханом, сам он тоже не бывал в уделе брата-эмира.

На следующий день Джик Мерген в свободном джиляне, шлеме предстал перед ханом — взгляд узких глаз смел и независим, сам легкий и быстрый. Ильгам-хан поспешил ему навстречу, не скрывая своего восхищения багадуrom.

— Проходи, проходи, багадур, добро пожаловать! — сказал он и, взяв Джика Мергена под локоть, повел к трону. — Садись, надо посоветоваться. — Он усадил военачальника рядом с троном. — Ты ведь знаешь, какая опасность грозит нам? На тебя, багадур, я очень надеюсь. Думаю, не подведешь.

— Я ведь не свободен, великий хан, служу эмиру Хаджи. Как он скажет, так и будет.

— Ладно, ладно, багадур. Не сомневаюсь: когда враг станет угрожать нам, брат не сможет остаться в стороне. Слышал я, он новые огнеметы делает. Вот только не знаю, удастся ли теперь использовать их?

— Этого и я не знаю, великий хан. Я воинами командую.

— Говорят, женился ты, уж и ребенок есть? Это хорошо, очень хорошо. Счастья ему. Будет стране еще один батыр. Как говорится, мужчины нет без жены, а женщины нет без ребенка. Все верно. Ну а про врага слышал что-нибудь?

— Слышал, что разгромил войско урусов с кипчаками, а еще про расправу над князем.

— Дикий народ, совершеннейшие звери! О Аллах, да как же это можно бросить людей под кошму, а потом сидеть на них, веселиться и пьянствовать?!

— Каков царь — таково и стадо, хан.

Ильгам-хан пропустил замечание багадур мимо ушей. Можно было бы поспорить с ним, но хан вовсе не собирается вступать в перепалку с гордым и независимым военачальником, ведь он вызвал его по другому поводу.

— Хочу дать тебе очень важное поручение, багадур.

Джик Мерген выпрямил спину, поправил саблю на боку.

— Для меня это большая честь, хан.

— Ты прибыл с войском?

— С тысячей во главе с менбаши. Надежный, верный человек. И воины у него как на подбор, улуг хан.

— Где же он, менбаши?

— Во дворе твоего дворца, великий хан.

— Как думаешь, не мог бы он встретить врага за Иделью багадур? Я каждый день получаю сообщения: полчища приближаются к реке. А это значит, и в этом уже нет сомнений, они идут на нас. — Джик Мерген хотел было возразить что-то, но хан опередил его: — Не спеши, выслушай сперва. Знаю, не свободен ты, как сам говоришь. Хочешь сказать, что тебе нужно разрешение эмира? Будет разрешение, не волнуйся, багадур. На тот берег Идели я уже отправил менбаши по имени Батай. Перебив охранников, он похитил у врага подводы с оружием. Говорят, Субадай-багадур после этого совсем покой потерял. Твое появление вызовет там еще больший переполох. Что, если нападешь на стан Субадай-багадура с самыми меткими из твоих стрелков? А мы тем временем заманим войско Джабай-нойона в горы Жигулат. На помощь к тебе придут Бачман-багадур и Булат-углан...

— Великий хан, можно дать один совет? Понадобится карта. Карта Булгарии.

— Это есть, есть у нас, багадур. Вон на столике!

— Давайте пройдем туда, хан!

Ильгам-хан, как видно, не ожидал такого приглашения и

стоял в нерешительности, но поскольку Джик Мерген уже направлялся к карте, последовал за ним.

— Брага надо начать беспокоить уже вот где, — сказал багадур, показывая участки на карте.

— С тысячей воинов, багадур?

— С тысячей, великий хан. Тысяча умелых воинов стоит на войне целого вражеского тюменя.

— А у врага, как мне сообщили, три тюменя.

— Пусть, но они движутся. Три тюменя не могут двигаться одновременно. У них обоз, стада. Бои не будут открытыми, великий хан. В этом я согласен с вами. Ведь я из казаков и знаю, когда удобней всего нападать на врага. И потом, великий хан, мы не на вражеской земле, а у себя дома. Не мы их бояться должны, а они нас. На противоположном берегу мы знаем все озера, кустарники, леса и перелески. Мы можем начать вылазки уже вот отсюда, — он показал на карте. — Часть войска можно будет заманить в Жигулатские горы, где их будут поджидать наши главные силы. Там и возьмем их в кольцо.

Странное дело, багадур показывал те же места, о которых думал сам хан. Он положил руку на плечо багадура.

— Кятиб Хафиз! — окликнул Ильгам-хан своего секретаря.

Кятиб неторопливо приблизился, кивнул гостю.

— Я слушаю, мой хан.

— Багадур думает точно так же, как мы. Он говорит, что надо заманить врага в горы и окружить там.

— Я верю Джик Мергену, — сказал кятиб Хафиз и снова поклонился военачальнику. — Народ Булгарии не забудет твоих заслуг, багадур.

— Это верно, — поддержал хан своего кятиба. — Мы желаем тебе удачи, Джик Мерген.

— Улуг хан, так я же...

— Потерпи, багадур, потерпи! Знаю, что сказать собираешься. Я сам отправлюсь к эмиру Хаджи, поклонюсь ему, получу его согласие. Верь мне!

Кятиб удивленно поднял глаза на хана, будто желая убедиться, не подводят ли его собственные уши.

— В священном писании сказано, что, когда стране угрожает опасность, следует забыть на время все ссоры и обиды, — сказал хан, вспомнив слова старого Якуб-бека. Слова хана, похоже, взволновали и обрадовали его подданных.

— Улуг хан, — живо сказал Джик Мерген, — мы выступим уже через два дня!

— Счастья и удачи тебе, багадур! Аллах захочет, так все будет хорошо.

Когда за багадуром закрылась дверь, он прошел к трону и сел. Было приятно оттого, что мнение опытного военачальника полностью совпало с его собственным планом. Но, вспомнив о предстоящей поездке к брату, хан погрустнел. Придется ехать, ведь он слово дал. Как меняются времена! Вот он с почетом принимает человека, который не так давно был беглым казаком. Отец и близко не подпустил бы его ко дворцу. Но обещание надо выполнять, иначе как поддерживать в стране порядок? Завтра придется ехать в Шайтан-Кала.

— Кятиб, завтра утром я отправлюсь в эмиру Хаджи. Всех, кто придет по делу, пусть бусагабаши направляет к визирю.

— Хорошо, мой хан, скажу.

— Хочу и тебя взять с собой. С утра пораньше и поскачем.

* * *

В дорогу решено было взять лишь двоих охранников. Вчетвером двинулись к городским воротам. По обе стороны от хана ехали телохранители, отстав от него на лошадиную голову; кятиб Хафиз, как всегда, был сзади. Ему редко приходилось садиться в седло, и все же у него это неплохо получалось.

До Шайтан-Кала недалеко, к вечеру должны быть на месте. Они проехали половину пути, когда зарядил мелкий дождь. Можно было переждать его в каком-нибудь придорожном ауле, но хан не стал останавливаться.

Вот и опушка леса. Конь под ханом внезапно споткнулся, едва не уронив седока. Ильгам-хан сердито подобрал поводья, обругав коня. Это была плохая примета, но все промолчали, не решаясь заговорить об этом с ханом.

Надо бы повернуть назад, но хан только прибавил ходу. Конь, заупрявившись, скакал как-то боком, сердце его громко стучало. Хану это не нравилось, он стеганул упрямыя плеткой. Конь всхрапнул и совсем остановился. Тут один из охранников догадался проскакать вперед, и конь хана увязал за ним, успокаиваясь понемногу.

«Четвероногая тварь, а тоже не любит, когда с ней грубо обращаются, нутром чует недоброго человека», — подумал кятиб Хафиз.

Выехали к Чулман-реке и потрусили вдоль берега. У воды увидели человека, рядом с которым паслась лошадь. Указав на него рукоятью плети, хан велел узнать, кто такой. Однако человек успел вскочить на коня и скрыться в овраге. Охранники бросились следом, но, не найдя никого, вернулись.

— Ну что, догнали? — спросил Ильгам-хан.

— Он как сквозь землю провалился, хан. Может, поискать его?

— Не надо!

...Поскакали к крепости, которая уже маячила впереди. Ударив коня пятками, кятиб поравнялся с ханом.

— Этот Шайтан-Кала брат мой превратил в настоящий клубок тайн, — проворчал Ильгам-хан, не глядя на кятиба. — Ты слышишь меня?

— Слышу, хан.

— А мне мириться с ним придется. В прошлый раз он воинов моих захватил, так что я в этот раз решил ехать один. Если уж в плен возьмет, то только нас четверых!

— Вы о ком, мой хан?

— Да все о нем же, об эмире Хаджи. Думаешь, кто от нас скрылся сейчас? Определенно, его человек. Небось нас подкарауливал, прослышал о моем приезде. Хотя, кроме тебя одного, об этом никто не знал. Чудеса, да и только!

— Может, эмира Хаджи нет здесь? Не зря ли грешим на него?

— А где ж ему быть? Я по оговоркам Джик Мергена сразу понял это. Эмир испытывает здесь новые огнеметы.

Кятиб промолчал. Он не очень-то верил словам хана. И про шайтана вранье одно. Правда лишь то, что эмир отливает здесь чугун. Говорили, будто этим занимаются рабы, для которых построены особые дома. Этот эмир Хаджи добрый, мягкий человек, он не обижает людей и за хорошую работу щедро платит. Недаром мастера не уходят от него, дорожат своим местом.

Кятиб Хафиз смотрел на башню крепости, которая даже на расстоянии навевала непонятную тревогу и страх. День был ненастный, а потому на крепостной стене не было видно людей. Скорее всего стражники укрылись от непогоды.

Шайтан-Кала охраняет менбаши, под началом у которого тысяча человек. В малых башнях, где, по-видимому, сидела стража, зажегся свет. При их приближении сам собой опустился подвесной мост и открылись ворота — это было похоже на волшебство. Ильгам-хан, погоняя коня, устремился в ворота, его маленькая свита последовала за ним. Когда ворота и мост были пройдены, ханского коня остановил есаул.

— Милости просим, улуг хан! — приветствовал он гостя.

— Где менбаши, почему не встречает? — спросил хан.

— Его эмир позвал, хан.

— Так эмир в Кашане?

— В Кашане, хан.

Ильгам-хан оглянулся на кятиба Хафиза, как бы спрашивая совета.

— Нам не Шайтан-Кала, нам эмир нужен, хан, — ответил тот, поняв немой вопрос.

— Едем в Кашан! — скомандовал хан и повернул назад, даже не взглянув на есаула.

Кашан был недалеко отсюда, за лесом. Отец когда-то отдал этот город во владение Хаджи-углану. Получив титул эмира, Хаджи перевез сюда свою семью и начал собирать мастеров. С помощью этих людей он поднял и укрепил Шайтан-Кала. Сначала наладил медеплавильное производство, потом приступил к литью чугуна. Под его началом работают большие знатоки своего дела. Кузнецы довольны им. Положенную долю он аккуратно отправляет Ильгам-хану. Но хан, тем не менее, не покидает беспокойство. Ему хотелось бы знать, почему брат не дает ему столько железа, сколько необходимо для торговли. Об этом хан писал брату, посылал к нему гонца, но вразумительного ответа не получил.

Если он великий хан, то все должно быть сосредоточено в его руках. Хан мечтал стать настоящим хозяином в своей стране, но у него не получалось — старший брат упорно сопротивлялся его желанию. Став правителем Булгарии, хан многое понял. Например, оказалось непросто добиться расположения людей. Назваться ханом нетрудно, трудно обеспечить безопасность своих подданных, править народом, вернее, жить в дружбе с ним. Сохраняя дистанцию, все это очень непросто. Его первой самой большой ошибкой было то, что выбрал себе в друзья князя Юрия, на поддержку которого возлагал слишком уж серьезные надежды. Урусы разграбили, сожгли Ашлы, угнали в плен народ. Он, великий хан,

не пришел на помощь; эмир Хаджи тоже опоздал, задержался на переправе. Его сын Джаббар остался без поддержки. И вина за все это лежала на нем, Ильгам-хане. Хорошо еще, об этом никто не знает, иначе худо было бы ему.

В воротах Кашана их снова встретил есаул эмира Хаджи, проводил до дворца. Сам эмир встретил их на крыльце с распростертыми объятиями. В Ильгам-хане такая приветливость брата, которой он никак не ожидал, заронила подозрение. Когда вошли во дворец, поразивший хана своим необычным видом, рядом с эмиром Хаджи встала молодая очаровательная женщина. «Так вот она какая, дочь Якубека», — подумал хан.

В бороде эмира проступала легкая седина, но он, как всегда, был строен, прям, и голос звучал уверенно. Правду сообщали хану: исчезновение Акбике не опечалило брата — живет в свое удовольствие. Люди менбаши Таймаса во всех подробностях доносят Ильгаму о том, что происходит в этом дворце, но хану любопытно было все увидеть своими глазами. Знает ли Хаджи о возвращении Гали углана? Интересно, как воспримет он эту новость? Скорее всего, знает. Догадывается небось и о том, почему он, великий хан, пожаловал к нему сегодня. Приехал, не побоялся унизиться перед ним. Ну и пусть, пусть — в мыслях у него нет ничего плохого, хочет лишь посоветоваться, как им вместе встретить врага...

— Дождь прошел. Не трудно ли было в пути? — спросил брат.

— Ничего, не сильно промокли.

— Может, в бане сперва погреетесь? Ты как, кятиб Хафиз? — эмир оглянулся на ханского секретаря. — Что думает об этом великий хан?

— Не надо так со мной, абам, — сказал Ильгам-хан. — Мы же с тобой дети одного отца и одной матери...

— Ладно, ладно, улуг хан, ты прав. Верно ли я говорю, Зулейха, прав брат мой Ильгам или нет?

— Прав, прав, мой эмир, — сказала женщина. — Мне давно хотелось увидеть улуг хана.

Она прошла в комнату и, повернувшись к ним, пригласила хана сесть на почетное место.

— Спасибо, благодарю от всей души, — Ильгам-хан сел на взбитую атласную подушку.

— Хансияр тоже здесь, он ученик Зулейхи, — сказал

эмир Хаджи. — На редкость толковый отрок, мне очень нравится. Не устаю удивляться, глядя на него... Ладно, оставим разговоры на потом, а теперь — в баню. Пойдемте, пойдемте, там ждут вас. Пойдем, Хафизжан, сразу почувствуешь прилив сил, легкость во всем теле...

В баню их сопровождали двое слуг. Впереди шел кятиб Хафиз, говоря:

— Много грехов отмыл я в этой бане, и вот снова пришлось.

— Уж если ты себя грешником считаешь, кто же тогда ханы?

— Я книгу пишу, хан. Слово хана, что стрела, — летит, вонзается и замирает. А то, что пишу я, это навеки, и топором не вырубить. Напишу лживую историю, народ во лжи жить станет.

— По мне, так ты и мухи не обидел, кятиб Хафиз. На гречанке женился? Так только за то, что она сняла с себя крест и наши молитвы читать научилась, в раю тебе уготовано почетное место.

— Аминь, хан, да будет так! Если на то пошло, то и ваше место в раю будет, ведь тоже на крещеной женились. Марьям хоть намаз и не читает, а все же не забывает славить Аллаха.

Ильгам-хан промолчал. Сколько раз замечал он, как Марьям крестится на угол, но притворялся, что не видит. Правда, с годами она креститься перестала и даже в мечеть ходит с женами мулл. Совесть его чиста, ни разу не говорил он с женой о религии, ни на чем не настаивал, все предоставив ее собственному выбору. Хочет креститься, пусть крестится; хочет в мечеть ходить, пусть ходит. Для него это не так уж и важно. Но совершенно равнодушным оставаться он тоже не мог. Он один знает, как приятно видеть ему свою бике среди мусульманских женщин. Однажды какой-то дервиш сказал ему: «Бог для детей Адама не религия, а любовь». Ильгам-хан поправил его: «Это для безгрешных детей Адама бог — любовь, а не религия». Дервиш, с удивлением посмотрев на хана, сказал тогда: «Я встречал много шейхов с умом хана, но хана с умом шейха вижу впервые».

Ильгам-хан долго пребывал под впечатлением слов дервиша. Он вовсе не считал себя человеком выдающегося ума, но к словам умных людей прислушиваться любил и всегда с сожалением думал о том, отчего же сам он не умеет высказываться так же свободно и глубоко.

В предбаннике в лицо пахнуло горячим паром. Хан снял одежды и прошел в следующее помещение. Там слуги готовили березовые веники, держа их над паром. Хан вытянулся на полке и замер от ощущения полного блаженства. Казалось, он чувствует, как горячий воздух насыщает поры, грудь наполняется березовым ароматом, дышать стало легко и приятно.

Все тело покрылось испариной. Ильгам-хан взял веник и начал им хлестаться, но слуга попросил отдать веник и повернуться на живот. Сначала он прошелся веником по спине, едва касаясь кожи, потом начал похлопывать все сильнее и сильнее. Обдав хана холодной водой и смахнув веником остатки воды на пол, слуга попросил лечь на спину. Ильгам-хан повиновался. Наконец, распаренный и покрасневшийся, он, тяжело дыша, вышел в предбанник и в изнеможении лег на саке, застланное простыней. Другой слуга принес холодного кумыса.

— Не спеши, — сказал ему хан, — дай отдышусь немного!

— Может, медовухи желаете? — спросил слуга.

— Нет, ни кумыса, ни медовухи не надо, принеси-ка мне чая с душицей, если можно.

Подали чай. Завернувшись в белую простыню, хан, обливаясь потом, принялся пить горячий чай.

Брат Хаджи жил просто, без затей. Баня бревенчатая, небольшая, но все в ней на месте. У него приятная и умная жена (по глазам видать, что умная). Учит племянника Хансияра, сына Назлыгюль. Иначе и быть не могло, ведь она дочь Якуб-бека, которого в Бургарии считают мудрейшим из мудрецов. Слов нет, брат во много раз счастливей его в семейной жизни. Это видно уже по тому, как он относится к жене. Ильгам-хан тоже доволен своей Марьям, но, увидев жену брата, вдруг почувствовал, как в глубине души шевельнулось чувство, похожее на зависть. Впрочем, женщины не просты, для мужчин они всегда загадка. Скромная, тихая на вид женщина на самом деле может оказаться вольной кобылицей, не привыкшей никому покоряться, или тайно хранить в сердце любовь к кому-то другому. Про Марьям-бике тоже говорили, что на родине у нее остался любимый. Несмотря на это, бике любит мужа всей душой. Мужчина чувствует, когда он любим. И все же порой кажется ему, что бике вспоминает изредка того парня из своей юности. Но Ильгам-хан

спокоен, он знает, что от этого ничего не изменится, судьба давно свела их и крепко связала друг с другом. Они уже не молоды, стали дедом и бабушкой, однако душа по-прежнему молода, по-прежнему рвется куда-то.

— Ну что за мысли у него в голове, забыл разве, чего ради он здесь?

Ильгам-хан окатил себя водой, молча вытерся и, торопясь, вышел из бани. Кятиб Хафиз догнал его. Он, возможно, больше хана волновался из-за предстоящего между братьями разговора. Кятиб знал, что вынудило Ильгам-хана пойти на сближение с эмиром.

— Хан, — сказал он, шагая рядом с ханом по дорожке, — думаю, не стоит говорить эмиру про Кул Гали.

— Мне не до Кул Гали, кятиб. Он теперь в Булгаре, ну и пусть живет там. А если хочет, может перебраться к отцу в Кашан.

— В Кашан он не поедет, хан.

— Почему?

— Он в юности был влюблен в Зулейху, жену отца. Если, конечно, правда то, что о нем рассказывают. Кул Гали — шейх, поэт, сердце его в руках Аллаха.

— Кятиб мой, — Ильгам-хан замедлил шаги, — к чему ты мне все это рассказываешь? Голова моя полна совсем другими заботами. Решается судьба моей страны. Всей страны.

Эмир Хаджи встретил их и проводил в парадную комнату. Там все уже было готово для трапезы. Вокруг хана суетились служанки: одна подала ему полотенце, другая — мягкие носки, третья накинула на плечи джилян.

— Рахмат, рахмат, — сказал им Ильгам-хан.

Сели ужинать. Зулейха разливала чай, а эмир Хаджи налил брату кумыса, угощал кятиба Хафиза:

— Не стесняйся, Хафизжан, милости просим! Проголодались, наверное.

Еда была разнообразная. Ильгам-хан ел все подряд, уговаривать его не нужно было. После бани он чувствовал себя превосходно. Ощущение легкости тела передавалось и состоянию души. Он пригубил кумыса, выпил вишневого компота, съел яблоко. Насытившись, вытер руки о полотенце, поданное служанкой, и обвел сидевших за столом взглядом.

— Абам, ты, верно, еще не догадываешься, по какому поводу я здесь?

— Догадываюсь, хан, догадываюсь. Слушаю тебя.

— Уж и не знаю, кара ли это Аллаха или еще что, только на нас идет страшный враг, какого мы до сих пор не видавали. Это кочевники. Они разгромили войска армян с грузинами, пройдя сквозь Железные ворота, разметали аланов, после аланов — кипчаков. Кипчаки объединились с урусами, так их тоже разбили наголову, князей предали мучительной смерти. И теперь не спеша, делая привалы, чтобы пасти лошадей и стада, продвигаются к нам. Посоветуй, абам, что делать — дожждаться ли их в городе или выступить навстречу.

— Слышал я о Чингисхане, сыне багадур Езукая. Он покорил много стран. Хочу сказать, что знаю кое-что об этом нашествии. Думаю, кятиб Хафиз мог бы рассказать больше, ведь все новости проходят через его руки. Что скажешь, Хафизжан?

— Об этом народе, эмир, говорят по-разному, Если в прошлом году рассказывали одно, то в этом году — совсем другое. Известно, что сегодня Чингисхан в Гулистане, на земле Улуг Мухаммата. Мы точно знаем, что Улуг Мухаммата нет в живых. Говорят, Чингисхан теперь воюет с его сыном Джалалетдином. Войско, которое идет на нас, возглавляет нойон Джабай. Его целью было взять в плен Улуг Мухаммата. Он знает, что шах умер, однако назад не повернул. Разделавшись с объединенным войском урусов и кипчаков, продвигается сюда. Трудно сказать, с какой целью... Судьба страны в ваших руках, угланы Салим-хана. Могу сказать вам только это.

Ильгам-хан еще в детстве и после, когда стал взрослым, с некоторой завистью слушал своего учителя, который умел стройно излагать мысли.

— Предлагаю пройти к карте, — сказал эмир Хаджи вставая. Хан с кятибом последовали за ним. Эмир отодвинул занавеску на дальней стене, за которой находилась карта. — Где теперь это войско, кто знает точно?

— Думаю, приближается к Идели, — сказал Ильгам-хан. — Вот здесь должно быть!

— Давайте решим сперва, где встретим врага, — сказал эмир Хаджи, — до Идели или после того, как он переправится через реку?

На карте брата с большой тщательностью были начертаны большие реки и малые речушки. Вот его города, а в стороне — города урусов. Вот Саксин, Суар, Сумбуль, Бря-

химов, Булгар, Джукетау, Тубылгытау, Кашан. Есть на карте и Казань. Даже некоторые аулы значились здесь. Граница с землями урусов идет по реке Сура, а между булгарами и кипчаками определенной границы нет. Эти два народа давно живут вместе, у них много общего.

— Я бы встретил врага на правом берегу Идели, — сказал Ильгам-хан. — У них около трех тюменей войска. Говорят, сражаются они умело.

— Наши воины несколько не хуже, хан, — возразил эмир Хаджи, — нам надо узнать, в чем секрет их побед.

— Воюют верхом, пеших воинов у них нет, — уточнил хан. Эмир Хаджи прошел до угла комнаты и обратно:

— Опасный враг, дело даже не в численности. Да, быются хорошо, иначе не смогли бы завоевать полмира... Может, нам тоже следует объединиться с урусами, великий хан, по примеру хана Кончака? С Владимиро-Суздальским княжеством?

Ильгам-хан не ожидал от брата таких слов.

Присвоив Калачык, князь Юрий сразу же приступил к строительству большой церкви. Узнав об этом, брат отправил в городок шейха Татеша, чтобы посмотрел, не притесняют ли там мусульман. Шейх, по-видимому, вернулся с неутешительной вестью, и эмир Хаджи написал тогда хану возмущенное письмо. Прочитав его, Ильгам-хан не мог уснуть две ночи подряд. «Ты уж князьям продаваться стал!» — обвинял его брат. И пригрозил: если хан еще раз посмеет отдать урусам хотя бы пядь земли, эмир Хаджи станет его заклятым врагом.

И теперь этот человек предлагает объединиться с князьями урусов. Как же тут не удивиться?

Хан долго молчал, ему хотелось до конца понять, чего хочет брат.

— Я приехал к тебе, абам, с просьбой. Со своим врагом, думаю, мы и сами справимся. Если придут урусы, то потом прогнать их будет невозможно. Калачык-то присвоили, будто сами построили его. Я не хотел бы объединяться с ними, абам. Городок тот нам теперь уж не вернуть...

— Как знать, как знать, великий хан. Но я только посоветоваться хотел. Нет так нет.

— Хотел я, абам, услышать от тебя слова одобрения вот по какому поводу. Багадура твоего Джик Мергена я отправил на войну с врагом, чтобы внезапными вылазками держал в страхе, не давал ему покоя.

— Мне это известно, великий хан. Дам тебе еще тюмень своего войска. Последний тюмень все же себе оставлю — на случай, если урусам вздумается напасть на нас. Такое уже случалось! Ну как, договорились, великий хан? На празднике твоём не смог быть, извини, — работы много. Но за приглашение спасибо.

— Нам давно следовало объединиться, абам, — сказал Ильгам-хан растроганно.

— А кто же разъединил нас? Вынужден повторить то, что я всегда говорю: желаю свободно и самостоятельно править своими городами, народом своим. Вот и все. То же самое я и бекам, и тарханам говорю: у себя вы сами хозяева. А что до безопасности и защиты страны, все мужчины, джигиты, у которых есть кони и оружие, обязаны всегда быть начеку, по первому зову ехать в главный мой город. Отец силой желал меня подчинить, заставить воевать против воли. Это в обычае князей урусов — жить за счет войн. Мне это чуждо, я предпочитаю строить, а не разрушать. Ты тоже был с войском в Шайтан-Кала и что вышло? В Казань послал главного своего сборщика налогов. Я обрил ему усы и бороду, посадил на жеребую кобылу и отправил назад. Потом от твоего имени прибыл ко мне мудрец Нисбах, совершивший хадж. За него спасибо, я его у себя оставил. Он теперь в медресе детей обучает. Голова его полна знаний. А мы так плохо знаем свою историю. Между тем история — это будущее народа, великий хан. Я и про Ашлы мог бы сказать, да ладно уж, промолчу. Хочу дать тебе, энем, совет: не плюй в колодец, из которого пьешь. Я все простил тебе. Ты ведь знаешь, я вооружаюсь. «Хочешь жить спокойно — вооружайся» — так говорили у нас в старину. Есть у меня огнемёты, каких нет у кочевых племен. Сейчас пытаемся приладить это оружие к повозкам. Посмотрим, что получится.

Ильгам-хан слушал, повесив голову, не смея поднять на брата глаза. Он сердился, совесть его страдала, сердце билось громко и часто. Он был сбит с толку, не знал, как вырутиться из неловкого положения. Брат ведет себя так, словно он судья ему. По какому праву?! Кто здесь великий хан — он или брат его?!

— Я, абам, приехал за помощью. Надеюсь, завтра или послезавтра тюмень твой будет в столице, — сказал он наконец.

— Будет, улуг хан, обязательно будет. Слово — закон. Ильгам-хан взглянул на Зулейху, пытался улыбнуться ей.

— Может, еще чаю? — спросила она. Голос ее ласков, нежен, чист, звучит спокойно.

— Спасибо, джингачай, выпью, если нальешь!

К чаю подали ягоды, фрукты, сотовый мед. После нелегкого объяснения с братом Ильгам-хан, к своему удивлению, почувствовал жажду и чай пил с наслаждением.

— Легкая рука у джингачай, — пошутил он, — меня сразу же прошиб пот.

* * *

На обратном пути к дому Ильгам-хан не проронил ни слова. Кятиб Хафиз, который у эмира был очень разговорчив, казалось, тоже проглотил язык. За чаем Ильгам-хан заметил, что кятиб частенько поглядывает на Зулейху-джингачай, пытается даже говорить с ней, расспросить о чем-то. Уже подъезжали к Булгару, когда хан спросил его об этом:

— Ты давно знаком с джингачай, Хафизжан?

— Дочь Якуб-бека открыла в Булгаре первое медресе для девочек. Эмир Хаджи женат на образованной женщине. Везет ему!

— Я спросил, давно ли вы знакомы.

— Уж не помню, хан. Раньше я ее видел, но это было так давно.

— Почему же ты не говорил с ней о прежних встречах?

— Мне было неловко, хан. Ведь речь шла о судьбе страны, как же я мог в это время предаваться незначительным воспоминаниям? Хотелось мне узнать, какие книги она прочла. Эта женщина, хан, усовершенствовала азбуку шейха Татеша и, размножив ее, раздала детям в медресе. Эмиру не следовало жениться на ней. Человек, способный принести своей стране большую пользу, должен быть свободен от всего, даже от брачных уз.

— Абам один остался, наверное, пожалела его. Говорят, когда к любви женщины примешана жалость, она бывает особенно крепкой. Думаю, он правильно поступил, женившись на ученой женщине.

— Пусть у них в доме всегда будет мир и лад. Желаю этого им от всей души!

— Завтра меджлис, а потом я уйду со своим войском на войну. Дворец на тебя оставляю, кятиб Хафиз.

— А визирь Камай как же?

— Его я заберу с собой, — ответил хан и, стегнув коня плеткой, помчался к городским воротам.

* * *

Очаг в шатре потихоньку угасал. Ветер упругой струей задувал в верхнее отверстие и поднимал пепел; было слышно, как в реке журчит вода, где-то поблизости раздалось короткое конское ржание, кого-то окликнули, подзывая к себе. Вдали послышался конский топот. Он становился все ближе, пока всадник не остановил коня возле шатра. Послышался голос:

— Хан здесь?

— Хан давно ждет вас, багадур, — ответил стражник.

— Я багадур Джик Мерген, — сказал прибывший второму стражнику и, откинув полог, вошел в шатер.

Ильгам-хан, сидевший перед очагом, поднялся навстречу, протянул руки.

— Добро пожаловать, багадур, садись!

Джик Мерген сел напротив хана, взяв шепку, помешал в золе. Очаг вдруг ожил, вспыхнул огонь. Хан подбросил хвосту.

— Хан, враг стал передвигаться только по ночам. Днем отдыхают.

— Значит, придется делать налеты при свете дня.

— Прямо посреди бела дня?

— Посреди бела дня, багадур. Днем люди бывают менее осторожны. Бачман-багадур тоже здесь, ждет гонца. Начнет налет сразу, как получит от тебя весть. Субадай-багадур я тебе поручаю, Джик Мерген.

— Слушаюсь, хан! Среди врагов, как оказалось, немало людей из родственных нам тюрков.

— Надо бы как-то переманить этих воинов на нашу сторону, багадур.

— Торговец Биккол во вражеском стане, присылает нам разнообразные сведения. Субадай-багадур, как оказалось, частенько ссорится со старшим братом своим, нойоном. К жене Субадая ходит повитуха. Старуха эта — человек Биккола. Очень много полезного сообщает нам. Двоих воинов Суба-

дая взяли было в плен, так они удушили себя, чтобы не поговориться. Джабай-нойон завтра собирается начать переправу через Идель. Успеет ли, ведь он только приближается к Жигулат тау? Идет впереди, торопится. Субадай идет замыкающим. Он так решил после того, как у них стали пропадать возы. Если тюмень Джабай-нойона будет двигаться всю ночь, думаю, к утру упрется в Идель.

— Джабай-нойона встречу я. Ты, Джик Мерген, отвечаешь за Субадай-багадур. Делай с ним что хочешь — убей или возьми в плен!

— Багадур чувствует что-то, беспокоится — то к брату скачет, то дозорного к себе зовет, то менбаши своих собирает.

— Так, значит, решено: действовать будете днем. Ночью они в походе, а днем будут отсыпаться. Им предстоит перебраться за реку, а дело это непростое. Вот тут-то мы и нагрянем как гром среди ясного неба на стан Субадай-багадура! А Бачман-багадур ударит с другой стороны. Если все получится, как мы задумали, багадур, разобьем их с помощью Аллаха.

Ильгам-хан добавил хвороста в огонь и расстелил на кошме карту.

— Думается мне, Субадай-багадур должен остановиться возле этого ручья. За ручьем густой кустарник. Бачман-багадур начнет наступать оттуда, а ты со своими лучниками укроешься за этим вот осинником. Знаю, багадур, враг коварен, опытен, не в первый раз в битву вступает — не растеряется, не скоро сдастся. Но если не станет Субада, менбаши трудно будет сплотиться. Я надеюсь на это. Перевозчики уже прибыли на реку и остановились вот на этом месте.

— Кто перевозчиков захватит?

— Булат-углан.

— А может, позволим им переправиться, хан?

— Нет, надо действовать до переправы. Пусть часть начнет переправляться, остальные же останутся на этой стороне. Бачман-багадур того же мнения.

— А он придет сюда?

— Сейчас должен быть.

Тут же за топотом и ржанием коня послышался низкий голос Бачман-багадура.

— Ну вот и он! Долго жить будет, — сказал хан.

— Ассаламагалеюкум, братья! — Бачман-багадур вошел и пожал руки хану и Джик Мергену.

— Вагалейкумассалам, багадур, садись! Джик Мерген согласен, значит, завтра же и начнем. Да, начнем с помощью Аллаха. Пусть случится то, что должно случиться.

— Дай-то Аллах, дай Аллах, — кивнул Бачман-багадур. Стража моя столкнулась случайно с дозорными Субадай-багадура. Произошла драка. Хотя убитых и нет, раненых много. Они хорошо дерутся, хан. Я думаю так, — Бачман-багадур склонился над картой. — Буду отступать в горы, хан. Поменяемся с ними местами. Вам с вашим войском лучше поддержать Джик Мергена. Я стану отступать с боем. Как только враг окажется между гор, другая часть моего войска закроет ему путь к отступлению, и он окажется в ловушке. Не спрашивайте, хан, почему. Так надо! Нам важно избавиться от Субадай-багадура. У него самые яростные, испытанные воины. И у вас тоже. С Субадаем драться придется на открытой местности, мне это может оказаться не под силу.

— Согласен, багадур! Еще до рассвета перемещусь с войском туда, где стоит твоё войско. Как только солнце покажется из-за гор, начнем наступление.

— Вот этого-то и не нужно, хан. Воины, которые будут идти всю ночь, должны выспаться. Придется подождать, — возразил Джик Мерген. — Как только Субадай ляжет отдыхать, я дам знать — помашу флагом. Две тысячи стрелков брошу на обоз Субада. Багадур с некоторых пор не оставляет свой обоз без присмотра.

— Награбленное золото небось охраняет, — усмехнулся Бачман-багадур.

— Судьбу нашу, багадуры мои, решит внезапность нападения.

— Потому мне нужно не менее трех тысяч лучников. Их должны сопровождать метатели копий и воины с саблями, которые бросятся в атаку с двух сторон, — сказал Джик Мерген.

— Все должно произойти быстро, чтобы Субадай не успел прийти в себя. Вложи в этот бросок все свое умение, багадур! В тот же час Бачман-багадур должен завязать сражение с войском Джабай-нойона и начать отступать.

— В местах привала враг выставляет охрану через каждые пятьдесят шагов, хан, — сказал Бачман-багадур.

— Ночью — да, а днем, Аллах даст, не будет охраны. Где же теперь их разведка?

— Главный караульный Тагарил со своими теперь спешно переправляется на другой берег Идели. О стычке с охраной Бачман-багадура он еще не успел рассказать Субадаю.

— Выходит, Тагарилу известно, что мы здесь? Надо, чтобы до нашего наступления он не виделся с Субадаем. Бачман-багадур, теперь же отправь туда своих людей! Пусть любыми путями не подпускают его к багадуру. Перекрой путь, дерись, но не подпускай. — Ильгам-хан встал и, упершись руками в бока, сделал несколько наклонов вправо и влево.

— Ну, багадуры, доверимся воле Аллаха...

* * *

Конь под Ильгам-ханом приплясывал, не желая стоять на месте. Войско свое хан спрятал за холмом. Впереди выставил дозорных, за ними — отряд всадников. Ильгам-хан очень надеялся на них. Это были опытные воины, принимавшие участие во многих сражениях. Враг продвигался всю ночь и теперь собирался отдохнуть. Показалось солнце, внезапно поднялся ветер. Он донес запах свежего навоза, но уставшие монгольские воины не обратили на это внимания. Если бы кому-то из них вздумалось заглянуть за холм, он навеки остался бы лежать там, сраженный меткой стрелой болгарского лучника. Эти мергены-охотники без промаха попадали в глаз птицы.

Поступило сообщение от Бачман-багадура: Джабай-но-йон тоже остановился на привал, немного не дойдя до реки. Торговец Биккол предложил ему девушек, но он почему-то отказался, говоря, что прежде надо выбраться на другой берег. Хан поблагодарил гонца, доставившего эту весть.

Ильгам-хан не спускал глаз со своих дозорных. Они первыми должны были увидеть сигнал Джик Мергена и в свою очередь просигнализировать хану.

Конь хана никак не хотел успокоиться — фыркал, кивал головой. Впрочем, не он один. Все десять тысяч лошадей за спиной хана вместе со всадниками были взволнованы. Ильгам-хан слышал, как громко и трепетно бились их сердца. Все продумано и выверено сорок раз, но покоя на душе все равно нет: а вдруг что-то не удалось рассчитать или события станут развиваться не так, как было задумано.

Лучи солнца, пробившись из-за горных вершин, осветили макушки деревьев и, протянувшись дальше, заглянули за холм,

где пряталось войско хана. Погоняя коня, к хану подлетел один из дозорных. Конь его был в мыле, пена из-под брюха летела на дорогу, сердце животного стучало так громко, что его было слышно.

— Хан, Джик Мерген-багадур начал наступать!

Не успел он договорить, как из-за гор послышалось:

— Ур-р-а-а-а!

Хан поднял руку, посылая войско вперед, и погнал нетерпеливого коня на вершину холма.

Лавина, сплошь состоящая из шлемов и копий, потекла за ним на холм и с бешеной скоростью сорвалась вниз. Впереди, возле возов Субадая, уже кипела битва. Увидев невесть откуда взявшихся болгар, часть вражеского войска пошла им навстречу. Однако лавина, катившая с холма, смяла их и разбила на две части. Многоопытное войско монголов повернуло вспять и обратилось в бегство, надеясь, как всегда, увлечь за собой противника обманом. Но, к их несчастью, Субадай-багадур не было видно, менбаши же бестолково бросались то туда, то сюда, а потом дружно рванулись к реке.

Конь Ильгам-хана летел вперед, прижав уши и вытянувшись стрелой. Вот скачут навстречу враги — они встретились лицом к лицу, готовые к битве. Поднялись густые клубы пыли. Передние отряды столкнулись, началась жестокая рубка, рекою полилась кровь. Ильгам-хан скакал с саблей наголо. Увидев надвигавшихся на него врагов, он переложил саблю из правой руки в левую и погнал коня правее. Озадаченные таким его поведением враги остались слева, головы лошадей поравнялись. Ильгам-хан изо всех сил рубанул одного всадника саблей — клинок обагрился кровью. Не оглядываясь, он провел таким же маневром еще одного воина, но третий оказался хитрей: хан был уже у цели, когда враг внезапно поднял коня на дыбы. Копье хан увидел в последний миг: оказалось, спрятавшись за коня, враг собирался пронзить его. Один из телохранителей хана успел выстрелить из лука и попал в коня, который, дрогнув, заржал и повалился на бок. Его хозяин однако успел метнуть копьё. Пролетая, оно задело шлем Ильгам-хана. Оглушенный, словно ударом молота по голове, хан уткнулся лицом в гриву коня. Его тут же окружили телохранители, стреляя из луков в каждого, кто пытался приблизиться.

Ильгам-хан быстро пришел в себя и поднял голову. Вок-

руг стоял лязг и скрежет железа, слышались страшные вопли, громкое ржание.

— Вперед, вперед! — закричал он, взмахивая саблей.

Телохранители едва успели отскочить в сторону.

Хан увидел перед собой еще одного вражеского воина. Узкоглазый верзила с густыми бровями, приплюснутым лицом и козлиной бородкой бешено неся на него. Хан перекладывал саблю из одной руки в другую, но монгола это нисколько не смущало. Он держался настолько уверенно, что хан невольно поводил по сторонам глазами, ища поддержки, но его телохранители всем скопом отбивались от наседавшего врага. Они оказались в самой гуще вражеского войска. Надо было пробиваться вперед, и они прошли бы скопище врагов насквозь, если бы летящий им навстречу монгольский воин внезапно не вскочил обеими ногами на седло и не нацелился на хана копьём. «О Аллах, — успел подумать хан, — защити, если ты есть на свете!» В какой-то миг ему показалось, что он чувствует, как копьё пронзает ему грудь, но в последнее мгновение человека, стоящего на седле, сразила стрела. С торчащей из груди стрелой он кубарем скатился на землю.

Ильгам-хан вдруг почувствовал огромный прилив сил.

— Ур-ра-а-гыз! Окружайте! — закричал он изо всей мочи и помчался вперед, рубя врагов саблей налево и направо. Неожиданно он выскочил в пустоту — вражеская цепь наконец была разорвана. Хан повернул назад и снова закричал:

— Ур-ра-а-гыз!

Булгары стали окружать врага. Копыта коней, ударяясь друг о друга, высекали искры подковами, брызги пены, летевшей из оскаленных конских пастей, падали на шлемы воинов. Мелькали перекошенные лица вопивших, рычавших людей, слышались предсмертные стоны, хрип, голоса, зовущие кого-то, в воздухе стоял запах крови, на земле среди людских тел валялись кони со вспоротыми животами.

Наконец враг побежал. Булгары бросились преследовать его. Монголы скакали прочь, рассыпавшись по всей местности, догнать их было трудно. Но и оставшихся лежать было так много, что и не счесть.

Когда битва стала затихать, Ильгам-хан поднялся со своими телохранителями на холм, чтобы окинуть взглядом поле боя и руководить дальнейшими действиями своего войска. Еще совсем недавно местность эта была пустынной и без-

людной, и вот за какие-то полдня оказалась усеянной телами воинов и лошадей. Битва еще не кончилась. У врагов, попавших в окружение, отбирали оружие, тех же, кто еще оказывал сопротивление, расстреливали из луков. Враг бежал прочь, побросав сотни подвод.

Впервые за много лет монголы потерпели сокрушительное поражение. На другой берег мало кто успел переправиться. Но и те немногие нашли там свой конец.

Возле обозов шла непонятная возня, стоял невообразимый крик. Были видны какие-то старики — бывшие пастухи и повара, женщины, которые не плакали, а истошно вопили, рвали на себе волосы, царапали в кровь лица, проклиная болгар. Ильгам-хан направился туда. Навстречу ему спешил один из охранников.

— Кто они, почему кричат?

— Плохой народ, хан. Лица себе царапают, нас проклинаяют.

— Не стоит обращать внимания! Мы не звали их сюда. Забыли, видно, сколько людей сами погубили. Почему не скажете им об этом?

— Хан, торговец Биккол взял в плен жен Джабай-нойона. Они не хотят повиноваться, кричат, чтобы их хану показали.

— Где Джик Мерген?

— Он поскакал на помощь Бачман-багадуру, хан.

— А где Субадай-багадур с Джабай-нойоном?

— Часть их вырвалась из окружения. Говорят, багадур сильно ранен, а нойон жив и невредим.

Не доехав до обозов, Ильгам-хан спешился, расстелил на земле молитвенный коврик и, опустившись на колени, стал творить намаз, благодаря Аллаха за победу. Увидев это, пленники притихли и с удивлением стали наблюдать за Ильгам-ханом. Они понимали, что жизнь их теперь в руках этого человека. Что он скажет? Вдруг велит перерезать всех?.. Они видели, как нойоны Чингисхана мучают и пытаются пленных, и были не на шутку перепуганы.

Между тем хан возносил благодарение Аллаху, и по лицу его катились слезы радости. Всевышний помог одолеть могущественного врага, не знавшего доселе равных в бою. Слезы, скатываясь по бороде, капали на молитвенный коврик.

Наконец он встал, сунул коврик в притороченный к сед-

лу мешок и, вытирая глаза, посмотрел на пленных врагов, чуждых ему людей. К нему не спеша приближался торговец Биккол.

— Всех в Булгар, — сказал ему хан.

— Аллах велик, хан. Так и поступим. — И торговец отправился к пленным, с тоской ожидавшим решения своей участи.

* * *

Джик Мерген сам обошел всадников, с которыми менбаши Артык должен был совершить налет на непрошенных гостей. Он не стал проверять оружие каждого, проехал лишь шагом вдоль рядов, но на каждом воине постарался задержать внимание, некоторым, кого хорошо знал, улыбнулся. Потом, остановившись возле Артыка, сказал:

— Я надеюсь на тебя, Артык. Твои воины первыми должны ворваться в стан Субада. Пусть лучники целятся в первую очередь в самого багадур. И постарайся захватить жену его.

— Для чего нам эта женщина? Субадай-багадур кровный мне враг, я сделаю все, чтобы прикончить его.

— Мне он тоже кровный враг, но жену все же не упусти. Телохранители багадура окажут нам сопротивление. Воспользовавшись переполохом, надо вывезти кибитку с женой багадура из-под стрел. Он бросится спасать семью, вот тут-то мы и возьмем его. Жена багадура послужит нам приманкой. Да, так и будет, если все пойдет как было задумано.

— Ладно, Джик Мерген, я постараюсь вывезти ее с поля боя.

— Пусть справа и слева от тебя будут самые меткие лучники. Как знать, может, пленница послужит нам еще как заложница.

— Слушаюсь, багадур, постараюсь не упустить ее.

Артык с Джик Мергеном вместе были в бегах, а теперь воюют вместе. Артыку казалось, что Джик Мерген слишком уж предан хану. Он еще не забыл, как воины Салим-хана выслеживали их, словно диких зверей. В то время на них была совсем другая одежда. А теперь на багадуре железная кольчуга, шлем так и сверкает на солнце, даже рукоять оружия вся в узорах. На шлеме красное перо — знак багадурского достоинства.

Так думал Артык-менбаши, провожая взглядом удалявшегося на серо-гнедом жеребце Джик Мергена. Тронув коня, он еще раз окинул внимательным взором своих батыров.

— Вы знаете, что делать, — обратился он к ним. — Мы первые набросимся на стан Субадай-багадура. Нужно засыпать этого человека стрелами. Действовать мы должны очень быстро, чтобы не дать врагу опомниться. Иначе придется туго, вы ведь слышали: еще не было страны, которую они не смогли бы взять. Мы обязательно одолеем их, собьем с них спесь! В другой раз им не захочется к нам.

Артык обратился к молодому всаднику, стоявшему справа от него:

— Ты, Сафакай, не должен видеть никого, кроме вражеского багадура. Пусть каждая стрела будет нацелена только на него. Он будет на буланом жеребце. Хоть в него, хоть в жеребца, лишь бы попал. Я надеюсь на тебя, Сафакай.

— Ни одна стрела не пролетит мимо, менбаши!

Осеннее солнце пригревало спину, кони начали беспокоиться. Артык еще раз оглядел всадников, прятавшихся за деревьями. Им предстоит очень быстро преодолеть расстояние до черты, откуда стрелы смогут долетать до цели, не дать врагу времени сплотиться для сопротивления.

Наконец послышался боевой клич: «Ор! Ор!», эхом прокатившийся по горам и долинам. Артык хлестнул коня плетью и крикнул:

— Вперед!

Выскочив на открытое место, всадники достали луки. Стрелы градом полетели в стан Субадай-багадура. Молодой лучник Сафакай увидел кибитку под желтым пологом. Ему заранее было сказано, что так выглядит кибитка вражеского военачальника. Сам багадур, по-видимому, где-то здесь. Менбаши Артык горячил коня: скорей, скорей, тулшар мой, не подведи!

В стане врага поднялась паника. Ага, вот он, буланый жеребец, значит, багадур здесь! Враги торопливо садятся на коней, хватают луки, колчаны. Некоторые уже стреляют в булгар, встав на колено.

Кто-то падает с коня, чья-то лошадь кувыркнулась через голову. Сафакай пока невредим, скачет впереди. Он посылает стрелу за стрелой. Артык увидел Субадаю, который пытался сесть на коня, вот он уже в седле, подняв плетень, кричит что-то, в это время конь под ним стал заваливаться на бок. Артык раз за разом стрелял в Субадаю. Вот всадники, быв-

шие впереди, уже сошлись с врагом. Началась битва — поднялись крики, полилась кровь.

Телега с желтым пологом выделялась среди других. Артык устремился к ней впереди своих всадников. Обернувшись к ним, закричал:

— Отбейте кибитку, не упустите ее!

Он выстрелил в возчика, который, сидя верхом на впряженной лошади, пытался угнать кибитку, изо всех сил работая плетью. В спину возчика вонзилась стрела, и он свалился на землю. Лошадь, однако, продолжала свою бешеную скачку — кто-то погонял ее изнутри.

— Стой!

Артык настиг кибитку и разрубил полог саблей. Вожжи были в руках старухи, которая, казалось, не видела своего преследователя. Она продолжала погонять лошадь свистом и криками, желая, видимо, одного — умчаться из этого кошмара как можно дальше.

— Стой!

Старая женщина мельком взглянула в сторону Артыка и швырнула ему в лицо кожаную подушку. Конь ошалело метнулся в сторону, менбаши выпал из седла и потерял сознание. Лошадь протащила кибитку через лежащего на спине человека.

С поля боя Артыка вынесли два его воина. Придя в себя, он увидел, что лежит в телеге. Битва стихла, до него изредка доносились голоса людей. Где-то рядом фыркали лошади, тянуло дымом. Стемнело, небо расцветилось звездами, со стороны реки слышалось кряканье заблудившейся утки.

Недалеко от телеги у костра переговаривались воины.

— Жив, что ли? — спросил один.

— Похоже, жив — дышит.

— Стрела попала в него?

— Нет, конь с перепугу сбросил.

— Разве впервой менбаши с коня падать? Не иначе конь затоптал его. В прошлый раз, когда гонялись за разбойниками, один также вот упал с коня, а тот и раздавил его насмерть. Говорили, копыто прямо на сердце пришлось.

— Менбаши не умрет, его оглушило просто.

— Лекарь где? Ты позвал его?

— Сказали, утром будет. Работы у лекаря теперь невпороворот — в ком-то стрела сидит, кого-то саблей рубанули. На то она и война!

- Кто еще в телеге?
- Какая-то женщина с ребенком. Молчит, ни слова не сказала. Прижала дитя к груди и лежит.
- Поесть дал ей?
- Я и сам еще не ел, не до пленной тут. Она якобы вражеского багадуря жена.
- И к чему это на войну жену-то за собой таскать? Чудеса!
- Так они же кочевники, с женами, детьми, со стадом везде мотаются.
- В старые времена болгары тоже кочевали. Будто бы до самой Тамани доходили.
- Я слышал, деды наши в тех краях государство свое имели.
- Я про женщину эту: до чего хороша собой, глаз не отвести! Уж так печально на меня взглянула, аж мурашки по телу побежали. Заворожила она меня, что ли? Хлебом кланусь, все для нее сделать готов.
- Еще бы, на то он и багадур, чтобы красавиц с собой возить! Говорят, народ этот сколько уж стран захватил.
- Тут подошла к ним старуха.
- Когда с телеги своего уберете? — спросила она бесстрашно, удивив воинов своим нахальством.
- Давай иди отсюда, ведьма, не до тебя!
- Если до завтра не уберете, багадуру вашему скажу, он надерет вам зады-то!
- О Аллах, ты только послушай, Бурнай, что эта драная курица лопочет! Что, жене вражьего багадуря места, что ли, мало? А ну ступай, ведьма, иди своей дорогой! — Воин поднялся. — Видишь эту плетку, ее в овечьем сале варили!
- Старуха выхватила плетку из его рук и швырнула в реку. Воин от такой наглости остался стоять с раскрытым ртом.
- Со мной Биккол, ханский торговец, с почтением разговаривает, а ты... Еще молоко матери на губах не обсохло...
- Бурнай, — позвал менбаши Артык, чуть приподнявшись. — Не спорь со старой. Иди-ка лучше сюда, помоги слезть!
- Воин бросился к телеге, но старуха схватила его за полу.
- Не трогай менбаши, не беспокой! Ему лежать надо. — Она подошла к Артыку, погладила по голове. — Лежи, лежи, батыр, ты нам не мешаешь!

Воин вскочил на коня и собрался было ехать, но старуха, изловчившись, схватила коня за узду.

— Куда это ты собрался? А ну-ка слезай, слезай с коня!

Воин и не думал слушаться, а конь, фыркая, попятился от нее назад. Старуха вдруг лихо свистнула и отпустила повод. Конь рванулся, обезумев от неожиданности, и понес всадника как ветер. Второй воин закричал вслед товарищу:

— Гатаулла, куда ты, стой, тебе говорят!

— Чего кричишь? Вернется он, никуда не денется. Так ему и надо, в другой раз не станет обижать стариков! Лучше за костром последи, дров подкинь, — оказала старуха и пошла к кибитке. — А ты ложись, ложись и спи! Спи, спи, не обращай ни на кого внимания! — стала она успокаивать молодую женщину, которая поднялась и теперь сидела в кибитке.

— Боюсь я их, — тихо пожаловалась женщина.

Один из воинов, услышав тюркскую речь, подошел к самой кибитке:

— По-нашему говорят! — удивился он.

— Ну вот, опять плачешь! Просила же тебя: не плачь, пожалей глаза свои. Чего убиваться-то — сама жива, дитя твоё живо!

— Не знаю почему, только мне все время плакать хочется, Будана-эбекей.

— Поплачь, коли так. Поплачь, легче станет. Только по ком плакать-то собралась? По багадуру, что ли? Что хорошего дал он тебе?

— Любил меня, Будана-эбекей.

— Любил, — повторила старуха. — Любил! Да ни веры, ни совести в нем. Тебя любил, а других рубил. Да и жена у него дома. Сам же сказал.

— Жив ли он?

— Что собаке будет? Слышала я, ранен, кишечтины будто бы спасли его. Чтобы спасти эту сатану, тысяча кишечтинов полегла.

Глаза женщины снова наполнилась слезами. Она думала о чем-то, прижав ребенка к груди и тихонько покачиваясь из стороны в сторону. При свете костра ее черные волосы отливали сединой, и смотревший на нее менбаши Артык отметил про себя, что красавица, как ни странно, чем-то похожа на старую Будану.

— Если собрать всю кровь, какую пролил твой багадур,

разлилось бы большое озеро! Нечего лить по нему слезы. Покорми ребенка да ложись. — Старуха уложила женщину, заботливо укрыла менбаши, со всех сторон подоткнув под него меховое одеяло.

— Эбекей, не нужно ли чего менбаши?

— Багадур твой, азат, завтра же встанет на ноги, если Аллаху будет угодно. Возле такой красавицы и мертвый оживет.

— Спасибо, эбекей! — проговорил Артык.

— Ну вот, слава Аллаху, говорить начал. Кумысу дай ему. Есть у тебя кумыс?

— Найдем! — сказал азат и ушел куда-то.

— Будана-эбекей, — снова заговорила женщина, — а ведь он не любил тебя почему-то.

— Не только меня, он и тебя не любил. Держал только ради похоти, иначе зарубил бы.

— Ребенка-то любил ведь...

— Любил, наверное, как не любить. Он от брата не вылазил, ему лишь бы воевать. Думаешь, кто Джабай-нойона на Булгар идти подбил? Он, Субадай твой, будь он неладен! А вспомни-ка, как он грозил тебе: «Смотри, Карлыгач, родишь девочку, за ноги к телеге привяжу!» Так бы и сделал, если бы девочка родилась, чтоб ему костью подавиться, дьявольское отродье! За один присест барана целого сжирает, жирные руки свои о голенища сапог вытирает и теми же руками тянется к ребенку. Кровь хлещет, как собака какая! Тьфу!

— Сначала-то я не могла понять его, а он на тюркском языке говорить научился... Убили его, наверное, Будана-эби, а?

— Сабля не разбирает, кого рубить. Ты жива, ребенок жив, вот и радуйся. Видела же, сколько людей на поле полегло, глазом не охватить. Вон до сих пор таскают. Великий хан своих с почестями хоронить приказал, а врагов оставить на съедение волкам. Теперь уж волков-людоедов намного больше станет. А Субадай твой тюркские слова брезгливо как-то выговаривал: дескать, он благороднее, козел вонючий. Хвастался, что татар перебил, а у самого в тюмене каждый третий — татарин. Да еще тебя, татарку, полюбил. Тебя, тебя, дурочку. Сколько раз ножом его проткнуть собиралась, да рука не поднялась. Думала, сил не хватит, а расплачиваться тебе придется.

— Обещал мне: вот войдем в Булгар, заберем шахскую дочку и вернемся в земли Улуг Мухаммата. Видно, Тенгре не пожелал этого.

— Пойми, дочка шаха — всего лишь предлог, главное для него — грабеж. Это и было его ремеслом. Знал, что Булгар — богатый город, торговцы рассказывали ему не раз. Вот глаза и разгорелись. А вышло так, что на горе себе рвался сюда. Думал, придет и победит. Вот и «победил»!

— Небось и представить себе не мог, что найдет свой конец посреди степи...

— Ладно, давай не будем о нем — противно. Если хочешь знать, говорила я ему, что дочка шаха утонула. Мне торговцы сказывали. Не поверил, сам расспросил. А когда убедился, что правду говорю, пригрозил: «Смотри, старая, если проболтаешься Карлыгач, ни одного зуба во рту у тебя не оставлю!» Да я не очень-то и напугалась — зубов-то у меня и так нет.

— Уж как не хотела отпускать меня Рабига...

— Страшила твой и спрашивать не стал. А учитель? Что сделал с учителем шахской дочери? Не сам ли разрубил пополам?

Женщина не ответила, вспомнив, видно, снова переживала потрясение. Учитель влюблен был в Рабигу. Они целыми днями глаз не сводили друг с друга, от каждого слова заливались румянцем.

— И куда провалился этот азат, ведь за кумысом пошел? Похоже, светать уж начинается, — говоря так, старуха влезла в кибитку и, забившись в дальний угол, закрыла глаза.

* * *

Артык проснулся, когда солнце уже взошло. Азат подал ему пиалу с кумысом.

— Пей, менбаши, я много принес!

Проснувшись старуха и стала смотреть на Артыка, который пил кумыс. Потом широко зевнула, не прикрывая рта, и сказала:

— Налей-ка и мне, азат!

Воин налил и ей. Старуха сперва прополоскала рот, а потом выпила одним духом.

— Может, еще налить, эбекей?

— Мне довольно, а вот молодой матери не помешает по-

пить, — ответила та и показала взглядом на Карлыгач. Молодая женщина не спала. Она села, осторожно слезла с телеги и пошла к роднику умыться. Свежая, в аккуратно повязанном платке, она благодарно улыбнулась джигиту, который протягивал ей пиалу с кумысом, и стала похожа на богиню. Азат дал им всем мяса в деревянных мисках, а потом налил в них шурпы.

— А менбаши снова уснул, — сказал он.

— Пускай спит! Известно, батыр во сне выздоравливает, — отозвалась старуха, пытаясь справиться с мясом беззубым ртом.

Женщина покормила ребенка, стыдливо пряча грудь. Взгляд ее вдруг упал на азата, который стоял в стороне и смотрел на нее.

— Поднеси-ка ребенка к менбаши, — сказала старуха. — Давай, давай, пусть коснется, пусть он почует запах младенца. Это тоже лекарство. А ну погладь, Ташбай, менбаши. По лицу его ручкой, вот так: проснись, мол, батыр!

Азат подошел ближе и стал наблюдать.

— Жена-то есть у тебя, азат, или в холостяках пропадаешь?

— Я молод еще, Будана-эби. Только-только семнадцатый пошел.

— Да ты уже совсем большой. Женись на этой вот ласточке! Видишь, и ребенок у нее есть, и собой хороша. Ну же, не стесняйся, скажи свое мужское слово. Нравится тебе Карлыгач?

— Она красивая, — сказал наконец смущенный парень. — Нравится!

— А коли нравится, ступай надень шлем да посоветуйся с родником. Иди, иди советуйся!

Азат, не зная, как отнестись к словам старой женщины, верить ей или не верить, смотрел то на старуху, то на Карлыгач. Потом вдруг побежал под горку к воде.

— Что же будет со мной, Будана-эби? — спросила молодая женщина, провожая парня взглядом.

— Что может быть? Или во дворце у хана жить будешь, или замуж отдадут. Для такой красавицы, как ты, муж всегда сыщется...

— Кто же возьмет меня? У меня ребенок. Родные места далеко, нет ни отца, ни матери.

— Не говори чепухи! Разве ребенок может быть поме-

хой? Женщина с дитем всегда ценилась. Торговать женщинами теперь запрещено, но если кто захочет купить, всегда найдет, как это сделать.

— Боюсь я. Булгары хотя и турки, но они мусульмане. Живут сразу с тремя-четырьмя женами.

— Кто с тремя-четырьмя, а у кого и одной нет. Можешь прокормить, одеть, обусть — женись хоть четыре раза... Тут свобода у них. Дочка шаха Рабига ехала сюда, чтобы стать третьей женой Булат-углана, сына Ильгам-хана. Да не судьба, как видно...

Менбаши Артык снова проснулся. Некоторое время он лежал тихо. Рядом пленная женщина, привезенная невесть откуда, кормит грудью младенца. Увидев, что Артык открыл глаза, женщина улыбнулась ему как своему. Он протянул руку к ребенку, мать торопливо отстранилась.

— Не бойся, не обижу!

— Я не боюсь, батыр. Только мы же тебя с коня уронили, а ты....

— Да, было такое, — сказал Артык и сел.

— Менбаши встал! — обрадовался азат, хлопотавший возле костра, и подбежал к нему.

— Помоги мне слезть, Буранай!

— А тебе, менбаши, еще рано вставать, — сказала старуха из глубины телеги. — Не трогай, азат, менбаши... Тебя ведь Артыком зовут? Оставь его, азат! Принеси кумысу. Давай, давай неси!

Буранай принес кумыс. Менбаши выпил и снова лег. Ребенок коснулся пальчиками лица менбаши.

— Младенцем пахнет, — сказал Артык.

— Да вот же, кто тебя разбудил, — Ташбай. Руками потрогал и говорит: проснись, батыр.

— Табиб едет! — сказал второй азат.

На небольшой арбе подъехал лекарь. Поздоровался, расспросил раненого о самочувствии, потом велел снять его с телеги и, расстелив войлок, положить на землю. Азаты сделали как было велено. Лекарь раздел Артыка, ощупал его руки, ноги, заставил открыть рот, подергал за веки. После на тер отдельные участки тела какой-то жидкостью, пошлепал по ним ладонями, напоил лекарством. Наконец велел одеть раненого и поставить на ноги.

— А теперь, — сказал он, — осторожно дойди до телеги и ложись!

Менбаши, покачиваясь, подошел к телеге и, ухватившись за нее, медленно влез.

— Завтра поднимешься, менбаши, — сказал лекарь и, поблагодарив азата, который кормил его лошадь овсом, сел в арбу и уехал.

— Сегодня вечером возвращаемся в Булгар, — крикнул он на ходу, — будьте готовы!

— А чего нам готовиться-то? — проворчала старуха. — Мы всегда готовы! — Потом, обращаясь к Артыку, спросила: — Тебя что же, с нами оставили?

— Приведите коней! — распорядился Артык, глядя на своих воинов.

— Счастливая у тебя жена, менбаши Артык, — сказала старуха.

— У меня нет жены, Будана-эби, одинок я.

— О Аллах, так женись вот на Карлыгач! Даже не раздумывай!

Артык скосил глаза на женщину, которая вдруг покраснела до корней волос.

— А что, и женюсь!

— У тебя, наверное, есть кто-то на примете. Как же ты — менбаши, и вдруг...

— Вот чего нет, Будана-эби, того нет. Говорил мне как-то старик один: «Будет соль, сынок, девушка найдется». И соль у меня есть, и все ж...

— Подумай, Карлыгач! И соперницы у тебя не будет. Сама покалечила человека, теперь сама же и вылечи его. Полюбишь всей душой — он и встанет. Известно, любовь — она тысячи снадобий полезней.

— Я бы пошла за него, Будана-эби... Если он не смеется надо мной...

— Ты слышишь, что она говорит, менбаши Артык, женщина, которая чуть не спроводила тебя на тот свет? Соглашайся, не то опоздаешь!

— Я не смеюсь, Карлыгач. Я хоть и не все слова твои понимаю, но сердце подсказывает, что ты хорошая женщина.

Менбаши взял ее ладонь в свою руку и мягко пожал, заглянул в глаза, полные слез.

— Я ночами не сплю, все боюсь, что умрешь...

— Я еще не скоро умру, Карлыгач.

— А этот Булгар ваш далеко отсюда? — встряла старуха в разговор.

— Дня три-четыре ехать надо.

Глашатаи донесли распоряжение хана: пора трогаться в путь. Азаты запрягли лошадей и вскоре отправились в обратную дорогу.

Женщина взяла ребенка на руки и, смущаясь, стала кормить. Артык потянулся, взял ладошку малыша в свою руку и вдруг почувствовал, как на сердце у него потеплело, оно наполнилось каким-то не испытанным до сих пор чувством. Сам не понимая почему, он поднес ладошку к губам своим и поцеловал, с наслаждением вдыхая молочный запах ребенка.

Он снова лег на спину и вдруг вспомнил слова Джик Мергена, что эта женщина нужна хану. В ушах от этого зашумело, мысли смешались в голове. Для чего Карлыгач понадобилась хану? Что он задумал? А если не позволит жениться?.. В ушах стоял звон, сердце билось сильно и неровно...

* * *

Они уже второй день в пути. Артык пытался пройти пешком, но еще чувствовалась слабость в ногах. Зато на душе было хорошо, особенно когда Карлыгач глядела на него и улыбалась. Прошлой ночью она ласково погладила его по лицу, чем привела в трепет. Он долго не мог прийти в себя. Когда они переправились на другой берег, к ним подъехал лекарь. Увидев Карлыгач, спросил:

— Кто эта женщина?

— Жена моя, — без запинки ответил Артык.

Старая Будана усмехнулась, услышав его ответ, а Карлыгач растерялась от неожиданности. Глаза ее наполнились слезами.

— Ну что ж, — сказал лекарь, — хорошо. Поправляйся! Поеду дальше. — Он склонился над Артыком и тихо поинтересовался:

— Пленная, что ли?

— Да...

— Жена нойона, наверное. Только они имеют право возить с собой жен. Ладно, до свидания!

Булгар был уже близко, когда к ним подъехал Джик Мерген. Он спрыгнул с коня и обнял Артыка, который стоял прислонившись к телеге.

— Я перепугался, услышав, что ты ранен, а ты живехонек! Прости, не мог прийти раньше. Мы гнали врага до самого Саксина. Удирать они тоже мастера — вся дорога трупами усеяна. Вижу, женщину в плен взял. Поздравляю!

— Хочу жениться на ней, багадур.

Джик Мерген не сразу понял, о чем говорит менбаши, с удивлением переводил глаза с него на Карлыгач и обратно. Потом рассмеялся:

— В Булгаре у нас девушки перевелись разве, а, Артык? Не говори ерунды! Ну, кто женится на пленнице, да еще с ребенком?

— Я уже женат на ней, багадур.

Джик Мерген отошел в сторонку, походил там, потом вернулся.

— Ладно, оставим это. Ты лучше скажи, как чувствуешь себя?

— Сам видишь, уже стоять могу.

— Ну-ну, я рад. Скоро в Булгаре будем. Народ ждет нас там. Меня хан к себе зовет, туда спешу...

— Привал, привал! — закричали глашатаи.

Азаты распрягли лошадей и отпустили пастись, потом повесили над кострами казаны.

— Как же, дожدهшься вашей еды! — сказала старуха, сползая с телеги. Она взяла два кувшина и пошла к ашчи.

Артык долго смотрел на Карлыгач и сказал:

— Имя-то тебе из-за бровей, видно, дали. Они у тебя как крылья ласточки — кажется, вот-вот улетят.

— Ты не давай меня в обиду, Артык, ладно? Меня увести захотят, а ты не отпускай. Верной женой тебе буду.

— Да я и не собираюсь отдавать тебя, Карлыгач. — Он мягко привлек ее к себе и поцеловал в щеку.

— Будана-эби называет меня пленницей хана.

— Я выпрошу тебя у хана, Карлыгач. Надо будет, встану на колени.

— Я любить тебя стану, Артык. Ты так похож на моего брата, который погиб в бою. Он тоже был решительный, как ты. И он как-то упал с лошади и два дня пролежал в постели.

— Дома у тебя нет никого?

— Весь род наш уничтожил Чингисхан. Меня взяли в плен. Потом продали мусульманам. Так я попала во дворец хорезмшаха. Дочка шаха сделала меня своей служанкой.

— А я родился лишним в семье, потому и называли Артыком.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и каждый чувствовал тепло другого.

— Дай-ка поцелую тебя в щечку, Карлыгач!

— Ребенок увидит. Смотри, он глаз с нас не сводит. Лучше уж я сама тебя поцелую. — Женщина обеими руками притянула к себе его голову и поцеловала в губы.

— Я любить тебя буду, Карлыгач, и Ташбая тоже...

Женщина снова заплакала и долго лила слезы, не в силах остановиться. Артык пытался утешить ее — нежно трепал по спине, целовал в щеку, ощущая на губах ее соленые слезы, и совсем отчаялся, не зная, как ей помочь.

— Эй, вы что там делаете? Подумать только, отойти нельзя! — говоря так, старая Будана поставила на землю два горшка с едой. — Идите сюда, поедим маленько. Я пшенной каши принесла и мяса.

Во время еды Артык то и дело поглядывал на Карлыгач, которая ела, отвечая ему смущенным взглядом. Он знал, что теперь и дня не сможет прожить без нее. Сразу же в день приезда он позовет муллу, который прочтет им никах, и попросит мастера Даурана построить для них дом. За деньгами дело не станет: враг бежал, бросив все свое богатство. Ильгам-хан обещал поделить это добро между азатами, которые участвовали в битве. Видит Аллах, это было бы справедливо!

— Едут! Едут! Едут! Батыры-победители едут!

Ворота крепости распахнуты настежь, подвесной мост опущен. Впереди всех в ворота въехал улуг хан Ильгам на серо-гнедом коне. На нем богатые доспехи, на голове позолоченный шлем с яркими перьями. По сторонам, чуть приотстав, едут два телохранителя. Следом по мосту кокают копытами кони багадуров Бачмана и Джик Мергена, которые едут рядом. Въехав в ворота, Ильгам-хан поднял руку.

— Слава Ильгам-хану! Слава Ильгам-хану! — кричал народ. Еще громче толпа повторяла:

— Слава! Слава! Слава!

Вскоре крики, усиленные эхом, слились в сплошной гул, который покатылся по улицам города, не миновав ни единого уголка.

Прошли воины-победители, потом в ворота въехали повозки с ранеными азатами. Женщины, дети бросились к ним,

окликаая своих мужей, отцов, джигитов. Толпа шла рядом с повозками, крича:

— Тагиржан! Жангерей! Бикбулат!..

Людей прибывало все больше, они плакали от радости, обнаружив своих близких. Воины хотя и ранены, а все же живы!

Кул Гали был в толпе. Услышав крики: «Пленных гонят!» — он пошел к воротам.

Пленных народ встретил молча. Многие из чужаков были босы, с непокрытой головой, без верхней одежды. Глашатаи объявили волю хана: судить их будет народ. То ли от досады, что оказались в столь унижительном положении, то ли по другой причине пленные шагали, опустив головы, пряча глаза. Смотреть на них было неприятно: все казались безобразными — узкоглазые, с плоскими лицами, спутанные волосы достают до плеч, шеи короткие. Сапоги из сыромяти на многих развалились. Непривычные к ходьбе, пленные с трудом переставляли ноги. Из-за их жалкого вида в этих людях трудно было разглядеть непобедимых воинов, поставивших на колени десятки стран.

Среди собравшихся посмотреть на пленных были беженцы, прибывшие из порабощенных монголами стран. Они знали, на какие зверства способны эти люди, видели многое своими глазами, поэтому, наверное, один из них не выдержал, схватил пленного, бросил на землю и стал остервенело избивать. Стражники-азаты насилу оттащили его. Толпа возбужденно гудела.

— Не подходите! Не подходите близко! — кричали азаты и, угрожая плетью, отгоняли людей.

— Да будут они прокляты! Негодяи! Убийцы! — ревел народ.

Пленных прогнали по улицам города. Вид у побежденных был жалкий. Губы их потрескались от жажды, многие, не выдержав, ложились на землю и пили из луж. Те, кто раньше не ведал голода, теперь подбирали в пыли куски хлеба, которые бросали им дети, и не вытирая, с жадностью отправляли в рот. Нельзя было без удивления наблюдать, как быстро сломались эти люди, еще вчера гордые и уверенные в себе.

Пленные, видимо, никогда не видели людей, похожих на болгар. Исподлобья они с интересом поглядывали на женщин в широких платьях с оборками, с янтарными бусами на

шеях, с длинными косами, в которые были вплетены звонкие чулпы из серебряных монет, в калфаках на голове с золотым шитьем. Давно ли они отправляли таких же вот белолицых красоток, связанных веревками, к Чингисхану, а приглянувшихся бросали на землю и, не обращая внимания на их плач и мольбы, насиловали? А теперь Тенгре отвернулся от них. Женщины смотрят с отвращением, а иные, пугаясь их вида, закрывают свои личики концами платков. Все, все вокруг было чуждо пленным. Оказалось, что люди живут здесь в деревянных юртах, в которых разрисованы даже ставни. Им, рожденным в войлочных юртах, выросшим среди домашнего скота, кочевавшим в открытых степях, тешившим душу во время праздников кумысом и аракой, странным казался народ, обитающий среди рек и лесов. Всюду им кричали одно и то же:

— Будьте вы прокляты!

Такого в Булгаре еще не бывало — пленных никогда не водили по улицам на показ. Хан обычно обменивал их на своих или же, переживив, поселял в аулах.

Кул Гали почти весь день ходил за пленными. На душе у него было тяжело, мучило непонятное раздражение. Среди пленных он пытался отыскать монгольского унбаши, который нанес его душе незаживающую рану. Кул Гали до сих пор не мог его простить.

Когда они вышли из Ургенча в Булгар, отряд из десяти всадников догнал их, остановил обоз, отнял все, что у них было. Забрали даже рукописи. Из рук Биккола выхватили дочь шаха. К мольбам торговца они остались глухи и не вернули девушку. Наконец позволили ехать. И тут унбаши, который все это время наблюдал за ними, сидя на лошади, подъехал к Кул Гали. Некоторое время он молча смотрел, криво усмехаясь, потом кончиком сабли снял с него шапку и, разрубив пополам, выкинул. Этого злодею показалось мало, он разрезал все тесемки на его джиляне и приставил саблю к груди.

Кул Гали сидел спокойно, ни один мускул не дрогнул на его лице. Не упал обидчику в ноги, не пытался увернуться. Зато Биккол бросился перед лошадьёю монгола на колени, достал из-за пазухи кошелек. Тот привычно поддел кошелек кончиком сабли, взвесил на ладони, оценивая. Видно, остался доволен, потому что стегнул коня и умчался прочь. Кул Гали смотрел ему вслед, пока тот не пропал из вида.

Взгляд, усмешка монгола, каждая черточка его лица навеки запечатлелись в его памяти. Биккол взял Кул Гали под руку и сказал:

— Чтоб он шею себе свернул, разбойник проклятый!

Вот почему поэт неотступно ходил за пленными, то заходя вперед их колонны, то пристраиваясь в хвост. Он будто видел перед собой руки, зубы того монгола, его одутловатые щеки. Носа будто не было вовсе, зияли неприкрытые ноздри. В щелочках глаз застыла глумливая ухмылка.

— Проклятый! — снова сказал Биккол и повел Кул Гали, который никак не мог прийти в себя, к телеге.

И эти свирепые хватчики сегодня в Булгаре. Помятые, униженные, жалкие, с трудом переставляют ноги.

А народ все кричал:

— Проклятие тем, кто явился с войной!

И Кул Гали вместе со всеми не уставал повторять:

— Проклятие, проклятие жестоким поработителям!

*Казань — Ургенч,
1980 — 1990*

СОДЕРЖАНИЕ

Сказание о Казани и дочери хана. Роман. *Перевод автора*

3

Чертово городище. Роман. *Перевод А.Бадюгиной*

329

Художественно-художественное издание

Хабибуллин Мусагит Мударрисович

СКАЗАНИЕ О КАЗАНИ И ДОЧЕРИ ХАНА

романы

Редакторы *Ч.А.Гайфуллина, Н.И.Максимова*

Художник *Р.Г.Шамсутдинов*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С.Н.Нуриевой*

Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.Н.Максимова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 от 6 марта 2001 года.

С оригинал-макета подписано в печать 24.10.2005.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Kudriashov». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,92 + форз. 0,21. Усл. кр.-отт. 33,18. Уч.-изд. л. 37,73 + форз. 0,36.
Тираж 2000. Заказ А-747.

ГУП Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.